

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

экономические и социальные перемены

№ 3 (169)
май — июнь 2022

СОЦИОЛОГИЯ
ПРОФЕССИЙ

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

СОЦИОЛОГИЯ
НАУКИ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ
ИССЛЕДОВАНИЕ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2022. — № 3 (169). — 393 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

В. И. Корсунова, Б. О. Соколов

Ценностные установки россиян:
сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов..... 4

О. Л. Чернозуб

Двухкомпонентная модель факторов поведения: нужны ли имплицитные
факторы теории запланированного поведения?28

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В. А. Мальцева, И. Е. Сальникова, А. И. Шабалин

Вместо университета — в колледж: что приводит успевающих
одинадцатиклассников в СПО?.....45

П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский

Что ждет студентов после..... 67

МИГРАЦИЯ

М. Л. Ни

Онлайн-сообщества трудовых мигрантов в России и Южной Корее
как цепочки ритуалов взаимодействия.....92

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

Н. В. Лебедева, К. А. Вилкова

Почему девушки не выбирают STEM:
гендерные различия в мотивационных ориентирах 115

Т. Ю. Ларкина

Трудовая полуавтономия российских учителей
в забюрократизированной школе 136

А. В. Ким, Д. В. Мальцева

Профессиональное онлайн-сообщество российских социологов:
тематики обсуждений и структура социальных взаимодействий.....151

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: май — июнь 2022..... 175

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

Е. П. Шеремет

Факторы общественного доверия науке:
обзор эмпирических исследований 189

ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ

Ж. С. Сафронова, Ю. А. Труханова

Развитие краудсорсинга — новый вызов
для российских фармацевтических компаний 212

Д. В. Крылова, А. А. Максименко

Есть ли у российского коррупционера совесть? Особенности принятия
этических решений российскими государственными служащими 230

К. А. Галкин, О. А. Парфенова

Последствия пандемии COVID-19 для организаций культуры 254

МЕДИАСОЦИОЛОГИЯ

Н. С. Первушин

Медиафера в период пандемии COVID-19:
региональные и дискурсивные различия в установлении повестки дня 277

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

К. П. Глазков

В погоне за коллективным иммунитетом: прививочные стратегии россиян
в контексте различных форм принуждения к вакцинации 301

В. В. Радаев

Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской
и постсоветской России, 1980—2010-е годы 327

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

О. В. Забелина

Качество медицинской помощи глазами пациентов:
итоги независимого онлайн-опроса. Часть II 352

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

С. А. Белановский, А. В. Никольская

К дискуссии о фокус-группах 373

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2083](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083)

В. И. Корсунова, Б. О. Соколов

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЯН: СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН-ОПРОСОВ

Правильная ссылка на статью:

Корсунова В. И., Соколов Б. О. Ценностные установки россиян: сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083>.

For citation:

Korsunova V. I., Sokolov B. O. (2022) Value Orientations in Russia: Comparing Evidence from Online and Face-to-Face Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 4–27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083>. (In Russ.)

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЯН: СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН-ОПРОСОВ

КОРСУНОВА Виолетта Игоревна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Рональда Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: vikorsunova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9180-5079>

СОКОЛОВ Борис Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Рональда Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: bssokolov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5151-8147>

Аннотация. Использование онлайн-опросов имеет ряд преимуществ перед традиционными интервью: они дешевле, быстрее, доступнее, а также минимизируют влияние методологических факторов, таких как эффекты интервьюера. Отсутствие последних особенно важно при проведении исследований на чувствительные темы, так как в результате снижается доля социально одобряемых ответов. В то же время онлайн-опросы редко позволяют получить репрезентативные данные, что может приводить к ошибкам измерения и смещению содержательных оценок. В настоящем исследовании сравнивается качество данных офлайн- и онлайн-опросов в России. Для этого материалы двух онлайн-опросов («Ценности в кри-

VALUE ORIENTATIONS IN RUSSIA: COM- PARING EVIDENCE FROM ONLINE AND FACE-TO-FACE SURVEYS

Violetta I. KORSUNOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Junior Research Fellow, Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research

E-MAIL: vikorsunova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9180-5079>

Boris O. SOKOLOV¹ — Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Research Fellow, Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research

E-MAIL: bssokolov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5151-8147>

¹ HSE University, St. Petersburg, Russia

Abstract. Online surveys offer many advantages over traditional interviews, as they are low-cost, less time-consuming, and reduce interviewer effects. The latter feature is especially important since it makes online surveys an effective tool for gathering information about sensitive topics. This may be invaluable when fieldwork is conducted in contexts where one may expect strong pressure on respondents to provide socially desirable responses. However, online surveys have also several limitations. Online samples are typically non-random and non-representative, and therefore may provide biased estimates of various quantities of interest. In this paper we used data from two online surveys, the Value in Crisis and Online-2018, to assess the

зисе» и «Онлайн-2018») сопоставляются с результатами седьмой волны Всемирного исследования ценностей в плане социально-демографических профилей и ценностных установок респондентов (на примере ценностей выбора и ценностей равенства). Показано, что данные онлайн-опросов репрезентативны по полу и возрасту, однако в них представлено меньше респондентов с низким уровнем образования и жителей сельской местности. Вместе с тем результаты говорят о наличии измерительной инвариантности факторной модели ценностных установок между двумя типами выборок, что позволяет напрямую сравнить полученные в ходе онлайн-исследований ценностные распределения с данными офлайн-опросов. В то же время в онлайн-выборках средние значения обоих ценностных индексов выше практически во всех социально-демографических группах.

Ключевые слова: онлайн-исследования, эмансипативные ценности, Всемирное исследование ценностей, ценности выбора, ценности равенства, «Ценности в кризисе»

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Введение

В последние десятилетия онлайн-опросы стали признанным и популярным способом сбора данных в социальных науках. Они имеют ряд важных преимуществ перед традиционными телефонными и личными интервью — как технических (небольшая стоимость, легкость организации и проведения, доступ к большому количеству респондентов), так и содержательных (смягчение так называемых

overall quality of web-based social scientific data collected in Russia. We use data from the 7th wave of the World Value Survey, collected using face-to-face interviews, and from the 2010 Russian Census as benchmarks. We found that both online samples are representative by gender and, to a lesser extent, age. Yet, they had smaller fractions of low-educated and rural-area respondents. Nevertheless, we managed to establish measurement invariance of two sensitive value constructs, choice and equality values, across different survey modes. Substantively, in most socio-demographic groups the mean values of both choice and equality values are greater in online surveys than in offline surveys.

Keywords: online-survey, emancipative values, World Value Survey, choice values, equality values, Values in Crisis

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

эффектов интервьюера и снижение доли социально желательных ответов) [Evans, Mathur, 2018; Van Selm, Jankowski, 2006]. Однако у них есть и ряд недостатков, в первую очередь — проблемы с репрезентативностью.

Большая часть исследований, оценивающих качество онлайн-опросов в сравнении с их офлайн-аналогами, проводилась в США и других развитых западных странах. Лишь недавно стали появляться работы, изучающие надежность онлайн-опросов в других культурных контекстах [Mei, Brown, 2018; Boas, Christenson, Glick, 2020; Pham, Rampazzo, Rosenzweig, 2019]. Подобные работы, хотя и немногочисленны, особенно важны для социологов-компаративистов, ведь при условии получения качественных результатов онлайн-опросы могут оказаться крайне полезными при сборе международных данных. Среди их преимуществ в этой связи можно выделить более низкие затраты на сбор данных в бедных странах, которые часто не имеют необходимой исследовательской инфраструктуры, широкие возможности в плане контроля качества данных (что является важной проблемой опросов во многих незападных государствах [Kinyondo, Pelizzo, 2018; Slomczynski, Tomescu-Dubrow, Wyszumlek, 2021]), а также возможность бороться с фальсификациями данных или другими проявлениями социальной желательности, которые часто возникают, когда респондентам в недемократических обществах задают вопросы на социально и политически чувствительные темы [Kuran, 1997].

В данной работе оценивается качество данных, полученных с помощью онлайн-опросов в российском контексте. Для этого используются материалы двух исследований: первой волны международного проекта «Ценности в кризисе» (далее — ЦВК) и онлайн-опроса Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ «Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива»¹ (далее — «Онлайн-2018»). Анкеты обоих исследований во многом разрабатывались на основе опросника Всемирного исследования ценностей (World Value Surveys; далее — WVS), что позволяет сравнить данные онлайн-опросов с соответствующими данными последней доступной волны WVS (а именно седьмой, проведенной в России в 2017 г.) и оценить, как различия в методе сбора данных сказываются на полученных результатах.

Означенные онлайн-выборки оказались репрезентативными (относительно результатов переписи 2010 г.) по полу и, с оговорками, по возрасту, однако в них, по сравнению с WVS, в меньшей степени представлены респонденты с низким уровнем образования и жители сельской местности. Что касается содержательных показателей, то удалось установить наличие инвариантности между различными типами опросов для конфирматорной факторной модели, измеряющей эмансипативные ценности [Вельцель, 2018]. Это позволяет сравнивать полученные с помощью онлайн-выборок распределения мнений по указанному показателю с материалами офлайн-опросов. В то же время средние значения ценностей оказываются выше в онлайн-опросах, причем практически во всех социально-демографических группах, что, видимо, объясняется снижением эффекта социальной желательности при использовании этого подхода.

¹ Данные собраны в рамках гранта Российского научного фонда № 18-18-00341.

Онлайн-опросы: достоинства и недостатки

Как уже было отмечено, применение онлайн-опросов для сбора социологических данных имеет ряд безусловных преимуществ по сравнению с традиционными техниками. В первую очередь стоит отметить меньшие временные и материальные издержки на проведение опросов при сохранении внутренней валидности [Девятко, 2010]. В частности, онлайн-исследования позволяют избежать затрат на печать анкет, телефонные разговоры и работу интервьюеров. Кроме того, ответы респондентов в онлайн-опросах фиксируются автоматически, что обеспечивает быстрый доступ к результатам, а также дает возможность исследователю напрямую контролировать ход сбора данных [Van Selm, Jankowski, 2006]. Одним из следствий снижения затрат на проведение является больший охват респондентов.

Помимо снижения издержек, онлайн-опросы также имеют методологические преимущества. К примеру, они позволяют нивелировать эффекты интервьюера и связанные с ними искажения ответов. Онлайн-опрос предполагает идентичность представления вопросов всем участникам исследования: каждый респондент отвечает на одинаково сформулированные вопросы без каких-либо намеренных или ненамеренных ошибок при зачитывании текста интервьюером. Отсутствие непосредственного контакта с интервьюером создает ситуацию большей анонимности, что позволяет задавать вопросы на чувствительные темы и избегать социально одобряемых ответов [Evans, Mathur, 2005]. Также нужно отметить актуальность онлайн-исследований в условиях все еще продолжающейся пандемии COVID-19: данный тип опросов является наиболее безопасной и оправданной с этической точки зрения формой сбора данных в подобных условиях, так как позволяет избежать непосредственного взаимодействия между интервьюерами и респондентами.

Несмотря на указанные сильные стороны, онлайн-опросы не лишены недостатков. В первую очередь стоит отметить трудности с формированием репрезентативных выборок населения [Lefever, Dal, Matthiasdottir, 2007]. Из-за отсутствия четко определенной генеральной совокупности онлайн-исследования не позволяют использовать вероятностные методы построения выборки, что может приводить к смещению получаемых оценок. Связанной проблемой оказывается систематическая ошибка отбора, характерная для такого типа опросов: не все группы населения имеют одинаковые изначальные шансы попасть в онлайн-выборку [Heiervang, Goodman, 2011; Lefever et al., 2007; Andrade, 2020]. Это во многом обуславливается феноменами, известными как цифровое неравенство первого и второго порядка — социально-демографические страты различаются между собой в уровне доступа к интернету, а также в способах и целях его использования [Norris, 2001; Hargittai, Walejko, 2008].

Нерепрезентативные выборки сильно затрудняют анализ данных, особенно в том случае, если целью исследования является описание распределения мнений в обществе по какому-либо актуальному вопросу. В то же время некоторые авторы утверждают, что для определенных типов исследований, например для оценки выборочного среднего эффекта воздействия в опросных экспериментах, отсутствие репрезентативности не составляет серьезную проблему [Baker et al., 2012; Corrock, McClellan, 2019]. Кроме того, разумные стратегии формирования

выборки и постстратификационное взвешивание могут помочь улучшить оценки, полученные с помощью онлайн-опросов, даже в описательных исследованиях [Zhang et al., 2020].

С другой стороны, отсутствие внешнего контроля интервьюера может приводить к большему числу пропущенных значений в онлайн-опросах. При этом вероятность пропущенных значений неравномерно распределена среди социальных групп: например, она выше среди респондентов с более низким социальным статусом [Heiervang, Goodman, 2011]. Также наблюдаются различия в стилях ответов при самостоятельном заполнении анкеты и при взаимодействии с интервьюером: в онлайн-опросах респонденты чаще выбирают «средние» категории, что может свидетельствовать о недостаточно внимательном отношении к заполнению анкет [Weijters, Schillewaert, Geuens, 2008; Heerwegh, Loosveldt, 2002].

Проблема социальной желательности

Впрочем, присутствие интервьюера может не только положительно, но и негативно влиять на качество данных, в частности вести к искажению ответов респондента по сравнению с его реальным мнением. Один из наиболее важных эффектов такого рода связан с проблемой социальной желательности [Krumpal, 2013]. Ряд методологических исследований показывает, что в опросах, проведенных с помощью личных интервью, выше процент социально одобряемых ответов и пропущенных значений для вопросов по чувствительным для общества в целом или для некоторой группы темам [Villarroel et al., 2006; 2008; Tourangeau, Yan, 2007; Tourangeau, Smith, 1996]. Эта проблема часто возникает в исследованиях субъективных установок и ценностных ориентаций [Himelein, 2016, Журавлева, 2009]. Так, в западных странах респонденты в личных интервью дают более либеральные (более социально желательные) ответы по сравнению с онлайн-опросами [Liu, 2017; Caputo, 2017].

Эффект социальной желательности может проявляться напрямую (например, когда интервьюеры пропускают вопросы, которые они считают неудобными) и опосредованно [Dijkstra, 1983; West, Blom, 2017]. К опосредованным эффектам можно отнести ситуации, в которых респонденты склонны корректировать ответы с учетом характеристик опрашиваемых их людей [Fowler, Mangione, 1990; Yang, Yu, 2008]: хорошо известно, что пол интервьюера влияет на то, как люди отвечают на ответы на вопросы о гендерном неравенстве, — интервьюеры-женщины получают более эгалитарные ответы по сравнению с их коллегами-мужчинами [Benstead, 2014; Kane, Macaulay, 1993; Huddy et al., 1997].

Результаты предыдущих исследований позволяют предположить, что распределения ценностных ориентаций в российских офлайн- (WVS) и онлайн-опросах («Онлайн-2018» и ЦВК) могут отличаться из-за большей доли социально одобряемых ответов в личных интервью. Вместе с тем выраженность и направление данных различий остаются неясными. С одной стороны, существующая литература предполагает, что респонденты склонны давать более либеральные ответы в личных интервью. С другой стороны, подавляющее большинство подобных исследований были проведены в западных странах, где либеральные ориентации доминируют и потому рассматриваются как социально желательные.

В более консервативных режимах часто встречается самоцензура в форме сокрытия или фальсификации личных предпочтений при разговоре с незнакомыми людьми [Kuran, 1997]. Респонденты могут неохотно участвовать в опросах и отказываться отвечать на чувствительные вопросы, связанные с оценкой деятельности правительства или собственными ценностными установками [Buschmann, 2019; Matelski, 2014]. Исследования также говорят о том, что в подобных контекстах чаще проявляется эффект социальной желательности [Kalinin, 2016; Robinson, Tappenberg, 2019] – это связано как с давлением со стороны окружения [Zhou, Tang, Lei, 2020], так и с общим уровнем цензуры. Либеральные ценностные ориентации в таких обществах часто осуждаются властями или влиятельными группами интересов [Greene, Robertson, 2017], поэтому можно предположить, что ответы респондентов в личных интервью должны быть смещены в более консервативную сторону по сравнению с онлайн-опросами.

Данные и методы анализа

Чтобы понять, насколько качественные данные в России можно получить с помощью онлайн-опросов, в настоящей работе предпринимается сравнение онлайн- и офлайн-выборки по двум основным аспектам. Во-первых, оценивается представленность различных социально-демографических групп (выделенных по полу, возрасту, уровню образования и месту проживания) в разных типах опросов. В качестве «золотого стандарта» здесь используются результаты Всероссийской переписи населения 2010 г.²

Во-вторых, сопоставляются распределения ценностей выбора и ценностей равенства, полученные с помощью онлайн- и офлайн-методов. Указанные конструкции являются элементами концепции эмансипативных ценностей³ и отражают индивидуальное отношение соответственно к а) свободам в сфере репродуктивного и сексуального поведения и б) гендерному равенству [Вельцель, 2018]. Предыдущие исследования говорят об относительно низкой распространенности этих ценностей в России [Алмакаева, Мавлетова, 2018; Inglehart, 2018], да и в целом государственная риторика и политика в данной сфере направлены на поддержку консервативных установок и практик (в качестве примеров можно привести недавнюю декриминализацию домашнего насилия и более ранний закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних).

Таким образом, при личном контакте с интервьюером респонденты, отвечая на соответствующие вопросы анкеты, могут руководствоваться представлением о том, что консервативные взгляды одобряются социумом в большей степени, и корректировать свою позицию соответствующим образом. Отсутствие внешнего давления в онлайн-опросах должно способствовать большей открытости респондентов с либеральными или умеренными взглядами.

² Всероссийская перепись населения 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogj1612.htm (дата обращения 12.07.2021).

³ Данное понятие предложено К. Вельцелем и представляет собой дальнейшее развитие концепций постматериалистических ценностей и ценностей самовыражения Р. Инглхарта. В теории культурной эволюции Инглхарта — Вельцеля эмансипативные ценности являются одним из основных показателей модернизации общества; их распространению способствует рост экономического благосостояния и общего уровня физической защищенности населения.

В качестве эмпирической основы исследования выступают материалы двух онлайн-опросов — «Ценности в кризисе» (ЦВК) и «Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива» («Онлайн-2018») — и одного офлайн-опроса — седьмой волны Всемирного исследования ценностей (WVS). Анкеты онлайн-исследований разрабатывались в том числе на основе анкеты WVS и содержат значительное количество вопросов из последней, что позволяет напрямую сравнить распределения по социально-демографическим характеристикам и ценностям и установкам респондентов между этими опросами.

Данные седьмой, последней на данный момент волны WVS, проводившейся в России, были собраны в конце 2017 г. Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Опрос осуществлялся с помощью личных формализованных интервью; использовалась многоступенчатая территориальная стратифицированная вероятностная выборка, финальная версия которой включает 1810 наблюдений. Опрос «Онлайн-2018» был проведен компанией OMI (Online market intelligence) в 2018 г. Данные были собраны с помощью квотной выборки, учитывающей результаты переписи населения. В этом исследовании квоты задавались по полу, возрасту, федеральному округу, величине населенного пункта, а также уровню образования. Размер выборки составил 1 021 человек. Данные первой волны опроса ЦВК также собирались OMI в период с 10 по 16 июня 2020 г. с использованием квот по полу и возрасту. Итоговая база данных содержит информацию о 1 527 респондентах.

Несмотря на то, что анкеты для ЦВК и «Онлайн-2018» включают много заимствований из WVS, для некоторых вопросов с одинаковыми формулировками между исследованиями различаются варианты ответов. Чтобы привести соответствующие шкалы к сравнимому виду, такие переменные были перекодированы⁴.

Ценности выбора обычно определяются как усредненная позиция респондента по отношению к допустимости⁵ таких практик, как гомосексуальность, аборт и разводы (по шкале от 1 до 10 баллов, где 1 означает, что соответствующее явление никогда не может быть оправдано, а 10 — что оно всегда может быть оправдано). Ценности равенства отражают среднюю степень несогласия со следующими тремя утверждениями, а именно [Вельцель, 2018]:

- «Когда рабочих мест недостаточно, мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины» (шкала от 1 до 5);

⁴ Во-первых, в ЦВК и «Онлайн-2018» нет прямого вопроса о возрасте респондентов, однако есть данные о годах рождения, в силу чего возраст рассчитывался как разность между годом опроса и годом рождения. Во-вторых, в ЦВК вопрос об уровне образования предполагает три варианта ответа, тогда как в WVS выделяется девять образовательных уровней, а в «Онлайн-2018» — семь. Исходя из этого, ответы на указанный вопрос в WVS и «Онлайн-2018» были объединены в три группы, соответствующие вариантам ЦВК: начальное образование, среднее / среднее специальное образование и высшее образование. В-третьих, имеются различия в плане кодировки места проживания респондентов: ЦВК разграничивает типы населенных пунктов на основании размера (например, «большой город», «маленький город» и т.д.), в то время как WVS делает акцент на официальном статусе (например, «столица», «районный центр» и т.д.), а в «Онлайн-2018» населенные пункты классифицированы по численности населения. В данном случае все возможные значения соответствующей переменной были разделены на две категории: «город» либо «сельская местность». В-четвертых, WVS, «Онлайн-2018» и ЦВК используют принципиально разные подходы к определению доходов респондентов. В WVS применялся субъективный подход, при котором интервьюируемых просили указать свой уровень дохода в сравнении с другими людьми, тогда как в ЦВК и «Онлайн-2018» задавался вопрос о реальных доходах респондентов. Вследствие концептуальной несовместимости в настоящей работе не проводится сравнение этих опросов по данным о доходе.

⁵ В формулировках соответствующих вопросов используются производные от термина «оправданность» (англ. *justifiability*).

- «Высшее образование важнее для мальчика, чем для девочки» (шкала от 1 до 4);
- «В целом мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины» (шкала от 1 до 4).

Количество ответных категорий приводится для WVS; в анкетах ЦВК и «Онлайн-2018» для некоторых вопросов оно незначительно отличается. Поэтому все шесть переменных были приведены к единой шкале от 0 до 1, где 1 соответствует наиболее либеральной позиции.

Для сравнения распределений категориальных переменных между опросами и с «эталонными» значениями из переписи были использованы биномиальный тест и критерий хи-квадрат. Сопоставление распределений интервальных и метрических переменных проводилось с помощью двухвыборочного *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок и критерия Колмогорова-Смирнова.

Следует отметить, что незначимые результаты указанных тестов в классическом подходе к проверке статистических гипотез, основанном на идее нулевой гипотезы, не означают с необходимостью полного совпадения сравниваемых характеристик [Lakens, Delacre, 2020]. В случае отсутствия значимых различий в средних и пропорциях также проводились тесты на эквивалентность по методу двух односторонних тестов (*two one-sided tests — TOST*) [Schuirmann, 1987]. Для каждого теста задавались минимальная и максимальная границы интервала эффектов, величину которых можно считать несущественной с содержательной точки зрения. Нулевой гипотезой являлось предположение о наличии значительного эффекта, выходящего за рамки выбранных границ. Альтернативная гипотеза заключалась в том, что значение проверяемого эффекта находится внутри допустимого интервала и является пренебрежимо малым. В рамках данной методики статистически значимые результаты свидетельствуют об отсутствии различий между выборками или же о содержательной эквивалентности сравниваемых показателей [Lakens, Scheel, Isager, 2018]. Интервалы пренебрежимо малых различий задавались с помощью популярных стандартизированных мер величины эффекта, а именно *h* Коэна (для пропорций) и *d* Коэна (для средних значений). В обоих случаях использовались интервалы $[-0,2; 0,2]$, так как именно величина $|0,2|$ часто указывается в виде нижнего порога для минимально значимых эффектов [Cohen, 1992].

Так как ценности выбора и равенства представляют собой латентные конструкции, то их распределения строились как на основе индексов (арифметические средние индивидуальных ответов на соответствующие вопросы анкеты), так и с помощью конфирматорного факторного анализа.

Кроме того, для факторной модели ценностей выбора и равенства была проведена предварительная проверка на измерительную инвариантность между опросами [Руднев, 2013; Соколов, Корсунова, 2018]⁶. Для этого использовался

⁶ Допущение об измерительной инвариантности подразумевает, что некоторая факторная модель использует одни и те же индикаторы для измерения конкретных латентных переменных и вдобавок имеет (приблизительно) одинаковые значения основных параметров (факторных нагрузок и констант отдельных индикаторов) в сравниваемых выборках. Если это допущение выполняется, то шкалы соответствующих латентных переменных имеют одинаковые единицы измерения и точки отсчета в разных группах и, следовательно, являются сравнимыми. Если оно не выполняется, то сопоставление агрегированных описательных статистик (средние, дисперсии, корреляции с другими переменными) по этим латентным переменным между группами проблематично, так как их значения имеют различный математический смысл в разных выборках.

стандартный подход, а именно последовательное попарное сравнение качества трех моделей, предполагающих разные, иерархически упорядоченные уровни инвариантности: конфигуративной (одинаковые паттерны значимых факторных нагрузок между выборками), метрической (одинаковые величины факторных нагрузок) и скалярной (одинаковые значения факторных нагрузок и констант наблюдаемых переменных) [Horn, McArdle, 1992; Davidov et al., 2014].

«Абсолютное» качество подгонки факторных моделей для отдельных выборок и конфигуративной модели фиксировалось с помощью следующих критериев: CFI (сравнительный критерий согласия) $> 0,95$; RMSEA (квадратичная усредненная ошибка аппроксимации) $< 0,08$; SRMR (стандартизированный среднеквадратический остаток) $< 0,08$ ⁷ [Brown, 2015]. Для оценки «относительного» качества моделей с разным уровнем инвариантности использовались пороговые значения различий в критериях подгонки, предложенные Ф. Ф. Чен: $\Delta CFI \leq -0,01$; $\Delta RMSEA \leq 0,015$; $\Delta SRMR \leq 0,03$ при сравнении конфигуративной и метрической модели и $\Delta CFI \leq -0,01$; $\Delta RMSEA \leq 0,015$; $\Delta SRMR \leq 0,01$ при сравнении метрической и скалярной модели [Chen, 2007]⁸.

Результаты

Социально-демографические характеристики респондентов

В таблице 1 представлены основные демографические характеристики респондентов ЦВК, «Онлайн-2018» и WVS, а также соответствующие результаты переписи населения 2010 г.

В отношении распределений по полу результаты формального сравнения показывают, что доля женщин во всех представленных исследованиях не отличается от результатов переписи населения (биномиальный тест: p -значение $> 0,05$ во всех случаях; тест на эквивалентность: p -значение $< 0,01$ во всех случаях), хотя в целом в онлайн-вопросах она несколько ниже, чем в переписи и WVS.

Что касается уровня образования респондентов, то в данном случае WVS также дает пропорции, схожие с результатами переписи населения, а вот среди респондентов онлайн-опросов значительно меньше людей с начальным уровнем образования и несколько больше обладателей высшего образования. При этом различия в долях респондентов с начальным уровнем образования оказываются статистически значимыми ($\chi^2 = 19,79$; p -значение $< 0,01$).

В меньшей степени представлены в онлайн-опросах также жители сельской местности. В ЦВК сельские жители составляют 13,2% выборки, а в «Онлайн-2018» — только 8%. В то же время по результатам переписи на селе проживают 26,3% населения страны. Отличия онлайн-опросов от переписи являются статистиче-

⁷ Указаны интервалы значений, при которых соответствующая факторная модель может рассматриваться как условно «хорошая», то есть достаточно точно воспроизводящая выборочную ковариационную матрицу наблюдаемых индикаторов. Модели со значениями показателей подгонки ниже (для CFI) или выше (для RMSEA и SRMR), чем обозначенные пороговые отметки, считаются проблематичными.

⁸ Указаны интервалы значений, при которых модель с более высоким уровнем инвариантности может рассматриваться как сравнимая по качеству с моделью с менее высоким уровнем инвариантности (например, метрическая против конфигуративной). Если по одному или нескольким показателям подгонки различия между сравниваемыми моделями превышают пороговые значения, то модель с более высоким уровнем инвариантности отвергается и делается вывод о том, что допущение о данном уровне инвариантности для исследуемой модели не выполняется. См. также [Соколов, Корсунова, 2018: 21].

ски значимыми (биномиальный тест: p -значения $< 0,01$ для обеих баз данных). Результаты WVS, в свою очередь, соответствуют переписи (биномиальный тест: p -значение = $0,39$; тест на эквивалентность: $Z = 18,3$; p -значение $< 0,01$).

Таблица 1. Распределения социально-демографических характеристик респондентов в ЦВК, «Онлайн-2018», WVS-7 и переписи 2010 г.

Переменные	Значения переменных	ЦВК	«Онлайн-2018»	WVS 7 волна	Перепись 2010
Распределение частот в %					
Пол	Женский	53,2	52,4	54,9	54,8
	Мужской	46,8	47,6	45,1	46,2
	Иной	0	—	—	—
Образование	Начальное	3,5	0,8	12,4	14,6
	Среднее и среднее специальное	57,1	60,4	53,7	56,3
	Высшее	39,4	38,8	33,4	29,1
Место жительства	Город	86,8	92,0	72,8	73,7
	Село	13,2	8,0	27,2	26,3
Описательные статистики					
Возраст	Среднее	45,7	45,7	45,4	45,4
	Стандартное отклонение	14,4	14,0	17,1	18,8
	Размах	18—83	18—84	18—91	18—100

Наконец, в случае с возрастом средние значения схожи во всех представленных опросах и совпадают с результатами переписи (попарные t -тесты: p -значения $> 0,05$; попарные тесты на эквивалентность: p -значения $< 0,01$). Однако разброс значений по данной переменной различается: в онлайн-опросах дисперсия возраста меньше, чем в WVS и переписи (попарные тесты Фишера: p -значения $< 0,01$). Также следует отметить, что возраст самых пожилых респондентов в ЦВК и «Онлайн-2018» ниже, чем в WVS и переписи. Кроме того, тест Колмогорова-Смирнова говорит о наличии значимых различий в распределениях данной переменной между онлайн-опросами и WVS (p -значения $< 0,01$).

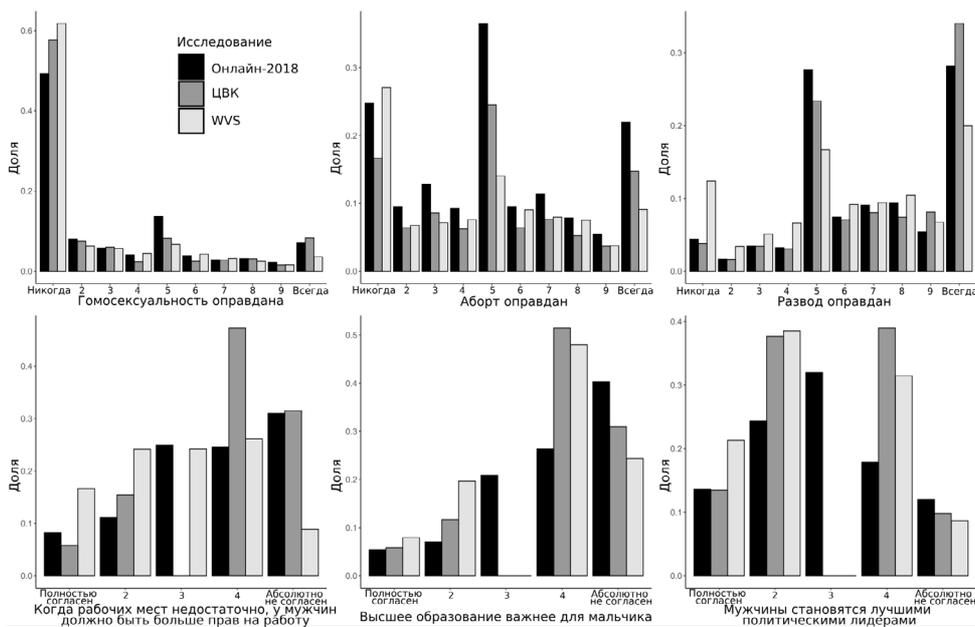
Перечисленные результаты свидетельствуют о наличии нескольких важных различий между онлайн- и офлайн-опросами в плане их репрезентативности относительно основных социально-демографических групп. В частности, в ЦВК и «Онлайн-2018» в меньшей степени представлены жители сельской местности, респонденты из старших возрастных групп, а также малообразованные граждане. Эти результаты согласуются с предыдущими исследованиями российского контекста и могут интерпретироваться как проявления проблемы цифрового неравенства [Norris, 2001; Hargittai, Walejko, 2008]. Так, ранее уже было показано, что в России реже пользуются интернетом пожилые [Волченко, 2016], люди с низким уровнем образования [Архипова, Сиротин, 2019] и сельские жители (видимо, из-за меньшей доступности интернета за пределами городов) [Шиняева, Полетаева, Слепова, 2019]. Таким образом, недопредставленность определенных

групп населения в онлайн-опросах может быть объяснена изначальными различиями в социально-демографических характеристиках интернет-пользователей и населения страны в целом.

Ценности выбора и ценности равенства

На рисунке 1 представлены распределения переменных, используемых для расчета ценностных индексов. Верхний ряд графиков показывает частотные распределения по трем вопросам, измеряющим ценности выбора, а нижний ряд — по индикаторам ценностей равенства. Для всех шести вопросов в онлайн-выборках ниже доля респондентов, которые предпочли наиболее консервативный вариант ответа (крайний слева), тогда как респонденты WVS реже выбирают наиболее либеральную категорию (крайняя справа). Также в ЦВК и «Онлайн-2018» больше выбравших средние категории.

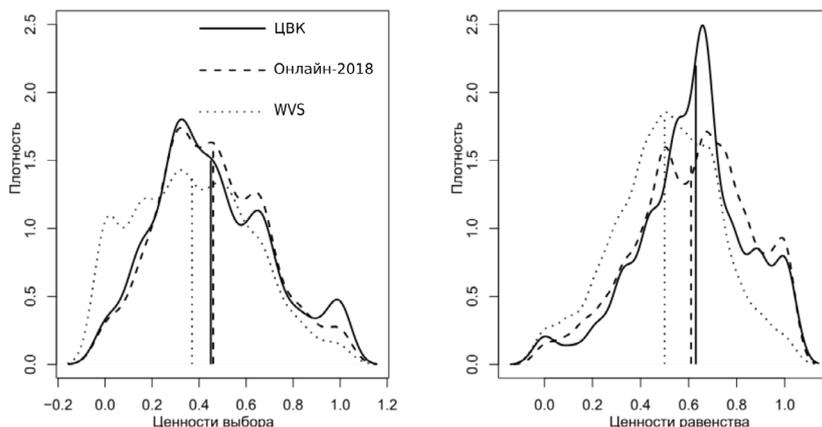
Рис. 1. Частотные распределения для отдельных индикаторов ценностных установок

На рисунке 2 представлены распределения индексов ценностей выбора и ценностей равенства (рассчитанных как индивидуальные арифметические средние по соответствующим вопросам). На графиках видно, что средние значения ценностей выбора и ценностей равенства ниже в WVS (0,37 и 0,50 соответственно), в то время как в ЦВК и «Онлайн-2018» они практически не различаются (0,46 и 0,62 в первом опросе; 0,45 и 0,61 — во втором). Кроме того, в случае с ценностями выбора в WVS присутствует больше низких значений, в то время как в ЦВК и «Онлайн-2018» чаще встречаются значения, близкие к средним. Схожая картина наблюдается и для ценностей равенства: в ЦВК больше показателей,

близких к средним, тогда как в WVS в меньшей степени представлены высокие значения индекса.

Рис. 2. Плотность распределения ценностей выбора и равенства в ЦВК, «Онлайн-2018» и WVS

Чтобы понять, в какой степени выявленные отличия отражают реальные различия в распределениях ценностей между онлайн- и офлайн-выборками, а в какой — возможные методологические артефакты, для конфирматорной факторной модели ценностей выбора и равенства была проведена проверка на измерительную инвариантность между тремя опросами⁹. Показатели качества подгонки для конфигуративной, метрической и скалярной спецификаций представлены в таблице 2. Первые две хорошо описывают данные в абсолютных терминах ($CFI = 0,983$ и $0,976$ соответственно; $RMSEA = 0,049/0,052$; $SRMR = 0,026/0,036$); различия в качестве подгонки между ними также незначительны ($\Delta CFI = 0,007$; $\Delta RMSEA = -0,003$; $\Delta SRMR = -0,01$). Поэтому можно заключить, что паттерны факторных нагрузок и, следовательно, единицы измерения латентных шкал для двух ценностных конструкторов являются инвариантными между сравниваемыми выборками.

В то же время скалярно инвариантная модель не слишком точно отражает наблюдаемую ковариационную матрицу и структуру средних значений индикаторов как в абсолютном смысле, так и относительно метрической модели ($\Delta CFI = 0,07$; $\Delta RMSEA = -0,042$; $\Delta SRMR = -0,02$). Однако модель с частичной скалярной инвариантностью [Steinmetz et al., 2009], в которой константа для переменной «когда рабочих мест недостаточно, мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины», свободно оценивается в каждой группе, имеет приемлемые показатели подгонки (за исключением ΔCFI относительно метрической спецификации). Поэтому вполне правдоподобным представляется заключение о том, что латентные шкалы для ценностей выбора и ценностей равенства имеют

⁹ Двухфакторная модель ценностей была оценена также для каждого опроса по отдельности. Для WVS $CFI = 0,976$; $RMSEA = 0,054$; $SRMR = 0,027$; для ЦВК $CFI = 0,988$; $RMSEA = 0,044$; $SRMR = 0,024$; для «Онлайн-2018» $CFI = 0,985$; $RMSEA = 0,039$; $SRMR = 0,030$. Как видно из представленных чисел, во всех трех выборках модель воспроизводила выборочную ковариационную матрицу достаточно точно. Факторные нагрузки для всех индикаторов также были статистически значимыми, имели ожидаемый знак и достаточную величину в каждом случае.

не только эквивалентные единицы измерения, но и эквивалентные точки отсчета во всех трех анализируемых опросах. Таким образом, наблюдаемые распределения по указанным ценностным конструктам основываются на математически инвариантных измерительных моделях и могут напрямую сравниваться между онлайн- и офлайн-выборками.

Таблица 2. **Оценки качества факторных моделей с разными типами инвариантности**

Инвариантность	CFI	RMSEA	SRMR	Δ CFI	Δ RMSEA	Δ SRMR
Конфигуративная	0,983	0,049	0,026			
Метрическая	0,976	0,052	0,036	-0,007	0,003	0,010
Скалярная	0,906	0,094	0,056	-0,070	0,042	0,020
Частичная скалярная (константы для переменной «когда рабочих мест недостаточно, мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины» различаются между группами)	0,957	0,064	0,041	-0,019	0,012	0,005

Примечание: CFI — сравнительный критерий согласия, RMSEA — квадратичная усредненная ошибка аппроксимации, SRMR — стандартизированный среднеквадратический остаток.

Почему средние значения ценностей выше в онлайн-опросах?

Можно предложить несколько объяснений для выявленных различий в распределениях ценностей между ЦБК и «Онлайн-2018» с одной стороны и WVS с другой стороны. Так, теория модернизации в версии Инглхарта — Вельцеля постулирует, что эмансипативные установки распространяются с течением времени благодаря экономическому росту и общему улучшению качества жизни [Вельцель, 2018; Inglehart, 2018]. В силу этого можно ожидать, что средние значения ценностных индексов в онлайн-опросах будут выше, чем в WVS, так как они проводились позже. Для проверки этого предположения с помощью материалов предыдущих волн WVS были построены линейные аппроксимации динамики ценностей выбора и ценностей равенства, а затем на их основе рассчитаны ожидаемые значения для годов проведения онлайн-опросов (2018 и 2020). Результаты представлены в таблице 3. Реальные значения, наблюдаемые в «Онлайн-2018» и ЦБК, оказались значимо выше предсказанных (во всех случаях для одновыборочного теста Стьюдента p -значение $< 0,01$). Это ставит под сомнение правдоподобность гипотезы «эмансипативного тренда»¹⁰.

Таблица 3. **Средние значения ценностей выбора и равенства в России в WVS и предсказанные значения для 2018 и 2020 гг.**

Переменные	Волна 2 (1990)	Волна 3 (1995)	Волна 5 (2006)	Волна 6 (2011)	Волна 7 (2017)	Ожидаемое в 2018	«Онлайн-2018»	Ожидаемое в 2020	ЦБК (2020)
Ценности выбора	0,29	0,33	0,34	0,37	0,37	0,40	0,45	0,41	0,46
Ценности равенства	—	0,47	0,51	0,53	0,50	0,53	0,61	0,54	0,62

¹⁰ Дополнительным аргументом против этой гипотезы может служить тот факт, что темпы роста российской экономики последние несколько лет были невысокими. К тому же в 2020 г. началась пандемия COVID-19, которая, несомненно, отрицательно сказалась на качестве жизни россиян. Другими словами, материальных предпосылок дальнейшего распространения эмансипативных ценностей (по сравнению с 2017 г.) не имелось.

Другой причиной различий между двумя типами опросов может быть принципиальное смещение онлайн-выборок в отношении целевого показателя. Пожилые люди, люди с более низким уровнем образования, а также люди, проживающие в небольших населенных пунктах, обычно придерживаются более консервативных взглядов [Алмакаева, Мавлетова, 2018; Welzel, 2011]. Однако эти категории населения часто недопредставлены в онлайн-опросах [Van Selm, Jankowski, 2006; Evans, Mathur, 2018; Heiervang, Goodman, 2011; Lefever et al., 2007], в том числе и в «Онлайн-2018» и ЦВК. Другими словами, онлайн-опросы могут давать завышенные оценки распространенности ценностей выбора и равенства потому, что в недостаточной степени покрывают группы, не разделяющие эти ценности. Чтобы проверить данное предположение, для всех трех баз данных были рассчитаны средние значения ценностных индексов (арифметических) по группам, выделенным на основе возраста, пола, места проживания и образования (см. табл. 4). Сравнения с помощью теста Стьюдента для независимых выборок показывают, что, вопреки ожиданиям, онлайн-оценки значимо выше соответствующих значений WVS практически во всех рассматриваемых группах (на уровне значимости $\alpha = 0,05$; исключения выделены курсивом). Из этого следует, что выявленные различия между типами опросов вряд ли объясняются разницей в представленности тех или иных социальных страт.

Таблица 4. Средние значения ценностей выбора и равенства в различных социальных группах в онлайн- и офлайн-опросах

Группа	Индекс	ЦВК	«Онлайн-2018»	WVS	p ЦВК и «Онлайн-2018»	p ЦВК и WVS	p «Онлайн-2018» и WVS
Возраст 18—24	Ценности выбора	0,62	0,54	0,40	0,05	<0,01	<0,01
	Ценности равенства	0,64	0,63	0,52	0,78	<0,01	<0,01
Возраст 25—34	Ценности выбора	0,49	0,45	0,39	0,08	<0,01	0,01
	Ценности равенства	0,63	0,64	0,49	0,67	<0,01	<0,01
Возраст 35—44	Ценности выбора	0,44	0,45	0,40	0,72	0,04	0,02
	Ценности равенства	0,60	0,61	0,51	0,78	<0,01	<0,01
Возраст 45—54	Ценности выбора	0,42	0,46	0,40	0,12	0,19	0,01
	Ценности равенства	0,61	0,62	0,51	0,76	<0,01	<0,01
Возраст 55+	Ценности выбора	0,42	0,39	0,32	0,12	<0,01	<0,01
	Ценности равенства	0,61	0,59	0,50	0,83	<0,01	<0,01
Женщины	Ценности выбора	0,51	0,51	0,38	0,95	<0,01	<0,01
	Ценности равенства	0,69	0,67	0,54	0,15	<0,01	<0,01
Мужчины	Ценности выбора	0,40	0,39	0,36	0,93	0,01	0,01
	Ценности равенства	0,53	0,56	0,46	0,12	<0,01	<0,01
Город	Ценности выбора	0,47	0,46	0,40	0,53	<0,01	<0,01
	Ценности равенства	0,62	0,62	0,52	0,96	<0,01	<0,01
Сельская местность	Ценности выбора	0,38	0,39	0,30	0,70	<0,01	<0,01
	Ценности равенства	0,59	0,58	0,47	0,53	<0,01	<0,01

Группа	Индекс	ЦВК	«Онлайн-2018»	WVS	p ЦВК и «Онлайн-2018»	p ЦВК и WVS	p «Онлайн-2018» и WVS
Начальное образование	Ценности выбора	0,41	0,41	0,30	0,99	0,01	0,01
	Ценности равенства	0,60	0,44	0,46	<0,01	<0,01	0,38
Среднее и среднее специальное образование	Ценности выбора	0,45	0,43	0,35	0,15	<0,01	<0,01
	Ценности равенства	0,61	0,61	0,50	0,96	<0,01	<0,01
Высшее образование	Ценности выбора	0,47	0,49	0,43	0,21	0,01	0,01
	Ценности равенства	0,62	0,63	0,52	0,87	0,01	<0,01

Примечание: *p*-величины в трех колонках справа отражают результаты теста Стьюдента для независимых выборок для попарных сравнений средних значений ценностей выбора и равенства в различных социально-демографических группах между тремя базами данных.

В целях дополнительной проверки этой гипотезы были построены линейные регрессионные модели, в которых зависимыми переменными выступили ценностные индексы, а независимыми — социально-демографические характеристики респондентов. При этом данные всех опросов были взвешены по полу, возрасту, типу населенного пункта и уровню образования в соответствии с результатами переписи населения. Чтобы учесть возможное смещение выборки в онлайн-исследованиях из-за систематической ошибки отбора, были также отдельно оценены модели для интернет-пользователей в WVS. Для этого были задействованы респонденты WVS, указавшие, что они используют интернет как источник новостей¹¹. Таких набралось 64 % от общей выборки. Это значение ниже, чем другие оценки доли интернет-пользователей среди российского населения в 2017 г. (71 % по данным Mediascope¹²). Однако положительный ответ на вопрос об использовании интернета в качестве источника новостей предполагает, что респондент активно пользуется им и для других целей, а значит, с большей вероятностью может быть рекрутирован в онлайн-исследование.

Регрессионные модели для ценностей выбора представлены в таблице 5. Модель для пользователей интернета в WVS и модель, построенная на полной выборке WVS, различаются в плане оценки значимости эффектов пола и возраста: первый значим для пользователей интернета и незначим в полной выборке, а для второго наблюдается обратная картина. В то же время численные оценки этих коэффициентов схожи между моделями, а *p*-значения незначимых эффектов лишь немного превышают стандартную отсечку 0,05, так что указанные отличия не столь принципиальны.

Модель на данных ЦВК не показывает значимую в WVS связь между ценностями выбора и наличием высшего образования, хотя величина этого коэффициента в ЦВК похожа на оценки обеих моделей на основе офлайн-выборки (0,10 против 0,08 и 0,12). Можно предположить, что проблема заключается в недостаточной мощности соответствующего теста: опорная категория для переменной «образование» — начальное образование — представлена в ЦВК лишь 3,5 % респондентов.

¹¹ К сожалению, анкета седьмой волны WVS не содержит прямого вопроса об использовании интернета.

¹² Аудитория пользователей интернета в России в 2017 г. составила 87 млн человек // Mediascope. 2017. 21 апреля. URL: <https://mediascope.net/news/744498/> (дата обращения 06.07.2021).

«Онлайн-2018» стоит особняком, так как соответствующая модель имеет только один статистически значимый предиктор — пол. Более того, коэффициенты остальных независимых переменных в ней меньше, чем в остальных моделях, а один — «образование (среднее и СП)» — даже имеет противоположный знак.

Таблица 5. Связь ценностей выбора и социальных характеристик (линейная регрессия)

Переменные	ЦВК		Онлайн-2018		WVS		WVS (интернет-пользователи)	
	Оценка	р	Оценка	р	Оценка	р	Оценка	р
Константа	0,55	<0,001	0,51	0,001	0,44	<0,001	0,39	<0,001
Возраст	-0,00	<0,001	-0,00	0,536	-0,00	<0,001	-0,00	0,064
Пол (М)	-0,09	<0,001	-0,10	<0,001	-0,03	0,056	-0,04	0,013
Место проживания (село)	-0,08	0,001	-0,04	0,186	-0,08	<0,001	-0,06	<0,001
Образование (среднее и СП)	0,05	0,431	-0,01	0,970	0,02	0,452	0,06	0,075
Образование (высшее)	0,10	0,149	0,04	0,785	0,08	0,001	0,12	<0,001
Количество наблюдений	1504		1021		1493		1024	
R ² / R ² скорректированный	0,075 / 0,072		0,065 / 0,061		0,063 / 0,060		0,046 / 0,041	

Для ценностей равенства различия между типами опросов выражены в большей степени (см. табл. 6). Обе модели на данных онлайн-выборок предполагают только один значимый предиктор, а именно пол. Модели на основе WVS дополнительно показывают наличие связей между ценностями равенства и уровнем образования, а также местом проживания респондента. Хотя знаки регрессионных коэффициентов для онлайн- и офлайн-данных в целом похожи (единственное исключение — негативный эффект возраста в «Онлайн-2018»), размеры отличаются, причем иногда — в несколько раз.

Таблица 6. Связь ценностей равенства и социальных характеристик (линейная регрессия)

Переменные	ЦВК		Онлайн-2018		WVS		WVS (интернет-пользователи)	
	Оценка	р	Оценка	р	Оценка	р	Оценка	р
Константа	0,65	<0,001	0,54	0,001	0,51	<0,001	0,50	<0,001
Возраст	0,00	0,104	-0,00	0,301	0,00	0,648	0,00	0,197
Пол (М)	-0,16	<0,001	-0,11	<0,001	-0,08	<0,001	-0,10	<0,001
Место проживания (село)	-0,02	0,405	-0,01	0,779	-0,04	<0,001	-0,07	<0,001
Образование (среднее и СП)	0,01	0,810	0,15	0,333	0,04	0,045	0,06	0,048
Образование (высшее)	0,02	0,733	0,15	0,325	0,05	0,021	0,06	0,037
Количество наблюдений	1504		1021		1493		1052	
R ² / R ² скорректированный	0,122 / 0,119		0,061 / 0,056		0,048 / 0,045		0,080 / 0,075	

Можно предположить, что в онлайн-опросах эффект социальной желательности оказывается менее выраженным, причем в наибольшей степени это «эмансипирующее» воздействие формата проявляется среди тех категорий населения, которые в традиционных опросах выражают более консервативные позиции. Это ведет и к более высоким средним значениям ценностей в онлайн-опросах в целом, и к уменьшению различий между основными социально-демографическими группами (что обуславливает и меньшее количество значимых предикторов в этом типе опросов). Впрочем, имеющихся в ЦВК данных недостаточно, чтобы окончательно подтвердить (или опровергнуть) эту интерпретацию.

Заключение

На основании представленных результатов можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, несмотря на использование квот, социально-демографические профили респондентов рассмотренных онлайн- и офлайн-выборок отличаются друг от друга. В частности, в первой категории опросов меньше представлены пожилые люди, респонденты с низким уровнем образования и жители сельской местности. Эти наблюдения сходятся с предыдущими исследованиями и в целом объясняются существующим в российском обществе цифровым неравенством. Впрочем, проблема недостаточного покрытия некоторых групп населения в онлайн-опросах может быть частично решена за счет взвешивания или продуманной стратегии рекрутинга респондентов из этих групп.

Во-вторых, измерительные модели для ценностей выбора и равенства являются инвариантными по отношению к методу сбора данных. Это означает, что распределения по указанным конструктам, полученные с помощью онлайн-опросов, не менее надежны, чем результаты традиционных опросов и математически сравнимы с ними.

В-третьих, несмотря на наличие измерительной инвариантности, средние значения ценностей выбора и равенства оказываются выше в онлайн-опросах. Наблюдаемые различия нельзя объяснить естественным процессом распространения эмансипативных ценностей с течением времени и разницей в социально-демографической структуре онлайн- и офлайн-выборок: они сохраняются и при разбиении на подвыборки по полу, возрасту, образованию и месту проживания.

Более того, в онлайн-опросах обнаруживается меньше значимых предикторов ценностных установок из числа социально-демографических атрибутов, чего не наблюдается при сравнении регрессионных моделей для подвыборки интернет-пользователей, опрошенных в WVS, и полной выборки WVS. Последний результат позволяет предположить, что выявленные различия все же связаны с типом сбора данных. Как представляется, дело в том, что онлайн-опросы позволяют снизить влияние соображений социальной желательности, благодаря чему респонденты высказывают более либеральные взгляды по сравнению с теми, которые они готовы озвучить в ходе личных интервью. Можно сделать вывод, что этот тип опросов является вполне легитимной, причем зачастую более удобной и дешевой, альтернативой офлайн-методам для сбора данных об установках населения по чувствительным проблемам в российском контексте.

Список литературы (References)

- Алмакаева А. М., Мавлетова А. М. Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 91—112. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>.
- Almakaeva A. M., Mavletova A. M. (2018) Modernization Process in Russia: Can We Expect the Shift to Emancipative Values? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 91—112 <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>. (In Russ.)
- Архипова М. Ю., Сиротин В. П. Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 3. С. 670—683. <https://doi.org/10.17059/2019-3-4>.
- Arkipova M. Yu., Sirodin V. P. (2019) Development of Digital Technologies in Russia: Regional Aspects. *Ekonomika Regiona [Economy of Region]*. Vol. 15. No. 3. P. 670—683. <https://doi.org/10.17059/2019-3-4>. (In Russ.)
- Вельцель К. Рождение свободы /под ред. Понарина Э. Д., Оберемко О. А.; пер. с англ. Лисовского А. В. М.: АО «ВЦИОМ», 2018.
- Welzel C. (2018) *Freedom Rising*. Moscow: VCIOM. (In Russ.)
- Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163—182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10>.
- Volchenko O. V. (2016) Dynamics of Digital Inequality in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No 5. P. 163—182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10>. (In Russ.)
- Девятко И. Ф. Онлайн исследования и методология социальных наук: новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности // Онлайн исследования в России 2.0 / под ред. Шашкина А. В., Девятко И. Ф., Давыдова С. Г. М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010. С. 17—30.
- Devyatko I. F. (2010) Online Research and Methodology of Social Sciences: New Horizons, New (and Not So New) Challenges. In: Shashkin A. V., Devyatko I. F., Davydova S. G. (eds.) *Online Research in Russia. 2.0*. Moscow: "North-East". P. 17—30. (In Russ.)
- Журавлева С. Л. Гендерные эффекты в телефонном интервью // Женщина в российском обществе. 2009. № 4. С. 44—56.
- Zhuravleva S. L. (2009) Gender Effects in Telephone Interview. *Woman in Russian Society*. No. 4. P. 44—56. (In Russ.)
- Руднев М. Г. Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2013. № 37. С. 7—38.
- Rudnev M. G. (2013) Measurement Invariance of Basic Human Values Assessed with Schwartz Instrument Among Four Russian-Speaking Populations. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 37. P. 7—38. (In Russ.)

Соколов Б. О., Корсунова В. И. Нестрогий байесовский подход к проверке допущения об измерительной инвариантности: иллюстрация на примере ценностей выбора // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2018. № . 46. С. 7—43.

Sokolov B. O., Korsunova V. I. (2018) Approximate Bayesian Approach to Measurement Invariance: An Illustration with Pro-Choice Values. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 46. P. 7—43. (In Russ.)

Шиняева О. В., Полетаева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № . 4. С. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>.

Shinyaeva O. V., Poletaeva O. V., Slepova O. M. (2019) Information and Digital Inequality: Searching for Effective Population Adaptation Practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>. (In Russ.)

Andrade C. (2020) The Limitations of Online Surveys. *Indian Journal of Psychological Medicine*. Vol. 42. No. 6. P. 575—576. <https://doi.org/10.1177/0253717620957496>.

Baker R., Brick J. M., Bates N. A., Battaglia M., Couper M. P., Dever J. A., Gile K. J., Tourangeau R. (2012) Summary Report of the AAPOR Task Force on Non-Probability Sampling. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. Vol. 1. No. 2. P. 90—143. <https://doi.org/10.1093/jssam/smt008>.

Benstead L. J. (2014) Effects of Interviewer — Respondent Gender Interaction on Attitudes Toward Women and Politics: Findings from Morocco. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 26. No. 3. P. 369—383. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edt024>.

Boas T. C., Christenson D. P., Glick D. M. (2020) Recruiting Large Online Samples in the United States and India: Facebook, Mechanical Turk, and Qualtrics. *Political Science Research and Methods*. Vol. 8. No. 2. P. 232—250. <https://doi.org/10.1017/psrm.2018.28>.

Brown T. A. (2015) *Confirmatory Factor Analysis for Applied Research*. New York, NY: Guilford Press.

Buschmann A. (2019) Conducting a Street-Intercept Survey in an Authoritarian Regime: The Case of Myanmar. *Social Science Quarterly*. Vol. 100. No. 3. P. 857—868. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12611>.

Caputo A. (2017) Social Desirability Bias in Self-Reported Well-Being Measures: Evidence from an Online Survey. *Universitas Psychologica*. Vol. 16. No. 2. P. 245—255. <https://doi.org/10.11144/Javeriana.upsy16-2.sds>.

Chen F. F. (2007) Sensitivity of Goodness of Fit Indexes to Lack of Measurement Invariance. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. Vol. 14. No. 3. P. 464—504. <https://doi.org/10.1080/10705510701301834>.

- Cohen J. (1992) A Power Primer. *Psychological Bulletin*. Vol. 112. No. 1. P. 155—159. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.112.1.155>.
- Coppock A., McClellan O. A. (2019) Validating the Demographic, Political, Psychological, and Experimental Results Obtained from a New Source of Online Survey Respondents. *Research & Politics*. Vol. 6. No. 1. P. 1—14. <https://doi.org/10.1177/2053168018822174>.
- Davidov E., Meuleman B., Cieciuch J., Schmidt P., Billiet J. (2014). Measurement Equivalence in Cross-National Research. *Annual Review of Sociology*. No. 40. P. 55—75. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071913-043137>.
- Dijkstra W. (1983) How Interviewer Variance Can Bias the Results of Research on Interviewer Effects. *Quality and Quantity*. Vol. 17. No. 3. P. 179—187. <https://doi.org/10.1007/BF00167582>.
- Evans J.R., Mathur A. (2018) The Value of Online Surveys: A Look Back and a Look Ahead. *Internet Research*. Vol. 28. No. 4. P. 854—887. <https://doi.org/10.1108/IntR-03-2018-0089>.
- Evans J.R., Mathur A. (2005) The Value of Online Surveys. *Internet Research*. Vol. 15 No. 2. P. 195—219. <https://doi.org/10.1108/10662240510590360>.
- Fowler Jr F.J., Mangione T.W. (1990) Standardized Survey Interviewing: Minimizing Interviewer-Related Error. Newbury Park, CA: Sage.
- Greene S., Robertson G. (2017) Agreeable Authoritarians: Personality and Politics in Contemporary Russia. *Comparative Political Studies*. Vol. 50. No. 13. P. 1802—1834. <https://doi.org/10.1177/0010414016688005>.
- Hargittai E., Walejko G. (2008) The Participation Divide: Content Creation and Sharing in the Digital Age. *Information, Communication & Society*. Vol. 11. No. 2. P. 239—256. <https://doi.org/10.1080/13691180801946150>.
- Heerwegh D., Loosveldt G. (2002) An Evaluation of the Effect of Response Formats on Data Quality in Web Surveys. *Social Science Computer Review*. Vol. 20. No. 4. P. 471—484. <https://doi.org/10.1177/089443902237323>.
- Heiervang E., Goodman R. (2011) Advantages and Limitations of Web-Based Surveys: Evidence from a Child Mental Health Survey. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. Vol. 46. No. 1. P. 69—76. <https://doi.org/10.1007/s00127-009-0171-9>.
- Himelein K. (2016) Interviewer Effects in Subjective Survey Questions: Evidence from Timor-Leste. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 28. No. 4. P. 511—533. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edv031>.
- Horn J.L., McArdle J.J. (1992) A Practical and Theoretical Guide to Measurement Invariance in Aging Research. *Experimental Aging Research*. Vol. 18. No 3. P. 117—144. <https://doi.org/10.1080/03610739208253916>.
- Huddy L., Billig J., Braccioldieta J., Hoeffler L., Moynihan P.J., Pugliani P. (1997) The Effect of Interviewer Gender on the Survey Response. *Political Behavior*. Vol. 19. No. 3. P. 197—220. <https://doi.org/10.1023/A:1024882714254>.

Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing and Reshaping the World*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Kalinin K. (2016) The Social Desirability Bias in Autocrat's Electoral Ratings: Evidence from the 2012 Russian Presidential Elections. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. Vol. 26. No. 2. P. 191—211. <https://doi.org/10.1080/17457289.2016.1150284>.

Kane E. W., Macaulay L. J. (1993) Interviewer Gender and Gender Attitudes. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 57. No. 1. P. 1—28. <https://doi.org/10.1086/269352>.

Kinyondo A., Pelizzo R. (2018) Poor Quality of Data in Africa: What Are the Issues? *Politics & Policy*. Vol. 46. No. 6. P. 851—877. <https://doi.org/10.1111/polp.12277>.

Krumpal I. (2013) Determinants of Social Desirability Bias in Sensitive Surveys: A Literature Review. *Quality & Quantity*. Vol. 47. No. 4. P. 2025—2047. <https://doi.org/10.1007/s11135-011-9640-9>.

Kuran T. (1997) *Private Truths, Public Lies*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Lakens D., Delacre M. (2020) Equivalence Testing and the Second Generation P-value. *Meta-Psychology*. Vol. 4. P. 1—11. <https://doi.org/10.15626/MP.2018.933>.

Lakens D., Scheel A. M., Isager P. M. (2018) Equivalence Testing for Psychological Research: A Tutorial. *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*. Vol. 1. No. 2. P. 259—269. <https://doi.org/10.1177/2515245918770963>.

Lefever S., Dal M., Matthiasdottir A. (2007) Online Data Collection in Academic Research: Advantages and Limitations. *British Journal of Educational Technology*. Vol. 38. No. 4. P. 574—582. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8535.2006.00638.x>.

Liu M. (2017) Data Collection Mode Differences Between National Face-to-Face and Web Surveys on Gender Inequality and Discrimination Questions. *Women's Studies International Forum*. Vol. 60. P. 11—16. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2016.11.007>.

Matelski M. (2014) On Sensitivity and Secrecy: How Foreign Researchers and Their Local Contacts in Myanmar Deal with Risk under Authoritarian Rule. *Journal of Burma Studies*. Vol. 18. No. 1. P. 59—82. <https://doi.org/10.1353/jbs.2014.0008>.

Mei B., Brown G. T. L. (2018) Conducting Online Surveys in China. *Social Science Computer Review*. Vol. 36. No. 6. P. 721—734. <https://doi.org/10.1177/0894439317729340>.

Norris P. (2001) *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press.

Pham K. H., Rampazzo F., Rosenzweig L. R. (2019) Online Surveys and Digital Demography in the Developing World: Facebook Users in Kenya. *ArXiv Preprint*. October 8. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1910.03448>.

Robinson D., Tannenbergh M. (2019) Self-Censorship of Regime Support in Authoritarian States: Evidence from List Experiments in China. *Research & Politics*. Vol. 6. No. 3. P. 1—9. <https://doi.org/10.1177/2053168019856449>.

Schuirmann D. J. (1987) A comparison of the Two One-Sided Tests Procedure and the Power Approach for Assessing the Equivalence of Average Bioavailability. *Journal of Pharmacokinetics and Biopharmaceutics*. Vol. 15. No. 6. P. 657—680. <https://doi.org/10.1007/BF01068419>.

Slomczynski K. M., Tomescu-Dubrow I., Wysmulek I. (2021) Survey Data Quality in Analyzing Harmonized Indicators of Protest Behavior: A survey Data Recycling Approach. *American Behavioral Scientist*. <https://doi.org/10.1177/00027642211021623>.

Steinmetz H., Schmidt P., Tina-Booh A., Wieczorek S., Schwartz S. H. (2009) Testing Measurement Invariance Using Multigroup CFA: Differences between Educational Groups in Human Values Measurement. *Quality & Quantity*. Vol. 43. No. 4. P. 599—616. <https://doi.org/10.1007/s11135-007-9143-x>.

Tourangeau R., Smith T. W. (1996) Asking Sensitive Questions: The Impact of Data Collection Mode, Question Format, and Question Context. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 60. No. 2. P. 275—304. <https://doi.org/10.1086/297751>.

Tourangeau R., Yan T. (2007) Sensitive Questions in Surveys. *Psychological Bulletin*. Vol. 133. No. 5. P. 859—883. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.133.5.859>.

Van Selm M., Jankowski N. W. (2006) Conducting Online Surveys. *Quality & Quantity*. Vol. 40. No. 3. P. 435—456. <https://doi.org/10.1007/s11135-005-8081-8>.

Villarroel M. A., Turner C. F., Eggleston E., Al-Tayyib A., Rogers S. M., Roman A. M., Cooley P. C., Gordek H. (2006) Same-Gender Sex in the United States: Impact of T-ACASI on Prevalence Estimates. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 70. No. 2. P. 166—196. <https://doi.org/10.1093/poq/nfj023>.

Villarroel M. A., Turner C. F., Rogers S. M., Roman A. M., Cooley P. C., Steinberg A. B., Eggleston E., Chromy J. R. (2008) T-ACASI Reduces Bias in STD Measurements: The National STD and Behavior Measurement Experiment. *Sexually Transmitted Diseases*. Vol. 35. No. 5. P. 499—506. <https://doi.org/10.1097/OLQ.0b013e318165925a>.

Weijters B., Schillewaert N., Geuens M. (2008) Assessing Response Styles Across Modes of Data Collection. *Journal of the Academy of Marketing Science*. Vol. 36. No. 3. P. 409—422. <https://doi.org/10.1007/s11747-007-0077-6>.

Welzel C. (2011) The Asian Values Thesis Revisited: Evidence from the World Values Surveys. *Japanese Journal of Political Science*. Vol. 12. No. 1. P. 1—31. <https://doi.org/10.1017/S1468109910000277>.

West B. T., Blom A. G. (2017) Explaining Interviewer Effects: A Research Synthesis. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. Vol. 5. No. 2. P. 175—211. <https://doi.org/10.1093/jssam/smw024>.

Yang M. L., Yu R. R. (2008) The Interviewer Effect When There Is an Education Gap with the Respondent: Evidence from a Survey on Biotechnology in Taiwan. *Social Science Research*. Vol. 37. No. 4. P. 1321—1331. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2008.05.008>.

Zhang B., Mildenberger M., Howe P.D., Marlon J., Rosenthal S.A., Leiserowitz A. (2020) Quota Sampling Using Facebook Advertisements. *Political Science Research and Methods*. Vol. 8. No. 3. P. 558—564. <https://doi.org/10.1017/psrm.2018.49>.

Zhou Y.J., Tang W., Lei X. (2020) Social Desirability of Dissent: An IAT Experiment with Chinese University Students. *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 25. No. 1. P. 113—138. <https://doi.org/10.1007/s11366-019-09628-9>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2125](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2125)

О. Л. Чернозуб

ДВУХКОМПОНЕНТНАЯ МОДЕЛЬ ФАКТОРОВ ПОВЕДЕНИЯ: НУЖНЫ ЛИ ИМПЛИЦИТНЫЕ ФАКТОРЫ ТЕОРИИ ЗАПЛАНИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ?

Правильная ссылка на статью:

Чернозуб О. Л. Двухкомпонентная модель факторов поведения: нужны ли имплицитные факторы теории запланированного поведения? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 28—44. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2125>.

For citation:

Chernozub O. L. (2022) The Two-Component Model of Behavior Factors: Do We Need Implicit Factors for the Theory of Planned Behavior? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 28–44. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2125>. (In Russ.)

ДВУХКОМПОНЕНТНАЯ МОДЕЛЬ ФАКТОРОВ ПОВЕДЕНИЯ: НУЖНЫ ЛИ ИМПЛИЦИТНЫЕ ФАКТОРЫ ТЕОРИИ ЗАПЛАНИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ?

THE TWO-COMPONENT MODEL OF BEHAVIOR FACTORS: DO WE NEED IMPLICIT FACTORS FOR THE THEORY OF PLANNED BEHAVIOR?

ЧЕРНОЗУБ Олег Леонидович — кандидат социологических наук, руководитель Центра социально-экономических исследований, Институт социологии управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: 9166908616@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

Oleg L. CHERNOZUB¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Center for Socio-Economic Research, Institute for Sociology of Government

E-MAIL: 9166908616@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

Аннотация. Теория запланированного поведения (ТЗП) является наиболее популярной моделью структурирования факторов поведения и лежит в основе большинства алгоритмов его прогнозирования. Она дополняет теорию социальной установки, указывая, что слепой реализации последней предшествует анализ ее применимости к конкретной ситуации. Опираясь на результаты исследований последних лет, автор данной работы предполагает, что ТЗП может быть усовершенствована за счет интеграции в модель имплицитной (неосознаваемой) группы факторов. В статье представлено теоретическое обоснование и операционализация комплексной (эксплицитно — имплицитной) модели ТЗП, а также первые результаты ее апробации на основе данных специально организованного выборочного опроса населения по выборке в 2908 респондентов. Проведенное исследование позволяет утверждать, что включение имплицитных факторов может приводить к изменению в их относительных вкладах и — потенциально — к повышению прогностической силы

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The theory of planned behavior (TPB) is the most popular model for structuring behavioral factors and an algorithm underlying predictions of human behavior. TPB complements the theory of social attitude, indicating that the blind implementation of the latter is preceded by an analysis of its applicability to a particular situation. Based on the results of recent studies, the author of this article suggests that the TPB can be improved by integrating an implicit group of factors into the model. The article presents a theoretical substantiation and operationalization of a complex (two-component) TPB model, as well as the first results of its approbation based on the data of a specially organized population survey (2,908 respondents). The study allows to state that the inclusion of implicit factors can lead to a change in the relative contributions of all factors and, potentially, to an increase in the predictive power of the model. Implicit factors are shown to be significant in the case of home buying behavior in Russia — an area of consumer behavior where actions are thought to be predominantly rational and almost completely controlled by explicit factors.

модели. Его результаты тем более показательны, что имплицитные факторы продемонстрировали свою значимость на примере поведения россиян при покупке жилья — области потребительского поведения, где, как считается, действия являются преимущественно рациональными и находящимися под почти монопольным управлением эксплицитных факторов.

Ключевые слова: факторы поведения, двухкомпонентная модель факторов поведения, эксплицитные факторы, имплицитные факторы, установка, структурная теория установки, GATO, TRA/TPB, IAT, MODE, RIM

Keywords: factors of behavior, precursors of action, two-component model of behavioral factors, explicit factors, implicit factors, attitude, structural theory of attitude, dual process, GATO, TDA/TPB, IAT, MODE, RIM

Теория запланированного поведения и дуальные модели факторов поведения

Теория запланированного поведения (ТЗП — Theory of Planned Behavior / TPB) [Ajzen, 1991] заслуженно считается наиболее развитой моделью прогнозирования социального поведения [Rogers, Aida, 2012] и долгие годы остается лидирующим по популярности методом среди исследователей данной тематики. Во всяком случае ее автор — Айсек Айзен — несколько лет тому назад был признан самым влиятельным ученым в области социальной психологии, а количество ссылок на его работы превысило 280 тысяч¹.

В теоретическом плане ТЗП представляет собой развитие структурной теории социальной установки [Allport, 1935; Ajzen, 2001; Ajzen, Fishbein, 1980; Festinger, 1957; Festinger, Carlsmith, 1959; Katz, 1960; Rosenberg, 1956; Rosenberg et al., 1960] — ее конкретизацию и дополнение рядом важных элементов. Основой ТЗП остается понимание установки как непосредственной основы действия: «Действию предшествует намерение <...>, намерение опирается на установку <...>» [Fishbein, Ajzen, 2011: 24].

Элементами ТЗП, отличающими ее от классических моделей социальной установки, являются дополнительные факторы, конкретизирующие последовательность «установка — намерение — действие» применительно к частной ситуации. Такими факторами являются:

— «Ожидания результата». Субъект действия проверяет, приведет ли следование его априорной установке к желаемому результату в конкретной ситуации. Если он посчитает, что результат не будет соответствовать его интересам, диктуемый установкой алгоритм поведения может быть нарушен.

¹ См., например: <https://scholar.google.com/citations?user=FS6qglwAAAAJ&hl=en&oi=ao>.

— «Нормативные ожидания». Субъект социального действия проверяет, насколько диктуемые установкой действия в конкретной ситуации будут соответствовать социальным нормам. Как и в случае с ожиданиями результата, обнаруженное несоответствие может повлиять на фактическую реализацию установки.

— «Ожидания контроля». В отношении этой группы факторов долгое время высказывались довольно противоречивые суждения. К настоящему моменту достигнут условный консенсус, основывающийся на признании двойственного характера факторов, входящих в указанную группу. С одной стороны — это представления субъекта действия о том, насколько в его реальной власти осуществить действие. С другой стороны — его представления о том, насколько добровольно или вынужденно он совершает действие. Понимание того, что осуществление действия ему вполне по силам и что он действует по своей собственной воле, повышает вероятность осуществления действия, обратное понимание — снижает такую вероятность. В общем же считается, что данные параметры комплексно характеризуют степень контроля ситуации со стороны потенциального актора. Чем такой контроль выше, тем выше вероятность совершения действия.

Модель ТЗП хорошо валидизирована и, как уже отмечалось, остается наиболее популярной при объяснении социального действия и прогнозировании поведения человека.

Параллельно с развитием ТЗП возникла и получила бурное развитие традиция анализа поведения человека через призму не только эксплицитных (осознаваемых), но и имплицитных (находящихся вне контроля сознания) факторов. Сторонники данного подхода указывают, что практическое действие человека определяется не только результатами более или менее беспристрастного обдумывания, но и воздействием факторов, скрытых от рефлексии исследователя и самого актора. Такая точка зрения также получила обширное подтверждение на эмпирическом материале [Fazio, 1990, 2007; Greenwald et al., 2009a, 2009b; Tversky, Kahneman, 1992; Kahneman, 2011; Perugini, 2005; Perugini, Richetin, Zogmaister, 2010; Roccato, Zogmaister, 2010; Smith, DeCoster, 2000; Strack, Deutsch, 2004].

В настоящее время в данной области существует две группы теоретических проблем.

Во-первых, не ясна природа имплицитных факторов. В литературе встречаются их определения как «неосознаваемых», «нерациональных», «спонтанных» и т. п. На этом фоне Д. Мельников и Дж. Барх выделили как минимум шесть возможных моделей, отражающих природу ортогональности эксплицитных и имплицитных факторов [Melnikoff, Bargh, 2018].

Во-вторых, не вполне ясен характер взаимодействия этих факторов друг с другом в процессе «эскалации действия», то есть в процессе формирования решения действовать и его трансформации в само действие. М. Перуджини выделил три основных модели такого взаимодействия [Perugini, 2005]:

1. «Полная независимость» (a double-dissociation pattern). В рамках этого подхода эксплицитные и имплицитные компоненты рассматриваются как не взаимодействующие друг с другом и, более того, как влияющие на различные типы поведения. Считается, что эксплицитные факторы влияют на преднамеренное поведение, контролируемое сознанием, в то время как имплицитные — на импульсивное

поведение, находящееся вне сознательного контроля. Соответственно, чтобы правильно спрогнозировать поведение первого типа, необходимо опираться на эксплицитные факторы, а второго типа — на имплицитные.

2. «Дополнительность» (additive pattern). Оба компонента рассматриваются не как самостоятельные явления, имеющие свою природу, закономерности, траектории развития и т. д., но как проявления одного-единственного отношения, не вполне совпадающие друг с другом только из-за различий в методах измерения. В таком случае результаты различных методов измерения дополняют и уточняют друг друга, позволяя представить установку в наиболее комплексной, полной форме.

3. «Взаимодействие» (interactive pattern). Этот подход объединяет тех, кто, подобно сторонникам «независимости», считает эксплицитную и имплицитную компоненты установки самодостаточными явлениями, но не согласен, что они определяют каждый свой «собственный» вид поведения. Фактическое действие человека в рамках данного подхода рассматривается как результат взаимодействия компонент.

Позже автор приведенной классификации расширил перечень возможных моделей, объясняющих взаимодействие двух групп факторов. Это, однако, происходит за счет введения дополнительных параметров и дробления представленных выше моделей на подклассы. Сами же базовые формы остаются устойчивыми основами трех расходящихся теоретических направлений [Perugini, Richetin, Zogmaister, 2010].

Проведенные автором настоящей статьи исследования показали, что в целом ряде случаев действия акторов невозможно в полной мере объяснить исходя из классической модели ТЗП. По крайней мере, это касается электорального [Chernozub, 2020a] и потребительского [Чернозуб, 2021] поведения.

Таким образом, актуальность данного исследования определяется разрывом, образовавшимся между «эксплицитным» фокусом модели ТЗП и стремительно накапливающимися свидетельствами значимости имплицитных факторов поведения человека. Этот эксплицитный фокус ТЗП вполне очевиден: «В целом общее настроение и эмоции рассматриваются в нашей модели прогнозирования поведения как фоновый фактор <...> Даже если они влияют на некоторые представления, эти влияния могут быть не настолько сильными, чтобы менять установки, воспринятые нормы, нормативные ожидания со стороны окружающих» [Fishbein, Ajzen, 2011: 248]. Сами же представления служат рассудочной основой поведения в целом: «Люди определяют себе цели, чтобы поступать разумно, обдуманно, непротиворечиво, пусть иногда автоматически, но исходя из того, что они думают о своих поступках» [Fishbein, Ajzen, 2011: 24].

Вместе с тем ТЗП не отрицает наличия и некоторой роли имплицитных факторов как таковых. Например, А. Айзен в письме автору статьи отметил, что «мы не отрицаем имплицитные факторы как таковые, но считаем, что их влияние уже учтено и уже измеряется в модели ТЗП».

Подобная постановка вопроса открывает хорошие перспективы для того, чтобы выяснить: существуют ли возможности для продуктивной интеграции самостоятельно выделяемых имплицитных факторов в модель ТЗП?

Как отмечалось выше, было обнаружено, что обогащение традиционных моделей прогнозирования (основанных на эксплицитных факторах) имплицитными компонентами позволяет существенно улучшить точность прогноза, например, электорального поведения [Chernozub, 2020b]. Тем не менее, несмотря на весьма обнадеживающие результаты комбинирования эксплицитных и имплицитных факторов в интересах прогнозирования, упомянутые выше исследования не дают представления о характере комплексного взаимодействия всех элементов модели ТЗП в целом. Исходя из своих собственных задач, проведенные ранее исследования принимали факторы ТЗП лишь частично и в разных комбинациях, что не позволило получить устойчивые результаты и составить мнение об их воспроизводимости.

Таким образом, дальнейшая интеграция имплицитных факторов в модели социального действия выдвигает, помимо прочих, задачу по выявлению характера взаимодействия различных элементов ТЗП, представленных как оригинальными эксплицитными факторами поведения, так и их имплицитными аналогами.

Попытка решения данной задачи предпринята в рамках представленного в данной статье эмпирического исследования, впервые в исследовательской практике² объединившего в одной комплексной модели эксплицитный вариант ТЗП и ее точную имплицитную копию. В качестве экспериментальной ситуации действия выбрана ситуация приобретения нового жилья, связанная с большой ответственностью и значительными для каждой семьи финансовыми затратами, а также требующая большого времени на подготовку. Все это позволяет с высокой степенью надежности определить данный вид поведения как «преднамеренный», то есть направляемый исключительно или, по крайней мере, преимущественно эксплицитными факторами [Thaler, 2016].

Теоретически такое поведение должно исчерпывающе описываться ТЗП. Поэтому автор предполагает, что проявление в процессе эскалации действия даже незначительных имплицитных факторов будет особенно показательным и позволит сделать значимые выводы методического, методологического и теоретического характера.

В методическом плане работа нацелена на проверку того, существует ли возможность измерения имплицитных аналогов традиционных (эксплицитных) параметров модели ТЗП. В методологическом плане — на оценку степени ортогональности полученных имплицитных и эксплицитных эквивалентов и тестирование предположения о том, что имплицитные воздействия уже учитываются эксплицитными компонентами модели. В теоретическом плане предполагается исследование степени воздействия имплицитных факторов на поведение человека в ситуации действия, заведомо предполагающего его «преднамеренный», а не «импульсивный» характер. В случае отсутствия такого влияния станет возможным вывод об обоснованности модели «полной независимости» М. Перуджини: специфический вид поведения определяется специфическим набором факторов. Если обнаружится существенный уровень влияния имплицитных факторов на поведение, необходимо будет сделать вывод в пользу модели «дополнительности»

² Насколько об этом можно судить по результатам уже опубликованных исследований.

(при относительно низком уровне ортогональности имплицитных и эксплицитных факторов), или «взаимодействия» (при относительно высоком).

Комплексная эксплицитно-имплицитная модель ТЗП: состав и операционализация

Практические возможности по реализации поставленных задач есть в области исследований розничного рынка жилья в России: будучи условной сферой «преднамеренного» поведения, она полностью соответствует целям исследования. Исходя из задаваемых этим фактом ограничений, автор строит и операционализирует комплексную эксплицитно-имплицитную модель ТЗП следующим образом:

Установка на приобретение собственного жилья. Известно, что с точки зрения владения жилой недвижимостью на мировом рынке присутствуют две общие установки. Одна основана на представлениях о предпочтительности владения собственным жильем, а вторая — о предпочтительности аренды жилья. Считается, что в первом случае семья имеет лучшие шансы достичь благоприятных финансовых результатов за счет экономии на арендных платежах; во втором случае полагают, что та же задача может быть достигнута за счет большей гибкости (например, при поиске работы) и готовности к быстрому переезду. Можно предположить, что социальная группа, разделяющая первую установку, с относительно большей вероятностью будет готова совершить действие по покупке квартиры или дома.

В ходе данного исследования эксплицитная ориентация на соответствующую установку измерялась на основе согласия с утверждением: «При прочих равных лучше приобрести собственное жилье, чем не приобретать». Использовалась шкала из шести ступеней с полюсами «полностью согласен» и «совершенно не согласен». Измерение валентности имплицитного отношения к идее приобретения нового жилья осуществлялось при помощи вопроса: «Когда я думаю о новом жилье, мои мысли похожи на фигуру... (подберите подходящую фигуру из представленных на рисунке)».

Ожидания результата. В целях эксплицитного измерения параметр ожиданий результата был операционализирован на основе согласия с утверждением: «Для нашей семьи приобретение нового жилья решит все проблемы» (с аналогичной предыдущему случаю шкалой). Для имплицитных измерений использовался вопрос: «Когда я думаю о том, какие проблемы с приобретением нового жилья решатся, мои мысли похожи на фигуру... (подберите подходящую фигуру из представленных на рисунке)».

Нормативные ожидания. Эксплицитно данная переменная измерялась на основе вопроса: «Люди, мнением которых я дорожу, одобряют приобретение нашей семьей нового жилья» (аналогичная шкала из шести ступеней). Для имплицитного измерения применялся вопрос: «Когда люди, мнением которых я действительно дорожу, узнают о приобретении нашей семьей нового жилья, их мысли обо мне будут похожи на фигуру... (подберите подходящую фигуру из представленных на рисунке)».

Ожидания контроля. В отношении данного параметра в обширном корпусе литературы по ТЗП существует дискуссия, в рамках которой на передний план

выдвигается либо оценка «представления о практической реализуемости запланированного поведения», либо субъективная оценка «добровольности» его осуществления. Считается, что вероятность осуществления действия тем выше, чем более реалистичным оно представляется актору, и чем в большей степени он убежден в том, что поступает по своей собственной воле. Исходя из соображений разумной достаточности, в этом исследовании автор решил ограничиться интерпретацией ожиданий контроля как субъективных представлений о преодолении барьеров реализации решения о покупке нового жилья. Эксплицитно измерение ожиданий контроля осуществлялось на основе согласия с утверждением: «Приобретение нового жилья для нашей семьи будет легким делом» (шкала из шести ступеней с полюсами «полностью согласен» и «совершенно не согласен»). ИмPLICITное измерение основывалось на вопросе: «Когда я думаю о том, что предстоит сделать для приобретения нового жилья, мои мысли похожи на фигуру... (подберите подходящую фигуру из представленных на рисунке)».

Намерения. Данный параметр, будучи интенциональным по определению, фиксировался только эксплицитными средствами измерения, а именно — с помощью вопроса: «Вы намереваетесь или нет приобрести новое жилье в течение ближайших примерно 12 месяцев?» (шкала «да» — «нет»).

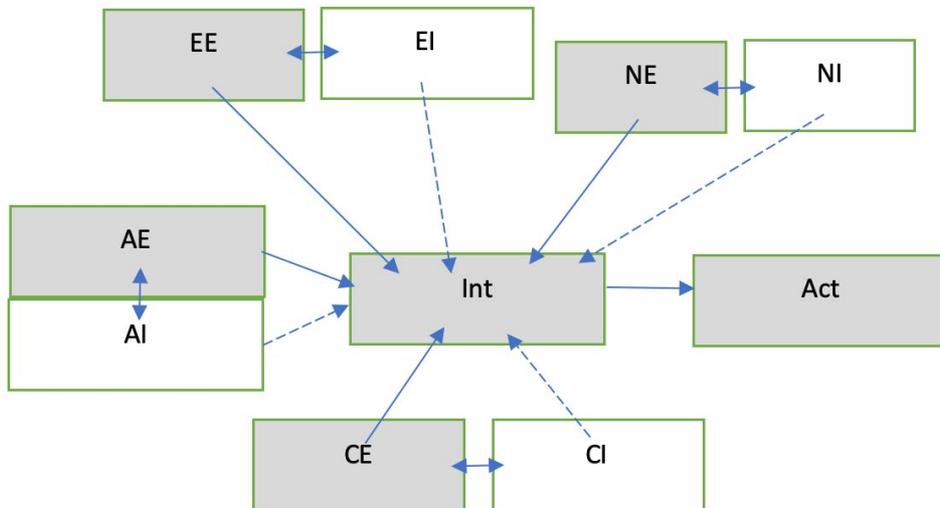
Фактическое поведение. В качестве индикатора реального действия были использованы ответы на вопрос: «Какая часть из необходимой для покупки суммы уже имеется в вашем распоряжении?» Шкала переменной — от 0 % до 100 %. Приобретение жилья не является одномоментным актом, а включает в себя поиск, сравнение и выбор предпочтительного варианта, заключение договора, оплату покупки (которая может растянуться на годы), приемку жилья и подписание актов, оформление документов в реестре и т. д. Из всех доступных индикаторов в данном случае выбран тот, что наиболее надежно фиксирует фактический старт этого длительного действия. Все респонденты, накопившие большую, чем в среднем по выборке сумму, были определены как имеющие максимальные шансы завершить действие, все прочие — как имеющие минимальные шансы завершить действие. Данное допущение было проверено перемещением границы деления выборки на одно стандартное отклонение вверх и на одно стандартное отклонение вниз по шкале: как показали расчеты, такие сдвиги не приводят к качественным изменениям выводов исследования.

Таким образом, система исследуемых параметров представляла собой следующий набор переменных:

- AE** — Установка (эксплицитная);
- AI** — Установка (имплицитная);
- EE** — Ожидания результата (эксплицитные);
- EI** — Ожидания результата (имплицитные);
- NE** — Нормативные ожидания (эксплицитные);
- NI** — Нормативные ожидания (имплицитные);
- CE** — Ожидания контроля (эксплицитные);
- CI** — Ожидания контроля (имплицитные);
- Int** — Намерение;
- Act** — Действие.

В графическом виде модель исследования представлена на рисунке 1: исходные (эксплицитные) элементы выделены серым цветом, дополняющие их имплицитные аналоги — белым.

Рис. 1. Предполагаемая система связей в дуальной модели запланированного поведения

Отображенные на рисунке 1 элементы образуют «обогащенную» модель ТЗП, представляющую, по сути, дуальную модель эскалации поведения. Указанная эскалация в связи с ограничениями настоящего исследования рассматривается как стартующая от возбуждения непосредственных факторов поведения: они оказывают воздействие на формирование намерения, которое выливается в практическое действие.

Замысел и основные гипотезы исследования

С теоретической точки зрения комплексная модель, изображенная на рис. 1, представляет собой более подробный, «развернутый» аналог двухкомпонентных моделей факторов поведения, которые весьма уверенно проявили себя на практике и уже неоднократно упоминались в настоящей работе [Chernozub, 2020a, 2020b, 2022, Чернозуб, 2021]. Ее отличает расширенный состав элементов и существенно более сложная структура потенциальных связей между ними. Исследование силы и направленности этих связей, собственно, и является целью настоящего исследования.

Постулируемые ТЗП связи между элементами модели отображены на рисунке 1 стрелками. Сплошные линии соответствуют связям с эксплицитными факторами, прерывистые — с имплицитными. Логика модели предполагает одностороннее влияние: установка и различные ситуативные ожидания определяют намерение, но не наоборот. Двойными разнонаправленными стрелками на рисунке 1 отображены потенциально существующие связи между эксплицитными факторами и их имплицитными аналогами.

Теоретический вклад представленного исследования состоит в обосновании возможной интеграции системы имплицитных факторов в модель ТЗП. Практическое значение полученных результатов — в уточнении двухкомпонентной модели прогнозирования социального действия и повышении точности результатов ее применения.

Как видно из рисунка 1, комплексная модель ТЗП позволяет ответить на ряд вопросов, имеющих существенное теоретическое и практическое значение. К ним относятся следующие:

1. Возникает ли в результате дополнения модели ТЗП имплицитными компонентами новая информация?

2. Является ли эта информация значимой с точки зрения лучшего понимания социального действия и уточнения прогноза совершения действия?

3. Если возникающая дополнительная информация значима, в каких «узлах» модели возникает лучшее понимание факторов и уточнение прогноза реализации социального действия?

4. Как могла бы выглядеть «оптимизированная» модель ТЗП и каким образом она могла бы быть проинтерпретирована с точки зрения дуальных теорий факторов поведения?

Ответы на эти вопросы могут позволить сделать общий вывод о том, оправдана ли замена или дополнение традиционных факторов ТЗП их имплицитными аналогами с точки зрения лучшего понимания и более точного прогноза поведения.

На основе названных выше вопросов сформулированы следующие гипотезы:

H01: Статистически значимые различия в рамках пар эксплицитных и имплицитных «эквивалентов» факторов ТЗП (EA–IA; EE–IE; EN–IN; EC–IC) отсутствуют.

H02: Статистически значимое улучшение показателей прогноза социального действия в результате замены / дополнения эксплицитных компонент модели ТЗП имплицитными отсутствует.

H03: Статистически значимые различия в характере связей между переменными намерения (Int) и действия (Act) и их предполагаемыми факторами — эксплицитными компонентами модели ТЗП (EA, EE, EN, EC), с одной стороны, и имплицитными компонентами модели ТЗП (IA, IE, IN, IC), с другой стороны, — отсутствуют.

H04: Отклонения в силе и направленности связей переменных модели ТЗП от теоретически предсказанных (см. рис. 1) отсутствуют.

Для проверки описанных гипотез в октябре 2021 г. было проведено эмпирическое исследование на основе статистических данных по розничному рынку жилья в Российской Федерации.

Технические параметры исследования

Исследование, включавшее в себя прогноз покупки респондентом новой комнаты, квартиры или дома, представляло собой онлайн-опрос по репрезентативной для населения Российской Федерации выборке. Всего в октябре 2021 г. было опрошено 2908 респондентов. Теоретически предсказанная максимальная ошибка выборки составляет 1,82 %. 600 опрошенных декларировали свое намерение приобрести жилье в течение ближайших 12 месяцев — этим респондентам

были заданы вопросы эксплицитного блока ТЗП, и они же были протестированы по методике Графического Ассоциативного Теста Отношения (ГАТО) для оценки компонентов имплицитного блока.

Графический Ассоциативный Тест Отношения представляет собой тест Эткинда [Эткнд, 1987], где по соображениям нейтральности к различным объектовым пространствам³ оригинальный стимульный материал (малый набор цветов теста Люшера) [Lüscher, 1990] заменен на стимульный материал теста К. Маркерта [Markert, 1980].

Суть теста заключается в том, что респондент подбирает графическую фигуру, «наиболее подходящую», по его мнению, тому или иному высказыванию. Фигуры теста представлены на рис. 2.

Рис. 2. Графические фигуры теста ГАТО

После этого респондент ранжирует фигуры на основании внешнего предпочтения («на фигуру приятно смотреть, ее хочется долго разглядывать» и т. п.) или отвержения («на фигуру неприятно смотреть, ее не хочется долго разглядывать» и т. п.). Таким образом получается индивидуальная для каждого респондента шкала предпочтения фигур, и место проассоциированной с исследуемым высказыванием фигуры на этой шкале становится индикатором валентности имплицитного отношения к нему.

Соответственно, при обработке полученных данных для подвыборки из 600 респондентов были получены числовые значения переменных, отражающих:

- EA, EE, EN, EC — эксплицитную валентность отношения к высказываниям, характеризующим компоненты модели ТЗП (ранговая шестичленная шкала);
- IA, IE, IN, IC — имплицитную валентность отношения к высказываниям, характеризующим компоненты модели ТЗП (ранговая восьмичленная шкала);
- Int — декларируемое намерение (биномиальная шкала);
- Act — проекцию вероятности совершения реального действия, выраженную через степень завершенности подготовительных действий (интервальная шкала от 0% до 100%).

Учитывая, что большинство использованных шкал относилось к категории ранговых, в качестве показателя направленной связи было решено использовать коэффициент *Somers' D*, считающийся одним из наиболее информативных для подобных видов анализа [Newson, 2002; O'Connell, 2006; Somers, 1962] и хорошо зарекомендовавший себя в предыдущих исследованиях [Chernozub, 2020a, 2022].

Переменные, образующие эксплицитную и имплицитную компоненты модели ТЗП, предварительно были протестированы на ортогональность.

³ например, к объектам политической сферы, маркетинга и т. п.

Эмпирическое обоснование допустимости использования имплицитных измерений

Эмпирическое обоснование допустимости замены или дополнения эксплицитной компоненты модели ТЗД ее имплицитным аналогом было реализовано на основе комплексного анализа ортогональности переменных, образующих каждую из них.

На первом этапе были рассчитаны показатели Альфа Кронбаха отдельно для группы эксплицитных переменных (EA, EE, EN, EC), для группы имплицитных переменных (IA, IE, IN, IC) и для смешанной группы, включающей все переменные. Полученные данные представлены в таблице 1. Для полной корректности сравнения шкала теста ГАТО преобразована в шестичленную: ранги 3 и 4, а также 5 и 6 исходной восьмичленной шкалы объединены попарно.

Таблица 1. **Внутренняя согласованность переменных эксплицитной и имплицитной компонент**

	Альфа Кронбаха	Количество пунктов
Эксплицитные переменные	0,641	4
Имплицитные переменные	0,387	4
Комплексно	0,484	8

Как видно из данных таблицы 1, наибольшей внутренней согласованностью отличается группа эксплицитных переменных. Показатель Альфа Кронбаха выше 0,6 считается весьма высоким; это позволяет предположить, что эксплицитные переменные примерно одинаково описывают некую латентную сущность — каждая из них в отдельности не слишком много добавляет к тому, что уже измерено другими. В этом смысле они могут рассматриваться как переменные, образующие пространство Лайкерта.

Переменные имплицитной компоненты имеют заметно меньшее значение исследуемого показателя. Это означает, что они значительно отличаются друг от друга, описывая принципиально разные стороны латентной сущности. Они не могут рассматриваться как образующие суммативное пространство и должны включаться в анализ по отдельности.

Показатель Альфа Кронбаха, рассчитанный для всех восьми переменных, располагается в пограничной области: на основе его значения нельзя сделать однозначный вывод о возможности признания набора переменных в качестве взаимозаменяемых (суммируемых) или взаимодополняющих (ортогональных).

Более подробно характер связей использованных переменных рассмотрен в таблице 2.

Данные корреляционного анализа в целом воспроизводят результаты анализа пригодности, дополняя его, однако, указанием на области наиболее выраженных связей как внутри групп, так и между ними. В частности, хорошо видно, что группа эксплицитных переменных тесно связана между собой: все обнаруженные связи значимы на уровне ниже $p = 0,05$. Для группы имплицитных переменных, напро-

тив, характерно практически полное отсутствие внутренних связей. Некоторое исключение составляет пара «ожидания результата» (IE) — «ожидания контроля» (IC) (значимый, но низкий коэффициент в 0,89). Связь между группами проявляется в виде корреляции между эксплицитной (EA) и имплицитной (IA) компонентами общей установки на приобретение жилья. Однако она также невелика и имеет коэффициент корреляции всего 0,81.

Таблица 2. **Корреляция Спирмена для восьми исследуемых переменных**

	EA	EE	EN	EC	IA	IE	IN	IC
EA	1	0,407**	0,291**	0,274**	0,081*	-0,015	-0,015	-0,031
EE	0,407**	1	0,446**	0,284**	-0,051	0,043	-0,039	-0,006
EN	0,291**	0,446**	1	0,215**	-0,001	0,006	0,024	-0,01
EC	0,274**	0,284**	0,215**	1	0,037	-0,005	-0,039	-0,005
IA	0,081*	-0,051	-0,001	0,037	1	-0,016	0,054	0,042
IE	-0,015	0,043	0,006	-0,005	-0,016	1	-0,039	0,085*
IN	-0,015	-0,039	0,024	-0,039	0,054	-0,039	1	-0,039
IC	-0,031	-0,006	-0,01	-0,005	0,042	0,085*	-0,039	1

* — корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** — корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

В таблице 3 приведены результаты факторного анализа с использованием восьми включенных в рассмотрение переменных. Его можно рассматривать в качестве дополнения корреляционному, учитывая, что факторный анализ направлен на исследование связей между фактически измеренными индикаторами и латентной переменной, которую они, предположительно, отражают.

Таблица 3. **Результаты факторного анализа для восьми исследуемых переменных⁴**

Компонента	1	2	3
Объясненная дисперсия, %	20,547	16,403	13,05
EE	0,724	0,065	0,065
EA	0,694	-0,091	0,101
EN	0,670	0,014	-0,167
EC	-0,343	0,235	0,347
IA	-0,033	0,765	0,070
IE	0,039	0,764	0,015
IC	0,013	-0,011	0,780
IN	-0,030	0,050	0,639

⁴ Метод выделения: Анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера, вращение сошло за четыре итерации.

По результатам факторного анализа хорошо видно, что вся совокупность исследуемых переменных распадается на три группы. Первая — это группа эксплицитных переменных, специфику которой выражают прежде всего «ожидания результата» (EA). Вторая группа — это две из четырех имплицитных переменных: «общая установка на приобретение жилья» (IA) и «ожидания результата» (IE). Третья — это имплицитные переменные «ожидания контроля» (IC) и «нормативные ожидания» (IN). Особое место последней группы подчеркивается, помимо прочего, относительно высокой корреляцией с эксплицитной переменной «ожидания контроля» (EC).

Забегая вперед, отметим, что эксплицитные «ожидания контроля» (EC) играют особую роль, имея довольно высокие коэффициенты корреляции со всеми тремя выделенными компонентами и служа, таким образом, своего рода связующим звеном между ними. Можно предположить, что данная ситуация отражает специфику объектовой области проведения исследования: приобретение жилья — редкое и требующее больших усилий событие в жизни человека. Поэтому особая роль параметра «ожидания контроля» при совершении действия (покупка жилья) выглядит вполне объяснимой.

Завершить анализ ортогональности групп переменных, отражающих эксплицитную и имплицитную компоненты модели ТЗД, логично оценкой их внутренней попарной согласованности. Соответствующие данные представлены в таблице 4.

Таблица 4. **Внутренняя согласованность исследуемых переменных (попарно)**

	Альфа Кронбаха	Количество пунктов
EA + IA	0,056	2
EE + IE	0,029	2
EN + IN	0,140	2
EC + IC	0,160	2

Данные таблицы 4 вполне определенно показывают, что согласованность внутри содержательно эквивалентных пар отсутствует. Измеряя отношение к одним и тем же высказываниям, эксплицитные и имплицитные переменные дают совершенно разные результаты. В рамках каждой пары они определенно не являются элементами единого пространства Лайкерта, не могут суммироваться и должны рассматриваться как самостоятельные измерения, характеризующие объект (соответствующий фактор поведения ТЗП) в рамках собственного предметного пространства.

Предварительные выводы

Обобщая первые результаты представленного в статье эксперимента по обобщению традиционной модели ТЗП имплицитными факторами, можно заключить, что попытка дополнить или даже заменить набор эксплицитных факторов поведения ТЗП аналогичным набором имплицитных факторов имеет под собой веские основания. Имплицитные факторы не повторяют поведение эксплицитных

и совершенно определенно не сводятся к ним. Как следует из полученных данных, эксплицитная и имплицитная компоненты модели не могут рассматриваться как взаимозаменяемые.

Означает ли это, что дополнение эксплицитных факторов модели ТЗП имплицитными факторами – аналогами повышает качество самой модели? Например, позволяет ли оно более убедительно проинтерпретировать структуру факторов поведения и характер их взаимодействия? Улучшает ли ее прогностические свойства? Поиску ответа на эти вопросы будет посвящена вторая статья этого небольшого цикла.

Список литературы (References)

Чернозуб О. Л. Двухкомпонентная модель поведения человека. Потребители тоже люди // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 265—288. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2097>.
Chernozub O. L. (2021) A Two-Component Model of Behavior Factors. Consumers Are Still Humans. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 265—288. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2097>. (In Russ.)

Эткинд А. М. Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика / под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. М.: Издательство Московского университета, 1987. С. 221—228.

Etkind A. M. (1987) The Color Test of Attitude. In: Bodalev A. A., Stolin V. V. (eds.) *General Psychodiagnosis*. Moscow: Moscow University Press. P. 221—228. (In Russ.)

Ajzen I. (2001) Nature and Operation of Attitudes. *Annual Review of Psychology*. Vol. 52. P. 27—58. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.27>.

Ajzen I. (1991) The Theory of Planned Behaviour. *Organization Behaviour and Human Decision Process*. Vol. 50. No. 2. P. 179—211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-t](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-t).

Ajzen I., Fishbein M. (1980) *Understanding Attitudes and Predicting Social Behaviour*. Englewood-Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Allport G. (1935) Attitudes. In: C. Murchison (ed.) *A Handbook of Social Psychology*. Worcester, MA: Clark University Press. P. 789—844.

Chernozub O. (2020a) Implicit Factors and Inconsistency of Electoral Behavior: From a Theoretical Concept to the Empirical Phenomenon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 17—40. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1584>.

Chernozub O. (2020b) Implicit Factors and Inconsistency of Electoral Behavior: From Attitude to Behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 71—89. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1796>.

Chernozub O. (2022) The Two-Component Model of Behavior Factors: Evidences of Orthogonality of Explicit and Implicit Factors. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 22. No. 1. P. 70—83. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-70-83>.

- Fazio R. (1990) The Role of Attitudes in Memory-Based Decision Making. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 59. No. 4. P. 614—622. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.4.614>.
- Fazio R. (2007) Attitudes as Object-Evaluation Associations of Varying Strength. *Social Cognition*. Vol. 25. No. 5. P. 603—637. <https://doi.org/10.1521/soco.2007.25.5.603>.
- Festinger L. (1957) A Theory of Cognitive Dissonance. Evanston, IL: Row & Peterson.
- Festinger L., Carlsmith J. (1959) Cognitive Consequences of Forced Compliance. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 58. No. 2. P. 203—210. <https://doi.org/10.1037/h0041593>.
- Fishbein M., Ajzen I. (2011) Predicting and Changing Behavior: The Reasoned Action Approach. New York; Hove: Psychology Press.
- Greenwald A., Poehlman T., Uhlmann E., Banaji M. (2009a) Understanding and Using the Implicit Association Test: Iii. Meta-Analysis of Predictive Validity. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 97. No. 1. P. 17—41.
- Greenwald A., Smith C., Sriram N, Bar-Anan Y., Nosek B. (2009b) Implicit Race Attitudes Predicted Vote in the 2008 U.S. Presidential Election. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. Vol. 9. P. 241—253.
- Kahneman D. (2011) Thinking, Fast and Slow. New York, NY: Farrar, Straus and Giroux.
- Katz D. (1960) The Functional Approach to the Study of Attitudes. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 24. No. 2. P. 163—204. <https://doi.org/10.1086/266945>.
- Lüscher M. (1990) The Luscher Color Test. New York, NY: Simon and Schuster.
- Markert C. (1980) Test Your Emotions. Wellingborough, UK: Thomas & Co.
- Melnikoff D., Bargh J. (2018) The Mythical Number Two. *Trends in Cognitive Science*. Vol. 22. No. 4. P. 280—293. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2018.02.001>.
- Newson R. (2002) Parameters behind “Nonparametric” Statistics: Kendall’s Tau, Somers’ D and Median Differences. *Stata Journal*. Vol. 2. No. 1. P. 45—64.
- O’Connell A. (2006) Logistic Regression Models for Ordinal Response Variables. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
- Perugini M. (2005) Predictive Models of Implicit and Explicit Attitudes. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 44. No. 1. P. 29—45. <https://doi.org/10.1348/014466604X23491>
- Perugini M, Richetin J., Zogmaister C. (2010) Prediction of Behavior. In: B. Gawronski, K. Payne (eds.) *Handbook of Implicit Social Cognition: Measurement, Theory, and Applications*. New York, NY: Guilford Press. P. 255—278.
- Rogers T., Aida M. (2012) Why Bother Asking? The Limited Value of Self-Reported Vote Intention. Harvard Kennedy School of Government. *Faculty Research Working Paper*

Series. URL: <http://EconPapers.repec.org/RePEc:hrv:hksfac:7779639> (accessed 17.05.2022).

Roccatto M., Zogmaister C. (2010) Predicting the Vote through Implicit and Explicit Attitudes: A Field Research. *Political Psychology*. Vol. 31. P. 249—274.

Rosenberg M. (1956) Cognitive Structure and Attitudinal Affect. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 53. No. 3. P. 367—372. <http://dx.doi.org/10.1037/h0044579>.

Rosenberg M., Hovland C., McGuire W., Abelson R., Brehm J. (1960) Attitude Organization and Change: An Analysis of Consistency among Attitude Components. New Haven, CT: Yale University Press.

Smith E., DeCoster J. (2000) Dual-Process Models in Social and Cognitive Psychology: Conceptual Integration and Links to Underlying Memory Systems. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 4. No. 2. P. 108—131. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0402_01.

Somers R. (1962) A New Asymmetric Measure of Association for Ordinal Variables. *American Sociological Review*. Vol. 27. No. 6. P. 799—811. <https://doi.org/10.2307/2090408>.

Strack F., Deutsch R. (2004) Reflective and Impulsive Determinants of Social Behavior. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 8. No. 3. P. 220—247. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0803_1.

Thaler R. (2016) *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. New York, NY: W. W. Norton & Company.

Tversky A., Kahneman D. (1992) Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*. Vol. 5. No. 4. P. 297—323. <https://doi.org/10.1007/BF00122574>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2090](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2090)

В. А. Мальцева, И. Е. Сальникова, А. И. Шабалин

ВМЕСТО УНИВЕРСИТЕТА — В КОЛЛЕДЖ: ЧТО ПРИВОДИТ УСПЕВАЮЩИХ ОДИННАДЦАТИКЛАССНИКОВ В СПО?

Правильная ссылка на статью:

Мальцева В. А., Сальникова И. Е., Шабалин А. И. Вместо университета — в колледж: что приводит успевающих одиннадцатиклассников в СПО? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 45—66. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2090>.

For citation:

Maltseva V. A., Salnikova I. Y., Shabalin A. I. (2022) Vocational School Instead of a University: What Brings Successful Eleventh-Graders to Vocational Education? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 45–66. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2090>. (In Russ.)

ВМЕСТО УНИВЕРСИТЕТА — В КОЛЛЕДЖ: ЧТО ПРИВОДИТ УСПЕВАЮЩИХ ОДИННАДЦАТИКЛАСНИКОВ В СПО?

МАЛЬЦЕВА Вера Андреевна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр развития навыков и профессионального образования Института образования, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия
E-MAIL: vamaltseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7555-2350>

САЛЬНИКОВА Ирина Евгеньевна — магистрант Института образования, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия
E-MAIL: iesalnikova@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

ШАБАЛИН Алексей Игоревич — эксперт Центра развития навыков и профессионального образования Института образования, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия
E-MAIL: ashabalin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3905-6960>

Аннотация. Учеба в старшей школе чаще всего завершается поступлением в вуз, а колледж для одиннадцатиклассников является «вторичной» траекторией. Однако с середины 2010-х годов все больше выпускников 11 классов подают заявления в колледжи на фоне стагнирующего приема в вузы. В основе растущего спроса на СПО могут лежать как проблемы доступа к высшему образованию, так и изменение в восприятии желаемых

VOCATIONAL SCHOOL INSTEAD OF A UNIVERSITY: WHAT BRINGS SUCCESSFUL ELEVENTH-GRADERS TO VOCATIONAL EDUCATION?

Vera A. MALTSEVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Research Fellow, Centre for Skills Development and Vocational Education at the Institute of Education
E-MAIL: vamaltseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7555-2350>

Irina Ye. SALNIKOVA¹ — graduate student at the Institute of Education
E-MAIL: iesalnikova@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Alexey I. SHABALIN¹ — Expert, Centre for Skills Development and Vocational Education at the Institute of Education
E-MAIL: ashabalin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3905-6960>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. High school graduates typically enroll in universities, while vocational education is usually seen as a less desirable path. However, since the mid-2010s, a growing number of students completing 11th grade apply for vocational education, whilst universities face stagnating enrollment rates. The growing demand for vocational education may be underpinned by both problems of access to higher education and a change in the perception of desirable and acceptable

и приемлемых послешкольных траекторий. В статье через призму социально-экономического неравенства и рационального действия исследуются особенности выбора образовательного маршрута одиннадцатиклассников, ставших студентами колледжей. Эмпирическую базу исследования составляет серия интервью со студентами, поступившими в колледжи в 2019—2020 гг. после окончания 11 классов и имевшими относительно высокую успеваемость в школе.

Исследование показало, что на выбор образовательной траектории студентов колледжей повлияло сочетание факторов. С одной стороны, выбор в пользу СПО оказался вынужденным шагом для одиннадцатиклассников в условиях снижения доступа к высшему образованию. Это следствие не только вторичных эффектов социально-экономического положения семьи и ее невысокого экономического ресурса, но и отсутствия продуманной стратегии поступления в вуз, наличие которой становится условием успешной прогрессии в высшее образование. С другой стороны, зафиксировано изменение в нарративе СПО: в случае «мягких» и цифровых профессий колледж начинает выступать непосредственной альтернативой вузу, каналом более быстрого и менее затратного овладения монетизируемыми профессиональными навыками. Таким образом, рост интереса к СПО можно интерпретировать и как вынужденно отложенное решение о получении диплома вуза, и как следствие нелинейности образовательных маршрутов молодежи.

post-secondary trajectories. Focusing on the socio-economic inequality and rational action, the authors of this article examine the choice of the educational route of school graduates who have become college students. Empirically, the study bases on the materials of interviews with students who entered colleges in 2019–2020, after completing 11 classes of school and showing a relatively high academic performance.

The study found that college students' choice of educational path was influenced by a combination of factors. On the one hand, the choice in favor of secondary vocational education turned out to be a compulsory decision for some graduates due to limited access to higher education. This might be attributed to the secondary effects of the socioeconomic status of the family and lack of resources or to absence of a strategy for entering a university. The latter becomes a condition for successful progression to higher education. On the other hand, there has been a change in the secondary vocational education narrative: in the case of “soft” and digital professions, the college acts as a direct alternative to the university, a channel for faster and less expensive mastering of professional skills. Thus, the growing interest in secondary vocational education can be interpreted either as a forced postponement of the decision to obtain a university diploma or as a sign of the growing variability of the acceptable educational trajectories.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство, образовательная траектория, колледж, доступ в высшее образование, среднее профессиональное образование

Keywords: socioeconomic inequality, educational trajectory, vocational school, access to higher education, vocational education

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00533). Авторы благодарят за содействие в сборе данных и поддержку исследования В. А. Болотова, за обсуждение материалов интервью и содержательные комментарии — Е. В. Минину. Отдельную признательность авторы выражают Н. Я. Розенфельд и Е. А. Беловой за помощь в проведении интервью.

Acknowledgments. This article is an output of a research project supported by Russian Science Foundation (project No 22-18-00533). The authors are grateful to V. Bolotov for assistance in data collection and overall support of the study, and to E. Minina for discussion of the interview materials and her valuable comments. The authors also express special gratitude to N. Rosenfeld and E. Belova for their help in conducting the interviews.

Введение

Одиннадцатиклассники — нетипичный контингент для российских колледжей. В приеме СПО старшеклассники составляют не более 1/8. Однако с середины 2010-х годов все больше одиннадцатиклассников подают заявления на поступление в колледжи. В пандемичный 2020 г. в колледжи поступило рекордно много старшеклассников — 20,6%. Почти половина поступивших учится платно, появился конкурс на место, а список популярных специальностей в колледжах повторил топ направлений в бакалавриате [Мальцева, Шабалин, 2021].

Траектория «11 классов — колледж» значительно менее популярна, чем «9 классов — колледж». Половина девятиклассников переходят в систему среднего профессионального образования (СПО) после получения аттестата об основном общем образовании. Переход в старшую школу является имплицитным выбором послешкольной образовательной траектории в пользу вуза. Поэтому растущий интерес одиннадцатиклассников к СПО вызывает вопросы в первую очередь к системе высшего образования, где фиксируется негативная динамика в части доступа — как экономического, так и территориального [Малиновский, Шибанова, 2020], особенно в массовых специальностях [Абанкина, Абанкина, 2020].

Образовательные переходы и развилка «колледж — вуз» остаются пространством воспроизводства социально-экономического неравенства [Бессуднов, Малик, 2016; Хавенсон, Чиркина, 2019; Minina, Yanbarisova, Pavlenko, 2020; Косякова и др., 2016; Богданов, Малик, 2020; Бессуднов, Куракин, Малик, 2017, Юдкевич, Прахов, 2017]. Ситуация выбора после 11 класса особенно ярко иллюстрирует эту проблему различий в образовательных притязаниях старшеклассников в зависимости от ресурсов семьи [Хавенсон, Чиркина, 2018]. Имея примерно

равную успеваемость, одни поступают в вуз, а их одноклассники — в колледж с отсроченной возможностью получения высшего образования. В условиях снижения доступа к высшему образованию и устойчиво негативной динамики реальных доходов населения одиннадцатиклассники из семей с невысоким социально-экономическим статусом оказываются в особенно уязвимом положении и вынуждены рассматривать альтернативные образовательные траектории.

Образовательный выбор после 11 класса значительно менее изучен, чем траектория «9 классов — колледж», на которую приходится основной поток в СПО. Однако в новых обстоятельствах возросших «ставок» при поступлении в вуз развилка после 11 класса становится все более интересной для исследования. С одной стороны, повышенные риски несовершенства или отложенной прогрессии в высшее образование, в особенности для одиннадцатиклассников из семей с невысоким социально-экономическим положением. Траектория «9 классов — колледж» нередко имеет продолжение в вузе и может изначально задумываться как единый трек «9 классов — колледж — вуз». У одиннадцатиклассников тоже есть возможность поступить в вуз после окончания колледжа, однако это более длинная и затратная прогрессия в высшее образование. С другой стороны, за растущим спросом на СПО и негативной динамикой приема в вузы могут стоять не только проблемы доступа к высшему образованию, но и изменения в восприятии желаемых и приемлемых послешкольных образовательных траекторий.

В поисках ответа на вопрос, что приводит одиннадцатиклассников в колледж, мы сформулировали несколько гипотез о возможных факторах, обусловивших рост спроса на СПО.

1) Воздействие «выталкивающих» факторов, не позволяющих поступить в вуз, среди них ограниченность экономического ресурса семьи и низкая информированность о выборе как следствие социально-экономического положения семьи.

2) Воздействие «притягивающих» факторов, которые привели к нормализации выбора колледжа как первого послешкольного образования, в том числе под влиянием новых тенденций на рынке труда — бума профессий, в которых сигнальная функция диплома снижена, а на первый план выходят владение релевантными навыками и опыт.

Выбор образовательной траектории, контекстуальная система мотивов и оснований исследуется посредством интервью. Использование качественного дизайна исследования открывает возможность зафиксировать различные проявления вторичных эффектов социально-экономического положения, причем как «эксплицитные» (отношение семьи к выбору колледжа, распространенность профессиональной траектории среди окружения, непосредственная финансовая доступность высшего образования, др.), так и «имплицитные» — культурные практики, подход к образовательному выбору и стратегия поступления.

Для того чтобы протестировать обе гипотезы, собрана выборка одиннадцатиклассников, имевших относительно высокую успеваемость в школе и поступивших в колледжи в 2019—2020 гг. по специальностям с преобладающими направлениями в высшем образовании. Существующие исследования эффектов социально-экономического положения семьи при выборе образовательной траектории преимущественно основаны на интервью студентов колледжей,

поступивших после 9 класса, и их сопоставлении со студентами вузов [Minina, Yanbarisova, Pavlenko, 2020; Pavlenko, 2020]. Данная работа призвана восполнить этот пробел и изучить особенности выбора образовательного маршрута одиннадцатиклассников, ставших студентами колледжей, по социально-экономическим характеристикам похожих скорее на студентов неселективных вузов, чем на сокурсников по СПО.

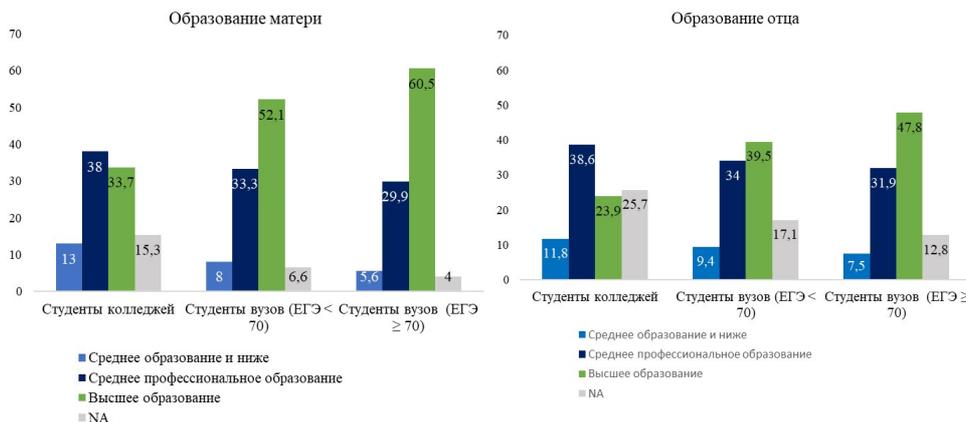
Статья состоит из четырех разделов. В первом представлен обзор академической дискуссии и эмпирических свидетельств о факторах, влияющих на выбор послешкольной образовательной траектории. Во втором разделе описываются эмпирическая стратегия, собранные данные и методы обработки. В третьем разделе приводятся и обсуждаются основные результаты исследования. Статья завершается дискуссией о развилке «колледж — вуз» и проблеме доступа к высшему образованию.

Между колледжем и вузом: одиннадцатиклассники на развилке образовательных траекторий

Развилка после 11 класса не является ключевой в выборе образовательной траектории российских школьников [Бессуднов, Малик, 2016; Хавенсон, Чиркина, 2019]. Менее 20% старшеклассников поступает в колледжи после 11 класса, в итоге обучение в старшей школе зачастую автоматически признается «академической» траекторией. Главный водораздел в выборе послешкольной траектории возникает раньше, после получения основного общего образования. Половина российских девятиклассников (48,3% в 2020 г.) не продолжает обучение в старшей школе и поступает в учреждения СПО [Мальцева, Шабалин, 2021]. Однако и в случае девяти-, и одиннадцатиклассников на выбор образовательной траектории влияет комплекс причин, связанных с социально-экономическим неравенством.

Как известно из обширной литературы по неравенству в образовании, образовательным траекториям свойственна социально-экономическая поляризация [Traini, 2021; Minina, Yanbarisova, Pavlenko, 2020; Jackson, 2013; Roshchina, 2010; Косякова и др., 2016]. В колледжах чаще учатся выходцы из семей с невысоким социально-экономическим положением (СЭП), то есть не имеющих высшее образование, с невысокими уровнем дохода и профессиональным статусом (см. рис. 1). Решение получать среднее профессиональное или высшее образование принимается под влиянием и в контексте неравных условий. Ситуация с развилкой после 9 класса — одна из ярких иллюстраций. Выбор в пользу колледжа после 9 класса представляет собой невыбор академической траектории, то есть продолжения обучения в старшей школе с последующим поступлением в университет, преимущественно из-за академической неуспешности [Хавенсон, Чиркина, 2019; Бессуднов, Малик, 2016]. При этом успеваемость, в терминах теории максимально поддерживаемого неравенства [Raftery, Hout, 1993] и теории эффективно поддерживаемого неравенства [Lucas, 2001], — это первичный эффект СЭП семьи [Boudon, 1974], то есть на успехи в учебе влияет ресурсная обеспеченность родителей.

Рис. 1. Образование родителей обучающихся в колледжах и вузах в 2020 г., % (по данным опроса студентов колледжей и вузов в рамках Мониторинга экономики образования 2020 г.)

Примечание: ЕГЭ по русскому языку.

Ситуация после 11 класса принципиально иная. Обучение в старшей школе по умолчанию считается дорогой в вуз. Однако и после получения аттестата о среднем общем образовании возникает развилка. Как показали исследования [Хавенсон, Чиркина, 2018], поступление в вуз или колледж после 11 класса обусловлено не только результатом ЕГЭ, но и вторичными эффектами СЭП семьи, не связанными с успеваемостью. Школьники с одинаковой успеваемостью имеют разные образовательные амбиции [Косякова и др., 2016; Рощина, Лукьянова, 2010; Рощина, 2012]: одни рассматривают колледж как опцию, другие — безальтернативно университет. Различия в образовательных притязаниях объясняются вторичными эффектами, опосредуемыми образовательным опытом родителей, уровнем дохода, системой ценностей и установок. В частности, выбор школьников из семей с невысоким СЭП скован ограничениями «символического горизонта», например плохой информированностью о высшем образовании из-за недостатка релевантного опыта у родителей [Minina, Yanbarisova, Pavlenko, 2020], а также в целом более низкой вовлеченностью родителей в образовательные решения [Гошин, Мерцалова, 2018]. При этом основное влияние на образовательные амбиции оказывает имплицитная стратегия избегания рисков (risk aversion) — стремление не допустить нисходящую социальную мобильность, то есть получить образование не ниже уровня, имеющегося у родителей [van De Werfhorst, Hofstede, 2007; Breen, van De Werfhorst, Jæger, 2014].

В логике избегания рисков нисходящей мобильности поступление в колледж может рассматриваться как опция послешкольного образования выходцами из семей, не имеющих высшее образование, однако является нежелательным сценарием для старшеклассников, чьи родители имеют диплом вуза. Поэтому траектория «11 классов — колледж» часто оказывается вынужденной или запасной на случае неудачи с ЕГЭ. При этом данный трек не позволяет совершить быструю прогрессию в высшее образование по сравнению с транзитом после колледжа

на базе 9 классов, который в 2010-е годы превратился в отдельную образовательную траекторию [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin, 2018].

Если расположить траекторию «11 классов — колледж» на ряду с другими треками на оси первичных и вторичных эффектов СЭП семьи, окажется, что поступившие в СПО одиннадцатиклассники — это «срединный» контингент, школьники со средней успеваемостью и невысоким СЭП (см. табл. 1). При этом одиннадцатиклассники в СПО отличаются от тех, кто пришел в колледж после 9 класса, не только по успеваемости. Выбравшие колледж после 9 класса воспринимают этот шаг как выход во взрослую жизнь, а сам колледж — как институт взросления, обеспечивающий ускоренный выход в мир труда [Minina, Yanbarisova, Pavlenko, 2020; Павленко, Якубовская, 2020]. К одиннадцатиклассникам нарратив ускоренного взросления неприменим: здесь и колледж, и вуз рассматриваются в качестве института развития человеческого капитала. Таким образом, одиннадцатиклассники, поступившие в колледжи, по большинству характеристик ближе к контингенту студентов неселективных университетов, чем к массе обучающихся в СПО на базе 9 классов.

Таблица 1. Образовательные треки в зависимости от первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи*

	Низкое СЭП семьи	Среднее СЭП	Высокое СЭП
Высокая успеваемость	11 классов — вуз	11 классов — вуз	11 классов — вуз
Средняя успеваемость	9 классов — колледж 11 классов — колледж	11 классов — колледж 11 классов — вуз 9 классов — колледж — вуз	11 классов — вуз
Низкая успеваемость	9 классов — колледж	9 классов — колледж	9 классов — колледж — вуз

* Составлено авторами.

Эта группа одиннадцатиклассников находится в особенно уязвимом положении и чувствительна к снижению доступа к высшему образованию и ухудшению экономической ситуации. Как показало исследование [Мальцева, Шабалин, 2021], с 2015 г. одиннадцатиклассники стали гораздо активнее подавать заявления в колледжи на программы подготовки специалистов среднего звена — по тем же направлениям, что и на программы бакалавриата, при этом более половины зачисленных в колледжи учатся на договорной основе. Эти изменения происходят в период снижения доходов населения, сокращения экономического и территориального доступа к высшему образованию. В таких условиях все больше старшеклассников с невысоким СЭП рассматривают поступление в колледж как альтернативу вузу, запасной вариант. В пандемичный 2020 г. обозначенные тренды лишь усилились, и в колледжи поступили рекордные 20,6% одиннадцатиклассников [там же].

На протяжении 2015—2020 гг. поток школьников, поступающих в колледжи, непрерывно рос, а число выбирающих академическую и транзитную траекторию в вуз сокращалось, хотя соответствующие когорты молодежи и доля родительской

когорты с высшим образованием увеличивались [там же]. Эти процессы все труднее объяснить в логике первичных и вторичных эффектов СЭП семьи и стратегии избегания рисков нисходящей мобильности. Очевидно, что в процесс перераспределения потоков молодежи между колледжами и вузами вмешиваются внешние причины, влияющие на выбор образовательного трека. В соответствии с теорией рационального действия [Breen, Goldthrope, 1997; Goldthrope, 1996] при непосредственном выборе траектории взвешиваются издержки и выгоды, при этом особую значимость имеет экономический ресурс семьи. Учитывая напряжение социально-экономической ситуации в России с 2014 г., одиннадцатиклассникам из средне- и низкодоходных групп все сложнее совершить мобильность или сохранить статус.

Другой полюс объяснений растущей популярности колледжей у «срединного контингента» может лежать за пределами образования и быть связан с изменениями на рынке труда. Рост сервисной занятости и популярность «мягких» профессий со сниженной сигнальной функцией дипломов [Brown, Souto-Otero, 2020] могут способствовать *нормализации* выбора колледжа в качестве первого послешкольного образования для получения монетизируемых профессиональных навыков. Однако эмпирически данное предположение на российском материале еще не проверялось.

В данной статье при анализе мотивов выбора одиннадцатиклассников в пользу колледжа мы используем несколько аналитических рамок, рассмотренных выше. Во-первых, фиксируем манифестации вторичных эффектов СЭП семьи, проявления стратегии избегания риска нисходящей социальной мобильности и рационализации сделанного выбора. Во-вторых, при тестировании предположения о смене нарратива нежелательности в отношении СПО мы используем рамку трансформаций рынка труда и снижения сигнальной функции дипломов для определенных профессий. Такой подход позволит получить комплексную картину о системе мотивов и факторов, повлиявших на выбор одиннадцатиклассников в пользу среднего профессионального образования.

Данные и методология исследования

Эмпирическую базу исследования составляет 31 интервью со студентами колледжей из шести регионов, обучающихся на программах специалистов среднего звена и поступивших на базе 11 классов в 2019—2020 гг. Интервью проводились с ноября 2020 г. по март 2021 г. в дистанционном формате с использованием средств видео- и аудиосвязи¹.

Респонденты рекрутировались через администрации колледжей в шести субъектах (Красноярский край, г. Москва, Московская область, Новосибирская область, Удмуртская республика, Ульяновская область). Отбор информантов проводился в соответствии с заданными параметрами, после чего был произведен рандомизированный выбор участников исследования:

- 1) окончание 11 классов в год поступления в колледж;
- 2) средний балл школьного аттестата не менее 4,0;

¹ В обсуждении гайда, проведении интервью и расшифровке принимали участие стажер-исследователь Центра развития навыков и профессионального образования Н. Я. Розенфельд и магистрант Института образования Е. А. Белова.

3) обучение по программе подготовки специалистов среднего звена, имеющей преемственное направление в бакалавриате;

4) поступление в колледж в 2019—2020 гг.

Использовалась квотная модель выборки. Параметрами для квотирования выступили пол и год поступления. Количество информантов, опрошенных в одном колледже, варьировалось от двух до шести человек. Основные параметры итоговой выборки представлены в таблице 2.

Таблица 2. Основные характеристики участников исследования

Характеристика		Количество интервью
Пол	Женский	16
	Мужской	15
Образование родителей	Оба имеют высшее образование	10
	Один родитель имеет высшее образование	7
	Не имеют высшее образование	12
Форма обучения	Договор	23
	Бюджет	8
Год поступления в колледж	2019	14
	2020	17
Специальность	Коррекционная педагогика в начальном образовании	1
	Преподавание в начальных классах	1
	Производство и эксплуатация оптических и оптико-электронных приборов и систем	1
	Реклама	3
	Программирование в компьютерных системах	3
	Сетевое и системное администрирование	1
	Информационные системы и программирование	10
	Экономика и бухгалтерский учет	2
	Банковское дело	2
	Гостиничное дело	1
	Дизайн	2
	Коммерция (по отраслям)	2
Операционная деятельность в логистике	2	
Всего		31

Участие в интервью было добровольным и неоплачиваемым. Длительность интервью варьировалась от 22 до 60 минут со средним значением около 34 минут. Все интервью записывались с использованием средств аудиосвязи и расшифровывались. Информантам гарантировалась конфиденциальность, поэтому далее при ссылке на цитаты используется обобщенная информация: пол респондента, год поступления в колледж, регион и уровень образования родителей.

Гайд интервью включает пять блоков:

- 1) процесс и мотивы выбора послешкольной образовательной траектории;
- 2) иные варианты образовательной траектории, планы по продолжению образования;

- 3) восприятие высшего и среднего профессионального образования;
- 4) поступление и выбор образовательной траектории в условиях пандемии (только для поступивших в 2020 г.);
- 5) опросный модуль о СЭП семьи и биографической информации.

Материалы интервью подвергнуты стандартным процедурам обработки качественных данных, в частности проведено тематическое кодирование в соответствии со структурой гайда и аналитической рамкой исследования. В фокусе анализа находились блоки, обсуждающие мотивы и процесс выбора образовательной траектории после 11 класса, отношение к выбранному треку и планы по продолжению образования. Кодирование проводилось авторами работы с последующим обсуждением и согласованием позиций. Дополнительно на основе транскриптов интервью составлена дескриптивная база ключевых социально-экономических характеристик респондентов, включая уровень образования родителей и материальное положение семьи.

Результаты

Неслучившаяся социальная мобильность

Практически все участники исследования рассчитывали на обучение в системе высшего образования после окончания 11 класса, лишь трое изначально рассматривали поступление в колледж. Более подробное обсуждение образовательных притязаний обнаружило развилку по социально-экономическому положению семьи в этой гомогенной с точки зрения успеваемости группе. Колледж не рассматривался как опция для поступления после 11 класса именно выходцами из семей с опытом высшего образования, тогда как равные им по успеваемости, но из менее ресурсных семей старшеклассники чаще имели сразу два сценария — вуз и колледж в случае непоступления в университет. Эти различия в образовательных притязаниях — не что иное, как проявления вторичных эффектов, ярко иллюстрирующие стратегию избегания риска нисходящей социальной мобильности.

Более половины респондентов в нашем исследовании совершили нисходящую мобильность. Помимо ожидаемой фиксации на поступлении в колледж как вынужденном шаге, информанты говорят об обучении в СПО как о «демо-версии» вуза, когда учеба в колледже помогает сориентироваться в профессии и специальности, но не воспринимается как достаточный уровень образования.

Я поняла, что лучше мне все-таки пойти куда-то учиться. И, может быть, колледж мне поможет в выборе моей будущей профессии. И я начну с чего-то, а там уже пойму, что мне конкретно нужно и чем я хочу заниматься. И колледж мне помог в этом. (Студентка, Москва, поступление в 2020 г., родители с высшим образованием)

Вынужденность поступления в колледж у совершивших нисходящую образовательную мобильность выражается эксплицитно — ответы участников из семей с высшим образованием наполнены разочарованием и неудовлетворенностью из-за того, что им пришлось воспользоваться запасным, нежелательным вариантом продолжения обучения после 11 класса.

И я понимал, что запасной аэродром всегда есть — это колледж. Конечно, ну, конечно, не хотелось идти после 11 класса в колледж. <...> Но и все-таки запасной аэродром был, вот он все-таки и настал. (Студент, Ачинск, поступление в 2020 г., родители с высшим образованием)

Но, конечно, есть у меня не очень приятное чувство, что я все-таки учусь не на высшее образование, а на среднее профессиональное. Ну, конечно, хотелось бы высшее получить. (Студентка, Москва, поступление в 2020 г., родители с высшим образованием)

Стремление «вернуть» свой статус и поступить в вуз после колледжа также ярко выражено у совершивших нисходящую мобильность. Две трети респондентов из семей с высшим образованием обозначили твердое намерение продолжить обучение в вузе, в то время как в группе респондентов, сохранивших свой статус, половина не планирует поступать в университет.

И вообще я хотел всегда учиться в вузе. Я продолжу свое обучение в вузе непременно. Я не хочу заканчивать на СПО, потому что СПО — это как ступень. Несмотря на то что это полноценная вообще стезя жизнедеятельности человека в принципе, она все-таки требует продолжения какого-то, больше комплексного расширения кругозора человека. (Студент, Новосибирск, поступление в 2019 г., родители с высшим образованием)

В вуз я буду поступать, это вероятность 99 процентов. Сейчас я буду заканчивать, получается, колледж, закончу в 23 году. Скорее всего, пойду в армию, после армии я буду уже смотреть... И, наверно, скорее всего, буду поступать именно в вуз по специальности, по которой я учился в колледже. Я, скорее всего, буду продолжать. <...> Это обязательно. (Студент, Ачинск, поступление в 2019 г., родители с высшим образованием)

Для студентов, совершивших нисходящую мобильность, стремление восстановить образовательный статус во многом связано с общественным мнением и давлением родителей. Все респонденты из семей с дипломами вузов отметили, что родители ожидают от них получения высшего образования, а треть информантов подвергаются давлению в этом вопросе. Но и сами респонденты осознают важность высшего образования: студенты из высокоресурсных семей чаще фиксировали самооценку университетского образования и формулировали преимущества обучения в вузе больше в парадигме теории человеческого капитала, нежели теории сигналов — диплома ради «корочки».

Не считаю, что это [необходимость получать высшее образование] какая-то зашоренность, привитый какой-то принцип, это достаточно обоснованное, аргументированное решение, которому надо следовать. (Студент, Новосибирск, поступление в 2019 г., родители с высшим образованием)

Из института выходят более образованными, и такими, не знаю, интересными, мне кажется, эрудированными. (Студент, Москва, поступление в 2019 г., мать с высшим образованием)

Колледж оказался опцией даже для успевающих старшеклассников, в том числе и для выходцев из высокоресурсных семей. Однако получение СПО — чаще вынужденный шаг для одиннадцатиклассников. У студентов колледжей с высоким социально-экономическим положением фиксируется субъективное ощущение проигрыша и желание «вернуть» статус — как из-за давления родителей, так и из личного стремления к накоплению более высокого уровня человеческого капитала.

Не только вторичные эффекты

В нашей выборке лишь каждый третий респондент рос в семье с невысоким уровнем социокультурного капитала, поэтому объяснения выбора в пользу колледжа в терминах вторичных эффектов явно недостаточно. Причины, повлекшие за собой поступление в колледж после 11 класса, различаются у выходцев из семей с высшим образованием и менее ресурсных семей.

Выбор колледжа одиннадцатиклассниками из семей без опыта высшего образования стал прямым следствием социально-экономического положения и результатом воздействия вторичных эффектов. В ряде случаев сработала ограниченность экономического ресурса семьи. Вопрос экономического и территориального доступа к высшему образованию особенно обострился в 2015—2020 гг. [Малиновский, Шибанова, 2020]. Сжатие сети филиалов, сегмента заочного образования и бюджетных мест на массовых специальностях на фоне общего снижения доходов населения сильнее всего отразилось на образовательных стратегиях домохозяйств с невысоким социально-экономическим статусом [Мальцева, Шабалин, 2021]. В итоге одиннадцатиклассники из семей со сложным материальным положением, не сумевшие поступить на бюджетные места, были вынуждены унять образовательные амбиции и пойти в колледж, так как платное обучение в вузе для них оказалось неподъемным.

Так как бюджет семьи очень скуден, я рассматривала исключительные бюджетные институты и готовилась. (Студентка, Москва, поступление в 2020 г., оба родителя с СПО)

Платное [обучение в вузе] я не рассматривала, так как у меня не совсем есть возможность, получается, поэтому да, рассматривала только бюджет. (Студентка, Канск, поступление в 2019 г., отец с СПО)

Помимо материальных ограничений для одиннадцатиклассников с невысоким СЭП характерна манифестация вторичных эффектов — неуверенность и сомнение в собственных силах для поступления и успешной учебы в вузе. Это одно из проявлений неравенства намерений [Рощина, 2012], когда школьники даже не пытаются поступать в вуз, считая эту задачу невыполнимой.

Есть у меня такая особенность, что я не совсем хочу, не то что хочу — расцениваю свои силы, то есть, например, в колледже для меня все более-менее хорошо, у меня все получается, а что будет, например, на высшем? Мне кажется, что это будет сложнее для меня как-то. (Студентка, Канск, поступление в 2019 г., отец с СПО)

Также выходцы из семей, не имеющих опыт высшего образования, чаще сталкивались с техническими ошибками при поступлении, проблемами с документами и процедурами. В период пандемии это особенно обострилось.

Ну, изначально я планировал поступать в Москве в университет на прикладную математику, но из-за проблем с документами я не мог сдать ЕГЭ, а без него не мог поступить в вуз. Поэтому выбрал другое близкое направление, «Экономика», и решил пойти на банковское дело. После некоторых поисков учебных заведений я наткнулся на московский колледж, выбрал его, довольно близко и удобно. Опять же, уже сроки поджимали. Был сентябрь почти уже. И все из-за документов. (Студент, поступление в 2020 г., Москва, родители с СПО)

У одиннадцатиклассников из более ресурсных семей путь в колледж был иным. Это не только и не столько неудачная сдача ЕГЭ, не позволившая поступить в вуз, сколько низкая осознанность и отсутствие стратегии поступления. К стратегии можно отнести раннее профессиональное самоопределение, изучение рынка образовательных программ, профильную подготовку к ЕГЭ. Респонденты практически не выбирали — рассматривали лишь один-два варианта специальностей или вузов, делали выбор в последний момент исходя из «удобных» предметов для сдачи ЕГЭ. Многие совершали тактические ошибки при планировании поступления, например, неверно рассчитывали время, необходимое на подготовку. В условиях ужесточения конкуренции за места в вузах подобная «беспечность» преградила путь в вуз.

Я, честно, не знала куда в принципе пойти после одиннадцатого [класса]. Меня как-то мало что привлекало. (Студентка, поступление в 2020 г., Новосибирск, мать с высшим образованием)

Просто я не знаю еще, не могу до конца определиться, что я хочу, чего не хочу. (Студентка, поступление в 2019 г., Новосибирск, родители с высшим образованием)

Где-то прошло полгода после начала обучения в 11 классе, и я поняла, что я не успеваю подготовиться и мне лучше в колледж поступить. (Студентка, поступление в 2020 г., Москва, родители с высшим образованием)

Но как-то моя, наверное, ошибка была, что не пошел к репетитору по физике. Скорее всего, может, из-за этого не набрал баллов. (Студент, поступление в 2020 г., Ачинск, родители с высшим образованием)

В колледж после 11 класса поступили не только те, кто unsuccessfully сдал ЕГЭ или не может позволить оплачивать обучение в вузе. Не менее важным фактором оказалось отсутствие стратегии поступления. В условиях ограниченности бюджетных мест на массовых специальностях и более высокого конкурса шансы на поступление в вуз в отсутствие продуманной стратегии снижаются. Проблемы с планированием поступления были выявлены у всех информантов вне зависи-

мости от уровня социокультурного капитала. Однако степень «потерянности» и/или «беспечности» при поступлении варьируется в зависимости от ресурсов семьи. В случае старшеклассников из менее ресурсных семей отсутствие стратегии только усилило вторичные эффекты социально-экономического положения.

Смена нарратива и новый имидж СПО?

«Колледжа достаточно» — как показало исследование, даже студенты из высоко-ресурсных семей и с относительно высокой успеваемостью разделяют это мнение. Несмотря на разочарование от непоступления в вуз после 11 класса, многие информанты считают приобретаемые знания и навыки в системе среднего профессионального образования достаточными для успешной работы, по крайней мере в краткосрочной перспективе. В немалой степени это связано с тем, что подавляющее большинство респондентов учатся на сервисных и «мягких» специальностях.

На самом деле я вообще не вижу смысла, например, поступать в высшее образование, в вузы... потому что... не знаю, не вижу смысла. Я могу, в принципе, сейчас зарабатывать большие деньги без высшего образования. (Студент, г. Москва, поступление в 2020 г., родители с высшим образованием)

Для меня, я пока не знаю, если будет потребность, то, наверно, да, если будет интересно станет интересна какая-то сфера и пойду учиться еще на 5 лет, но на 5 лет вряд ли, потому что мне кажется, после колледжа у меня будут уже какие-то свои проекты и так далее, особо не до обучения в университете. (Студент, поступление в 2019 году, г. Москва, мать с высшим образованием)

С другой стороны, информанты указывают на необходимость получения высшего образования в профессиях с жесткой квалификационной рамкой (в области медицины, юриспруденции и др.). Однако в сервисных и «мягких» профессиях участники исследования отмечают первоочередную важность специализированных навыков и профессионального портфолио, которые сами по себе являются сигналом на рынке труда.

Но просто я считаю, что, возможно, для некоторых специальностей оно [высшее образование] очень важно. Например, для врачей, еще специальности, которые вот долго изучаются очень серьезно. А так как мир программиста — это вообще то, что можно изучить самим в принципе, обучиться этому. Как бы я просто считала, что это не особо важно — высшее образование для программиста. Просто это мое мнение, пока я особо этого не узнала изнутри. (Студентка, поступление в 2020 г., Ачинск, родители с СПО)

У меня мама хочет, чтобы у меня было высшее. Я не совсем вижу смысл в этом, потому что дизайн — дело очень «вкусное». Кому-то понравится твой дизайн, кому-то не понравится твой дизайн. Где-то тебя возьмут на работу из-за того, что у тебя есть корочка, где-то тебя возьмут на работу, потому что у тебя хорошее портфолио, ты хорошие работы просто делаешь. С этим довольно-таки сложно. (Студент, поступление в 2019 г., Ижевск, родители с высшим образованием)

Как показало исследование, выбор колледжа одиннадцатиклассниками является результатом влияния вторичных эффектов социально-экономического статуса и отсутствия стратегии поступления. С другой стороны, фиксируется улучшение восприятия среднего профессионального образования абитуриентами, студентами и их семьями. В частности, ослабляется стигматизация обучения в колледже — даже среди студентов из семей с высоким социокультурным капиталом. Драйвером «ребрендинга» в нашей выборке стали новые колледжи, преимущественно частные. В ряде случаев новый частный колледж оказался более предпочтительным вариантом по сравнению с неселективным вузом.

Из университетов, в которые была возможность поступить, я посчитал то, что колледж, в который я поступил, намного перспективнее, чем эти университеты. (Студент, поступление в 2020 г., Москва, родители с высшим образованием)

Я рассматривал колледж при университете N, но по отзывам там очень старые преподаватели, очень старая система и вообще, короче. Колледжи были такими себе вариантами, чисто чтобы числиться, а этот колледж, он частный, поэтому он довольно-таки современный. (Студент, поступление в 2019 г., Москва, мать с высшим образованием)

Просто как бы есть хорошие вузы и есть плохие, и вот тут проблема, в общем, надо выбирать от преподавателей. (Студентка, поступление в 2020 г., Новосибирск, отец с неоконченным высшим образованием)

Несмотря на улучшение имиджа СПО и возникшую конкуренцию колледжей с вузами за абитуриентов, респонденты указывают на «пропасть» в позиционировании и статусе среднего профессионального и высшего образования. При этом находясь в статусе студентов колледжей и наблюдая систему СПО изнутри, информанты отмечают несоответствие между существующими негативными установками и реальным положением вещей.

Но, наверное, недостаток то, что имидж СПО, он посредственный в головах людей, и люди на это смотрят, как на что-то такое колхозное, извиняюсь за выражение. <... > То есть в имиджах этих двух видов образования в головах людей огромная пропасть. Это как недостаток СПО, наверное. Хотя на самом деле картина далеко другая, потому что СПО сейчас улучшается и модернизируется. (Студент, поступление в 2019 г., Новосибирск, родители с высшим образованием)

Довольно-таки много интересных людей попадают туда [в колледж] совершенно разными способами — очень странно. И мне было интересно, как попадают люди в колледж, довольно-таки умные, почему они не идут на вышку? (Студент, поступление в 2019 г., Москва, мать с высшим образованием)

С другой стороны, позитивный взгляд на обучение в колледже, неожиданно превзошедшее ожидания, и бытующий имидж нередко дополняются неудовольствием относительно обучения совместно со студентами, поступившими после 9 класса.

Респонденты отграничивают себя от студентов из числа девятиклассников. Еще во время обучения в школе информанты противопоставляли себя одноклассникам, поступавшим в СПО после 9 класса, а теперь оказались с ними в стенах одного колледжа. Из-за относительно небольшой доли в контингенте одиннадцатиклассники остаются «белыми воронами» в колледжах, однако в условиях роста числа заявлений гетерогенность студентов СПО становится все более выраженной.

Оказалось, есть много реально умных и интересных людей, особенно тех, кто пришел после одиннадцатого [класса]. Ребята, которые после девятого [класса], они не настолько мне симпатизируют. (Студент, поступление в 2019 г., Москва, мать с высшим образованием)

*Интервьюер: «Есть какие-то недостатки, которые вы сейчас видите в колледже?»
Респондент: «Контингент людей, потому что там же есть те, кто после 9 класса ушли. В основном же идут в колледж, потому что не сдали ЕГЭ или просто после 9 класса ушли. Поэтому много таких людей, которым плевать на обучение, не очень им нравится учиться. <...> Мне, наверное, с группой повезло. Но у нас большинство такие осознанные люди, которые шли уже осознанно».* (Студентка, поступление в 2020 г., Ачинск, родители с СПО)

Несмотря на бум приема в колледжи [Мальцева, Шабалин, 2021] и некоторое обновление имиджа СПО, говорить о стирании границ между образованием в вузе и колледже не приходится, даже если речь идет о неселективном вузе и преемственных специальностях в СПО и высшем образовании. Однако нам удалось определить пространство, где эта граница становится тоньше. Это сервисные, креативные специальности, «мягкие» профессии — те, в которых диплом все в меньшей степени выполняет роль фильтра, а реальным критерием отбора являются конкретные профессиональные навыки. Флагманом этого движения стали специальности в области информационных технологий и иные цифровые профессии, спрос на которые со стороны рынка труда бурно растет. Абитуриенты реагируют на рыночные сигналы и поступают в колледжи в расчете на получение быстро монетизируемых навыков с меньшими временными и финансовыми затратами.

Дискуссия: между колледжем и вузом, или о доступе к высшему образованию

Проблема доступа к высшему образованию, в особенности выходцев из уязвимых слоев населения, занимает важное место в повестке образовательной политики развитых стран. Во многих государствах существуют альтернативные образовательные треки и инструменты обеспечения доступа к университетскому образованию [Webb et al., 2017; Bathmaker, 2017]. Одна их ключевых мер — институционализация *прикладного* высшего образования, которое выполняет роль «переходного мостика» между средним профессиональным и высшим образованием. Это решается несколькими способами [Wheelahan, 2016]. Например, через увеличение числа провайдеров прикладного высшего образования, когда учреждения СПО выдают дипломы бакалавров — как это происходит в британских

колледжах (FE college) или колледжах TAFE в Австралии, либо когда создаются институты и университеты прикладного высшего образования на базе бывших учреждений СПО. Также в линейку вузовских программ может вводиться прикладной бакалавриат. Тем не менее все эти попытки ухода от бинарности треков (СПО — университет) через введение новых квалификаций и институтов высшего образования часто превращаются в «растягивание вертикальной стратификации» [Marginson, 2016], а попытки снизить неравенство могут оказаться путем к его повышению [Bathmaker, 2017]. Например, в ряде стран в сегмент прикладного высшего образования, созданный для снижения барьеров доступа, попадают преимущественно студенты из семей среднего класса [Webb et al., 2017].

Ситуация в России, когда все больше школьников поступают в колледжи, а в вузы поступить все сложнее, возвращает к вопросу о буферной зоне между академической и профессиональной образовательной траекторией. В 2010-е годы в России предпринимались попытки введения прикладного бакалавриата, хотя в их основе лежали сугубо экономические основания, а не идеи расширения доступа к высшему образованию и снижения неравенства. Однако проект по институционализации прикладного высшего образования обернулся неудачей и был свернут. Одновременно в стране стихийно сформировалась «обходная» траектория, когда девятиклассники уходят в колледж, с тем чтобы сразу после получения диплома СПО поступить в вуз по облегченным условиям (без сдачи ЕГЭ) и учиться по сокращенной программе. Отчасти эта траектория и стала тем самым высшим образованием «второго шанса». Однако емкость этой траектории сокращается — все меньше выпускников колледжей сразу после окончания поступают в вузы [Мальцева, Шабалин, 2021].

С одной стороны, интерес к высшему образованию не снижается. Это мотивировано ощутимой отдачей от вузовского диплома и долгосрочными карьерными перспективами [Капелюшников, 2021]. С другой стороны, на наших глазах бурно развивается сегмент «мягких» профессий, а также связанных с цифровыми технологиями, которые в меньшей степени реагируют на сигнал от диплома вуза и все больше — от документов, подтверждающих владение конкретными навыками и релевантный опыт. Поэтому рост интереса к СПО в условиях снижения доступа к высшему образованию можно интерпретировать и как отложенное решение о получении диплома вуза, и как все большую нелинейность образовательных маршрутов молодежи и разрушение привычных цепочек «школа — вуз» и «школа — колледж».

Несмотря на неоднозначность сложившейся ситуации со спросом на СПО, контуры возможных последствий вполне просматриваются. Во-первых, торможение роста числа молодых людей, имеющих высокую квалификацию, может стать серьезным ограничением для долгосрочного экономического развития в условиях технологических вызовов. Во-вторых, отсутствие институционализированных альтернативных траекторий в высшее образование затрудняет социальную мобильность и потенциально усиливает социальное напряжение. С другой стороны, увеличивающийся контингент колледжей может оказаться позитивным вызовом для системы СПО, создавая стимулы для модернизации и создания новых гибких программ в расчете на более сильных абитуриентов.

Список литературы (References)

Абанкина И. В., Абанкина Т. В. Равенство прав vs равенство возможностей в сфере высшего образования // Журнал новой экономической ассоциации. 2020. № 3. С. 205—213. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-12>.

Abankina I., Abankina T. (2020) Equality of Rights vs Equality of Opportunities in Higher Education. *Journal of the New Economic Association*. Vol. 47. No. 3. P. 205—214. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-12>. (In Russ.)

Бессуднов А. Р., Малик В. М. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>.

Bessudnov A., Malik V. (2016) Socio-Economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories upon Completion of Lower Secondary Education in Russia. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 135—167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>. (In Russ.)

Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83—109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>.

Bessudnov A., Kurakin D., Malik V. (2017) The Myth About Universal Higher Education: Russia in the International Context. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 83—109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>. (In Russ.)

Богданов М. Б., Малик В. М. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 391—421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>.

Bogdanov M., Malik V. (2020) Social, Territorial and Gender Inequalities in Educational Trajectories of the Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 391—421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>. (In Russ.)

Гошин М. Е., Мерцалова Т. А. Типы родительского участия в образовании, социально-экономический статус семьи и результаты обучения // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 68—90. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-68-90>.

Goshin M., Mertsalova T. (2018) Types of Parental Involvement in Education, Socio-Economic Status of the Family and Students' Academic Results. *Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 68—90. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-68-90>. (In Russ.)

Капелюшников Р. И. Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 37—68. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-37-68>.

Kapeliushnikov R. (2021) Returns to Education in Russia: Nowhere Below? *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. P. 37—68. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-37-68>. (In Russ.)

Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 5. С. 76—97.

Kosyakova Y., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. (2016) The Reproduction of Social Inequality in the Russian Educational System. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 19. No. 5. P. 76—97. (In Russ.)

Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. М.: НИУ ВШЭ, 2020.

Malinovsky S., Shibanova E. (2020) Regional Differentiation of Accessibility of Higher Education in Russia. Moscow: NRU HSE. (In Russ.)

Мальцева В. А., Шабалин А. И. Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10—42. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>.

Maltseva V., Shabalin A. (2021) The Non-Bypass Trajectory, or The Boom in Demand for TVET in Russia. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 10—42. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>. (In Russ.)

Павленко Е. С., Якубовская А. А. Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>.

Pavlenko E., Yakubovskaya A. (2020) Interpretations of Adulthood and Formation of Educational Trajectories. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>. (In Russ.)

Рощина Я. М. Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 257—277. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-1-257-277>.

Roshchina Y. (2012) Family Capital as a Factor of Educational Opportunities for Russian High School Students. *Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 257—277. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-1-257-277>. (In Russ.)

Рощина Я. М., Лукьянова К. М. Образовательные и экономические стратегии обучающихся // Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень. 2010. № 5(45). М.: НИУ ВШЭ. URL: <https://memo.hse.ru/data/2011/05/19/1213859082/infbul45.pdf> (дата обращения: 05.07.2022).

Roschina Y., Lukyanova K. (2010) Educational and Economic Strategies of Students. *Monitoring of Economics of Education*. No. 5(45). Moscow: NRU HSE. URL: <https://memo.hse.ru/data/2011/05/19/1213859082/infbul45.pdf> (accessed: 05.07.2022). (In Russ.)

Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 539—554. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>.

Khavenson T., Chirkina T. (2019) Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic

Status. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 4. P. 539—554. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>. (In Russ.)

Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. Эффективно поддерживаемое неравенство. Выбор образовательной траектории после 11-го класса школы в России // *Экономическая социология*. 2018. Т. 19. № 5. С. 66—89. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-5-66-89>.
Khavenson T., Chirkina T. (2018) Effectively Maintained Inequality: The Choice of Postsecondary Educational Trajectory in Russia. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 19. No. 5. P. 66—89. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-5-66-89>. (In Russ.)

Юдкевич М.М., Прахов И.А. Влияние дохода домохозяйств на результаты ЕГЭ и выбор вуза // *Вопросы образования*. 2012. № 1. С. 126—147. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-1-126-147>.

Yudkevich M., Prakhov I. (2012) Effect of Family Income on USE Performance and the Choice of University. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 126—147. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-1-126-147>. (In Russ.)

Bathmaker A-M. (2017) Post-Secondary Education and Training, New Vocational and Hybrid Pathways and Questions of Equity, Inequality and Social Mobility: Introduction to the Special Issue. *Journal of Vocational Education & Training*. Vol. 69. No. 1. P. 1—9. <https://doi.org/10.1080/13636820.2017.1304680>.

Boudon R. (1974) *Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society*. New York, NY: Wiley.

Breen R., Goldthorpe J. H. (1997) Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory. *Rationality and Society*. Vol. 9. No. 3. P. 275—305.

Breen R., van De Werfhorst H. G., Jæger M. M. (2014) Deciding Under Doubt: A Theory of Risk Aversion, Time Discounting Preferences, and Educational Decision-Making. *European Sociological Review*. Vol. 30. No. 2. P. 258—270. <https://doi.org/10.1093/esr/jcu039>.

Brown P., Souto-Otero M. (2020) The End of the Credential Society? An Analysis of the Relationship between Education and the Labour Market Using Big Data. *Journal of Education Policy*. Vol. 35. No 1. P. 95—118. <https://doi.org/10.1080/02680939.2018.1549752>.

Goldthorpe J. H. (1996) Class Analysis and the Reorientation of Class Theory: The Case of Persisting Differentials in Educational Attainment. *British Journal of Sociology*. Vol. 47. No. 3. P. 481—505.

Jackson M. (ed.) (2013) *Determined to Succeed?: Performance Versus Choice in Educational Attainment*. Stanford, CA: Stanford University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvqsdrjr>.

Lucas S. R. (2001) Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects. *American Journal of Sociology*. Vol. 106. No. 6. P. 1642—1690. <https://doi.org/10.1086/321300>.

Marginson S. (2016) The Worldwide Trend to High Participation Higher Education: Dynamics of Social Stratification in Inclusive Systems. *Higher Education*. Vol. 72. No. 4. P. 413—434. <https://doi.org/10.1007/s10734-016-0016-x>.

Minina E., Yanbarisova D., Pavlenko E. (2020) Educational Choice of Russian High School Students in Grade Nine. *International Studies in Sociology of Education*. Vol. 29. No. 4. P. 326—343. <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1728362>.

Pavlenko E. (2020) “I Didn’t Know You Can’t Plan So Far Ahead” Symbolic Logics Behind the Choice of Vocational Education in Russia. NRU Higher School of Economics. Series EDU “Education”.

Raftery A. E., Hout M. (1993) Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921—1975. *Sociology of Education*. Vol. 66. No. 1. P. 41—62.

Roshchina Y. (2010) Accessibility of Professional Education in Russia. ESCIRRU WP. Vol. 13. P. 1—48.

Traini C. (2021) The Stratification of Education Systems and Social Background Inequality of Educational Opportunity. *International Journal of Comparative Sociology*. <https://doi.org/10.1177/00207152211033015>.

Van De Werfhorst H. G., Hofstede, S. (2007) Cultural Capital or Relative Risk Aversion? Two Mechanisms for Educational Inequality Compared. *The British Journal of Sociology*. Vol. 58. No. 3. P. 391—415.

Webb S., Bathmaker A.-M., Gale T., Hodge S., Parker S., Rawolle S. (2017) Higher Vocational Education and Social Mobility: Educational Participation in Australia and England. *Journal of Vocational Education & Training*. Vol. 69. No. 1. P. 147—167. <https://doi.org/10.1080/13636820.2016.1269359>.

Wheelahan L. (2016) ‘College for All’ in Anglophone Countries — Meritocracy or Social Inequality? An Australian Example. *Research in Post-Compulsory Education*. Vol. 21. No. 1—2. P. 33—48. <https://doi.org/10.1080/13596748.2015.1125675>.

Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*. Vol. 91. No. 3. P. 224—241. <https://doi.org/10.1177/0038040718779087>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2142](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2142)

П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский

ЧТО ЖДЕТ СТУДЕНТОВ ПОСЛЕ...

Правильная ссылка на статью:

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Что ждет студентов после... // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 67—91. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2142>.

For citation:

Ambarova P. A., Zborovsky G. E. (2022) What Awaits Students After.... *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 67–91. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2142>. (In Russ.)

ЧТО ЖДЕТ СТУДЕНТОВ ПОСЛЕ...

*АМБАРОВА Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: borges75@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3613-4003>*

*ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: garoldzborovsky@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8153-0561>*

Аннотация. В статье обсуждаются представления о будущем трудоустройстве и постобразовательной жизни студентов колледжей и вузов в зеркале «треугольника мнений» — самих студентов, их родителей, работодателей. Предметом исследования было влияние образовательной и трудовой деятельности студентов на их представления о будущей профессионально-трудовой жизни, а также оценка соответствия этих представлений реальности, отраженной в мнениях родителей и работодателей. Анализ базируется на результатах массового онлайн-опроса студентов колледжей и вузов Свердловской области (январь-февраль 2021 г., $N = 1349$ и $N = 953$ соответственно), полужформализованных интервью с работодателями и родителями студентов (июнь-октябрь

WHAT AWAITS STUDENTS AFTER...

*Polina A. AMBAROVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of Sociology and Techniques of Public and Municipal Administration, Institute of Economics and Management
E-MAIL: borges75@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3613-4003>*

*Garold E. ZBOROVSKY¹ — Dr. Sci. (Philos.), Professor-Researcher at the Department of Sociology and Techniques of Public and Municipal Administration, Institute of Economics and Management
E-MAIL: garoldzborovsky@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8153-0561>*

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The article discusses the future employment and post-educational life of college and university students through the “triangle of opinions”: students, parents, and employers. The study examines the influence of students’ educational and labor activities on their perceptions of future professional and working life and how these perceptions match the opinions of parents and employers. The analysis is based on the results of an online survey of college and university students in the Sverdlovsk region (January-February 2021, $n = 1349$ and $n = 953$, respectively), semi-formalized interviews with employers and parents of students (June-October 2021, $n = 26$ and $n = 20$, respectively). We investigate students’ perceptions of their future professional and labor activity in the context of their current educational

2021 г., $N = 26$ и $N = 20$ соответственно). Представления студентов о будущей профессионально-трудовой деятельности рассматриваются в контексте их сегодняшней образовательной жизни (достижения образовательной успешности, сочетания учебы и трудовой занятости), мнений их родителей о ситуации в сфере профессионального образования и перспективах будущего трудоустройства в условиях пандемии. Важным элементом являются представления работодателей о факторах (не) успешности выпускников колледжей и вузов в профессионально-трудовой сфере. В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о нелинейной связи между образовательной деятельностью и трудовой занятостью студентов и их (не)успешностью в профессиональном труде и жизнеустройстве.

Ключевые слова: студенты колледжей и вузов, родители студентов, работодатели, представления о трудоустройстве, образовательная успешность, «треугольник мнений»

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности». Авторы выражают благодарность анонимным рецензентам за конструктивные замечания.

Введение

Традиционно ситуация окончания вуза и колледжа рассматривается исключительно в контексте проблемы трудоустройства выпускников [Pirog, 2016; Albert, Davia, 2018; Варшавская, 2019; Лопатина и др., 2020]. Однако многим молодым людям в этой «точке бифуркации» приходится делать сразу несколько выборов: места жительства, семейно-брачных отношений, карьерных планов. Проблема

life (educational success, coexistence of education, and employment), their parents' opinions on the situation in the vocational education, and perspectives on future employment during the pandemic. An essential element of this situation is the employers' interpretations of predictors of success/failure of college and university graduates in the professional and labor sphere. The hypothesis of the study assumes a nonlinear relationship between educational activities and employment of students and their success/failure in professional work and life.

Keywords: college and university students, parents, employers, future employment perceptions, educational success, “triangle of opinions”

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 19-29-07016 “Transfer of Human Capital of Educational Communities: From Failure to Success”. The authors express their gratitude to anonymous reviewers for their constructive comments.

трудоустройства выпускников оказывается погруженной в этот насыщенный «распор» вопросов, противоречий и нелегких решений, которые идут в «нагрузку» к диплому об образовании. Между тем трудоустройство остается ядром постобразовательной жизни выпускников колледжей и вузов, характеризующейся доминантой профессионально-трудовой деятельности. К этой ситуации, помимо самих молодых людей, причастны их родители и работодатели. Пересечение ожиданий и представлений каждого субъекта этого «треугольника» создает фрейм для стратегии постобразовательной жизни — в идеале гармоничный, а в реальности часто противоречивый и мозаичный.

В последние два года непростая для выпускников учебных заведений ситуация выбора усугубляется алармистскими прогнозами аналитиков в отношении COVID-Generation или, как его называют, потерянного, безработного поколения. Выпускники вузов и колледжей в пандемию оказались в крайне уязвимом положении¹.

В то же время пандемия породила структурную трансформацию рынка, связанную с расширением производства и продаж медицинских товаров, лекарств, дистанционных медицинских услуг, развитием онлайн-образования, сектора доставки продуктов питания и предметов первой необходимости, сферы IT-профессий [Мизинцева, Сардарян, 2021]. В этой ситуации выиграла определенная часть молодежи. Но более всего она стала востребованной во вторичном сегменте рынка труда, выросшем за счет предложения вакансий курьеров, водителей, то есть низкоквалифицированных рабочих мест [Абрамов, Быков, 2021: 7; Койкова, 2021].

Ситуация, в которой оказались выпускники 2020 и 2021 гг., неоднозначно воспринимается теми абитуриентами и студентами, кому предстоит стать выпускниками лишь через несколько лет. Но в силу инерции, их установки в отношении будущей работы и профессии пока не изменились кардинально, как не изменилась и структура основных факторов, влияющих на них. По-прежнему к этим факторам можно отнести образовательный и жизненный опыт, полученный во время обучения, мнение родителей и преподавателей. Реалии же трудовой и профессиональной жизни, с которыми встретятся выпускники, отражаются в мнении работодателей. Последние, даже столкнувшись с негативными эффектами пандемии, сохраняют инвариантные требования к молодым претендентам на должность.

Цель исследования — выявить влияние образовательной и трудовой деятельности студентов на их представления о будущей профессионально-трудовой жизни, а также оценить соответствие этих представлений мнениям родителей и работодателей.

Задачи предполагали изучение: 1) представлений студентов колледжей и вузов о будущей профессионально-трудовой жизни; 2) мнений родителей о перспективах, возможностях и ожидаемых барьерах трудоустройства их детей-студентов; 3) мнений работодателей о предикторах (не)успешности выпускников колледжей и вузов

¹ В каких регионах легче всего найти работу кандидату без опыта? // HeadHunter. URL: <https://spb.hh.ru/article/28099> (дата обращения: 02.06.2021). Трудоустройство выпускников в период пандемии: сложности и перспективы // Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого. 28 июля 2020 г. URL: <https://www.spbstu.ru/media/news/education/employment-graduates-pandemic-difficulties-prospects/> (дата обращения: 01.12.2021).

на этапе их трудоустройства и дальнейшей профессиональной и организационной их адаптации, а также в процессе профессионального развития.

Объект исследования — студенты колледжей и вузов Свердловской области, их родители, работодатели, представлявшие рынок квалифицированной рабочей силы. Проблема исследования — несоответствие представлений студентов о будущей профессионально-трудовой жизни мнениям родителей и работодателей о ней.

Дизайн и особенности исследования

Эмпирическая база статьи — результаты массового онлайн-опроса студентов колледжей и вузов Свердловской области (январь — февраль 2021 г.). В опросе студентов СПО применялась стратифицированная выборка (гнездовой отбор из каждой страты, $N = 1349$ респондента). Для отбора студентов вузов была использована квотная выборка ($N = 953$ респондента). Ошибка выборки в обоих случаях не превышала 2%. Основой статьи послужили также материалы полуструктурированных интервью с работодателями и родителями студентов колледжей и вузов (июнь — октябрь 2021 г., $N = 26$ и $N = 20$ соответственно). Выборка для интервью с родителями — целевая, формировалась методом «снежного кома». Краткая характеристика информантов представлена в Приложении. Выборка для интервью с работодателями формировалась с учетом таких критериев, как размер организации (представлены крупные, средние и малые организации), ее принадлежность к одному из секторов экономики (коммерческий, некоммерческий и государственный сектора), профиль деятельности (производственная/непроизводственная сферы; сервис, образование, медицина, СМИ, банковский сектор), масштаб деятельности (отделения международных и межрегиональных компаний, региональные и городские организации). В интервью участвовали работодатели, представляющие рынок квалифицированной рабочей силы.

Для анализа фоновых представлений о проблемах высшего образования были использованы результаты опроса родителей студентов вузов Свердловской области (2018 г., $N = 452$ респондента). Были опрошены родители, проживающие в более чем 50 населенных пунктах (от сел до города-«миллионника»), чьи дети обучаются в 13 вузах региона.

Новизна исследования определяется несколькими аспектами. Исследование было задумано как сравнительный анализ двух образовательных общностей — студентов колледжей и вузов — в контексте изучения трансфера их человеческого капитала от учебного заведения к рынку труда с целью установления различий и сходства между этими двумя группами учащихся. Такой анализ не часто становится темой исследований в российской социологии, но является востребованным в свете дискуссии о перспективах развития в России СПО и высшей школы [Клячко, Семионова, 2018; Константиновский, Попова, 2020].

Другой аспект новизны и специфики исследования связан с его пространственно-временным контекстом: сбор эмпирических данных осуществлялся в разгар пандемии. В статье мы также обращаемся к фрагменту опроса родителей студентов 2018 г., отражающего их мнение о проблемах высшего образования в российском регионе. Региональный масштаб исследования позволил уделить

внимание провинциальным учебным заведениям, студенты которых несколько отличаются от учащихся столичных колледжей и вузов.

Особый смысл исследования состоял в сочетании мнений трех субъектов, частных к интересам и проблемам российского профессионального образования — студентов, их родителей и работодателей. Последние две общности редко становятся объектом исследования общественного мнения. Работодатели — в силу определенной закрытости от исследователей, родители — в силу того, что не рассматриваются в качестве стейкхолдеров профессионального образования.

Ограничения исследования. Рамки эмпирического исследования были ограничены регионом (Свердловской областью), поэтому полученные результаты мы вправе перенести на студентов в основном региональных колледжей и вузов, хотя, возможно, некоторые выводы характеризуют все российское студенчество. Кроме того, исследование стейкхолдеров было ограничено изучением мнений родителей и работодателей. Работодатели традиционно рассматриваются как влиятельная группа интересов. Роль же родителей усилилась в период пандемии, в связи с чем значимым оказалось их влияние на рассматриваемый переход студентов к постобразовательной жизни.

Теоретическая рамка и обзор исследований

Теоретическая рамка исследования базировалась на трех теориях — стейкхолдеров высшего образования, образовательных общностей, образовательных и профессиональных траекторий.

Теория стейкхолдеров высшего образования была призвана «стать полезной в высшем образовании, чтобы помочь объяснить внимание, уделяемое различным сообществам в окружающей среде и отношениям между университетом и его сообществами» [Jongbloed et al., 2008: 310]. Развивая идеи Р.Э. Фримена о том, что стейкхолдеры — это организации и группы отдельных лиц, заинтересованные в развитии корпораций и фирм [Freeman, 1984], исследователи выделили различные типы стейкхолдеров в высшей школе, а также стратегии взаимодействия с ними. Так, И. Мариц на материалах исследования Загребского университета описывала 12 категорий стейкхолдеров, в том числе государственные учреждения, администрацию органов власти, работодателей, клиентов, конкурентов и др. [Marić, 2013].

М. Слаба, анализируя стейкхолдеров как важную часть менеджмента и маркетинга в университетах Чехии, охарактеризовала 10 групп стейкхолдеров, включая местные сообщества, выпускников, студентов, грантодателей и пр. Исследователь обосновывала необходимость университетов заботиться о ключевых группах стейкхолдеров и выстраивать с ними долгосрочные отношения [Slaba, 2015]. Управление отношениями со стейкхолдерами имеет, по мнению М. Ханииле, фундаментальные последствия для деятельности университетов [Khanyile, 2018]. Не случайно исследования стейкхолдеров в высшем образовании зарубежных стран и России постоянно обогащаются разработками вопроса об их участии в университетском управлении. Российские ученые к стейкхолдерам университета относят управляющий высший совет, президента и его/ее администрацию, профессорско-преподавательский состав и студентов [Участие в управлении университетом, 2016].

Опираясь на положения теории стейкхолдеров в высшем образовании, мы трактовали работодателей и родителей как ключевые группы интересов, оказывающие влияние на представления студентов об успешности и выбор ими образовательных и профессиональных стратегий поведения. Кроме того, в качестве основы для дальнейшей дискуссии по изучаемой проблеме может выступать идея о том, что студенты при переходе к рынку труда превращаются во внешних стейкхолдеров университетов и колледжей, поэтому их жизненная и профессиональная успешность важны для репутации вузов.

Одним из элементов теоретической рамки нашего исследования стала теория образовательных общностей [Ядов, 1990; Зборовский, 2010], через понятие сообщества сопряженная с теорией стейкхолдеров высшего образования. В социологических исследованиях высшего образования категории «социальная общность» и «сообщество» взаимосвязаны между собой. Они отражают разные уровни объединения людей в сфере высшего образования на основе существующих между ними социальных связей, благодаря которым появляются относительно устойчивые формы взаимодействия и совместной жизни как малых, так и больших групп людей.

Образовательные общности (студенты, преподаватели, университетский менеджмент) являются самостоятельными субъектами вузовских действий и взаимодействий. Их целостность и относительная автономность обеспечиваются общностью интересов, условий жизни, наличием общих оснований для самоидентификации, схожестью имеющихся в распоряжении ресурсов, согласием в отношении взглядов на мир, целей и способов их достижения [Ядов, 1972; Зборовский, 2010].

Стейкхолдеры высшего образования также представляют собой социальную общность, характеризующуюся схожестью интересов в сфере профессионального образования, представлений о нем, способов взаимодействия с представителями вузовских общностей. Так же, как и образовательные общности, стейкхолдеры включают в свою структуру различные социально-профессиональные сообщества и объединения [Sennet, 1992], дифференцирующие общность стейкхолдеров и конкретизирующие ее функции и роль во взаимодействии с представителями и структурами высшей школы.

Сложилось целое направление исследований взаимодействия социальных общностей студентов, преподавателей, руководителей университетов, их стейкхолдеров, качество которого определяет перспективы развития как высшей школы, так и сфер экономики, производства, рынка труда. Так, С. Кивик и И. Реймерт рассматривают интегративную функцию сообществ в академической сфере в контексте проблемы консолидации ее представителей. Они считают, что реализация такой общностнообразующей функции будет способствовать не только развитию самого академического сообщества, но и укреплению его позиций и связей в окружающем мире [Kyvik, Reymert, 2017].

Проблема трудоустройства выпускников СПО и вузов изучается как взаимодействие с широким кругом агентских сообществ — представителями вузовских структур, службами занятости, рекрутинговых агентств, работодателями [Хузяхметов, Ромашкина, 2022]. Нередко она включается в более широкую повестку партнер-

ства учебных заведений, работодателей, «производственников» [Ключарев 2020]. Дискуссионным стал вопрос о конкурентоспособности выпускников вузов и колледжей, их востребованности у различных групп работодателей. Он раскрывается как в сравнительной перспективе, так и монотематически, то есть с фокусом на ту или иную общность учащейся молодежи [Константиновский, Попова, 2020; Дудырев и др., 2019].

Проблема трудоустройства выпускников вузов и учреждений СПО получила особое преломление сквозь оптику теории образовательных и профессиональных траекторий [Мальцева, Шабалин, 2021]. Для нашего исследования были важны те ее положения, которые раскрывают процесс перехода (трансфера) молодого человека от учебного заведения к рынку труда. Важен объяснительный потенциал таких категорий, как «переход к взрослости (взрослой жизни)», «жизненные перемещения», «транзиции», «маркеры переходности», «формирование жизненных стратегий», «отложенные (отсроченные) профессиональные пороги» и т. д. [Чередниченко, 2013]. Широта категориального аппарата рассматриваемой теории объясняется тем, что она включает в себя различные концепции (как зарубежные, так и отечественные).

В этой связи большое значение для интерпретации полученных нами эмпирических данных получили новые концепты, предложенные современными российскими исследователями. Среди них — «планирование без форсайта» [Зубок, Чупров, 2020], модель «социального серфинга» [Ильин, 2019], «калейдоскопный» тип формирования карьеры [Ядова, 2017], «дисперсивная» жизненная модель [Касаткина, Шумкова, 2020] и другие.

Опираясь на этот теоретико-методологический бэкграунд, мы не ставили задачу использования всего его арсенала, но частично интегрировали его в разрабатываемую теоретическую модель трансфера человеческого капитала образовательных общностей [Амбарова, 2021]. В данной статье мы затронули только последний фрагмент этой модели — переход выпускников на рынок труда, детерминированный их представлениями об успешности и опытом ее достижения в процессе обучения.

Результаты

Студенты колледжей и вузов:

представления об успешности в образовании и профессии

Ядром структуры образа будущего у студентов являются представления о работе и профессии, ближайшем окружении — семье и круге друзей, сфере самореализации и досуга [Мехришвили и др., 2017]. В сочетании с аксиологическими характеристиками студентов их представления о будущем становятся социальной основой формирования жизненных стратегий после окончания учебного заведения. При этом исследователи отмечают у студентов высокий уровень неопределенности картины будущего и отсутствие оснований для ее построения в долгосрочной перспективе [Зубок, Чупров, 2020], объясняя этот факт рискогенностью и турбулентностью современного российского общества.

В проведенном нами исследовании были зафиксированы представления студентов колледжей и вузов о будущем в краткосрочной перспективе, то есть после

окончания учебного заведения. Поскольку между студентами колледжей и вузов не было выявлено существенных расхождений, мы покажем представления исследуемых образовательных общностей о будущем в целом, делая акценты только в случае явных различий.

В контексте темы статьи остановимся на представлениях студентов о характере и возможностях будущей профессиональной деятельности. Среди положительных коннотаций студенты в первую очередь отметили способность профессиональной деятельности обеспечивать материальное благополучие. Данная характеристика имеет чуть большее значение для студентов вузов, а не колледжей (72,1 против 60,8%). В равной степени для всех студентов важно, чтобы их будущая работа не была утомительной и не вызывала отрицательных эмоций, давала возможность проявить творческую инициативу и самостоятельность, максимально раскрывала способности, не мешала полноценному и разнообразному досугу, общению с друзьями. В целом представления студентов о будущей профессиональной деятельности оказались достаточно рациональными и отражали идею *life-work balance* (баланса между работой и жизнью).

Опыт трудовой занятости, который имеют 31% студентов СПО и 44% студентов вузов, практически не оказывает влияния на их представления о содержании будущей профессиональной деятельности. Данный факт объясняется тем, что часто студенческая занятость связана со стремлением иметь собственный доход во время учебы, но редко — с профилем образовательной программы или предполагаемым местом работы. Только у 8,2% работающих студентов колледжей и 13,1% вузовских студентов их труд связан с профилем образовательной программы, у 7% и 9,1% соответственно — с предполагаемой сферой занятости. Работа 16,1% опрошенных студентов колледжей и 21,8% вузовских студентов не связана ни с тем, ни с другим.

У студентов отсутствуют представления о прямой связи между получаемым образованием и будущим жизненным успехом. Последний для студентов колледжей и вузов означает хорошее здоровье, финансовое благополучие, наличие собственной семьи. Так считает более 50% опрошенных. Более 40% респондентов идентифицируют с жизненным успехом достойную работу, возможности для осуществления планов, достижения целей, занятий любимым делом. Хорошее образование и успешная учеба не вошли в ценностное ядро большинства студентов: образование ассоциируется с жизненным успехом у 41,1% студентов колледжей и 36,2% студентов вузов, а успешная учеба вообще оказалась на аутсайдерской позиции и у тех, и у других (менее 30%).

Таким образом, традиционные представления о линейной связи жизненного успеха, которого выпускники добиваются после окончания учебных заведений, с их образовательной успешностью не проходят проверку полученными эмпирическими данными. Однако в целом опыт преодоления различных трудностей и достижения успеха в обучении создает основу адаптационного потенциала выпускников, который оказывается востребованным в сложной ситуации жизнеустройства.

Базой образовательной успешности студентов можно считать их отношение к знаниям, сформированность образовательной мотивации и восприятие трудностей в обучении. Студенты вузов больше, чем студенты колледжей, ценят знания,

получаемые в учебном заведении (43,3% против 32,6%). Для студентов вузов характерен более высокий уровень мотивации на учебу. Она доставляет удовольствие и повышает самооценку у 52% студентов вузов и только у 37,3% студентов колледжей. И наоборот, учатся по необходимости, без особого желания 53,6% студентов колледжей и 40,6% студентов университетов.

Несмотря на проблемы с образовательной мотивацией, многие представители каждой студенческой общности считают себя успешными в обучении. Назвали себя неуспешными только 28,4% студентов колледжей и 18,5% студентов вузов. Вместе с тем, у студентов вузов в целом формируется более высокая самооценка образовательной успешности, чем у студентов колледжей (81,5% и 71,6% соответственно).

Сочетание самооценки образовательной успешности с объективными показателями академической успеваемости студентов дает любопытную картину. Не всегда высокие оценки придают студентам уверенности в их успешности, а тройки и неаттестация служат основанием для причисления себя к неудачникам учебы. При этом среди студентов вузов и по объективному, и по субъективному критерию оценивания больше тех, кого можно считать успешными в образовательном плане.

Примерно половина студентов не сталкивалась с серьезными проблемами во время обучения. Другая половина отметила в качестве основных трудностей дополнительные расходы на образование (19,3% студентов колледжей и 12% студентов вузов), нерациональную организацию учебного процесса (16,3% и 25% соответственно), расхождение представлений о профессии и приобретаемых компетенциях (14,8% и 12,1% соответственно).

Отношение к этим трудностям характеризует адаптационные способности студентов и в определенном смысле их готовность преодолевать жизненные трудности в будущем. 56,8% студентов вузов расценивают возникающие у них проблемы как норму и стараются их самостоятельно решить. Среди студентов колледжей сторонников такой позиции меньше (49,7%). 19,7% студентов вузов и 22,1% студентов колледжей полагают, что таких проблем не должно возникать, но раз уж они имеют место, прилагают усилия, чтобы преодолеть их. Около четверти опрошенных (23,5% студентов вузов и 28,2% студентов колледжей) расписываются в собственной неспособности что-либо сделать для разрешения трудной ситуации.

По сути, обучение является для студентов прообразом будущей трудовой сферы, в которой оказываются востребованными в трансформированном виде soft skills, обеспечивающих и образовательную успешность. Поэтому мы полагаем, что представления студентов о будущем, реализуемые затем в стратегиях жизнеустройства (в том числе трудоустройства и профессиональной самореализации), все-таки могут быть нелинейно связаны с их образовательной успешностью.

Мнения родителей о профессиональном образовании и перспективах будущего трудоустройства их детей-студентов

Опрос родителей студентов вузов показал наличие целого ряда проблем в сфере высшего образования. Эти мнения являются неким фоном, который опосредует трансляцию студентам родительских установок в отношении их будущего, включая переход к самостоятельной жизни, трудовой занятости и новому образу жизни.

Внимание родителей привлекли в первую очередь проблемы, затрагивающие интересы их детей-студентов на «входе» в систему высшей школы (малое количество бюджетных мест — 64,8%, низкий уровень доступности высшего образования — 27,8%), на «выходе» из нее (сложности трудоустройства — 56,1%), в процессе обучения (низкое качество образования — 28,5%, отсутствие реальной производственной практики — 29,0%, низкий уровень образовательной мотивации у студентов — 28,5%).

Во вторую очередь родители отметили проблемы, связанные с преподавателями (19,4%), администрацией разных уровней (15,9%), различными девиациями в вузе (21,1%), слабой включенностью студентов в практики принятия управленческих решений (14,4%). Многие из названных проблем нашли свое отражение и в интервью, проведенных в 2021 г. в период пандемии.

Интервью с родителями позволило выделить их типичные представления и установки в отношении профессионально-трудового будущего детей. Прежде всего, это обеспокоенность возможностями трудоустройства:

После окончания вуза на ее неуспешность в трудоустройстве может повлиять зарплата, которая предлагается педагогам в школе. Моя дочь не хочет работать за 20 тысяч. Зарплата может повлиять, и тогда человек уйдет из этой профессиональной сферы ... здесь пока все очень печально. А содержание работы педагога дочери нравится, так как много творческой составляющей. (Информант № 9)

Другой информант — мать студентки университета, обучающейся по направлению «Экономика» — выразила серьезную озабоченность положением дочери накануне защиты ВКР:

...У меня есть переживания за нее. Да, она заканчивает в этом году вуз, но есть проблемы с трудоустройством, есть финансовые проблемы. На данном этапе у нее конкретные цели — закончить университет, искать работу. Что будет дальше — время покажет... но меня волнует ситуация в стране, когда очень много безработных и сложно устроиться на работу, и это накладывает свой отпечаток на мою уверенность. (Информант № 1)

Следующая проблема, волнующая родителей, заключается в снижении качества обучения в условиях внедрения дистанционного обучения. Данная обеспокоенность нашла свое отражение и в опросе 2018 г. В условиях же пандемии, когда произошел переход вузов и колледжей в тотальный онлайн-формат, названная проблема превратилась в одну из самых острых для родителей. По их мнению, онлайн-технологии не позволяют контролировать академическую дисциплину и реальное качество профессиональной подготовки их детей. Находясь дома, родители нередко наблюдают прохладное отношение студентов к обучению:

Когда начался полный дистант, появилось много вопросов. Потому что к дистанционному обучению были не готовы не только студенты, но и педагоги. Насколько качественно или некачественно освоили, знают ли они ... остается только предполагать и догадываться. А уж извините, меня менталитет наших детей настораживает. ... Если

педагогов устраивает, что он зарегистрировался и как бы присутствует на занятии, галочка за посещение у него есть, то и бога ради. (Информант № 14)

Онлайн-обучение тревожит как родителей студентов 1—2 курсов, которые начали учиться в этом формате и почти не бывали в учебном заведении, так и родителей выпускников:

Я вообще не понимаю, как моя дочь сдала госэкзамен. Она СЭМа² в первый раз увидела на экзамене. Как она будет работать в поликлинике, как покажет свои знания и умения? Боюсь, от нее пациенты будут бегать. Вот сейчас мы с ней серьезно думаем, надо ли ей оставаться в медицине. И мне, и ей страшно. Все-таки это здоровье и жизнь людей. Ответственность большая. Может быть лучше ей пойти по моим стопам и стать маникюрщицей? (Информант № 11)

Интервью показывают озабоченность родителей финансовыми проблемами студентов. Родители признают, что в условиях пандемии им труднее стало оказывать материальную поддержку, они вынужденно ориентируют своих детей во время учебы на поиск работы, чтобы она могла покрывать хотя бы повседневные расходы. Между тем прослеживается двойственное отношение родителей к трудовой занятости детей-студентов. С одной стороны, оно очень настороженное («не помешал бы труд учебе»), с другой — гордое («учатся самостоятельности», «становятся уверенными и независимыми», «могут частично оплатить обучение»). Вот фрагмент интервью матери студентки 2 курса педуниверситета:

Сейчас у нее... появилась потребность дополнительно учить английский, потому что у нее специальность «история — английский». И английского явно не хватает в университете. И она решила заниматься с репетитором и оплачивать его самостоятельно. Она работает в кофейне и из этих денег оплачивает репетитора. (Информант № 7)

В контексте выявленных экономических проблем становится понятна активность родителей, обращающихся к руководству вузов и колледжей с требованием рассмотреть снижение платы за обучение. Опрошенные родители считают, что сэкономленные средства они могут потратить либо на дополнительные образовательные курсы для детей-студентов, либо на помощь им после выпуска.

Анализ высказываний родителей позволил сделать вывод, что в сложившихся трудных условиях они готовы оказывать своим детям-студентам не только экономическую и моральную поддержку. В тех случаях, если профессия или сфера занятости оказывается сопряженной с профилем обучения, родители подключаются к формированию у студентов профессиональных компетенций:

Он уже на третий курс перешел, а на настоящей практике еще не бывал, потому что все закрыто. Пандемия. Я договорилась с руководителем отеля, что сына возьмут на практику. Хорошо, что я там работаю и вообще часто беру его с собой на разные

² Манекен для отработки навыков медицинских манипуляций.

корпоративные мероприятия. И полезно, и интересно. Вот он сейчас и говорит, что готов к нам устроиться после окончания учебы. Он в реальности видит все трудности и преимущества гостиничного дела. (Информант № 10)

Некоторые родители, заинтересованные и в личном взаимодействии с детьми, и в качестве их профессиональной подготовки, напрямую передают им свои профессиональные знания. С этой точки зрения представляет интерес фрагмент интервью с отцом студента 3 курса медицинского университета (отец сам работает в системе здравоохранения):

Медицинский был выбран по принципу востребованности профессии. Сын решил, что врач принесет больше пользы, чем летчик. Его шансы на успешное трудоустройство оцениваю с осторожностью, но достаточно высоко. Его уже знают в нескольких больницах... В следующем месяце у него будет цикл гастроэнтерологии, он уже знает, где и как он будет применять эти знания. При этом на занятия он уже пойдет с определенным практическим опытом. Возможности родителей влияют, конечно. В нашем случае я могу вовлекать его в практическое здравоохранение... Сейчас он уже только советуется и не боится отвечать на каверзные вопросы по специальности. Мы обсуждали дисциплины, жизненные ситуации, вместе писали тексты. (Информант № 2)

Особое место в материалах интервью занимают представления родителей об обучении студентов в колледжах. Приведем типичное мнение родителей на этот счет:

Ребята, которые после девятого класса уходят в колледжи, не спрашивают: зачем меня туда спровадили? Как правило, у них меняется статус. С ними по-другому начинают общаться. В колледже появляется больше личной ответственности, потому что никто с ними уже не сюсюкается. Там программа легче, чем в школе. У них... сразу растет самооценка, растет уверенность в себе, понимание, что они могут скоро получить работу. Она даст возможность в жизни быть более независимым, обеспеченным, а где-то, может быть, и помогать родителям. (Информант № 8)

Работодатели о предикторах (не)успешности выпускников колледжей и вузов в профессионально-трудовой сфере

Мнение работодателей о качестве выпускников колледжей и вузов, а также их готовности к профессионально-трудовой деятельности позволяет выявить предикторы успешности изучаемых групп учащейся молодежи при трудоустройстве и в профессии, соотнести представления студентов о будущем и реалии постобразовательной жизни.

Трудоустройство — первая ситуация, в которой проходит «тестирование» выпускника колледжа или вуза на «входе» в систему профессионально-трудовых отношений. Работодатели или их представители (эйчары) относят к ресурсам успешности при трудоустройстве такие качества выпускников, как инициативность, заинтересованность и понимание своих целей в выбираемой работе или должности, осознанность (сознательный выбор профессии, сферы деятельности). Как видим, эти требования универсальны и не привязаны к профилю подготовки и будущей

работы. Исключение составляют те области, где в первую очередь тестируются *hard skills* и во вторую (но обязательно) — *soft skills*. Практически для всех работодателей отсутствие инициативности, интереса к работе, осознания своего выбора и целей служит первым маркером непригодности претендента, а если он все-таки был принят на работу, — предпосылкой «придерживания» его продвижения в организации. Приведем два отрывка из интервью:

Чаще всего [такие] выпускники не проходят дальше репортерской работы, поскольку мы как работодатели не видим их заинтересованности, попыток проявить инициативу с темами или их разработкой. (Информант № 6, медиасфера)

Главным критерием для меня является его <выпускника> осознанность. Часто нет четкого понимания, чего он хочет... человек отучился, а потом пошел работать куда-то, просто, чтобы зарабатывать деньги. Ну, мне кажется, он потерял где-то эту нить, зачем учился тогда? То есть чисто материальная мотивация — это не показатель успешности. (Информант № 10, транспортная компания)

При этом многие работодатели отмечали дефицит перечисленных качеств как отличительную черту целого поколения современного студенчества, его типичную социальную характеристику: «Понятно, что с тем поколением, которое сейчас выпускается, очень сложно работать, потому что они интерес теряют очень быстро. И любой работодатель сейчас придумывает какие-то новые фишки для того, чтобы этот интерес сохранять» (информант № 19, сфера оптовой торговли).

Несмотря на то, что фактор пандемии сократил емкость рынка труда и усилил конкуренцию на нем, многие организации сегодня испытывают дефицит кадров, особенно молодых³. В этой ситуации то, что воспринимается выпускниками как непреодолимый объективный барьер («не хотят брать», «не подошел», «все вакансии заняты»), нередко на деле является результатом неудовлетворительной первичной оценки личностных характеристик претендентов. Показательный (и довольно типичный) случай описал один из наших информантов:

Приглашали целенаправленно молодых, людей от 21 до 30 лет, чтобы разум был не затуманен другим опытом. Спрашивали: «Какая в твоём сознании идеальная компания? Чего бы ты хотел? Может быть, красивое рабочее место или чтобы тебя кормили обедами?». А он отвечает: «Да я даже не знаю...». Мы за него договариваем: «Ну, может вот это, может вот то?». А кандидат говорит: «Да я не знаю, мне пофиг». После этого микродиалога мы поняли, что пассажир не наш, и наш поезд идет мимо. (Информант № 4, логистическая компания)

Вторая ситуация, в которой работодатель «тестирует» качество выпускников колледжей и вузов, — первичная адаптация в коллективе и профессии, а далее — включение в систему профессионального развития. Анализ мнений работодателей позволил идентифицировать внешние, объективные, и внутренние, субъективные

³ В Свердловской области растёт дефицит работников. Людей «попросту неоткуда взять» // Деловой квартал. 15 декабря 2021 г. URL: <https://www.dk.ru/news/237161123> (дата обращения: 17.12.2021).

факторы, которые влияют на адаптацию выпускников в организации и их развитие в профессии.

Традиционно работодатели называют ключевой проблемой системы профессионального образования доминирование теоретической и низкое качество практической подготовки студентов. В нашем исследовании информанты также поставили на первое место неудовлетворительный уровень специальной профессиональной подготовки, но при этом отметили не критический характер его влияния. В основном работодатели озвучили минимальный набор профессиональных компетенций (понятно, что он варьировался для разных сфер труда), соответствующих минимальным квалификационным требованиям:

... Вот чему мы точно не готовы с нуля учить, так это базовым отраслевым навыкам. Если человек приходит на должность аудитора, понятно, что мы бухучету никогда ни за что не станем учить, он должен это уметь. Если мы говорим об аналитике, то он должен строить модели, работать в Excel. (Информант № 11, банковская сфера)

По мнению работодателей, во всех секторах экономики остро востребованы soft skills, за формирование которых должно отвечать профессиональное образование. Инвариантными являются такие характеристики, как системность и аналитичность мышления, мотивация и умение учиться, готовность принимать самостоятельные решения. На самом деле список необходимых «мягких» компетенций получился широким и вариативным (в зависимости от профиля организации, масштабов ее деятельности, должности). Так, для органов власти специфическим требованием является умение подчиняться руководству («часто бывает, что ты очень не согласен с решением руководства, но в нашей системе ты не можешь естественно сказать, что нет, я не буду этого делать» (информант № 17, сфера ГМУ), а для крупных компаний, помимо системности, аналитичности мышления, грамотной речи, коммуникабельности, значима способность молодого специалиста адаптироваться к их корпоративной культуре:

На формальные признаки успешности выпускника (диплом, оценки) акцент мы не делаем. Даже если у него супер-оценки или он окончил престижный вуз, не факт, что он будет хорошим специалистом. Для нас важно, насколько он хорошо ориентируется <в профессии>, цепко схватывает суть, быстро соображает, гибкость мозгов, насколько его образ мыслей совпадает с видением компании, нашей культурой. (Информант № 9, девелоперская компания)

К объективным факторам-барьерам адаптации выпускников информанты отнесли такие проблемы профессионального образования, как неспособность сформировать у студентов потребность и умение учиться, развиваться в профессии, которые коррелируют с субъективными барьерами — «убитой» профессиональной мотивацией и нежеланием оставаться в профессии. Между тем, сами работодатели признают, что система основного и дополнительного профессионального образования в принципе не способна решить эти проблемы, поскольку их предпосылки складываются на этапе семейного воспитания и школьного образования.

У работодателей возникает «тоска» по элементарным этическим качествам («Порядочность, честность ... если их нет, то никакая система образования, даже после 10 курсов, ничего не даст», информант № 17, сфера ГМУ), социально-психологическим свойствам («Данная система <образования> не может восполнить личностные, глубоко психологические характеристики человека, которые позволяют ему достигать успеха», информант № 13, холдинговая компания), общекультурным компетенциям («Нельзя восполнить темперамент и воспитание, эрудицию и начитанность», информант № 12, коммерческая образовательная компания).

В то же время большая часть работодателей отметила преимущества выпускников вузов в плане уровня осознанности и устойчивости профессионального выбора, обучаемости, сформированности навыков работы в команде, общей коммуникативной и речевой грамотности:

На мой взгляд, основная проблема студентов в том (особенно в колледжах), что у них нет профопределенности... Они идут поступать туда, где позволяют баллы, бюджет. Но не видят своей перспективы в этой профессии. Они ее получают, а потом уходят в другие направления... Уровень профессионального становления студентов колледжей, конечно, печален, потому что ребята просто ходят на занятия, чтобы получить диплом, но мало кто действительно идет в профессию. Понятно, что те ребята, которые идут в вуз, уже более сознательный выбор принимают. (Информант № 19, сфера оптовой торговли)

Если опрос самих студентов колледжей и вузов не показал серьезных различий между ними в плане представлений о будущей жизни и работе, то работодатели очень четко их фиксируют. Не говоря о готовности выпускников колледжей и вузов занять различные позиции на рынке труда (понятно, что многие квалификационные профили требуют от выпускника соответствующей специальности и уровня образования), отметим, что разница кроется в основном в структуре и потенциале «мягких» компетенций.

Анализ ценностных ориентаций студентов зафиксировал предпосылки таких различий. У студентов вузов более выражена ориентация на самореализацию, саморазвитие, гармонию в жизни. Такая ценностная доминанта у определенной части вузовских студентов скрепляет систему их жизненного целеполагания, мотивационные структуры их деятельности, представления о будущем и стратегии поведения в ситуации поиска, выбора места работы и достижения профессионально-трудовой успешности.

Критично работодатели оценивают «мягкий» бэкграунд выпускников колледжей. Один из информантов (профессиональный психолог, HR) так объясняет эти различия:

Они [студенты СПО] идут [в колледжи] для того, чтобы уйти от школы. Но это чаще всего происходит именно так: они бегут из школы в колледж, говоря: «Я пойду получать профессию, я готов, мне надоела эта учеба». И если они после колледжа не идут учиться в «Вышку» — это крах. (Информант № 2, производственный холдинг)

По мнению представителей работодателя, выпускников колледжей нередко можно отнести к группе «бегунков» — тех, кто часто меняет профессию, сферу занятости, место работы и нигде не укореняется. У таких молодых людей идет наложение разного опыта, сфер деятельности, приоритетов, стратегий поведения, вследствие чего «у них нет экспертности, она просто не растет» (информант № 5, НКО). Выпускники колледжей чаще теряют себя профессионально, не достигают высот, которые рисовали в своих представлениях и планах. Отсутствие «толстого» профессионального опыта в силу постоянной смены профессионально-трудовой сферы в итоге приводит не только к профессиональной неуспешности, но и к снижению конкурентоспособности на рынке труда, когда им отказывают в приеме на работу из-за маленького профессионального стажа и опыта. Общество, таким образом, получает «депрессующий молодой народ, который сам не знает, чего хочет» (информант № 19, сфера оптовой торговли).

Работодатели фиксируют карьерный «потолок» для выпускников колледжей, даже для тех, кто обладает хорошими *hard skills* и потенциалом профессионального и организационного развития:

Если мы берем его <выпускника колледжа> на позицию специалиста, он может при отсутствии высшего образования стать супервайзером, но руководителем — вряд ли. Это будет очень сложно ... согласовать его назначение на эту позицию без высшего образования. Поэтому мы покупаем образование с точки зрения перспективы, того, что нам нужно будет сотрудника выращивать, предоставлять ему карьерные возможности. Если сотрудник уже с высшим образованием, у него не будет никаких ограничений. Если же у него высшего образования нет и возраст, например, 30 лет, мы понимаем, что вряд ли он его будет получать и, соответственно, для него в организации будет ... лимит развития. А он, может быть, и хотел бы его <развитие> иметь. (Информант № 16, международная производственная компания)

В зеркале мнений работодателей особое преломление находит стереотип взаимосвязи образовательной успешности студента с успешностью в сфере профессионально-трудовых отношений. Опрос студентов показал, что успешные более четко понимают свои перспективы, для них в целом характерна сформированная достижительная мотивация. При этом мы использовали расширительную трактовку образовательной успешности, в которой формальная модель успешности (т. е. оценки и академическая дисциплина) выступала только одним из ее элементов. Интервью с работодателями подтвердили отсутствие прямой связи формальной образовательной успешности и успешности выпускников колледжей и вузов в качестве молодых профессионалов:

Формальные показатели успешности в обучении? Абсолютно не важны. Я на другие качества смотрю — личностные, социальные, зрелость в плане мозгов... На практике формальные показатели успешности — это не гарантия успешного и качественного работника в организации. (Информант № 10, транспортная компания)

Между тем, работодатели различных типов по-разному реагируют на феномен «троечника» и «отличника». Одни считают, что каждый из них имеет «свое место под солнцем», свои задачи и возможности:

Да, троечникам легче работать, они легче как-то все воспринимают, неудачи, например. Накосычил? Ну, и ладно, доделаю, допилю. Даже разница в отношении к выполнению KPI есть. Троечникам достаточно «зайти» в 80%. Они думают: ну, мы вот сейчас чуть-чуть доползем до 80 и все, нормально. А отличник — нет, он хочет 100%, 110, 120. И гонит вперед. А конкретному начальнику и те, и другие нужны. Есть задачи, которые нельзя поручить троечнику. Есть задачи, которые, ну, никак нельзя дать отличнику. Все роли в коллективе нужны. (Информант № 4, логистическая компания)

Другие работодатели отмечают негативные эффекты от «синдрома отличника», которые порой служат серьезными субъективными барьерами организационного и профессионального развития человека:

Я сама — человек с двумя «красными» дипломами, золотой медалью, всеми этими пятерками. Но я вообще не была готова к каким-то гибким поворотам и решениям, потому что это — система жизни троечника, когда все пошло наперекосяк и надо перестроиться. Это серьезная преграда. Есть кандидаты на должность, по которым видно, что они отличники, и им будет трудно руководить. (Информант № 3, ресторанный бизнес)

В целом работодатели, особенно в коммерческой сфере, толерантно относятся к формальному академическому статусу выпускника. Среди информантов есть те, кто имеет высшее образование и те, кто его не имеет, кто сам был отличником, и кто не продемонстрировал значительные достижения в учебе. По их мнению, практика выравнивает шансы отличников и троечников, но только при условии сильного «мягкого» капитала:

У меня, например, нет высшего образования... У нас есть очень смешная шутка на этот случай: ребята, учитесь хорошо, заканчивайте школу с «золотой» медалью, потом поступите в институт, закончите его с «красным» дипломом. И двоечник, который все время списывал и прогуливал, примет вас на интересную высокооплачиваемую работу. Я не был двоечником, но вот складывается такая ситуация. (Информант № 10, транспортная компания)

Признавая тот факт, что вторичная занятость дает студентам возможности научиться работать в коллективе, приобрести самостоятельность и уверенность в себе, большая часть работодателей согласилась с тем, что их организации не готовы создавать благоприятные условия для гармоничного сочетания студентом учебы и работы. Для одних — в силу особых условий труда (вахтовый метод, жесткий алгоритм производственных процессов, отсутствие наставников или времени на обучение и стажировку молодого сотрудника). Для других — в силу возможностей привлечения готового специалиста с рынка труда. В любом случае

работодатели считают, что серьезная вовлеченность студентов в трудовую занятость мешает им успешно учиться:

Тех из них, которые у меня работают, я так «запахиваю», что им некогда после работы приходить и еще что-то читать. Работающим студентам ... очень тяжело учеба дается. Только один из них потом стал директором. И то директором так называемым. Над ним еще много руководителей. Сложнее ему было учиться, чем другим. (Информант № 18, НКО)

Кроме того, проведенные интервью еще раз с очевидностью показали, что работодатели (как в крупных, так и особенно в небольших организациях) с трудом понимают свои возможности взаимодействия с колледжами и вузами по профориентации студентов, их практической подготовке, формированию установок на выбор их организаций в качестве места работы. Отсутствие системы стимулов, непроработанность концепций взаимодействия, расхождение целей учебных заведений и работодателей — вот лишь небольшой спектр причин данной ситуации, выделенных нашими информантами.

Заключение

Построение «треугольника мнений» по результатам исследования позволило, во-первых, рассмотреть влияние образовательного и трудового опыта студентов колледжей и вузов на их представления о будущем трудоустройстве и постобразовательной жизни; во-вторых, охарактеризовать мнения по этим вопросам родителей и работодателей. В итоге сформулирован вывод о нелинейной связи между образовательными достижениями, опытом трудовой деятельности студентов и будущей их (не)успешностью в профессии и жизнеустройстве. Знание различий в позициях по рассматриваемой проблеме трех названных социальных общностей важно для каждой из них, но в первую очередь — для студентов, оказавшихся в непростой ситуации выбора стратегии поведения в пандемийный и постпандемийный период.

«Треугольник мнений» отражает мозаичность представлений о постобразовательной жизни будущих выпускников колледжей и вузов. Характерный для молодежи оптимизм определяет их мечты о «хорошей» работе, семье, друзьях, сфере досуга и самореализации. Позитивный опыт академической жизни и включенность в трудовую занятость делают студентов уверенными в успешности будущего трудоустройства и профессионального развития.

Характер представлений родителей можно определить иной формулой: «страх и трепет». Их мнение о трудностях и перспективах будущего студентов формируется под влиянием собственного жизненного и профессионального опыта, в целом более пессимистического (или реалистического) взгляда на мир и общество «эпохи пандемии». Но, пожалуй, главным фактором, определяющим их тревожный взгляд, является понимание ими проблем профессионального образования, обострившихся в период пандемии.

Мнение работодателей целесообразно поставить на вершину «треугольника мнений», поскольку оно отражает глубокое понимание реальных проблем профессиональной и жизненной самореализации выпускников колледжей и вузов.

Именно в нем отражены противоречия подготовки выпускников колледжей и вузов к успешной профессионально-трудовой деятельности в соответствии с требованиями рынка труда. Характерный для молодежи оптимизм относительно будущего трудоустройства наталкивается на весьма сдержанную реакцию работодателей. Она позволила подтвердить нашу гипотезу о нелинейной связи между образовательной деятельностью и трудовой занятостью студентов и их (не)успешностью в профессиональном труде и жизнеустройстве.

Анализ мнений работодателей скорректировал наши выводы о влиянии трудового опыта на профессиональную успешность выпускников колледжей и вузов. Большинство информантов считают вторичную занятость студентов-очников почти бесполезным опытом в плане будущей профессиональной адаптации, потому что, как правило, студенческие подработки не имеют выхода на будущую профессию. А если даже они и связаны с ней, то студенты не получают возможности «прокачать» профессиональные компетенции, потому что выполняют неквалифицированную работу. То же самое суждение относится и к производственной практике студентов на профильном предприятии. Если же студенты серьезно относятся к своей работе, то это негативно сказывается на их обучении, нередко приводит к неуспеваемости.

Работодатели четко артикулируют свой запрос системе профессионального образования: все базовые профессиональные компетенции должны обязательно сочетаться с такими качествами, как системность и аналитичность мышления, мотивация и умение учиться, готовность принимать решения самостоятельно. По сути, были названы ключевые *soft skills*, уровень сформированности которых образует субъективный фактор профессиональной успешности выпускника.

Мнение работодателей оптимистично-реалистичное, ведь ни один из них не артикулировал проблемы трудоустройства и будущего профессионального развития выпускников колледжей и вузов в связи с пандемией, хотя, безусловно, эти проблемы осознаются ими. Успешность выпускников в постобразовательной жизни работодатели по-прежнему связывают с константными факторами, отраженными в качестве человеческого капитала студентов, прежде всего, в *soft skills*.

При этом работодатели считают, что система профессионального образования культивирует уже сформированные в семье и школе предикторы (не)успешности. Вузы и колледжи, по их мнению, выполняют в современных условиях функции «инкубаторов», но не в традиционном смысле «камеры хранения» для молодежи, а в смысле ее созревания в социальном и социально-психологическом плане. Работодатели (за исключением представителей некоторых специфических отраслей экономики) уверены, что лучшие возможности для профессионального обучения и развития могут предоставить они сами. Понятно, что такая позиция не может считаться бесспорной, но с ней нельзя не считаться, особенно когда речь заходит о необходимости тесного взаимодействия учебных заведений с работодателями в процессе качественной подготовки специалистов для рынка труда.

Список литературы (References)

Абрамов Р.Н., Быков А.В. Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое вертиго // Мониторинг общественного мнения: экономическое и социальное

ческие и социальные перемены. 2021. № 3. С. 4—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.2001>.

Abramov R. N., Bykov A. V. (2021) The World of Professions in the Context of Work and Employment: Pandemic and Digital Vertigo. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 4—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.2001>. (In Russ.)

Амбарова П. А. Трансфер человеческого капитала учащейся молодежи в системе российского образования // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 3. С. 25—41. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8426>.

Ambarova P. A. (2021) Transfer of Students' Human Capital in the Russian Education System. *Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 3. P. 25—41. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8426>.

Варшавская Е. Я. Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 56—66. <https://doi.org/10.31857/S013216250005793-5>.

Varshavskaya E. Ya. (2019) Job Search Strategies of University Graduates: Prevalence and Effectiveness. *Sociological Studies*. No. 7. P. 56—66. <https://doi.org/10.31857/S013216250005793-5>. (In Russ.)

Дудырев Ф. Ф., Романова О. А., Шабалин А. И., Абанкина И. В. Молодые профессионалы для новой экономики: среднее профессиональное образование в России. М.: ВШЭ, 2019. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1937-0>.

Dudiyev F. F., Romanova O. A., Shabalin A. I., Abankina I. V. (2019) Young Professionals for the New Economy: Secondary Vocational Education in Russia. Moscow: HSE. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1937-0>. (In Russ.)

Зборовский Г. Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 3—12. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-4/Zborovsky.pdf> (дата обращения: 10.06.2022).

Zborovsky G. E. (2010) Theoretical foundations of the study of social community. *Sociological Studies*. No. 4. P. 3—12. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-4/Zborovsky.pdf> (accessed:10.06.2022). (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.

Zubok J. A., Chuprov V. I. (2020) Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 13—41. <https://doi.org/https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. (In Russ.)

Ильин В. И. Социальный серфинг как модель молодежного образа жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 28—48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.02>.

Ilyin V. I. (2019) Social surfing as a model of youth lifestyle. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 28—48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.02>. (In Russ.)

Клячко Т. А., Семионова Е. А. Вклад образования в социально-экономическое развитие регионов России // *Экономика региона*. 2018. Т. 14. Вып. 3. С. 791—805. <https://doi.org/10.17059/2018-3-8>.

Klyachko T. A., Semionova E. A. (2018). Contribution of Education to the Socio-Economic Development of the Subjects of the Russian Federation. *Economy of Region*. Vol. 14. No. 3. P. 791—805. <https://doi.org/10.17059/2018-3-8>. (In Russ.)

Койкова А. С. Оценка влияния пандемии Covid-19 на занятость молодежи на рынке труда Российской Федерации // *Бизнес. Общество. Власть*. 2021. Т. 41. № 3. С. 96—111.

Koikova A. S. (2021) Assessment of the Covid-19 Pandemic Effects on Youth Employment in the Russian Federation Labour Market. *Business. Society. Power*. Vol. 41. No. 3. P. 96—111. (In Russ.)

Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Среднее vs высшее // *Мир России*. 2020. Т. 29. № 2. С. 6—26. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26>.

Konstantinovskiy D., Popova E. (2020) Vocational vs Higher Education. *Universe of Russia*. Vol. 29. No. 2. P. 6—26. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26>. (In Russ.)

Лопатина М. В., Леонова Л. А., Травкин П. В., Рошин С. Ю., Рудаков В. Н. Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда: информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ, 2020. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2195-3>.

Graduates of Secondary Vocational and Higher Education in the Russian Labor Market: Information Bulletin. (2020) Moscow: HSE. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2195-3>. (In Russ.)

Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 201—223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>.

Kasatkina N. P., Shumkova N. V. (2020) From Self-Education to Self-Employment: Back Entrance for Youth to the Labor Market. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 201—223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>. (In Russ.)

Ключарев Г. А. О подготовке инженерных кадров для наукоемких производств (взгляд работодателей) // *Социологические исследования*. 2020. № 3. С. 51—59. <https://doi.org/10.31857/S013216250008820-5>.

Kliucharev G. A. (2020) On the Training of Engineers for High-Tech Industries (Employers' View). *Sociological Studies*. No. 3. P. 51—59. <https://doi.org/10.31857/S013216250008820-5>. (In Russ.)

Мальцева В. А., Шабалин А. И. Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10—42. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>.

Maltseva V. A., Shabalin A. I. (2021) The Non-Bypass Trajectory, or The Boom in Demand for TVET in Russia. *Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 10—42. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>. (In Russ.)

Мехришвили Л. Л., Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15. М.: Новый хронограф, 2017. С. 369—394.

Mehrishvili L. L., Gavriilyuk V. V., Gavriilyuk T. V. (2017) The Influence of the Image of the Future on Life Success and Strategies for Achieving It for Modern Russian Youth. *Russia Reforming: Yearbook*. Vol. 15. M.: Novy Chronograph. P. 369—394. (In Russ.)

Мизинцева М. Ф., Сардарян А. Р. Трансформация российского рынка труда в условиях пандемии: основные проблемы и тенденции // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 1. С. 102—109. <https://doi.org/https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.8>.

Mizintseva M. F., Sardarian A. R. (2021) Transformation of the Russian Labor Market in the Context of the Pandemic: Key Issues and Trends. *Journal of Volgograd State University. Economics*. Vol. 23. No. 1. P. 102—109. <https://doi.org/https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.8>. (In Russ.)

Участие в управлении университетом / отв. ред. О. Бычкова. СПб.: Норма, 2016. Bychkova O. (2016) Participation in the University Management. St Petersburg: Norma. (In Russ.)

Хузяхметов Р. Р., Ромашкина Г. Ф. Навыки трудоустраиваемости студентов: стратегии развития // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 69—83. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-3-69-83>.

Khuziakhmetov R. R., Romashkina G. F. (2022) Students' Employability Skills: Development Strategies. *Higher Education in Russia*. Vol. 31. No. 3. P. 69—83. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-3-69-83>. (In Russ.)

Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 53—74. <https://doi.org/https://doi.org/10.19181/socjour.2013.3.420>.

Cherednichenko G. A. (2013) Educational and Professional Trajectories of the Youth: Research Concepts. *Sociological Journal*. No. 3. P. 53—74. <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.3.420>. (In Russ.)

Ядов В. А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 3—16.

Yadov V. A. (1990) Reflections on the Subject of Sociology. *Sociological Studies*. No. 2. P. 3—16. (In Russ.)

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. М.: Наука, 1972.

Yadov V. A. (1972) Reflections on the Subject of Sociology. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Ядова М. А. Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 91—104. <https://doi.org/10.31249/rsm/2017.02.06>.

Yadova M. A. (2017) The Educational and Professional Strategies of the Post-Soviet Youth. *Russia and the modern world*. № 2. P. 91—104. <https://doi.org/10.31249/rsm/2017.02.06>. (In Russ.)

Albert C., Davia M. A. (2018) Job Search Strategies and Underemployment in Recent Graduates First Jobs in Spain. *Revista de Economia Aplicada*. Vol. 26. No. 78. P. 21—41.

Freeman R. E. (1984) Stakeholder Management: A Stakeholder Approach. Marshfield, MA: Pitman Publishing.

Jongbloed B, Enders J., Salerno C. (2008) Higher Education and Its Communities: Interconnections, Interdependencies and a Research Agenda. *Higher Education*. Vol. 56. No. 3. P. 303—324. <https://doi.org/10.1007/s10734-008-9128-2>.

Khanyile M. (2018) Essentiality of Stakeholder Management for University Survival. *South African Journal of Higher Education*. Vol. 32. No. 4. P. 132—148. <https://doi.org/10.20853/32-4-1789>.

Kyvik S., Reymert I. (2017) Research Collaboration in Groups and Networks: Differences Across Academic Fields. *Scientometrics*. No. 113(2). P. 951—967. <https://doi.org/10.1007/s11192-017-2497-5>.

Marić I. (2013) Stakeholder Analysis of Higher Education Institutions. *Interdisciplinary Description of Complex Systems*. Vol. 11. No. 2. P. 217—226. <https://doi.org/https://doi.org/10.7906>.

Pirog D. (2016) Job Search Strategies of Recent University Graduates in Poland: Plans and Effectiveness. *Higher Education*. Vol. 71. No. 4. P. 557—573. <https://doi.org/10.1007/s10734-015-9923-5>.

Sennet R. (1992) The Uses of Disorder, Personal Identity and City Style. N.Y, L.: W. W. Norton & Company.

Slaba M. (2015) Stakeholder Groups of Public and Private Universities in the Czech Republic — Identification, Categorization and Prioritization. *Review of Economic Perspectives*. Vol. 15. No. 3. P. 305—326. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.1515/revecp-2015-0022>.

Приложение. Краткая характеристика информантов

Информанты-родители

- Информант № 1 — родитель студента вуза, жен., 54 г.
Информант № 2 — родитель студента вуза, муж., 55 л.
Информант № 7 — родитель студента вуза, жен., 44 г.
Информант № 8 — родитель студента колледжа, жен., 41 г.
Информант № 9 — родитель студента вуза, жен., 44 г.
Информант № 10 — родитель студента колледжа и студента вуза, жен., 48 л.
Информант № 11 — родитель студента вуза, жен., 51 год
Информант № 14 — родитель студента вуза, жен., 47 л.

Информанты-работодатели

- Информант № 2 — представитель работодателя, профессиональный психолог, HR-директор производственного холдинга, жен., 45 л.
Информант № 3 — представитель работодателя, сотрудник службы персонала в ресторанной компании, жен., 30 л.
Информант № 4 — представитель работодателя, руководитель отдела продаж международной логистической компании, жен., 28 л.
Информант № 5 — работодатель, руководитель НКО, жен., 43 г.
Информант № 6 — представитель работодателя, сотрудник медиахолдинга, преподаватель вуза, жен., 39 л.
Информант № 9 — представитель работодателя, директор по персоналу девелоперской компании, жен., 37 л.
Информант № 10 — работодатель, руководитель транспортной компании, муж., 37 л.
Информант № 11 — представитель работодателя, HR-менеджер коммерческого банка, жен., 34 г.
Информант № 12 — представитель работодателя, продукт-менеджер коммерческой образовательной компании, жен., 29 л.
Информант № 13 — представитель работодателя, холдинговая компания, жен., 45 л.
Информант № 16 — представитель работодателя, директор департамента международной производственной компании, муж., 43 г.
Информант № 17 — представитель работодателя, заместитель начальника департамента, госслужащий, жен., 55 л.
Информант № 18 — работодатель, руководитель НКО, муж., 43 г.
Информант № 19 — работодатель, руководитель предприятия в сфере оптовой торговли, муж., 46 л.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.1961](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1961)

М. Л. Ни

ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ И ЮЖНОЙ КОРЕЕ КАК ЦЕПОЧКИ РИТУАЛОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Правильная ссылка на статью:

Ни М. Л. Онлайн-сообщества трудовых мигрантов в России и Южной Корее как цепочки ритуалов взаимодействия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 92—114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1961>.

For citation:

Ni M. L. (2022) Online Communities of Labor Migrants to Russia and South Korea as Interaction Ritual Chains. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 92–114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1961>. (In Russ.)

ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ И ЮЖНОЙ КОРЕЕ КАК ЦЕПОЧКИ РИТУАЛОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ONLINE COMMUNITIES OF LABOR MIGRANTS TO RUSSIA AND SOUTH KOREA AS INTERACTION RITUAL CHAINS

*НИ Максим Леонидович — сотрудник Международной исследовательской лаборатории «Транснационализм и миграционные процессы: сравнительный и институциональный анализ», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: jintae@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7285-0237>*

*Maksim L. Ni¹ — Researcher at the International Research Laboratory “Transnationalism and Migration Processes: Comparative and Institutional Analysis”
E-MAIL: jintae@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7285-0237>*

¹ Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

Аннотация. В статье делается попытка переопределения термина «сообщество» применительно к исследованиям площадок группового общения транснациональных мигрантов в интернете. Сегодня платформы виртуальных социальных сетей позволяют создавать группы общения, объединяющие людей с общими интересами, но не обязательно знакомых друг с другом. В исследовательской литературе для анализа такого рода феноменов широкое распространение получило понятие «сообщество». Однако насколько такое решение является правомерным? Всегда ли онлайн-группы являются сообществами? Какие механизмы обеспечивают их активность? Для ответа на данные вопросы автор проводит концептуальный анализ различных антропологических и социологических моделей сообщества в контексте их приложения к онлайн-среде. На основании проведенного анализа формулируется определение сообщества как состояния максимальной солидаризации группы, возникающей в фокусированных коллективных ритуалах взаимодействия. В качестве теоретико-методологического основания статьи выступает теория ритуалов

Abstract. The paper attempts to redefine the term “community” concerning research on online interactions of transnational migrants. Today virtual social networks allow the creation of groups that unite people with common interests who may not necessarily be acquainted with each other. The metaphor of “community” is widely used in the research literature. However, is it valid when we study online phenomena? Are online groups communities? What are the mechanisms that ensure users’ activities? To answer these questions, the author conducts a conceptual analysis of anthropological and sociological theoretical models of community. As a result, the concept is defined as the condition of maximum group solidarization that occurs in focused collective interaction rituals. The theoretical and methodological foundation of the paper is the interaction ritual chains theory developed by Randall Collins. Successful rituals facilitate the production and/or reproduction of group identity symbols and emotional energy (i.e., readiness to engage in similar interactions). Chains of successful rituals are the key mechanism underlying sustainable group activity. The author

взаимодействия Рэндалла Коллинза, которая позволяет определить цепочки успешных ритуалов как ключевой механизм, лежащий в основе устойчивой групповой активности. Успешные ритуалы способствуют производству и/или воспроизводству символов идентичности группы и эмоциональной энергии (готовности вступать в схожие взаимодействия). Выработанный способ концептуализации применяется к исследованию двух русскоязычных Facebook-групп (деятельность социальной сети запрещена на территории РФ), объединяющих трудовых мигрантов из стран СНГ в Южной Корее и из стран Средней Азии в России. Проведенный анализ демонстрирует, что воспроизводство активности онлайн-групп в значительной степени опирается на эмоционально насыщенные символы, даже если основная часть сообщений сосредоточена вокруг сугубо инструментальных целей (таких как поиск вакансий). Тем не менее различия в культурном капитале могут препятствовать возникновению групповой солидарности, даже если участники номинально разделяют общие эмоции по отношению к одному и тому же объекту внимания.

Ключевые слова: онлайн-сообщества, трудовая миграция в России, трудовая миграция в Республике Корея, цепочки ритуалов взаимодействия, групповые символы

Благодарность. Мы благодарим Полину Антонову, Анастасию Бабикову, Елизавету Кучерову, Анастасию Лаптеву, Дарью Юдину, а также Наталью Трегубову за ценные комментарии к первым вариантам статьи и за помощь в сборе данных.

applies this conceptualization to the study of two Facebook groups of labor migrants from CIS countries in South Korea and from Central Asia in Russia. The analysis shows that the reproduction of online groups' activities is largely based on emotionally charged symbols, even if most messages are concentrated around purely instrumental goals (such as job search). At the same time, differences in cultural capital could prevent the emergence of group solidarity even if participants share common emotions towards the same object of attention.

Keywords: online communities, labor migration to Russia, labor migration to the Republic of Korea, interaction ritual chains, group symbols

Acknowledgments. We thank Polina Antonova, Anastasia Babikova, Elizaveta Kucherova, Anastasia Lapteva, Daria Yudina, and Natalya Tregubova for valuable comments on the first drafts of the paper and for their assistance in data collection.

Введение

Широкое распространение современных коммуникационных технологий привело к появлению принципиально новых способов организации социальной жизни людей, уезжающих работать за рубеж [Basch et al., 1995; Faist, 2004]. Трудовая миграция сегодня не означает автоматический разрыв отношений с домом. Относительно дешевая телефонная связь и международные системы электронных денежных переводов способствовали возникновению широких транснациональных сетей обмена, позволяющих координировать коллективные действия поверх границ национальных государств [Massey, 1993].

Вслед за развитием и распространением «традиционных» средств связи (почта, телефон, телеграф), все большую роль в повседневной жизни мигрантов начинает играть интернет. Удешевление доступа к глобальной сети, а также распространение гаджетов подталкивает людей с мигрантским опытом к освоению новых технологий. Так, Мирка Мадриану и Дэниэл Миллер указывают, что в ряде стран с высокой степенью зависимости от трансграничных денежных переводов наблюдается устойчивый рост спроса на услуги интернет-провайдеров, и, как следствие, расширяются репертуары сетевой коммуникации [Мадриану, Миллер, 2018].

Особый интерес в этом отношении представляют такие типы электронной коммуникации, в которых формат взаимодействия смещается с общения «один на один» (телефон или электронная почта) на «один ко множеству» или «все ко всем». Речь идет о таких медиа, как онлайн-форумы, группы в виртуальных социальных сетях, чаты в мессенджерах, которые объединяют людей, так или иначе имеющих отношение к миграционным процессам, но далеко не всегда знакомых друг с другом лично. Здесь пользователи свободно, без внешнего давления формальных институтов, вступают в коммуникацию. Этот факт, в свою очередь, вдохновляет исследователей видеть в таком формате общения цифровое воплощение классической идеи сообщества, противостоящего тенденциям атомизации социальной жизни [Bocagni, Schrooten, 2018; Wilson, Peterson, 2002]. Однако здесь возникает вопрос: всякий ли тематический чат, форум или группа в Facebook^{*1}, посвященный тем или иным аспектам мигрантского, опыта является онлайн-сообществом? Какие механизмы лежат в основании сообщества, и скрепляют его?

В данной работе мы попытаемся ответить на поставленные вопросы, опираясь на теорию цепочек ритуалов взаимодействия (Interaction Ritual Chains — IRC) Рэндалла Коллинза [Collins, 2004]. Согласно теории IRC, ключ к сплоченности сообщества — это эмоционально насыщенные взаимодействия, сосредоточенные вокруг *групповых символов*. Интенсивность и качественные характеристики совместно переживаемых эмоций определяют стремление людей к общению и совместной деятельности. Следовательно, структура сообществ возникает вследствие эмоциональной динамики взаимодействия пользователей.

В первой части работы мы кратко рассмотрим существующие подходы к анализу онлайн-сообществ. Далее будут представлены основные положения теории цепочек ритуалов взаимодействия, а также концептуальные ходы, позволяющие применять теорию IRC к общению в интернете. В третьей части мы характери-

¹ Здесь и далее * означает социальную сеть, деятельность которой запрещена на территории РФ.

зую методологию анализа эмоциональной динамики двух мигрантских онлайн-сообществ в социальной сети Facebook^{*}, посвященных трудовой миграции из СНГ в Южную Корею и из Средней Азии в Россию. В четвертой части будут выделены институциональные контексты для каждого кейса, а также структура коллективных символов, вокруг которых выстраиваются эмоционально насыщенные взаимодействия. В заключении мы суммируем результаты проделанной работы, а также обозначим векторы дальнейших исследований по данной проблематике.

Онлайн-сообщества как феномен и исследовательская проблема

Традиционно в социальных науках «сообщество» определяется как группа людей, объединенная плотными социальными связями и взаимодействиями, выраженной идентичностью и наличием строго определенной территории обитания [Park, 1952; Blackshaw, 2010]. Тенденции развития более рационализированных общественных отношений, построенных на институциональной интеграции, на протяжении долгого времени предопределяли отношение к сообществам, как к ускользающему объекту², разрушающемуся с приходом современности [Bauman, 2001]. Однако бурный расцвет интернет-коммуникации в начале 1990-х годов ознаменовал начало дискуссии о ревитализации сообществ в онлайн-среде.

Такие теоретики как Говард Рейнгольд, Дэвид Хаккен и Барри Уэллман указывают, что ресурсы интернета несут в себе серьезный потенциал для оспаривания существующих иерархических структур и построения коллективов, основанных на личном волеизъявлении [Hakken, 1999; Rheingold, 1993; Wellman, 2001]. Некоторые исследователи выдвигают тезис, что раз общества модерна уступают место обществам постмодерна, то новая замена для сообщества возникает именно в киберпространстве [Haythornthwaite, Wellman, 2001]. При этом, естественно, меняется «общее уравнение» сообщества. Из связки «территория — идентичность/культура — плотные связи и взаимодействия» исчезает фактор территории, что запускает дебаты о том, можно ли в принципе называть онлайн-группы сообществами.

Так, Дженнифер Бринкерхофф указывает, что, в отличие от традиционных сообществ, онлайн-группы не предъявляют жестких требований для включения и исключения за пределы своих границ [Brinkerhoff, 2009]. Иными словами, в интернете пропадает жесткость сборки коллектива, обязывающая индивидов к постоянной коммуникации и участию, а также появляется больше степеней свободы.

В свою очередь, Акхил Гупта и Джеймс Фергюсон [Gupta, Ferguson, 1997] считают, что исследователи чересчур концентрируются на «чистом» объекте «сообщества», тогда как на деле он может маскировать гетерогенность. Индивиды могут принадлежать ко многим сообществам, имеющим различную степень связанности. Одни существуют только в киберпространстве, другие, наоборот, являют собой продолжение отношений, начатых «в реальной жизни».

Вместе с тем Филипп Агре указывает, что если мы будем сосредотачивать внимание на различиях между онлайн-сообществами и группами взаимодействия

² Мелвин Веббер был одним из первых исследователей, отмечавших «разукрупнение сообществ». Согласно результатам его исследований, в начале 1960-х годов, американцы в меньшей степени тяготели к идентификации с конкретным местом проживания (территории), вместо этого привязываясь к «волонтерским» ассоциациям [Webber, 1963].

«лицом к лицу», то упустим из виду процессы, в которых люди используют экологию интернет-медиа для совместного размышления над значимыми для них вопросами [Agre, 1999]. В свою очередь, коллективное обсуждение значимых вопросов способствует возникновению самых важных параметров, отличающих сообщества: близких отношений; наличию целостности и групповых границ; регулярности взаимодействий [Wellman, Gulia, 1999].

Несмотря на приведенные аргументы в пользу оформления онлайн-сообществ в качестве самостоятельного объекта исследований, на наш взгляд, нерешенной остается проблема исходного механизма, скрепляющего группу людей в формате сетевых взаимодействий. К примеру, понятно, что обсуждение общих интересов порождает групповые границы и общую идентичность, но почему, при условии относительной свободы участия, в одних случаях люди остаются активными участниками сообществ, а в других — нет? Что удерживает людей вместе и определяет динамику взаимодействия в сообществах? Разбору теоретических аргументов для ответа на эти вопросы мы посвятим следующий раздел нашей статьи.

Сообщество как динамическая конструкция

Итак, онлайн-сообщества отличает, прежде всего, отсутствие привязки к конкретным территориям и свободный характер участия индивидов. Здесь можно бы обратиться к альтернативным вариантам концептуализации, для которых территория не имеет большого значения. К примеру, в работах Бенедикта Андерсона и Энтони Коэна [Андерсон, 2016; Cohen, 1985] сообщество представляется в большей степени когнитивной, символической конструкцией. Андерсон, привлекая широкий спектр исторических данных о процессах национального строительства показывает, что коллективная идентичность произрастает из культурных нарративов, обосновывающих единое происхождение, самосознание и символы группы. Нация в умах носителей общей идеи воспринимается как воображенное сообщество (imagined community)³ безусловно близких людей. Границы, пролегающие между разными солидарными группами, таким образом переходят из разряда географических в разряд метафизических. Коэн, в свою очередь, утверждает, что сообщество является не только результатом безусловной агентности субъектов, но и того, как устроены процессы воображаемого проведения границ, каковы обычаи, привычки, ритуалы и коммуникация в группе. Идентичность групп пластична и поддается процессам трансформации и масштабированию⁴.

Акцент на когнитивном измерении позволяет избавиться понятие сообщества от оков пространственной локализации и сосредоточиться на практиках производства воображаемого единства в онлайн-пространстве. Существуют исследования, убедительно демонстрирующие работу механизмов конструирования диаспоральной близости и гордости за страну [Brinkerhoff, 2009; Gündüz, Erdem, 2017], а также

³ Следует понимать, что несмотря на постулируемый объект исследования — процессы конструирования национальной идентичности — базовый принцип концепции применим к любым группам любого размера. Так, во введении к «Воображаемым сообществам» мэтр пишет: «На самом деле все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом „лицом к лицу“ (а может быть, даже и они)» [Андерсон, 2016: 48].

⁴ К примеру, Адам Браун демонстрирует, как воображенные сообщества футбольных болельщиков в Англии оперативно переключаются между локальной клубной идентичностью и идентичностью болельщика национальной сборной [Brown, 2008]. Границы в этом случае переопределяются за счет переключения фигуры «врага».

трансформации гражданской идентичности транснациональных мигрантов [Gius, 2019]. Однако, на наш взгляд, когнитивная трактовка не позволяет объяснить динамику расцвета и падения онлайн-сообществ. Подобного рода уязвимость концепций Андерсона и Коэна, как указывает Тони Блэкшоу, коренится в «первородном грехе реификации». Несмотря на тезис о вмененности (putitativness) идеи близости, конструктивисты мыслят сообщества как объекты, обладающие сильной онтологией [Blackshaw, 2010], хоть и сконструированные, но постоянно существующие в мире. Однако сложно себе представить, чтобы человек 24/7 воспринимал себя и действовал исключительно в модусе одной групповой принадлежности. Скорее можно говорить о том, что группы — это состояния или точки зрения на мир, помещенные в конкретные ситуации [Брубейкер, 2012]. Конфигурация элементов ситуации, в свою очередь, конституирует идентификацию индивидов с той или иной категорией и ее символами. Одна и та же групповая категория в одних контекстах может исполнять фоновую функцию для чисто утилитарных взаимодействий, а в других, наоборот, становится элементом, сплачивающим группу до состояния, когда люди действуют, ощущая безусловную близость и общую идентичность, то есть становятся полноценным сообществом [Юдин, Павлюткин, 2015: 95].

Таким образом, сообщество можно понимать в процессуальных терминах как состояние максимального сплочения группы. И здесь не хватает только одного, но самого важного элемента — механизма, позволяющего объяснить переходы из «фонового режима» к состоянию сообщества. На наш взгляд, такой объяснительный механизм можно отыскать, обращаясь к ресурсам микросоциологической теории цепочек ритуалов взаимодействия Рэндалла Коллинза [Collins, 2004]. Основной фокус теории IRC сосредоточен на классической для социологии проблеме возникновения солидарности. Почему в одни периоды времени интеграция группы зашкаливает, а в другие — стремится к нулю, вплоть до ее распада? Для ответа на эти вопросы Коллинз опирается на теорию ритуалов позднего Эмиля Дюркгейма и ее микросоциологическую трансляцию, осуществленную Ирвином Гоффманом [Гоффман, 2009]. Согласно теории IRC, групповая солидарность производится посредством повседневных ритуалов, понятых в секуляризованном смысле, как любые формы повседневных социальных взаимодействий в группе от двух человек и более⁵. Коллинз различает успешные и неудавшиеся ритуалы. Успешный ритуал характеризует несколько факторов:

- 1) присутствие участников взаимодействия, отделенных групповой границей от остального мира;
- 2) наличие в структуре ситуации объекта, на котором фокусируется внимание участников;
- 3) общий культурный капитал, под которым понимается запас символических ресурсов, необходимых для взаимодействия. Таковыми могут выступать совокупность общих тем для разговора, культурные компетенции, выраженные в стиле общения, жестах, мимике [Collins, 1981];
- 4) общий эмоциональный настрой участников ритуала, направленный на объект общего внимания.

⁵ При этом степень фокусирования может различаться от слабой, вроде ритуалов приветствия и прощания, до сильной, вроде политических дебатов.

При наличии данных компонентов возникает эффект интерференции общего эмоционального настроения и концентрации на объекте, что в своем апогее приводит к возникновению эффекта «коллективного бурления» (collective effervescence). Участники взаимодействия синхронизируют речевые и поведенческие паттерны [Collins, 2004], что ведет к нескольким следствиям. Во-первых, усиливается ощущение общности опыта (совпадение культурного капитала). Во-вторых, появляются групповые символы, по отношению к которым возникают стандарты групповой морали. Нарушение стандартов групповой морали ведет к применению санкций. Эмоциональная интерференция способствует возникновению специфического ресурса — эмоциональной энергии (ЕЕ), под которой подразумевается готовность индивидов к вступлению в сходные виды взаимодействий. ЕЕ распределяется между участниками ритуальных взаимодействий и накапливается в коллективных символах. Наконец, самый важный момент — коллективные символы, репрезентирующие идентичность группы, нуждаются в перезарядке. В противном случае солидаризация постепенно сходит на нет⁶.

Таким образом, сообщество может не иметь привязки к строго определенной территории, но существует в границах успешных коллективных фокусированных взаимодействий. Успешные коллективные взаимодействия генерируют эмоциональную энергию, перераспределяющуюся среди участников, а также производят или воспроизводят эмоционально заряженные групповые символы, по отношению к которым существуют жесткие стандарты коллективной морали. Под эмоциональной энергией (ЕЕ) подразумевается стремление вступать в схожие типы взаимодействий. Эмоциональная энергия имеет ключевое значение как для солидаризации сообщества, так и для поддержания целостности группы в целом. С другой стороны, эмоционально насыщенные ритуальные взаимодействия приводят к повышению уровня ЕЕ, стимулируют проявление спонтанной активности, не обусловленной чисто инструментальными интересами.

Важно отметить, что в исходном виде теория IRC проводит четкую границу между взаимодействиями «лицом к лицу» и при использовании электронных медиа [Collins, 2004]. Как указывает Коллинз, успех ритуалов опирается на полноту сенсорных ощущений: люди воспринимают эмоции благодаря зрительному считыванию мимики и движений тела собеседников; улавливанию изменений в тембре голоса и т. п. Естественно, что опосредованная коммуникация снижает диапазон сенсорного охвата. В меньшей степени это относится к видеосвязи, позволяющей улавливать мимику, жесты и голос. Наибольший скепсис вызывает использование текстовой коммуникации.

Однако группа исследователей во главе с Полом ДиМаджио [Dimaggio et al., 2019] выдвинула предположение, что механизмы IRC могут сохранять свою значимость и в формате текстовой коммуникации. Для обоснования своих суждений авторы обращаются к концепции речевых жанров Михаила Бахтина [Бахтин, 1996]. Так, обмен текстовыми сообщениями в онлайн-среде формирует особый формат использования языка — речевые жанры. Речевые жанры подразумевают конвенционально закрепленные содержание, стиль и композиционную структуру,

⁶ Схожие мотивы мы можем обнаружить у Британского антрополога Виктора Тернера, утверждающего, что кочевые союзы нуждаются в периодических сборах для поддержания общей групповой идентичности [Turner, 1973].

дифференцирующиеся и укрепляющиеся по мере развития конкретной сферы языковой деятельности. ДиМаджио и его коллеги утверждает, что такие жанровые инновации, как хештеги, смайлики, кнопки «мне нравится», аббревиатуры, специфические термины увеличивают объем информации, особенно эмоциональной, которую может передать онлайн-высказывание. Кроме того, эти стилизации делают онлайн-группы непрозрачными для посторонних, что способствует ситуативному очерчиванию групповых границ. Таким образом, концепция речевых жанров позволяет перейти от универсальной теоретической модели ИСТ к эмпирическому анализу многообразия текстовой коммуникации в интернете.

Другой важный момент, обосновывающий возможность использования теории IRC в онлайн-среде, — утверждение интерактивности речевых жанров. Бахтин подчеркивает, что любое понимание речи, будь это вокализация или текст, носит активно-ответный характер. Иными словами, на уровне базовой структуры чтение мало чем отличается от общения «лицом к лицу». Следовательно, различные формы обмена текстовыми сообщениями в рамках интернет-площадок можно интерпретировать как ритуалы взаимодействия, успех которых будет регулироваться теми же факторами, что общение «лицом к лицу» [Dimaggio et al., 2019].

Онлайн-группы трудовых мигрантов в социальных сетях

Как было отмечено во введении, транснациональная миграция характеризуется новыми формами взаимодействия между мигрантами, значительная часть из которых происходит онлайн. Транснационализм не только обеспечивает существующие родственные и дружеские связи новыми средствами онлайн-коммуникации, но и приводит к возникновению новых типов онлайн-сообществ, объединяющих людей, не знакомых вне сети Интернет [Schrooten, 2012; Тимошкин, 2019]. Именно потому анализ мигрантских групп представляется особенно перспективным для исследования онлайн-сообществ.

Эмпирическим источником нашего интереса к теме стали данные, полученные в ходе полевой работы⁷, проведенной автором статьи в среде трудовых мигрантов из стран СНГ в Южной Корее. Оказалось, что существенной частью повседневной жизни информантов является использование разнообразных онлайн-площадок для группового общения в Facebook*. В основном все они посвящены поиску работы и обмену полезной информацией. Также выяснилось, что в той же социальной сети существует активное русскоязычное сообщество, посвященное трудовой миграции из Средней Азии в Россию, имеющее, однако серьезные отличия в тематической направленности от известных нам «корейских групп». Здесь коммуникация сосредоточена на правовой защите рабочих из СНГ. И в том, и в другом случае в глаза бросается тот факт, что при общей прагматической тематизации сообщения в группах часто выходят за пределы простого обмена информацией и, кроме того, часто носят выраженный эмоциональный характер.

Исходя из изложенных выше наблюдений, мы сформулировали базовый исследовательский вопрос: что удерживает пользователей мигрантских онлайн-площадок вместе и обуславливает их активность? Ориентируясь на теорию IRC,

⁷ Трехмесячное включенное наблюдение (с февраля по начало мая 2019 г.) в двух городах Республики Корея: Ансан и Чонсу.

была сформирована рабочая гипотеза: *длительная активность онлайн-площадок обеспечивается за счет серий успешных ритуалов взаимодействия, генерирующих эмоционально насыщенные символы групповой принадлежности, которые обеспечивают солидаризацию участников в сообщество с общей идентичностью.*

Для эмпирического анализа мы выбрали одну из самых больших русскоязычных групп, посвященных поиску работы для низкоквалифицированных мигрантов в Южной Корее, и площадку для правовой поддержки рабочих из Средней Азии в России. Ключевыми словами для поисковых запросов послужили: «Южная Корея, работа, миграция, мигранты» для кейса южнокорейской миграции, и: «СНГ, Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан, миграция, мигранты, работа в России» для кейса миграции из Средней Азии в Россию.

Далее мы провели серию качественных онлайн-наблюдений в каждой группе. Используемая в настоящей работе методология анализа опирается на разработки Пола ДиМаджио и соавторов по адаптации теории IRC для анализа онлайн-взаимодействий [Dimaggio et al., 2019]. В качестве базовых единиц наблюдения принимается сообщение (пост) в группе, рассматривающийся как стартовая точка ритуала взаимодействия, и набор комментариев (тред), разворачивающихся под ним. Иными словами, мы рассматриваем общение в онлайн-группах в формате «пост — комментарии к посту» в качестве отдельного речевого жанра.

В структуре сообщений выделяются:

1) Объект фокусирования общего внимания. В Facebook*-группах ими выступает тема поста. Темы могут меняться внутри треда.

2) Культурный капитал, под которым понимается наличный запас общего знания и стилистика сообщений.

3) Количественные характеристики вовлеченности в ситуацию взаимодействия: число комментариев под постом и число эмоциональных реакций — «лайков», демонстрирующие обобщенный уровень внимания.

4) Качественные характеристики эмоциональной вовлеченности в ситуацию взаимодействия. То есть различные эмоциональные реакции, возникающие по отношению к объекту общего внимания. Эмоции могут считываться в виде прямого дискурсивного выражения (например, «...как радостно, что есть такие вот люди!»); использования экспрессивного стиля речи и средств, подчеркивающих эмоциональную реакцию (например, использование обценной лексики).

5) Развитие взаимодействия определяется через длину треда и устойчивость тематизации⁸.

Были собраны все посты и комментарии, появляющиеся в группах с апреля по октябрь 2019 г. (глубина погружения в архив групп 6 месяцев). Кроме того, для каждой из групп был осуществлен дополнительный сбор данных, охватывающий период в шесть месяцев, начиная от даты создания. Эта процедура была необходима для фиксации возможных смещений в тематическом наполнении и верификации обнаруженных поведенческих паттернов. Кроме того, анализ кейса миграции в Южную Корею мы дополнили материалами, полученными в ходе полевой работы.

⁸ Если в комментариях возникают новые темы, то обычно возникает альтернативный тред и его мы анализируем отдельно.

Наконец, необходимо написать об этической стороне исследования. Мы не получили официальное разрешение на использование материалов, публикуемых в группах, и не оповещали администрацию и пользователей о своих намерениях, что было обусловлено высокой вероятностью отказа от опубликования полученных данных [Markham, 2013]. Миграционные процессы — достаточно чувствительное поле, более того, в Facebook*-группах, посвященных миграции из СНГ в Южную Корею, часто обсуждаются вопросы, связанные с повседневными практиками недокументированных мигрантов. В свете приведенных опасений было решено обезопасить «информантов» путем анонимизации названий групп и имен пользователей в иллюстрирующих примерах.

*Кейс 1. Транснациональный СНГ в корейском Facebook**

Вплоть до середины 1980-х годов крайне сложно было помыслить южную часть Корейского полуострова как место, привлекательное для трудовой миграции. Ситуация была прямо противоположной: так, с 1960 по 1970-е годы более двух миллионов корейских граждан находились на заработках за границей [Тен, 2009]. Однако в тот же самый период начинается активный процесс переориентирования экономики страны с аграрного на технологический экспорт [Chang, 2011], что способствовало стремительному росту благосостояния и снижению уровня безработицы. Крупномасштабные изменения в структуре производства, а также параллельные процессы депопуляции привели к тому, что с 1960-х годов Республика Корея начинает процессы трансформации из страны-донора [Kim, 1987] в страну-реципиента мигрантских потоков. Общая численность проживающих в государстве мигрантов в 1993 г. составляла менее 200 тыс. человек, однако в 2012 г. она возросла до более 1 млн 400 тыс. человек [Lee, 2015], из них 589 тыс. (42 %) составляют трудовые мигранты, в основном из Китая, Вьетнама, Малайзии, а также, в последние семь лет, из Узбекистана.

На сегодняшний день можно выделить три основных потока низкоквалифицированной трудовой миграции из стран СНГ в Южную Корею. Во-первых, это граждане республики Узбекистан, имеющие право на получение трудовой визы типа Н-2⁹. Во-вторых, это «советские корейцы» имеющие гражданство одной из стран СНГ. Они подпадают под категорию «зарубежные этнические корейцы» (overseas koreans) и могут претендовать на получение визы типа F-4¹⁰. И в-третьих, это неопределенный по размеру кластер недокументированных трудовых мигрантов, прежде всего граждан России и Казахстана, активно прибывающих в страну после установления с обозначенными государствами безвизового режима в 2014 г.

Большинство трудовых мигрантов из СНГ в Южной Корее плохо знает корейский язык. Несмотря на то, что для получения трудовой визы на данный момент требуется сдать экзамен TOPIK, его программы явно недостаточно для свободного общения с работодателем. В связи с этим наиболее популярный способ поиска

⁹ Соглашение о квотном наборе граждан Узбекистана на работу в Южной Корее действует с 2004 г.

¹⁰ Виза F-4 выдается лицам, предоставившим документальное подтверждение наличия у них прямых родственников «корейской национальности» вплоть до четвертого поколения. В отличие от визы Н-2, данный документ дает возможность свободной смены места работы, а также де-юре открывает перспективы для получения гражданства [Lim, Song, 2021].

работы как среди легализованных, так и среди недокументированных трудовых мигрантов — обращение к платным услугам посредников (чаще всего русскоязычных мигрантов, имеющих большой опыт проживания в стране)¹¹. Контакты посредников легче всего найти в группах-агрегаторах вакансий в социальной сети Facebook¹².

Для нашего анализа мы выбрали одну из самых популярных русскоязычных мигрантских групп, посвященных поиску работу в Южной Корее, насчитывающей более 60 тыс. пользователей (на октябрь 2019 г.). Средний показатель публикационной активности — 5 постов за день. Первое сообщение в группе отправлено в мае 2016 г.

Две наиболее часто встречающиеся темы сообщений — собственно вакансии и просьбы о помощи. Типичная схема объявления включает в себя описание работы, город или местность, размер заработной платы, требования по наличию или отсутствию трудовой визы, условия проживания (не всегда), размер гонорара посредника и контактные данные.

*Вакансия на работу на завод по производству корабельных разоров в городе *. Требования: 3 мужчин, виза F4 или N2, до 50 лет. График: пятидневка с 8:00 до 19:30. Оплата составляет 105 тысяч за длинный день и 80 тысяч за короткий. Предоставляется бесплатное общежитие и трехразовое питание. Номер для связи: *****¹³.*

Чаще всего, сообщения о вакансиях не вызывают эмоционально насыщенных реакций и характеризуются низкой степенью коллективной вовлеченности. В среднем под такими постами появляется не больше трех лайков и трех комментариев. Это могут быть уточняющие вопросы об условиях выплаты заработных плат, оптимальном маршруте до места работы и т. п. То есть по большей части это инструментальная коммуникация, создающая незначительные перераспределения эмоциональной энергии.

Иногда под сообщениями о вакансиях появляются комментарии с просьбами разъяснить непонятную для неопитов корейскую терминологию. Например, возникнуть могут вопросы о том, кто такой саджан¹⁴ или что такое самуциль¹⁵. Ответы поступают достаточно быстро и без ярко выраженной эмоциональной окраски. Исключение здесь, пожалуй, составляют случаи, когда в обсуждении кто-нибудь упоминает так называемую «золотую визу».

Комментатор 1: «А с золотой визой возьмете?»

Комментатор 2: «а золотая — это как? ты же вроде русский, скажи, как получил?»

¹¹ Обращение к услугам посредника — это наиболее популярный способ поиска работы уже на территории Южной Кореи. В России и Казахстане желающий гарантированно получить рабочее место может обратиться в полулегальные фирмы, поставляющие недокументированных рабочих непосредственному заказчику.

¹² Группы, посвященные поиску работы в Южной Корее, есть и в российской сети «ВКонтакте», однако на Facebook[®] их несравнимо больше.

¹³ Грамматика, орфография и пунктуация «информантов» представлены в исходном виде.

¹⁴ Саджан — бригадир.

¹⁵ Самуциль — подрядная организация, занимающаяся наймом рабочих на поденную или постоянную работу.

*Комментатор 3: «золотая — лучшая! это когда тебе вообще по***»*

Комментатор 4: «с золотой до талого надо сидеть»

В теории IRC такого рода взаимодействия определяются как статусные ритуалы, при которых индивиды с меньшим запасом культурного капитала обращаются за помощью к более опытным визави [Collins, 2004]. Здесь общий фокус внимания сосредоточен на понятии «золотой визы». Неофит, по всей видимости, недокументированный мигрант, полагает, что «золотая виза» — это какой-то неизвестный ему вариант легализации, и стремится разузнать о ней побольше. В то же время два других комментатора знают: «золотая виза» означает, что у человека закончился срок пребывания в стране по безвизовому режиму и в случае выезда домой ему в паспорт поставят штамп, запрещающий въезд в Южную Корею на срок от 5 до 10 лет. Обладание этим знанием наделяет их особым статусом в ситуативной иерархии и, следовательно, они получают от взаимодействия больше эмоциональной энергии. Эта незначительная, на первый взгляд, деталь, является одним из значимых групповых символов, составляющих стихийный мигрантский фольклор. Шутки про «золотую визу» — относятся к числу самых популярных в общении мигрантов из СНГ «лицом к лицу».

Гораздо более эмоционально насыщенными, интенсивными и распространенными являются ситуации взаимодействия, в которых возникает фигура нечистого на руку посредника. В одних случаях посредник может яростно критиковаться за то, что отправляет людей на сверхтяжелую работу с относительно низкой оплатой.

Исходный пост:

*Требуются парни и девушки на острове ***** в семьи!! Парням оклад 2 млн, девушкам 1,8 млн! Жилье и питание бесплатно! новый самуиль, работаем с адекватными саджанами! Пишите на What's up, Viber ***** на комменты не отвечаю!*

Обсуждение:

Комментатор 1: «в долларах сколько?»

Автор поста: «Примерно 1,500»

*Комментатор 2: «Ху*** это все»*

Комментатор 2: «Кидала там все»

Автор поста: «Если тебя кинули не значит что кидаю всех»

Комментатор 3 в ответ предыдущее сообщение: «а что выборочно.»

Комментатор 4: «Работал я у седого. Чмошник он и баба его. Парни, там ловить нечего»

В других случаях предъявляются обвинения в явном мошенничестве. Среди опытных мигрантов распространено негласное правило: гонорар посреднику выплачивается после первой выплаты заработной платы. В наиболее ярких случаях тред под исходным сообщением разрастается до 30 комментариев и до 200 лайков.

Фокусирование коллективного внимания на фигуре мошенника трансформирует ее в мощный символ солидаризации, заряженной эмоцией праведного гнева.

В ситуациях обсуждения мошенников обнаруживается предельная близость опыта трудовых мигрантов. Даже настроения новичков быстро вступают с резонанс с общими настроениями и высказывают негодование по поводу мошенников.

Мошенники как коллективный символ постоянно «перезаряжаются» в цепочках ритуалов взаимодействия. Нечестным посредникам в Южной Корее посвящаются отдельные группы и чаты в интернет-мессенджерах. Более того, ряд наших информантов, вернувшихся на родину, отмечает, что они постепенно перестают следить за объявлениями о вакансиях в группах, отписываются от рассылок в WhatsApp, но продолжают следить за обновлениями о мошенниках, что свидетельствует о предельной эмоциональной заряженности символа.

Второе место по распространенности в группе занимают сообщения с просьбами о помощи. Здесь можно выделить средние по интенсивности коллективной реакции сообщения с вопросами о том, где найти тот или иной корейский аналог лекарств, распространенных в СНГ, или как попасть на бесплатный прием в медицинские учреждения. То есть, это статусные ритуалы с низкой степенью эмоциональной динамики.

Значимое исключение — сообщения, в которых описываются травмы или тяжелые заболевания, полученные во время работы в Южной Корее. Такие посты собирают множество комментариев с выражением сочувствия (в среднем 34 сообщения) или предложениями о помощи. Тема искаленного во время работы в другой стране здоровья не случайно появляется именно на рассматриваемой онлайн-площадке. Авторы сообщения здесь надеются на понимание и эмоциональную поддержку, основанную на общности культурного капитала, создающего границу между мигрантами и не-мигрантами. Пользователи онлайн-групп могут исследовать эмоциональные аспекты своего положения совместно с сообществом людей, которые лучше всего могут понять их уникальную ситуацию [Jasper, 2014].

В целом мы можем утверждать, что ядро солидаризации данной группы сосредоточено не столько вокруг прагматической функции поиска работы, сколько вокруг ритуальных взаимодействий, генерирующих коллективные символы «нечестного посредника», «тяжелых заболеваний, полученных во время работы за рубежом» и некоторых элементов мигрантского фольклора. При обсуждении данных тем наблюдается насыщенная эмоциональная динамика, выкристаллизовывается коллективная идентичность. Эмоционально насыщенные символы привязывают людей к группам, обуславливают их долго не угасающее желание следить за происходящим, даже если они уже формально не являются мигрантами. Именно поэтому данную группу можно назвать сообществом.

Кейс 2. Facebook-сообщество по защите прав трудовых мигрантов в России*

Избранная нами онлайн-группа для российского кейса отличается гораздо меньшим количеством участников (8 тыс. пользователей), но более насыщенной динамикой публикации сообщений (не менее 15 постов в день). Первый пост опубликован в феврале 2017 г. Декларируемые цели группы — осуществление правозащитных инициатив в области трудовой миграции в Россию и повышение правовой грамотности мигрантов. Большая часть сообщений публикуется основателем группы, дипломированным юристом в области миграционного права.

Правовое измерение трудовой миграции в Россию, в отличие от южнокорейского контекста, отличается рядом факторов, ставящих низкоквалифицированных рабочих из Средней Азии в крайне уязвимое положение. Так, подать комплект документов для получения разрешения на работу и патента можно в течение 30 дней после прибытия в страну. Однако получение документов осложняется крайней степенью загруженности учреждений по вопросам миграции и рядом бюрократических проволочек¹⁶, в связи с чем возникает рынок фирм-посредников, предлагающих за отдельную плату ускорить получение патента, а иногда оказать помощь в поиске работы [Лисицын, 2017]. Услуги фирм-посредников в России легализованы и представляют собой хорошо различимую на формальном уровне инфраструктуру¹⁷. Трудовым мигрантам гораздо сложнее получить регистрацию по месту жительства. У подавляющего большинства адреса регистрации и фактического проживания не совпадают [Письменная, 2018]. Перечисленные факторы связаны с высоким уровнем денежных затрат, что обуславливает риски перехода в разряд недокументированных мигрантов. Это в свою очередь делает мигрантов постоянной мишенью для проверок, облав и несанкционированного насилия со стороны правоохранительных органов [Agadjanian, Menjivar, Zotova, 2017; Олимова, 2014]. В представленном контексте тематический вектор группы резонирует с актуальными проблемами среднеазиатских мигрантов, что позволяет предполагать высокую степень солидаризации в комментариях.

Собранные в ходе анализа посты распределяются по четырем наиболее распространенным темам:

- дискриминация мигрантов;
- грубое нарушение прав мигрантов;
- совершение мигрантами общественно одобряемых поступков;
- совершение мигрантами общественно порицаемых поступков.

Кроме того, в группе публикуются легальные вакансии для трудовых мигрантов, однако частота их появления и интенсивность реакций со стороны пользователей относительно низки.

Наиболее интенсивные по степени коллективного вовлечения и эмоциональной насыщенности (в среднем 40 комментариев) — сообщения, в которых появляется информация о грубом нарушении прав мигрантов и различных случаях этнической и классовой дискриминации. Так, в одном из постов участница группы опубликовала видео о том, как в США во время поездки в автобусе белая женщина среднего возраста возмущается тем, что двое молодых людей из Юго-Восточной Азии разговаривают на родном языке в общественном транспорте. Другие пассажиры критикуют ее за ущемление прав и упрекают в расизме. В 10 из 12 комментариев пользователи находят параллели с Россией.

¹⁶ В этом плане особо примечательна работа Мадлен Ривз, концептуализирующая очередь в российских учреждениях по вопросам миграции как «пустое время» (по аналогии с не-местами у Марка Оже), отнимающее у мигрантов силы и драгоценное время, необходимые для поиска работы и, собственно, заработка [Reeves, 2020].

¹⁷ Патент на работу: оформить самостоятельно или через миграционный центр. Информация миграционного форума УФМС по Санкт-Петербургу URL: <https://ufms.spb.ru/patent-na-rabotu-oformit-samostoyatelno-ili-cherez-migracionnyj-centr/> (дата обращения: 26.06.2022).

Комментатор 1: Мы в РФ к этому привыкли, хотя я ни разу не встречался с такими людьми. Меня сразу предупредили, при присутствии русских разговаривай на русском и все

Комментатор 2: Значит тебе еще не попался расист могут и по страшнее угрожать физической расправой или типа не нравится мы тебя незвпли вали домой

Комментатор 1 в ответ на реплику: надеюсь не столкнусь с такими, в моем окружении все прекрасные люди

Комментатор 3: Проклятие росисти.....

Комментатор 4: РФ никак не привыкнут этому

Комментатор 5: Прямо пародия на мигрантов в ближнем зарубежье, косплей))))

Комментатор 6: мигранка из России 😊😊😊

Комментатор 7: Он не америкос наверно русский

Комментатор 8: Наверное русская мигрантка

Комментатор 9: Не давно, вот буквально 2 дня назад такое произошло и со мной. Я ответила просто по телефону на Ассалому алайкум- Вaleyкум Ассалом. И началось. Дошло до того, что я вызвала полицию. (никогда по телефону громко в транспорте не разговаривала, веду себя очень спокойно). Было обидно, что за меня никто не заступился, и не заткнул пьяное существо, которое требовало от меня говорить по-русски. Берегите себя, те, которые отвечают на Ассалому алайкум- Вaleyкум Ассалом. Никак не поймут, что Россия многонациональная страна, и в единстве сила.

Комментатор 10: Да она просто невежда китайцы обязаны на нее подать в суд ей внятно там объяснять где она находится...

Первый комментатор упоминает, что для «нас» (трудовых мигрантов из Средней Азии) — общение на родном языке является фактором, способным вызвать гнев со стороны местных жителей («русских»). Здесь можно различить базовую эмоцию негодования («Проклятие росисти.....»), а также коллективный символ в лице дискриминируемых трудовых мигрантов. В данном случае релевантные моральные предписания, наблюдаемые во взаимодействиях, можно сформулировать следующим образом: «нельзя сомневаться в том, что дискриминация мигрантов в России существует». Об этом свидетельствует короткий эпизод взаимодействия, в самом начале треда, где один из пользователей упоминает, что сам он ни разу не встречался с притеснениями. Ему отвечают, что автору просто повезло не встретиться с жестокой реальностью притеснений. Остальные комментаторы также различным образом выражают мысль о том, что данное видео коррелирует с их опытом («Наверное русская мигрантка»; «Прямо пародия на мигрантов в ближнем зарубежье, косплей))))» и т. д.).

Интересно, что в приведенном примере коммуникация не имеет ярко выраженной эмоциональной окраски. Дискриминация по этническому признаку воспринимается как неотъемлемая, но рутинизированная и неизбежная часть мигрантской идентификации, по отношению к которой ничего нельзя поделать.

Представленный выше тезис хорошо иллюстрируется следующим примером. Один из первых постов в группе был посвящен трудностям, с которыми сталкивается мигрант при оформлении патентов на трудоустройство. Завязалась дискуссия, в ходе которой комментатор описывал все больше фактов нарушений прав трудовых мигрантов, в то время как администратор призывал к активным действиям по борь-

бе за свои права, подкрепляя свои доводы успешными случаями из юридической практики. Спустя семь комментариев дискуссия завершилась в следующем ключе:

Комментатор: Если кто-то и напишет заявление, то будут расследовать тот единичный случай остальные ест-венно вряд ли напишут... К сожалению, мигранты не способны такими законными способами защищать себя.

Администратор: глупость это! Если мигрант напишет заявление — тогда преступника, который вымогает у него деньги, поймают, и следующих мигрантов он уже не обманет. Если мигрант НЕ напишет заявление — он не только вынужден будет сам отдавать деньги, но и не защитит своего брата, жену, друга, которые тоже вынуждены будут платить тому же самому посреднику

Комментатор: Что именно глупость по вашему? Один из этих посредников, проходит как обвиняемый по двум эпизодам по коррупционному делу в УВМ Иванова, давал взятку инспектору УВМ, которая сидит вместе еще с двумя другими посредниками в Сизо с начала года, ходит он по подписке о не выезде, но все равно продолжает свою посредническую работу. В Российском законодательстве только заявлением и словами ничего не докажешь, если нет видеозаписей передачи денег или прослушка телефонных разговоров...

Администратор: ...В сентябре 2016 года мы добились изменения приказа по МВД № 403, разрешавшего полиции (не только сотрудникам управлений по вопросам миграции) составлять протоколы по миграционным нарушениям и задерживать мигрантов для проверки миграционного статуса. Вот ЧЕГО мы добились с помощью заявлений. А чего добились Вы с помощью жалобных слухов, которыми Вы обмениваетесь с друзьями

Комментатор: А мне нахрена все это? Если мигрант как раб готовь все это вытерпеть? Я выложил факт по этой теме, и все.

Приведенный отрывок взаимодействия представляет собой пример неудачного ритуала взаимодействия. Кажется, что все условия соблюдены. Есть объект, на котором фокусируется внимание участников. Присутствует общая эмоция возмущения нарушением прав мигрантов. Однако присутствует асимметрия культурного капитала. Для администратора группы факт нарушения прав связывается не только с моральным порицанием, но и с необходимостью активно бороться за свои права. В то же время, сами мигранты и другие участники группы расценивают нарушения и притеснения в процедуре оформления документов как неприятный факт жизни, по отношению к которому можно испытывать негативные эмоции, но нельзя ничего сделать своими силами. Таким образом, в контексте данной ситуации блокируется возможность общей идентификации.

Еще более интенсивно моральные границы, обрамляющие фигуру «дискриминируемого мигранта», высвечиваются в тот момент, когда в коммуникации возникают суждения, оправдывающие дискриминацию. Для иллюстрации приведем следующее сообщение:

Почему такая дискриминация в России? Что ей-им не хватает? Ведь по ихням законам запрещено дискриминация, а на деле сами страшно нарушают права человека на каждом шагу.

Всего под постом был оставлен 71 комментарий. Ключевым драйвером, запустившим активное обсуждение под исходным сообщением, послужила следующая реплика:

МЫ ТАДЖИКИ САМИ ВИНОВАТЫ ВО ВСЕМ. ВО-ПЕРВЫХ, В ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ СО СВОИМ УСТАВОМ НЕ ВХОДЯТ. ВО-ВТОРЫХ, ТАДЖИКИ НЕ МОГУТ ВЕСТИ СЕБЯ НОРМАЛЬНО ДАЖЕ МЕЖДУ СОБОЙ. ПОДСТАВЛЯЮТ ДРУГ ДРУГА, ДЕРУТСЯ МЕЖДУ СОБОЙ. НАУЧИТЕСЬ УВАЖАТЬ СЕБЯ, ТОГДА И ДРУГИЕ БУДУТ УВАЖАТЬ ВАС. НЕ ПОКАЗЫВАЙТЕ СВОЮ НЕВОСПИТАННОСТЬ. ЕСТЕСТВЕННО ЭТО КАСАЕТСЯ НЕ ВСЕ. МНОГИ ЖИВУТ ТАМ ПО 10, 15 ЛЕТ. ПОЧЕМУ У НИХ НЕТ ПРОБЛЕМ В ОТНОШЕНИИ С ДРУГИМИ НАЦИЯМИ?

Такое «самобичевание» встречает активный отпор как рядовых пользователей группы, так и администратора. Моральные санкции со стороны администрации и рядовых участников группы выстроены в логике отрицания тезиса о делинквентности мигрантов, подкрепленное сравнением поведения «местных жителей» и полиции.

Администратор группы: я живу здесь 13 лет, и у меня ПОЛНО проблем с нацистами! Таджики виноваты ровно в том, что они — НЕ синеглазые блондины, которых не трогают российские полиция. Во всем остальном виноваты конкретные люди. Дерутся НЕ ВСЕ таджики, и НЕ ТОЛЬКО таджики — русские дерутся не меньше. Невоспитанность свою русские показывают чаще, чем какие бы то ни было другие — потому что их статистически больше.

А права человека и уважение к закону — это НЕ «свой устав в чужом монастыре»! Наоборот, нарушение прав человека и неуважение к закону — это «чужой устав» в «монастыре» всего человечества, и оправдывать такое — ПОЗОР!

Комментатор: ...Знаете вечно нас оставляют мусара для проверки документов как мы стали немножко похожи уже третий месяц нас никто не останавливает ...

Комментатор: у меня нет слов. Спасибо.

Интерференция сходных по смыслу высказываний, в конечном итоге, ведет к возникновению символа «дискриминируемого мигранта», о чем свидетельствуют формальные индикаторы вовлеченности. Так, исходный пост с критикой трудовых мигрантов из Таджикистана собрал всего 29 лайков, в то время как пост администратора с контртезисом — 52 лайка и 26 одобрительных комментариев в отдельной ветви сообщений. Возникновение эмоционального бурления здесь сопряжено с посягательством на сакральный статус фигуры «дискриминируемого мигранта».

«Охранительная стратегия» сохранения и перезарядки сакрального символа остается главенствующей и в тех случаях, когда в группе публикуются материалы о правонарушениях со стороны мигрантов. Пользователи стараются либо указать на то, что преступники — это исключение из общего тренда, либо найти альтернативные объяснения.

...вот такие уроды позорят нацию!

Может его подставили? Такое часто бывает

Это вполне может быть фейком для разжигания анти-мигрантских настроений в обществе, которое и без того в зомбированном состоянии по отношению к «чужим». А, вы тут, легковеры, упражняетесь в самобичевании

Сообщения, описывающие случаи общественно порицаемого поведения, отличаются гораздо большей степенью вовлеченности (до 200 комментариев и до 70 лайков) в отличие от сообщений о «хороших» поступках (до 30 комментариев и до 60 лайков). Можно сделать вывод, что перезарядка коллективного символа наиболее интенсивно происходит в ситуациях оспаривания моральных границ.

Подводя итоги, мы можем утверждать, что в отличие от южнокорейского кейса в группе, посвященной правозащитной деятельности, ядро солидаризации высвечивается гораздо более интенсивно. Здесь практически отсутствуют фоновые, утилитарные взаимодействия. Практически в каждом сообщении генерируется хорошо различимый коллективный символ «дискриминируемого мигранта». Однако, что удивительно, ритуальные взаимодействия не всегда завершаются успехом. Причиной тому служит разница в наличном культурном капитале. Для администратора группы, имеющего за плечами обширный опыт юридической практики, релевантным образом действия является активизация правовой субъектной мигрантов, в то время как для самих мигрантов нарушения и дискриминация представляются неизменным порядком вещей. Таким образом, возникает барьер для солидаризации. Администратор остается по одну сторону групповой границы, а мигранты по другую.

Заключение

В данной работе мы попытались выработать теоретическую рамку, пригодную для анализа новых форм групповой коммуникации мигрантов, возникающих в интернет-среде. Особенности современных площадок онлайн-общения вроде Facebook* ставят под вопрос применимость прямого переноса традиционных понятий социальных наук, таких как «сообщество», в сетевое пространство. Именно поэтому мы определяем сообщество не как жесткую форму социальной организации, отсылающую к территории или к воображению, а как одно из возможных состояний группы, характеризующееся максимальным уровнем солидаризации и осознанием общей идентичности.

Ресурсы теории цепочек ритуалов взаимодействия Рэндалла Коллинза позволили выделить механизмы, объясняющие возникновение коллективных символов, способствующих воспроизведению группы и ответственных за ее дезинтеграцию.

В настоящей статье мы продемонстрировали плодотворность выработанного подхода на примере анализа онлайн-групп, посвященных трудовой миграции из стран СНГ в Южную Корею и из Среднеазиатских республик в Россию. Результаты эмпирического исследования показывают, что даже если номинальной целью функционирования группы является предельно инструментальные практики вроде обмена вакансиями, ее устойчивость и воспроизводимость во многом опираются на эмоционально насыщенные символы, вырабатываемые и перезаряжаемые в ходе цепочек успешных ритуалов взаимодействия. Вместе с тем, как показывает анализ кейса Facebook*-группы, посвященной защите прав тру-

довых мигрантов в России, даже если в основе взаимодействия в группе лежат темы, имеющие эмоционально окрашенное значение для ее участников, различия в культурном капитале могут препятствовать образованию общей идентичности сообщества.

Список литературы (References)

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

Anderson B. (2016) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)

Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996.

Bakhtin M. M. (1996) *Collected Works in 5 Vols. V. 5. Works of the 1940s—early 1960s*. Moscow: Russkie slovari. (In Russ.)

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Brubaker R. (2012) *Ethnicity Without Groups*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Гоффман И. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009.

Goffman I. (2009) *Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior*. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Лисицын П. П. Основные и дополнительные участники миграционного процесса в России: каналы коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 12. 2017. № 1. С. 54—70.

Lisitsyn P. P. (2017) *Main and Additional Participants of The Second Stage of The Migration Process: Channels of Communication*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12*. No. 3. P. 54—70. (In Russ.)

Мадяну М., Миллер Д. Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении / пер. с англ. А. Пауковой, В. Чумаковой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. No. 1. С. 334—356. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.17>.

Madianou M., Miller D. (2018) *Polymedia: Towards a New Theory of Digital Media in Interpersonal Communication*. Transl. from Eng. A. Paukova, V. Chumakova. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 334—356. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.17>. (In Russ.)

Олимова С. Проблемы адаптации таджикских мигрантов в России: отношение к дискриминации и стратегии ответа // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В. И. Мукомель. М.: Academia. 2014. С. 138—162.

Olimova S. (2014) *Adoptation Issues of Tajik Migrants in Russia: Attitude Towards Discrimination and Response Strategy*. In: Mukomel V. I. (eds.) *Migrants, Migrantophobia and Migration Policy*. Moscow: Academia. P. 138—162. (In Russ.)

Письменная Е. Е. Социология миграции и адаптации. М.: Издательство Финансового университета при правительстве РФ, 2018.

Pis'mennaya E.E. (2018) *Sociology of Migration and Adaptation*. Moscow: Publishing House of the Financial University under the Government of the Russian Federation. (In Russ.)

Тен М. Д. Трудовая миграция корейцев Узбекистана в Республику Корея // Известия корееведения в Центральной Азии. 2009. № 8. С. 61—77.

Ten M. D. (2009) *Labour Migration of Uzbekistan Koreans to Korean Republic*. *Newsletter of Korean Studies in Central Asia*. No. 8. P. 61—77. (In Russ.)

Тимошкин Д. О. Доверие vs дезориентация: экономика русскоязычных «мигрантских» групп в социальных сетях. На примере сети «ВКонтакте» // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 5. С. 53—73.

Timoshkin D. O. (2019) *Trust vs Disorientation: Economy of the Russian-Speaking "Migrant" Groups in Social Media. The Case of VKontakte*. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 20. No. 5. P. 53—73.

Юдин Г. Б., Павлюткин И. В. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов // *Laboratorium*. Журнал социальных исследований. 2015. Т. 7. № 3. С. 88—105. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/567> (дата обращения: 26.06.2022)/

Yudin G., Pavlytkin I. (2015) *Community as a Given Versus Community as a Process: Strategies for Studying Small Towns*. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 7. No. 3. P. 88—105. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/567> (accessed: 26.06.2022). (In Russ.)

Agadjanian V., Menjivar C., Zotova N. (2017) *Legality, Racialization, and Immigrants' Experience of Ethnoracial Harassment in Russia*. *Social Problems*. 2017. Vol. 64. No. 4. P. 558—576. <https://doi.org/10.1093/socpro/spw042>.

Agre P. E. (1999) *Life After Cyberspace*. *EASST Review*. Vol. 18. No. 3. P. 3—5.

Basch L., Glick Schiller N., Blanc-Szanton. C. (1995) *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. New York, NY: Gordon and Breach.

Bauman Z. (2001) *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. Polity Press.

Boccagni P., Schrooten M. (2018) *Participant Observation in Migration Studies: An Overview and Some Emerging Issues*. In: R. Zapata-Barrero, E. Yalz (eds.) *Qualitative Research in European Migration Studies*. Champaign, IL: Springer. P. 209—225. https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_12.

Brinkerhoff J. M. (2009) *Digital Diasporas: Identity and Transnational Engagement*. Cambridge, New York, NY: Cambridge University Press.

Brown A. (2008) "Our Club, Our Rules": Fan Communities at FC United of Manchester. *Soccer and Society: Special Issue: Football in the Global Context*. Vol. 9. No. 3. P. 346—358. <https://doi.org/10.1080/14660970802008967>.

- Blackshaw T. (2010) *Key Concepts in Community Studies*. Los Angeles, CA: SAGE.
- Chang K.-S. (2011) The Second Modern Condition? Compressed Modernity as Internalized Reflexive Cosmopolitization. *British Journal of Sociology*. Vol. 61. No. 3. P. 444—464. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2010.01321.x>.
- Cohen A. P. (1985) *The Symbolic Construction of Community*. London: Tavistock.
- Collins R. (1981) On the Microfoundations of Macrosociology. *The American Journal of Sociology*. Vol. 86. No. 5. P. 984—1014. <https://doi.org/10.2307%2F1389095>.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Dimaggio P., Bernier C., Heckscher C., Mimno D. (2019) Interaction Ritual Threads: Does Irc Theory Apply Online? In: Weininger E.B, Lareau A., Lizardo O. (eds.) *Ritual, Emotion, Violence: Studies on the Micro-Sociology of Randall Collins*. New York, NY; Abingdon: Routledge. P. 99—142.
- Faist T. (2004) The Transnational Turn in Migration Research: Perspectives for the Study of Politics and Polity. In: Frykman M. P. (ed.) *Transnational Spaces: Disciplinary Perspectives*. Malmö: Malmö University Press. P. 11—45.
- Gius C. (2019) Online Communities as Points of Observation of the Transnational Migrant Career: A Case Study on Italian Immigrants in Toronto. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 47. No. 11. P. 2634—2649. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1684247>.
- Grundmann M., Osterloh F. (2020) Rethinking Sociological Perspectives on Community and Commonality: Contours of Micro-Sociological Community Research. In: Jansen B. (ed.) *Rethinking Community through Transdisciplinary Research*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 31—47. https://doi.org/10.1007/978-3-030-31073-8_2.
- Gündüz U., Erdem B. K. (2017) The Concept of Virtual Nationalism in the Digital Age: Social Media Perspectives of Turkey. *Communication Today*. Vol. 8. No. 2. P. 18—28.
- Gupta A, Ferguson J. (1997) Discipline and Practice: “The Field” as Site, Method, and Location in Anthropology. In: Gupta A., Ferguson J. (eds.) *Anthropological Locations. Boundaries and Grounds of a Field Science*. Berkeley, CA: University of California Press. P. 1—46.
- Hakken D. (1999) *Cyborgs@Cyberspace? An Ethnographer Looks to the Future*. London: Routledge.
- Haythornthwaite, C., Wellman, B. (2001) The Internet in Everyday Life. *American Behavioral Scientist*. Vol. 45. No. 3. P. 363—382. <https://doi.org/10.1177%2F00027640121957240>.
- Jasper J. M. (2014). Constructing Indignation: Anger Dynamics in Protest Movements. *Emotion Review*. Vol. 6. No. 3. P. 208—213. <https://doi.org/10.1177%2F1754073914522863>.
- Kim I. (1987) Korea and East Asia: Remigration Factors and U. S. Immigration Policy. In: Fracett J., Carino B. (eds.) *Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands*. Staten Island, NY: Center for Migration Studies. P. 327—346.

Lee HK. (2015) An Overview of International Migration to South Korea. In: Castles, S., Ozkul, D., Cubas, M.A. (eds.) *Social Transformation and Migration. Migration, Diasporas and Citizenship Series*. Palgrave Macmillan, London. P. 81—96. https://doi.org/10.1057/9781137474957_6

Lim T. C., Song C. (2021) Ideas, Discourse, and the Microfoundations of South Korea's Diasporic Engagement: Explaining the Institutional Embrace of Ethnic Koreans Since the 1990s *International Journal of Korean History*. Vol. 2. No. 26. P. 41—82. <https://doi.org/10.22372/ijkh.2021.26.2.41>

Markham A. (2013) Fieldwork in Social Media: What Would Malinowski Do? *Qualitative Communication Research*. Vol. 2. No. 4. P. 434—446. <https://doi.org/10.1525/qcr.2013.2.4.434>

Massey D. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. Vol. 19. No. 3. P. 431—466.

Park R. E. (1952) The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order. In: Park R. E. (eds.) *Human Communities. The City and Human Ecology*. Glencoe: Free Press. P. 165—177.

Reeves M. (2020) The Queue: Distributed Legality, Bureaucratic Time and Waiting-Work in Migrant Moscow. *Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society*. Vol. 44. No. 2. P. 20—39. <https://doi.org/10.30676/jfas.v44i2.77733>.

Rheingold H. (1993) *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Massachusetts, MA: Addison-Wesley.

Schrooten M. (2012) Moving Ethnography Online: Researching Brazilian Migrants' Online Togetherness. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 35. No. 10. P. 1794—1809. <https://doi.org/10.1080/01419870.2012.659271>.

Turner V. W. (1973) The Center Out There: Pilgrim's Goal. *History of Religions*. Vol. 12. No. 3. P. 191—230.

Webber M. (1963) Order in Diversity: Community Without Propinquity. In: Wingo L. (eds.) *Cities and Space: The Future Use of Urban Land*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. P. 23—56.

Wellman B. (2001) Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 25. No. 2. P. 227—252 <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00309>.

Wellman B, Gulia M. 1999. Virtual Communities as Communities: Net Surfers Don't Ride Alone. In: Kollock P, Smith M. (eds.) *Communities in Cyberspace*. London; New York, NY: Routledge. P. 167—195.

Wilson S., Peterson L. (2002) The Anthropology of Online Communities. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 31. P. 449—467. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.31.040402.085436>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.1923](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1923)

Н. В. Лебедева, К. А. Вилкова

ПОЧЕМУ ДЕВУШКИ НЕ ВЫБИРАЮТ STEM: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В МОТИВАЦИОННЫХ ОРИЕНТИРАХ

Правильная ссылка на статью:

Лебедева Н. В., Вилкова К. А. Почему девушки не выбирают STEM: гендерные различия в мотивационных ориентирах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 115—135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1923>.

For citation:

Lebedeva N. V., Vilkova K. A. (2022) Why Girls Do Not Choose STEM? Gender Differences in Motivation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 115–135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1923>. (In Russ.)

ПОЧЕМУ ДЕВУШКИ НЕ ВЫБИРАЮТ STEM: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В МОТИВАЦИОННЫХ ОРИЕНТИРАХ

WHY GIRLS DO NOT CHOOSE STEM? GENDER DIFFERENCES IN MOTIVATION

ЛЕБЕДЕВА Наталия Владимировна — преподаватель, кафедра клинической психологии и психологии личности, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: natty.lebedeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5019-9033>

Natalia V. LEBEDEVA^{1,2} — Lecturer, Department of Clinical Psychology; PhD Student
E-MAIL: natty.lebedeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5019-9033>

ВИЛКОВА Ксения Александровна — младший научный сотрудник Центра социологии высшего образования Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: kvilkova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2161-0409>

*Ksenia A. VILKOVA*² — Junior Research Fellow, Institute of Education, Center of Sociology of Higher Education
E-MAIL: kvilkova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2161-0409>

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Активное развитие областей STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics) требует привлечения новых кадров. Однако в STEM наблюдается гендерный дисбаланс в сторону мужчин. В данной работе на основе смешанного дизайна мы изучаем, как именно юноши и девушки аргументируют важность прикладывания усилий для учебы и карьеры в STEM. В рамках количественного этапа мы анализируем данные опроса студентов, обучающихся в этой области ($n = 2\,192$), для поиска гендерных различий в мотивационных ориентирах. На следующем этапе мы обращаемся к данным полуструктурированных интервью с семнадцатью студентами, что позволяет увидеть аргументацию юношей и девушек, которые прикладывают разные усилия для учебы в STEM. Рассматривая два этапа социализации (университет и карьера),

Abstract. The rapid growth in the STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics) industry has demanded a considerable number of new employees, but women among them remain the minority. In this article, we examine gender differences in motivation in pursuing STEM degrees and careers. Our research follows a mixed-method sequential design and draws data from a student survey ($n = 2\,192$) and semi-structured interviews with STEM students ($n = 17$). According to the results, men participate in STEM at higher rates than women, and motivation is related to student abilities and efforts they put in to succeed in STEM. Furthermore, we indicated gender differences among students in these aspects. Men are more confident in their abilities, arguing that they have a natural talent in STEM, and women, on the contrary, need to put more effort. How-

мы зафиксировали, что мотивационные ориентиры выбора связаны со способностями к STEM и теми усилиями, которые студенты прилагают для успешной реализации в них. Юноши более уверены в своих способностях, аргументируя это наличием природного таланта и предрасположенности к успешной учебе в STEM. Девушкам же необходимо прикладывать дополнительные усилия для достижения успеха и в учебе, и в карьере. Однако, по их мнению, это зачастую не приводит к ожидаемому результату, и девушки чаще юношей задумываются о смене карьерной траектории после получения STEM образования. В свою очередь юноши после выпуска из университета склонны рассчитывать на высокую зарплату и быстрый карьерный рост. Полученные результаты фиксируют текущие проблемы гендерного дисбаланса в STEM, раскрывая особенности мотивационных ориентиров, и позволяют проводить более сфокусированные образовательные интервенции для закрепления девушек в данных областях.

Ключевые слова: STEM-образование, высшее образование, гендерная сегрегация, гендер, мотивация

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

В последние десятилетия наблюдается прогресс в сокращении гендерного разрыва в доступе к высшему образованию. В России доля студенток высших учебных заведений уже составляет 53%¹. Расширение доступа к высшему образованию

ever, in their opinion, numerous efforts often do not lead to success. As a result, women are more likely than men to think about changing their career paths after graduation from STEM. In turn, men tend to expect a high salary and rapid career growth. Understanding this motivation allows moving toward achieving gender balance in STEM.

Keywords: STEM education, higher education, gender segregation, gender, motivation

Acknowledgments. This article is an output of a research project implemented as a part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

¹ Женщины и мужчины России. 2020: Статистический сборник. М.: Росстат, 2020. С. 79. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf> (дата обращения: 22.04.2022).

стало толчком для появления консьюмеристской модели организации обучения студентов в университете. Согласно этой модели, студент является потребителем образовательных услуг [Малошонок, Щеглова, 2020] и обладает свободой выбора среди направлений подготовки. Поэтому можно предположить, что проблема гендерного дисбаланса в областях STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics) должна быть решена.

Несмотря на общие позитивные тенденции, в STEM все еще сохраняется гендерный дисбаланс. По данным Росстата², доля девушек, обучающихся на STEM специальностях, не превышает 30%, тогда как в гуманитарных специальностях их больше 85%³. Однако достижение равной пропорции юношей и девушек в STEM вряд ли способно решить проблему гендерного неравенства [Bystydzienski, Bird, 2006].

Среди причин, объясняющих преимущества юношей над девушками в STEM, исследователи находят как биологические, так и социальные факторы. В работе С. Сеси с коллегами [Ceci, Williams, Barnett, 2009] утверждается, что биологические половые различия в настоящее время не считаются убедительной причиной, которая могла бы объяснить низкую представленность девушек в STEM. При этом гендер, в отличие от биологического пола, представляет собой социальную структуру, выражающуюся в наличии гендерных ролей и стереотипов [Farrell, McHugh, 2017]. Последние зачастую постулируют области STEM как маскулинные [Simon, Wagner, Killion, 2017], поскольку для достижения успеха в них требуют агентность, в большинстве своем свойственную мужчинам⁴. В свою очередь карьера в STEM часто стереотипизируется как несовместимая с женской ролевой моделью, которая чаще ассоциируется с общественной пользой [Simon et al., 2017].

Участь и работая в STEM, женщины чувствуют себя неуверенно и страдают от «синдрома самозванца»⁵, в результате проявления которого они зачастую неспособны объяснить свои достижения собственными усилиями и способностями. Стереотипно-маскулинная природа областей STEM порождает отсутствие равных возможностей, поэтому девушки подчеркивают большое количество трудностей, с которыми сталкиваются на пути к успеху в учебе и карьере [там же].

Девушки оказываются менее мотивированными к развитию в STEM, поскольку успех в этих областях может требовать от них приложения больших усилий, чем от юношей. Мотивация и усилия — неразрывно связанные конструкты. Первый интерпретируется в качестве основной силы к действию, а второй — как необходимое условие эффективности этого действия [Sternberg, 2020]. Поэтому в качестве ключевого фактора высокой мотивации к учебе и карьере в STEM мы рассмотрим те усилия, которые прикладывают юноши и девушки, а также ответим на следующую

² Стоит отметить, что в настоящее время наблюдается недостаток статистических данных, особенно в России. Часто статистическая информация не подразделяется на данные бакалавриата и магистратуры. Однако это важно, чтобы понимать образовательную траекторию студентов и их выбор направления обучения в магистратуре.

³ Женщины и мужчины России. 2020: Статистический сборник. М.: Росстат, 2020. С. 79. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf> (дата обращения: 22.04.2022).

⁴ Gatta M., Trigg M. (2001) Bridging the Gap: Gender Equity in Science, Engineering and Technology (Report). New Brunswick, NJ: Rutgers University, Center for Women and Work. URL: <https://www.state.nj.us/njsetc/commission/parity/documents/Industry%20report%202001-%20Women%20in%20STEM.pdf> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵ Jacobs A., Chopra S., Golab L. Reddit Mining to Understand Women's Issues in STEM // Workshop Proceedings of the EDBT/ICDT 2020 Joint Conference (March 30–April 2, 2020, Copenhagen, Denmark). URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2578/DARLIAP10.pdf> (дата обращения: 31.05.2022).

щий исследовательский вопрос: как юноши и девушки аргументируют важность усилий к учебе и карьере?

Предыдущие исследования гендерных различий в STEM либо касаются самого первого шага участия в соответствующих областях — перехода «школа — университет», либо изучают вопросы карьеры в них. В своем исследовании мы рассмотрим мотивы как выбора образования, так и продолжения карьеры в STEM, что позволит нам сформировать более полную картину гендерных различий в мотивационных ориентирах.

Гендерные различия в мотивационных ориентирах

Мотивация — это сложный конструкт, который используется с целью описания, объяснения, определения причин и механизмов поведения. Невозможно непосредственно наблюдать мотивацию — ее можно зафиксировать лишь косвенно, опираясь на когнитивные, поведенческие и эмоциональные показатели [Гордеева, 2016]. Интерес к делу, уверенность в своих способностях, навыки преодоления трудностей, а также настойчивость являются характеристиками мотивации, которые определяют успешность в образовании и карьере [Dweck, 2000]. Мотивация выступает надежным предиктором образовательных достижений в школе и университете, а также при выборе карьерной траектории [Хекхаузен, 2003; Sternberg, 2020]. Однако мотивационные ориентиры у людей могут различаться, и предыдущие исследования зафиксировали ряд гендерных различий.

Интерес к STEM можно рассматривать как продукт мотивационных ориентиров и выбора обучения, связанного со знанием определенных предметов. Математика и физика часто считаются областями, где мальчики показывают высокие образовательные результаты, определяя ценность этих предметов и полученных знаний как важных для своего будущего. Помимо этого, мальчики имеют более высокую самооценку, хотя их успеваемость незначительно отличается от успеваемости девочек [Farmer, Wardrop, Rotella, 1999; Updegraff, McHale, Crouter, 1996]. Уже в средних и старших классах, сталкиваясь с трудностями при изучении математики, девочки и мальчики ведут себя по-разному, хотя в младшей школе этого еще не наблюдается. Согласно работе Дж. Кангаса и К. Брадуэй [Kangas, Bradway, 1971], математика как предмет больше соответствует мотивационным ориентирам мальчиков, которые чаще девочек ожидают успеха и отдают предпочтение решению трудных задач.

В старших классах школы мальчики также демонстрируют поведение, отличное от девочек. Юноши-старшеклассники чаще посещают математические и естественнонаучные факультативы [Farmer et al., 1999; Updegraff et al., 1996] и имеют более высокий уровень самооценки в отношении своих математических способностей [Hackett, Betz, 1989; Pajares, Miller, 1994]. В то же время исследования показывают, что у девочек самооценка в области математики и естественных наук ниже [Jacobs et al., 2002; Wigfield et al., 1991; Лебедева, Кузьмина, 2018]. В результате к окончанию школы юноши больше уверены в своей способности успешно выполнять или решать задачи в точных науках.

На этапе перехода из школы в вуз мы можем наблюдать гендерную сегрегацию при выборе областей STEM для дальнейшего образования. Согласно данным

Росстата за 2020 г., девушек, поступивших на направления STEM, было менее 30%, хотя в целом число студенток, зачисленных на бакалавриат, составило более половины (52%)⁶. Мотивационными ориентирами продолжения обучения в STEM выступают положительное отношение и интерес к данным предметным областям, уверенность в собственных способностях, а также желание в будущем продолжить карьеру в STEM [Smith et al., 2013; Steffens, Jelenec, 2011]. Все это является краеугольным камнем в стимулировании намерения изучать STEM и в итоге в выборе этих областей для образования и карьеры. Однако, согласно исследованиям, данные мотивационные ориентиры различаются у юношей и девушек, обучающихся на специальностях из областей STEM. Так, юноши оказываются более мотивированными и нацеленными на профессиональное становление, чем девушки [Sagala et al., 2019]. Девушки, обучаясь на STEM специальностях, чаще отчисляются или переводятся на другие направления подготовки [Anderson, Kim, 2006; Huang, Taddese, Walter, 2000].

Даже окончив университет по одной из специальностей STEM, девушки реже предпочитают продолжить работу в этих областях, отказываясь от высокооплачиваемой должности и карьеры [Meese, Courtney, 1992]. Например, статистические данные показывают, что в России только около 30% женщин выбирают карьеру в областях STEM после получения образования⁷. Этот факт можно объяснить гендерными различиями в карьерных ориентирах. После окончания университета юноши стремятся к стереотипно мужской или гендерно нейтральной работе [McDowell, 2003]. У юношей также больше шансов на продвижение по службе и повышение заработной платы на протяжении всей своей карьеры⁸. В то же время девушки, обладающие высокой квалификацией для той же работы, не выбирают этот карьерный путь, потому что просто предпочитают заниматься чем-то другим [Smyth, McArdie, 2004]. Зачастую на рабочих местах в STEM успех женщин объясняется удачей, а не высоким уровнем способностей [Williams, 2014]. То же самое происходит и в университете — академические достижения девушек часто связывают не со способностями, а с усилиями, прикладываемыми к образовательному процессу: чем больше усилий, тем выше оценки [Workman, Heyder, 2020].

Речь идет об упорстве и старательности, активной вовлеченности в образовательный процесс, обращении за помощью к преподавателям и/или одногруппникам. Сам процесс получения образования требует выполнения задач, получения и усвоения определенных знаний и навыков, к которым требуется прикладывать усилия. В образовательном процессе старательные студенты фокусируются на требованиях и усердно работают над преодолением трудностей и самоконтролем. Поведение становится самоопределенным, и впоследствии внутренняя академическая мотивация возрастает, однако она может различаться в зависимости от пола [Ryan, Deci, 2000].

⁶ Приводятся результаты авторских расчетов на основании статистики из сборника: Женщины и мужчины России. 2020: Статистический сборник. М.: Росстат, 2020. С. 81. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf> (дата обращения: 22.04.2022).

⁷ Там же. С. 83.

⁸ Kauhanen A., Napari S. Career and Wage Dynamics: Evidence from Linked Employer-Employee Data // Discussion Papers. 2011. No. 1244. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/rifdpaper/1244.htm> (дата обращения: 01.06.2022).

Поэтому крайне важно изучить, как девушки воспринимают усилия, которые необходимо приложить для своего развития в областях STEM, потому что ученые не часто подчеркивают или отмечают их борьбу, необходимую для достижения успеха. Области, в которых доминируют мужчины, такие как STEM, обычно рассматриваются как маскулинные [Simon et al., 2017], что сказывается на образовательном и карьерном выборе девушек не в пользу STEM.

Учитывая сложную природу мотивации, в данной работе мы уделяем внимание взаимосвязи мотивационных ориентиров с усилиями. Зарубежные исследования показывают наличие гендерной сегрегации в областях STEM как в процессе обучения [Anderson, Kim, 2006; Huang, Taddese, Walter, 2000], так и в процессе выбора карьерной траектории [McDowell, 2003; Meece, Courtney, 1992]. По мнению ученых, большая часть гендерных различий при поступлении на специальности STEM может объясняться путем изучения социально-экономического статуса, поддержки окружающих, поведения сверстников и психологических аспектов. Данная ситуация поддерживается и распространенным мнением о маскулинной природе областей STEM⁹ [Simon et al., 2017], что находит отражение в различном поведении юношей и девушек во время учебы и карьеры.

В нашей работе мы ставим целью рассмотреть гендерные отличия в тех усилиях, которые прикладывают студенты для учебы на направлениях STEM, и их причины. Если на Западе уже достаточно давно изучается эта проблема и проводится поддержка девушек в STEM, в частности на уровне университетов и корпораций (например, *Girls in STEM by NASA*¹⁰), то в России научные работы по данной проблематике малочисленны, носят в основном описательный характер, а сообщества по поддержке девушек в STEM только начинают появляться (например, *She Is an Expert*¹¹).

Для достижения поставленной цели мы ответим на следующий исследовательский вопрос: как юноши и девушки аргументируют важность прикладывания усилий для учебы и карьеры в STEM? Природа этого исследовательского вопроса не позволяет нам использовать только качественные или количественные методы, поэтому мы отдаем предпочтение смешанному дизайну. На первом этапе мы планируем количественно зафиксировать гендерные различия в мотивационных ориентирах к учебе и карьере в STEM. Предыдущие исследования гендерной сегрегации в STEM позволяют предположить, что количественное превосходство юношей над девушками будет определять различия в их мотивации учиться и работать в этих областях (гипотеза 1). Второй этап будет посвящен поиску аргументации юношей и девушек, которые предположительно прикладывают разные усилия для учебы в STEM. Работы о маскулинной природе областей STEM (см., например, [Simon et al., 2017]) позволяют нам сформулировать следующее предположение: необходимость для девушек прикладывать больше усилий для получения образования и карьеры в STEM будет показывать особенности их мотивационных ориентиров (гипотеза 2).

⁹ Williams D. A., King P. Do Males have a Math Gene? // Newsweek. 1980. December 15. P. 73.

¹⁰ Проект NASA по поддержке девочек в STEM. URL: <https://www.nasa.gov/content/girls-in-stem-2021> (дата обращения: 22.04.2022).

¹¹ Проект женщин-экспертов. URL: <https://she-expert.org/> (дата обращения: 22.04.2022).

Данные и методы

В своей работе мы применяем смешанный дизайн со стратегией «последовательных вкладов» [Morgan, 2014], в соответствии с которой два исследования проводятся друг за другом. Это позволяет нам совершить логичный переход от одной части работы к другой [Савинская и др., 2016]. Стратегия последовательных вкладов имеет несколько типов, мы отдаем предпочтение типу *QUAN–qual*, используя на первом этапе данные количественного исследования, а на втором — качественного. На основе количественных результатов мы спроектировали гайд интервью и затем собрали качественные данные, чтобы объяснить выводы, полученные на первом этапе.

Информация для количественного этапа была собрана в рамках проекта «Мониторинг экономики образования» (МЭО)¹². Выборка была двухступенчатая стратифицированная: на первом этапе мы отбирали вузы, на втором — студентов¹³. В исследовании используются данные МЭО за 2016 и 2017 гг. Поскольку объектом выступают студенты, обучающиеся в областях STEM, то мы предварительно выделили следующие укрупненные направления подготовки: 1) математика, программирование, компьютерные науки; 2) естественные науки; 3) технические науки; 4) агрономия, сельское и лесное хозяйство. Распределения студентов по направлениям подготовки и курсам обучения представлены в таблице 1. Для анализа использованы данные по 2 192 студентам, из них 57 % мужского пола, средний возраст — 21 год ($SD = 10$).

Таблица 1. Характеристики выборки исследования

Переменные	%
<i>Укрупненное направление подготовки</i>	
Математика, программирование, компьютерные технологии	20
Естественные науки (физика, химия, биология, география, экология и т.д.)	17
Технические науки (строительство, связь, технологии производства и т.д.)	53
Агрономия, сельское и лесное хозяйство	10
<i>Курс обучения и программа</i>	
1 курс, бакалавриат	14
2 курс, бакалавриат	21
3 курс, бакалавриат	22
4 курс, бакалавриат	20
1 курс, специалитет	3
2 курс, специалитет	6
3 курс, специалитет	6
4 курс, специалитет	4
5 и 6 курсы, специалитет	4
<i>Пол</i>	
Женский	43
Мужской	57

¹² Подробнее о проекте см.: URL: <https://memo.hse.ru/> (дата обращения: 22.04.2022).

¹³ Подробно о методологии МЭО см.: <https://memo.hse.ru/met> (дата обращения: 22.04.2022).

В данной работе мы используем вопрос анкеты МЭО про мотивы выбора специальности: «Скажите, пожалуйста, по каким причинам Вы выбрали специальность (направление подготовки), по которой Вы учитесь?». Это вопрос со множественным выбором, включающим 19 вариантов ответов, в которых студенту было предложено отметить два-три наиболее подходящих. Для оценки гендерных различий в мотивах мы применяли непараметрический критерий хи-квадрат для каждого утверждения. Далее на основе полученных результатов мы сформулировали темы гайда для второго этапа исследования.

В качественном этапе исследования приняли участие 17 студентов, обучающихся на STEM направлениях. Организуя интервью, мы придерживались критериального типа выборки: среди информантов пять студентов обучаются естественным наукам (Science), пять — технологиям (Technology), четыре — инженерии (Engineering), три — математике (Mathematics). Для фиксации разного опыта студентов выборка была сформирована таким образом, чтобы в ней оказались представители разных университетов и курсов обучения. Когда мы начали получать от информантов аналогичные ответы, то есть было достигнуто информационное насыщение, было принято решение остановить сбор данных. Среди интервьюируемых оказалось десять девушек и семь юношей, их средний возраст — 21 год ($SD = 2$). Более подробная информация о выборке представлена в таблице 2 Приложения.

Гайд интервью состоял из 38 основных вопросов (также были уточняющие), сгруппированных по пяти тематическим блокам:

1) *Биографическая информация*. Этот блок включал в себя такие вопросы, как: «Скажите, пожалуйста, сколько Вам лет?», «В каком университете и на каком курсе Вы учитесь?».

2) *Процесс обучения в школе и университете*. Во втором блоке содержались вопросы, касающиеся учебного процесса как в школе, так и в университете, например: «Какие предметы Вы больше всего любили в старшей школе/университете?», «Обучались ли Вы лучше или хуже по ним, чем Ваши одноклассники/одногруппники?», «Расскажите, как Вы изучаете дисциплины своей специализации в университете?», «Даются ли они Вам легко?», «Как Вы думаете, есть ли различия в способностях к дисциплинам Вашей специальности между юношами и девушками?».

3) *Выбор образовательной траектории*. В третьем блоке мы задавали вопросы о выборе образовательной траектории: «Почему Вы решили получать высшее образование?», «Если бы у Вас появилась возможность снова поступать в университет, сделали бы Вы такой же выбор?».

4) *Карьера*. В четвертом блоке мы спрашивали информантов об их текущей занятости (при наличии), а также о будущей работе, например: «Думаете ли Вы, что работа по полученной специальности будет интересной и разнообразной?», «Как Вы думаете, у женщин и мужчин одинаковые карьерные возможности в STEM?».

5) *Стереотипы о STEM*. В заключительном, пятом, блоке мы беседовали о существующих в STEM гендерных стереотипах, задавая следующие вопросы: «Как Вам кажется, существует ли гендерный дисбаланс в области Вашей специальности?», «Как Вы думаете, почему девушки реже выбирают области STEM для получения образования?».

Анализируя данные интервью, мы использовали метод категоризации С. Квале [Квале, 2003]. На основе результатов количественного исследования мы выделили основные категории анализа — гендерные различия в усилиях, затрачиваемых на обучение, и в способностях к STEM, а также будущая карьера в этой области. Затем каждая из категорий была разделена на субкатегории (например, «девушки менее уверены в своих способностях», «юношам дисциплины STEM даются легко»), в соответствии с которыми два эксперта независимо друг от друга кодировали интервью. Далее мы обсуждали полученные результаты и, в случае расхождений, совместно принимали решение, к какой субкатегории отнести цитату.

Результаты

В данном разделе, пытаясь опровергнуть или подтвердить поставленные ранее гипотезы, мы затрагиваем два временных промежутка: первый посвящен учебе на специальностях STEM, второй — дальнейшей карьере. Для проверки первой гипотезы мы используем данные репрезентативного опроса студентов (количественный этап исследования), выясняя, есть ли гендерные различия в мотивации учиться и работать в STEM¹⁴. Для оценки второй гипотезы мы опираемся на данные серии интервью с учащимися на направлениях STEM. Это позволяет узнать, как необходимость прикладывать больше усилий для получения образования и карьеры в STEM определяет различия в мотивационных ориентирах девушек и юношей.

Согласно количественным данным, одним из ключевых мотивов выбора STEM направлений подготовки является наличие у респондентов способностей в данной области. Среди опрошенных юношей это подтверждают 35 %, среди девушек — 36 %¹⁵. Стоит отметить, что мы не нашли статически значимых гендерных различий в суждении о значимости способностей к STEM. При этом 4 % юношей отмечают, что по выбранной специальности им учиться легко, среди девушек эта доля в два раза ниже, но это также не позволяет нам зафиксировать статистически значимые различия¹⁶.

Среди причин, по которым девушки реже выбирают области STEM для получения образования, информанты называли как биологические, так и социальные факторы. Биологические различия объясняются тем, что мужчины и женщины мыслят по-разному: «Мужчинам <...> логические связи, <...> абстрактное мышление дается лучше, чем женщинам» (Инт. 4)¹⁷. Однако социальные факторы оказываются более существенной причиной, которая может объяснить низкую представленность девушек в STEM. Как сами девушки, так и юноши, считают, что гендерные стереотипы могут закладываться в процессе социализации, например, в школе, семье. Таким образом, информанты приходят в университет обучаться на направлениях в STEM, уже столкнувшись с теми или иными гендерными стерео-

¹⁴ В этом разделе мы представляем результаты только по тем утверждениям вопроса, которые непосредственно касаются рассматриваемой нами темы. Полный перечень утверждений о мотивах выбора специальности находится в Приложении, таблица 1.

¹⁵ Различия статистически не значимы: $\chi^2(1, n = 2192) = 0,06; p = 0,8$.

¹⁶ Различия статистически не значимы: $\chi^2(1, n = 2192) = 2,68; p = 0,1$.

¹⁷ Характеристики интервьюируемых представлены в Приложении, таблица 2.

типами: «Если девушка, то, значит, должна пойти в гуманитарные специальности» (Инт. 17).

Однако в интервью девушки и юноши по-разному аргументировали свою уверенность в способностях к STEM предметам. Даже выбрав для получения высшего образования одну из специальностей STEM, девушки демонстрируют низкую самооценку в области математики — предмета, важного для успешной учебы в STEM: «Математика мне не давалась, <...> с математическими способностями у меня было плохо — я еле справлялась» (Инт. 2). В то же время юноши демонстрируют высокую уверенность в своих способностях к STEM, заявляя об отсутствии необходимости прилагать существенные усилия для учебы. Эта уверенность подтверждается и сравнением себя с одноклассниками: «Если у меня не получается понять какие-то вещи с первого раза, то у большинства моих одноклассников тоже недавно не получается понять» (Инт. 11).

В результате свои успехи в STEM девушки объясняют внешними факторами — наличием возможности заниматься с репетиторами, уровнем подготовки преподавателей: «Был хороший преподаватель, объяснял хорошо, <...> помогал» (Инт. 2). Тогда как юноши подчеркивают наличие у них сильной мотивации к учебе в STEM: «Я целеустремленный и трудолюбивый» (Инт. 11); «Я люблю естественные науки, обращаю внимание на них» (Инт. 6).

При этом, обучаясь на STEM специальностях, девушки демонстрируют лучшую успеваемость, чем юноши. Однако они объясняют это не высоким уровнем своих способностей, а усилиями, которые они ежедневно прикладывают для успешной учебы: «Я максимального готовлюсь, стараюсь» (Инт. 2); «Я не с первого раза могу понять материал нормально» (Инт. 16). Среди стратегий, выбираемых девушками для учебы, часто встречаются чисто механические действия, которые отнимают много времени и сил: «Зазубривать приходилось конкретно» (Инт. 14).

В то же время юноши подчеркивают, что учеба в STEM не является для них чем-то сложным и непреодолимым: «Если что-то делать, то особого труда на четверки учиться нет» (Инт. 6). Девушки, наблюдая за своими одноклассниками мужского пола, подчеркивают наличие у них природного таланта к STEM: «Им это быстрее <...> дается, им не обязательно сидеть над этим миллион лет, чтобы это понять» (Инт. 7); «Что пацан сделает, то у него сразу получается, а ты сидишь, корпишь над этими книгами, пытаешься понять, бьешься и не можешь» (Инт. 2).

Юноши отдают предпочтение скорее своим хобби и личной жизни, чем получению высоких оценок, к которым стремятся девушки:

Знания, которые я получаю... Мне их, грубо говоря, хватает, но, чтобы получать ту же пятерку, нужно просто больше занимать на это время, <...> я считаю, что я предмет усваиваю хорошо, но на пять нет смысла стараться — от этого просто ничего не изменится для меня. (Инт. 6)

В результате, несмотря на приложение больших усилий, учеба в STEM оказывается для девушек настоящим испытанием: «Я каждый день думала: зачем мне вот это, зачем я вот это изучаю?» (Инт. 16). Юноши не демонстрируют подобного отношения, подчеркивая отсутствие сложностей с учебой в STEM: «Мне [учеба —

прим. авт.] дается: я очень легко представляю себе науку, несмотря на то что она достаточно абстрактная» (Инт. 12). Они не сомневаются в своем выборе — изучение точных наук для юношей выступает логическим развитием их природных способностей: «Я понимал, что гуманитарное направление мне вообще не близко, а в техническом я неплох» (Инт. 11). Девушки же, напротив, менее уверены в себе и высказывают сомнения в выбранном направлении подготовки:

Возможно, на самом деле я гуманитарий, и может быть, я сунулась туда, куда мне не нужно было соваться, и поэтому часто бывало так, что я пропускала занятия, лекции, потому что просто боялась, что я что-то не пойму или там заметят, что я что-то не поняла. Иногда даже это перерастало в то, что я не могла делать домашние задания, просто из-за страха того, что у меня не получится. (Инт. 8)

Далее мы рассмотрим этап карьеры и то, как юноши и девушки видят себя в профессиях STEM. Проанализировав в ходе количественного этапа данные опроса, мы выявили, что и девушки, и юноши полагают, что их будущая работа в STEM будет интересной и разнообразной (45 % и 39 % соответственно)¹⁸. Это подтверждают и интервью, где опрошенные студенты акцентируют внимание также на том, что эта работа несет пользу обществу:

Мне нравится, что одна девушка рассказывала, что она собирала своими руками насос, который качает нефть со дна моря, <...> а она говорит: «Я вот понимаю, что я делаю что-то такое на благо всех людей, кто будет этой нефтью пользоваться, что из нее переработается». Вот чего-то такого, наверное, я жду. (Инт. 7)

Ну, конечно же, я в первую очередь ожидаю интереса какого-то, ну, потому что занятие наукой без интереса как-то не очень выглядит. Скорее всего, я ожидаю общего такого комфорта. (Инт. 1)

Согласно результатам анализа количественных данных, юноши чуть чаще девушек отмечают, что им будет легко найти работу, а также преуспеть в карьерном росте. С утверждением анкеты «полученная специальность дает возможность легко найти работу» согласились 14 % юношей и 10 % девушек¹⁹. Среди ответивших положительно на вопрос, дает ли полученная специальность возможность карьерного роста, также оказалось немногим больше юношей (17 % — юноши, 12 % — девушки)²⁰.

В интервью мы рассмотрели этот аспект более подробно. Во-первых, мы спросили об ожиданиях студентов по поводу заработной платы а) при первом трудоустройстве и б) ее роста в будущем. Во-вторых, рассмотрели их ожидания от самого процесса трудоустройства и дальнейшего карьерного роста. В-третьих, исследовали престижность работы в областях STEM.

¹⁸ Различия статистически значимы: $\chi^2(1, n = 2192) = 7,43; p = 0,01$.

¹⁹ Различия статистически значимы: $\chi^2(1, n = 2192) = 7,93; p = 0,01$.

²⁰ Различия статистически значимы: $\chi^2(1, n = 2192) = 10,78; p = 0,001$.

Согласно результатам проведенных интервью, девушкам приходится прикладывать усилия для поиска работы или соглашаться на не очень привлекательные условия для того, чтобы приобрести трудовой стаж: «<...> меня взяли на работу на какую-то мизерную ставку. Но у меня в трудовой книжке будет написано, что я там работала» (Инт. 2); «Мне было важнее просто устроиться, какие-то навыки получить» (Инт. 16).

Далее мы нашли подтверждение того, что девушки могут идти на ту работу, где они видят возможности для карьерного роста, даже с невысокой заработной платой на старте: «Я лучше пойду туда, где мне будут вначале платить чуть меньше, но где я хотя бы вижу какие-то перспективы для роста» (Инт. 5).

В отношении престижности областей STEM для работы и юноши, и девушки высказывали схожее мнение:

Потому что это отрасль, которая востребована уже много лет, и еще будет много лет востребована, <...> сколько бы там ни делали прогнозов, что <...> через 50 лет нефть пропадет — это и 100 лет назад говорили, а она до сих пор есть. (Инт. 7)

Я заметила, что, если я где-то скажу, что я на программиста учусь, все так: «Вау!». То есть это считается, что это сложно, и будущее какое-то более предполагается обеспеченное материально. (Инт. 16)

Потому что энергетика — это наше будущее. Мы без газа и электричества далеко не продвинемся, поэтому нужно развивать эту дисциплину, эти науки, и это достаточно приоритетно. <...> Да, это хороший выбор. Перспективный. (Инт. 6)

Информанты имеют четкие представления о работе в STEM. Своими высказываниями девушки и юноши объясняют важность и престижность обучения в этой сфере. Девушки считают подобную работу интересной и разнообразной, они готовы прикладывать усилия в процессе учебы: «Зачем ты получала образование в [название университета — прим. авт.], если ты могла пойти в менее крутой вуз, <...> но хочется за свои труды достойную оплату» (Инт. 2). Мы видим, что помимо больших усилий на работе в STEM девушки еще и ожидают меньшего карьерного роста и рассматривают другие сферы занятости (например, экономику), которые кажутся им проще.

Одну компанию знаю, все парни занимаются <...> лабораторными научными работами, а девушки <...> организаторской деятельностью или администрированием. Мне кажется, что парней больше любят, парням больше доверяют. Если парень занимает руководящую должность, а девушке меньше будут доверять, чем парню. (Инт. 14)

Проанализировав результаты интервью, можно отметить неуверенность девушек в своих способностях, отмечаемую ими необходимость прикладывать больше усилий для успешной учебы и продвижения в карьере. Более того, девушки, получив образование в STEM, желают сменить образовательную и карьерную траекторию: «Я бы хотела заниматься чем-то другим, например, <...> экономикой.

И я понимала, что если я пойду на экономику сразу, то математический аппарат, математические возможности, логика у меня, наверное, чуть-чуть похуже будут развиты, чем если бы я пошла на математику» (Инт. 4). У юношей такого желания не отмечалось.

Обсуждение результатов

В последнее время наблюдается активный интерес и юношей, и девушек к областям STEM, однако сохраняющийся значительный гендерный дисбаланс побуждает исследователей к изучению причин подобной ситуации.

В данной работе мы рассмотрели мотивационные ориентиры юношей и девушек к выбору областей STEM для образования и карьеры. Изучая мотивацию, мы фокусировались на усилиях, которые студенты прикладывают для успешной самореализации в STEM. Так, если девушки подчеркивают необходимость совершения усилий, то юноши объясняют свои успехи наличием способностей. Таким образом, в своей работе мы ответили на исследовательский вопрос: как юноши и девушки аргументируют важность усилий для учебы и карьеры в STEM? Рассматривая два жизненных интервала — образование и карьеру, — мы охватываем достаточно широкий временной промежуток и затрагиваем несколько социальных институтов: школа — университет — работа.

На всех этапах мотивационные ориентиры выбора связаны со способностями к этим областям и усилиями, необходимыми для достижения успеха в них. Отмечаемый в предыдущих исследованиях²¹ и подтвержденный в нашей работе гендерный дисбаланс, а именно, что в областях STEM больше юношей, позволяет предположить, что они более мотивированы на получение STEM специальностей, поэтому, несмотря на то что в некоторых ориентирах различия оказались незначимыми на количественном этапе, в ходе качественного этапа исследования девушки и юноши по-разному аргументировали выбор направления подготовки.

Так, говоря о причинах выбора образовательной траектории, респонденты отмечали значимость наличия способностей к STEM для успешного обучения и в количественной, и в качественной частях исследования. Однако свои способности юноши и девушки оценивали по-разному — девушки предполагают, что у юношей есть скрытый талант к STEM. Это согласуется с рядом исследований, демонстрирующих, что у девушек хуже, чем у юношей, представления о себе в математике и естественных науках [Wigfield et al., 1991]²². Девушки, выбравшие STEM для образования, акцентируют внимание на нехватке своих способностей, особенно в математике. Они понимают, что им придется прикладывать усилия — заниматься с репетиторами, дополнительно изучать материалы — для достижения успеха в STEM. Трудности, с которыми сталкиваются девушки в университете, мешают им продолжить образование. Полученные результаты подтверждают нашу вторую гипотезу: необходимость для девушек прикладывать больше усилий для

²¹ Женщины и мужчины России. 2020: Статистический сборник. М.: Росстат, 2020 С. 79. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf> (дата обращения: 22.04.2022).

²² Jacobs A., Chopra S., Golab L. Reddit Mining to Understand Women's Issues in STEM // Workshop Proceedings of the EDBT/ICDT 2020 Joint Conference (March 30–April 2, 2020, Copenhagen, Denmark). URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2578/DARLIAP10.pdf> (дата обращения: 31.05.2022).

успешного завершения образования и построения карьеры в STEM показывает особенности мотивационных ориентиров.

Мы видим, что области STEM, считающиеся скорее мужскими, демонстрируют различные возможности для юношей и девушек в отношении ожидаемой карьеры. Юноши и девушки имеют определенные представления о работе в STEM и о своих возможностях, аргументируя их по-разному. Выбирая STEM, они действительно считают работу в этих областях интересной и увлекательной. Однако было показано, что у юношей больше шансов на карьерный рост и высокую заработную плату²³. В нашем исследовании мы продемонстрировали, что в начале своей карьеры девушки готовы трудиться за невысокую заработную плату, лишь бы получить опыт работы и возможность в ней закрепиться. Юноши более нацелены на продолжение карьеры в отличие от девушек, которые, получив образование STEM, готовы уйти в другую область и изменить свою образовательную и карьерную траекторию. Это можно объяснить гендерными различиями в карьерных целях: юноши ориентированы на профессиональное становление [Sagala et al., 2019], а девушки могут заниматься чем-то другим [Smyth, McArchie, 2004]. При этом одним из ограничений нашего исследования является то, что мы изучили представления о карьере в STEM, а не опыт работы в этих областях, поскольку были сосредоточены на студентах университетов. Отсутствие реального опыта работы по профессии могло сказаться на ответах студентов. В будущих исследованиях нам интересно было бы оценить мотивационные ориентиры у юношей и девушек, уже работающих в STEM, и посмотреть, есть ли гендерные особенности. К ограничениям данного исследования также стоит отнести его сфокусированность только на студентах STEM специальностей, что не до конца позволило понять, как девушки выбирают свою образовательную траекторию и планируют карьерную траекторию в STEM и за пределами этих областей.

Результаты нашего исследования подтверждают наличие гендерной сегрегации в STEM как на этапе обучения в университете, так и на этапе карьеры, что является подтверждением предыдущих исследований [Anderson, Kim, 2006; McDowell, 2003]. Трудности, с которыми сталкиваются девушки, подчеркивают маскулинную природу этих предметных областей²⁴ и необходимость поддержки первых на этапах учебы и карьеры в STEM. Утечка женщин из STEM — важный предмет исследований в сфере образования по нескольким причинам, одна из которых — нехватка специалистов этой области на рынке труда. Мы смогли зафиксировать гендерные различия в мотивации к выбору STEM, но только лишь констатировать этот факт недостаточно. В ходе количественного этапа исследования мы выявили, что девушки и юноши не сомневаются в своих способностях к STEM, хотя в ряде других работ было показано обратное (см., например, работу [Anderson, Kim, 2006]). Однако во время интервью, в ходе качественного этапа исследования, девушки и юноши объясняли свою уверенность по-разному: юноши — природным талантом и легкостью учебы, а девушки — постоянными усилиями в учебе и преодолением трудностей, например стереотипов в маскулинной среде. Таким

²³ Kauhanen A., Napari S. Career and Wage Dynamics: Evidence from Linked Employer-Employee Data // Discussion Papers. 2011. No. 1244. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/rifdpaper/1244.htm> (дата обращения: 01.06.2022).

²⁴ Там же.

образом, простой фиксации гендерных различий в мотивационных ориентирах количественными методами недостаточно, это не позволит проводить эффективные интервенции, которые необходимы для привлечения и закрепления девушек в STEM. Можно предположить, что результаты нашего исследования помогут вводить более эффективные образовательные интервенции с целью привлечения женщин в STEM и их закрепления в них.

Интервенции, сфокусированные на навыках, способностях, мотивации, могут повысить интерес и настойчивость к развитию в STEM. Например, изменение педагогического подхода, мероприятия по продвижению женщин в STEM, введение тьюторов в образовательный процесс, в частности для девушек, чтобы им легче было преодолевать трудности в учебе. В будущих образовательных интервенциях комплексный взгляд с использованием различных аспектов должен стать основой для разработки программ и экспериментов, чтобы не дать талантливым юношам и девушкам бросить обучение в областях STEM. Такое улучшение образовательной ситуации в STEM приведет к гармоничному развитию общества и движению к гендерному балансу.

В XXI веке нам предстоит пройти долгий путь к достижению гендерного равенства на рынке труда. Данные свидетельствуют о том, что изучение гендерного разнообразия может расширить круг вопросов и областей, изучаемых исследователями, что повысит потенциал новых открытий [Nosek, Banaji, Greenwald, 2002; Jiang, 2021]. Без женщин и других не представленных в науке групп мир может упустить ценные инновации и идеи, которые заключены в альтернативных точках зрения. Более того, разнообразие внутри организации или команды, включая гендерное разнообразие, связано с повышением производительности, креативности, продаж и прибыли [Ali, Kulik, Metz, 2011; Herring, 2009; Muchiri, Ayoko, 2013; Reagans, Zuckerman, 2001]. Все это подчеркивает необходимость увеличения представленности женщин в STEM.

Литература (References)

Гордеева Т. О. Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 38—53. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/4>.

Gordeeva T. O. (2016) Motivation: New Theoretical Approaches, Diagnostics and Practical Recommendations. *Siberian Journal of Psychology*. No. 62. P. 38—53. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/4>. (In Russ.)

Квале С. Исследовательское интервью / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2003. Kvale S. (2003) Research Interview. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Лебедева Н. В., Кузьмина Ю. В. Самооценка как возможный предиктор карьеры в области STEM: адаптация опросника для измерения пяти факторов самооценки // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 53—63. <https://doi.org/10.17759/jmf.2018070305>.

Lebedeva N. V., Kuzmina Yu. V. (2018) Self-Concept as a Possible Predictor of STEM Career: Adaptation of the Questionnaire to Measure Five Factors of Self-Concept. *Journal*

of *Modern Foreign Psychology*. Vol. 7. No. 3. P. 53—63. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070305>. (In Russ.)

Малошонов Н. Г., Щеглова И. А. Модели организации обучения студентов в университете: основные представления, преимущества и ограничения // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 2. С. 107—120. <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.017>.

Maloshonok N. G., Shcheglova I. A. (2020) Models of Organization of Teaching Students at the University: Basic Assumptions, Advantages and Limitations. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 24. No. 2. P. 107—120. <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.017>. (In Russ.)

Савинская О. Б., Истомина, А. Г., Ларкина, Т. Ю., Круглова, К. Д. Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21—29.

Savinskaya O. B., Istomina, A. G., Larkina, T. Yu., Kruglova, K. D. (2016) Conceptual Ideas of Mixed Methods Research: Stages of Development and Current Debates. *Sotsiologicheskie Issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 8. P. 21—29. (In Russ.)

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер, 2003.

Heckhausen H. (2003) *Motivation and Action*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Ali M., Kulik C. T., Metz I. (2011) The Gender Diversity—Performance Relationship in Services and Manufacturing Organizations. *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 22. No. 7. P. 1464—1485. <https://doi.org/10.1080/09585192.2011.561961>.

Anderson E. L., Kim D. (2006) *Increasing the Success of Minority Students in Science and Technology*. Washington, DC: American Council on Education.

Bystydzienski J. M., Bird S. R. (2006) Introduction. In: Bystydzienski J. M., Bird S. R. (eds.) *Removing Barriers: Women in Academic Science, Technology, Engineering, and Mathematics*. Bloomington, IN: Indiana University Press. P. 1—22.

Ceci S. J., Williams W. M., Barnett S. M. (2009) Women's Underrepresentation in Science: Sociocultural and Biological Considerations. *Psychological Bulletin*. Vol. 135. No. 2. P. 218—261. <https://doi.org/10.1037/a0014412>.

Dweck C. S. (2000) *Self-Theories: Their Role in Motivation, Personality, and Development*. Philadelphia, PA: Psychology Press.

Farmer H. S., Wardrop J. L., Rotella S. C. (1999) Antecedent Factors Differentiating Women and Men in Science/Nonscience Careers. *Psychology of Women Quarterly*. Vol. 23. No. 4. P. 763—780. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1999.tb00396.x>.

Farrell L., McHugh L. (2017) Examining Gender-STEM Bias among STEM and non-STEM Students Using the Implicit Relational Assessment Procedure (IRAP). *Journal of Contextual Behavioral Science*. Vol. 6. No. 1. P. 80—90. <https://doi.org/10.1016/j.jcbs.2017.02.001>.

Hackett G., Betz N. E. (1989) An Exploration of the Mathematics Self-Efficacy/ Mathematics Performance Correspondence. *Journal for Research in Mathematics Education*. Vol. 20. No.3. P. 261—273. <https://doi.org/10.2307/749515>.

Herring C. (2009) Does Diversity Pay? Race, Gender, and the Business Case for Diversity. *American Sociological Review*. Vol. 74. No.2. P. 208—224. <https://doi.org/10.1177/000312240907400203>.

Huang G., Taddese N., Walter E. (2000) Entry and Persistence of Women and Minorities in College Science and Engineering Education. Washington, DC: U. S. Department of Education, Office of Educational Research and Improvement.

Jacobs J. E., Lanza S., Osgood D. W., Eccles J. S., Wigfield A. (2002) Changes in Children's Self-Competence and Values: Gender and Domain Differences Across Grades One through Twelve. *Child Development*. Vol. 73. No. 2. P. 509—527. <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00421>.

Jiang X. (2021) Women in STEM: Ability, Preference, and Value. *Labour Economics*. Vol. 70. P. 101—109. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2021.101991>.

Kangas J., Bradway K. (1971) Intelligence at Middle Age: A Thirty-Eight Year Follow-up. *Developmental Psychology*. Vol. 5. No. 2. P. 333—337. <https://doi.org/10.1037/h0031471>.

McDowell, L. (2003) Masculine identities and low-paid work: young men in urban labour markets. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 27. No. 4. P. 828—848.

Meece J. L., Courtney D. P. (1992). Gender Differences in Students' Perceptions: Consequences for Achievement-Related Choices. In: Schunk D. H., Meece J. L. (eds.) *Student Perceptions in the Classroom*. New York, NY: Routledge. P. 209—228.

Morgan D. L. (2014) Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.

Muchiri M. K., Ayoko O. B. (2013) Linking Demographic Diversity to Organisational Outcomes: The Moderating Role of Transformational Leadership. *Leadership & Organization Development Journal*. Vol. 34. No. 5. P. 384—406. <https://doi.org/10.1108/LODJ-11-0086>.

Nosek B. A., Banaji M. R., Greenwald A. G. (2002) Math = Male, Me = Female, therefore Math ≠ Me. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 83. No. 1. P. 44—59. <https://psycnet.apa.org/record/2002-01515-003>.

Pajares F., Miller M. D. (1994) Role of Self-Efficacy and Self-Concept Beliefs in Mathematical Problem Solving: A Path Analysis. *Journal of Educational Psychology*. Vol. 86. No. 2. P. 193—203. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.86.2.193>.

Reagans R., Zuckerman E. W. (2001) Networks, Diversity, And Productivity: The Social Capital of Corporate R&D Teams. *Organization Science*. Vol. 12. No. 4. P. 502—517.

Ryan R. M., Deci E. L. (2000) Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychologist*. Vol. 55. No. 1. P. 68—78. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>.

Sagala R., Umam R., Thahir A., Saregar A., Wardani I. (2019) The Effectiveness of STEM-Based on Gender Differences: The Impact of Physics Concept Understanding. *European Journal of Educational Research*. Vol. 8. No. 3. P. 753—761. <https://doi.org/10.12973/eu-jer.8.3.753>.

Simon R. M., Wagner A., Killion B. (2017) Gender and Choosing a STEM Major in College: Femininity, Masculinity, Chilly Climate, and Occupational Values. *Journal of Research in Science Teaching*. Vol. 54. No. 3. P. 299—323. <https://doi.org/10.1002/tea.21345>.

Smith J. L., Lewis K. L., Hawthorne L., Hodges S. D. (2013) When Trying Hard Isn't Natural: Women's Belonging With and Motivation For Male-Dominated STEM Fields As a Function of Effort Expenditure Concerns. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 39. No. 2. P. 131—143. <https://doi.org/10.1177/0146167212468332>.

Smyth F. L., McArdle J. J. (2004) Ethnic and Gender Differences in Science Graduation at Selective Colleges with Implications for Admission Policy and College Choice. *Research in Higher Education*. Vol. 45. No. 4. P. 353—381. <https://doi.org/10.1023/B:RIHE.0000027391.05986.79>.

Steffens M. C., Jelenec P. (2011) Separating Implicit Gender Stereotypes Regarding Math and Language: Implicit Ability Stereotypes are Self-Serving for Boys and Men, But Not for Girls and Women. *Sex Roles: A Journal of Research*. Vol. 64. No. 5—6. P. 324—335. <https://doi.org/10.1007/s11199-010-9924-x>.

Sternberg R. J. (2020) *The Cambridge Handbook of Intelligence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Updegraff K. A., McHale S. M., Crouter A. C. (1996) Gender Roles in Marriage: What Do They Mean for Girls' and Boys' School Achievement? *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 25. No. 1. P. 73—88. <https://doi.org/10.1007/BF01537381>.

Wigfield A., Eccles J. S., Mac Iver D., Reuman D. A., Midgley C. (1991) Transitions During Early Adolescence: Changes in Children's Domain-Specific Self-Perceptions and General Self-Esteem Across the Transition to Junior High School. *Developmental Psychology*. Vol. 27. No. 4. P. 552—565. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.27.4.552>.

Williams J. C. (2014) Double Jeopardy? An Empirical Study with Implications for the Debates over Implicit Bias and Intersectionality. *Harvard Journal of Law & Gender*. Vol. 185. No. 37. P. 185—242.

Workman, J., Heyder A. (2020) Gender Achievement Gaps: The Role of Social Costs to Trying Hard in High School. *Social Psychology of Education*. Vol. 23. No. 6. P. 1407—1427. <https://doi.org/10.1007/s11218-020-09588-6>.

Приложение

Таблица 1. Гендерные различия в мотивах выбора специальности (в %)

Скажите, пожалуйста, по каким причинам Вы выбрали специальность (направление подготовки), по которой Вы учитесь? (отметьте не более 2—3 наиболее подходящих ответов)	Юноши	Девушки
Она соответствует вашим способностям	35	36
Она позволит получить интересную и разнообразную работу**	39	45
Она позволит иметь хорошее социальное обеспечение на работе	7	7
Она позволит иметь хорошие условия труда	11	10
Она позволит иметь удобный график работы	4	3
Она дает возможность хорошо зарабатывать	29	27
Она дает возможность легко найти работу**	14	10
Она дает возможность карьерного роста***	17	12
Это уважаемая специальность	18	17
По этой специальности легко учиться	4	2
По этой специальности работает кто-то из родственников, знакомых	8	8
На эту специальность было легче поступить	7	9
По этой специальности невысокая плата за обучение, или бесплатное обучение	4	5
Выбрал(а) по совету родителей, друзей, школы	9	8
За компанию с друзьями*	3	1
Подавал(а) еще на другие специальности, но удалось поступить только на эту	5	5
По этой специальности уже учились в бакалавриате (или училище, техникуме и т. д.)	2	2
Это был случайный выбор	7	8
Другое	1	2

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Таблица 2. Характеристики выборочной совокупности качественного этапа исследования

№ Интервью	Пол	Возраст	№ Университет	Курс	Направление подготовки
1	муж.	24	1	3	Технологии
2	жен.	20	2	3	Естественные науки
3	муж.	19	2	2	Математика
4	жен.	19	1	2	Математика
5	жен.	21	2	4	Естественные науки
6	муж.	19	3	2	Инженерия
7	жен.	19	3	2	Инженерия
8	жен.	24	1	4	Технологии
9	жен.	19	4	2	Инженерия
10	муж.	20	5	3	Технологии
11	муж.	21	2	4	Естественные науки
12	муж.	19	3	2	Инженерия
13	жен.	22	5	3	Естественные науки
14	жен.	22	2	4	Естественные науки
15	муж.	21	6	4	Технологии
16	жен.	21	6	4	Технологии
17	жен.	23	6	4	Математика

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2091](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2091)

Т. Ю. Ларкина

ТРУДОВАЯ ПОЛУАВТОНОМИЯ РОССИЙСКИХ УЧИТЕЛЕЙ В ЗАБЮРОКРАТИЗИРОВАННОЙ ШКОЛЕ

Правильная ссылка на статью:

Ларкина Т. Ю. Трудовая полуавтономия российских учителей в забюрократизированной школе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 136—150. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2091>.

For citation:

Larkina T. Y. (2022) Labour Semi-autonomy of the Russian Teachers in a Bureaucratically Cumbersome School. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 136–150. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2091>. (In Russ.)

ТРУДОВАЯ ПОЛУАВТОНОМИЯ РОССИЙСКИХ УЧИТЕЛЕЙ В ЗАБЮРОКРАТИЗИРОВАННОЙ ШКОЛЕ

ЛАРКИНА Татьяна Юрьевна — аспирантка аспирантской школы по социологическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: tlarkina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5867-656X>

LABOUR SEMI-AUTONOMY OF THE RUSSIAN TEACHERS IN A BUREAUCRATICALLY CUMBERSOME SCHOOL

Tatyana Yu. LARKINA¹ — PhD Student in Sociology
E-MAIL: tlarkina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5867-656X>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Система российского образования, в том числе школьного, подвергается менеджериализации, а учительское дело становится все более забюрократизированным. По мнению ряда социальных исследователей, такие институциональные силы либо препятствуют профессионализации российского учительства, либо способствуют его депрофессионализации, что проявляется в утрате педагогическими работниками школы трудовой автономии. Автор данного исследования проверяет этот тезис, опираясь на опыт четырехлетнего включенного наблюдения, проведенного в двух общеобразовательных учреждениях Центрального федерального округа Российской Федерации, а также на материалы девяти полуструктурированных интервью с представителями учительской профессии. Анализ собранных данных показывает: хотя существующая институциональная инфраструктура общего образования России действительно ограничивает зону автономного труда учителей, посредством ее элементов они защищаются от давления со стороны родителей учащихся. Кроме того, педагоги обходятся с институциональными правилами церемониальным образом, «расцепляя» их со своей реальной

Abstract. The Russian education system, including school education, is currently undergoing managerialization, and the teaching profession is becoming more and more bureaucratized. According to several social researchers, such institutional forces either impede the professionalization of the Russian teachers or contribute to their deprofessionalization, which is manifested in the loss of labor autonomy by schoolteachers. The author of this study tests this thesis based on the experience of a four-year participant observation conducted in two educational institutions of the Central Federal District of the Russian Federation, as well as on the materials of nine semi-structured interviews with the teachers. Analysis of the collected data shows that although the existing institutional environment does indeed limit the scope of teachers' autonomy, through its elements they protect themselves from pressure of the students' parents. In addition, the teachers deal with institutional rules in a ceremonial way, "decoupling" them from their real activities, and thereby providing themselves with an opportunity to act in the educational field in accordance with their own professional beliefs.

деятельностью, тем самым обеспечивая себе возможность действовать на учебно-воспитательном поприще в соответствии с собственными профессиональными представлениями.

Ключевые слова: депрофессионализация трудовых занятий, социология профессий, трудовая автономия, менеджериализм, учительство

Keywords: deprofessionalization of occupational groups, sociology of professions, labour autonomy, managerialism, teaching

Введение

Сегодня в российском научном пространстве о педагогических работниках школы говорится как в связи с утратой ими престижа и профессионального авторитета [Хуснутдинова, 2017; Вольчик, Посухова, 2017], так и в связи с бюрократизацией их труда [Башкирова и др., 2020; Хагуров, Остапенко, 2013]. В основном этими вопросами занимаются специалисты по социологии образования, причем их работы нередко носят алармистский характер и насыщаются военной метафорикой: «бумажная армия», возводящая «бумажные стены», «действенное орудие — бумажный прессинг» [Башкирова и др., 2020: 50—53], «неготовность противостоять переходу к <...> наборам показателей эффективности образования» [Осипов, 2017: 145].

Бюрократизация педагогического дела, по мнению А. М. Осипова, Ю. В. Башкировой и их соавторов, оборачивается для российского учительства «невыносимыми» условиями труда и нуждается в искоренении. Кроме того, эти авторы недвусмысленно дают понять, что «полупрофессиональный» статус педагогических работников школы обуславливается не природой их занятия, а «патологиями отраслевой среды, контролируемой бюрократией» [Башкирова и др., 2020: 66]. Получается, что бюрократизм в системе школьного образования России препятствует профессионализации учителей — ограничивает зону их автономного труда.

Настоящая статья носит полемический характер. Критически рассматривая тезис о том, что российское учительство находится в исключительно антагонистической связи с бюрократически устроенной средой, регулируемой современным образовательным менеджментом, ее автор оппонирует выводам социальных исследователей, под ударом которых оказались неолиберальные тренды в образовательной политике Российской Федерации. Также в данной работе подвергается сомнению гипотеза о том, что менеджериализация общего образования и бюрократизация учительского дела всегда ведут к депрофессионализации педагогов.

Выводы этой статьи основываются преимущественно на результатах четырехлетнего включенного наблюдения, проведенного автором с 2017 по 2021 г. в двух общеобразовательных учреждениях Центрального федерального округа России. Социолог здесь — «наблюдатель как участник» [Истомина, 2013: 81], который сначала проработал год учителем обществензнания в средней общеобразовательной

школе малого города Калужской области, затем — три года учителем экономики и обществознания в гимназии крупного подмосковного города. Дневник включенного наблюдателя пополнялся неформализованными записями, фиксирующими происходящее на педсоветах, в коридорах и классах школ. Содержание дневниковых записей чаще всего определялось фокусом на ситуациях, в которых субъекты образовательного процесса отклонялись от линии поведения, заданной российским законом; при этом материалы включают истории педагогов об их «сложных» взаимоотношениях с родителями учащихся. Автор этой работы никому не сообщал о своем статусе включенного наблюдателя, когда устраивался на работу что в одну, что в другую общеобразовательную организацию. В представленных в статье полевых материалах скрыты сведения, по которым можно идентифицировать участников исследования, и приведены только те выдержки из этнографических заметок, которые являются типичными фразами педагогических работников школы в описываемых ситуациях. Наряду с этнографическими материалами эмпирическую базу исследования составляют девять полуструктурированных интервью с представителями педагогической профессии. Среди информантов — учителя-предметники и занимающие административные должности педагоги из семи различных общеобразовательных заведений, интервью с которыми были проведены в период с 2018 по 2021 г.

В ходе анализа собранных данных обнаружилось, что в них регулярно встречаются сюжеты учительской повседневности, в которых педагогические работники школы отстаивают границы своей трудовой автономии перед лицом публичного менеджмента и непрофессиональной, а точнее, родительской общественности. Делают они это посредством умелого обращения с элементами институциональной инфраструктуры российской образовательной системы, под которой понимается совокупность формальных правил, программных документов и стандартов, должностных позиций и связей между ними, создаваемых органами государственной власти и местного самоуправления, а также советами и непосредственными руководителями учебных заведений. Дополнительно необходимо отметить, что в данной исследовательской работе речь идет только о тех представителях педагогической профессии, что проводят учебные занятия в рамках обязательной части программы общего образования Российской Федерации, а слова «педагогические работники (школы)» и «учителя» используются в качестве синонимов.

Менеджерализация общего образования и бюрократизация учительского дела

С 1990-х годов система школьного образования в России постоянно реформируется в результате активной работы публичного менеджмента. Государственные и муниципальные управленцы создают институциональную среду, в которой образовательные организации и отдельно взятые педагоги начинают конкурировать между собой по различным отчетным показателям. Родители учащихся обретают право выбирать школу и форму обучения для своих детей, получают возможность оценивать качество работы учебных заведений на специализированных сайтах или в ходе опросов органов местного самоуправления, региональных и федеральных органов исполнительной власти [Осипов, 2017; Хагуров, Остапенко, 2013].

Директора общеобразовательных учреждений отныне обучаются руководить школой по принципам, используемым в управлении частным предприятием. Например, в Подмоскowie действует рекрутинговый центр, занимающийся подбором и подготовкой управленческих кадров в сфере образования: руководители образовательных организаций должны обладать «универсальными управленческими компетенциями»¹ и быть знакомыми с бизнес-литературой². В 2018—2019 гг. российские госслужащие запускают национальный проект «Образование», назначение которого — «обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования и вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования»³.

Социальные ученые называют описанные изменения в системе школьного образования России его менеджериализацией [Вольчик, Посухова, 2017; Дим, 2004]. Менеджериализм в сфере общего образования сводит народное просвещение к педагогике установленного образца: учителя должны следовать детально прописанным инструкциям, рабочим программам и учебным планам, ведь только так они могут привести учеников к результатам, обозначенным в «стандартных» документах [Hendriks, 2019]. Деятельность школьного руководства, отдельно взятых учителей и целых учебных заведений рассматривается образовательным менеджментом на предмет ее «эффективности». Собственно говоря, «эффективность» и является ключевым понятием образовательных управленцев — это то, что они ценят и измеряют, и то, к чему они стремятся сами и заставляют стремиться своих подчиненных [Абрамов, 2007]. Она имеет квантифицированный вид и в ее производстве участвует большое количество людей: «эффективность» воссоздается из данных, оставленных работниками образования, учащимися и их родителями в виде цифровых и документальных следов. Вместе с этим в педагогическую рутину проникают «мониторинги», «диагностики», «индикаторы успеваемости и обученности класса» и другие менеджериалистские явления.

Отечественной социологии уже известны работы Р. Н. Абрамова, в которых он описывает менеджериализацию высшего образования в России и анализирует ее последствия для профессиональной деятельности научно-педагогических кадров в вузах [Абрамов, 2011, 2016]. Как показывают наблюдения Р. Н. Абрамова, менеджериализация российской высшей школы сопровождается бюрократизацией труда занятых в ней специалистов, что резонирует с результатами исследования менеджериализации высшего образования в Великобритании, проведенного Р. Дим [Дим, 2004]. То же самое происходит и в сфере школьного образования Российской Федерации — его менеджериализация идет рука об руку с бюрократизацией учительского дела.

¹ Процедура отбора кандидатов в ППЦ. URL: <https://rrcmo.asou-mo.ru/index.php/services/rpo-services> (дата обращения: 10.03.2022).

² Перечень информационных источников для подготовки к прохождению компьютерного тестирования профессиональных знаний и умений кандидатов на должность руководителя общеобразовательной организаций Московской области, а также действующих руководителей общеобразовательных организаций Московской области. URL: https://rrcmo.asou-mo.ru/images/Перечень_информационных_источников.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

³ Паспорт национального проекта «Образование». Утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16. С. 2. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfoFCsqdLsLx8C0PFDKmBB.pdf> (дата обращения: 10.03.2022).

По данным Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, с 2016 по 2018 гг. сократилась доля учителей, которых полностью устраивает объем педагогической работы. Большинство педагогов отмечают, что с каждым годом работать в школе становится труднее (доля ответивших таким образом в 2016 г. составляет 80,9%, а в 2017 и 2018 гг. — 74,4% и 73,0% соответственно), и эти изменения они связывают прежде всего с увеличением отчетности и бюрократической нагрузки [Авраамова и др., 2019]. В то же время Министерство просвещения Российской Федерации указывает, что «излишняя отчетность» — популярная тема обращений педагогов на министерскую горячую линию⁴. Чтобы решить проблему бюрократической загруженности учителей, Рособрнадзор и Минпросвещения России разрабатывают перечень документов для ведения учителями и классными руководителями и в декабре 2020 г. направляют письмо «О снижении документационной нагрузки учителей»⁵ во все субъекты Российской Федерации. В этом письме устанавливается, что ведение документации за пределами указанного перечня не входит в непосредственные обязанности учителей-предметников и классных руководителей, поэтому руководители образовательных учреждений могут привлекать педагогов к любой иной отчетной работе только с согласия оных и за дополнительное материальное вознаграждение. Сам факт появления письма «О снижении документационной нагрузки учителей» свидетельствует о забюрократизованности российского учительства. Кроме того, в 2020 г. выходит в свет монография новгородских социологов «Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании», название которой говорит само за себя. Ее авторы подвергают критическому разбору «кризис» растущих информационных потоков в сфере российского образования, описывая его с помощью таких метафорических категорий, как «бумажный вал», «бумажный прессинг», «бюропатология», «бумажный геноцид» [Башкирова и др., 2020].

Итак, некоторые российские и зарубежные социальные исследователи полагают, что менеджериализация сектора общественных благ вкупе с бюрократизацией труда занятых в нем специалистов оборачивается депрофессионализацией академиков и представителей «помогающих» профессий [Абрамов, 2016; Дим, 2004; Schimank, 2015; Hendriks, 2019; Ball, 2003]. Конечно, обоснованность этого утверждения нельзя обсуждать в отрыве от того, как определяются понятия «профессия» и «депрофессионализация», а к их концептуализации существует несколько подходов [Абрамов, 2014; Лукша, 2003; Романов, Ярская-Смирнова, 2015: 14—76; Сакс, 2020; Эветтс, 2009]. Однако, по-видимому, социологи — от функционалистов до неовеберийцев — единодушны в том, что ядром понятия «профессия» выступает автономный труд [Greenwood, 1957; Parsons, 1954; Toren, 1975; Маршалл, 2010; Сакс, Олсон, 2003; Хьюз, 2015], следовательно, депрофессионализацией отдельных групп можно считать утрату ими трудовой

⁴ Вопросы излишней отчетности стали одной из основных тем обращений педагогов в адрес Минпросвещения России. Пресс-служба Министерства просвещения Российской Федерации. 2021. 1 ноября. URL: <https://edu.gov.ru/press/4315/voprosy-izlishney-otchetnosti-stali-odnoy-iz-osnovnyh-tem-obrascheniy-pedagogov-v-adres-minprosvesheniya-rossii> (дата обращения: 10.03.2022).

⁵ Письмо Минпросвещения России N СК-578/08, Рособрнадзора № 01-350/13-01 «О снижении документационной нагрузки учителей» от 18.12.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371589 (дата обращения: 10.03.2022).

самостоятельности. Даже если профессия и ее производные того же корня являются категориями в принципе устаревшими [Haug, 1975] или слабоприменимыми для различения и объяснения явлений и процессов, происходящих в российских реалиях⁶ [Романов, Ярская-Смирнова, 2009], представители разного рода занятий все равно предъявляют спрос на автономный труд. Суть сказанного ранее принципиально не меняется: «бюропатология» и технологии публичного управления, ориентированные на императив экономической эффективности, сужают зону автономного действия тех специалистов, что участвуют в производстве общественных благ. Но так ли все однозначно? Далее предлагается рассмотреть эту ситуацию на примере учительской профессии в России.

Парадокс трудовой автономии педагогических работников российских школ

В самом деле, требования «показательной» эффективности, предъявляемые в настоящее время образовательным менеджментом к педагогическим коллективам российских школ, прямо или косвенно лимитируют их трудовую автономию. Казалось бы, педагог, на профессиональной основе занимающийся образованием детей и подростков, должен сам решать, как оценивать уровень знаний школьников по своему предмету. Он, как правило, не определяет по своему усмотрению объем учебного материала, который должен освоить учащийся к концу каждого года обучения в общеобразовательной школе — в России для этого существуют федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОСы). Однако ожидается, что учитель-предметник будет проводить самостоятельные, контрольные и прочие работы в классах, где он ведет уроки, представлять результаты по ним в количественном виде в электронном или бумажном журнале, а по итогу учебного периода (четверти, семестра, года) давать оценку образовательных достижений каждого школьника. При этом не любые действия педагога по оцениванию образовательных достижений школьников санкционируются иными участниками социального взаимодействия.

Административные работники учебных заведений могут ограничивать учителей при выставлении отметок учащимся, например, через введение неформального запрета «портить аттестат» старшеклассникам, идущим на медаль, или через определение «допустимого» количества текущих «двоек» в журнале у одного ученика. Обращение директора школы к педколлективу по этому поводу может принимать следующий вид:

Нежелательно ставить три неудовлетворительные отметки подряд! [Определенный процент] допустим [на всю школу], далее уже много! (Женщина, директор муниципального образовательного учреждения, педагогический стаж — около 20 лет)

В настоящее время в Московской области деятельность общеобразовательных организаций и муниципальных органов управления образованием оценивается по разным параметрам, среди которых присутствует индикатор «системной

⁶ Тут речь идет об англо-американских теориях занятий и профессий.

неуспеваемости». Системная неуспеваемость отражает долю «обучающихся 6, 7 и 8 параллелей с тремя оценками „2“ подряд по предметам „Русский язык“, „Математика“, „Алгебра“ среди всех обучающихся этих параллелей»⁷. От этого и других показателей зависит место школы в различных рейтингах образовательных организаций в пределах муниципалитета, региона или страны. Школы, занимающие высокие места в рейтингах, награждаются денежными призами и зарабатывают репутацию хорошего учебного заведения, а их руководители получают надбавку к зарплате и избегают негативных санкций со стороны должностных лиц, находящихся над ними в административной иерархии системы школьного образования.

В связи с этим у учителей появляются стимулы не оценивать неудовлетворительным образом образовательные достижения школьников по своему предмету: жалобы родителей учащихся могут обернуться для педагогов эмоциональными издержками, а администраторы школы могут потребовать от своих подчиненных разработать и реализовать индивидуальный план по ликвидации академической задолженности у двоечников. Тем не менее учителя не всегда отказываются от возможности ставить «двойки» неуспевающим школьникам:

Мне изо дня в день внушали, что «двойки» ставить нельзя. И я искала, каким же способом ставить «двойки», которые ставить нельзя. Их все равно надо ставить. (Женщина, учитель физики, педагогический стаж — 20 лет)

Педагогические работники школы приводят показатель системной неуспеваемости в «норму», чередуя «двойки» с другими отметками, а отстающим ученикам ставят «двойку» через «тройку», чтобы средний балл равнялся двум с половиной. Два с половиной — удобное число: оно превращается в три по правилам математического округления (если иной вариант округления не предусмотрен локальным актом учебного заведения), поэтому администрация школы не видит в этом ничего запретного. При этом школьники остаются в подвешенном состоянии, ведь любой их академический промах может изменить результирующий балл в сторону «двойки»; кого-то из них это стимулирует заниматься учебой.

«„Двойки“ учитель ставит сам себе», — этой фразой директора и завучи, беспокоящиеся за отчетные показатели школы, вменяют в вину педагогам то, что они выставляют большое количество неудовлетворительных отметок. Но и этому учителя способны противодействовать. Они выставляют «двойки», полученные школьниками за проверочные и другие виды работ, в разные столбики классного журнала или оправдываются подобно тому, как пишет один из пользователей социальной сети «ВКонтакте»: «Если „двойки“ в строчку, то вина ученика, если в столбик, то учителя». За счет «расцепления» своей реальной деятельности с регламентом, установленным государственными и муниципальными управленцами в сфере образования, педагогические работники сохраняют возможность действовать до некоторой степени автономно [Meyer, Rowan, 1977; Orton, Weick, 1990].

⁷ Мониторинг активности работы в ИСУОД. URL: https://helpschool.mosreg.ru/hc/ru/articles/115011863248-Мониторинг-активности-работы-в-в-ИСУОД?mobile_site=true (дата обращения: 17.03.2022).

Продукты деятельности образовательного менеджмента, совокупность которых образует забюрократизированную среду государственной системы образования, могут использоваться учителями в их профессиональных интересах. На представителей этой профессии в России нередко «*дают*» родители учащихся, подрывая авторитет и заодно трудовую автономию учителей:

Родители почему-то считают, что они соображают в педагогике лучше, чем мы.
(Женщина, бывший директор муниципального общеобразовательного учреждения, педагогический стаж — 40 лет)

Однако парадоксальным образом в забюрократизированном устройстве школы учителя и администраторы учебных заведений находят укрытие от «родительского» давления, от обвинений в рабочих ошибках со стороны внешних по отношению к их профессии людей. Э. Хьюз замечает, что профессионалы имеют удобную возможность переложить ответственность за рабочую ошибку с себя на своих клиентов, когда демонстрируют «правильность» выполнения рабочей процедуры. «*Если учителю удастся доказать, что он следовал заведенному ритуалу, то обвинение переносится с него на нерадивого ученика или студента; неудача возможна, но при этом возлагается на них*» [Хьюз, 2008: 392].

В конце учебного года в общеобразовательных школах обычно проходит педагогический совет, на котором коллектив во главе с директором определяет судьбу учеников выпускных классов. На повестке такого педсовета стоит вопрос о переводе четвероклассников в пятый класс и о допуске девятиклассников и одиннадцатиклассников к государственной итоговой аттестации. Педагоги с помощью институционально оформленных ритуалов минимизируют свою ответственность за неудовлетворительные академические результаты школьников, и по заметкам включенного наблюдения ниже описывается ход таких событий на одном из педсоветов.

Учительница начальных классов докладывает школьным администраторам, что в ее классе есть несколько учеников, которые должны быть переведены в пятый класс условно. При этом она выстраивает сообщение таким образом, чтобы показать «правильность» собственных действий в разрешении ситуации с академической неуспеваемостью одного из младшекласников и его переводом в следующий класс: она вызывала родителей ученика в школу, только они не отреагировали на этот вызов посещением образовательного учреждения. Неявка родителей младшекласника в школу не зависела от воли педагога, значит, невозможность повлиять на успеваемость ученика через его родителей находится вне зоны ее моральной ответственности. Однако завуч указывает учительнице начальных классов, что недостаточно в неофициальной форме оповестить родителей о том, что их ребенок рискует быть переведенным в пятый класс условно, поэтому педагог продолжает нести моральную ответственность за ситуацию. Чтобы снять с себя эту ответственность, учителю необходимо совершить ритуал формального толка — под подпись ознакомить родителей школьника с официальным уведомлением об условном переводе их ребенка в пятый класс:

Просто надо было [отправить] официальное уведомление, чтобы родители были ознакомлены с положением о том, что ребенок должен быть переведен условно, что из этого следует. (Женщина, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, педагогический стаж — более 25 лет)

Иной эпизод того же педагогического совета — рассмотрение перспективы допуска или недопуска девятиклассников к Основному государственному экзамену (ОГЭ). Классные руководители двух девярых классов и учителя-предметники совместными усилиями создают условный список двоечников, которых, по их мнению, не стоит допускать к государственной итоговой аттестации. Директор школы останавливает процесс пополнения списка академических должников на третьем пункте, потому что трое учеников, не допущенных к ОГЭ, — это «перебор». Результат продолжительных моральных дебатов педагогов — не допускать только двух девятиклассников к итоговым испытаниям за курс основной школы. Вердикт педсовета подкрепляется институционально оформленным ритуалом:

Классные руководители передают родителям [официальное письмо] под роспись, что решение педсовета — не допускать к итоговой аттестации [их детей]. (Мужчина, директор средней общеобразовательной школы, стаж работы в образовании — более 40 лет)

В описанных ситуациях важно прежде всего не то, что учителя и школьные администраторы обязаны следовать формальным правилам в реализации недопуска учащихся школы к государственной итоговой аттестации, а то, что эти правила используются работниками образования в целях легитимации их морального приговора неуспевающим ученикам. Педагоги и руководители образовательных учреждений защищают себя от сторонних упреков в рабочих промахах и неудачах посредством «официальных приглашений», «уведомлений», «положений» и прочего формализованного церемониала, отстаивая часть своей автономии на учебно-воспитательном поприще.

Заключение

В социологии занятий и профессий идет дискуссия о том, как занятость профессионалов в бюрократических организациях сказывается на их трудовой автономии. Э. Хьюз фиксирует двойственный характер положения наемных профессионалов: с одной стороны, работники оказываются зажаты в тиски должностных инструкций, заданных руководством компаний, с другой — они имеют доступ к широкой клиентской базе и разнообразному рабочему оборудованию, их зависимость от конечных получателей профессиональных услуг ниже, чем у самозанятых профессионалов [Hughes, 1993: 371—373]. Н. Торен видит причину депрофессионализации трудовых групп не в их переходе от самозанятости к наемному труду в организациях бюрократического типа (то есть — в бюрократизации их труда), а в основах самого профессионализма, то есть в базе профессиональных знаний и идеале служения. По ее словам, автономному труду специалистов, работающих с людьми и на благо людей, угрожает их же клиентура, уровень образования которой растет год от года. Люди пересматривают свои представления о канонах

клиентского обслуживания: они не желают оставаться в стороне от обсуждения вопросов, связанных с удовлетворением их потребностей, и требуют включения себя в дела, до этого считавшихся заботой только определенных профессиональных групп [Toren, 1975; Haug, Sussman, 1969].

Кроме того, в социологии занятий и профессий нет консенсуса по поводу существования связи между утратой профессионалами контроля над организацией собственного труда и менеджериализацией их деятельности [Сакс, 2020]. Одни социальные ученые постулируют, что под действием этого институционального процесса происходит депрофессионализация трудовых занятий [Ball, 2003; Schimank, 2015; Hendriks, 2019], другие — что профессионалам все же удается поддерживать легитимность своих притязаний на автономную работу [Fournier, 1999; Faulconbridge, Muzio, 2008; Brass, Holloway, 2019].

Таким образом, нельзя констатировать, что «полупрофессионализм» российского учительства объясняется особенностями той институциональной среды, в которую оно сегодня помещено, или что его депрофессионализация запускается менеджериализацией общего образования и бюрократизацией педагогического дела. Представители учительской профессии посредством формализованных ритуалов, сооруженных на бюрократизирующей почве российского образования, обеспечивают себе возможность действовать автономно, сопротивляясь попыткам родителей учащихся навязать им собственное видение того, как нужно учить детей и подростков. И, вероятно, в России именно родительская общественность, а не образовательный менеджмент является главным противником педагогических работников школы в соревновании за мандат определять учебно-воспитательные проблемы и способы их решения. Дальнейшие исследования социологов и социальных антропологов должны это прояснить.

Список литературы (References)

Абрамов Р.Н. Классификация исследовательских направлений в изучении занятий и профессий (Аналитический обзор) // Социологический ежегодник, 2013—2014. М.: ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ, 2014. С. 22—50.

Abramov R. N. (2014) Classification of Research Areas in the Study of Occupations and Professions (Analytical Review). In: *Sociological Yearbook, 2013—2014*. Moscow: INION RAN, HSE. P. 83—104. (In Russ.)

Абрамов Р.Н. Менеджериализм и академическая профессия. Конфликт и взаимодействие // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 37—47.

Abramov R. N. (2011) Managerialism and the Academic Profession: Conflict and Cooperation. *Sociological Studies*. No. 7. P. 37—47. (In Russ.)

Абрамов Р.Н. Менеджериализация и трудовые порядки университетской жизни: Российский и международный контексты // Социологический ежегодник, 2015—2016. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 140—155.

Abramov R. N. (2016) Management and Labor Orders of University Life: Russian and International Contexts. In: *Sociological Yearbook, 2015—2016*. Moscow: INION RAN. P. 140—155. (In Russ.)

Абрамов Р. Н. Менеджериализм: экономическая идеология и управленческая практика // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 2. С. 92—101.

Abramov R. N. (2007) Managerialism: Economic Ideology and Managerial Practice. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 8. No. 2. P. 92—101. (In Russ.)

Авраамова Е. М., Клячко Т. Л., Логинов Д. М., Полушкина Е. А., Семионова Е. А., Токарева Г. С. Мониторинг эффективности школы. Учителя российских школ: проблемы и перспективы / под ред. Т. Л. Клячко. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-07/08-07-2019-monitoring-ef-shkol.pdf> (дата обращения: 23.03.2022).

Avraamova E. M., Klyachko T. L., Loginov D. M., Polushkina E. A., Semionova E. A., Tokareva G. S. (2019) Monitoring School Performance. Teachers of Russian Schools: Problems and Prospects. Moscow: RANEPA. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-07/08-07-2019-monitoring-ef-shkol.pdf> (accessed: 23.03.2022). (In Russ.)

Башкирова Ю. В., Бояджиева П. А., Елкина К. К., Кукушкина А. Г., Матвеев В. В., Матвеева Н. А., Осипов А. М., Тримбицкая Ю. П., Ширина Т. Г. Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании / под ред. А. М. Осипова. Великий Новгород: ООО «Типография «Виконт», 2020.

Bashkirova Yu. V., Boyadjieva P. A., Elkina K. K., Kukushkina A. G., Matveev V. V., Matveeva N. A., Osipov A. M., Trimbitskaya Yu. P., Shirina T. G. (2020) School in the Abyss of Paper: Crisis of Information Flows in Education. Veliky Novgorod: Viscount Printing House LLC. (In Russ.)

Вольчик В. В., Посухова О. Ю. Реформы в сфере образования и прекариатизация учителей // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 2. С. 122—138. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-2-122-138>.

Volchik V. V., Posukhova O. Yu. (2017) Education Reforms and Precariatization of School Teachers. *Terra Economicus*. Vol. 15. No. 2. P. 122—138. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-2-122-138>. (In Russ.)

Дим Р. «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 44—56.

Deem R. (2004) “New Managerialism” and Higher Education: The Management of Performances and Cultures in Universities in the United Kingdom. *Educational Studies*. No. 3. P. 44—56. (In Russ.)

Истомина А. Г. (2013). Краткосрочное включенное наблюдение: опыт достижения ролей с высокой степенью вовлеченности // Социология: 4М. № 37. С. 75—103. Istomina A. G. (2013) An Experience of Achieving a Role with High Degree of Involvement in a Short-Term Participant Observation. *Sociology: 4M*. No. 37. P. 75—103. (In Russ.)

Лукша О. В. Социология профессиональных групп: определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции / отв. ред. А. В. Мансуров. М.: Издательство Института социологии РАН, 2003. С. 61—79.

Luksha O. V. (2003) Sociology of Professional Groups: The Definition of Concepts. In: *Professional Groups of the Intelligentsia*. Moscow: RAS Institute of Sociology Publishing House. P. 61—79. (In Russ.)

Маршалл Т. Х. Новейшая история профессионализма в связи с социальной структурой и социальной политикой // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 1. С. 105—124.

Marshall T. (2010) The Recent History of Professionalism with Regard to Social Structure and Social Policy. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 8. No. 1. P. 105—124. (In Russ.)

Осипов А. М. «Троянские кони» неолиберализма в образовании // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 136—146. <https://doi.org/10.7868/S0132162517080153>.

Osipov A. M. (2017) Trojan Horses of Neo-Liberalism in Education. *Sociological Studies*. No. 8. P. 136—146. <https://doi.org/10.7868/S0132162517080153>. (In Russ.)

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Российский и европейский подходы к исследованию профессий — сближение перспектив // Профессиональные группы: динамика и трансформация / под ред. Мансурова В. А. М.: Издательство Института социологии РАН, 2009. С. 59—93.

Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. (2009) The Russian and the European Approaches to the Study of Professions — A Convergence of Perspectives. In: V. A. Mansurov (ed.). *Professional Groups: Dynamics and Transformation*. Moscow: RAS Institute of Sociology Publishing House. P. 59—93. (In Russ.)

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследований. М.: ООО «Вариант», 2015.

Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. (2015) Sociology of Professions: Analytical Perspectives and Research Methodology. Moscow: Variant. (In Russ.)

Сакс М. Неовеберизм и профессии // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 28—41. <https://doi.org/10.31857/S013216250009646-3>.

Saks M. (2020) Neo-Weberianism and the Professions. *Sociological Studies*. No. 6. P. 28—41. <https://doi.org/10.31857/S013216250009646-3>. (In Russ.)

Сакс М., Олсоп Дж. Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании // Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. А. В. Мансуров. М.: Издательство Института социологии РАН, 2003. С. 36—57.

Sacks M., Alsop J. (2003) Sociology of the Professions: State, Medicine and the Market in Great Britain. In: Mansurov A. V. (ed.) *Professional Groups of the Intelligentsia*. Moscow: RAS Institute of Sociology Publishing House. P. 36—57. (In Russ.)

Хагуров Т. А., Остапенко А. А. Реформа образования глазами учителей и преподавателей: опыт социологического исследования. Институт социологии РАН, Краснодарское региональное отделение Российской академии социальных наук. Краснодар: Парабеллум, 2013.

Hagurov T. A., Ostapenko A. A. (2013) Education Reform through the Eyes of Teachers and Lecturers: The Attempt of Sociological Research. Sociology Institute RAS,

Krasnodar Region Department, Russian Academy of Social Sciences. Krasnodar: Parabellum. (In Russ.)

Хуснутдинова М. Р. Социальный статус профессии учителя: самоопределение российских педагогов // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 4. С. 38—48. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220406>.

Khusnutdinova M. R. (2017) Social Status of the Teaching Profession: Self-Determination in Russian Teachers. *Psychological Science and Education*. Vol. 22. No. 4. P. 38—48. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220406>. (In Russ.)

Хьюз Э. Ч. Лицензия и мандат // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17. № 3—4. С. 47—53.

Hughes E. C. (2008) License and Mandate. *Personality. Culture. Society*. Vol. 17. No. 3—4. P. 47—53. (In Russ.)

Хьюз Э. Ч. Ошибки на работе // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 3. С. 385—396.

Hughes E. Ch. (2008) Errors at work. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 6. No. 3. P. 385—396. (In Russ.)

Эветтс Дж. Новые вызовы доверию и профессионализму // Свободная мысль. 2009. № 11. С. 127—142.

Evetts J. (2009) Trust and Professionalism: Challenges and Occupational Changes. *Free Thought*. No. 11. P. 127—142. (In Russ.)

Ball S. J. (2003) The Teacher's Soul and the Terrors of Performativity. *Journal of Education Policy*. Vol. 18. No. 2. P. 215—228. <https://doi.org/10.1080/0268093022000043065>.

Brass J., Holloway J. (2019) Re-professionalizing Teaching: The New Professionalism in the United States. *Critical Studies in Education*. Vol. 62. No. 4. P. 519—536. <https://doi.org/10.1080/17508487.2019.1579743>.

Faulconbridge J., Muzio D. (2008) Organizational Professionalism in Globalizing Law Firms. *Work, Employment and Society*. Vol. 22. No. 1. P. 7—25. <https://doi.org/10.1177/0950017007087413>.

Fournier V. (1999) The Appeal to 'Professionalism' as a Disciplinary Mechanism. *The Sociological Review*. Vol. 47. No. 2. P. 280—307. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.00173>.

Greenwood E. (1957) Attributes of a Profession. *Social Work*. Vol. 2. No. 3. P. 45—55. <https://doi.org/10.1093/SW/2.3.45>.

Haug M. R. (1975) The Deprofessionalization of Everyone? *Sociological Focus*. Vol. 8. No. 3. P. 197—213. <https://doi.org/10.1080/00380237.1975.10570899>.

Haug M. R., Sussman M. B. (1969) Professional Autonomy and the Revolt of the Client. *Social Problems*. Vol. 17. No. 2. P. 153—161. <https://doi.org/10.2307/799862>.

Hendrikx W. (2019) What We Should Do vs. What We Do: Teachers' Professional Identity in a Context of Managerial Reform. *Educational Studies*. Vol. 46. No. 5. P. 1—17. <https://doi.org/10.1080/03055698.2019.1620694>.

Hughes E. C. (1993) *The Sociological Eye: Selected Papers*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

Meyer J. W., Rowan B. (1977) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*. Vol. 83. No. 2. P. 340—363.

Orton J. D., Weick K. E. (1990) Loosely Coupled Systems: A Reconceptualization. *Academy of Management Review*. Vol. 15. No. 2. P. 203—223. <https://doi.org/10.2307/258154>.

Parsons T. (1954) The Professions and Social Structure. In: *Essays in Sociological Theory*. Glencoe, IL: Free Press. P. 34—49.

Schimank U. (2015) “New Public Management” as De-Professionalization — Conceptual Reflections with Some Applications to School Teachers. In: T. Klenk, E. Pavolini (eds.) *Restructuring Welfare Governance*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. P. 183—199. <https://doi.org/10.4337/9781783475773.00017>.

Toren N. (1975) Deprofessionalization and Its Sources. A Preliminary Analysis. *Sociology of Work and Occupations*. Vol. 2. No. 4. P. 323—337. <https://doi.org/10.1177/073088847500200402>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2106](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2106)

А. В. Ким, Д. В. Мальцева

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВО РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ: ТЕМАТИКИ ОБСУЖДЕНИЙ И СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Правильная ссылка на статью:

Ким А. В., Мальцева Д. В. Профессиональное онлайн-сообщество российских социологов: тематики обсуждений и структура социальных взаимодействий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 151—174. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2106>.

For citation:

Kim A. V., Maltseva D. V. (2022) Professional Online Community of Russian Sociologists: Topics of Discussion and Structure of Social Interactions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 151–174. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2106>. (In Russ.)

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВО РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ: ТЕМАТИКИ ОБСУЖДЕНИЙ И СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

КИМ Арюна Витальевна — стажер-исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: avkim@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3119-1087>

МАЛЬЦЕВА Дарья Васильевна — заведующая Международной лабораторией прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: dmaltseva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1789-1711>

Аннотация. В статье рассматриваются тематики обсуждений и структура социальных взаимодействий в профессиональном онлайн-сообществе социологов. На основе текстов публикаций было выделено 18 тематик обсуждений. При помощи методологии блок-моделинга определен структурный тип онлайн-сообщества — «ядро — периферия». Выявлено три группы участников: ядро, которое интересуется всеми тематиками, полупериферия, рассылающая приглашения на мероприятия, и периферия, заинтересованная в экспертизе и знаниях коллег. Внутри ядра выделяется также группа участников, обсуждающих тематику профессиональной деятельности и идентичности. Члены ядра взаимодействуют со всеми участниками онлайн-сообщества, включая менее активных членов группы, и могут выступать в качестве

PROFESSIONAL ONLINE COMMUNITY OF RUSSIAN SOCIOLOGISTS: TOPICS OF DISCUSSION AND STRUCTURE OF SOCIAL INTERACTIONS

Aryuna V. KIM¹ — Research Assistant at the International Laboratory for Applied Network Research

E-MAIL: avkim@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3119-1087>

Daria V. MALTSEVA¹ — Head of the International Laboratory for Applied Network Research

E-MAIL: dmaltseva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1789-1711>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article regards the topics of discussions and the structure of social interactions in the online professional community of sociologists. Based on the texts of the publications, the authors of the study identify 18 discussion topics and determine the structural type of the online community (“core-periphery”) using the blockmodeling methodology. This allows distinguishing 3 groups of participants: the “core” participants who are interested in all topics, the “semi-periphery” participants who mostly send invitations to events, and the “periphery” participants interested in the expertise and knowledge of the colleagues. Within the core, there is also a group of participants discussing the topics of professional activity and identity. Core members interact with all members of the online community, including less active members of the group, and can act as an integrating

интегрирующей силы для всего профессионального онлайн-сообщества социологов.

force for the entire professional online community of sociologists.

Ключевые слова: профессиональное онлайн-сообщество, сообщество практики, сообщество социологов, тематики обсуждений, структура профессиональных сообществ, анализ социальных сетей, сетевой анализ, блокмоделлинг

Keywords: professional online community, community of practice, community of sociologists, topics of discussion, structure of professional communities, social network analysis, network analysis, blockmodeling

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Введение

Онлайн-сообщество как особая форма социального взаимодействия объединяет индивидов по интересам и потребностям, а также обладает характерными структурными паттернами [Rheingold, 1993; Рыков, 2016]. Профессиональные онлайн-сообщества, направленные на передачу знаний и опыта в онлайн-среде, могут изучаться через призму концепции «сообщества практики»¹, введенной Джен Лейв и Этьеном Венгером в контексте ситуативного обучения [Lave, Wenger, 1991] и распространенной позже до уровня управления знаниями в организациях [Wenger, 1998; Wenger, McDermott, Snyder, 2002]. Помимо общей области интересов, схожей профессии или хобби, важными чертами сообщества практики являются регулярное взаимодействие членов сообщества и обмен практиками (обсуждения общих тем, запросы информации, передача опыта, способы решения типичных проблем и т. п.), а также разделяемая всеми идентичность, что делает их похожими на профессиональные сообщества. В современных условиях существование сообществ практики чаще всего подразумевает также наличие общей онлайн-среды. Концептуально идея сообщества практики подразумевает наличие ядра (ключевых участников, тесно связанных друг с другом) и периферии (участников, взаимодействующих в одностороннем порядке с ядром и несвязанных друг с другом). Ряд исследований (например, [Schenkel, Teigland, Borgatti, 2001; Kronegger, Ferligoj, Doreian, 2011; Рыков, 2016]) подтверждает эту концептуальную модель и показывает наличие структурного типа взаимодействия «ядро — периферия» в профессиональных онлайн-сообществах.

Данное исследование посвящено изучению структуры социальных взаимодействий между участниками крупного профессионального онлайн-сообщества русскоязычных социологов в социальной сети Facebook*², объединяющего представителей социологической науки из академической и прикладной сфер. Исследование можно отнести к кейс-стади, поскольку в качестве объекта рассматривается только

¹ «Сообщество практики» — с англ. «community of practice»; в российской литературе переводится также как «деятельное сообщество» (см. [Задорин, Мальцева, Полукеев, 2012]).

² Здесь и далее * означает социальные сети, деятельность которых запрещена на территории РФ.

одно онлайн-сообщество. Онлайн-сообщество социологов изучается нами через призму сообщества практики, поскольку его участники имеют общую область интересов в сфере социологических исследований, обладают схожей исследовательской идентичностью, а также регулярно взаимодействуют между собой как в онлайн-пространстве, так и за его пределами, обмениваясь практиками из своей профессиональной деятельности. Данное онлайн-сообщество выступает не только местом для обмена информацией, опытом, полезными контактами, ссылками и т. п., но и площадкой для оживленных дискуссий на профессиональные темы — от методологических аспектов проведения исследований до стандарта деятельности социолога. Помимо структуры социальных взаимодействий между участниками нас интересуют тематики, вокруг которых выстраивается коммуникация в онлайн-сообществе. Эмпирическим предметом анализа является сеть комментирования между участниками онлайн-сообщества, построенная на основе комментариев к постам и ответов к комментариям. Методологической основой исследования выступает сетевой анализ и разработанная в его рамках методология блокмоделлинга, нацеленная на выявление подгрупп в сети и определение отношений между ними.

Наше исследование вносит вклад в дискуссию о структуре социологического онлайн-сообщества, ранее начатую на страницах этого журнала [Бархатова, 2020]. В исследовании Ларисы Бархатовой было показано, что структура крупного онлайн-сообщества российских социологов относится к типу «ядро — периферия» и в изучаемом сообществе не наблюдается фрагментации. Мы нацелены на изучение онлайн-сообщества российских социологов не только с позиции его структурных особенностей, но и через анализ его внутренней составляющей, а именно — тематик, обсуждаемых в сообществе в целом и в отдельных его группах в частности. Если предположить, что в структуре сообщества выделяются группы «ядра» и «периферии», то нам важно определить, отличаются ли они друг от друга с точки зрения обсуждаемых ими тематик. Помимо предоставления содержательных ответов на поставленные исследовательские вопросы, ценность данной работы заключается в описании методологии, позволяющей объединить количественный и качественный подходы к анализу данных социальных сетей. Обычно исследования структур сообществ проводятся на основе количественных данных, которые позволяют выделять глобальную социальную структуру, делать своего рода «снимок» сообщества [Kronegger, Ferligoj, Doreian, 2011; Рыков, 2016; Schenkel, Teigland, Borgatti, 2001; Бархатова, 2020]. Описанный нами методологический подход предлагает сочетание структурного и тематического анализа и позволяет изучать сообщества как с внешней, так и с внутренней стороны, предоставляя возможность погрузиться в обсуждаемые в сообществе тематики и лучше понять имеющееся в нем разделение на группы. Мы детально прописываем используемую нами методологию анализа данных для того, чтобы другие исследователи могли применять этот подход в своих исследованиях групп в социальных сетях.

В начале статьи приводится литературный обзор, где даны определение и основные характеристики профессионального онлайн-сообщества, а также описаны предыдущие исследования сообщества российских социологов. Далее представлен дизайн исследования: перечислены основные исследовательские вопросы, описаны данные, детали их сбора и построения на их основе сетей взаи-

модействия, а также методология их анализа — применение блокмоделинга для выявления глобальной социальной структуры и соответствующих ее элементам тематик обсуждений. В разделе с результатами исследования охарактеризована выявленная структура онлайн-сообщества, рассмотрены тематики обсуждений, соответствующие отдельным ее элементам (подгруппам в сети). В заключении подводятся итоги работы и приводится дискуссия о глобальной структуре профессионального онлайн-сообщества российских социологов в сети Facebook* и тематиках обсуждений в его отдельных подгруппах.

Литературный обзор

Профессиональное онлайн-сообщество: определение и структурные характеристики

Концепция виртуального, или онлайн-, сообщества была представлена Говардом Рейнгольдом [Rheingold, 1993], который описал одно из первых сообществ, существующих в сетевой форме — The WELL (Whole Earth Electronic Link). Это исследование показало, что члены онлайн-сообществ обладают теми же характеристиками, которые можно найти в офлайн-сообществах, — например, формирование общего языка и правил поведения, социальная поддержка и создание общей истории. Виртуальные сообщества — это «социальные объединения, которые возникают в сети, когда достаточное количество людей ведут публичные дискуссии достаточно долго, чтобы сформировать сети личных отношений в киберпространстве» [Rheingold, 1993]. К середине 1990-х годов, в связи с распространением персональных компьютеров и расширением интернета, реальная и виртуальная жизнь начали соединяться, из-за чего онлайн-сообщества, ранее рассматривавшиеся как часть отдельной сферы жизни, постепенно начали входить в повседневную практику людей. Исследователи онлайн-практик [Hara, Foon Hew, 2007; Hur, Brush, 2009] пришли к выводу, что общение в интернете стало еще одним инструментом в общей системе коммуникации, наряду с повседневными практиками социального взаимодействия.

Концептуализируя сообщество как социальную сеть, Барри Уэллман и его коллеги определяют «сообщество до интернета» как однородную группу с взаимодействием по соседству, называя ее сообществом «маленьких коробочек» [Новые медиа..., 2015], как «сети межличностных связей, обеспечивающие общение, поддержку, информацию, чувство принадлежности и социальную идентичность» [Wellman, Boase, Chen, 2002: 153]. Сравнивая онлайн-сообщество с соседством, имеющим четкие локальные географические характеристики, авторы обозначают новую форму коммуникации в онлайн-формате как «сетевой индивидуализм»: «В сетевых обществах границы менее плотные, взаимодействия происходят с различными другими, связи переключаются между несколькими сетями, а иерархии более плоские и рекурсивные» [ibid.: 160].

Общение в онлайн-формате характерно для различных типов сообществ. Профессиональные сообщества, которые можно определить как объединения людей схожей профессии, на современном этапе развития технологий также характеризуются переходом в онлайн-формат. Как было обозначено выше, профессиональное сообщество можно рассматривать в качестве сообщества

практики, то есть «группы людей, разделяющих общие интересы, набор проблем, углубляющих свои знания и опыт в общей области, взаимодействуя на постоянной основе» [Wenger, McDermott, Snyder, 2002: 4]. Модель сообщества практики предполагает наличие трех основных элементов: сообщества, практики и сферы интересов, — к которым в современных условиях добавляется особая — цифровая — среда «обитания» на онлайн-платформах.

Исследования показали, что, в то время как общение в профессиональных онлайн-сообществах способствует улучшению карьеры участника и общего развития сообщества [Rafaeli, Ravid, Soroka, 2004], многие члены группы предпочитают вести себя скрытно и игнорировать происходящее (на англ. обозначается как *lurking*), проявляя «пассивное внимание, а не активное участие» [ibid.: 1]. Практика скрытности является свойственна всему сообществу и не должна рассматриваться как дисфункция [Nonneske, Preece, 2003]. Ее причины связаны с вопросами обеспечения конфиденциальности, стеснения при публикации или выхода из онлайн-сообщества. На основе анализа 82 активных форумов из онлайн-курсов [Rafaeli, Ravid, Soroka, 2004] было показано, что доля «скрывающихся» членов групп составляет от 50 % до 90 %.

Различия в активности членов сообщества могут привести к различным структурным характеристикам. В сетевом анализе выделяют пять типов структур, отображающих определенные свойства сообществ: сплоченные подгруппы, ядро — периферия, централизованные, иерархические и транзитивные структуры [Faust, Wasserman, 1992]. Данные структуры являются теоретической конструкцией, поскольку реальные эмпирические сетевые данные могут состоять из данных с разными структурными моделями. Исследователи обнаружили, что профессиональные сообщества и сообщества практик относятся к схожему структурному типу «ядро — периферия» [Kronegger, Ferligoj, Doreian, 2011; Рыков, 2016; Schenkel, Teigland, Borgatti, 2001], который подразумевает наличие в сети двух основных групп: *ядра*, то есть участников, активно взаимодействующих друг с другом, и *периферии*, взаимодействующей только с ядром, но не друг с другом.

Таким образом, профессиональное онлайн-сообщество можно определить с помощью понятия «сообщества практик», главными характеристиками которого являются общая практика, сфера интересов и само сообщество, а также онлайн-среда, в которой возможно обмениваться опытом, углублять свои знания и взаимодействовать с коллегами. Исходя из структурного типа профессионального онлайн-сообщества, можно сделать вывод о типе взаимодействия между его участниками.

Сообщество российских социологов: обзор предыдущих исследований

Сообщество российских социологов в самом общем виде может быть разделено на две основные группы: «академиков», то есть сотрудников научных институтов и университетов, занимающихся преимущественно теоретически ориентированными академическими исследованиями и преподаванием социологической дисциплины, и «практиков», работающих в прикладной коммерческой сфере [Задорин, Мальцева, 2013; Бархатова, 2020]. Предыдущие исследования сообщества российских социологов были нацелены в большей степени на изуче-

ние либо одной, либо другой группы исследователей. В этих работах были рассмотрены некоторые аспекты взаимодействия и сотрудничества, осуществляемого в том числе и с помощью онлайн-платформ.

Основываясь на подробных биографических интервью, проведенных с более чем 200 социологами, в основном принадлежащими к академической социологии, Борис Докторов описал индивидуальные траектории их академической карьеры [Докторов, 2016]. Используя преобразованную биографическую информацию из интервью, другие ученые изучали сети сотрудничества социологов с помощью сетевого анализа [Батыгин, Градосельская, 2001; Корпачев, 2006; Мазина, 2013; Мальцева и др., 2017; Мальцева, Моисеев, 2018]. Анализ эгоцентрических сетей позволил выделить карьерные пути социологов и описать развитие социологического сообщества [Батыгин, Градосельская, 2001]. Анализ сетей аффилиации исследователей показал организации, исследовательские группы, исследовательские центры и города, которые повлияли на развитие социологического сообщества в 1960—1990-е годы. [Корпачев, 2006]. Рассматривались также группы социологов, образующих разные поколения [Мазина, 2013]. На основе данных интервью был предложен методологический подход к изучению развития сообщества социологов во времени, с учетом смыслов и контекстов, в которых складывались отношения между представителями социологической профессии в СССР и современной России [Мальцева и др., 2017; Мальцева, Моисеев, 2018]. Исследование локального академического сообщества социологов в Санкт-Петербурге, основанное на анализе цитирования и опросов [Соколов и др., 2010], выявило три основных сегмента социологов:

- 1) ориентированные на Запад, публикуются в международных академических журналах и общаются с коллегами за пределами России;
- 2) ориентированные на Восток, публикуются только в российских журналах и общаются с коллегами на национальном уровне;
- 3) «переходная зона» («zone-in-transition») — не имеют однонаправленной стратегии развития. Изучение информационной культуры и профессиональной коммуникации в сообществе «прикладных» социологов с помощью опроса среди исследовательских агентств [Задорин, Мальцева, 2013] показало, что онлайн-общение и социальные сети являются важными источниками коммуникации для практиков. Анализ дискуссий по социально значимой теме в крупном профессиональном онлайн-сообществе социологов, в которое входят как академики, так и практики³, выявил несколько ключевых лидеров, привлекающих других участников. Исследование структуры коммуникации в профессиональном онлайн-сообществе российских социологов [Бархатова, 2020] показало, что структурно оно состоит из небольшого активного ядра и значительной по размеру периферийной группы; при этом фрагментация по признаку сферы деятельности и региона проживания участников в сообществе отсутствует, что подчеркивает его интегрирующую функцию.

В настоящее время сообщество российских социологов можно рассматривать как различающееся по разным основаниям как между группами («академики»

³ Мальцева Д. В. «Крымский опрос: анализ дискуссии в группе «Мануфактура „СОЦПОХ“» // ЦИРКОН. 2016. 19 марта. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/e2c/Сопроh_Krymskij_opros.pdf (дата обращения: 10.06.2022).

и «практики»), так и внутри них (например, школы, поколения, ориентации на международный или национальный уровни и т. д.). Эти различия могут увеличиться из-за высокой степени централизации в России и формирования большого количества исследовательских коллективов в Москве и Санкт-Петербурге, а также отсутствия платформ для прямого общения социологов из разных групп (мероприятия, журналы, ориентированные в большей степени на ту или иную группу и т. д.). В этом смысле профессиональное онлайн-сообщество, или сообщество практики, может стать платформой для объединения разных людей и формирования единого профессионального сообщества.

Дизайн исследования

Исследовательские вопросы

Данное исследование нацелено на изучение тематик, вокруг которых выстраивается коммуникация между участниками профессионального онлайн-сообщества русскоязычных социологов, а также на выявление структуры социальных взаимодействий между группами в данном онлайн-сообществе. Были поставлены следующие исследовательские вопросы:

1. Какие тематики обсуждений могут быть выделены в профессиональном онлайн-сообществе социологов?

2. Какова структура профессионального онлайн-сообщества социологов?

2.1. Относится ли обозреваемая в сообществе структура к типу «ядро — периферия», как показано в предыдущих исследованиях [Kronegger, Ferligoj, Doreian, 2011; Рыков, 2016; Schenkel, Teigland, Borgatti, 2001; Бархатова, 2020]?

3. Какие группы участников могут быть выделены в профессиональном онлайн-сообществе на основе анализа его структуры и тематик обсуждений?

Данные

Эмпирический объект исследования — профессиональное онлайн-сообщество русскоязычных социологов в сети Facebook*, объединяющее представителей социологической науки из академической и прикладной сфер. Группа основана в 2011 г., в октябре 2021 г. число ее участников составляло 3409 человек. Сбор данных осуществлялся с помощью официального API Facebook* в январе 2018 г., когда онлайн-сообщество имело статус открытого.

Информационная база исследования составляет 34 306 записей, содержащих информацию о текстах постов и комментариев, опубликованных в группе за период с 2011 по начало 2018 г. Для каждого текста (поста или комментария) была собрана информация об авторах, датах публикации, общем количестве полученных лайков и других реакций, а также об участниках группы, поставивших эти лайки и реакции. Каждому участнику группы был присвоен свой уникальный номер ID. Общее количество участников, выступающих авторами постов или комментариев за все время анализа, составило 818 человек. Тем не менее в процессе тематического кодирования число записей и их авторов сократилось до 32 955 и 782 соответственно. В базе данных фиксировалась информация о связях между постами и относящимися к ним комментариями, а также комментариями и комментариями к ним (опция «комментирования комментариев» стала доступна

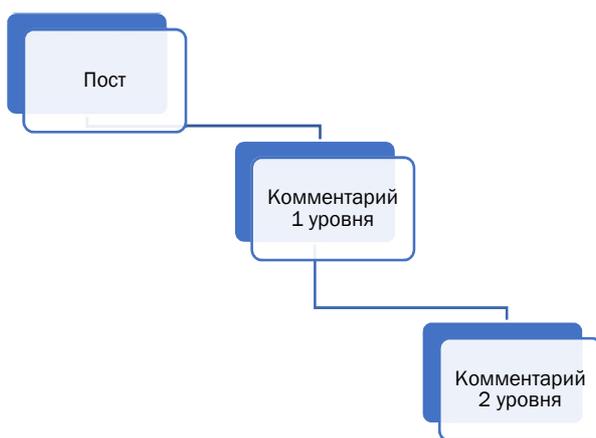
с 2015 г.). Такая организация базы данных позволила выделить взаимосвязанные двумодальные сети⁴ (состоящие из двух наборов узлов, связанных между наборами, но не внутри них), которые выступили основой для построения сети комментирования в изучаемом онлайн-сообществе.

Построение сетей

Оригинальные двумодальные сети, присутствующие в базе данных, *связаны друг с другом посредством общих столбцов* (например, по имени автора, ID автора или поста). Связанность сетей делает возможным их перемножение: две двумодальные сети, представленные в виде двумодальных матриц, могут быть перемножены, если второй набор узлов в первой сети соответствует первому набору узлов во второй сети. Если веса связей в двумодальных сетях равны 1, то произведение весов также будет равно 1, и поэтому элемент $[u, v]$ матрицы произведения подсчитывает количество путей, которыми мы можем переместиться из узла u в первой сети к узлу v во второй сети, используя промежуточные наборы узлов [Batagelj, Cerinšek, 2013; Batagelj et al., 2004]. Результатом перемножения является построение одномодальных сетей, доступных для последующего анализа.

В связи с тем, что в настоящее время функционал Facebook* позволяет писать комментарии как к постам, так и к комментариям, структуру связей между постами и комментариями можно представить следующим образом (см. рис. 1). Мы обозначаем всю совокупность постов и комментариев как *публикации*, которые последовательно связаны друг с другом: *пост — комментарий первого уровня и комментарий первого уровня — комментарий второго уровня*. Таким образом, все посты и часть комментариев первого уровня относятся к *первичным (комментируемым) публикациям*, все комментарии второго уровня и часть комментариев первого уровня — ко *вторичным (комментирующим) публикациям*.

Рис. 1. Структура связей между публикациями в сообществе

⁴ Сеть, состоящая из двух атрибутов, называется двумодальной, или двухуровневой; в ней на одном уровне расположены акторы, а на другом — артефакты, и уровни связаны между собой.

Для создания сетей из текстовых данных была использована программа Text2Pajek⁵ [Pfeffer, Mrvar, Batagelj, 2013], которая преобразует файлы табличного формата.txt в одномодальные и двумодальные сети формата.net, доступного для использования в программе для анализа и визуализации крупных сетей Pajek [de Nooy, Mrvar, Batagelj, 2005].

Информация о связях между первичными и вторичными публикациями представлена в одномодальной сети связей между постами и комментариями, которую можно обозначить как P . Информация о связях между публикациями (постами или комментариями) и их авторами приводится в двумодальной сети AP . Следовательно, в нашем случае общим набором узлов в двух сетях выступает набор публикаций, посредством которого может осуществляться перемножение сетевых матриц. Перемножая сети AP и P^6 , мы получаем сеть AP_com , где связи между авторами и текстами фиксируют отношения комментирования (автор a комментирует публикацию p), а не авторства, как было в сети AP (автор a сделал публикацию p) (Формула 1—1). Затем сеть AP_com перемножается на транспонированный вариант самой себя, в результате чего строится одномодальная сеть комментирования между авторами AA_com (Формула 1—2).

Формула 1. Формула построения сети комментирования между авторами AA_com

$$AP_com = AP \times PP_{(1-1)}$$

$$AA_com = AP_com \times (AP_com)^t = AP_com \times PA_com_{(1-2)}$$

Полученная одномодальная сеть AA_com состоит из 782 узлов, где узлы являются авторами, а связи фиксируют наличие отношений между участниками группы на основе комментирования постов и комментариев друг друга. Сеть является направленной от автора комментария к автору публикации. Вес связи в данной сети подсчитывает количество раз, когда автор a_1 комментировал автора a_2 .

Другая анализируемая в данном исследовании сеть — двумодальная сеть авторов и связанных с ними тематик обсуждений AT , полученная в результате кодировки текстов публикаций; в связи с особенностями ее построения более подробное описание данной сети приведено в соответствующем разделе ниже.

Методология анализа

Основным методологическим подходом в данном исследовании является анализ социальных сетей (social network analysis, SNA), позволяющий определять взаимосвязи между единицами анализа, выявлять глубинные социальные структуры и находить закономерности взаимодействия в социальных группах [Wasserman, Faust, 1994]. Для выявления структуры профессионального онлайн-сообщества социологов на основе сети комментирования был использован метод блокмоделинга [Щеглова и др., 2021]. Метод блокмоделинга выделяет группы узлов на основании их сходства по структурным характеристикам, определяет

⁵ How to Convert Text File Datasets into Pajek Format // Networks / Pajek. Package for Large Network Analysis. 2004. October 21. URL: <http://vlado.fmf.uni-lj.si/pub/networks/pajek/howto/text2pajek.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

⁶ Для перемножения сеть делается двумодальной, ТТ.

отношения между ними и выявляет глобальную структуру сети [Batagelj et al., 2004]. Полученные кластеры объединяют акторов, взаимодействующих с другими участниками сети сходным образом, что позволяет выявлять социальные позиции акторов в сети.

Поскольку сеть комментирования между авторами AA_com довольно крупная, для ее анализа был использован не прямой (indirect) подход к блокмоделингу, который требует меньших вычислительных мощностей и используется для больших сетей. Согласно не прямому подходу блокмоделинга, сетевые данные сначала конвертируются в меры близости и после этого кластеризуются. Непрямой подход основан на принципе структурной эквивалентности⁷, согласно которому «единицы структурно эквивалентны, если они соединены с остальной частью сети идентичными способами» [Batagelj et al., 2004: 457]; этот тип эквивалентности позволяет находить паттерны взаимодействия в сети. В качестве меры близости в данном случае было использовано скорректированное евклидово расстояние.

Тематики, обсуждаемые в сообществе, выделялись в рамках качественного и количественного подходов к анализу данных. В ходе первого, качественно-количественного, этапа анализа данных методом контент-анализа тексты всех постов были прочитаны кодировщиком, и каждому посту была присвоена тематика. Тематическое кодирование отражает основные смыслы того или иного текстового фрагмента, а именно поста в Facebook*. Поскольку в некоторых постах тексты отсутствовали, всего было закодировано 2 206 первичных постов. Мы предположили, что комментарии первого и второго уровней имеют ту же тематику, что и первичные посты, к которым они относятся, поэтому распространяли присвоенные тематики на данные типы публикаций. Пример кодировки приведен в таблице 1. Из 34 306 публикаций (постов и комментариев), опубликованных в группе за период с 2011 по начало 2018 г., тематика была назначена 32 955 записям (для 1 351 записи тексты постов и комментариев отсутствовали). Этому количеству публикаций соответствовало 782 автора постов или комментариев.

На втором, количественном, этапе анализа данных была построена двумодальная сеть авторов и относящихся к ним тематик AT, которая затем использовалась для выделения групп на основе тематик обсуждения при помощи указанного выше непрямого подхода к блокмоделингу. Помимо этого, в анализе тематических блоков для более глубокого изучения групп применялся также прямой (direct) подход к блокмоделингу, основанный на идее, что реальные сетевые данные могут соответствовать ограниченному числу «идеальных» блоков (см. подробнее [Batagelj et al., 2004]). В этом подходе также был использован принцип структурной эквивалентности.

Сетевой анализ данных — расчет основных метрик и применение метода блокмоделинга — выполнялся в программе для анализа и визуализации крупных сетей Pajek. Кодировка данных осуществлялась в программе Microsoft Excel.

⁷ Другой принцип эквивалентности, существующий в блокмоделинге, — регулярная эквивалентность: «две единицы регулярно эквивалентны, если эквивалентным образом соединены с эквивалентными другими» [Batagelj et al., 2004: 457]. Этот тип эквивалентности позволяет находить различные типы ролей акторов в сети.

Таблица 1. **Общий вид данных, пример кодировки**

Дата	Тип поста	ID поста	Первичный пост ID	Текст	Тема	Имя автора	ID автора	Реакция
2011—10—03	1	123		Дорогие коллеги...	Научные публикации	Ivan Nizgoraev	987	54
2011—10—03	2	1234	123	Предлагаю ознакомиться с материалами...	Научные публикации	Igor Zadorin	654	32
2011—10—03	3	12345	1234	Igor, большое спасибо...	Научные публикации	Victor Korb	567	24

Результаты

Тематики обсуждений в профессиональном онлайн-сообществе

В результате контент-анализа было выделено 18 тематик, к которым были отнесены все анализируемые публикации. Название, краткое описание и количественная информация о тематиках приведены в таблице 2.

Таблица 2. **Тематики обсуждений**

Тематики обсуждений	Описание	Н публикаций	Н авторов	Н постов на автора
Аналитика	Рассуждения на тему различных социальных явлений	11595	539	22
Научные публикации	Обсуждения опубликованных социологических работ	4514	381	12
Мероприятия	Описания и приглашения на мероприятия	2939	326	9
СМИ	Обсуждения новостей из медиа	2365	305	8
Общественное мнение	Обсуждения результатов исследований от организаций, изучающих общественное мнение	1721	257	7
Коллеги	Обсуждения деятельности конкретных коллег в социологической области	1651	254	7
Поиск материалов	Обращения, связанные с поиском материалов, учебников, данных по определенной теме	1581	225	7
Идея исследования	Описание исследовательской проблемы, основной замысел исследования, дизайн и проч.	1469	213	7
Вакансии	Поиск работы и предложения вакансий	1446	211	7
Видеолекция	Обсуждения содержания видеолекций	1340	207	6
Формат сообщества	Информация о правилах общения в сообществе, формате взаимодействия	982	188	5

Тематики обсуждений	Описание	Н публикаций	Н авторов	Н постов на автора
Методология	Вопросы и замечания касательно методологических аспектов социологических исследований	947	172	6
Поиск технологий	Поиск технологических решений, специализированных программ	116	57	2
Технологии	Описание технологических возможностей в специализированных программах	96	43	2
Праздники	Поздравления с различными праздниками	68	36	2
Активизм	Призывы к активизму	65	33	2
Информация о публикации	Информация для социологов из академической сферы — где можно опубликовать работу	47	26	2
Студенты	Сообщения для студентов-социологов	23	15	2

Наибольшее число публикаций — более 11,5 тыс. — было отнесено к блоку «Аналитика». Здесь участники онлайн-группы приводили свои рассуждения о различных социальных явлениях и обсуждали их вместе с членами сообщества. Всего на эту тему писали 539 авторов, на каждого из которых в среднем приходится 22 публикации. Вторая по популярности тематика посвящена научным публикациям и включает в себя обсуждения опубликованных социологических работ. К этой группе относится более 4,5 тыс. публикаций, созданных 381 автором, каждый из которых в среднем написал 12 публикаций. На третьем и четвертом местах оказались тематики «Мероприятия» (публикации с описанием мероприятий и приглашением к участию в них) и «СМИ» (обсуждение новостей из медиа) с более чем 2,9 тыс. и 2,3 тыс. публикаций соответственно. Мероприятия обсуждают 326 авторов, новости — 305; среднее количество публикаций на автора составляет соответственно 9 и 8.

За этими темами следуют тематики средней популярности, к которым относится от 1,3 тыс. до 1,7 тыс. публикаций. Тематика «Общественное мнение» включает в себя обсуждения результатов исследований от организаций, изучающих общественное мнение (ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-Центр»⁸, ЦИРКОН и др.), а тема «Коллеги» подразумевает публичное обсуждение деятельности конкретных коллег в социологической области. Публикации в категории «Поиск материалов» подразумевают обращения, связанные с поиском материалов, учебников, данных по определенной теме, а блок «Идея исследования» посвящен предложениям изучить определенную проблему, предлагая основной замысел исследования, дизайн и проч. «Вакансии» посвящены поиску или предложениям работы, а «Видеолекции» — обсуждению содержания видеолекций на социологические темы. Количество авторов, делающих публикации на вышеперечисленные темы,

⁸ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранный агента».

составляет от 207 до 257, и на каждого из них в среднем приходится по 6—7 публикаций.

Еще две тематики менее распространены, но включают достаточно большое — около 1 тыс. — количество публикаций. Тематика «Формат сообщества» включает 982 публикации, связанные с правилами общения в сообществе и форматом взаимодействия между его участниками. К тематике «Методология» относится 947 публикаций с вопросами и замечаниями о методологических аспектах социологических исследований. Число авторов в двух тематиках составляет 188 и 172, а число публикаций в среднем — 5 и 6 соответственно.

Несколько менее популярными из выделенных стали тематики, к которым относится 116 и менее публикаций. Тематика «Поиск технологий» связана с обращением в сообщество за профессиональной экспертизой по вопросам поиска технологических решений для нужд исследований. К этой тематике было отнесено 116 публикаций, написанных 57 участниками сообщества. Схожая с предыдущей тематика «Технологии», в рамках которой описываются возможности специализированных программ, имеет 96 публикаций, написанных 43 участниками сообщества. В обоих случаях среднее количество публикаций на автора — около 2. Меньше всего публикаций относится к тематикам, связанным с поздравлениями по случаю праздников (68), призывами к участию в активистской деятельности (65), с информацией о публикациях и описанием возможностей публикаций в журналах и других изданиях (47), а также любым сообщениям для студентов-социологов (23). В написании публикаций на данные темы участвует небольшое количество авторов: 36, 33, 26 и 15 соответственно. Во всех перечисленных тематиках участники в среднем создали по 2 публикации.

Структура профессионального онлайн-сообщества

Результаты анализа сети комментирования методом блокмоделинга показаны в виде матрицы на рисунке 2. Матрица является таблицей, состоящей из строк и столбцов, пересечение которых (ячейка) фиксирует наличие или отсутствие связи. В представленной матрице все узлы, обозначающие членов сообщества, располагаются в одном и том же порядке по строкам и столбцам; в ячейках по диагонали отображаются пересечения узла с самим собой. Все ненулевые ячейки по строкам показывают узлы, от которых направлена связь комментирования, а по столбцам — узлы, к которым она направлена. Таким образом, отдельно взятый узел, расположенный в столбце по вертикали, комментирует отдельно взятый узел, расположенный в строке по горизонтали. Уже простая перестановка и перегруппировка местоположения узлов в матрицах может показать существующую в сети структуру. Наш анализ показывает, что в рассматриваемой сети комментирования, состоящей из 782 участников, можно выделить три основные структурные группы, которые можно обозначить как *ядро* (левый верхний квадрат на рисунке 2), *периферию* (правый нижний квадрат) и находящуюся между ними *полупериферию* (квадрат по центру). Эти группы можно охарактеризовать следующим образом.

— *Ядро* — группа участников сообщества, которые активно комментируют публикации друг друга, а также получают комментарии от членов групп полупериферии и (в меньшей степени) периферии. Что интересно, члены ядра также довольно

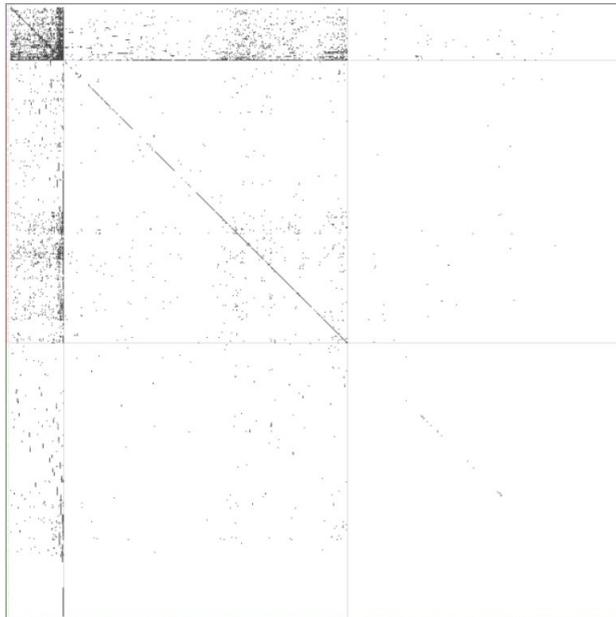
активно комментируют публикации членов сообщества, попавших в группы полупериферии и (в единичных случаях) — периферии. В ядро сообщества попало **73 участника** сообщества, или **9%** от всех членов группы.

— *Полупериферия* — группа участников, которые активно комментируют публикации членов ядра, а также друг друга (но в значительно меньшей степени). Члены полупериферии также получают комментарии от членов ядра. К этой группе можно отнести **224 участника** сообщества, или **29%** от всех членов группы.

— *Периферия* — группа участников, которые комментируют публикации ядра, практически не комментируют публикации членов полупериферии и совсем не комментируют публикации друг друга. К этой группе можно отнести **485 участников** сообщества, или **62%** от всех членов группы.

Таким образом, полученные результаты показывают, что рассматриваемое нами сообщество характеризуется структурой типа «ядро — периферия», что было выявлено в предыдущих исследованиях профессиональных (онлайн-)сообществ [Kronegger, Ferligoj, Doreian, 2011; Рыков, 2016; Schenkel, Teigland, Borgatti, 2001]. В работе с похожим эмпирическим объектом изучения — онлайн-сообществом российских социологов — было показано, что «фактически сообщество состоит из *небольшого ядра* более-менее активных пользователей, которые создают его контент (19%), и *большого числа периферийных участников* (наблюдателей), не имеющих связей (81%)» [Бархатова, 2020: 213]. Нами выявлена более детальная структура онлайн-сообщества, которая показывает наличие промежуточного, полупериферийного, типа участия членов группы, располагающихся между активно взаимодействующим ядром и слабо взаимодействующей с остальными участниками периферией.

Рис. 2. Структура онлайн-сообщества социологов

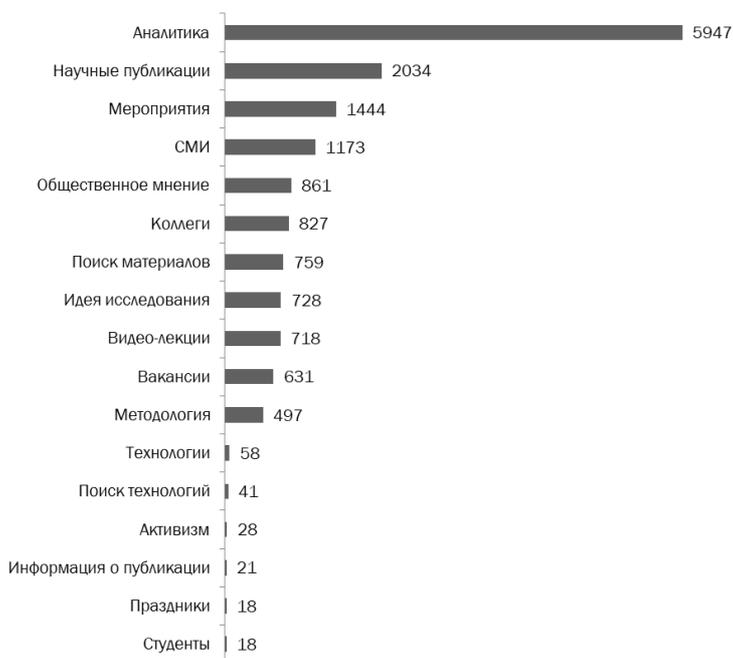

Тематики обсуждений в выделенных группах в онлайн-сообществе социологов

Определив основные тематики обсуждений и выделив основные группы в структуре рассматриваемого онлайн-сообщества, мы перешли к выявлению тематик, характеризующих каждую из выделенных групп. Для этого мы применили метод блокмоделинга к двумодальной сети авторов и тематик АТ. Для отображения двумодальной сети в блокмоделинге используется *матрица аффилиаций* (affiliation matrix), где по строкам указаны узлы одного набора узлов, а по столбцам — другого; такая матрица может быть несимметричной по количеству столбцов и строк. В нашем случае в такой матрице по строкам были указаны 782 автора, а по столбцам — 18 тематик. В результате блокмоделинга, основанного на непрямом подходе, были определены тематики, соответствующие трем выделенным в структуре сообщества группам — ядру, полупериферии и периферии.

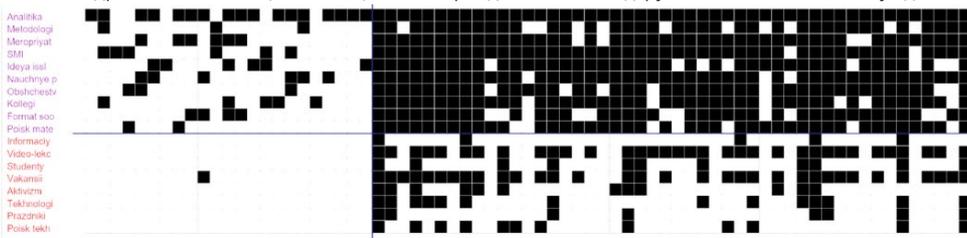
Ядро сообщества, состоящее из 73 участников, обсуждает и поддерживает все 18 тематик (см. рис. 3). Наиболее значимой и распространенной тематикой в данной группе является аналитика (5947 публикаций). Чуть менее распространены научные публикации (2034), мероприятия (1444) и СМИ (1173). Далее идут менее популярные темы, по каждой из которых менее 1 тыс. публикаций: обсуждения результатов исследований (861) и деятельности коллег (827), поиск материалов (759), идеи исследований (728), видеолекции (718), вакансии (631) и методология (497). Самые редкие тематики обсуждений в данном кластере — это технологии и запрос на их поиск, активизм, информация о публикациях, информация для студентов и поздравления на праздники; они встречаются от 58 до 18 раз.

Рис. 3. Распределение тематик, обсуждаемых «ядром» сообщества социологов

Чтобы определить, различаются ли члены ядра онлайн-сообщества социологов по обсуждаемым ими тематикам, был проведен анализ рассматриваемой группы с помощью прямого (direct) подхода к блокмоделингу. При реализации прямого подхода строится идеальная блокмодель, состоящая из полных блоков, в которых все узлы связаны между собой, и нулевых блоков, в которых нет связей между узлами. Далее идеальная блокмодель сравнивается с эмпирической блокмоделью с таким же количеством блоков [Batagelj et al., 2004]. Полученная в результате прямого блокмоделинга матрица аффилиаций, где по строкам приведены тематики (18), а по столбцам — авторы (73), представлена на рисунке 4. Ядро онлайн-сообщества можно разделить на две подгруппы. К первой подгруппе относятся участники, активно обсуждающие тематики, связанные с профессиональной деятельностью и идентичностью ядра сообщества: аналитика, методология, мероприятия, СМИ, идеи исследований, научные публикации, общественное мнение, коллеги, формат сообщества и поиск материалов (правый верхний квадрат на рис. 4). Многие члены этой подгруппы обсуждают также и другие выделенные тематики (правый нижний квадрат на рис. 4): информация, видеолекции, студенты, вакансии, активизм, технологии, праздники, поиск технологий. Членов этой подгруппы ядра можно определить как участников, обсуждающих все существующие в группе тематики. Во вторую подгруппу входят менее активные участники ядра, часть которых участвует в обсуждении тематик, связанных с профессиональной деятельностью и идентичностью (левый верхний квадрат на рис. 4). Члены этой подгруппы не участвуют в обсуждении других, «дополнительных», тематик, связанных с запросом на экспертизу и распространением информации профессионального характера (левый нижний квадрат на рис. 4). Членов этой подгруппы ядра можно определить как участников, обсуждающих тематики профессиональной деятельности и идентичности.

Рис. 4. Ядро онлайн-сообщества социологов: разделение на подгруппы по тематикам обсуждения

Распределение тематик для группы полупериферии, к которой относятся 224 участника сообщества, приведено на рисунке 5. Наиболее часто встречающейся тематикой публикаций участников этой группы являются описания мероприятий и приглашения на них — сюда относится 1 254 публикации. Участники этой группы также поздравляют с праздниками и пишут информацию для студентов (21 и 9 публикаций соответственно). Эту группу можно обозначить как участников, приглашающих на мероприятия.

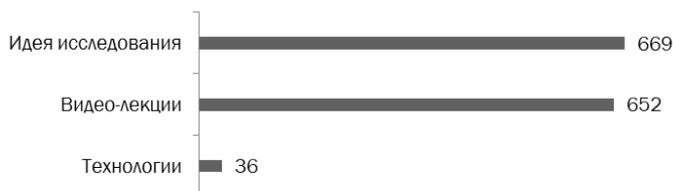
Тематики для группы периферии, состоящей из 485 участников, приведены на рисунке 6. Из всех публикаций, сделанных участниками этой группы, примерно

по половине постов и комментариев — 669 и 652 — приходится на тематики идей исследований и обсуждения видеолекций соответственно. Еще 36 публикаций участников этой группы посвящены вопросам технологий. Данную группу можно обозначить как *участников, обращающихся за экспертизой и знаниями*.

Рис. 5. Распределение тематик полупериферии: участников, приглашающих на мероприятия

Рис. 6. Распределение тематик периферии: участников, обращающихся за экспертизой и знаниями

Заключение

В статье выявляются тематики обсуждения и структуры социальных взаимодействий в онлайн-сообществе социологов. Исследование выполнено в стратегии кейс-стади, где эмпирическим объектом для изучения выступает русскоязычное онлайн-сообщество социологов в сети Facebook*, объединяющее представителей социологической науки из академической и прикладной сфер. Информационная база исследования составляет 34 306 записей за период с 2011 по начало 2018 г., содержащих информацию о публикациях в онлайн-сообществе. На основе данных о комментировании участниками группы постов и комментариев друг друга была построена сеть комментирования, состоящая из 782 узлов — участников онлайн-сообщества, выступающих в роли авторов постов и комментариев. Структуры профессионального онлайн-сообщества социологов определялись с помощью методологии блокмоделинга, разработанной в сетевом анализе для кластеризации сетевых данных. Тематики обсуждения выявлялись в рамках качественного и количественного подходов к анализу данных: на первом этапе посты были закодированы в ходе контент-анализа, на втором — была построена сеть авторов и относящихся к ним тематик, которая затем использовалась для выделения тематических блоков с помощью метода блокмоделинга.

В данном исследовании предлагается сетевой подход к изучению онлайн-сообществ. Сочетая тематический и структурный анализ, мы описываем внешние паттерны взаимодействий в онлайн-сообществе на основе комментирования,

а также погружаемся вглубь этих паттернов, связывая структурные особенности сообщества и тематики обсуждений. Обсуждаемые тематики и выделенные структурные паттерны позволяют обозначить интересующие повестки в сообществе, охарактеризовать роли участников сообщества, а также описать сформировавшиеся группы участников через обсуждаемые ими тематики. Предлагаемый методологический подход позволяет изучать сообщества как снаружи, так и изнутри, сочетая таким образом различную исследовательскую оптику. Кроме того, данный подход может быть применен исследователями онлайн-сообществ к различным данным, помогая выявить не только внешние структурные паттерны, но и внутренние обсуждаемые тематики.

Наибольшее число публикаций в изученной нами группе было отнесено к тематике «Аналитика», которая включает рассуждения о различных социальных явлениях и обсуждение их вместе с другими участниками онлайн-сообщества. Эта ведущая тематика среди всех прочих, так как в ее рамках участники сообщества вне зависимости от сфер деятельности могут раскрывать свои аналитические способности, делиться знаниями и мнениями. Второй по популярности выступает тематический блок «Научные публикации», который подразумевает обсуждение опубликованных социологических работ. Можно предположить, что данной тематикой больше интересуются социологи из академической среды, однако этот тезис требует отдельной проверки. Другими популярными тематиками являются «Мероприятия» (публикации с описанием мероприятий и приглашением к участию в них) и «СМИ» (обсуждение новостей из медиа). Достаточно распространены в изучаемом онлайн-сообществе такие темы, как «Общественное мнение» и «Коллеги», посвященные обсуждению результатов исследований полстеров и деятельности коллег в исследовательской области, а также «Поиск материалов», «Идея исследования», «Вакансии» и «Видеолекции». Менее распространенными оказались тематики, посвященные вопросам методологии, технологий и их поиска, однако само наличие этих тем показывает, что сообщество способно выступать для его участников информационным ресурсом. Обращает на себя внимание также наличие темы «Формат сообщества» — своеобразной попытки групповой саморефлексии и выстраивания правил взаимодействия. Реже всего в сообществе встречаются поздравления, призывы к активистской деятельности, информационные сообщения о публикациях и информация для студентов. Очевидно, сообщения такого типа не являются основным контентом для аудитории сообщества, хотя их наличие и показывает широту ситуаций, актуальных для участников.

Согласно предыдущим исследованиям, в сообществе российских социологов можно выделять отдельные группы по принципу принадлежности к академической или прикладной сфере [Задорин, 2007; Бархатова, 2020], используемым публикационным стратегиям в академической среде [Соколов и др., 2010], поколенческим различиям [Мазина, 2013] и т. д. В нашем исследовании разделение участников на группы основано на характеристиках их коммуникаций друг с другом и обсуждаемых ими тематик, но не на основе сфер деятельности, публикационной повестки, научных школ, городов и аффилиаций, поскольку изучение таких атрибутов акторов находилось за пределами проделанного анализа. Ставя вопрос о структуре профессионального онлайн-сообщества социологов,

мы также предполагали наличие в нем обособленных групп участников, которые можно описать в терминах «ядро — периферия». Этот структурный тип предполагает наличие плотно связанной группы *ядра* и группы *периферии*, участники которой не связаны между собой, но взаимодействуют с членами ядра. Данный структурный тип сообщества был выявлен и в недавнем исследовании крупного онлайн-сообщества социологов [Бархатова, 2020]. В рамках нашего анализа при помощи блокмоделинга были выделены три основные структурные группы, которые можно обозначить как ядро, периферию и находящуюся между ними полупериферию. *Ядро* онлайн-сообщества составляют участники, активно комментирующие публикации друг друга, а также получающие комментарии от членов групп полупериферии и периферии. Группа *полупериферии* состоит из участников, активно комментирующих публикации членов ядра и, в меньшей степени, публикации друг друга. Члены полупериферии также получают комментарии от членов ядра. Группу *периферии* составляют участники, комментирующие публикации ядра, практически не комментирующие публикации членов полупериферии и совсем не комментирующие публикации друг друга.

Сочетание анализа структуры сообщества и тематик обсуждений позволило выделить тематики обсуждений, характерные для каждой выделенной группы. Проведенный анализ показал, что ядро сообщества охватывает все тематики обсуждений. Более глубокий анализ позволил выделить в этой группе подгруппу участников, обсуждающих все существующие в группе тематики, а также подгруппу участников, обсуждающих тематики профессиональной деятельности и идентичности. Группу полупериферии по обсуждаемым ее членами темам можно охарактеризовать как группу участников, приглашающих других участников на мероприятия. Наконец, группу периферии можно охарактеризовать как участников, обращающихся за экспертизой и знаниями. Рассматриваемое профессиональное онлайн-сообщество можно отнести к сообществу практики, для которого также характерно наличие структуры типа «ядро — периферия». В случае данного онлайн-сообщества социологов члены ядра активно взаимодействуют не только внутри своей группы, но и с другими членами сообщества в группе полупериферии и периферии. В отличие от других ядер, чья коммуникация сконцентрирована внутри группы [Kronegger, Ferligoj, Doreian, 2011; Рыков, 2016], такое ядро может выступать объединяющим разные группы в сообществе, так как его члены реагируют и обращаются к членам периферии и полупериферии, а также участвуют в обсуждении всех тематик. Выделенные группы периферии и полупериферии обладают стандартными для этого структурного типа характеристиками взаимодействия, так как их взаимодействия друг с другом немногочисленны и их основное внимание направлено к ядру. Тематические запросы этих групп сходятся с основными потребностями участников сообщества практики, такими как информирование и запрос экспертизы в контексте ситуативного обучения и организации знаний [Lave, Wenger, 1991; Wenger, 1998; Wenger, McDermott, Snyder, 2002].

Безусловно, одно из ограничений нашего исследования состоит в том, что предметом его эмпирического изучения является всего одно, хотя и весьма популярное и крупное, онлайн-сообщество социологов. В настоящий момент мы не можем ответить на вопрос, устроены ли так все сообщества социологов и дру-

гих профессиональных групп в Facebook* и других социальных сетях. Предыдущие исследования показывают, что структура типа «ядро — периферия» характерна для профессиональных онлайн- и офлайн-сообществ, однако можно предположить, что выделяемые по внутренним тематикам подгруппы участников будут весьма разнообразны. В этом смысле определенный интерес для будущих исследований может представлять сравнительный анализ нескольких профессиональных сообществ (как социологических, так и другой профессиональной направленности) с применением представленной в статье методологии. Другое ограничение исследования связано с тем, что социальные взаимодействия в группе рассматривались на основе сети комментирования, хотя могли быть проанализированы и другие сети, построенные на основе лайков и прочих реакций. Также в исследовании проводилось экспертное выделение тематик, хотя тексты публикаций можно закодировать автоматическим способом — например, методом тематического моделирования.

Тем не менее полученные результаты вносят вклад в область знаний о сообществе российских социологов. В данном исследовании раскрываются важные аспекты коммуникации в онлайн-сообществе. Выделенные тематики обсуждений показывают «кухню» профессионального сообщества социологов. Проведенный анализ структуры взаимодействий демонстрирует, что ядро сообщества готово взаимодействовать со всеми участниками группы, в том числе с менее активными и видимыми, и таким образом может выступать в качестве интегрирующей, объединяющей силы для всего профессионального онлайн-сообщества социологов.

Список литературы (References)

Бархатова Л. А. Структурные особенности коммуникации российских социологов: кейс онлайн-сообщества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 204—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1656>.

Barkhatova L. A. (2020) Structural Features of Russian Sociologists' Communication: An Online Community Case Study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 204—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1656>. (In Russ.)

Батыгин Г. С., Градосельская Г. В. Сетевые связи в профессиональном сообществе социологов: методика контент-аналитического исследования биографий // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 88—109.

Batygin G. S., Gradoselskaya G. V. (2001) Network Interrelations in the Professional Community of Sociologists: Method of Content Analytical Study of Biographies. *Sociological Journal*. No. 1. P. 88—109. (In Russ.)

Докторов Б. З. Современная российская социология: историко-биографические поиски: в 9 тт. / ред.-консультант А. Н. Алексеев; ред. электронного издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПИМ, 2016.

Doktorov B. Z. (2016) Contemporary Russian Sociology: Historical and Biographical Searches. In 9 vols. Moscow: TsSPiM Publ. (In Russ.)

Задорин И. В., Мальцева Д. В. Исследование информационной культуры и профессиональной коммуникации в социологическом сообществе // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 41—52.

Zadorin I. V., Maltseva D. V. (2013) The Study of Information Culture and Professional Communication in the Sociological Community. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 3. P. 41—52. (In Russ.)

Задорин И. В., Мальцева Д. В., Полукеев О. А. Деятельные сообщества в социальной среде для совместной профессиональной деятельности: предпосылки возникновения и практический опыт создания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6. С. 28—41.

Zadorin I. V., Maltseva D. V., Polukeev O. A. (2012) Communities of Practice in a Social Environment for Joint Professional Activity: Prerequisites for the Emergence and Practical Experience of Creation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 28—41. (In Russ.)

Корпачев А. Ю. Репрезентация сетевых взаимодействий в профессиональном сообществе российских социологов. Выпускная квалификационная работа бакалавра. М.: Государственный университет — Высшая школа экономики, 2006.

Korpachev A. Yu. (2006) Representation of Network Interactions in the Professional Community of Russian Sociologists. A Bachelor Thesis. Moscow: State University — Higher School of Economics. (In Russ.)

Мазина Н. А. Структурно-семантические особенности представления научных школ и построение сетей (на примере российского социологического сообщества). Выпускная квалификационная работа бакалавра. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013.

Mazina N. A. (2013) Structural and Semantic Features of the Representation of Academic Schools and Building Networks (On the Example of the Russian Sociological Community). A Bachelor Thesis. Moscow: National Research University Higher School of Economics. (In Russ.)

Мальцева Д. В., Моисеев С. П. Сетевой анализ биографических интервью: кейс Т. Ю. Заславской // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2018. № 2. С. 15—24.

Maltseva D. V., Moiseev S. P. (2018) Network Analysis of Biographical Interviews: The Case of Tatiana Zaslavskaya. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 2. P. 15—24. (In Russ.)

Мальцева Д. В., Моисеев С. П., Широканова А. А., Брик Т. Сетевой анализ биографических интервью: возможности и ограничения // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2017. № 1. С. 29—36.

Maltseva D. V., Moiseev S. P., Shirokanova A. A., Brik T. (2017) Network Analysis of Biographical Interviews: Opportunities and Limitations. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 1. P. 29—36. (In Russ.)

Новые медиа: социальная теория и методология исследований. Словарь-справочник / отв. ред. О. В. Сергеева, О. В. Терещенко. СПб.: Алетейя, 2015.

New Media: Social Theory and Research Methodology. Dictionary-Reference. (2015) Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

Рыков Ю. Г. Структура социальных связей в виртуальных сообществах: сравнительный анализ онлайн-групп социальной сети «ВКонтакте»: автореф. дисс. ... канд. социол. н. М.: Институт социологии РАН, 2016.

Rykov Yu. G. (2016) The Social Network Structure of Virtual Communities: A Comparative Analysis of Online Groups of the “VKontakte” Social Network. An Extended Abstract of the PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Соколов М. М., Бочаров Т. Ю., Губа К. С., Сафонова М. А. Проект «институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года» // ЖССА. 2010. Т. 8. № 3. С. 66—82.

Sokolov M. M., Bocharov T. Y., Guba K. S., Safonova M. A. (2010) Institutional Dynamics, Economic Adaptation and Points of Intellectual Growth in the Local Academic Community: St. Petersburg Sociology after 1985. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 8. No. 3. P. 66—82. (In Russ.)

Batagelj V., Cerinšek M. (2013) On Bibliographic Networks. *Scientometrics*. Vol. 96. No. 3. P. 845—864. <https://doi.org/10.1007/s11192-012-0940-1>.

Batagelj V., Mrvar A., Ferligoj A., Doreian P. (2004) Generalized Blockmodeling with Pajek. *Metodološki zvezki*. Vol. 1. No. 2. P. 455—467. <https://doi.org/10.51936/ofaw1880>.

de Nooy W., Mrvar A., Batagelj V. (2004) Exploratory Social Network Analysis with Pajek. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511806452>.

Faust K., Wasserman S. (1992) Blockmodels: Interpretation and Evaluation. *Social Networks*. Vol. 14. No. 3—4. P. 5—61. [https://doi.org/10.1016/0378-8733\(92\)90013-W](https://doi.org/10.1016/0378-8733(92)90013-W).

Hara N., Foon Hew K. (2007) Knowledge-Sharing in an Online Community of Health-Care Professionals. *Information Technology & People*. Vol. 20. No. 3. P. 235—261. <https://doi.org/10.1108/09593840710822859>.

Hur J. W., Brush T. A. (2009) Teacher Participation in Online Communities: Why Do Teachers Want to Participate in Self-Generated Online Communities of K-12 Teachers? *Journal of Research on Technology in Education*. Vol. 41. No. 3. P. 279—303. <https://doi.org/10.1080/15391523.2009.10782532>.

Kronegger L., Ferligoj A., Doreian P. (2011) On the Dynamics of National Scientific Systems. *Quality & Quantity*. Vol. 45. No. 5. P. 989—1015. <https://doi.org/10.1007/s11135-011-9484-3>.

Lave J., Wenger E. (1991) Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511815355>.

Nonnecke B., Preece J. (2003) Silent Participants: Getting to Know Lurkers Better. In: Lueg C., Fisher D. (eds.) *From Usenet to CoWebs: Interacting with Social Information Spaces*. London: Springer. P. 110—132. https://doi.org/10.1007/978-1-4471-0057-7_6.

Pfeffer J., Mrvar A., Batagelj V. (2013) txt2pajek: Creating Pajek Files from Text Files. Technical Report, CMU-ISR-13—110. Pittsburgh, PA: Carnegie Mellon University.

Rafaeli S., Ravid G., Soroka V. (2004) De-Lurking in Virtual Communities: A Social Communication Network Approach to Measuring the Effects of Social and Cultural Capital. In: Sprague R. H. Jr. (ed.) *Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. Los Alamitos, CA: IEEE. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2004.1265478>.

Rheingold H. (1993) *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Company.

Schenkel A., Teigland R., Borgatti S. P. (2001) Theorizing Structural Dimensions of Communities of Practice: A Social Network Approach. Paper Presented at the Annual Meeting of the Academy of Management, Washington, DC.

Wasserman S., Faust K. (1994) *Social Network Analysis: Methods and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511815478>.

Wellman B., Boase J., Chen W. (2002) The Networked Nature of Community: Online and Offline. *IT & SOCIETY*. Vol. 1. No. 1. P. 151—165. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2003.tb00216.x>.

Wenger E. (1998) *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511803932>.

Wenger E., McDermott R., Snyder W. M. (2002) *Cultivating Communities of Practice: A Guide to Managing Knowledge*. Boston, MA: Harvard Business School Press.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): май — июнь 2022 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 175—188.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): May — June 2022. (2022) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 175–188.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: МАЙ — ИЮНЬ 2022

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: МОНИТОРИНГ176

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

КОПИТЬ ИЛИ ТРАТИТЬ? 178

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ: СТРАХИ И НАДЕЖДЫ180

ОТ ЧЕГО НУЖНО ЗАЩИЩАТЬ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТЕЙ?182

ОБРАЗ ЖИЗНИ

«ОТМЕНА» РОССИИ И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ..... 184

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА — 2022..... 186

ДЕТИ ЛЕТОМ: ДОМА ИЛИ В ЛАГЕРЕ? 188

ПОЛИТИКА

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: МОНИТОРИНГ.....176

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: МОНИТОРИНГ

25 февраля — 26 мая 2022 г.

Уровень поддержки россиянами специальной военной операции в течение трех месяцев мониторинга сохраняется на стабильно высоком уровне: поддерживают решение провести специальную военную операцию России на Украине 72 % респондентов, не поддерживают — 18 %. Затруднились ответить — 10 %. Не меняется и понимание целей СВО: на первом месте — защитить Россию, разоружить Украину и не дать разместить военные базы НАТО на ее территории (40 %); каждый пятый считает, что цель — изменить политический курс Украины и очистить ее от нацистов (20 %), 18 % в качестве целей спецоперации называют защиту населения Донбасса (ДНР и ЛНР), 7 % считают, что цель — оккупировать Украину и присоединить ее к России. Уровень общественных протестных настроений с марта 2022 г. снизился на 4 п. п.: по данным на 26 мая, вероятными протесты в населенном пункте своего проживания считают только 14 %, в мае прошлого года такое мнение выражал каждый четвертый (26 %). Личные протестные настроения по сравнению с мартом не изменились: готовность принять участие в протестных акциях выражают 11 %, скорее не примут участие в акциях протеста в случае, если они состоятся, 84 % граждан.

Рис. 1. Скажите, пожалуйста, решение провести специальную военную операцию России в Украине Вы поддерживаете или не поддерживаете? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

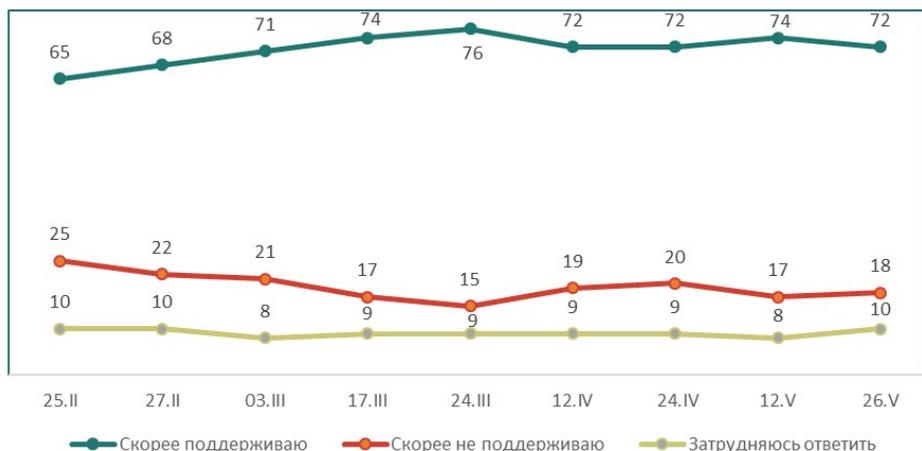

Рис. 2. Как Вы думаете, насколько вероятны сейчас в Вашем городе / сельском районе массовые акции протеста против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав и свобод? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

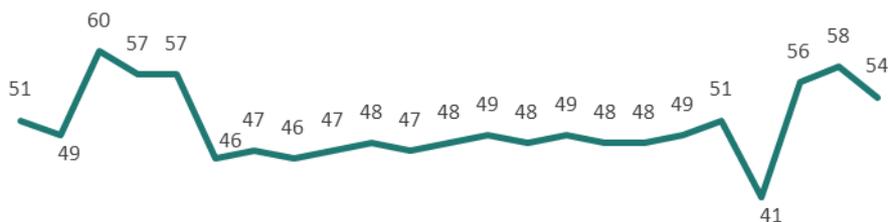
СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

КОПИТЬ ИЛИ ТРАТИТЬ?	178
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ: СТРАХИ И НАДЕЖДЫ.....	180
ОТ ЧЕГО НУЖНО ЗАЩИЩАТЬ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТЕЙ?	182

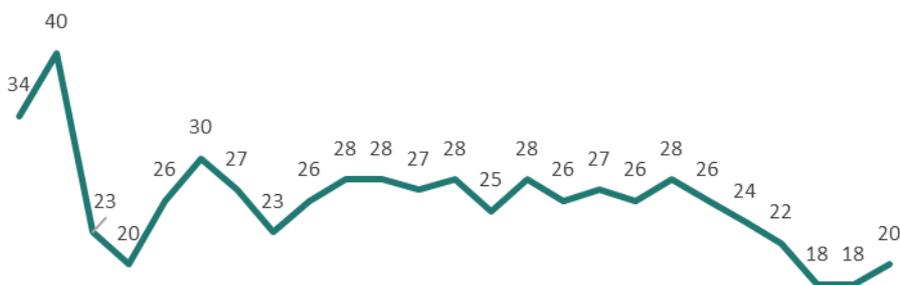
КОПИТЬ ИЛИ ТРАТИТЬ?

21 мая 2022 г.

Доля сторонников сберегательной политики последний год относительно стабильна, а существенные изменения в сберегательном поведении фиксируются лишь в сравнении с 2020 г. В мае 2022 г. две трети россиян ответили, что сейчас лучше тратить по минимуму, стараясь как можно больше откладывать на будущее (63 %, май 2021 г. — 62 %, май 2020 г. — 81 %). Потратить зарплату или пенсию как можно скорее считают целесообразным четверть опрошенных (24 %, май 2021 г. — 26 %, май 2020 г. — 12 %). Таким образом, индекс сберегательного поведения составил 66 п., что в целом соответствует майским значениям прошлых лет за исключением 2020 г., когда был зафиксирован максимальный показатель — 78 п. В вопросе кредитования россияне еще более пессимистичны. В настоящее время большинство наших соотечественников не рассматривают возможность получения банковских займов (81 %, май 2021 г. — 70 %). Считают нынешнее время благоприятным для взятия кредитов 6 %, в начале текущего года эта доля была в два раза выше (январь 2022 г. — 12 %). Индекс кредитного доверия в мае составил 20 п. В прошлом году данный показатель находился в диапазоне 25—28 п., а небольшое снижение продемонстрировал в начале 2022 г. (январь — 24 п.), впоследствии достигнув минимума в марте-апреле — 18 п. Назвать нынешнее время благоприятным для совершения крупных покупок россияне скорее не могут: по мнению 70 %, для серьезных приобретений сейчас неподходящее время (+16 п. к маю 2021 г.). Убеждены в обратном и считают нынешнее время хорошим для этой цели 13 % — в два раза меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (май 2021 г. — 26 %). Последние три месяца индекс потребительского доверия находится на рекордно низком уровне — в мае 2022 г. он составил 27 п. (март-апрель 2022 г. — 26 п.). Сейчас показатель наиболее приближен к майским значениям пандемийного 2020 г. — тогда он составил 31 п., а плохим для совершения покупок это время называли 66 % респондентов.

Рис. 1. Индекс доверия банковским вкладам¹ (2015—2022)

15	16	17	18	19	20	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	22	22	22	22	22
V.	V.	V.	V.	V.	V.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.	X.	XI.	XII.	I.	II.	III.	IV.	V.

Рис. 2. Индекс кредитного доверия² (2013—2022)

13	14	15	16	17	18	19	20	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	22	22	22	22	22
VI.	VI.	V.	V.	V.	V.	V.	V.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.	X.	XI.	XII.	I.	II.	III.	IV.	V.

¹ Индекс доверия банковским вкладам показывает, насколько благоприятным считают россияне нынешнее время для совершения вкладов. Индекс строится на основе вопроса «Как Вы считаете: сейчас лучшее время для того, чтобы делать вклады в банки, или для того, чтобы забирать деньги из банков?». Ответу «Сейчас свободные деньги лучше положить в банк» присваивается коэффициент 0,9, ответу «Сейчас, если есть деньги в банке, лучше их забрать» — 0,1, «Затрудняюсь ответить» — 0,5. Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от 10 до 90. Чем выше значение индекса, тем более благоприятным россияне считают текущий момент для совершения вклада в банк.

² Индекс кредитного доверия показывает, насколько благоприятным россияне считают нынешнее время для кредитования. Индекс строится на основе вопроса: «Как Вы думаете, сейчас хорошее время, чтобы брать кредиты, или нет?». Ответу «Скорее хорошее» присваивается коэффициент 0,9, ответу «Скорее плохое» — 0,1, «Затрудняюсь ответить» — 0,5. Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от 10 до 90. Чем выше значение индекса, тем более благоприятным россияне считают текущий момент для взятия кредита.

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ: СТРАХИ И НАДЕЖДЫ³

24 мая 2022 г.

Возникновения массового дефицита товаров скорее не опасаются 70 % россиян, скорее выражают обеспокоенность по этому поводу 28 %. Распространено мнение, что российские компании скорее смогут заменить ушедших с рынка в последнее время иностранных производителей (69 %). Полагают, что не смогут, 27 % респондентов. Россияне в подавляющем большинстве считают, что российские производители скорее смогут заменить зарубежные фирмы в сегментах производства продуктов питания (94 %), предметов гигиены (91 %), бытовой химии (90 %), строительных и отделочных материалов (86 %). Чуть реже выражали мнение о возможности импортозамещения в производстве медикаментов и лекарств (смогут 69 % vs. не смогут 24 %), в авиационной отрасли (66 % vs. 22 %), изготовлении промышленного оборудования (63 % vs. 29 %). Примерно половина граждан считают, что отечественные производители скорее смогут заместить иностранное медицинское оборудование (55 %), треть респондентов уверены, что это скорее невозможно (34 %). Мнение о возможности успешного замещения иностранных брендов в производстве бытовой техники и электроники высказывают также половина опрошенных (54 %), 37 % полагают, что заместить товары в этой категории российские компании скорее не смогут. В вопросе импортозамещения автомобилей и автозапчастей мнения разделились: 50 % респондентов считают, что российские компании скорее смогут заменить иностранные, 40 % — скорее не смогут. В случае выбора продуктов российского или зарубежного производства при условии равной цены участники опроса чаще ориентированы на выбор отечественного продукта (67 %), скорее импортный товар выберут 18 %. В вопросе качества российский производитель, по мнению 56 % респондентов, выигрывает; каждый пятый считает импортные продукты более качественными (22 %).

Рис. 3. Люди по-разному оценивают вероятность появления экономических проблем в жизни страны. Вы лично опасаетесь или не опасаетесь возникновения массового дефицита товаров в России? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

³ Всероссийский телефонный опрос проведен по заказу ЭИСИ.

Рис. 4. Как Вы считаете, российские компании смогут или не смогут заменить иностранные компании, которые ушли с отечественного рынка в последнее время? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Рис. 5. Как Вы считаете, качество каких продуктов выше: отечественных или импортных? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

ОТ ЧЕГО НУЖНО ЗАЩИЩАТЬ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТЕЙ?

26 мая 2022 г.

Большее половины россиян убеждены, что современные дети живут в более опасное время (58%), чем они сами. Чаще других так считают женщины (64%) и респонденты пенсионного возраста (69%). Рейтинг угроз возглавили гаджеты и компьютеры — именно от них, по мнению россиян, приходится защищать детей современным родителям (57%). На опасность употребления наркотиков указали 43%; 39% назвали проблему агрессии и жестокости со стороны сверстников, травлю. Каждый третий респондент считает серьезной проблемой современного детства недостаточное внимание к ребенку со стороны семьи и родителей (33%). Примерно столько же обратили внимание на опасность употребления детьми алкоголя и курения (28%). Оценка современного детства как более опасного связана с уровнем урбанизации и географией. Чем меньше размер населенного пункта, тем чаще люди говорят, что детство стало более опасным. Если в городах-миллионниках такого мнения придерживаются 47%, то на селе — 61%. Жители западной части России — Центрального, Южного, Северо-Западного федеральных округов — чаще других говорят о росте числа опасностей для современных детей (63%—60%). Тогда как жители восточной части России — Дальневосточного федерального округа — в 38% случаев отмечают, что современное детство стало менее опасным. Несмотря на высокую тревогу россиян о современных детях, 62% опрошенных отметили, что по месту их жительства созданы необходимые условия для проведения безопасного досуга детей на улице. Чаще об этом говорят 18—24-летние (80%) и жители Москвы и Санкт-Петербурга (72%). Размер населенного пункта также влияет на этот показатель: более безопасными прогулки считаются в сельских территориях (64%), а в крупных городах и городах-миллионниках условия оцениваются как небезопасные в 37%—39% случаев. «Вчерашние дети» — 18—24-летние — говорят о проблемах детства иначе. Гаджеты не входят в тройку опасностей, а первое место отводится наркотикам (53%). Далее следуют насилие и агрессия со стороны сверстников (46%) и употребление алкоголя и табака (44%). Более старшее поколение, те, кто рос без смартфонов, интернета — 35—59-летние — главной опасностью называют погруженность в компьютеры и гаджеты (62%—65%). Топ-3 направлений в сфере детства, которые готовы поддержать россияне: развитие детско-юношеского спорта и ЗОЖ (50%); развитие патриотических программ (33%); защита детей от вредной информации (27%).

Рис. 6. Как Вы считаете, по сравнению с Вашим детством жизнь детей сейчас стала более опасной, менее опасной или с тех пор мало что изменилось? (закрытый вопрос, один ответ, в %)

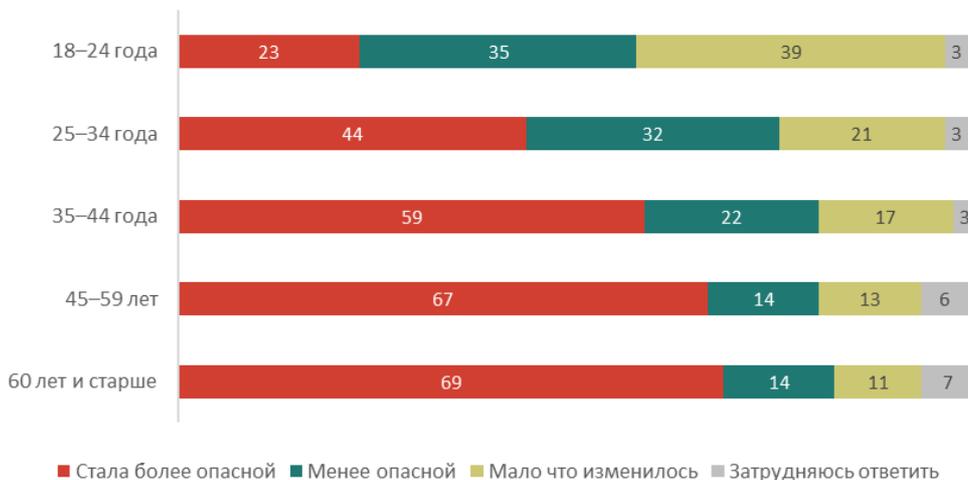
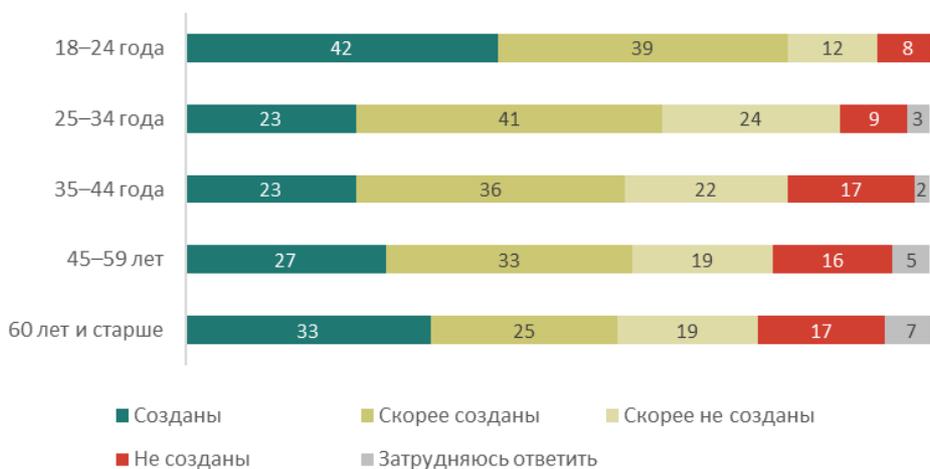

Рис. 7. Как Вы считаете, по месту Вашего жительства, в Вашем населенном пункте созданы или не созданы необходимые условия для безопасного проведения досуга детей на улице? (закрытый вопрос, один ответ, в %)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

«ОТМЕНА» РОССИИ И КАК С НЕЙ БОРЬТЬСЯ	184
КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА — 2022.....	186
ДЕТИ ЛЕТОМ: ДОМА ИЛИ В ЛАГЕРЕ?.....	188

«ОТМЕНА» РОССИИ И КАК С НЕЙ БОРЬТЬСЯ

28 мая 2022 г.

Более трети россиян считают, что подобная тенденция в той или иной степени нанесет вред российской культуре (37%), это мнение чаще высказывает молодежь 18—24 лет (49%). Треть россиян полагают, что санкции «отмены» на российскую культуру не повлияют — «ничего не изменится» (33%), а 23% считают, что такая ситуация пойдет на пользу отечественной культуре. Каждый второй россиянин обеспокоен попытками западных стран изъять российскую культуру из публичного пространства (53%). Чаще выражают обеспокоенность женщины (57%); пенсионеры (58%) и те, кто предпочитает телевидение интернету (61%). Не выражают обеспокоенности по поводу «отмены» культуры за рубежом 43% граждан, при этом четверть респондентов сложившаяся ситуация не беспокоит вообще (25%). Россияне чаще выражают позицию, что свои права в культурной сфере необходимо защищать: в первую очередь — привлечь внимание СМИ (30%) и западных лидеров общественного мнения к защите российской культуры (20%), а также создавать объединения в защиту российской культуры (16%), проводить информационные кампании (14%). В меньшей степени эффективными нашим соотечественникам видятся петиции (9%) и обращения с исками в суды (12%). То есть изменить политику «отмены» культуры, по мнению респондентов, можно с помощью общественного резонанса и публичного обсуждения проблемы западным обществом. Три четверти опрошенных считают, что вводить зеркальные меры в ответ и «отменять» западную культуру в нашей стране не нужно (73%). Это мнение в большей степени характерно для респондентов с высшим образованием (80%) и жителей Москвы и Санкт-Петербурга (80%). Считает, что нужно ввести санкции против западной культуры, каждый пятый респондент (22%).

Рис. 1. А Вас беспокоят или не беспокоят попытки западных стран исключить, «отменить» российскую культуру, изъять ее из публичного пространства? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

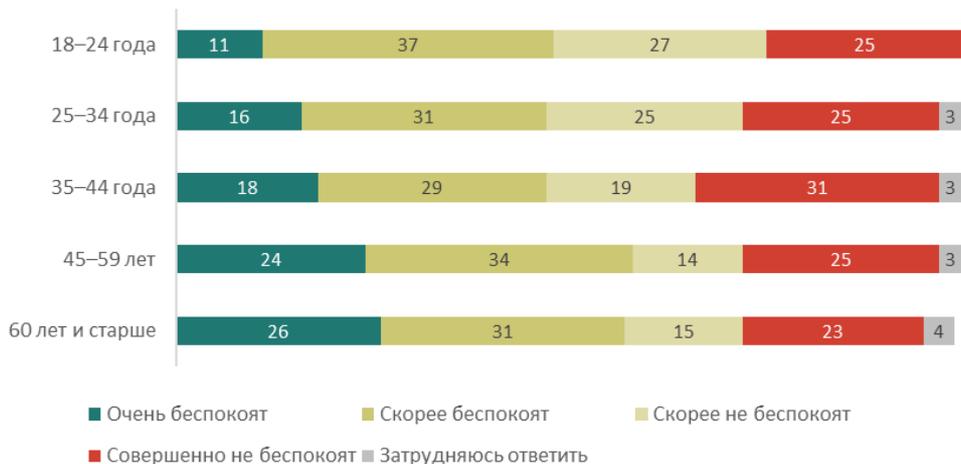
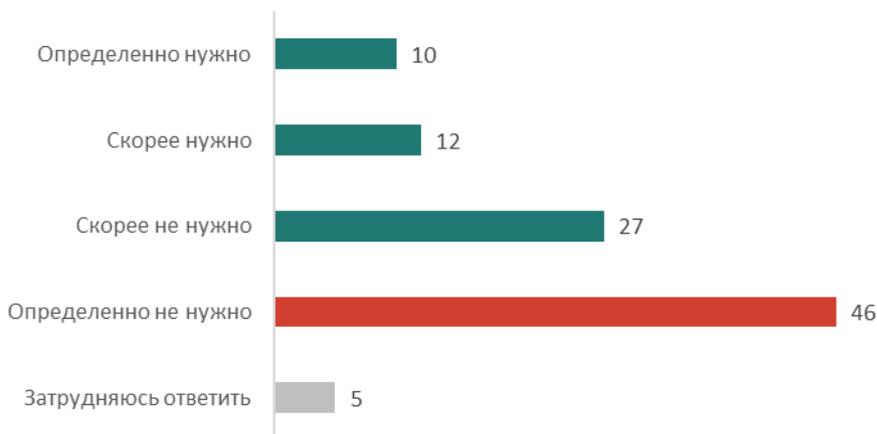

Рис. 2. Как Вы считаете, в ответ на попытки западных стран «отменить» российскую культуру нужно или не нужно проводить аналогичную политику «отмены» западной культуры в нашей стране? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА — 2022

11—12 мая 2022 г.

92% опрошенных сегодня говорят, что читают книги. Чаще других не читают 25—34-летние (13%). Чтение книг связано с уровнем образования: если среди имеющих высшее образование 4% не читают книг, то в группе со средним образованием таковых уже 13%, а с неполным средним — 27%. Ежедневный просмотр телевидения тоже, по всей видимости, оставляет меньше времени на чтение, среди ежедневных телезрителей читательская активность ниже (90%), чем у тех, кто смотрит ТВ несколько раз в неделю или реже (95%). Перечисленные различия минимальны, вычленив социально-демографическую группу «лидеров книжного чтения» практически невозможно: ни урбанизированность, ни поколенность, ни потребительский статус не определяют читательский профиль. Во многом это следствие глобализации информационного пространства — читательские практики стали другими. Несмотря на распространенность электронных форматов, печатные книги не утрачивают своей популярности. Популярность бумажных книг подтверждают и данные опроса: 58% сообщили, что читали книги этой весной именно в таком формате. Далее следует телефон — с экрана смартфона читал каждый третий (35%). Еще 20% читали с экрана компьютера. Электронные книги популярны у 16% наших соотечественников. В общей сложности с экранов читают книги 71%. Как правило, у респондентов нет единственного способа чтения — скорее, привычка совмещать несколько удобных вариантов. Стратегия чтения «бумажная книга и смартфон» остается самой популярной во всех возрастных группах, кроме старшей — здесь популярнее «бумажная книга и компьютер». Анализ показывает, что пока нет оснований полагать, что экран заменит бумагу в ближайшее время.

Современному читателю доступны любые жанры, но предпочтение отдается художественной литературе (61%). В топ-5 вошли также книги по специальности (33%), научно-популярные книги (31%), философская литература и книги по кулинарии (по 12%). Дифференциация жанрово-тематических предпочтений особенно отчетлива по полу, возрасту и образованию, в меньшей степени — по потребительским возможностям и урбанизации. Интересно, что жанровые предпочтения связаны с телесмотрением. Постоянные телезрители чаще читают художественную литературу (64%) и книги по кулинарии (16%), тогда как те, кто не смотрит телевизор, чаще выбирают книги по специальности (40%), научно-популярную литературу (36%), философскую литературу (19%), то есть литературу, ориентированную на саморазвитие, обучение. Если меняются способы книжного чтения, то ситуация чтения остается неизменной — досуг (67%). Уделяют время книгам на работе или учебе не более 10%, почитать в транспорте любят 8%. Чтение в транспорте — заметно более распространенная практика в Москве и Санкт-Петербурге (25%), что легко объясняется продолжительностью и интенсивностью поездок. Чаще в транспорте читают и те, кто делает это с телефона (14%). Чтение на досуге в большей степени популярно у пенсионеров (78%) и тех, кто читает бумажные (77%) или электронные книги (76%). Читатели электронных книг заметно чаще используют чтение для саморазвития (80%). Это указывает на то, что электронная книга не конкурирует с телефоном — у них разные аудитории и разные ситуации использования.

**Рис. 3. На каком носителе Вы читали книги этой весной, начиная с 1 марта?
Вы можете дать до 2 ответов (закрытый вопрос, два ответа, в %)**

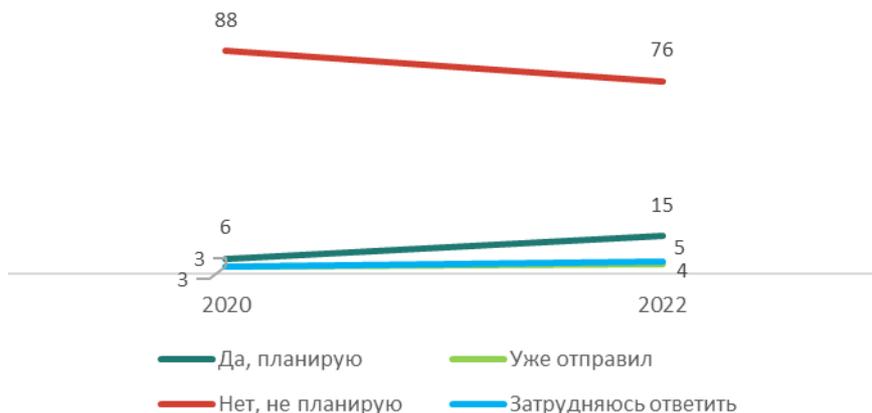

ДЕТИ ЛЕТОМ: ДОМА ИЛИ В ЛАГЕРЕ?

7 июня 2022 г.

Организация детского досуга — насущный вопрос для любого родителя. Летние смены в детских лагерях уже начались, в этом году в лагерь отправил или планирует отправить ребенка каждый пятый родитель (19% среди имеющих детей или внуков 6—18 лет). Из них 15% только собираются отправить туда своих детей, что почти втрое выше по сравнению с 2020 г. (6%), а 4% — уже отправили. Не планируют для своих детей такую поездку 76% — на 12 п. п. меньше, чем двумя годами ранее (2020 г. — 88%). В целом востребованность лагерного отдыха сохраняется на одном уровне: каждый пятый родитель сообщил, что в последние два-три года отправлял туда хотя бы одного из своих детей (19%, 2020 г. — 22%). Сообщили, что в последние годы не отправляли ребенка в летние лагеря, 80% (2020 г. — 78%). Возвращение спроса на отдых в детском лагере связано с улучшением эпидемиологической ситуации в стране. Риск заражения коронавирусом уже не возглавляет рейтинг потенциальных родительских опасений: в 2020 г. половина россиян считали, что при организации выездного детского отдыха прежде всего нужно опасаться эпидемии COVID-19 (47%), сегодня о ней вспомнили лишь 7% опрошенных. По мнению наших соотечественников, этим летом родителей в первую очередь будет волновать качество питания в детских лагерях и риск отравления (15%), такая же доля опрошенных назвали охрану территории лагеря и безопасность отдыха (15%). По мнению каждого десятого респондента, поводом для беспокойства родителей может стать риск распространения вирусов, инфекций среди отдыхающих (10%). Россияне думают, что родители будут переживать из-за отсутствия дисциплины и контроля за детьми (9%), безответственности вожатых (7%), а также волноваться за жизнь и здоровье детей в целом (7%).

Рис. 4. Скажите, в этом году Вы планируете или не планируете отправить ребенка (внука)/детей или хотя бы одного из Ваших детей в детский лагерь (за исключением лагерей, организуемых на территории школ, где он/они учатся)? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, у кого есть дети/внуки в возрасте 6—18 лет)

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2040](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2040)

Е. П. Шеремет

ФАКТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ НАУКЕ: ОБЗОР ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Шеремет Е. П. Факторы общественного доверия науке: обзор эмпирических исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 189—211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2040>.

For citation:

Sheremet E. P. (2022) Factors of Public Trust in Science: A Review of Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 189–211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2040>. (In Russ.)

ФАКТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕ- РИЯ НАУКЕ: ОБЗОР ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ШЕРЕМЕТ *Елизавета Павловна* — аспирант, ассистент кафедры анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: epsheremet@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3543-5488>

Аннотация. Категория доверия имеет долгую историю в области анализа науки. При этом внимание к эмпирическому исследованию общественного доверия науке стало особенно возрастать в последние годы. Эта популярность связана как с объявленным учеными кризисом доверия, так и с ролью доверия в жизни людей. Используя систематический отбор литературы, автор предлагает обзор существующих исследований факторов общественного доверия науке. В качестве ключевых вопросов рассматриваются используемые в работах концепции доверия науке, способы его измерения и основные категории выявляемых факторов. В результате показывается вариативность как стратегий исследования общественного доверия, так и формирующих его факторов. Они могут быть использованы для повышения эффективности научной коммуникации и для разработки исследовательских перспектив.

Ключевые слова: доверие, наука, ученые, общественное доверие, непрофессионалы

FACTORS OF PUBLIC TRUST IN SCIENCE: A REVIEW OF STUDIES

*Elizaveta P. SHEREMET*¹ — PhD Student, Assistant at the Department for Social Institutions Analysis
E-MAIL: epsheremet@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3543-5488>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The category of trust has a long history in science analysis. At the same time, attention to the empirical study of public trust in science has significantly increased in recent years. This popularity is associated with the crisis of confidence declared by scientists and the role of trust in people's lives. Using a systematic literature review, the author offers an overview of existing research on the factors of public trust in science. As key issues, we consider the concepts of trust in science utilized by scholars, methods of their measurement, and the main categories of identified factors. As a result, we show the variability of strategies for studying public trust and the factors that form it. They can be used to improve the effectiveness of scientific communication and to develop research perspectives.

Keywords: trust, science, scientists, public trust, lay people

Введение

Исследования общественного восприятия науки ведутся еще с середины прошлого века. С течением времени меняются те его аспекты, которыми интересуются исследователи. Несколько десятилетий назад от измерения разного рода научной компетентности непрофессионалов исследователи переместились в плоскость изучения доверия [Bauer, Allum, Miller, 2007].

Работы показывают, что доверие науке может влиять на готовность людей принимать решения на основе научных данных [Bleich, Blendon, Adams, 2007] и на одобрение ими научных разработок [Marques, Critchley, Walshe, 2015]. Особенное значение доверие науке играет в ситуациях, связанных с вакцинацией, технологиями, геной инженерией, энергией и использованием природных ресурсов, где действия людей могут иметь существенный эффект на общественное благополучие, включая здоровье населения, экономику и состояние окружающей среды. В частности, в контексте пандемии COVID-19 к значимым следствиям доверия науке авторы причисляют повышение поддержки вакцинации [Sturgis, Brunton-Smith, Jackson, 2021; Attwell et al., 2021; Đorđević et al., 2021] и соблюдение эпидемиологических мер [Graffigna et al., 2020], а также снижение восприимчивости к дезинформации и конспирологическим теориям [Roozenbeek et al., 2020; Tonković et al., 2021].

В то же время авторы указывают на кризис общественного доверия науке [Gauchat, 2012; Kabat, 2017; Iyengar, Massey, 2018]. Так, по данным ВЦИОМ, среди россиян за последние десять лет показатель недоверия к ученым удвоился до 16 %, тогда как показатель абсолютного доверия сократился с 28 % до 12 %¹. В связи с этим важно понять, какие факторы могут детерминировать доверие науке среди представителей широкой общественности.

В отечественной литературе к проблеме общественного доверия науке в основном обращаются в теоретических рассуждениях (см., например, [Зарубина, 2018]), а эмпирические исследования ограничиваются скорее образовательной повесткой и изучением восприятия науки студентами (см., например, Темницкий, 2018)). Альтернативным источником информации о доверии науке в России выступают исследования, использующие кросс-национальные данные (см., например, [Huber et al., 2019]), а также аналитические отчеты и статистические сборники по данным опросов населения (см., например, [Индикаторы науки, 2021])². Однако на основе первых мы можем получить только обобщенную картину, которая не дает нам понимания доверия именно в России. Вторые же, хотя и могут включать релевантные показатели, не затрагивают исключительно проблематику доверия науке и дают лишь возможность оценить уровень доверия в стране и его динамику, но не объяснить их.

Более того, при все возрастающих объемах зарубежных исследований, проводимых в этой области, она остается слабо очерченной и организованной для читателя. Обзоров, посвященных эмпирическим исследованиям факторов обще-

¹ Наука и ученые на фоне пандемии: кризис общественного доверия? // ВЦИОМ. 20.07.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-uchyonye-na-fone-pandemii-krizis-obshhestvennogo-doveriya> (дата обращения: 11.08.2021).

² О показателях доверия в отчетах по результатам национальных мониторингов подробнее в [Hendriks et al., 2016].

ственного доверия науке, не существует³. Первым шагом к решению этой проблемы может стать данный обзор, а учитывая ограниченный характер литературы, посвященной этой теме в России, он даст российскому читателю возможность познакомиться также с результатами зарубежных исследований.

Цель данной статьи состоит в обзоре исследований общественного доверия науке и его основных факторов. Ключевые вопросы, которые ставятся в рамках обзора, относятся к тому, как авторы концептуализируют доверие науке, какое доверие исследуют, как его измеряют и какие ключевые группы факторов доверия выделяют. Также в начале кратко обозначаются истоки исследований общественного доверия науке.

Обзор поможет исследователям общественного отношения к науке понять, какие исследовательские стратегии и перспективы существуют в этом поле. Он также может быть полезен для разработки соответствующих мер по формированию доверия науке среди непрофессиональной аудитории и для выстраивания более эффективной научной коммуникации с разными группами населения.

Наука и проблема доверия

Проблема доверия занимает значимое место в социологии в контексте суждения современного общества [Luhmann, 2000; Гидденс, 2011], в частности науки [Barber, 1987; Sztompka, 2007]. С конца 1990-х годов вместе с интересом к изучению отношений науки и общества проблема общественного доверия науке заняла центральное место в исследованиях научной коммуникации [Bauer, Allum, Miller, 2007], а доверие науке стало стандартной переменной в литературе по коммуникации риска [Earle, Siegrist, Gutscher, 2010]. С тех пор как был провозглашен «кризис доверия» к науке [House of Lords Select Committee..., 2000], эмпирическое изучение общественного доверия стало новой академической повесткой дня, сменившей интерес к изучению научной грамотности [Roberts et al., 2013].

Говоря о доверии науке, его снижении и/или кризисном состоянии, авторы имеют в виду общественное отчуждение от науки, сокращение признания научного знания как источника ценностей в обществе и роли ученых в решении его фундаментальных проблем [Gauchat, 2012]. Другие пишут о растущем скептицизме по отношению к ученым, производящим научные результаты и рекомендации, об общественном непонимании и отрицании научных разработок (например, вакцин или ГМО) и проблем (таких как изменение климата) [Kabat, 2017]. О проблеме доверия также говорят в контексте восприятия исследовательских практик и внутренних кризисов науки, связанных, например, с академическим мошенничеством [Hendriks et al., 2016] или проблемой воспроизводимости научных результатов [Hendriks, Kienhues, Bromme, 2020], что может приводить к сомнению относительно достоверности и убедительности научных результатов для широкой общественности.

Существует несколько линий объяснения возникновения общего недоверия науке в современном обществе. Некоторые авторы считают, что оно является

³ Обзоры, посвященные концептуализации и измерению доверия науке [Hendriks et al., 2016; Besley, Lee, Pressgrove, 2021]. Обзоры исследований установок по отношению к науке [Gardner, 1975; Osborne et al., 2003], отдельных проблем или областей знания [Besley, 2010; Hoti et al., 2020] и конкретных факторов [Allum et al., 2008; Bles et al., 2019].

результатом низкого уровня научной грамотности, понимания вопросов науки в обществе [Allum et al., 2008]. Другие видят в этом проявление кризиса современности, общего состояния общественного разочарования в эпохе позднего модерна и отчуждения от его абстрактных бюрократических систем [Гидденс, 2011]. Третьи связывают эту ситуацию с изменениями в самой науке, ее переходом к «постакадемической» стадии с ее патологиями и девиациями, подрывающими надежность науки, а значит, и доверие к ней [Sztompka, 2007].

И хотя вопрос о существовании кризиса доверия к науке остается открытым для ряда авторов, указывающих то на стабильность показателя доверия [Funk, Kennedy, 2020; Besley, Lee, Pressgrove, 2021], то на зависимость уровня доверия от способа его измерения [Roberts et al., 2013] или на многомерный характер доверия [Achterberg, de Koster, Van der Waal, 2017], с начала 2000-х годов исследования доверия к науке непрерывно преумножаются. Авторы продолжают писать о необходимости повышения культурного авторитета науки, признания научных разработок, а также эффективности научной коммуникации, указывают на неравномерный характер распределения доверия среди разных групп населения [Gauchat, 2012; Iyengar, Massey, 2018] и в отношении разных групп ученых [Millstone, Van Zwanenberg, 2000]. В связи с этим одно из основных направлений исследований общественного доверия науке посвящено его факторам.

Метод

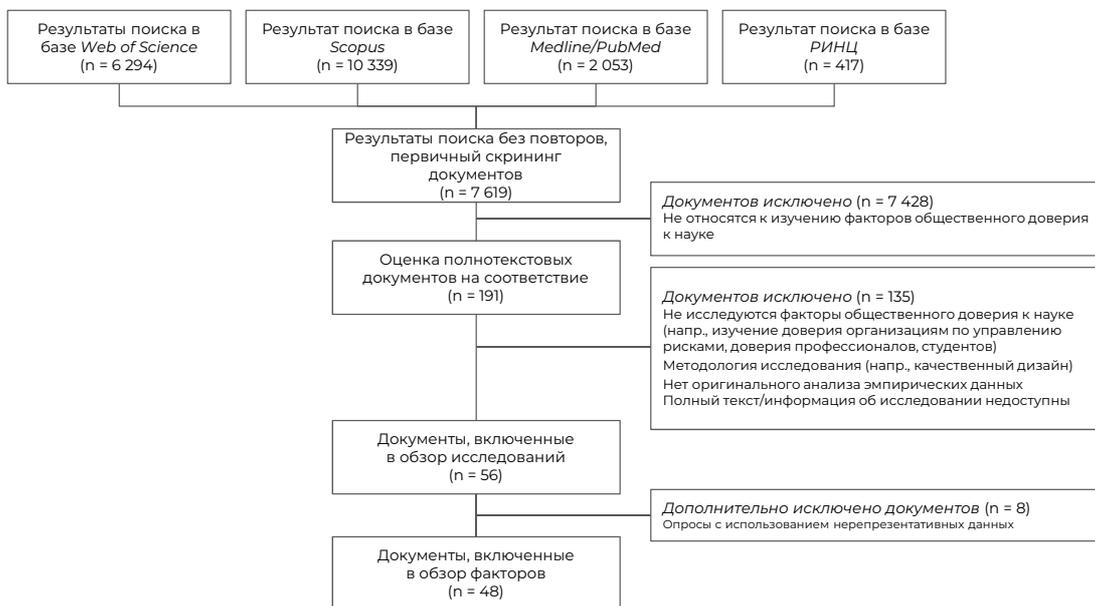
В рамках обзора был реализован систематический поиск публикаций в базах Web of Science, Scopus, Medline/PubMed и РИНЦ. Поиск не был ограничен по дате публикации. Поисковой запрос по названию, ключевым словам и аннотации к публикациям состоял из трех обязательных элементов, пересечение которых очерчивает интересующее нас поле: доверие («*trust*»), наука («scien*») и непрофессионалы, представители широкой общественности («public*», «lay*», «folk*», «ordinar*», «citizen*», «nation*», «people»)⁴.

Главным критерием отбора публикаций для включения в обзор выступила связь с изучением факторов общественного доверия науке (критерий 1). Нам также интересовали только те работы, которые описывали результаты эмпирических исследований (критерий 2), реализованных с использованием количественной методологии (критерий 3) и статистического анализа (критерий 4). Исключены были публикации, полный текст которых не был доступен (например, публикации на иных языках, помимо русского и английского) (критерий 5), которые не предоставляли достаточно информации об исследовании, источниках данных, процедуре и т. д. (отсутствуют данные о выборочной совокупности) (критерий 6). Наконец, в обзор не были включены публикации, дублирующие результаты проведенных исследований (критерий 7). Для обзора были отобраны только статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах.

⁴ Дополнительно был произведен поиск по русскоязычным публикациям в базе РИНЦ. Для поиска использовался более широкий поисковый запрос, который с учетом морфологии состоял из указания на интерес к тематике доверия («доверие») и науки («наук*», «науч*» и «учен*»). Однако среди найденных русскоязычных публикаций ни одна не соответствовала поставленным критериям. Было обнаружено восемь публикаций эмпирических исследований факторов доверия науке. При этом в них целенаправленно изучаются «целевые группы», особенно заинтересованные в научном знании, а не представители широкой общественности.

Отбор публикаций проводился в несколько этапов. На первой ступени результаты поиска были проанализированы на наличие дубликатов и отфильтрованы с их учетом. Далее проводился первичный скрининг документов (по их названию, аннотации и ключевым словам). После этого был получен список полнотекстовых документов для оценки, в которых дополнительно были проанализированы списки использованных источников на предмет поиска релевантных публикаций, неохваченных первоначальным поиском. На их основе был получен итоговый набор публикаций для обзора. Этапы и результаты отбора представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Процесс и результаты отбора источников

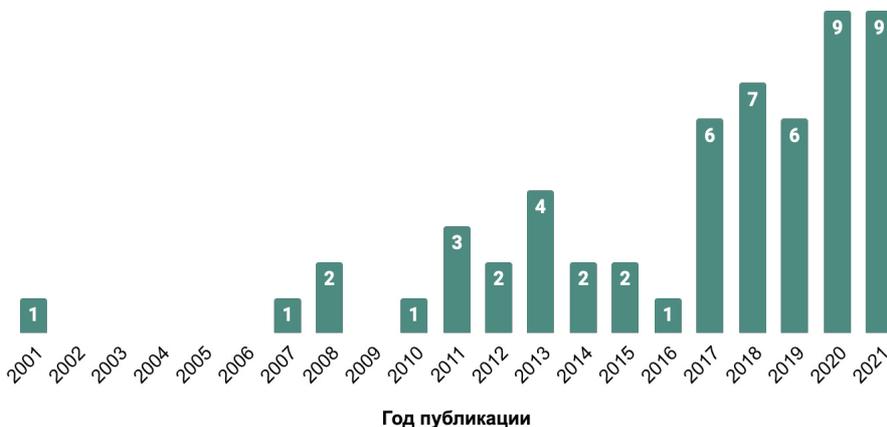

В итоговый обзор вошли 56 документов, опубликованных с 2001 по май 2021 г. (см. рис. 2). Две трети публикаций (64 %) описывают результаты исследований жителей англоговорящих стран (США, Великобритании, Австралии, Канады, Новой Зеландии), оставшиеся публикации распределены между европейскими странами (14 %), кросс-культурными исследованиями (11 %) и исследованиями без указания четкой локализации (7 %), две публикации описывают результаты исследований в странах Азии.

Среди отобранных исследований почти половина включают элементы экспериментального дизайна (45 %, 25 работ). Чуть меньше (23 публикаций) основаны на кросс-секционных опросных данных и нацелены на региональную или национальную репрезентативность описанных результатов. И несколько работ описывают результаты, полученные с помощью опросов с использованием доступной, стихийной выборки (7 работ) или «снежного кома» (1 работа). В раздел с описанием факторов были включены только те исследования, в которых была

предпринята попытка получить репрезентативную выборку, а также исследования с использованием экспериментального дизайна.

Рис. 2. Распределение источников по году публикации

Систематизация источников позволила организовать информацию в три основных блока: формы и концепции доверия, измерение доверия и факторы доверия.

Формы и концепции доверия науке

В отношении доверия в целом наблюдается концептуальная путаница, отсутствует единое определение. Это характерно также для понятия доверия науке и проявляется в рассмотренных исследованиях, где авторы предлагают и используют разные концепции доверия, которые отчасти определяют способы его измерения. В работах можно выделить четыре «категории» доверия науке: доверие науке как институциональное доверие, отношение к источнику научных результатов, отражение характеристик ученых и критерий непосредственной оценки.

Согласно первому подходу, доверие науке как институту предстает в форме установок общего характера по отношению к науке. Оно означает уверенность в науке и научном сообществе в целом, их способности предоставлять доказательства для политического консенсуса [Nisbet, Cooper, Garrett, 2015]. Доверие науке в этом смысле означает признание ее культурного авторитета в обществе, а наука оказывается институтом, «предоставляющим набор ценностей, способным улучшать повседневную жизнь, направлять политические взгляды или решать моральные проблемы» [Gauchat, 2011: 752]. Такое генерализованное доверие при этом контекстуально зависимо, локализовано и изменяется со временем [O'Brien, Noy, 2018]. Концепция институционального доверия науке согласуется с идеями Т. Герина о доверии науке, наделенной властью определять и объяснять реальность [Gieryn, 1999]. Это означает признание за наукой и учеными легитимирующей функции, а также способности к направлению поведенческих ориентаций людей. Доверие связано с «пограничной» работой (boundary-work), приписыванием науке характеристик (например, беспристрастности) для создания ее общественного

имиджа, выгодно противопоставленного ненаучной деятельности. Одобрение этих характеристик в обществе обеспечивает доверие, зависимое от «определения» науки.

Другие исследователи фокусируются на доверии ученым как отношении к источнику научных результатов. Такое доверие предполагает позитивное ожидание способности и готовности ученых поступать желаемым для людей образом [Bleich, Blendon, Adams, 2007; Critchley, Bruce, Farrugia, 2008]. Оно означает готовность «сделать себя уязвимым для конкретных продуктов науки» [Roberts et al., 2013: 628], приняв на веру полезность результатов работы ученых. Эта концепция наиболее близка к идеям Н. Лумана [Luhmann, 2000], который определяет доверие как специфическую для современности установку, позволяющую принимать рискованные решения. Такое доверие основано на вере в наличие специализированных знаний у ученых, достаточных для понимания сложного мира. Оно дает возможность членам общества снижать неопределенность, позволяет совершать рискованные действия. Развивается такое доверие в результате приобретения опыта и под воздействием социального окружения, а его недостаток снижает общественный интерес к инновациям, сокращает набор опций для рационального выбора и приводит к отсутствию действия (например, принятия медикаментов).

Если переносить акцент с аспекта уязвимости и неопределенности на «способность и готовность» ученых, можно выделить ряд качеств, которыми они как источник коммуникации должны обладать, чтобы вызывать доверие. Если доверие как отношение к ученым основано на кумулятивном опыте человека [Reif et al., 2020], то доверие как отражение характеристик ученых формируется скорее ситуативно. Оно требует конкретизации объекта и большей осведомленности респондента для вынесения оценок. Доверие как отражение характеристики ученого в такой концептуализации означает наличие у него компетентности, доброжелательности [Myers et al., 2017; Jarreau et al., 2019], порядочности [Retzbach, Maier, 2015; Hendriks et al., 2016, 2020; Beauchamp, Rios, 2020] и схожей идентичности с субъектом [Jarreau et al., 2019]. Подобные элементы доверия выделяет Б. Барбер [Barber, 1987], когда пишет о доверии как об ожидании от актора или института исполнения своей социальной роли вследствие технической компетентности и добросовестности. Такое доверие науке, как пишет П. Штомпка, сводится к доверию к действиям ученых, к задачам которых относятся достижения истины и пользы от ее использования [Sztompka, 2007]. Выполнение этих задач возможно благодаря соблюдению технических и моральных норм, например, коммунализма, универсализма, беспристрастности и организованного скептицизма.

Наконец, доверие может пониматься авторами непосредственно как критерий оценки валидности информации и эффективности коммуникации [Siegrist, Svetkovich, 2001]. Близкое к этому определение доверия науке или ученым рассматривает его как эвристику для оценки качества и релевантности информации [Butterfuss, Aubele, Kendeou, 2020] и формирования отношения к ней [Anderson et al., 2012]. Как рассуждают исследователи, если люди доверяют научным институтам и ученым, они скорее будут считать их выводы и рекомендации заслуживающими доверия [Groeniger et al., 2021]. Доверие в таком случае интересуется в своей целостности как законченный «инструмент», с помощью которого про-

изводятся оценки. Так, Р. Бромме и Л. Гирт указывают на особую роль доверия для непрофессиональной оценки научных утверждений: вследствие неизбежных онтологических отличий обыденного мышления от научного непрофессионалы в оценке научных утверждений вынужденно учитывают их вненаучные аспекты, думая о науке как о социальной системе [Bromme, Gierth, 2021].

Измерение доверия науке и его факторов

Определения доверия науки, используемые исследователями, обуславливают способы его измерения. Среди работ, которые рассматриваются в обзоре⁵, выделяется и ряд соответствующих измерений⁶.

Измерение *институционального доверия* среди рассмотренных исследований в основном предполагает оценку тематически недифференцированного доверия науке. В качестве индикаторов авторы используют субъективные оценки роли науки в обществе, принятии решений и жизни человека, вызываемых наукой изменений, приносимой пользы и вреда, способности к решению проблем и созданию возможностей [Gauchat, 2011; McCright et al., 2013; Hilgard, Jamieson, 2017; Achterberg, de Koster, Van der Waal, 2017]; оценки общей уверенности в науке [Bleich, Blendon, Adams, 2007; Gauchat, 2012] или подозрительного отношения к ней [Nisbet, Cooper, Garrett, 2015], а также поддержки в противовес религии [Chan, 2018; O'Brien, Noy, 2018]. В основном эти оценки составляют сумматорные шкалы, хотя ряд ученых применяет и однокомпонентные измерения, используя лишь один индикатор из перечисленных [Gauchat, 2012; Hilgard, Jamieson, 2017; Chan, 2018; O'Brien, Noy, 2018]. Популярность среди исследователей [Sibley et al., 2020; Simpson, Rios, 2019] получила шкала американских исследователей коммуникации [Nisbet, Cooper, Garrett, 2015]. Она состоит из пяти утверждений, которые могут адаптироваться авторами для изучения предметного доверия науке и показывают отношение человека к научному сообществу и информации (например, «Я с подозрением отношусь к научному сообществу [*психологов / изучающих искусственный интеллект*], занимающемуся изучением [*климата / ГМО*]») [Wingen, Berkessel, English, 2020; Chen, Wen, 2021; Pechar, Bernauer, Mayer, 2018].

Для измерения доверия *как отношения к источнику научных результатов* авторы используют скорее оценки доверия ученым, связанные с определенной областью знания или проблемой. Тематизация реализуется авторами путем очерчивания либо научного сообщества (например, климатологов), либо информации (например, о вакцине). В подавляющем большинстве работ применяются однокомпонентные шкалы оценок согласия-несогласия или доверия-недоверия респондента в ответ на утверждение или вопрос типа «насколько вы доверяете тому, что говорят ученые о [...]?» [Bleich, Blendon, Adams, 2007; Van de Velde et al., 2011; Brewer, Ley, 2013; Hmielowski et al., 2014; Hamilton, Hartter, Saito, 2015; Sleeth-Keppler,

⁵ О существующих способах измерения доверия науке подробнее в [Besley, Lee, Pressgrove, 2021].

⁶ Проблема концептуализации доверия не всеми авторами решается явно. Это приводит, в частности, к тому, что в ряде работ используются сходные индикаторы доверия, но без предварительной концептуальной проработки (см., например, [Wingen, Berkessel, English, 2020]). Или авторы лишь указывают, что измеряют, например, институциональное доверие (см., например, [Achterberg, de Koster, Van der Waal, 2017]). Поэтому речь не идет о полном соответствии используемых измерений выделенным концепциям, но скорее о существующих способах измерения, которые могут быть соотнесены с ними.

Perkowitz, Speiser, 2017]. В ряде исследований аналогичное измерение относится к нескольким научным источникам сразу, каждый из которых рассматривается отдельно [Motta, 2018; Cacciatore et al., 2018] или ложится в основу единого индекса доверия [Anderson et al., 2012]. Наконец, в одном исследовании используется сумматорная шкала, включающая такие утверждения, как «Я доверяю исследователям климата как источнику информации» и «Если я слышу высказывание климатолога, я обычно верю, что оно правдиво» [Rabinovich, Morton, Birney, 2012].

Доверие как следствие характеристик ученых скорее применяется к анализу конкретных ученых и высказываемой ими информации, хотя некоторые авторы пишут о возможности вынесения подобных суждений и об ученых в рамках целой дисциплины [Hendriks, Jucks, 2020]. Само измерение доверия состоит в оценке, насколько характерными для ученых представляются респонденту такие качества, как компетентность или экспертиза, доброжелательность или «теплота» и забота об окружающих [Myers et al., 2017; Jarreau et al., 2019], а также порядочность и честность [Retzbach, Maier, 2015; Beauchamp, Rios, 2020]. Альтернативные шкалы состоят из оценок того, насколько ученые способны и настроены поступать определенным образом, например, делать выводы, независимые от собственных политических ценностей [Elliott et al., 2017]. В ряде исследований [Hendriks et al., 2020; Reif et al., 2020] используется шкала, построенная по принципу семантического дифференциала и состоящая из 14 пар противоположных прилагательных (таких как «квалифицированный — неквалифицированный»), предложенная немецкими психологами [Hendriks et al., 2016].

Доверие как критерий оценки измеряется с помощью прямого указания того, насколько респондент доверяет знаниям, ученым, научным исследованиям и науке. Например, респондентам предлагают для ознакомления научную информацию (прогноз, результаты исследования, высказывания ученых) и просят оценить доверие ей [Siegrist, Cvetkovich, 2001; Scheitle, Guthrie, 2019; Howe et al., 2019; Joslyn, Demnitz, 2021]. Или же респонденту может быть задан вопрос о том, насколько заслуживают доверия конкретные ученые, описанные в стимульном материале [Critchley, 2008; Critchley, Bruce, Farrugia, 2013; Jarreau et al., 2019], или научное сообщество [Kotcher et al., 2017; Lee, Kim, 2018; Beauchamp, Rios, 2020]; насколько респондент доверяет научным исследованиям вообще [Graffigna et al., 2021] или в определенной области [Anvari, Lakens, 2018]; науке в целом [Luna, Bering, Halberstadt, 2021] или науке конкретной страны [Groeniger et al., 2021]. Исследователи используют в основном однокомпонентные шкалы оценки доверия, исключение составляет исследование, в котором измеряется доверие ученым и университетам для создания единого показателя [Huber et al., 2019].

Наконец, другие ученые [Blankenship, Stewart, 2019; Agle, 2020; Breakwell, Fino, Jaspal, 2021; Plohl, Musil, 2021] применяли шкалу, в которой американские исследователи образования попытались учесть многомерный характер как доверия, так и науки [Nadelson et al., 2014]. Шкала состоит из 21 утверждения об ученых, их работе, чертах, интенциях, научных теориях и культурном авторитете науки.

Измерения доверия варьируются по степени обобщения: доверие может быть общим (доверие ученым), предметным (например, доверие ученым в области

окружающей среды) или касаться конкретной информации (как доверие ученым — авторам описанного респонденту исследования). Доверие может быть выражено к науке, ученым, научным исследованиям, методу и знанию. Авторы измеряют институциональное доверие, доверие к ученым как к источнику результатов, доверие как отражение их характеристик и непосредственные оценки доверия. При этом последние два способа измерения в основном применяются в экспериментах, где респондентам предлагается конкретный стимульный материал, на основе или в отношении которого респонденты способны делать свои оценки, а первые распространены в опросах.

Факторы доверия науке

Такая связь между концепцией, измерением и дизайном исследования также с необходимостью отражается и на изучаемых в рамках исследования факторах. Их можно условно разделить на четыре широкие категории: атрибуты науки и научной коммуникации, установки и представления, медиапотребление и социально-демографические характеристики респондентов. Первая группа факторов относится к экспериментальным исследованиям, остальные занимают исследователей, работающих с опросными данными.

Характеристики науки, ученых и научной коммуникации

Одним из наиболее изученных предикторов доверия к науке выступает согласованность и определенность научного знания. Исследования показывают, что указание на консенсус среди ученых способствует повышению доверия соответствующему научному сообществу [Cook, Lewandowsky, 2016]. А информация о низкой воспроизводимости результатов или неудачной попытке их репликации, наоборот, снижает доверие к ученым и исследованиям в рамках научной области [Anvari, Lakens, 2018; Wingen, Berkessel, English, 2020] и к авторам исследования [Hendriks et al., 2020]. Подобный эффект имеет также указание учеными на расхождение результатов с прошлыми прогнозами [Kreps, Kriner, 2020].

Однако относительно роли научной неопределенности в коммуникации данные менее однородны. Вероятностным высказываниям доверяют больше, чем детерминистским [Joslyn, Demnitz, 2021]. Положительный эффект на доверие информации вызывают использование «уклончивого» языка [Jensen, 2008] и расширение спектра прогнозируемых сценариев [Howe et al., 2019]. Однако в комбинации с признанием принципиальной невозможности получения точных результатов эффект пропадает [Howe et al., 2019], как и в случае, если на неопределенность указывает не сам автор, а сторонний комментатор [Jensen, 2008]. Наконец, использование уклончивого языка может снижать доверие научным результатам, если им предшествует описание методологии эмпирического исследования [Hendriks, Jucks, 2020].

В качестве фактора доверия может выступать содержание научной коммуникации. Исследования показывают, что идеологически «резонансные» научные новости (например, об изменении климата) относительно идеологически «нейтральных» снижают доверие науке [Nisbet, Cooper, Garrett, 2015]. При этом исследовательским результатам, указывающим на высокую степень риска или

на негативные последствия, доверяют больше [Siegrist, Cvetkovich, 2001; Carlisle et al., 2010], как и ученым, о них сообщающим [Elliott et al., 2017].

Вынесение учеными рекомендаций по государственному регулированию также может детерминировать доверие: высказывание в пользу ужесточения регулирования бурения нефтяных скважин вызывает больше доверия ученым [ibid.], а в пользу строительства большего количества атомных электростанций, наоборот, способствует его снижению [Kotcher et al., 2017]. Однако дело скорее не в самой «политической» коммуникации, но в направлениях регулирования, которые поддерживают ученые, тогда как не всякая предложенная мера влияет на доверие им [ibid.]. При этом ученые, нацеленные информировать читателей, а не убедить и побудить их к действиям, в целом вызывают больше доверия [Rabinovich, Morton, Birney, 2012].

Авторы связывают доверие и с контекстом исследования и научной коммуникации. Респонденты больше доверяли ученым, которые используют в своих исследованиях стволовых клеток человеческие биоматериалы в противовес животным [Critchley, Bruce, Farrugia, 2013], получают государственное, а не частное финансирование [Critchley, 2008; Critchley, Bruce, Farrugia, 2013], ведут более личную коммуникацию в социальных сетях [Jarreau et al., 2019] и имеют более высокую репутацию [Siegrist, Cvetkovich, 2001]. При этом критика со стороны демократической политической элиты подрывает доверие науке как институту больше, чем критика со стороны республиканцев [Kreps, Kriner, 2020].

Наконец, как предикторы доверия рассматриваются социально-демографические характеристики ученых. Вероисповедание ученых может детерминировать доверие как к ним самим, так и к науке как институту. Так, среди респондентов-атеистов больше доверия вызывают ученые-атеисты [Beauchamp, Rios, 2020], а среди респондентов-христиан информация о превалировании ученых-христиан снижает недоверие науке, что связано с убеждением об угрозе религии со стороны науки [Simpson, Rios, 2019]. Для этой же категории респондентов ученый-атеист вызывает меньше доверия, чем ученый, принадлежащий к католицизму, иудаизму и исламу, что связано с приписыванием последним более выраженных просоциальных мотивов [Beauchamp, Rios, 2020]. Также исследования показывают, что молодые ученые вызывают больше доверия, чем пожилые, а ученые-женщины могут вызывать как меньше [Reif et al., 2020], так и больше доверия, чем ученые-мужчины [Jarreau et al., 2019].

Установки, представления, медиапотребление

Если исследования, использующие экспериментальный дизайн, фокусируются на влиянии атрибутов научной коммуникации, науки и ученых на доверие науке, то опросные исследования обращают внимание на роль субъективных характеристик респондентов. Их можно разделить на четыре категории: общие установки и убеждения респондентов, установки и убеждения респондентов в отношении науки, медиапотребление и социально-демографические характеристики.

Общие установки и убеждения как предикторы доверия наиболее часто привлекают внимание исследователей. В частности, авторы обращаются к изучению религиозных ориентаций людей. Религиозность в целом ассоциируется со сниже-

нием общественного доверия науке [Brewer, Ley, 2013; Sleeth-Keppler, Perkowitz, Speiser, 2017; O'Brien, Noy, 2018; Chan, 2018]. Атеисты же доверяют науке больше, чем приверженцы христианских религиозных направлений [Hilgard, Jamieson, 2017; Cacciatore et al., 2018] и ислама [Chan, 2018].

К предикторам доверия науке исследователи относят и политические взгляды. Доверие науке характерно для тех, кто разделяет скорее либеральные взгляды в противовес консервативным [Carlisle et al., 2010; Gauchat, 2012; Brewer, Ley, 2013; Myers et al., 2017; Hilgard, Jamieson, 2017; Cacciatore et al., 2018; Pechar, Bernauer, Mayer, 2018], а также поддерживает Демократическую партию США в противовес Республиканской [Gauchat, 2012; Hamilton, Hartter, Saito, 2015]. Исследования показывают, что доверие науке характерно для людей, которые поддерживают ценность эгалитаризма [Carlisle et al., 2010] и подвергают сомнению моральный традиционализм [Achterberg, de Koster, Van der Waal, 2017]. При этом для тех, кто испытывает социальное или институциональное отчуждение, характерно скорее слабое институциональное доверие науке [Gauchat, 2011], но более сильное доверие научному методу [Achterberg, de Koster, Van der Waal, 2017].

Доверие выше среди тех, кто определяет науку как метод или институт и не требует от нее согласованности с другими формами знания [Gauchat, 2011]. Также наличие научных знаний [Anderson et al., 2012; Lee, Kim, 2018], признание авторитета науки [Gauchat, 2011; Anderson et al., 2012; Cacciatore et al., 2018] и интерес к науке [Roberts et al., 2013; Motta, 2018] и научным новостям [Hilgard, Jamieson, 2017; Cacciatore et al., 2018] положительно связаны с доверием науке.

Ряд исследователей изучили и роль медиапотребления респондентов. Доверие науке характерно для тех, кто чаще использует социальные сети [Huber et al., 2019; Jarreau et al. 2019] и обращается к общественным СМИ [Anderson et al., 2012]. В частности, с ростом доверия ассоциируется частота обращения к неконсервативным медиа [Hmielowski et al., 2014; Hilgard, Jamieson, 2017]. Однако частое обращение к консервативным медиа скорее связано со снижением доверия науке [Hmielowski et al., 2014].

Социально-демографические характеристики

Наконец, в рассмотренных здесь работах мужчины [Gauchat, 2012; Hilgard, Jamieson, 2017; Graffigna et al., 2021], более молодые респонденты [Bleich, Blendon, Adams, 2007; Anderson et al., 2012; Brewer, Ley, 2013; Hamilton et al., 2014; Hilgard, Jamieson, 2017; Cacciatore et al., 2018; Jarreau et al. 2019], составляющие белое население [Bleich, Blendon, Adams, 2007; Gauchat, 2012; Hilgard, Jamieson, 2017], люди с высоким уровнем образования [Gauchat, 2012; Achterberg, de Koster, Van der Waal, 2017; Sleeth-Keppler, Perkowitz, Speiser, 2017; Hilgard, Jamieson, 2017; O'Brien, Noy, 2018] и дохода [Gauchat, 2012; Myers et al., 2017] выражают больше доверия науке. Однако некоторые результаты указывают на нелинейный характер связи между доверием науке и возрастом [Gauchat, 2012], а исследование доверия ученым в отношении проблемы ожирения указывает на более высокое доверие среди женщин [Bleich, Blendon, Adams, 2007].

Также ученые установили, что переживание эпидемий в молодом возрасте негативно влияет на дальнейшее доверие науке [Eichengreen, Aksoy, Saka, 2021].

А недавние исследования показали краткосрочные изменения доверия, связанные с пандемией COVID-19: доверие науке после объявления и введения локдауна повысилось в Дании и Новой Зеландии [Sibley et al., 2020; Groeniger et al., 2021], но стало слабее в Италии [Graffigna et al., 2021].

Факторы и гипотезы (не)доверия науке в современном обществе

По результатам обзора эмпирических взаимосвязей можно выделить несколько групп факторов доверия науке, которые согласуются с существующими в социологии теориями общественного (не)доверия науке. Этим соотношением подведем итог проведенному обзору.

Во-первых, доверие науке возникает в ситуации согласованности ориентаций ученых с либерально-демократической повесткой, а также среди людей, разделяющих скорее либерально-демократические ценности. Доверие науке также выше у атеистов, среди которых при этом больше доверия вызывают ученые-атеисты. Однако среди верующих людей доверие науке хоть и ниже, но растет при ассоциации ученых с вероисповеданием. Так, Р.К. Мертон пишет, что общественное недоверие науке возникает в связи с «конфликтом между этосом науки и других социальных институтов» [Мертон, 2007: 206]. В пользу этого говорят и данные: недоверие связано с восприятием угрозы религии со стороны науки и с требованиями ее согласованности с другими формами знания. Это показывает, что не только политические или религиозные взгляды, но и воспринимаемое людьми несоответствие ценностных систем приводит к недоверию науке.

При этом доверие науке как институту связано с социальной интеграцией, а также доверием другим общественным институтам, что согласуется с гипотезой общего современного «институционального отчуждения» [Гидденс, 2011]. Наоборот, доверие научному методу возрастает с ростом аномии, что иллюстрирует другой аспект отношений науки и современности. Н. Луман связывает доверие с усложнением общественной жизни, принятием рискованных решений и индивидуальной ответственностью, а также с вовлеченностью и активностью людей [Luhmann, 2000]. В таком случае доверие науке скорее возникнет в развитых либеральных обществах, среди информированных, вовлеченных и образованных граждан, имеющих более высокий уровень жизни, ориентированных на расширение возможностей для рациональных действий. Такая связь согласуется с гипотезой «ограниченной осведомленности» населения [Allum et al., 2008] и частично может быть объяснена тем, что доверие науке основывается не только на суждениях «доверяющего» о науке, но и на уверенности в собственных знаниях и способности выносить такие суждения [Engdahl, Lidskog, 2014].

Наконец, работы показывают, что доверие выше к идеологически «нейтральным» исследованиям, имеющим государственное, а не частное финансирование. Повышает доверие людей и коммуникация научной неопределенности учеными, но не в случае принципиальной невозможности точных результатов. Также доверие повышает воспринимаемый консенсус среди ученых, согласованность и воспроизводимость научных результатов. С одной стороны, это говорит о том, что недоверие науке может быть связано с представлением людей о навязывании наукой своих взглядов обществу, обвинениями ученых в самоуверенности, авто-

ритарной идеологии и научном догматизме [Barber, 1987]. С другой стороны, это показывает, что от ученых ожидают беспристрастности, честной коммуникации и самокритичности, а также возможности создания согласованного, достоверного знания в результате соблюдения технических и моральных норм. Их невыполнение характеризует переход к постакадемической науке с ее коммерциализацией, фискализацией и снижением автономии ученых, что приводит к различным девиациям и патологиям в науке, угрозе достоверности получаемых результатов и, соответственно, эрозии общественного доверия [Sztompka, 2007].

Заключение

Обзор количественных исследований факторов общественного доверия науке показал высокую разнородность применяемых концепций и способов измерения общественного доверия. Эту ситуацию можно объяснить рядом причин: почти универсальной терминологической путаницей, которая затрагивает большинство понятий, обозначающих сложные социальные явления, междисциплинарным характером исследовательского поля, а также его относительно недавним расцветом и бурным развитием. Так или иначе, мы получаем разные способы понимания общественного доверия науке, которые нужно учитывать при рассмотрении научных результатов. Более того, каждая из этих стратегий очерчивает и потенциальный пул факторов, которые могут детерминировать доверие, а также принципы их выявления.

Так, в рассмотренном поле примерно в равной степени представлены как экспериментальные исследования, так и массовые опросы населения. Это также связано с тем, что существенная доля работ фокусируется на атрибутах науки, ученых и научной коммуникации в качестве потенциальных факторов общественного доверия. И не меньше внимания уделяется субъективным характеристикам респондентов, их представлениям и установкам, а также сравнению разных социальных групп. Соответственно, ученые обращают внимание на роль обеих сторон отношений науки и общества в формировании общественного доверия. При этом их результаты, хотя зачастую и не связываются эксплицитно с существующими теоретическими моделями доверия науке, в частности описанными в работах таких социологов как Р.К. Мертон, Б. Барбер, П. Штомпка, Н. Луман, Э. Гидденс, но дают основания для утверждения их справедливости и актуальности.

Авторы указывают и на межстрановые различия уровней доверия [O'Brien, Noy, 2018] и эффектов его факторов [Chan, 2018; Huber et al., 2019]. Такая вариативность может быть отчасти объяснена сложностью условий его формирования, связанных как с состоянием науки, так и с существующим контекстом. С одной стороны, важно помнить о характерных для современности глобализационных процессах, частью которых становятся локальные изменения: «происходящее в местной общине испытывает влияние факторов, действующих на сколь угодно большом расстоянии от нее» [Гидденс, 2011: 189]. А с другой стороны, по мнению Р.К. Мертона, вера в науку — продукт определенной культуры, она легко превращается в сомнение или неверие при определенных социальных условиях [Мертон, 2007]. Так, отечественные авторы пишут о наличии как общемировых (например, распространение ненаучных форм знания в обществе [Зарубина, 2018]),

так и специфических для России условий (таких как снижение престижа научной работы [Темницкий, 2018]). Значит, обнаруженные в одной культуре факторы доверия науке могут возникать и в других контекстах как следствие универсальных тенденций, однако подобный перенос не может производиться слепо, без учета специфических условий существования и развития отечественной науки.

Поэтому хотя выявленные зарубежными авторами факторы доверия и можно перенести в российские реалии, но скорее взяв их за основу для построения исследовательских гипотез. В связи с этим необходимы собственные исследования по этой теме, которые будут учитывать специфику российского контекста. Это позволит сформировать более полное понимание проблемы доверия науке в России и улучшить научную коммуникацию с разными аудиториями граждан.

Список литературы (References)

Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Зарубина Н. Н. Доверие к науке в современной России в контекстах множественности форм знания // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 110—120. <https://doi.org/10.7868/S0132162518050100>.

Zarubina N. N. (2018) Trust to Science in Modern Russia in the Contexts of the Plurality of Forms of Knowledge. *Sociological Research*. No. 5. P. 110—120. <https://doi.org/10.7868/S0132162518050100>. (In Russ.)

Индикаторы науки 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

Science and Technology Indicators in the Russian Federation 2021: Data Book. (2021) Moscow: HSE University. (In Russ.)

Мертон Р. Наука и социальный порядок // Вопросы социальной теории. 2007. Т. 1. № 1. С. 191—207.

Merton R. (2007) Science and Social Order. *Questions of the Social Theory*. Vol. 1. No. 1. P. 191—207. (In Russ.)

Темницкий А. Л. Личностные факторы доверия студентов к социальным наукам // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 1. С. 210—221. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.1.19>.

Temnitsky A. L. (2018) Students' Personal Factors of Trust to the Social Sciences. *Humanitarians of the South of Russia*. Vol. 7. No. 1. P. 210—221. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.1.19>. (In Russ.)

Achterberg P., de Koster W., Van der Waal J. (2017) A Science Confidence Gap: Education, Trust in Scientific Methods, and Trust in Scientific Institutions in the United States, 2014. *Public Understanding of Science*. Vol. 26. No. 6. P. 704—720. <https://doi.org/10.1177/0963662515617367>.

Agley J. (2020) Assessing Changes in Us Public Trust in Science amid the COVID-19 Pandemic. *Public Health*. Vol. 183. P. 122—125. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2020.05.004>.

- Allum N., Sturgis P., Tabourazi D., Brunton-Smith I. (2008) Science Knowledge and Attitudes Across Cultures: A Meta-Analysis. *Public Understanding of Science*. Vol. 17. No. 1. P. 35—54. <https://doi.org/10.1177/0963662506070159>.
- Anderson A. A., Scheufele D. A., Brossard D., Corley E. A. (2012) The Role of Media and Deference to Scientific Authority in Cultivating Trust in Sources of Information about Emerging Technologies. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 24. No. 2. P. 225—237. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edr032>.
- Anvari F., Lakens D. (2018) The Replicability Crisis and Public Trust in Psychological Science. *Comprehensive Results in Social Psychology*. Vol. 3. No. 3. P. 266—286. <https://doi.org/10.1080/23743603.2019.1684822>.
- Attwell K., Lake J., Sneddon J., Gerrans P., Blyth C., Lee J. (2021) Converting the Maybes: Crucial for a Successful COVID-19 Vaccination Strategy. *PLOS ONE*. Vol. 16. No. 1. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0245907>.
- Barber B. (1987) Trust in Science. *Minerva*. Vol. 25. No. 1/2. P. 123—134.
- Bauer M. W., Allum N., Miller S. (2007) What Can We Learn from 25 years of PUS Survey Research? Liberating and Expanding the Agenda. *Public Understanding of Science*. Vol. 16. No. 1. P. 79—95. <https://doi.org/10.1177/0963662506071287>.
- Beauchamp A. L., Rios K. (2020) Secularism in Science: The Role of Religious Affiliation in Assessments of Scientists' Trustworthiness. *Public Understanding of Science*. Vol. 29. No. 2. P. 194—210. <https://doi.org/10.1177/0963662519888599>.
- Besley J. (2010) Current Research on Public Perceptions of Nanotechnology. *Emerging Health Threats Journal*. Vol. 3. No. 1. <https://doi.org/10.3402/ehjt.v3i0.7098>.
- Besley J. C., Lee N. M., Pressgrove G. (2021) Reassessing the Variables Used to Measure Public Perceptions of Scientists. *Science Communication*. Vol. 43. No. 1. P. 3—32. <https://doi.org/10.1177/1075547020949547>.
- Blankenship B. T., Stewart A. J. (2019) Threat, Trust, and Trump: Identity and Voting in the 2016 Presidential Election. *Politics, Groups, and Identities*. Vol. 7. No. 3. P. 724—736. <https://doi.org/10.1080/21565503.2019.1633932>.
- Bleich S., Blendon R., Adams A. (2007) Trust in Scientific Experts on Obesity: Implications for Awareness and Behavior Change. *Obesity*. Vol. 15. No. 8. P. 2145—2156. <https://doi.org/10.1038/oby.2007.255>.
- Bles A. M., Linden S., Freeman A. L. J., Mitchell J., Galvao A. B., Zaval L., Spiegelhalter D. J. (2019) Communicating Uncertainty about Facts, Numbers and Science. *Royal Society Open Science*. Vol. 6. No. 5. <https://doi.org/10.1098/rsos.181870>.
- Breakwell G. M., Fino E., Jaspal R. (2021) COVID-19 Preventive Behaviours in White British and Black, Asian and Minority Ethnic (BAME) People in the UK. *Journal of Health Psychology*. P. 1—17. <https://doi.org/10.1177/13591053211017208>.

- Brewer P. R., Ley B. L. (2013) Whose Science Do You Believe? Explaining Trust in Sources of Scientific Information About the Environment. *Science Communication*. Vol. 35. No. 1. P. 115—137. <https://doi.org/10.1177/1075547012441691>.
- Bromme R., Gierth L. (2021) Rationality and the Public Understanding of Science. In: Knaff M., Spohn W. (ed.) *The Handbook of Rationality*. Cambridge, MA: MIT Press. P. 767—776.
- Butterfuss R., Aubele J., Kendeou P. (2020) Hedged Language and Partisan Media Influence Belief in Science Claims. *Science Communication*. Vol. 42. No. 2. P. 147—171. <https://doi.org/10.1177/1075547020908598>.
- Cacciatore M. A., Browning N., Scheufele D. A., Brossard D., Xenos M. A., Corley E. A. (2018) Opposing Ends of the Spectrum: Exploring Trust in Scientific and Religious Authorities. *Public Understanding of Science*. Vol. 27. No. 1. P. 11—28. <https://doi.org/10.1177/0963662516661090>.
- Carlisle J. E., Feezell J. T., Michaud K. E. H., Smith E. R. A. N., Smith L. (2010) The Public's Trust in Scientific Claims Regarding Offshore Oil Drilling. *Public Understanding of Science*. Vol. 19. No. 5. P. 514—527. <https://doi.org/10.1177/0963662510375663>.
- Chan E. (2018) Are the Religious Suspicious of Science? Investigating Religiosity, Religious Context, and Orientations Towards Science. *Public Understanding of Science*. Vol. 27. No. 8. P. 967—984. <https://doi.org/10.1177/0963662518781231>.
- Chen Y.-N.K., Wen C.-H.R. (2021) Impacts of Attitudes Toward Government and Corporations on Public Trust in Artificial Intelligence. *Communication Studies*. Vol. 72. No. 1. P. 115—131. <https://doi.org/10.1080/10510974.2020.1807380>.
- Cook J., Lewandowsky S. (2016) Rational Irrationality: Modeling Climate Change Belief Polarization Using Bayesian Networks. *Topics in Cognitive Science*. Vol. 8. No. 1. P. 160—179. <https://doi.org/10.1111/tops.12186>.
- Critchley C. R. (2008) Public Opinion and Trust in Scientists: The Role of the Research Context, and the Perceived Motivation of Stem Cell Researchers. *Public Understanding of Science*. Vol. 17. No. 3. P. 309—327. <https://doi.org/10.1177/0963662506070162>.
- Critchley C. R., Bruce G., Farrugia M. (2013) The Impact of Commercialisation on Public Perceptions of Stem Cell Research: Exploring Differences Across the Use of Induced Pluripotent Cells, Human and Animal Embryos. *Stem Cell Reviews and Reports*. Vol. 9. No. 5. P. 541—554. <https://doi.org/10.1007/s12015-013-9445-4>.
- Đorđević J., Mari S., Vdović M., Milošević A. (2021) Links between Conspiracy Beliefs, Vaccine Knowledge, and Trust: Anti-vaccine Behavior of Serbian Adults. *Social Science & Medicine*. Vol. 277. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.113930>.
- Earle T. C., Siegrist M., Gutscher H. (2010) *Trust in Risk Management: Uncertainty and Scepticism in the Public Mind*. London; Washington, DC: Earthscan.
- Eichengreen B., Aksoy C. G., Saka O. (2021) Revenge of the Experts: Will COVID-19 Renew or Diminish Public Trust in Science? *Journal of Public Economics*. Vol. 193. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104343>.

Elliott K. C., McCright A.M., Allen S., Dietz T. (2017) Values in Environmental Research: Citizens' Views of Scientists Who Acknowledge Values. *PLOS ONE*. Vol. 12. No. 10. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0186049>.

Engdahl E., Lidskog, R. (2014) Risk, Communication and Trust: Towards an Emotional Understanding of Trust. *Public Understanding of Science*. Vol. 23. No. 6. P. 703—717. <https://doi.org/10.1177/0963662512460953>.

Funk C., Kennedy B. (2020) Public Confidence in Scientists has Remained Stable for Decades. Pew Research Center (2019). URL: <http://pewrsr.ch/2oN3eZh> (accessed: 11.08.2021)

Gauchat G. (2011) The Cultural Authority of Science: Public Trust and Acceptance of Organized Science. *Public Understanding of Science*. Vol. 20. No. 6. P. 751—770. <https://doi.org/10.1177/0963662510365246>.

Gauchat G. (2012) Politicization of Science in the Public Sphere: A Study of Public Trust in the United States, 1974 to 2010. *American Sociological Review*. Vol. 77. No. 2. P. 167—187. <https://doi.org/10.1177/0003122412438225>.

Gieryn T.F. (1999) *Cultural Boundaries of Science: Credibility on the Line*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Graffigna G., Barello S., Savarese M., Palamenghi L., Castellini G., Bonanomi A., Lozza E. (2020) Measuring Italian Citizens' Engagement in the First Wave of the COVID-19 Pandemic Containment Measures: A Cross-Sectional Study. *PLOS ONE*. Vol. 15. No. 9. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0238613>.

Graffigna G., Palamenghi L., Savarese M., Castellini G., Barello S. (2021) Effects of the COVID-19 Emergency and National Lockdown on Italian Citizens' Economic Concerns, Government Trust, and Health Engagement: Evidence from a Two-Wave Panel Study. *The Milbank Quarterly*. Vol. 99. No. 2. P. 369—392. <https://doi.org/10.1111/1468-0009.12506>.

Groeniger J., Noordzij K., Waal J, Koster W. (2021) Dutch COVID-19 Lockdown Measures Increased Trust in Government and Trust in Science: A Difference-In-Differences Analysis. *Social Science & Medicine*. Vol. 275. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.113819>.

Hamilton L.C., Hartter J., Saito K. (2015) Trust in Scientists on Climate Change and Vaccines. *SAGE Open*. Vol. 5. No. 3. <https://doi.org/10.1177/2158244015602752>.

Hendriks F., Jucks R. (2020) Does Scientific Uncertainty in News Articles Affect Readers' Trust and Decision-Making? *Media and Communication*. Vol. 8. No. 2. P. 401—412. <https://doi.org/10.17645/mac.v8i2.2824>.

Hendriks F., Kienhues D., Bromme R. (2016) Trust in Science and the Science of Trust. In: Blöbaum B. (eds.) *Trust and Communication in a Digitized World*. Progress in IS. Cham: Springer. P. 143—159. https://doi.org/10.1007/978-3-319-28059-2_8.

Hendriks F., Kienhues D., Bromme R. (2020) Replication Crisis = Trust Crisis? The Effect of Successful vs Failed Replications on Laypeople's Trust in Researchers and

Research. *Public Understanding of Science*. Vol. 29. No. 3. P. 270—288. <https://doi.org/10.1177/0963662520902383>.

Hilgard J., Jamieson K. H. (2017) Does a Scientific Breakthrough Increase Confidence in Science? News of a Zika Vaccine and Trust in Science. *Science Communication*. Vol. 39. No. 4. P. 548—560. <https://doi.org/10.1177/1075547017719075>.

Hmielowski J. D., Feldman L., Myers T. A., Leiserowitz A., Maibach E. (2014) An Attack on Science? Media Use, Trust in Scientists, and Perceptions of Global Warming. *Public Understanding of Science*. Vol. 23. No. 7. P. 866—883. <https://doi.org/10.1177/0963662513480091>.

Hoti F., Perko T., Thijssen P., Renn O. (2020) Radiation Risks and Uncertainties: A Scoping Review to Support Communication and Informed Decision-Making. *Journal of Radiological Protection*. Vol. 40. No. 2. P. 612—632. <https://doi.org/10.1088/1361-6498/ab885f>.

House of Lords Select Committee on Science and Technology (2000) Science and Society: Third Report. London: Her Majesty's Stationery Office.

Howe L. C., MacInnis B., Krosnick J. A., Markowitz E. M., Socolow R. (2019) Acknowledging Uncertainty Impacts Public Acceptance of Climate Scientists' Predictions. *Nature Climate Change*. Vol. 9. No. 11. P. 863—867. <https://doi.org/10.1038/s41558-019-0587-5>.

Huber B., Barnidge M., Gil de Zúñiga H., Liu J. (2019) Fostering public trust in science: The role of social media. *Public Understanding of Science*. Vol. 28. No. 7. P. 759—777. <https://doi.org/10.1177/0963662519869097>.

Iyengar S., Massey D. S. (2018) Scientific Communication in a Post-truth Society. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 116. No. 16. P. 7656—7661. <https://doi.org/10.1073/pnas.1805868115>.

Jarreau P. B., Cancellare I. A., Carmichael B. J., Porter L., Toker D., Yammine S. Z. (2019) Using Selfies to Challenge Public Stereotypes of Scientists. *PLOS ONE*. Vol. 14. No. 5. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0216625>.

Jensen J. D. (2008) Scientific Uncertainty in News Coverage of Cancer Research: Effects of Hedging on Scientists' and Journalists' Credibility. *Human Communication Research*. Vol. 34. No. 3. P. 347—369. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2958.2008.00324.x>.

Joslyn S., Demnitz R. (2021) Explaining How Long CO₂ Stays in the Atmosphere: Does It Change Attitudes toward Climate Change? *Journal of Experimental Psychology: Applied*. <https://doi.org/10.1037/xap0000347>.

Kabat G. C. (2017) Taking Distrust of Science Seriously. *EMBO Reports*. Vol. 18. No. 7. P. 1052—1055. <https://doi.org/10.15252/embr.201744294>.

Kotcher J. E., Myers T. A., Vraga E. K., Stenhouse N., Maibach E. W. (2017) Does Engagement in Advocacy Hurt the Credibility of Scientists? Results from a Randomized National Survey Experiment. *Environmental Communication*. Vol. 11. No. 3. P. 415—429. <https://doi.org/10.1080/17524032.2016.1275736>.

Kreps S. E., Kriner D. L. (2020) Model Uncertainty, Political Contestation, and Public Trust in Science: Evidence from the COVID-19 Pandemic. *Science Advances*. Vol. 6. No. 43. <https://doi.org/10.1126/sciadv.abd4563>.

Lee S., Kim S.-H. (2018) Scientific Knowledge and Attitudes Toward Science in South Korea: Does Knowledge Lead to Favorable Attitudes? *Science Communication*. Vol. 40. No. 2. P. 147—172. <https://doi.org/10.1177/1075547017753189>.

Luhmann N. (2000) Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. In: Gambetta D. (ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Blackwell. P. 94—107.

Luna D. S., Bering J. M., Halberstadt J. B. (2021) Public Faith in Science in the United States Through the Early Months of the COVID-19 Pandemic. *Public Health in Practice*. Vol. 2. <https://doi.org/10.1016/j.puhip.2021.100103>.

Marques M. D., Critchley C. R., Walshe J. (2015) Attitudes to Genetically Modified Food over Time: How Trust in Organizations and the Media Cycle Predict Support. *Public Understanding of Science*. Vol. 24. No. 5. P. 601—618. <https://doi.org/10.1177/0963662514542372>.

McCright A. M., Dentzman K., Charters M., Dietz T. (2013) The Influence of Political Ideology on Trust in Science. *Environmental Research Letters*. Vol. 8. No. 4. <https://doi.org/10.1088/1748-9326/8/4/044029>.

Millstone E., Van Zwanenberg P. (2000) A Crisis of Trust: For Science, Scientists or for Institutions? *Nature Medicine*. Vol. 6. No. 12. P. 1307—1308. <https://doi.org/10.1038/82102>.

Motta M. (2018) The Enduring Effect of Scientific Interest on Trust in Climate Scientists in the United States. *Nature Climate Change*. Vol. 8. No. 6. P. 485—488. <https://doi.org/10.1038/s41558-018-0126-9>.

Myers T. A., Kotcher J., Stenhouse N., Anderson A. A., Maibach E., Beall L., Leiserowitz A. (2017) Predictors of Trust in the General Science and Climate Science Research of Us Federal Agencies. *Public Understanding of Science*. Vol. 26. No. 7. P. 843—860. <https://doi.org/10.1177/0963662516636040>.

Nadelson L., Jorcyk C., Yang D., Jarratt Smith M., Matson S., Cornell K., Husting V. (2014) I Just Don't Trust Them: The Development and Validation of an Assessment Instrument to Measure Trust in Science and Scientists. *School Science and Mathematics*. Vol. 114. No. 2. P. 76—86. <https://doi.org/10.1111/ssm.12051>.

Nisbet E. C., Cooper K. E., Garrett R. K. (2015) The Partisan Brain: How Dissonant Science Messages Lead Conservatives and Liberals to (Dis)Trust Science. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 658. No. 1. P. 36—66. <https://doi.org/10.1177/0002716214555474>.

O'Brien T. L., Noy S. (2018) Cultural Authority in Comparative Context: A Multilevel Analysis of Trust in Science and Religion. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 57. No. 3. P. 495—513. <https://doi.org/10.1111/jssr.12537>.

Pechar E., Bernauer T., Mayer F. (2018) Beyond Political Ideology: The Impact of Attitudes Towards Government and Corporations on Trust in Science. *Science Communication*. Vol. 40. No. 3. P. 291—313. <https://doi.org/10.1177/1075547018763970>.

Plohl N., Musil B. (2021) Modeling Compliance with COVID-19 Prevention Guidelines: The Critical Role of Trust in Science. *Psychology, Health & Medicine*. Vol. 26. No. 1. P. 1—12. <https://doi.org/10.1080/13548506.2020.1772988>.

Rabinovich A., Morton T.A., Birney M.E. (2012) Communicating Climate Science: The Role of Perceived Communicator's Motives. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 32. No. 1. P. 11—18. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2011.09.002>.

Reif A., Kneisel T., Schäfer M., Taddicken M. (2020) Why Are Scientific Experts Perceived as Trustworthy? Emotional Assessment within TV and YouTube Videos. *Media and Communication*. Vol. 8. No. 1. P. 191—205. <https://doi.org/10.17645/mac.v8i1.2536>.

Retzbach A., Maier M. (2015) Communicating Scientific Uncertainty: Media Effects on Public Engagement with Science. *Communication Research*. Vol. 42. No. 3. P. 429—456. <https://doi.org/10.1177/0093650214534967>.

Roberts M.R., Reid G., Schroeder M., Norris S.P. (2013) Causal or Spurious? The Relationship of Knowledge and Attitudes to Trust in Science and Technology. *Public Understanding of Science*. Vol. 22. No. 5. P. 624—641. <https://doi.org/10.1177/0963662511420511>.

Rozenbeek J., Schneider C.R., Dryhurst S., Kerr J., Freeman A.L.J., Recchia G., Bles A.M. van der, Linden S. van der. (2020) Susceptibility to Misinformation about COVID-19 around the World. *Royal Society Open Science*. Vol. 7. No. 10. <https://doi.org/10.1098/rsos.201199>.

Scheitle C.P., Guthrie S.K. (2019) Public Responses to Scientific Research: Does Disciplinary Attribution Matter? *Public Understanding of Science*. Vol. 28. No. 2. P. 234—245. <https://doi.org/10.1177/0963662518814365>.

Sibley C.G., Greaves L.M., Satherley N., Wilson M.S., Overall N.C., Lee C.H.J., Milojev P., Bulbulia J., Osborne D., Milfont T.L., Houkamau C.A., Duck I.M., Vickers-Jones R., Barlow F.K. (2020) Effects of the COVID-19 Pandemic and Nationwide Lockdown on Trust, Attitudes toward Government, and Well-Being. *American Psychologist*. Vol. 75. No. 5. P. 618—630. <https://doi.org/10.1037/amp0000662>.

Siegrist M., Cvetkovich G. (2001) Better Negative than Positive? Evidence of a Bias for Negative Information about Possible Health Dangers. *Risk Analysis*. Vol. 21. No. 1. P. 199—206. <https://doi.org/10.1111/0272-4332.211102>.

Simpson A., Rios K. (2019) Is Science for Atheists? Perceived Threat to Religious Cultural Authority Explains U.S. Christians' Distrust in Secularized Science. *Public Understanding of Science*. Vol. 28. No. 7. P. 740—758. <https://doi.org/10.1177/0963662519871881>.

Sleeth-Keppler D., Perkowitz R., Speiser M. (2017) It's a Matter of Trust: American Judgments of the Credibility of Informal Communicators on Solutions to Climate

Change. *Environmental Communication*. Vol. 11. No. 1. P. 17—40. <https://doi.org/10.1080/17524032.2015.1062790>.

Sturgis P., Brunton-Smith I., Jackson J. (2021) Trust in Science, Social Consensus and Vaccine Confidence. *Nature Human Behaviour*. P. 1—7. <https://doi.org/10.1038/s41562-021-01115-7>.

Sztompka P. (2007) Trust in Science: Robert K. Merton's Inspirations. *Journal of Classical Sociology*. Vol. 7. No. 2. P. 211—220. <https://doi.org/10.1177/1468795X07078038>.

Tonković M., Dumančić F., Jelić M., Čorkalo Biruški D. (2021) Who Believes in COVID-19 Conspiracy Theories in Croatia? Prevalence and Predictors of Conspiracy Beliefs. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.643568>.

Van de Velde L., Verbeke W., Popp M., Van Huylenbroeck G. (2011) Trust and Perception Related to Information about Biofuels in Belgium. *Public Understanding of Science*. Vol. 20. No. 5. P. 595—608. <https://doi.org/10.1177/0963662509358641>.

Wingen T., Berkessel J. B., English B. (2020) No Replication, No Trust? How Low Replicability Influences Trust in Psychology. *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 11. No. 4. P. 454—463. <https://doi.org/10.1177/1948550619877412>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2056](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2056)

Ж. С. Сафронова, Ю. А. Труханова

РАЗВИТИЕ КРАУДСОРСИНГА — НОВЫЙ ВЫЗОВ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Сафронова Ж. С., Труханова Ю. А. Развитие краудсорсинга — новый вызов для российских фармацевтических компаний // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 212—229. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2056>.

For citation:

Safronova Z. S., Trukhanova Y. A. (2022) Crowdsourcing Development as a New Challenge for Russian Pharmaceutical Companies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 212–229. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2056>. (In Russ.)

РАЗВИТИЕ КРАУДСОРСИНГА — НОВЫЙ ВЫЗОВ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

САФРОНОВА Жанна Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и управления, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: janna.safronova@pharminnotech.com
<https://orcid.org/0000-0003-2231-5655>

ТРУХАНОВА Юлия Александровна — магистрант, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: truhanova.yuliya@pharminnotech.com
<https://orcid.org/0000-0002-4335-4488>

Аннотация. Краудсорсинг считается технологией XXI века и позволяет создавать уникальный продукт, что бывает сложно осуществить в рамках одного предприятия или даже отрасли. Отношение к данной технологии в российской фармацевтической отрасли характеризуется как неоднозначное. Целью статьи является теоретическое и практическое исследование проблемы развития краудсорсинга в российских фармкомпаниях и выявление отношения к краудсорсингу специалистов соответствующего профиля. Авторы изучают применение этой технологии в зарубежных компаниях, занимающихся разработкой лекарственных средств, анализируют ее актуальность и применимость в российских условиях. В результате теоретического исследования выявлены причины отказа от краудсорсинга в данной области, среди которых отсутствие регулятор-

CROWDSOURCING DEVELOPMENT AS A NEW CHALLENGE FOR RUSSIAN PHARMACEUTICAL COMPANIES

Zhanna S. SAFRONOVA¹ — Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor, Department of Economics and Management
E-MAIL: janna.safronova@pharminnotech.com
<https://orcid.org/0000-0003-2231-5655>

Yulia A. TRUKHANOVA¹ — Master's Student
E-MAIL: truhanova.yuliya@pharminnotech.com
<https://orcid.org/0000-0002-4335-4488>

¹ Saint Petersburg State Chemical Pharmaceutical University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Crowdsourcing is a 21st-century technique that allows the creation of a unique product, which can be challenging to implement within a single enterprise or industry. The attitude to this technique in the Russian pharmaceutical industry is ambiguous. The article aims to theoretically and empirically study the development of crowdsourcing in Russian pharmaceutical companies and identify the attitude of specialists of the relevant profile towards crowdsourcing. The authors study the use of crowdsourcing in foreign drug development companies and analyze its relevance and applicability in the Russian context. The authors identify the reasons for the rejection of crowdsourcing in the area, such as the lack of regulatory mechanisms, peculiarities of pharmaceutical development, organization of the production of medicines, etc. The article considers approaches to solving the

ных механизмов, особенности фармацевтических разработок, организация производства лекарственных средств и др. В статье рассмотрены подходы к решению описанной проблемы, представлены результаты опроса специалистов химико-фармацевтического профиля, выделены основные трудности применения технологии в сфере разработок лекарственных препаратов, а именно, возможное несоблюдение стандартов отрасли, недостоверность данных, несоблюдение авторских прав и др. Обозначены пути решения: обеспечение открытости российских фармацевтических компаний, четкое определение сферы применения краудсорсинга, степени ответственности, возможностей и уровней вовлеченности внешней аудитории, регулирование прав и обязанностей участников проектов. Сделан вывод о целесообразности использования этой технологии в условиях инновационной деятельности предприятия. Краудсорсинг может быть ценным инструментом для междисциплинарных научных исследований в сфере разработки лекарственных средств и развития всей отрасли здравоохранения.

Ключевые слова: краудсорсинг, фармацевтическая компания, лекарственные средства, интеллектуальный потенциал, ресурсы, сотрудничество, инновации, риски

problem, presents the results of a survey of chemical and pharmaceutical specialists, and highlights the main difficulties in applying the technique in the field of drug development, namely, the possible non-compliance with industry standards, unreliable data, non-compliance with copyrights, etc. The authors identify the following solutions — ensuring the openness of Russian pharmaceutical companies, clearly defining the scope of crowdsourcing, the degree of responsibility, opportunities, and levels of involvement of the external audience, and regulating the rights and obligations of project participants. The article concludes with the expediency of using the technique in the context of the innovative activity of an enterprise. Crowdsourcing can be a valuable tool for interdisciplinary research in drug development and the development of the entire healthcare industry.

Keywords: crowdsourcing, pharmaceutical company, medicines, intellectual potential, resources, cooperation, innovation, risks,

Постановка проблемы

С развитием цифровизации, усложнением социально-экономических систем и процессов возрастает актуальность мультидисциплинарных подходов во всех сферах науки и практики. Одним из направлений инновационного преобразования общества считается развитие краудсорсинга.

По оценкам А. В. Бакаленко, Р. А. Долженко, С. А. Захаровой, С. В. Егерёва, А. Шумахер, Г. П. Кэролла и др., краудсорсинг способен обеспечить вовлеченность

широких слоев населения, различных групп ученых и практиков в управление общественными и экономическими системами, стать основой для инновационного развития государств, регионов, организаций. Краудсорсинг как привлечение ресурсов общества является моделью открытых инноваций и используется для решения сложных задач [Almirall, Casadesus-Masanell, 2010; Dorsch et al., 2015; Schuhmacher, Kuss, 2020; Бакаленко, 2018; Долженко, 2014].

Первыми краудсорсинг начали использовать представители бизнеса. Позже он находит широкое распространение в инициативах органов власти, например, краудсорсинговые площадки Правительства Москвы [Соколов, 2015; Денисова, 2016; Казакова, 2016], региональные программы «Открытый регион» и «Электронные Правительства» [Соколов, 2015], цифровая платформа «Совместная идея» и др. [Сухарев, 2018; Кузнецов, 2020].

Краудсорсинг активно изучается и внедряется в образовании [Журавлева, 2017; Куприянова, 2020], медицине [Богма, 2017; Гузеева, Максимова, 2016], маркетинге [Багиев, Вайсбейн, 2017; Алешникова 2018], политике [Миросниченко, 2011; Михайлова 2017; Фантров, 2017] и пр. Следует также отметить такое направление научных исследований как качество и оценка результатов краудсорсинга, работанности его правовой базы [Долженко, 2014; Лихачев, 2016; Сухарев, 2018].

Исследователи проблематики краудсорсинга в науке подчеркивают необходимость новых форм организации академической деятельности, основанных на сетевых взаимодействиях, обеспечивающих свободу и альтернативность научного поиска, компенсирующих жесткую систему научного планирования и привлекающих мобильные группы ученых [Егереv, Захарова, 2015]. По мнению С. А. Захаровой и С. В. Егерев, зачастую российские ученые показывают активное и плодотворное участие в иностранных проектах краудсорсинга, тогда как отечественные краудсорсинговые проекты «находятся в зачаточном состоянии». Следует отметить, что в настоящее время у российских компаний появилась реальная возможность изменить отношение к российским краудсорсинговым инициативам.

Краудсорсинг открывает широкий спектр возможностей для медицины и фармации. По данным медицинского форума Med About Me¹, применение краудсорсинга оказало положительное влияние на экстренное создание вакцины от COVID-19, а также на борьбу с распространением новой коронавирусной инфекции. Медицинские работники многих стран включены в краудсорсинговые инициативы с целью выявления спектра различных заболеваний, их проявлений, факторов риска, а также оптимизации стратегий лечения. Успешный краудсорсинговый проект Folding@home² позволяет ученым и специалистам исследовать болезни Альцгеймера, Паркинсона, Хантингтона, диабет, бешенство, онкологические заболевания, COVID-19 и др., причем, общее число участников проекта превышает миллион человек.

В фармацевтической отрасли необходимость применения краудсорсинга связана, кроме прочего, с особенностями создания новых лекарственных средств,

¹ Аршинова И. А. Краудсорсинг против COVID-19: поиск ответов на вызов человечеству // Медицина обо мне. 2020. 11 июня. URL: https://medaboutme.ru/articles/kraudsorsing_protiv_covid_19_poisk_otvetov_na_vyzov_chelovechestvu/ (дата обращения: 14.04.2022).

² Подробнее о проекте Folding@home см. URL: <https://foldingathome.org/?lng=en> (дата обращения: 14.04.2022).

что подразумевает обработку массива данных, выполнение большого объема различных процедур и операций, последующими испытаниями, потребностью в привлечении широкого круга специалистов. В литературе отмечается, что «химики и биологи всегда отличались высокой культурой обращения с массивами библиографических данных, интернет-ресурсами. В химико-биологическом сообществе постоянно апробируются новые формы как коммуникаций, так и исследовательской работы» [Егереv, Захарова, 2015: 181], что способствует развитию изучаемой нами технологии в фармации.

На данный момент краудсорсинг в фармацевтической отрасли успешно развивается за рубежом. Примером могут служить юридически независимые компании InnoCentive® (создана в 2001 г.), YourEncore® (создана в 2004 г.) или Eli Lilly [Alvim-Gaston et al., 2014] — первая фармацевтическая организация, использующая краудсорсинг на платформе Open Innovation Drug Discovery (OIDD) [Carroll et al., 2017]. Уникальность данной платформы в том, что это одна из первых краудсорсинговых платформ для агрегации исследований или идей в области здравоохранения, изготовления лекарственных средств, направленных на борьбу с различного рода заболеваниями людей, на решение мировых проблем сохранения и поддержания здоровья. Фармацевтическая компания Bayer широко применяет технологию использования «общественных ресурсов» для открытия новых лекарств и целевых молекул с помощью запуска платформ Grants4Targets, G4T, 2009 и Grants4Leads, G4L, 2014 [Dorsch et al., 2015]. Procter&Gamble (P&G)³, используя собственный онлайн-портал для краудсорсинга, смогли значительно повысить эффективность своих исследований и разработок за счет реализации принципа «соединяй и развивай» [Hunter, Stephens, 2010].

Анализ зарубежных источников показал, что фармацевтические компании входят в число крупнейших инвесторов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) во всем мире и являются основными драйверами роста фармацевтической отрасли. Путь от открытий и разработок, доклинических и клинических исследований до нормативной работы и маркетинга организован преимущественно внутри компаний, которые с каждым годом сталкиваются с растущими затратами на разработку новых активных молекул, следовательно, повышаются риски сокращения проектов [Paul et al., 2010; DiMasi, Grabowski, Hansen, 2016; Munos, 2009]. С целью уменьшения затрат на разработку и усовершенствование продукции, полноценного использования интеллектуального потенциала фармацевтической компании, привлечения высококвалифицированных кадров за рубежом разрабатывается инновационная модель, в которой идеи по усовершенствованию или созданию новых продуктов иницируются не только за счет внутренних ресурсов, но и благодаря привлечению внешних специалистов, заинтересованных лиц, обладающих востребованными интеллектуальными компетенциями. Воплощая концепцию командной работы, краудсорсинг имеет ряд преимуществ: высокая мотивация и вовлеченность, участие специалистов из различных сфер деятельности, разных стран, высокая скорость выполнения работ

³ Подробнее о портале Procter & Gamble (P&G) Connect + Develop см. URL: <https://www.pgconnectdevelop.com/> (дата обращения: 14.04.2022).

за счет сотрудничества. Данный подход позволяет получить всестороннюю оценку проблемы и значительно уменьшить финансовые расходы на разработку проекта.

Анализируя, например, деятельность одной из самых известных краудсорсинговых компаний InnoCentive®, процесс краудсорсинга можно представить несколькими взаимосвязанными этапами:

1) Определение конкретной практической задачи, ее объявление на сайте краудсорсинга;

2) Привлечение как можно большего числа заинтересованных ученых и других специалистов к решению поставленной задачи, ее открытое обсуждение;

3) Публикации предварительных решений в научном сообществе с целью всесторонней критики и дальнейшей доработки;

4) Выбор оптимального решения, автор которого получает вознаграждение.

Заметим, что краудсорсинг необязательно служит для создания инновационных подходов к решению проблемы. Принятые решения могут вести к первоначальной идее, представляя собой актуализацию традиционного фармацевтического продукта.

Основные причины отказа фармацевтических компаний от краудсорсинга следующие [Schuhmacher, Kuss, 2020]:

1) недопонимание со стороны фармкомпаний парадигмы открытых инноваций;

2) «синдром не изобретенного здесь» — убежденность в том, что никто, кроме специалистов фармацевтической компании, не сможет решить поставленные задачи;

3) недостаточно качественная формулировка сложных проблем, которые компании не смогли решить внутренними ресурсами;

4) недоверие к внешним решениям из-за неопределенности аудитории;

5) сложности принятия решений по вопросу интеллектуальной собственности;

6) недооценка финансовых затрат на запуск собственной веб-платформы.

Для России краудсорсинг может стать настоящей прорывной технологией в рамках реализации программы «Фарма-2030», одним из направлений которой выступает обеспечение полного цикла производства лекарственных средств внутри страны, с последующим выводом лекарственной продукции на международные рынки; внедрение в производство современных технологических компетенций; обеспечение соответствующего материально-технического уровня и кооперационных связей между производством, учебными заведениями и наукой; развитие междисциплинарных отраслевых компетенций.

На данный момент краудсорсинг практически не используется в российской фармацевтической отрасли, занимающейся разработкой лекарств (особенно в сравнении с зарубежным опытом). Одной из возможных причин является отсутствие регуляторных механизмов, особенности фармацевтических разработок и организация производства лекарственных средств. Требования к производству фармацевтической продукции постоянно усложняются и трансформируются в процессе развития фармацевтической отрасли. Можно также выделить традиционно низкий уровень доверия к отечественному производителю лекарственных средств, а также искажение достоверной информации относительно российской фармацевтической промышленности [Нежникова, Максимчук, 2019].

Анализ источников показал, что российские фармацевтические предприятия сегодня имеют существенные ограничения, обусловленные традиционной пара-

дигмой закрытых инноваций, ориентацией на внутрикорпоративные исследования и разработки, особым контролем за идеями и интеллектуальной собственностью, а также поглощением технологий мелких игроков на фармацевтическом рынке, что не позволяет полноценно использовать определенные возможности, предоставляемые краудсорсингом [Богма, 2017].

Следует отметить, что российские фармацевтические компании поддерживают мировые цифровые тренды, об этом свидетельствуют аналитические отчеты Mediascope⁴. Однако фармацевтические компании должны освоить управление определенными рисками, связанными с хищением коммерческой информации, репутационными потерями, неизбежными при распространении негативной информации о лекарственных средствах, учесть требования комплаенса и законодательства.

Поскольку вопрос краудсорсинга в российских фармацевтических компаниях остается открытым, а исследования носят фрагментарный характер, встает вопрос об отношении к краудсорсингу самих специалистов фармацевтической отрасли — что именно способствует или препятствует, по их мнению, развитию не только данной технологии, но и предложению реальных шагов для привлечения сторонних ученых к разработкам.

Методология исследования

Недостаточная разработанность тематики краудсорсинга в российских фармацевтических компаниях определила проблематику нашего исследования. Оно проводилось кафедрой экономики и управления ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет» Минздрава России. Теоретико-методологической основой исследования послужили работы В. И. Добренькова, А. И. Кравченко, В. А. Ядова, в которых представлены методологические и методические основы проведения социологических исследований [Добреньков, Кравченко, 2014; Ядов, 2000] а также В. А. Лукова, постулирующая необходимость изучения уникальных явлений посредством опоры на знания специалиста в данной сфере, исходя из понимания им какого рода информацией нужно оперировать, насколько надежны источники получаемой информации, каким должен быть подход к решению проблемы [Луков, 2012].

В качестве основных методов исследования были выбраны анализ документов и анкетирование. Поскольку в контексте исследования появилась необходимость получения информации от людей, имеющих наиболее полное представление о специфике фармацевтической отрасли, ее регуляторных механизмах и особенностях деятельности, было решено провести опрос специалистов химико-фармацевтического профиля с высшим образованием и опытом работы, участвующих в производстве и разработке лекарственных средств. Акцент на данном образовательном критерии и трудоустройстве в фармацевтических компаниях был сделан исходя из того, что рассматриваемая группа является наиболее активным участником процесса научного поиска и разработок, она включена в научные коллективы фармацевтических компаний, исходя из стратегии инновационного развития отрасли.

⁴ URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 14.04.2022).

Для проведения анкетирования был выбран Санкт-Петербург — один из крупнейших центров развития фармацевтической промышленности России. По данным Ю. Г. Ильиной, специалистов, имеющих высшее химико-фармацевтическое образование, насчитывается более 5 тыс. человек, занятых в различных областях здравоохранения, при этом в разработке и производстве лекарственных препаратов задействовано 18% специалистов [Ильинова, 2017]. С учетом динамики на рынке труда, выборка для нашего исследования была определена в 400 специалистов соответствующего профиля.

Исследование преследовало следующие цели. Во-первых, выяснить отношение специалистов химико-фармацевтического профиля с высшим образованием к краудсорсингу. Во-вторых, выявить факторы развития краудсорсинга в фармацевтических компаниях Санкт-Петербурга.

Анализ данных с сайтов 1) Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области⁵, 2) Rusprofile⁶ и 3) «ФармПром.РФ»⁷ позволил выделить действующие организации соответствующего профиля (за исключением медицинских организаций из-за специфики их деятельности, а также фармацевтических организаций, не включенных в разработку и производство лекарственных средств, а занимающихся только продажами и маркетингом) — фармацевтические предприятия, фармацевтические аптечные организации, занимающиеся производством рецептурных лекарственных препаратов, биотехнологические и научно-исследовательские лаборатории, профильные вузы.

Специалисты химико-фармацевтического профиля, не имеющие ученой степени или звания (лаборанты, химики, технологи, провизоры и др.), входят в состав научно-вспомогательного персонала фармацевтических компаний и выполняют отдельные научно-практические функции: апробация, масштабирование, технико-технологические расчеты, стандартизация, исследование стабильности лекарственных средств и пр.

Анкета состояла из четырнадцати закрытых и двух открытых вопросов, которые позволили определить социально-демографические характеристики опрашиваемых, понимание ими предмета краудсорсинга и отношение к его различным аспектам. Случайным образом мы отобрали 21 фармацевтическую компанию специалистам и руководителям подразделений которых были переданы ссылки на анкету, сформированную в Google-Forms. В итоге нами было получено 376 заполненных анкет сотрудников фармацевтических компаний.

Результаты исследования

Анализ результатов анкетирования показал, что в соответствии с профессиональным стандартом «Специалист по промышленной фармации в области производства лекарственных средств»⁸, занимаемые должности респондентов

⁵ Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: <https://petrostat.gks.ru/> (дата обращения: 14.04.2022).

⁶ Rusprofile. URL: <https://www.rusprofile.ru/> (дата обращения: 14.04.2022).

⁷ ФармПром.РФ. Отраслевой информационный портал. URL: <https://pharmprom.ru/> (дата обращения: 14.04.2022).

⁸ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 22 мая 2017 г. № 430н «Об утверждении профессионального стандарта „Специалист по промышленной фармации в области производства лекарственных средств“».

относятся к высококвалифицированному фармацевтическому персоналу, осуществляющему производство лекарственных средств, уровень образования высший. В опросе приняли участие технологи-инженеры (29%), химики (16%), провизоры — специалисты работающие в сфере производства, хранения и реализации лекарственных средств (13%), специалисты по обеспечению качества на фармацевтическом предприятии (9%), а также другие смежные профессии фармацевтической отрасли, среди которых лаборанты, участвующие в научных исследованиях и имеющие высшее образование, биотехнологи, в том числе преподаватели фармацевтического вуза, имеющие ученые степени и звания в области фармации, опыт работы в фармацевтических организациях (33%).

Больше половины респондентов (69%) работают на фармацевтических промышленных предприятиях; 12% — в аптечной организации; 5% — в биотехнологической и 4% — в исследовательской фармацевтической лаборатории; 3% опрошенных оказались преподавателями Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета (СПХФУ); еще 7% участников исследования заняты на прочих фармацевтических предприятиях, связанных с производством лекарственных средств. (см. рис. 1). Все проценты в описании рисунков представлены с округлением значений.

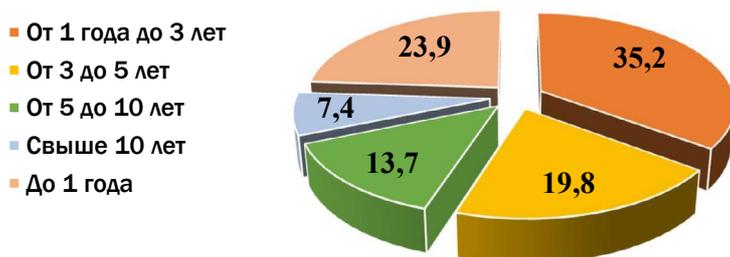
Рис. 1. Место работы респондентов, в %

Почти четверть респондентов (24%) работает на фармацевтических предприятиях менее одного года. Чуть больше трети (35%) — от одного года до трех лет; пятая часть (20%) — от трех до пяти лет; от пяти до десяти лет — 14% опрошенных; свыше десяти лет — 7% (см. рис. 2). Все проценты в описании рисунков представлены с округлением значений.

На вопрос, возможно ли в краудсорсинге привлекать к разработке лекарственных средств представителей иных научных областей, не связанных с медициной и фармацией, 72% респондентов высказались утвердительно, 11% выразили сомнение и 17% ответили отрицательно. Подавляющее большинство положительных ответов может свидетельствовать о готовности фармацевтических работников к сотрудничеству с внешними учеными и специалистами.

Рис. 2. Распределение респондентов по стажу работы в фармацевтической организации, в %

На уточняющий вопрос, какие специалисты (за исключением работников фармацевтической отрасли) могли бы внести свой вклад в разработку лекарственных средств в краудсорсинге, ответы оказались следующими: биологи, физики, математики, ботаники, зоологи, психологи, IT-специалисты. Таким образом, наряду с очевидно предпочитаемыми отраслями выявлен интерес к гуманитарным (психологи, дизайнеры), техническим (IT-специалисты и программисты, инженеры-технологи) и точным (математики) областям знаний, что подтверждает тезис о том, что с развитием цифровизации актуализируется потребность в специалистах, способных интегрировать мультидисциплинарные подходы и технологии в фармацевтическую отрасль.

Пояснения респондентами их предпочтений тех или иных специалистов для включения в краудсорсинг с целью выполнения определенных задач представлены в таблице 1.

Таблица 1. **Распределение комментариев и пояснений респондентов**

№	Специализация/ квалификация	Возможный характер разработок	%
1	Медицинские работники	Создание и поиск целевых препаратов для персонализированной медицины, мониторинг эффективности препаратов и др.	89
2	Биологи	Разработка моноклональных антител, исследование иммунитета; поиск причины заболеваний на молекулярном уровне и др.	87
3	Физики	Свойства разработанной молекулы, влияние физических условий на создание и применение продукта и др.	54
3	Ботаники	Изучение растений с целью дальнейшего извлечения активных биокомпонентов и др.	47
4	Математики	Алгоритмы выравнивания генома, расчет вероятностей, построение идеальной модели и др.	34
5	Зоологи	Ветеринарные препараты, исследование эффективности лекарств, поведения животных и др.	30
6	Психологи	Отношение к препарату, ипохондрические реакции, психосоматика, терапевтические эффекты и др.	19

№	Специализация/ квалификация	Возможный характер разработок	%
7	IT-специалисты и программисты	Биоинформатика, хемоинформатика: разработка ПО для улучшения качества и удобства работы, обмен данными; моделирование процессов, расчет специализированных программ, качественный анализ промежуточных результатов и др.	14
8	Дизайнеры	Расчет актуальности разработки, дизайн фармацевтического продукта и др.	13
9	Аналитики	Прогнозирование различных процессов, расчет рисков, создание моделей продвижения, программирование и др.	12
10	Инженеры-технологи	Моделирование процессов производства, механизация промышленных объектов, усовершенствование систем промышленного предприятия, создание технологий обеспечения качества и др.	10

Данные таблицы 1 можно косвенно использовать для иллюстрации отношения респондентов к определенным отраслям знаний и готовности взаимодействовать со специалистами и учеными представленных областей знаний на том или ином уровне. Очевидно, что приоритет отдается более близким к фармации специализациям. Краудсорсинг тем более актуален, что содержать в фармацевтической компании целый штат подобных сотрудников нецелесообразно, так как существуют специализации, которые могут быть невостребованными в определенный промежуток времени при решении отдельных задач.

На вопрос о возможных проблемах, с которыми могут столкнуться внешние специалисты и ученые, привлекаемые фармацевтической компанией для разработки лекарственных средств, были получены следующие ответы. Наибольшие опасения вызывает несоблюдение (незнание) сторонними специалистами стандартов GxP⁹— 60% опрошенных заявили об этом. Далее следуют недостоверность данных (42%); несоблюдение авторских прав (38%); лицензирование продукта (31%) и, наконец, адекватное вознаграждение (27%).

Ответы на вопрос о готовности респондентов включиться в процесс краудсорсинга других компаний по разработке лекарственных средств показали, что она присутствует у 64% опрошенных, у 26% она отсутствует, у 10% существуют сомнения по этому поводу.

Неоднозначные ответы были получены на вопрос, согласны ли респонденты обсуждать продукты собственной интеллектуальной деятельности открыто. Так, 41% участников опроса высказали полное согласие, 23% сомневаются и 36% заявили о категорическом несогласии обсуждать собственные предложения на открытой платформе.

На вопрос, следует ли фармацевтическим компаниям открыто предоставлять информацию о неудачах в разработке лекарственных средств, только 29% опрошенных ответили положительно, 38% респондентов выразили неуверенность,

⁹ Стандарты GxP—так называемые стандарты надлежащих фармацевтических практик (Good Practice, GMP, GLP, GSP и др.).

29% склоняются к конфиденциальности информации о разработках, лишь 4% участников исследования высказались категорически отрицательно.

Мнения респондентов об актуальности краудсорсинга для российских фармацевтических компаний разделились. Эту идею поддерживают менее половины респондентов (46%). Еще 38% опрошенных отрицают краудсорсинг, считают его неактуальным в российской действительности, и 16% выразили сомнение.

По мнению респондентов, самыми предпочтительными вариантами поощрения за эффективное участие в краудсорсинге оказываются следующие: получение материального вознаграждения от прибыли компании (63%); признание авторства разработчика (60%); единовременная выплата (50%); дальнейшая работа в компании (28%); широкое освещение личного участия (28%). Из перечисленных ответов следует, что материальное вознаграждение оказывается преимущественным выбором, однако важны также престиж и перспективы дальнейшей работы в фармацевтических компаниях, предполагающие профессиональный рост.

Ответы респондентов на вопрос об основных препятствиях распространения краудсорсинга в российских фармацевтических компаниях представлены на рисунке 3. Все проценты в описании рисунков представлены с округлением значений.

Рис. 3. Основные препятствия распространения краудсорсинга в российских фармацевтических компаниях (в %)

Больше половины респондентов (56%) считают основным препятствием распространения краудсорсинга в российских фармацевтических компаниях интеллектуальные споры, 52% — недооценку со стороны компаний преимуществ краудсорсинга, 48% — фрагментарную вовлеченность в проект, 27% — сложность задач для внешних ученых, 25% — дороговизну создания фармкомпанией собственной платформы, 23% — некомпетентность внешних специалистов и исследователей, и только 3% — соблюдение коммерческой тайны.

Выводы

По результатам исследования нами были сделаны следующие выводы.

Во-первых, у фармацевтических работников существует понимание возможностей краудсорсинга для разработки и производства лекарственных препаратов, готовность к сотрудничеству с внешними учеными и специалистами.

Во-вторых, среди специалистов фармацевтической отрасли очевиден интерес к гуманитарным, техническим и точным отраслям знаний, что подтверждает тезис о том, что с развитием цифровизации актуализируется потребность в специалистах, способных интегрировать мультидисциплинарные подходы и технологии в фармацевтическую отрасль.

В-третьих, коллаборации специалистов фармацевтического профиля с медицинскими работниками, биологами, физиками, ботаниками, математиками и зоологами можно считать наиболее ожидаемыми.

В-четвертых, прогнозируемые специалистами фармацевтической отрасли проблемы краудсорсинга — это несоблюдение стандартов отрасли, таких как GxP, недостоверность данных, несоблюдение авторских прав и др.

В-пятых, специалисты фармацевтической отрасли готовы включиться в краудсорсинговые инициативы, но лишь треть из них согласна на открытой платформе обсуждать продукты собственной интеллектуальной деятельности, а также неудачи фармацевтических разработок. Почти половина опрошенных не считает идею краудсорсинга актуальной для российских фармацевтических компаний.

В-шестых, основными мотивирующими факторами краудсорсинга для специалистов фармацевтического профиля являются материальное вознаграждение, признание авторства разработчика, а также перспектива работы в фармацевтической компании.

Наконец, в-седьмых, основными препятствиями в распространении краудсорсинга специалисты химико-фармацевтического профиля считают недооценку со стороны компаний преимуществ краудсорсинга, фрагментарную вовлеченность в проект внешних специалистов и ученых, интеллектуальные споры, сложность задач.

Распространение и применение инноваций не обходится без вызовов. Краудсорсинг в российских фармацевтических компаниях может изменить путь разработки, производства, реализации и маркетинга лекарственных средств, создать широкие перспективы для привлечения и использования интеллектуального потенциала участников проекта. Краудсорсинг может стать платформой для привлечения высококвалифицированного персонала и выступать как проверочное испытание для соискателей.

Основным двигателем к применению инновационной системы должна являться большая открытость российских фармацевтических компаний и готовность к диалогу. Для этого, в первую очередь, стоит определить сферу применения краудсорсинга и степень ответственности сторон, определить возможности и уровни вовлеченности внешней аудитории для решения конкретной проблемы, а также урегулировать права и обязанности участников.

Наше исследование не является исчерпывающим. Оно поднимает лишь часть актуальных вопросов и предполагает дальнейшую разработку проблематики развития краудсорсинга в фармацевтических компаниях.

Список литературы (References)

Алешникова В. И. Цифровые коммуникации в маркетинге территорий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 3. С. 142—146. URL: <https://journals.vsu.ru/econ/article/view/2628> (дата обращения: 28.06.2022).

Aleshnikova V. I. (2018) Digital Communications in the Marketing of Territories. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. No. 3. P. 142—146. URL: <https://journals.vsu.ru/econ/article/view/2628> (accessed: 28.06.2022). (In Russ.)

Багиев Г. Л., Вайсбейн К. Д. Актуальность формирования стратегии повышения имиджа и привлекательности территории с использованием инструментария краудсорсинга // Проблемы маркетинга. Логистика. 2017. № 3. С. 105—107.
Bagiev G. L., Vaysbeyn K. D. (2017) The Relevance of Forming a Strategy to Improve the Image and Attractiveness of the Territory Using Crowdsourcing Tools. *Marketing Problems. Logistics*. No. 3. P. 105—107. (In Russ.)

Бакаленко А. В. Эволюция представления о краудсорсинге: мировой и российский опыт // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19. № 2. С. 50—61. <https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-2-4>.
Bakalenko A. V. (2018) Conceptualization of Crowdsourcing: The World and Russian Experience. *Journal of the Ural State University of Economics*. Vol. 19. No. 2. P. 50—61. <https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-2-4>. (In Russ.)

Богма К. А. Краудсорсинг в системе российского здравоохранения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 3. С. 192—196. URL: <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/index.php/upravlenie/article/view/862> (дата обращения: 28.06.2022).

Vogma K. A. (2017) Crowdsourcing in the Russian Healthcare System. *State and Municipal Management. Scientific Notes*. No. 3. P. 192—196. URL: <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/index.php/upravlenie/article/view/862> (accessed: 28.06.2022). (In Russ.)

Вайсбейн К. Д. Модернизация инструментов и механизмов маркетингового управления формированием благоприятного имиджа территорий // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. Т. 27. № 1. С. 13—18. URL: <https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/1147> (дата обращения: 28.06.2022).

Vaysbeyn K. D. (2017) Modernization of Tools and Mechanisms of Marketing Management for the Formation of a Favorable Image of the Territory. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. Vol. 27. No. 1. P. 13—18. URL: <https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/1147> (accessed: 28.06.2022). (In Russ.)

Добреньков В. И., Кравченко А. И. Современная социология. Теоретико-методологические основания и перспективы. М.: Академический Проект, 2014.

Dobrenkov V. I., Kravchenko A. I. (2014) *Modern Sociology. Theoretical and Methodological Foundations and Prospects*. Moscow: Academic Project. (In Russ.)

Долженко Р. А. Возможности организации и использования краудсорсинговых проектов в коммерческом банке. Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 154—159. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1016&article_id=33819 (дата обращения: 28.06.2022).

Dolzhenko R. A. (2014) The Possibility of Organising and Using Crowdsourcing Projects in a Commercial Bank. *Tomsk State University Journal*. No. 379. P. 154—159. http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1016&article_id=33819 (accessed: 28.06.2022). (In Russ.)

Гузева О. В., Гузева В. И., Гузева В. В. и др. Повышение качества медицинской помощи в детской неврологии на основе применения крауд-технологий // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2016. Спецвыпуск 1. С. 47—53. <http://dx.doi.org/10.14412/2074-2711-2016-1S-IS-47-53>.

Guzeva O. V., Guzeva V. I., Guzeva V. V., Maksimova N. E., Chokmasov M. S., Razumovsky M. A. (2016) Improvement of Healthcare Quality in Pediatric Neurology by Crowd Technologies. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*. No. 1S. P. 47—53. <http://dx.doi.org/10.14412/2074-2711-2016-1S-IS-47-53>. (In Russ.)

Егерев С. В., Захарова С. А. Краудсорсинг в науке // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 311—322.

Egerev S. V., Zakharova S. A. (2015) Crowdsourcing in Science. *Sociological Almanac*. No. 6. P. 311—322. (In Russ.)

Журавлева С. В. Краудсорсинг как средство информационно-образовательного взаимодействия в школе // Высшее образование сегодня. 2017. № 2. С. 22—24
Zhuravleva S. V. (2017) Crowdsourcing as a Means of Information and Educational Interaction at School. *Higher Education Today*. No. 2. P. 22—24. (In Russ.)

Ильинова Ю. Г. Моделирование потребности региональной экономики в фармацевтических кадрах на примере Санкт-Петербурга: дисс. ... канд. фармацевт. наук. СПб.: ФГБОУ ВО Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2017.

Ilyinova Yu. G. (2017) Modeling the Needs of the Regional Economy in Pharmaceutical Personnel on the Example of St. Petersburg: diss. ... Cand. Pharmaceutical Sciences: Sankt-Peterburg: Saint-Petersburg State Chemical and Pharmaceutical Academy. (In Russ.)

Казакова Н. Д., Денисова Ж. А. Технология краудсорсинга в государственном региональном управлении (на примере краудсорсинг-проектов правительства города Москвы) // Власть. 2016. Т. 24. № 4. С. 21—28. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4185&l=&j=2&base=ojs3 (дата обращения: 28.06.2022).

Kazakova N. D., Denisova Zh. A. (2016) Crowdsourcing Technology in State Regional Management (On the Example of Crowdsourcing Projects of the Government of the City of Moscow). *The Authority*. Vol. 24. No. 4. P. 21—28. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4185&l=&j=2&base=ojs3 (accessed: 26. 06.2022). (In Russ.)

Куприянова О. Н., Измайлова Г. В. Технология применения краудсорсинга при проектировании программы развития по результатам внутренней системы оценки

качества образования // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2020. № 1. С. 45—51.

Kupriyanova O. N. Izmailova G. V. (2020) Technology Appliance of Crowdsourcing During Designing of Development Program According to The Results of Internal Education Quality Assessment System. *Scientific and Methodological Provision to Assessment the Education Quality*. No. 1. P. 45—51. (In Russ.)

Лихачев Е. Ф. Краудсорсинг как новое явление в экономике. Его соционновационная природа и классификация // Наукovedenie. 2016. Т. 8. № 1. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/76EVN116.pdf> (дата обращения: 28.06.2022).

Likhachev E. F. (2016) Crowdsourcing as a New Phenomenon in the Economy. His Socioinnovative Nature and Classification. *Naukovedenie*. Vol. 8. No. 1. P. 1—21. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/76EVN116.pdf> (accessed: 28.06.2022). (In Russ.)

Луков В. А. Биосоциология молодежи: экспертные оценки изменений в новых поколениях // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 146—156.

Lukov V. A. (2012) The Biosociology of Youth: The Expert Evaluations of Changes in New Generations. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 3. P. 146—156. (In Russ.)

Михайлова В. В. Новые информационно-коммуникационные технологии как фактор активизации политического участия молодежи // Управленческое консультирование. 2018. Т. 10. С. 169—175. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-169-175>

Mikhaylova V. V. (2018) New Information and Communication Technologies as a Factor in Increasing the Youth Political Participation. *Administrative Consulting*. Vol. 10. P. 169—175. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-169-175>. (In Russ.)

Мирошниченко И. В. Инкорпорирование социальных сетей в процесс принятия политических решений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7. № 4. С. 150—158.

Miroshnichenko I. V. (2011) Social Networks Incorporating in Process of Policy Making. *Political Expertise: POLITEX*. Vol. 7. No. 4. P. 150—158. (In Russ.)

Наролина Т. С., Смотровая Т. И., Некрасова Т. А. Анализ современного состояния цифровых платформ. Наука Красноярья. 2020. Т. 9. № 2. С. 184—205. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2020-2-184-205>

Narolina T. S., Smotrova T. I., Nekrasova T. A. (2020) Analysis of the Modern State of Digital Platforms. *Krasnoyarsk Science*. Vol. 9. No. 2. P. 184—205. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2020-2-184-205>. (In Russ.)

Нежникова Е. В., Максимчук М. В. Фармацевтическая отрасль в РФ: проблемы и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 1. С. 102—112. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-1-102-112>.

Nezhnikova E. V., Maksimchuk M. V. (2019) Pharmaceutical Industry in Russia: Problems and Prospects of Development. *RUDN Journal of Economics*. Vol. 27. No. 1. P. 102—112. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-1-102-112>. (In Russ.)

Симакова А. В., Козырева Г. Б. Краудсорсинг как инструмент взаимодействия власти, бизнеса и общества в решении проблем местного самоуправления в арктической зоне России // Мир экономики и управления. 2018. Vol. 18. № 1. С. 129—139.

Simakova A. V., Kozyreva G. B. (2018) Crowdsourcing as a Tool for Interaction Between Government, Business and Society in Solving Problems of Local Self-Government in the Russian Arctic Zone. *World of Economics and Management*. Vol. 18. No. 1. P. 129—139. (In Russ.)

Сухарев М. В. Краудсорсинг, блокчейн и артели // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 10. С. 1687—1702. <https://doi.org/10.18334/ce.12.10.39468>.

Sukharev, M.V. (2018) Crowdsourcing, Blockchain and Artels. *Creative Economy*. Vol. 12. No. 10. P. 1687—1702. <https://doi.org/10.18334/ce.12.10.39468>. (In Russ.)

Соколов А. В. Краудсорсинговые площадки органов власти (на примере региональных программ «Открытый регион» и «Электронное правительство») // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16. № 3. С. 75—89. URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2015_3/2015_3_Sokolov.pdf (дата обращения: 26.06.2022).

Sokolov A. V. (2015) Governments` Crowdsourcing Platforms (The Case of the Regional Programs “Open Region” and “E-Government”). *Human. Community. Management*. Vol. 16. No. 3. P. 75—89. URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2015_3/2015_3_Sokolov.pdf (accessed: 26. 06.2022). (In Russ.)

Трухин В. П., Наркевич И. А., Казакова Е. В., Начарова Е. П., Басакина И. И. Оценка рисков в системе управления персоналом и поиск путей их минимизации на примере российско-никарагуанского биотехнологического предприятия. Медицинский вестник Башкортостана. 2020. Т. 15. № 2. С. 47—52.

Trukhin V. P., Narkevich I. A., Kazakova E. V., Nacharova E. P., Basakina I. I. (2020) The Risk Evaluation of Personnel Manegment System and Search for Ways to Minimize Using Example of Russian-Nicaraguan Biotechnology Enterprise. *Bashkortostan Medical Journal*. Vol. 15. No. 2. P. 47—52. (In Russ.)

Фантров П. П. Политический краудсорсинг в системе обеспечения национальной безопасности России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 2. С. 231—235. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-2-231-235>.

Fantrov P. P. (2017) Political Crowdsourcing in the System of Ensuring National Security of Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. Vol. 17, No. 2. P. 231—235. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-2-231-235>. (In Russ.)

Ядов В. А. Стратегии социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2000.

Yadov V. A. (2000) Strategies for Sociological Research. Description, Explanation, Understanding of Social Reality. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)

Almirall E., Casadesus-Masanell R. (2010) Open Versus Closed Innovation: A Model of Discovery and Divergence. *Academy of Management Review*. Vol. 35. No. 1. P. 27—47. <https://doi.org/10.5465/amr.35.1.zok27>.

Alvim-Gaston M., Grese T., Mahoui A., Palkowitz A. D., Pineiro-Nunez M. (2010) Open Innovation Drug Discovery (OIDD): A Potential Path to Novel Therapeutic Chemical Space. *Current Topics in Medicinal Chemistry*. Vol. 14. No. 3. P. 294—303. <https://doi.org/10.2174/1568026613666131127125858>.

Carroll G. P., Srivastava S., Volini A. S., Piñeiro-Núñez M. M., Vetman T. (2017) Measuring the Effectiveness and Impact of an Open Innovation Platform. *Drug Discovery Today*. Vol. 22. No. 5. P. 776—785. <https://doi.org/10.1016/j.drudis.2017.01.009>.

DiMasi J. A., Grabowski H. G., Hansen R. W. (2016) Innovation in the Pharmaceutical Industry: New Estimates of R&D Costs. *Journal of Health Economics*. Vol. 47. P. 20—33. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2016.01.012>.

Dorsch H., Jurock A. E., Schoepe S., Lessl M., Asadullah K. (2015) Grants4Targets: An Open Innovation Initiative to Foster Drug Discovery Collaborations. *Nature Reviews Drug Discovery*. Vol. 14. No. 1. P. 74—76. <https://doi.org/10.1038/nrd3078-c2>.

Hunter J., Stephens S. (2010) Is Open Innovation the Way Forward for Big Pharma? *Nature Reviews Drug Discovery*. Vol. 9. No. 2. P. 87—88. <https://doi.org/10.1038/nrd3099>.

Munos B. (2009) Lessons from 60 Years of Pharmaceutical Innovation. *Nature Reviews Drug Discovery*. Vol. 8. No. 12. P. 959—968. <https://doi.org/10.1038/nrd2961>.

Paul S. M., Mytelka D. S., Dunwiddie C. T., Persinger Ch. C., Munos B. H., Linborg S. R., Schacht A. L. (2010) How to Improve R&D Productivity: The Pharmaceutical Industry's Grand Challenge. *Nature Reviews Drug Discovery*. No. 9. Vol. 3. P. 203—214. <https://doi.org/10.1038/nrd3078>.

Schuhmacher A., Kuss M. (2020) The Impact of Crowdsourcing in Modern Drug Discovery. *Expert Opinion on Drug Discovery*. Vol. 15. No. 8. P. 865—867. <https://doi.org/10.1080/17460441.2020.1751116>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2076](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2076)

Д. В. Крылова, А. А. Максименко

ЕСТЬ ЛИ У РОССИЙСКОГО КОРРУПЦИОНЕРА СОВЕСТЬ? ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ ЭТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ РОССИЙСКИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ

Правильная ссылка на статью:

Крылова Д. В., Максименко А. А. Есть ли у российского коррупционера совесть? Особенности принятия этических решений российскими государственными служащими // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 230—253. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2076>.

For citation:

Krylova D. V., Maksimenko A. A. (2022) Does a Russian Corrupt Official Have Conscience? Peculiarities of Ethical Decision-Making by Russian Civil Servants. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 230–253. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2076>. (In Russ.)

ЕСТЬ ЛИ У РОССИЙСКОГО КОРРУПЦИОНЕРА СОВЕСТЬ? ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ ЭТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ РОССИЙСКИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ

КРЫЛОВА Дина Владимировна — заведующая проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: krylovadv@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>

МАКСИМЕНКО Александр Александрович — доктор социологических наук, кандидат психологических наук, профессор, эксперт проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: Maximenko.AI@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

Аннотация. В работе исследуются этические предпосылки коррупционного поведения публичных должностных лиц с точки зрения этической идеологии и внутриведомственной культуры. На основе серии фокусированных экспертных интервью, а также модели принятия этических решений Ш. Ханта и С. Вителля был проведен анализ мотиваций к асоциальному поведению, обуславливающих вовлеченность должностных лиц, осуществляющих функции, при реализации которых наиболее вероятно возникновение коррупции. Было выдвинуто и доказано предположение, что российские чиновники, склонные к коррупции, обладают обоснованным мнением в пользу идеологии, являющейся компромиссом

DOES A RUSSIAN CORRUPT OFFICIAL HAVE CONSCIENCE? PECULIARITIES OF ETHICAL DECISION-MAKING BY RUSSIAN CIVIL SERVANTS

*Dina V. KRYLOVA*¹ — Head of the Laboratory for Anti-Corruption Policy
E-MAIL: krylovadv@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>

*Aleksandr A. MAKSIMENKO*¹ — Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Psych.), Professor, Expert at the Laboratory for Anti-Corruption Policy
E-MAIL: Maximenko.AI@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the ethical prerequisites for the corrupt behavior of public officials from the point of view of ethical ideology and intradepartmental culture. Basing on a series of focused expert interviews and using the model of ethical decision-making by Sh. D. Hunt and S. J. Vitell, the study analyzes the motivations for antisocial behavior that determine the involvement of officials performing functions that are most likely to cause corruption. The authors suggest and prove that Russian officials prone to corruption have a reasonable opinion in favor of an ideology that is a compromise between the harm from the legal consequences of the considered ethical issue and the potential benefits. They are convinced that ethical decisions should

между вредом от правовых последствий рассматриваемого этического вопроса и потенциальными выгодами. Они убеждены в том, что этические решения должны приниматься ситуативно, а их этическому сознанию свойственна высокая степень релятивизма, поддерживающая личные моральные стандарты и отвергающая универсальные моральные принципы и постулаты этического кодекса государственных служащих.

Ключевые слова: образ совести у чиновника, социальное сравнение, этическая идеология, модель принятия этических решений Ханта — Виттеля, психология коррупции

be made on a case-by-case basis. Their ethical consciousness is characterized by a high degree of relativism, which supports personal moral standards and rejects universal moral principles together with postulates of the ethical code of public servants.

Keywords: image of conscience of an official, social comparison, ethical ideology, Hunt–Wittel's model of ethical decision-making, psychology of corruption

Совесьть твоя никогда не должна определяться социальностью, социальными группировками, мнением общества, она должна определяться из глубины духа, то есть быть свободной, быть стоянием перед Богом, ты должен быть социальным существом, то есть из духовной свободы определить свое отношение к обществу и к вопросам социальным...
Николай Бердяев. О назначении человека.
Опыт парадоксальной этики

Введение

Проблема несоответствия между декларируемыми этическими ценностями и реализуемым на практике поведением государственных служащих, осуществляющих функции в сферах государственного управления с высоким коррупционным риском, представляется в настоящее время крайне важной. Как было показано нами в одном из последних исследований [Крылова и др., 2021], пандемия COVID-19 еще больше актуализировала публичные дискуссии вокруг проблем обеспечения неукоснительного следования декларируемым целям государственного регулирования. Отступление от этических принципов увеличивает коррупционные риски и подрывает общественное доверие, что особенно остро проявляется в ситуации создавшейся инфодемии [Дейнека, Максименко, 2020] и глобальной паники. Для предупреждения коррупционно мотивированных действий государственных и муниципальных служащих необходимо понимание механизмов принятия решений с точки зрения этики и морали должностными

лицами, осуществляющими функции, при реализации которых наиболее вероятно возникновение коррупции.

Приблизиться к пониманию принятия чиновниками, склонными к коррупции, решений, непосредственно связанных с вопросами профессиональной и универсальной этики, на наш взгляд, позволяет широко известная среди маркетологов модель этики Шелби Ханта и Скотта Вителля [Hunt, Vitell, 1986], если ее экстраполировать на сферу общественных отношений в коррупционно опасных сферах взаимодействия должностных лиц органов власти и бизнеса/граждан. Анализ широкого спектра научных публикаций, затрагивающих тему мотивации при принятии этических решений, а также результаты проведенного нами исследования и собранного в ходе экспертного интервьюирования материала, позволили выявить условия транспонирования вышеуказанной модели применительно к поведению российских чиновников, демонстрирующих склонность к коррупции [Zitha, Mathebulu, 2015].

Использование модели принятия этических решений Ханта — Вителля применительно к исследованию этических установок государственного служащего отличается прежде всего тем, что деятельность должностных лиц, действующих от имени государства, осуществляется в общественных интересах или, как сформулировано в Конституции Российской Федерации (ст. 3, п. 2)¹, в интересах народа, и с этим связано большое число правовых и моральных ограничений, лимитирующих действия чиновника. Преследование последним личных интересов вопреки служебному долгу квалифицируется как социально опасное деяние, а именно — как дисциплинарное или как административное нарушение либо как должностное преступление, и предусматривает соответственно дисциплинарное взыскание или административное либо уголовное наказание.

В отличие от должностного лица (или учреждения/организации, контролируемой органом власти), потребитель выступает в своих личных интересах. Если при этом он нарушает общепризнанные этические общественные нормы, но формально соблюдает законодательство, его действия не могут быть административно или уголовно наказуемыми.

Поведение потребителя во взаимоотношениях с продавцом с точки зрения экономического подхода рассматривается как взаимодействие контрагентов в рамках контрактных отношений. Согласно неонституциональной теории, контрагенты таких отношений нередко проявляют склонность к оппортунистическому поведению, выражающемуся в преследовании личной выгоды с использованием коварства, «включая такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество», а также предоставление неполной или искаженной информации, особенно когда речь идет о преднамеренном обмане, введении в заблуждение, искажении и сокрытии истины [Williamson, 1985: 44—52].

Для чиновников тоже характерно проявление оппортунизма, сопряженное с отклонением от следования служебному долгу. При этом рядом исследователей коррупционный оппортунизм рассматривается как извлечение выгод из информационной асимметрии, возможность которой возникает в связи с исполняемыми функциями (см. обзор литературы в [Яковлева, 2016: 489—493]).

¹ Конституция Российской Федерации // Президент Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> (дата обращения: 27.06.2022).

Таким образом, выводы о возможности нарушения и чиновниками, и потребителями этических принципов при принятии решения, проявляющихся в форме оппортунистического поведения, позволяют авторам экстраполировать применяемую в отношении потребителей методологию на поведенческие характеристики чиновников, осуществляющих функции в сферах с высоким коррупционным риском.

Интерес к теме этических идеологий в исследованиях психологов возник еще в конце 1960-х — начале 1970-х годов, когда сразу несколько психологов в своих публикациях [Hogan, 1970; Kelman, Lawrence, 1972; Kohlberg, 1976; Rest et al., 1974] обратили внимание академической общественности на то, что все индивидуальные вариации в плоскости моральных суждений объясняются двумя факторами. Первый из них условно обозначен Донельсоном Форсайтом [Forsyth, 1980] как «релятивизм» и включает в себя отрицание универсальных моральных правил; второй назван им же «идеализм» и трактуется как принятие универсальных моральных установок индивидами. Сопрягая эти два крайних взгляда, исследователь получил дихотомическую типологию четырех стратегий этического поведения, представленную в таблице 1.

Таблица 1. Дихотомическая типология этических идеологий Д. Форсайта.

		Релятивизм	
		Высокий	Низкий
Идеализм	Высокий	Ситуационисты , действующие по ситуации и выстраивающие индивидуальные оправдания в каждом действии и при каждом случае	Абсолютисты , предполагающие, что наилучшего возможного результата всегда можно достичь, следуя универсальным моральным правилам
	Низкий	Субъективисты , основывающие свои оценки на индивидуальных ценностях и взглядах, а не на универсальных моральных принципах	Циники (утилитаристы) в своих суждениях направляются моральными аксиомами, но в то же время прагматично открыты для игнорирования этих правил

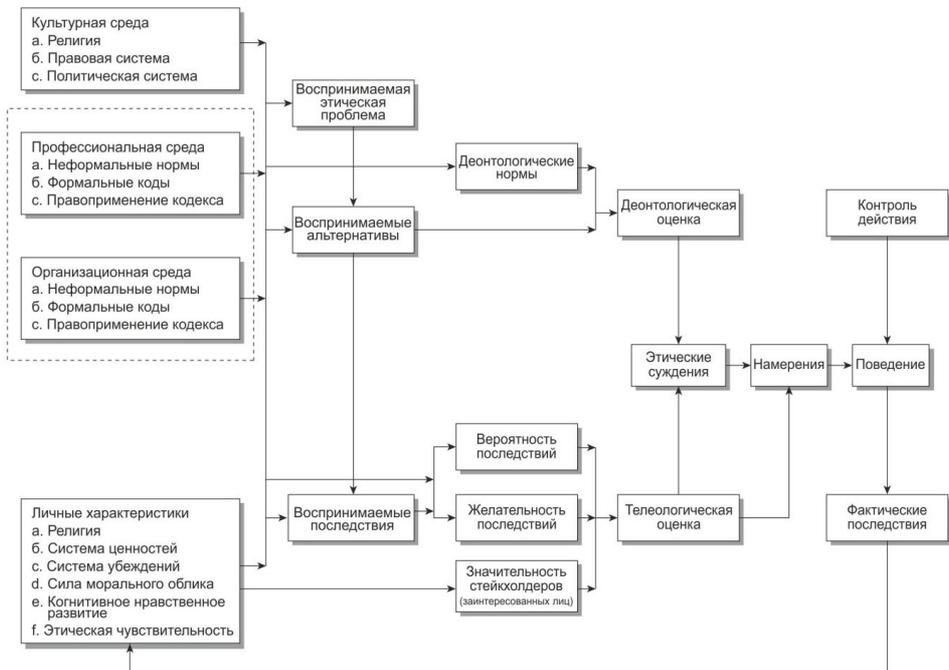
Немного позже в совместной статье с Уильямом Поупом [Forsyth, Pope, 1984] Д. Форсайт показал отношение каждого из выделенных типов к обману. Так, ситуационисты уверены, что обман может быть использован, если он позволяет добиться наилучшего результата в заданной ситуации; абсолютисты считают, что обмана следует избегать, так как он подрывает фундаментальные моральные принципы; субъективисты полагают, что суждения об обмане являются личным делом каждого вовлеченного в подобную ситуацию; а циники (утилитаристы) убеждены, что если обмана избежать нельзя, то он возможен при использовании соответствующих мер предосторожности. Кроме того, соавторы сделали ряд следственных предположений и пришли к выводу, что абсолютисты, в отличие от представителей трех других этических идеологий, наиболее щепетильно подходят к оценке негативных последствий своего поведения.

Заложенные Д. Форсайтом и его коллегами основы этической идеологии получили дальнейшее развитие в трудах их идейных последователей. Так, исследователи поведения потребителей Ш. Хант и С. Вителль в совместной статье [Hunt, Vitell, 2006] обстоятельно изложили этапы принятия этических решений (см. рис. 1).

Теория принятия этических решений в моральной философии опирается на две этические традиции. С одной стороны, это *деонтологическая* теория (Иммануил Кант), в соответствии с которой этические действия следуют универсальным законам морали (не лгать, не красть и др.), и требуется следовать правилам и выполнять свой долг независимо от последствий этих этических действий. С другой стороны, ориентиром служат *телеологические* подходы (Иеремиа Бентам), в рамках которых принятие решений должно основываться на результате действий, на принципе максимальной полезности и достижении наибольшего блага для наибольшего числа людей (применяются в современном анализе государственной политики и государственного управления).

Модель Ханта — Вителля обращается к ситуации, в которой человек сталкивается с проблемой, воспринимаемой как имеющая этическое содержание. Учитывая это, следующим шагом будет восприятие различных возможных альтернатив, которые могут быть предприняты для разрешения этической проблемы. Как только человек осознаёт набор альтернатив, производится два вида оценок: деонтологическая и телеологическая.

Рис. 1. Модель принятия этических решений Ш. Ханта и С. Вителля [Hunt, Vitell, 2006].
Перевод выполнен авторами данной статьи.

В соответствии с общими теориями потребительского поведения [Engel, Blackwell, Kollat, 1978] и моделью Фишбеина — Айзена [Fishbein, Ajzen, 1975], модель Ханта — Вителля утверждает, что этические суждения влияют на поведение через намерения. Как предполагает эта модель, этические суждения иногда отличаются от намерений, поскольку телеологическая оценка также влияет на намерения. Теория предполагает, что в случае несовместимости намерений и поведения с этическими суждениями возникает чувство вины. Таким образом, два человека могут вести себя одинаково, но один из них будет чувствовать себя виноватым, если его поведение не соответствует его этическим убеждениям.

Контроль действий — это степень, с которой лицо фактически контролирует намерения в конкретной ситуации [Tubbs, Ekeberg, 1991], поскольку ситуационные ограничения могут привести к поведению, несовместимому с намерениями и этическими суждениями. Одним из таких ситуационных ограничений может быть возможность принять конкретную альтернативу.

Мэри Зей-Феррелл, Марк Уивер, О. Феррелл [Zey-Ferrell, Weaver, Ferrell, 1979] исследовали, может ли система вознаграждений и наказаний изменить поведение в ситуации, связанной с этическим выбором. Они пришли к выводу, что многие люди могут научиться вести себя неэтично при соответствующих непредвиденных обстоятельствах. В этом плане и теория Ханта — Вителля утверждает, что людей можно приучить к этичному поведению.

Модель Ханта — Вителля определяет несколько личных характеристик, которые могут повлиять на конкретные аспекты этического процесса принятия решений. Например, одна из таких характеристик — степень религиозности человека. Скотт Вителль, Джозеф Паолилло, Джатиндер Сингх показали, что внешняя религиозность (следование ритуалам и обычаям) оказывает незначительное влияние на этическое поведение, в то время как внутренняя религиозность (убежденность, а также разделение норм и ценностей) является важной детерминантой этических убеждений потребителей [Vitell, Paolillo, Singh, 2005].

Дизайн и методы исследования

Целью данного исследования является всестороннее изучение этики российских чиновников, осуществляющих коррупционно опасные функции. Министерство труда и социальной защиты РФ относит к коррупционно опасным функциям «осуществление функций по контролю и надзору, управлению государственным имуществом, оказанию государственных услуг, а также разрешительных, регистрационных функций»².

Основная задача исследования состояла в описании этического идеализма и этической идеологии релятивизма (скептицизма) российских чиновников, склонных к коррупции, на основе портретирования российского чиновника, склонного к коррупции, с последующей попыткой классификации (типологии) российских коррупционеров с позиции теории принятия этических решений. Сопутствующими

² Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № 18—0/10/В-8980 «О проведении федеральными государственными органами оценки коррупционных рисков» // Минпромторг России. URL: https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/docVersions/5a8af7131de71/actual/Pismo_Mintruda_Rossii_ot_25.12.2014_N18-010V-8980.pdf (дата обращения: 12.06.2022).

задачами исследования являлись: выявление мнений экспертов относительно степени адекватности и соразмерности наказаний за коррупционные правонарушения для российских чиновников, осуществляющих коррупционно опасные функции; а также рассмотрение процессов институционализации коррупции в современном российском обществе, обоснование изменения характера социальных практик и определение причин легитимации коррупции в свете концепции принятия этических решений российским чиновником, осуществляющим коррупционно опасные функции.

В качестве основной гипотезы было выдвинуто предположение, что российским чиновникам-коррупционерам свойственна высокая степень релятивизма, поддерживающая личные моральные стандарты и отвергающая универсальные моральные принципы. У данной категории должностных лиц имеется аргументированное и обоснованное мнение в пользу этической идеологии скептицизма и убежденность в том, что этические решения должны зависеть от ситуации и степени вовлеченности лиц. Их идеология представляет собой компромисс между потенциальными выгодами и вредом от рассматриваемого этического вопроса. Гипотезой-следствием выступило предположение, что российские должностные лица, осуществляющие коррупционно опасные функции, не лишены общих представлений об универсальных моральных принципах. Многие из них в иных ситуациях, не связанных с осуществлением коррупционно опасных функций, реализуют идеологию альтруизма и заботу о других (не близких).

Эмпирическую базу исследования составили 16 фокусированных интервью с представителями разных профессиональных групп³: региональные бизнес-омбудсмены (4), адвокаты (4), бывшие государственные служащие как федерального, так и регионального уровней (4), государственные служащие федерального уровня, осуществляющие надзор в сфере антикоррупционной деятельности (4)⁴. Все представленные в настоящем исследовании группы являются крайне сложными для рекрута и весьма закрытыми для раскрытия информации в связи с табуированностью и криминогенностью такой крайне латентной сферы, как коррупционные деяния⁵. В связи с вышесказанным ценность полученного описания можно оценить как весьма высокую, оно позволяет открыть для исследователей новые грани феноменологии коррупционера, а также обеспечить представителей правоохранительных органов более адекватными инструментами противодействия коррупционным правонарушениям.

Гайд экспертных интервью состоял из пяти блоков. Первая часть была посвящена этико-психологическому портретированию российского коррупционера и включала вопросы, направленные на выявление профессионально важных

³ В ходе интервьюирования нами не было получено какой-либо информации о тех или иных конкретных случаях правонарушений, о которых необходимо сообщать в правоохранительные органы. Вся информация собиралась с учетом субъективно интерпретируемых респондентами сведений о взаимосвязях между социальными феноменами в современном российском обществе.

⁴ Основные социально-демографические и иные важные для контекстуализации исследования характеристики респондентов приведены в Приложении 1.

⁵ Сложности в рекруте и закрытость целевых групп преодолевались благодаря деловым и личным связям Д. В. Крыловой, заведующей проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

качеств и этических черт, дополняющих систему моральных принципов российского чиновника, которыми он руководствуется в повседневной работе. Здесь же задавались вопросы, направленные на понимание и объяснение мотивационных драйверов в поведении чиновника, также на определение условий возникновения различных девиаций. Второй блок вопросов имел целью выявление осведомленности российского чиновника, осуществляющего коррупционно опасные функции, об универсальных принципах морали. Наряду с этим мы пытались обнаружить различия между чиновниками, осуществляющими коррупционно опасные функции в органах федеральной власти, и их коллегами, работающими в региональных структурах. Третий блок гайда интервью содержал вопросы к экспертам с целью верифицировать две классификации коррупционного поведения чиновников и оценить их распространенность в российской практике: с одной стороны, это дихотомия психологии хищника («наемного убийцы») и психологии коррупции комфорта («коррупция благодетеля»)⁶, с другой — коррупционные стратегии «крутого обрыва» и «скользящего склона»⁷. В четвертой части гайда задавались вопросы, направленные на определение компромиссов в сознании чиновников по критериям личной морали и универсальных моральных принципов. Здесь же были вопросы на выявление факторов, влияющих на сознание российского чиновника (СМИ, социального окружения и т. д.) в контексте девиантности его поведения, допустимости демонстративного и просоциального поведения у чиновников. Заключительная часть опросника содержала вопросы на оценку респондентами степени эффективности наказания за коррупционные правонарушения.

Результаты

В результате анализа интервью нам удалось зафиксировать личные моральные стандарты, которыми, с точки зрения наших экспертов, руководствуются современные чиновники. Опрошенными были отмечены важные психологические качества коррупционера в дополнение к этико-психологическому портрету, попытки составления которого мы предпринимали ранее [Максименко, Дейнека, Крылова, 2020].

Говоря о психологических чертах чиновника, склонного к коррупционным действиям, респонденты выделяли следующие пять наиболее ярких черт: ум, профессиональные знания, цинизм, чувство вседозволенности, а также чувство превосходства.

*Цинизм, конечно. Потом чувство такой вседозволенности, потом чувство своего превосходства над другими. Но и при этом у них есть ум, например, и профессиональные знания. Этого ведь у них тоже не отнимешь*⁸. (А3)

⁶ Эксперты [Воронцов, Понеделков, 2018] разделяют психологию коррупции на психологию хищника и психологию коррупции комфорта. Последняя представляет собой сервисные услуги чиновника, облегчающие жизнь гражданина и сокращающие как его усилия, так и длительность ожидания предоставления государственной услуги. В ситуации коррупции хищника присутствуют условия непреодолимой силы, созданные либо искусственно (чиновником или аффилированным с ним лицом), либо обусловленные естественным развитием событий. Решение проблемы в этом сюжете является для гражданина задачей выживания (спасения бизнеса, здоровья или жизни).

⁷ Стратегии, выделенные Нильсом Кёбисом в его докторской диссертации [Köbis, 2018]. Под «скользящим склоном» понимаются довольно часто повторяющиеся коррупционные практики с небольшими по размеру взятками, тогда как «крутой обрыв» представляет собой разовую возможность крупного коррупционного правонарушения.

⁸ Здесь и далее стиль изложения авторов цитат сохранен.

Типичный коррупционер — это образованный, хорошо подкованный, эрудированный чиновник, умеющий для себя сделать исключение. Он в каком-то роде «законопослушный», то есть умеющий закон слушать, но также умеющий сделать для себя исключение. (P04)

Все наши респонденты сообщили, что российские коррупционеры имеют аргументированное и обоснованное мнение в пользу этической идеологии скептицизма. Они убеждены, что этические решения зависят от ситуации и степени вовлеченности лиц. Среди российских коррупционеров нет ситуационистов и абсолютистов в терминах Д. Форсайта; напротив, все они прагматично ориентированы и готовы игнорировать установленные правила, руководствуясь своими индивидуальными ценностями и взглядами.

Большинство респондентов указывает, что чиновники, склонные к коррупции, имеют некую индивидуальную мораль, но в то же время им чужда профессиональная этика. Они рассматривают свою работу как открывающиеся перед ними возможности, успех в рамках которых зависит от предпринимаемых ими действий и креативности их команды. Умение заработать на таких должностях рассматривается ими не как хищение, а как самовознаграждение («отщипывание кусков»), адекватное тому статусу и уровню в иерархии, которых удалось достичь:

Они почему-то себе разрешают или отщипывать куски, скажем так, да. Воровство — это немножко другое. Отщипывать кусочки... делить пирог... Они считают, что вот они такие крутые, достигли таких высот... (KH2)

Они подходят к своей государственной службе, как к бизнесу, со свойственной им деловитостью и предприимчивостью... (A2)

Среди российских коррупционеров можно выделить два доминирующих типа: (1) субъективисты, руководствующиеся индивидуальными ценностями и взглядами, (2) циники (утилитаристы), у которых ярко выражены чувство вседозволенности и превосходства. Движение на коррупционно емкие позиции осуществляется как сверху, так и снизу (за исключением случаев, когда руководитель пришел без команды или на очень короткий срок для дальнейшего роста). Если руководитель приходит с командой, на эти должности назначаются люди из команды руководителя:

Бывают, конечно, на хлебных местах люди с вышестоящих структур. Вот эти люди могут иметь некую мораль, это люди образованные, «подкованные» в законодательстве и делают все осторожно... (БГЗ)

Приток на должности муниципальной и государственной службы сопровождается движением снизу. Нередко это люди из сельской местности с откровенно низким уровнем культуры, недостаточным уровнем образования и с пониманием роли чиновника как лица с неограниченными полномочиями:

Очень много [людей] из сельской местности, кто работает в областной администрации... У них просто за двадцать лет [жизни в сельской местности] создано в голове, что чиновник — это тот человек, который все имеет и может поиметь еще больше. (БГ1)

Осторожное отношение к обходу обозначенных законом запретов и ограничений является основанием для дихотомической типологии коррупционеров. Опрошенные указали на существование двух стратегий, различающихся в степени рискованности поведения. Так, «осторожные» чиновники в меньшей степени ориентированы на деньги и статус, они больше заботятся о своей безопасности, тогда как для «безбашенных» деньги и статус важнее их личной безопасности, и для их достижения они предпринимают решительные действия. Ресурсы (деньги и статус) «безбашенные» рассматривают как средство для достижения исключительных привилегий, желая получить иммунитет неприкосновенности и вседозволенности:

Я бы их все-таки поделил на группы, потому что есть категория коррупционеров, которые, получив пусть невысокую, но «хлебную» должность, делают все осторожно, стараясь не попасть в поле зрения правоохранительных органов, и [есть] те коррупционеры, которые с учетом, может быть, опыта прошлых лет уже настолько потеряли связь с реальностью, что ничего не боятся и уже открыто, демонстративно это делают, направляя все свои усилия, деньги и статусные достижения для еще большего дополнительного заработка. (КН1)

Респонденты отмечают, что отсутствие эффективно имплементированных этических инструментов на государственной и муниципальной службе позволяет искажать моральные принципы, привнося в дискурс самооправдания больше аргументов, педалирующих распространенность коррупционных практик. Это способствует и медленному перерождению «субъективиста», имеющего минимальный арсенал объяснений и самооправданий, в «циника», решительно настроенного на игнорирование правил и вырабатывающего хитрые стратегии обхода различного рода запретов:

Но коррупционное поведение начинается с мелочей, я считаю. Вот эти мелочи — сегодня пообедал за чей-то счет, завтра пообедал за чей-то еще, а послезавтра взял взятку у кого-то, — вот это звенья одной цепи. То есть если человек себе не позволяет в мелочах, то он и в большом себе не позволит. У человека должен стоять четкий барьер, что «я исполняю, я служу государству — и точка». (PO1)

На вопросы интервьюеров, чем отличались коррупционеры прошлых лет от нынешних, респонденты сообщали о возросших ожиданиях и расширившихся границах возможного. В отношении муниципальных служащих, занимающих коррупционно опасные должности, респонденты высказывались как о чиновниках, утративших с 1990-х годов самостоятельность и готовых идти на сделку с совестью. Таким образом, со снижением самостоятельности муниципальных служащих и одновременно возросшим повышением управляемости властной вертикали у склонных к коррупции чиновников сформировалось чувство вседозволенности

и превосходства вкупе с психологическими чертами беспринципного циника, отражающимися в «темной триаде» (нарциссизм, макиавеллизм и психопатия):

Также шли [в советское время] в народный контроль⁹, и в народном контроле также проверяли и также ехали с проверок с телевизорами, с ящиками водки, с дефицитными фруктами, с мандаринами, бананами или чем-то еще, а сейчас ставки выросли... Люди сейчас вообще границ не видят, что тебе достаточно... (P02)

Чиновник работает в условиях, навязанных и созданных властью. Независимых чиновников у нас нет, это была прерогатива 90-х годов XX века. Сейчас есть лишь хороший исполнитель. (БГ4)

В «нулевых» уже вопросы, связанные с выживанием, уходят на второй план. Выживание тоже есть, но оно, наверное, в меньшем объеме. Но в «нулевых» есть другая история: эти годы можно, наверное, охарактеризовать тем, что там выстраивались институты, и именно в том виде, в котором мы их видим сейчас. А когда выстраиваются институты, идет институциогенез, это всегда сложное время. Понятное дело, что когда они еще не устоялись, когда они еще не окрепли, идет определенное противостояние групп интересов. Я думаю, что в «нулевых» коррупции стало меньше по сравнению с «девяностыми», потому что уже перешли этот рубеж и вышли на определенное плато. (КНЗ)

При выделении еще одной типологии коррупционных стратегий — коррупции хищника и коррупции комфорта — эксперты высказали мнения, что первая из них чаще применяется чиновниками, занимающими более высокие должности в бюрократической иерархии, тогда как вторая свойственна чиновникам среднего и низкого уровней. Также высказывались мнения, что коррупция хищника чаще свойственна силовому блоку исполнительной власти, а коррупция комфорта — государственным служащим административного блока в коррупционно опасных сферах. Кроме того, респонденты, имеющие отношение к надзору в сфере антикоррупционной деятельности, отмечали, что антикоррупционные усилия правоохранительных органов чаще направлены на борьбу с коррупцией комфорта в силу атомизированности должностных лиц, склонных к совершению коррупционных правонарушений, их низкой организованности, небольших емкости и размера коррупционной ренты, что в целом обуславливает также низкую способность к агрессивной защите. В этой связи противодействие коррупции хищника сопряжено с очевидными сложностями — с борьбой со сплоченным общими обязательствами сообществом с единым центром субординации, зачастую располагающим большими финансовыми и административными ресурсами для нивелирования «внештатных» ситуаций:

Верхний уровень [бюрократии], наверное, это все-таки первая стратегия, а уровень средний, исполнительский — это вторая стратегия. Ты мне отчет не можешь дать — я тебе раз зарубил, два зарубил, а поэтому отчету ты субсидию получаешь или деньги

⁹ Комитет народного контроля — один из органов системы государственного контроля в СССР, наблюдавший за выполнением государственных планов, расходованием ресурсов, нарушением дисциплины и т. д.

какие-то, а значит, мы оба заинтересованы в сотрудничестве. В первой стратегии ты должен быть больше уверен, что у тебя за спиной кто-то стоит, кто-то из руководителей или даже выше. (P02)

Чиновник выглядит в своих глазах как благодетель. «Ты нарушил — я тебе вместо того, чтобы прищучить, даю возможность откупиться»... «Ты мне дал в размере чаевых — 10%, я это вообще не считаю за коррупцию». Это мелкая на местах благодарность. (P03)

Мне кажется, вот тут [в стратегии психологии коррупции комфорта] такой структуры прям преступного сообщества нет, а вот вторая категория, которая связана с рейдерскими захватами, с вымогательством взяток, — вот это уже хорошо организованная структура. Потому что туда входят помимо чиновников, которые обладают властными полномочиями по выдаче разрешений, лицензий и так далее, они еще связаны с системой правоохраны, которая, когда поступают сигналы, не реагирует или маховик включает в другую сторону: наоборот, кто заявил — тому еще хуже становится. Мне кажется, во втором случае это система... (KH4)

По моим субъективным ощущениям, коррупция комфорта — это не более 20% всех коррупционных нарушений, тогда как более 80% коррупции — это коррупция, связанная с психологией хищника, психологией «наемного убийцы». (KH1)

В репликах респондентов часто звучит мнение, что мотивация коррупционных правонарушений обусловлена не столько материальным интересом, сколько стремлением к власти, большим открывающимся возможностям, а также компенсацией (возмещением) потраченных (недополученных) ресурсов — материальных, временных и т. д.:

Главный мотив не финансовый. Не алчность ими движет, а желание стать могущественными людьми с большими возможностями. (P04)

Нужно понимать, как он это место получил. То есть, условно говоря, если он потратил какие-то ресурсы для того, чтобы это место получить (необязательно даже потратил ресурсы, а, например, их недополучил). Мы прекрасно понимаем, что, наверное, государственная служба на низких должностях — это зачастую большой объем работы и недостаточно большой объем денежного вознаграждения. И если простыми словами говорить, то получается, что человек долго-долго страдал, получал копейки на уровне прожиточного минимума и дослужился до этого «хлебного» места. (A3)

Мне кажется, что этот человек [чиновник], оказавшись на этой должности, он точно считал «а как же без этого?». То есть он к этому стремился. Он считал «я умнее, я лучше», и это было видно. «Сев в это кресло, я теперь могу распоряжаться если не судьбами людей, то по крайней мере их бизнес будет под моим личным контролем, и я это право получил и заслужил». Вот у меня такое чувство именно по отношению к нему. (P02)

Оправдание действий коррупционеров респонденты раскрывают чаще всего в рамках теории коллективных действий (теории «разбитых окон» [Wilson, Kelling, 1982]), механизма социального сравнения и понимания в диапазоне границ поведения от девиантного (отклоняющегося от нормы) до делинквентного (противоправного поведения должностного лица в виде действия или бездействия):

Когда я как личность считаю, что нет вокруг честных, все вокруг обманывают, зачем мне быть белой вороной среди коррупционеров? Предприниматели — жулики, граждане тоже пытаются обмануть. Все вокруг коррупционеры и нет никаких стимулов быть не таким. И зачем мне быть лучше? Вот у меня такое окружение, я считаю, что я подстраиваюсь под окружение. (Р03)

Сам дискурс самооправдания у большинства чиновников-коррупционеров при сделках с совестью, безусловно, разворачивается в русле только понимания юридических ограничений при оперировании понятием «справедливость». Именно субъективное понимание справедливости позволяет чиновникам-коррупционерам, по мнению респондентов, самостоятельно запускать арифметическую пропорцию «почестей и тягот» [Прокофьев, 2010]:

Когда мы говорим про совесть, то тут не определено эталонов. Сейчас это понятие относительное, скажем так. У меня одно представление о справедливости, у вас может быть другое. И я допускаю, что, будучи коррупционером, можно с точки зрения справедливости и это оправдать. (А4)

Респонденты указывают на сложившуюся в российском обществе культуру открытости и отзывчивости (отсюда и культура «брать — давать», восстанавливая справедливость в каких-либо отношениях, в том числе между гражданином/предпринимателем и чиновником), но невыработанное в российском культурном коде право на закрытость и отказ, умение сказать «нет», не обидев обращаемого и не выставив его в неприглядном свете:

Коррупция — это все-таки, как мне кажется, психологически тяжелая ситуация, если так можно выразиться. Если чиновник — сотрудник контрольно-надзорного органа, и ему предлагают взятку, то нужно научиться от нее отказываться. Предложение участвовать в коррупционной схеме может быть и извне. (КН4)

Опрошенные эксперты указывают на высокую значимость наличия «тона сверху», личного этического лидерства руководителя, формирующего ведомственную этику и организационную культуру, которые позволяют всем работникам ориентироваться на (не)добропорядочное поведение при исполнении ими служебных обязанностей. В этой связи для снижения коррупции в том или ином исполнительном органе необходима не только идущая от руководства четкая артикуляция этических принципов в публичном пространстве для формирования в общественном окружении образа организации с добропорядочными и честными работниками, но и личный пример со стороны руководства:

Если в каком-то органе есть коррупционер, и этот человек — не высшее лицо в этом органе, то, скорее всего, эта культура я не скажу, что поощряется, но руководство к ней толерантно. То есть руководство либо тоже берет взятки, и чиновник смотрит на уровень выше и думает: «Там все берут, и я чуть-чуть возьму». (КН2)

Когда это система, понятно, что у нас в обществе, например, есть понимание, что, если кто-то приходит из этого контрольно-надзорного органа на проверку, нужно «дать на лапу»: он коррупционер, и бороться с ним нет смысла. Если есть понимание, что из этого контрольно-надзорного органа в 95 % случаев приходят адекватные люди, и только Иванов Иван Иванович приходит и начинается вымогательство, то с этим Ивановым быстро разберутся. (А1)

Интервьюируемые высказываются в пользу эффективности юридических запретов в деле снижения коррупции, но отмечают их явную недостаточность и необходимость более интенсивной деятельности по имплементации созданных этических кодексов и других инструментов, направленных на поддержание профессиональной этики на государственной и муниципальной службе:

Нужно понимать, что зачастую, с точки зрения коррупционных практик, да и любых преступлений, ответственность государства, справедливость будут на догоняющем этапе, потому что на каждое действие находится свое противодействие. Находится один антикоррупционный стандарт, и в рамках этого антикоррупционного стандарта придумываются истории, связанные с тем, как его обойти. Увидели, как его обходят, и придумали новый антикоррупционный стандарт. И вот так играют в «догонялки», кто кого опередит. (КН4)

В немалой степени коррупция комфорта создается отсутствием ускоряющих государственную услугу платежей. Введение таких платежей по многим видам услуг (например, получение в однодневный срок выписки из ЕГРЮЛ, заверенной налоговым органом) позволило бы существенно снизить желание получателей государственных услуг материально стимулировать должностных лиц:

Мы прекрасно понимаем, что для нас на экспертном уровне само собой нарушение закона — это всегда существенное нарушение публичного интереса. Но с точки зрения внутреннего согласия с собой — ничего серьезного: никого не убили, никто не умер, никаких экономических последствий для других нет. В итоге практически это стратегия win-win: выиграл тот, кто взятку давал, и выиграл тот, кто взятку брал. (А1)

Респонденты указывают на неформальную конвенциональность, возникающую между чиновником и гражданином/предпринимателем вследствие наличия лакун в юридической практике, связанной с правоприменением того или иного нормативного акта. Такие лакуны используются для создания и развития условий для коррупции комфорта:

Существует какой-то нормативный акт. Поменять этот нормативный акт и тем самым изменить сложившуюся ситуацию — это сложно и долго ждать. Поэтому стороны дого-

вариваются устно, а в договоре присутствуют какие-то иные договоренности. Такое тоже существует. (КНЗ)

Респонденты указывают на повышение стоимости коррупционных действий и более тщательную их ретушируемость в связи с усложнением процедуры легализации («отмывания») денег, полученных преступным путем:

Раньше можно было, упрощая, принести взятку в конверте, передать чемоданчиком и радоваться жизни. Сейчас просто так принести чемоданчик уже опасно, уже мало кто на это пойдет. Поэтому у нас коррупция приобретает все более и более сложные схемы. Растет средний уровень взятки, потому что чем сложнее процедура, тем сложнее легализовать деньги. (Р02)

Отсутствие скрининга при приеме на государственную и муниципальную службу создает возможности для поступления на нее людей, которые нигде себя не нашли и рассматривают государственную службу как возможность реализовать свои предпринимательские способности и соответствующие проекты, не принимая во внимание, что это напрямую противоречит принципам госслужбы:

Если говорить о людях, понимаешь: в силу своего характера, занудства какого-нибудь там, переругался где-то, не потянул бизнес или еще что-то, и устроился, например, в государственное учреждение. Особо никаких предложений больше не было, а работать где-то надо. (БГЗ)

Многие респонденты указывают, что различия в коррупционных стратегиях «крутой обрыв» и «скользкий склон» проявляются в зависимости от уровня иерархии. По мнению опрошенных экспертов, чиновники высокого уровня в иерархии, склонные к коррупционному поведению, не используют в своих повседневных практиках стратегию «скользкого склона», делегируя ее на нижестоящий уровень по принципу MLM¹⁰ и позволяя оставлять себе часть ренты. Сами же они открыты для реализации стратегии «крутой обрыв»:

Если рассматривать коррупцию через призму ручейков, то исполнитель внизу имеет допуск к одному ручейку. Поднявшись на пару звеньев повыше, став каким-нибудь руководителем, он уже имеет доступ ко всем ручейкам, которые стекаются к нему. (БГ2)

«Крутой обрыв» — это когда к нему [высокопоставленному чиновнику] уже приходят очень серьезные люди и решают очень серьезные вопросы, а «скользкий склон» весь отдан для администрирования на низший уровень. (КНЗ)

Говоря про динамику в осознании моральных принципов, респонденты указывают на то, что изменения связаны с тем, что чиновники-коррупционеры стали больше бояться попасться:

¹⁰ Принцип многоуровневого маркетинга (multilevel marketing, MLM), позволяющий в коррупционных схемах выстроить сеть рентной торговли.

Отличие коррупционеров 1990-х годов и коррупционеров сегодняшнего времени в том, что сейчас стали очень острожными. (А1)

Респонденты в ходе интервью отмечали динамику в изменениях этических установок у склонных к коррупции лиц, занимающих должности на государственной службе при иерархическом продвижении вверх, и вариационную смену в стратегиях с коррупции комфорта на коррупцию хищника:

Вот опять мне кажется, что если говорить о крутом обрыве, то это больше крупные чиновники, которые, так скажем, уже высоко сидят, далеко глядят, и они считают, что достигли уже такого уровня, когда они уже сами принимают решения и могут повлиять на тех лиц, которые могли бы их уличить в каких-то коррупционных схемах. То есть мне кажется, что крутой обрыв — это лица, которые достигли определенных высот. И в процессе достижения этих высот там уже лучшая часть их моральных качеств утрачивалась, потому что для того, чтобы подняться на такую высоту, очевидно, что этими лицами неоднократно были совершены какие-то недостойные действия, когда он «съедал» другого, например. То есть высокий подъем по лестнице сопровождался еще и изменением его морального облика. Например, когда он только пришел на работу, он был совершенно иным, а процесс достижения самого высокого чина [в сфере, связанной с большими возможностями для коррупции] в течение длительного времени влиял на его моральные качества. (А3)

Большинство экспертов указывали на то, что чиновники-коррупционеры осознают общественное мнение насчет их демонстративного поведения в вопросах предметов роскоши, желая подчеркнуть свой статус и принадлежность к элите. Культивирование ценностей умеренного потребления в организационной культуре отдельных ведомств и на государственной (муниципальной) службе в целом может выступать сдерживающим фактором демонстративного поведения, побуждающим должностных лиц соблюдать этические стандарты.

У нас была ситуация, что сотрудница ходила на работу [государственную службу] в Chanel, а возил ее на работу водитель на Bentley. Ей порекомендовали...вести себя скромнее: перестать парковать Bentley перед входом и на одежде срезать брендовые бирочки Chanel. (БГ3)

Опрошенные смогли указать на отсутствие конкурсов (или недостаточно прозрачные и честные критерии их проведения) на соискание кандидатов на руководящие должности и должности, сопряженные с коррупционно опасными функциями, в связи с чем пришедшим во власть легче организовать какие-либо коррупционные схемы:

Есть какие-то кадровые резервы, какие-то конкурсы. Это все есть, но они их не касаются. Они касаются больше чиновников среднего звена. А если говорить уже о руководителях, то здесь приходят друзья, родственники друзей. (БГ1)

Многие респонденты считают недопустимым занимать пост муниципального депутата предпринимателю в связи с очевидным преследованием собственного меркантильного интереса, то есть исходя из склонности к оппортунистическому поведению. По мнению экспертов, государство, допустив таких людей ко власти, вовлекает представителей хозяйствующих субъектов обслуживать не общественно значимые интересы, а свои личные, причем на законных основаниях:

Надо признать то, что, когда муниципальные депутаты не получают зарплату от муниципалитета, они занимаются и своим бизнесом, и плюс они занимаются местным нормотворчеством. Мне кажется, это вещи несовместимые, потому что здесь превагируют уже не общественные интересы, а интересы своего личного бизнеса. Эти люди, которые занимаются определенным бизнесом, у них уже измененное сознание, то есть они изначально другие. Мы понимаем, что человек, который идет в бизнес, он все равно нацелен на развитие себя, своего бизнеса. (P04)

В ходе интервью опрошенные признают существование сообщества чиновников-коррупционеров, которое коммуницирует, обмениваясь коррупционными практиками и являясь, таким образом, самообучающейся организацией:

Мне кажется, они даже не стесняются зачастую это говорить. Не говоря о том, что все это коррумпированное чиновничество тусуется вместе на одних тусовках, ездят куда-то отдыхать, семьями... встречаются на корпоративах, у них своя собственная неформальная среда для общения и обмена практиками. (A2)

Наши эксперты указывают на то, что большинство коррупционеров, имеющих индивидуальные моральные принципы, зачастую глубоко верующие. Их вера в бога представляет собой не набор универсальных моральных принципов и ограничений, следование которым может даровать жизнь вечную после смерти. Напротив, богатство и удача в этой жизни является для них знаком, указывающим сверху на их виртуозную предприимчивость, а отсутствие кары — на богоизбранность. Принятие религиозности у них происходит не на основе православного смирения или протестантского служения, а на основе декларируемых в обществе потребления ценностей свободы и материального интереса в сопряжении с факторами удачливости и везения. Они воспринимают свою коррупционную деятельность не как греховность и повод для угрызания совести, а напротив — как большую удачу в жизни, и боятся прогневать Его:

Да, они избранные, счастливики, вытянули счастливый билет, поэтому, чтобы не злить судьбу и Всевышнего — или кого они там считают важным, — они тем самым какие-то дары и пожертвования приносят в храмы и благотворительные фонды... (КН1)

Обсуждение результатов

Весьма убедительная попытка оправдать стремление к благосостоянию через сделки с совестью [Черленд, 2021] и череду объяснений на основе личных моральных стандартов предпринята режиссером Паоло Соррентино в вышедшем в прокат

в 2018 г. итальянском эпосе «Лоро»¹¹. Под вымышленной биографией Сильвио Берлускони в сатирическом жанре ярко показано, что этические решения зависят от ситуации и от круга лиц, формирующих окружение. Подкуп сенаторов и другие коррупционные деяния главный герой оправдывает в своем эмоциональном диалоге с супругой аргументацией о своем превосходстве в предпринимательском таланте и умении адекватно отвечать меняющимся запросам разных политических аудиторий, опуская апелляционные медийные претензии личного характера об этических представлениях и должном.

Оставаясь на стороне главного героя и открыто симпатизируя ему, режиссер самим названием кинофильма делегирует ответственность за происходящее и формирование подобной морали обществу, в котором все стремятся к богатству при открытом игнорировании этических норм. В этом драматургическом замысле Паоло Соррентино синтоничен, то есть солидарен во мнении, с американским социологом Эдвином Шуром [Schur, 1969], обозначившим социальные предикторы криминогенного поведения личности. Почти все опрошенные нами эксперты указывали на общественные ценности «нашего преступного общества» [ibid.], поддерживаемые в СМИ, социальных сетях, формирующие коррупционера и позволяющие ему перейти из субъективистов в циники.

Таким образом, сделанное ранее предположение, что для российских чиновников, склонных к коррупции, характерна высокая степень релятивизма, подерживающая личные моральные стандарты и отвергающая универсальные моральные принципы, нашла свое подтверждение в собранном эмпирическом материале. Действительно, у рассматриваемой категории должностных лиц имеется аргументированное и обоснованное мнение в пользу этической идеологии скептицизма и убежденность в том, что этические решения в практических реалиях зависят от ситуации и степени вовлеченности должностных лиц. Их идеология представляет собой компромисс между потенциальными выгодами и вредом от рассматриваемого этического вопроса.

Проведенный анализ позволяет получить целостное представление о том, чем руководствуются лица, работающие в коррупционно опасных сферах при принятии этических решений, и сделать следующие выводы.

1. Коррупционерам, по оценкам респондентов, свойственны ум, цинизм, профессиональные знания, а также чувство вседозволенности и превосходства. Все без исключения эксперты сообщили, что российские коррупционеры имеют аргументированное и обоснованное мнение в пользу этической идеологии скептицизма: они убеждены, что этические решения зависят от ситуации и степени вовлеченности должностных лиц. Среди них нет «ситуационистов» и «абсолютистов» (согласно терминологии в модели принятия этических решений Ханта — Вителля). Они готовы игнорировать установленные правила, руководствуясь своими индивидуальными ценностями, оппортунистическими мотивациями и прагматичными взглядами. Коррупционеров респонденты чаще всего оправдывают в рамках теории коллективных действий (теории «разбитых окон»), механизма социального сравнения и исходя из понимания, что вариативность их поведения находится в диапазоне от девиантного до делинквентного.

¹¹ Loro — пер. с итал. «они».

2. В классификации коррупционеров на придерживающихся стратегии хищника либо приверженных к коррупции комфорта были высказаны мнения, что первая стратегия чаще исходит от чиновников, занимающих высокие должности в бюрократической иерархии, тогда как коррупция комфорта более распространена среди коррупционеров среднего и низового уровня. Также респондентами высказывались мнения, что стратегия хищника наиболее характерна для силового блока исполнительной власти, а коррупция комфорта — для административного блока. В субъективных оценках респондентов значительно превалирует в денежном объеме и в количестве ситуаций стратегия хищника (более 80 % всех коррупционных случаев в России), тогда как коррупция комфорта составляет, по ряду оценок, не более 20 %.

3. Относительно стратегий «крутой обрыв» и «скользящий склон» респонденты предположили, что они осваиваются чиновниками-коррупционерами в зависимости от уровня иерархии. Чиновники высокого уровня, склонные к коррупционному поведению, предпочитают делегировать коррупционные практики «скользящего склона» на нижестоящий уровень по принципу MLM, оставляя себе часть ренты и открываясь для стратегии «крутого обрыва», что снижает вероятность попасться на коррупционном деянии ввиду их меньшей частоты.

4. Существующие для должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления этические кодексы воспринимаются большинством чиновников как формальность. Без внедрения комплаенс-подразделений и программ по организационной этике (с объяснением ролевой модели этического поведения и обеспечения прозрачности в отношении случаев этического и неэтического поведения) разработанные тексты этических кодексов можно интерпретировать как «лицемерное оформление витрин»¹². Имплементацию этических инструментов и процедур, поддерживающих организационную культуру, важно дополнять открытой дискуссией по вопросам этики и возникающих в ходе работы этических дилемм.

5. Довольно мягкие условия наказания большинства высокопоставленных коррупционеров, редкие случаи применения к ним наиболее действенной меры противодействия коррупции — конфискации незаконно нажитого имущества и денежных средств (в том числе несвязанных непосредственно с тем преступлением, по факту которого возбуждено уголовное дело, но происхождение которых данное лицо не может объяснить), а также лояльное отношение к заключенным из числа высокопоставленных чиновников-коррупционеров и комфортные условия содержания с возможностью условно-досрочного освобождения от наказания, — создают дополнительные аргументы у потенциальных коррупционеров для их решения в пользу этической идеологии скептицизма.

6. Система личных компромиссов и индивидуальных верований современного российского чиновника-коррупционера позволила этой категории должностных лиц сформировать свое понимание религии, объясняющее богоизбранность успешного, удачного и предприимчивого человека. На смену вседозволенности

¹² «Hypocritical window dressing» — термин, предложенный Милтоном Фридманом в 1970 г. См.: Friedman M. A Friedman Doctrine — The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits // The New York Times. 1970. September 13. URL: <https://www.nytimes.com/1970/09/13/archives/a-friedman-doctrine-the-social-responsibility-of-business-is-to.html> (дата обращения: 12.06.2022).

как отрицания Всевышнего («Бога нет, значит, дозволено все»¹³) пришло отрицание запретов при веровании в Него («Если Бог есть, то все позволено», см. [Лакан, 2002]). Нетрансцендентный земной успех является индикатором правильности (праведности) действий, ориентируя чиновников-коррупционеров, в частности, на просоциальное поведение, которое проявляется в обрядах приношения и дара в знак пролонгации и нарастания успеха («чтобы удача не отвернулась»).

7. Опрошенные эксперты высказали ряд рекомендаций для антикоррупционной политики, которые сводятся к следующему: (1) введение ускоряющих платежей, (2) ограничения для лиц, ведущих предпринимательскую деятельность, на право избираться в законодательные органы местного самоуправления, (3) поддержание профессиональной этики (тона сверху) и имплементация этических стандартов в работе государственных и муниципальных служащих.

Ограничение исследования

Настоящее исследование имеет существенное ограничение в связи с использованием идиографического подхода — качественного метода, благодаря которому мы смогли проникнуть глубже в суть явления, поняв его генезис и условия проявления в российском контексте. Естественно, мы не можем судить на основе собранного и проанализированного информационного массива о распространенности тех или иных проявлений коррупционных правонарушений, несмотря на то что многие респонденты высказывали оценки в преваляровании и тенденциозности тех или иных стратегий в зависимости от различных условий и параметров (например, психологических характеристик личности того или иного чиновника, в том числе ценностных ориентаций, предшествующего опыта, выгорания, отрасли, положения в иерархии и других влияющих факторов). Предпринятое в данной статье описание выявленных нами условий коррупционных стратегий и практик позволяет глубже понять мотивацию лиц, выполняющих коррупционно опасные функции, и будет содействовать методологическим разработкам и интерпретации получаемых с их помощью данных, что в итоге обеспечит выработку релевантных мер противодействия коррупции в России.

Список литературы (References)

Воронцов С. А., Понеделков А. В. О слабых звеньях коммуникационной деятельности по противодействию коррупции // *Коммуникология*. 2018. Т. 6. № 1. С. 143—154.
Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V. (2018) On Weakest Links of Communication in Corruption Control. *Communicology (Russia)*. Vol. 6. No. 1. P. 143—154.

Дейнека О. С., Максименко А. А. Оценка психологического состояния общества в условиях инфодемии посредством анализа социальных сетей: обзор зарубежных публикаций // *Общество. Среда. Развитие*. 2020. № 2. С. 28—39.

Deyneka O. S., Maksimenko A. A. (2020) The Psychological State of Society in Infodemia by Analysis of Social Networks: An Overview of Foreign Publications. *Society. Environment. Development*. No. 2. P. 28—39. (In Russ.)

¹³ Приписываемая Федору Достоевскому фраза, собранная в емком выражении по прочтении романа «Братья Карамазовы» последователями его таланта.

Крылова Д. В., Пархоменко С. А., Таут С. В., Цирин А. М., Максименко А. А., Артеменко Е. А., Поросенков Г. А., Долотов Р. О., Мельникова А. Л., Рябов А. А. Этические аспекты профилактики правовых и коррупционных рисков в публичном и корпоративном секторах / под науч. ред. Д. В. Крыловой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.

Krylova D. V., Parkhomenko S. A., Taut S. V., Tsin A. M., Maksimenko A. A., Artemenko E. A., Porosenkov G. A., Dolotov R. O., Melnikova A. L., Ryabov A. A. (2021) Ethical Aspects of the Prevention of Legal and Corruption Risks in the Public and Corporate Sectors. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)

Максименко А. А., Дейнека О. С., Крылова Д. В. Этико-психологическое портретирование российского коррупционера // Национальный психологический журнал. 2020. № 4. С. 31—47. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0403>.

Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Krylova D. V. (2020) Ethical and Psychological Portrayal of a Russian Corrupt Official. *National Psychological Journal*. No. 4. P. 31—47. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0403>. (In Russ.)

Лакан Ж. О бессмыслице и структуре Бога // Консультативная психология и психотерапия. 2002. Т. 10. № 1. С. 36—50.

Lacan J. (2002) On Nonsense and Structure of God. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. Vol. 10. No. 1. P. 36—50. (In Russ.)

Прокофьев А. В. Понятие «социальная справедливость» в истории этической мысли (к вопросу об исторических изменениях типологии справедливости) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2010. № 6. С. 36—53.

Prokofiev A. V. (2010) The Concept of “Social Justice” in the History of Ethical Thought (to the Question of Historical Changes in the Typology of Justice). *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. No. 6. P. 36—53. (In Russ.)

Черленд П. Совесть: происхождение нравственной интуиции. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

Churchland P. S. (2021) Conscience: The Origins of Moral Intuition. Moscow: Alpina Non-Fiction. (In Russ.)

Яковлева Е. Л. Коррупционный оппортунизм: опыт философской рефлексии // Азимут научных открытий: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4. С. 489—493.

Iakovleva E. L. (2016) Corrupt Opportunism: Experience Philosophical Reflection. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. Vol. 5. No. 4. P. 489—493. (In Russ.)

Engel J. F., Blackwell R. D., Kollat D. T. (1978) Consumer Behavior. Hinsdale, IL: Dryden.

Fishbein M., Ajzen I. (1975) Belief, Attitude, Intention and Behavior: An Introduction to Theory and Research. Reading, MA: Addison-Wesley.

Forsyth D. R. (1980) A Taxonomy of Ethical Ideologies. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 39. No. 1. P. 175—184. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.39.1.175>.

Forsyth D. R., Pope W. R. (1984) Ethical Ideology and Judgments of Social Psychological Research: Multidimensional Analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 46. No. 6. P. 1365—1375. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.6.1365>.

- Hogan R. (1970) A Dimension of Moral Judgment. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. Vol. 35. No. 2. P. 205—212. <https://doi.org/10.1037/h0030095>.
- Hunt Sh. D., Vitell S. J. (1986) A General Theory of Marketing Ethics. *Journal of Macromarketing*. Vol. 6. No. 1. P. 5—16. <https://doi.org/10.1177/027614678600600103>.
- Hunt Sh. D., Vitell S. J. (2006) The General Theory of Marketing Ethics: A Revision and Three Questions. *Journal of Macromarketing*. Vol. 26. No. 2. P. 143—153. <https://doi.org/10.1177/0276146706290923>.
- Kelman H. C., Lawrence L. H. (1972) Assignment of Responsibility in the Case of Lt. Calley: Preliminary Report on a National Survey. *Journal of Social Issues*. Vol. 28. No. 1. P. 177—212. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1972.tb00010.x>.
- Kohlberg L. (1976) Moral Stages and Moralization: The Cognitive-Developmental Approach. In: Lickona T. (ed.) *Moral Development and Behavior: Theory, Research, and Social Issues*. New York, NY: Holt, Rinehart, and Winston. P. 31—53.
- Köbis N. C. (2018) The Psychology of Corruption. A Doctoral Thesis. Utrecht: Kurt Lewin Institute.
- Rest J., Cooper D., Coder R., Masanz J., Anderson D. (1974) Judging the Important Issues in Moral Dilemmas: An Objective Measure of Development. *Developmental Psychology*. Vol. 10. No. 4. P. 491—501. <https://doi.org/10.1037/h0036598>.
- Schur E. M. (1969) *Our Criminal Society: The Social and Legal Sources of Crime in America*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Tubbs M. E., Ekeberg S. E. (1991) The Role of Intentions in Work Motivation: Implications for Goal-Setting Theory and Research. *The Academy of Management Review*. Vol. 16. No. 1. P. 180—199. <https://doi.org/10.2307/258611>.
- Vitell S. J., Paolillo J. G. P., Singh J. J. (2005) Religiosity and Consumer Ethics. *Journal of Business Ethics*. Vol. 57. No. 2. P. 175—181. <https://doi.org/10.1007/s10551-004-4603-x>.
- Williamson O. E. (1985) *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*. New York, NY: Free Press; London: Collier Macmillan.
- Wilson J. Q., Kelling G. L. (1982) Broken Windows: The Police and Neighborhood Safety. *Atlantic Monthly*. Vol. 249. No. 3. P. 29—38.
- Zey-Ferrell M., Weaver K. M., Ferrell O. C. (1979) Predicting Unethical Behavior among Marketing Practitioners. *Human Relations*. Vol. 32. No. 7. P. 557—569.
- Zitha H. E., Mathebula N. E. (2015) Ethical Conduct of Procurement Officials and Implications on Service Delivery: A Case Study of Limpopo Provincial Treasury. *Public and Municipal Finance*. Vol. 4. No. 3. P. 16—24.

Приложение 1

Респонденты фокусированного интервью

Профессиональные группы	Размер группы, чел.	Основные характеристики респондентов: возраст (лет), пол, опыт работы в статусе (лет)	Обозначение в тексте
Региональные омбудсмены	4	50, жен., 4	PO1
		53, муж., 5	PO2
		62, муж., 6	PO3
		47, жен., 3	PO4
Адвокаты	4	53, муж., 7	A1
		56, муж., 5	A2
		60, муж., 12	A3
		59, муж., 7	A4
Бывшие государственные служащие как федерального, так и регионального уровней	4	62, жен., 19	БГ1
		66, муж., 32	БГ2
		68, жен., 34	БГ3
		68, жен., 25	БГ4
Государственные служащие федерального уровня, осуществляющие надзор в сфере антикоррупционной деятельности	4	44, муж., 20	КН1
		42, муж., 14	КН2
		48, муж., 23	КН3
		35, муж., 12	КН4

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2109](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2109)

К. А. Галкин, О. А. Парфенова

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ КУЛЬТУРЫ

Правильная ссылка на статью:

Галкин К. А., Парфенова О. А. Последствия пандемии COVID-19 для организаций культуры // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 254—276. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2109>.

For citation:

Galkin K. A., Parfenova O. A. (2022) The Impact of the COVID-19 Pandemic on Cultural Organizations: The Case of Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 254–276. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2109>. (In Russ.)

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ КУЛЬТУРЫ

ГАЛКИН Константин Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: Kgalkin1989@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

ПАРФЕНОВА Оксана Анатольевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: oparfenova@socinst.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6187-7947>

Аннотация. Статья посвящена стратегиям адаптации, которые изобретали и применяли организации культуры в период пандемии COVID-19. Исследование проведено при помощи смешанной методологии в 2021 г. в Санкт-Петербурге. На базе театров, музеев, библиотек и креативных пространств собраны и проанализированы три блока эмпирических данных: анкеты; экспертные интервью; вебометрия социальных сетей организаций. Для анализа использованы концепции сетевого общества и автономности. Выявлены отчетливые тенденции, характерные для большинства организаций: вынужденный переход в онлайн-формат с последующей выработкой адаптационных стратегий условиях жестких ограничений. Ключевыми сложностями стали слабость материально-технической базы и недостаток компетенций и специалистов для производства контента и привлечения аудитории в онлайн. Кризисная цифровизация обнажила

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON CULTURAL ORGANIZATIONS: THE CASE OF RUSSIA

*Konstantin A. GALKIN*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher*
E-MAIL: Kgalkin1989@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

*Oksana A. PARFENOVA*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher*
E-MAIL: oparfenova@socinst.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6187-7947>

¹ Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article focuses on adaptation strategies that cultural organizations invented and applied during the COVID-19 pandemic. The study was conducted in 2021 in St. Petersburg based on a mixed methodology. The data was collected in theatres, museums, libraries, and creative spaces using questionnaires, expert interviews, and webometrics of social networks of the organizations. For the analysis, we employed the concepts of network society and autonomy. The study revealed a clear trend typical for most organizations — a forced transition to an online format, followed by the development of adaptation strategies in the face of severe restrictions. The key difficulties were the weakness of the material and technical base and the lack of competencies and specialists to produce content and attract an audience online. The crisis of digitalization has exposed the structural complexities associated with the (un)willingness to transform the former auto-

структурные сложности, связанные с (не)готовностью трансформировать прежнюю автономию и работать с учетом новых требований сетевого общества, предполагающих сокращение посредников («уберизацию культуры») и потерю прежних сообществ. Нами были выделены три стратегии адаптации к условиям новой нормальности: углубляющаяся цифровизация; гибридная стратегия и стратегия автономии от цифровизации. Стратегия углубляющейся цифровизации характерна главным образом для библиотек, которые вели активную онлайн-работу и до пандемии. Они оказались в наиболее выгодном положении, надстроив и расширив развитую ранее цифровую активность. Гибридная стратегия в основном характерна для музеев, которые активизировали оцифровку коллекций и ввели новые форматы, в т. ч. трансляции из прежде закрытых хранилищ, но вместе с тем декларировали сохранение связи с живыми посетителями как ключевое направление для будущего развития. Стратегия автономии от цифровизации в большей степени присуща театрам, для которых переход в онлайн оказался наиболее сложным и порой невозможным. Для того чтобы прочувствовать и понять реакцию «безучастного зрителя», пришлось выработать новые форматы, предполагающие вовлечение зрителя и получение обратной связи.

Ключевые слова: кризисная цифровизация, организации культуры, автономия организаций культуры, пандемия COVID-19, стратегии адаптации

my and work with the new requirements of the network society, which involve the reduction of intermediaries (“uberization of culture”) and the loss of former communities. We have identified three strategies for adapting to the new normal. The first is deepening digitalization used by libraries that were active online even before the pandemic. They turned out in the most advantageous position, building on and expanding the previously developed digital activity. The second strategy is hybrid and used by museums, which, on the one hand, have stepped up the digitization of their collections and have begun to use new formats, such as broadcasts from previously closed repositories. However, on the other hand, they have maintained a connection with live visitors as a key direction for their future development. The third strategy is the strategy of autonomy from digitalization. It is inherent in theaters, for which the transition to online has proven to be the most challenging and sometimes impossible. To feel and understand the reaction of the “indifferent viewer”, we had to develop new formats that involve the viewer’s involvement and feedback.

Keywords: crisis digitalization, cultural organizations, autonomy of cultural organizations, COVID-19 pandemic, adaptation strategies

Введение

Цифровизация как процесс уже несколько десятилетий прочно связана с коммуникацией, взаимодействием и многими другими сферами жизни человека, параллельно являясь предметом дискуссий в различных сообществах и СМИ. В фокусе внимания исследователей при изучении цифровизации находятся изменения и трансформация прежних социальных, экономических и культурных отношений и (или) возникновение новых взаимодействий и отношений между людьми, созданных цифровизацией. Сегодня цифровые технологии не только стали неотъемлемой частью жизни людей, но также сделали частью социальных отношений, и, как следствие, в цифровом пространстве, как и в любых других социальных «офлайн»-взаимодействиях, возникают особые контексты, роли, статусы и стратегии [Castells, 2010; Срничек, 2019; Шваб, 2019].

До недавнего времени, несмотря на активный рост цифровых технологий и их широкое использование в повседневности, процесс цифровизации происходил относительно линейно. Однако пандемия COVID-19 спровоцировала его небывалый всплеск, что в свою очередь породило исследовательский интерес к тому, как этот процесс помогает создать «новую нормальность» и влияет на различные институты — начиная от семьи и школы, и заканчивая профессиональными сферами. Необходимость работы в условиях «новой нормальности», безусловно, не обошла стороной и сферу культуры. В период пандемии организации культуры вынужденно изменили привычные графики и форматы работы, трансформировали практики взаимодействия с аудиторией и ощутили острый запрос на вполне конкретные навыки и квалификации сотрудников. Культура играет особую роль в жизни любого общества, и, безусловно, с наступлением пандемии COVID-19 и возникновением новых контекстов работы организаций культуры, появилось множество дебатов относительно того, насколько цифровизация и развитие цифрового общества в контексте «новой нормальности» способны сохранить прежнюю уникальность и привычные форматы работы. [Lagman et. al., 2021; Koksai et. al., 2020]. Немаловажным ответвлением здесь является дискуссия о степени подготовленности организаций культуры и их работников к деятельности в цифровой среде и новым условиям труда. Фокус дискуссии сосредоточен вокруг обсуждения перспектив активного использования новых форматов и возможности учреждениям культуры сохранять уникальность в цифровых форматах взаимодействий с посетителями и потребителями [Pavlova, 2020].

В период локдаунов/карантинов/«нерабочих дней» все организации по-разному перестраивались и приспосабливались к новым условиям. Практически все без исключения столкнулись с необходимостью работать в новых условиях — с ограничением или полным отсутствием аудитории в офлайне, необходимостью развивать гибридные и онлайн-форматы работы и так далее. Новые условия породили вынужденную зависимость от цифровизации в самом широком смысле. И хотя на сегодняшний день, согласно мониторингу ЮНЕСКО, большинство культурных организаций возобновили работу полностью или частично (за исключением Австралии)¹, приобретенный в период пандемии опыт онлайн-работы требует

¹ Monitoring World Heritage Sites Closures. URL: <https://en.unesco.org/covid19/cultureresponse/monitoring-world-heritage-site-closures> (дата обращения: 22.01.2022).

аналитического осмысления ввиду своей глобальности и уже запрограммированных последствий. Эмпирические исследования влияния пандемии на работу, в частности, музеев, и активную цифровизацию всех форматов их работы, уже проведены на примере Великобритании и США [Samaroudi, Echavarría, Perry, 2020]. В русскоязычном поле в качестве тематически близких мы можем обнаружить статистический анализ сферы культуры в регионах в допандемийный период и рассуждения о возможных эффектах пандемии — в частности, таких как увеличение аудитории за счет онлайн-форматов и в то же время повышение ценности офлайн-мероприятий [Ипатов, 2021]. Непосредственно в период пандемии, в качестве основного (и очевидного, на наш взгляд) тренда в сфере культуры исследователи выделяют «онлайновые коммуникации» [Шлыкова, 2020: 167].

Между тем условия «новой нормальности», которые сопровождались переходом организаций культуры на удаленную работу с началом пандемии COVID-19, не просто потребовали активного применения цифровых технологий, но и существенно изменили практики взаимодействия с аудиторией и запросы на квалификации сотрудников. Эти изменения порождают вопросы о том, как наблюдаемая нами вынужденная цифровизация влияет на сферу культуры, в некоторых случаях производя так называемую «уберизацию культуры». Под уберизацией в нашем исследовании понимается процесс перехода к прямой связи с потребителем продукта без необходимости участия посредников через цифровизацию форматов работы. В статье мы сфокусируемся на том, какие стратегии адаптации изобретали и применяли организации культуры в период пандемии COVID-19. В своей работе мы обращаем внимание на изменения в автономии организаций культуры в период активной цифровизации во время пандемии COVID-19. Так, исследования показывают, что расширение и развитие цифровизации приводит к изменению прежних границ автономии организаций и изменяет отношения между различными сообществами или между потребителем и поставщиком услуг. К примеру, ярко выраженное смещение границ академической автономии сегодня наблюдается в сфере образования, где профессиональное сообщество из-за активной цифровизации деятельности в период пандемии опасается возникновения прекарных отношений и где, как следствие, возникают алармистские настроения [Абрамов и др., 2021; Ylijoki et. al., 2013; Collins et. al, 2020]. При этом появление новых технологий в сфере образования может восприниматься самими сотрудниками как источник стресса, а также как один из возможных способов потери или трансформации профессионального статуса [Абрамов и др., 2011]. Сфера культуры, как и сфера образования, также может быть рассмотрена как та, в которой работники имеют высокую профессиональную автономию и статус. Следовательно, кризисная пандемийная цифровизация в организациях культуры так же может влиять и на прекарнизацию, и на возникновение у работников тревоги относительно потери и изменения своих профессиональных статусов. Целью статьи является изучение стратегий адаптации организаций культуры к работе в условиях пандемийной «новой нормальности» и кризисной цифровизации. Ключевым инструментом для адаптации послужила цифровизация, которая чаще всего носила кризисный, экстренный характер. Исследование подобных организаций представляет исследовательский интерес, поскольку именно данные учреж-

дения часто сталкивались с проблемами нехватки ресурсов в период пандемии COVID-19 и необходимостью максимально цифровизовать то, что раньше работало преимущественно «вживую». Объектом настоящего исследования выступают организации сферы культуры, которые вследствие пандемии COVID-19 вынуждены были так или иначе цифровизовать свою работу. Предметом выступают практики цифровизации в организациях культуры в период пандемии COVID-19.

Теоретический контекст

Одной из важных особенностей общества новой модерности выступает социально-культурная трансформация прежних отношений и взаимодействий, которые ранее существовали в обществе. Экономические и социальные особенности развития новой нормальности структурированы вокруг «рефлексивной модернизации», которая, как отмечает У. Бек, обусловлена большей свободой индивида: он сам принимает решения и менее вовлечен во взаимодействия и работу с коллективными институтами в обществе [Beck, 1992]. Таким образом, коллективность, как и важность ее поддержания (например, совместные сборы или мероприятия, где люди могут общаться), утрачивают свою значимость. И наряду с этим выбор и возможная экономия времени становятся главными ориентирами при рефлексивной модернизации. Прежние институты, как и институциональные порядки и ориентиры на коллективность, изменяются или отмирают [Beck, 1992; Beck et. al., 1994].

Изменения, которые происходят в обществе, манифестируют себя через развитие информационных технологий и цифровизации. Одна из особенностей в развитии современного общества — гибкая социальная структура, создающаяся, развивающаяся и поддерживающаяся посредством развития новых информационных технологий, среди которых развитие интернета, онлайн-коммуникации, онлайн-взаимодействия [Castells, 2000, 2010]. При этом основными приоритетами сетевого общества, как отмечает М. Кастельс, становятся индивидуальность, ориентиры на индивидуальные взаимодействия, формирование индивидуальных проектов, общение и взаимодействие пользователей [Кастельс, 2004].

Сетевое общество, в рамках которого ключевую роль играет цифровизация, становится обществом «цифрового индивидуализма», оно определено ослаблением влияния традиционных коллективных организаций. Возникают новые формы кооперации, взаимодействия и коммуникации, репрезентированные в цифровом пространстве. Традиционно культурные институции ориентированы на коллективность и высокую роль сообществ, которые концентрируются вокруг определенной организации. Сетевое общество более фрагментарно, соответственно, связано с индивидуальными запросами и прямой коммуникацией между организацией культуры и потребителями культурного продукта. В таком случае ключевым вопросом становится вопрос, насколько организации культуры готовы к перестройке своей работы на формат сетевого общества, и какие навыки и компетенции в этом случае становятся особенно важны?

Анализируя литературу, посвященную цифровизации в сфере культуры, можно выделить как минимум два ключевых направления исследований. Первое связано с растущими масштабами цифровизации и ее активным развитием в сфере культуры. Данный дебат представлен исследованиями о том, насколько цифровизация

заново структурирует организации культуры и какие новые форматы возникают [Masçi et. al., 2021]. Другое направление изучения цифровизации сферы культуры можно обозначить как «кризисную цифровизацию». Кризисная цифровизация возникла в организациях культуры в период пандемии, и в данном случае рассматривается как вынужденный переход к «цифре», к созданию и поиску новых форматов взаимодействия с потребителями культурного продукта [Varriale et. al., 2021; Giannini et. al., 2022]. Для этого направления характерно исследование процессов, которые трансформируют и изменяют привычное содержание работы организаций культуры, а также создают и задают новые условия, связанные с иной трактовкой профессиональной автономии. Также кризисная цифровизация задает особые контексты в работе, в частности, связанные с потерей баланса между трудом и отдыхом и переходом к ненормированному труду и необходимостью из дома выполнять профессиональные обязанности [Hung, 2017]. При этом потеря автономии в организациях культуры связана именно с потерями уникальности самого процесса постановок в театрах или презентаций книг в библиотеке, выставок в музеях. Если традиционный формат работы организаций культуры предполагал, что сотрудники таких организаций создают некий уникальный продукт или «шедевр», используя навыки ораторского искусства и применяя все возможные секреты мастерства, то с наступлением пандемии и развитием активной цифровизации организаций культуры труд библиотекаря, музейного сотрудника или актера сводится к функции производителя и поставщика цифрового контента. В этих условиях ключевые роли отводятся оператору, специалисту по монтажу, SMM-специалисту. Здесь мы наблюдаем, с одной стороны, потерю автономии и прежней уникальности организаций культуры, когда их работа переходит в формат «много-разовости» или в формат унификации деятельности. С другой стороны, кризисная цифровизация, подобно тому, как это произошло в сфере образования, создает в сфере культуры проблемы качества производства, подачи контента, а также провоцирует риски потери прежней идентичности отдельно взятого произведения, выставки или перформанса. В нашем исследовании мы рассматриваем кризисную цифровизацию как неизбежное явление, которое трансформирует прежние практики работы организаций культуры и привычные характеристики культурных продуктов, а также вынуждает организации по-разному адаптироваться к повседневности цифрового общества.

Эмпирическая база и методология исследования

Исследование было проведено при помощи смешанной методологии в период с августа по ноябрь 2021 г. География исследования включает в себя преимущественно Санкт-Петербург, около 10% материала собрано в Ленинградской области. За указанный период были собраны и проанализированы три блока эмпирических данных. Организации, представленные во всех трех блоках материалов, делятся на 4 типа: музеи, библиотеки, театры и филармонии, креативные пространства. Выборка была сформирована таким образом, чтобы охватить наиболее распространенные типы организаций культуры. I блок материалов включает в себя 12 полуструктурированных (формализованных) интервью с экспертами и руководителями из организаций в сфере культуры (11 голосовых интервью

и 1 письменное). Соотношение организаций следующее: 4 библиотеки, 4 театра, 2 музея, 1 креативное пространство и 1 центр современного искусства. Интервью были взяты лично, либо посредством программ Skype и Zoom. Все интервью были транскрибированы и проанализированы с применением тематического кодирования. В качестве информантов выступили эксперты, имеющие возможность компетентно высказаться по интересующим нас вопросам (директора организаций, руководители подразделений, PR-директор etc.). II блок материалов состоит из 67 заполненных анкет от 65 различных организаций². Среди респондентов представлены: 26 библиотек, 24 музея, 9 театров и 6 организаций других типов (дом культуры, концертный зал, креативное пространство). Анкеты направлялись руководителям организаций/подразделений. Заполнение поручалось компетентным сотрудникам, поскольку на большинство вопросов можно ответить, только имея конкретные знания о работе организации, и, в частности, использовании информационных технологий в период пандемии. Наконец III блок материалов содержит в себе результаты вебометрии 108 организаций в сфере культуры (12 креативных пространств/парков, 34 музея, 22 театра и филармонии, 25 библиотек и 15 областных организаций культуры разного типа). В качестве основного объекта вебометрии была выбрана социальная сеть «ВКонтакте». Выбор обусловлен тем, что у всех выбранных организаций есть страничка в этой социальной сети, которую они активно поддерживают. Другие социальные сети (YouTube, Instagram^{3*}, Facebook*) поддерживаются с разной степенью активности — от регулярных и имеющих широкий охват постов и видео до полного отсутствия аккаунтов на этих платформах, что не позволяет провести корректное сравнение динамики. В выборку для всех трех блоков мы включили не просто самые распространенные типы организаций культуры, но и внутри каждого типа старались выбирать отличающиеся организации — начиная от государственных, и заканчивая небольшими некоммерческими, чтобы картина была более полной. Это позволило выявить и понять специфические трудности и особенности работы разных организаций разных размеров и форм собственности. Отдельно стоит отметить, что в нашем исследовании не представлены наиболее крупные государственные организации (музеи и театры), на которые информанты ссылались как на примеры организации онлайн работы. Во многом это обусловлено трудностями в доступе в подобные организации.

Трудности в ходе сбора данных и ограничения исследования

К трудностям в ходе сбора данных можно отнести низкий уровень согласия респондентов отвечать на электронную форму обращения. После первичной рассылки письма с просьбой поучаствовать в опросе отреагировали лишь 8 респондентов из 67. Все остальные ответы были собраны посредством повторных регулярных телефонных звонков с просьбой пройти онлайн-опрос. Очевидным недостатком анкетного опроса является малое число респондентов и низкая доля

² Среди респондентов трое являются сотрудниками одной организации (представители разных отделов библиотеки). Таким образом, всего приняло участие в исследовании организаций 65 организаций, но в анализе учтены все 67 ответов, поскольку они различаются.

³ Здесь и далее * означает социальную сеть, деятельность которой запрещена на территории РФ.

театров в сравнении с другими организациями (библиотеками и музеями). Это обусловлено тем, что активная фаза анкетирования пришлась на август, когда большинство театров не работают и ключевые сотрудники находятся в отпусках.

Другая сложность в исследовании заключалась в недоступности крупных и иерархизированных организаций, в которых любой внешний запрос сопровождается долгой бюрократической обработкой, и зачастую не приводит ни к какому результату. Часть респондентов, рекрутируемых для опроса и интервью, отказались принимать участие в исследовании, аргументировав это по-разному: начиная от отсутствия данных, которые нас интересуют, или невозможности их раскрыть и заканчивая ссылками на нехватку времени.

Результаты исследования

Основные сложности: сокращение аудитории и вынужденный «онлайн»

В период пандемии произошло существенное сокращение аудитории в первую очередь в привычном, «офлайновом» режиме. На начальном этапе (период «нерабочих» дней) это связано с тотальным закрытием всех организаций. На последующих этапах, вплоть до сегодняшнего дня⁴, сокращение аудитории связано как с ограничениями Роспотребнадзора на количество посетителей, так и с отсутствием иностранных туристов, а также, по мнению некоторых информантов, с более высокой осторожностью и стремлением самих посетителей избегать людных мест.

Самый популярный ответ на вопрос об основных сложностях в организации работы в период пандемии — «отсутствие посетителей в офлайне» (вариант выбрали две трети опрошенных). Второй по популярности ответ (58,2% респондентов) — «отсутствие или недостаточность материально-технической базы». Данный пункт подробнее раскрывается в интервью, когда информанты говорят об отсутствии оборудования, программного обеспечения и навыков для организации онлайн-трансляций/записи видео и т. п., которые необходимы для перехода в онлайн-формат работы. Ниже приведена цитата из интервью, наглядно иллюстрирующая сложности с материально-технической базой.

[...] На самом деле, нужно нанимать профессионалов, которые могут хорошо выставить звук, выставить картинку, свет, для того чтобы те мероприятия, которые будут транслироваться, чтобы они были максимально идеального, высокого уровня. Потому что, если мы будем делать это самостоятельно, потому что в штате нет режиссеров, звукорежиссеров, световиков, поэтому необходимо нанимать фирмы, чтобы это был достойный продукт. И который не стыдно было бы показывать потом и говорить, что вот такой продукт есть, поэтому я за то, чтобы в штатных расписаниях появлялись такие специалисты, наверно это слишком дорого, но значит тогда работать с профессионалами, которые позволяют это делать на высоком профессиональном уровне [...]. (Интервью 1, директор библиотеки).

Третий по популярности ответ об основных сложностях работы в период пандемии — «невозможно/трудно собрать аудиторию на онлайн-мероприятия». Можно

⁴ На момент завершения работы над статьей статьи (январь 2022 г.) продолжали действовать некоторые ограничения — например, на посещения учреждений культуры группами.

предположить, что чаще всего этот вариант выбирали организации, имеющие небольшой опыт онлайн-мероприятий, либо, как озвучивали многие представители театров, формат работы предполагает непосредственный контакт со зрителем и онлайн-трансляцией спектакля его не заменить.

Следующие по популярности ответы, которые отметила пятая часть респондентов: «организация удаленной работы» и непосредственно «необходимость перехода в офлайн-формат».

Среди самостоятельно предложенных вариантов ответов были озвучены сложности в работе с музейными фондами (невозможно это делать в онлайн-режиме), снижение доходов, трудности в мотивации аудитории и придумывании новых форматов в онлайне.

Почти половина респондентов (47,8 %) отметила, что аудитория мероприятий сократилась, почти четверть опрошенных (23,9 %) заявила, что она выросла (за счет онлайн-формата и наряду с этим, в интервью, информанты обращали внимание на кратковременность и неустойчивость этой тенденции).

Пятая часть информантов указала на сложности в налаживании контакта с аудиторией и изменение ее половозрастного состава. Лишь 6 % опрошенных сказали, что изменений не произошло.

Ответы на вопрос о количестве участников онлайн-мероприятий содержат широкий диапазон значений: начиная от «10—15» и заканчивая «более 350 000». Такой разброс связан как со специализацией и размером организаций, так и с особенностями ведения статистики и подсчетов в каждом конкретном случае. Также следует учитывать, что подобная статистика представляет собой приблизительные оценки посетителей, основанные на их опыте, и дается постфактум. Некоторые респонденты указали на то, что не вели подобной статистики и затрудняются ответить. Иллюстрирующий ответ одного из респондентов:

Мы не вели такую статистику. Плюс, кого понимать под участниками. Ведь по ссылкам продолжают проходить просмотры. Затрудняюсь ответить. (Интервью 9, зам. директора по научно-просветительской работе, музей)

Таким образом, дать какую-то четкую/усредненную количественную оценку аудитории на основании ответов респондентов представляется затруднительным. Если же обратиться к результатам вебметрического анализа, то можно выделить три условных периода, в которые по-разному проявлялась активность аудитории. Первый период совпал с первой волной пандемии. Организации переходили на дистанционную форму работы, этот период примечателен созданием новых форматов взаимодействия с аудиторией, выходом в цифровое пространство. Всплеск активности пришелся на март-апрель 2020 г., преимущественно на крупные площадки, имеющие дополнительные возможности для привлечения аудитории. Количество просмотров напрямую зависит от ресурсов организации, поэтому далеко не все смогли привлечь аудиторию к своей деятельности — в основном ее составили преданные подписчики и пользователи, знающие данные площадки не первый год. Сложнее всего в этот период пришлось театрам, поскольку онлайн-форматы работы с аудиторией были очень мало развиты или неразвиты вовсе.

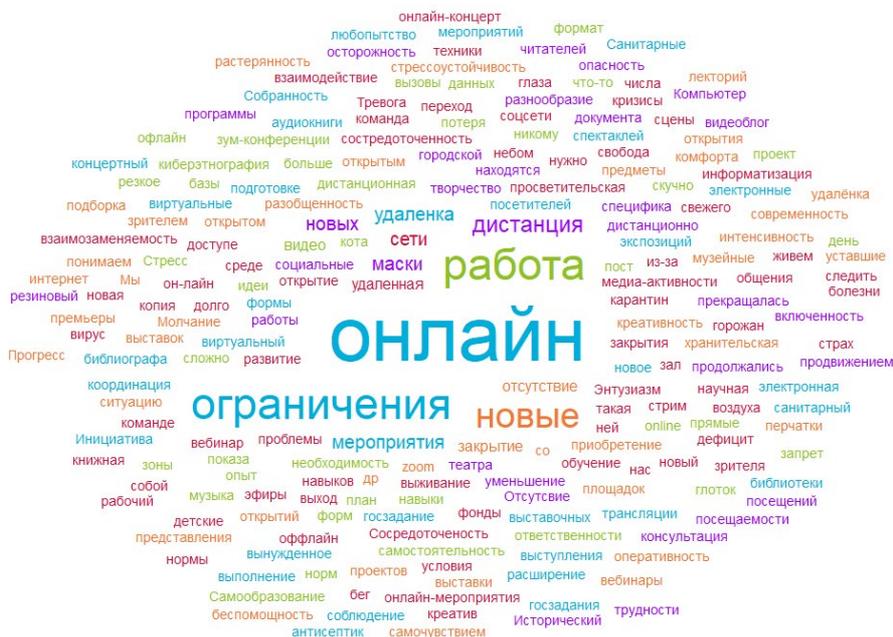
В этих условиях пришлось спешно искать новые формы взаимодействия со зрителями, а некоторые негосударственные театры были вынуждены закрыться или временно распустить коллектив. По словам одного из руководителей такого театра, актеры в период «нерабочих дней» пошли «работать курьерами» (Интервью 2, художественный руководитель, негосударственный театр).

Второй период совпал с первым снятием ограничений, когда стало возможно проводить небольшие мероприятия в офлайн-формате. В лидеры выбились организации (в основном, креативные пространства), имеющие возможности для проведения мероприятий на открытом воздухе. Мероприятия, освещающиеся в основной группе площадки, набирали множество просмотров.

Третий период совпал с периодом активизации офлайн-мероприятий и постепенного снятия ограничений — здесь уже организации всех типов заявили о себе. Появилось больше возможностей для проведения мероприятий в закрытых помещениях, новые форматы. К тому же пик просмотров пришелся на летние месяцы 2021 г. — время традиционного отпуска, каникул, всплеска туристической активности.

На вопрос об ассоциациях, которые возникают у респондентов по поводу работы в период пандемии, им было предложено назвать 3—5 слов. Просуммировав все их ответы с помощью инструмента «облако слов», мы получили следующую визуализацию:

Рис. 1. Визуализация ассоциаций

Как можно видеть из этих «облаков слов», большинство ассоциаций, в том числе самые популярные, связаны с онлайн-форматом, цифровизацией и различного рода ограничениями.

Крупным шрифтом выделены наиболее часто встречающиеся слова. Помимо очевидных «онлайн» и «виртуальный», указывающих на формат событий, можно увидеть слово «Победы», очевидно указывающее на День Победы — 9 Мая, который в 2020 г. полностью проходил в онлайн-формате. Все организации по мере возможности старались приурочить мероприятия к этому празднику. Другие слова дают отсылки к совершенно разным мероприятиям и проектам, реализованным в онлайн-формате: «вебинары», «экскурсии», «лекции», «подкасты», «квесты», «конференции», «выставки», «эфиры», «марафоны», «конкурсы», «трансляции», «веб-сериалы», «концерты», «медиапортал». Примечательно, что если небольшая часть этих мероприятий/проектов нам привычна в онлайн-формате (например, эфиры, подкасты, порталы), то остальные до недавнего времени воспринимались как сугубо офлайн-овые. Получившийся спектр мероприятий и проектов настолько широк, что это позволяет охарактеризовать стратегии организаций по цифровизации и внедрению онлайн-форм как весьма креативные и во многом иллюстрирующие принцип «уберизации» — максимальной приближенности к потребителю.

Появление столь широкого спектра мероприятий, хорошо иллюстрирует особенности развития сетевого общества и интеграции организаций культуры в сетевое общество. Кризисная цифровизация создает и задает развитие различных форматов, но при этом возникающее сетевое общество характеризуется фрагментарностью и непоследовательностью, стихийностью практик цифровизации и адаптации к новым реалиям для большинства исследуемых нами организаций культуры.

Цифровизация коснулась не только работы с аудиторией, но и внутренней работы организаций. Для кого-то оказалось очень сложным наладить дистанционную коммуникацию, а кто-то, напротив, — нашел ее более эффективной.

Все были не в офисе, и мы условно поняли, что можно не проводить большое количество встреч. Просто все до этого очень не любили созвоны и личные встречи, сейчас поняли, что можно избежать лишнего количества совещаний и решать вопросы удаленно (Интервью 4, PR-директор, креативное пространство).

В целом, изменения в работе организаций культуры разных типов были связаны прежде всего с поисками новых форматов и адаптивных стратегий к условиям пандемии. Ниже мы остановимся подробнее на обнаруженных нами стратегиях.

Стратегии адаптации организаций культуры в период пандемии COVID-19

В исследовании мы выделяем три типа стратегий, характерных для каждой организации культуры. Первая — стратегия углубляющейся цифровизации — характеризуется высокой степенью адаптированности организаций к изменениям и кризисной цифровизации во время пандемии COVID-19, при этом представители этой стратегии в меньшей степени старались сохранить автономию и уникальность своих организаций и в большей степени углубляли прежний опыт, развивая форматы взаимодействия с аудиторией, которые существовали и до пандемии. Вторая, гибридная стратегия характеризуется сочетанием различных форматов и переводом части работы в онлайн, но при этом сохранением ключевой ориентации на развитие мероприятий, которые создают уникальность организации

в офлайн-формате. Третья стратегия — *автономия от цифровизации*. Она характеризуется высокой степенью автономии в работе, борьбой за сохранение уникальности, и при этом низкой степенью адаптированности к условиям, которые задает «кризисная цифровизация». Здесь, как правило, мы имеем дело со слабой интегрированностью в сетевое общество и выраженной ориентацией на устойчивые сообщества, которые сконцентрированы вокруг организаций.

Стратегия углубляющейся цифровизации

Анализ интервью показал, что переход на удаленную работу прошел менее болезненно для работников и посетителей библиотек. Современные технологии, в том числе цифровизация, были восприняты в библиотеках достаточно позитивно. Для посетителей библиотек в период пандемии были смягчены условия, появились дополнительные возможности работать с электронными каталогами. Одним из наиболее популярных средств для развития работы библиотек в период пандемии стало обращение к сервису «ЛитРес», который позволяет читателям скачивать и читать необходимые книги. Для руководителей библиотек в пандемию сервис «ЛитРес» таким образом стал возможностью рассказывать о книгах, знакомить читателей с новинками.

Очень хорошо, что у нас была мобильная библиотека ЛитРес, и это наверно пик развития, когда наши читатели воспользовались этой услугой, и мы 24/7 утверждали выдачу литературы, которая была необходима нашим читателям. А соцсети мы начали осваивать: как проводить различные викторины, мастер-классы. Наверное, самая большая проблема была в том, что фондов рядом не было, потому что каждый из нас сидел у себя дома. Девочки готовили и статьи, и обзоры, таких различных мероприятий было [много] организовано, и полностью выстраивали систему взаимосвязи между всеми сотрудниками. Были назначен ответственный, который собирал всю информацию, систематизировал и передавал в методический отдел, который, соответственно, все выкладывал. (Интервью 1, директор библиотеки)

Ведение социальных сетей многие библиотеки активно практиковали и до пандемии, поэтому они оказались в больше степени подготовлены в сравнении с другими культурными организациями.

В отдельных случаях использование новых удаленных форматов позволило расширить аудиторию. Однако, при этом отмечается снижение использования цифровых сервисов библиотек пожилыми людьми из-за отсутствия у них необходимых компетенций и навыков:

*Интервьюер: Вы упомянули, что людям старшего возраста, 65+, было трудно. Это, на Ваш взгляд, связано с тем, что им сложно пользоваться цифровыми технологиями?
Информант: Да, есть активные, которые всем этим пользоваться умеют, но все-таки более 50% тех, кто пользоваться не умеет. (Интервью 1, директор библиотеки)*

Таким образом, для библиотек — представителей стратегии углубляющейся цифровизации — важным стало развитие уже имеющихся форматов, удобных

и комфортных для онлайн-посетителей, например квесты и мастер-классы, которые проходили онлайн, или обзоры книг. Отличительными особенностями также стали развитие новых форматов и знакомство с опытом других организаций для расширения участия в цифровой среде. Именно для организаций — представителей стратегии углубляющейся цифровизации наиболее характерна уберификация деятельности в период пандемии. Такая уберификация предполагает прямую связь между библиотекой и читателем через социальные сети или сайт без посредников — читатель кликает на кнопку заказа книги в личном кабинете и получает ее через несколько минут.

Гибридная стратегия

Гибридная стратегия в основном была характерна для музеев. Ее особенностью является стремление сочетать вынужденную цифровизацию с необходимостью в долгосрочной перспективе привлекать посетителей в офлайн. Одним из приоритетов в пандемийной реальности становится цифровизация деятельности музея. Была начата активная работа по созданию контента и поиску удачных форматов работы с аудиторией, проводился анализ наиболее интересных и удачных практик в тех музеях, где существовали научные отделы и отделы по развитию. Из стратегических действий — в крупных музеях была активизирована работа по оцифровке коллекций. Важное значение начали играть группы в социальных сетях, позволяющие сотрудникам музеев поделиться необходимой информацией, рассказать о своей деятельности или выложить свои публикации, инфографику. В отличие от библиотек, онлайн-коммуникация многих музеев не была столь активной до пандемии, и, следовательно, они оказались в более сложной ситуации.

Музейная онлайн-коммуникация с посетителями могла носить характер историй или рассказов о тех или иных экспонатах и экспозициях онлайн. Актуальной задачей оказалось создание новых аудиогидов, которые были «заточены» под онлайн-формат. В данной ситуации, как отмечали информанты, важное значение начинает играть творческий подход к организации мероприятий, возникновение новых форматов, а также перевод музейных композиций и работы самого музея в онлайн-формат:

В дистанционном формате мы занимались не тем, чем обычно занимались, не работой с посетителями вживую. То есть мы перешли на другие форматы совершенно: онлайн-экскурсии, просветительская работа через соцсети, через сайт, в таком вот это все было виде. (Интервью 9, зам. директора по научно-просветительской работе, музей).

Отвечая на вопрос анкеты о предпочитаемом формате мероприятия в «пост-пандемийную эпоху» практически все музеи выбрали «гибридный» вариант (онлайн + офлайн). Комментируя свой выбор, один из респондентов отметил:

У каждого формата проведения мероприятия есть своя аудитория. В зависимости от типа и вида мероприятия аудитории удобно смотреть материалы в офлайн (в любое удобное время), также онлайн, например, репортаж с места культурных событий. (Анкета № 3, заведующий культурно-просветительским отделом музея)

Таким образом, опыт работы с разными форматами в пандемию позволил диверсифицировать мероприятия и аудиторию и в будущем оставить место для гибридного формата, сочетающего онлайн и офлайн, как более удобного и гибкого.

Однако переход в онлайн-формат был связан с невозможностью получать прибыль от посещения музеев в период пандемии. Как следствие, новые онлайн-мероприятия, которые проводились в музеях, были рассчитаны на отсутствие прибыли, и, поэтому, были как правило низкобюджетными.

Наименее адаптированными к условиям пандемии оказались небольшие музеи, которые не имели необходимых технологий для перевода материала в «цифру». Исключительными случаями в данной ситуации стали закрытия музейных пространств либо ограничение работы музеев в целом.

В период пандемии произошли изменения и в составе аудитории. Так, из-за закрытия границ музеи лишились иностранных посетителей, а значит и заметной доли дохода и наряду с этим возможности развивать опыт работы с иностранцами. Наряду с этим стали невозможны или крайне затруднены зарубежные выставки коллекций и активные живые контакты с коллегами-музейщиками из других стран.

Несмотря на то, что многие музеи развивали различные форматы работы, важным и значимым, помимо вовлечения в онлайн-активность, оставалось сохранение возможностей для живого общения с аудиторией. Сотрудники музеев отдельно отмечали важность сохранения коммуникации с аудиторией, чтобы вернуться к работе с ней после пандемии и снятия ограничений. В контексте исследования мы оцениваем живую коммуникацию с посетителями как важный маркер автономности музеев. Рассуждая о недостатках вынужденного цифрового формата, информант фиксирует его «эфемерность» и непостоянство виртуальной аудитории.

Знание не трансформируется в практику потом, оно остается таким эфемерным, [...] то же самое касается и сферы культуры. Вот какие-то музейные игрушки были интересны в период пандемии. Но как сохранить эту аудиторию, потому что она приходит и уходит, эта аудитория, насмотревшись, увидев эти форматы. Человек достаточно быстро от них устает, и вот здесь, важно выдержать этот баланс — как сохранить аудиторию и как сделать так, чтобы это событие не переходило в такое вот эфемерное состояние, не исчезало из реальности? (Интервью 11, зам. руководителя музея)

Музеи потеряли часть своей аудитории и на сегодняшний день⁵, ввиду закрытых границ и не до конца снятых ограничений, поток посетителей не восстановился. Развитие онлайн-форм способствует привлечению новых пользователей, но станут ли они частью живой аудитории в будущем — вопрос открытый. Стратегию музеев в период пандемии можно описать как стремление развивать и использовать преимущества цифрового формата вместе с желанием сохранить и приумножить живую аудиторию. Повсеместная цифровизация и онлайн-форматы содержат в себе ряд плюсов, но сокращение самих возможностей живого присутствия/перемещений однозначно негативным образом сказывается на автономности организаций культуры и включенности их аудитории.

⁵ Январь 2022 г.

Стратегия автономии от цифровизации

Стратегия автономии от цифровизации характерна в основном для небольших камерных театров, у которых не было ни специалистов, способных перевести постановки в онлайн-формат, ни возможности работы в цифровом пространстве, поскольку вся прежняя деятельность была связана с офлайном.

Основной особенностью этой стратегии является поиск собственного пути. Театры характеризуются высокой степенью коллективности и аккумуляции вокруг самой организации сообщества, которое в период пандемии способно распастись. Проблемами в данном случае выступают как непосредственно необходимость перевода мероприятий в онлайн-формат, так и поиск потенциально новых, в том числе совмещенных форматов.

Из анализа полученного материала следует, что наиболее значимые изменения в период пандемии COVID-19 произошли в работе театров. Основной проблемой для театров в этот период выступила утрата пространства, «потеря сцены», когда весь репертуар мгновенно перестал существовать. Лишь некоторые произведения, если позволяла техника, ушли в онлайн-формат. Перед литературными и художественными руководителями театров встал вопрос о необходимости адаптировать спектакли, создавать новые форматы, которые позволили бы завлечь зрителей:

В целом, театр пережил пандемию достаточно тяжело, но этот опыт был для нас позитивным. Потому что в первую волну, когда все сидели на карантине, мы были вынуждены осваивать какие-то интернет возможности общения с аудиторией. Это для театра работа принципиально новая, потому что театр — это когда артист выходит на сцену и вживую общается с залом. Поэтому никто не был готов к такой работе, поэтому все сначала кинулись делать записи, видеозаписи стихов, монологов, очень быстро стало понятно, что этот формат не работает, это не интересно, не про театр. Постепенно режиссеры начали находить какой-то адекватный театральный эквивалент для этого времени, какие-то специальные, для онлайн-прочтения созданные, театральные версии. (Интервью 8, заведующая литературно-художественной частью, государственный театр)

Следует отметить два направления работы, которые различались в зависимости от размера театров. Первое направление можно охарактеризовать как поиск новых форматов, связанных с участием зрителей.

Ну, например, у моих коллег [...], тоже негосударственный театр, и они придумали такой формат онлайн-спектакля, такой спектакль на одного зрителя... Это даже не зритель и не спектакль, а перформанс — не знаю, как назвать. По фильму «Сталкер» Тарковского придумали такую историю, как будто звонит человек, который хочет пройти путь по Сталкеру, звонит по какому-то телефону и в этом телефоне, актер или режиссер проводит этого человека по его каким-то внутренним перипетиям, и с человеком по идее что-то должно случиться. И по сути дела на телефоне целый день с одним человеком, они связываются, смс или мессенджерами, телефонными звонками, и человек, который участвует в этом не видит, живет своей жизнью, но по факту к нему приходят какие-то сообщения и звонки, какие-то мысли, которые в течение дня примеряет

на себя. Такой был интересный проект, но вот это конкретно на одного человека. (Интервью 2, художественный руководитель, негосударственный театр)

Второе направление работы — более традиционный формат, работа с прежними спектаклями, но создание их альтернативных версий (к примеру, создание адаптивных версий спектаклей, которые удобно показывать и транслировать по видеосвязи):

Первое, что было — хорошая профессиональная запись, мы еще тогда были муниципальным театром, мы нашли площадку, где было хорошее профессиональное оборудование, была съемка спектакля «Дюймовочка», потом чтобы зрителя поддержать, мы делали, сами писали вариации, отрывочки из спектаклей. [...] Потом у нас молодые актеры очень много работали, и у них есть детки. Делали такие семейные передачи, где участие принимали дети, это все транслировалось нашему зрителю: дети читали, или разыгрывались какие-то сказки, это было времяпрепровождение в актерской семье. (Интервью 6, художественный руководитель, государственный театр)

В целом оба формата связаны с «борьбой» художественных руководителей и руководителей литературной части за зрителей, которые смотрят спектакли онлайн. К этой борьбе можно применить метафору «безучастного зрителя», реакции которого сложно оценить и проанализировать, как отмечали в интервью руководители театров. Таким образом, «безучастный зритель» — это неизвестный зритель, и неясным становится то, что он выберет: просмотр сериала или спектакля. Как отмечали художественные руководители в интервью, в таком случае важно понимать все особенности устройства аудитории «безучастных зрителей», хотя на практике большинство камерных государственных и негосударственных театров не располагают навыками и инструментами для исследования такой аудитории. Следовательно, это создает сложности как с ведением аккаунтов в социальных сетях, которые были у многих камерных театров неактивными, так и с цифровизацией нового формата работы.

Особые сложности вызывает видеоформат, контент которого выкладывается на YouTube. Часто, как отмечали художественные руководители театров, возникали сложности с продвижением канала, с организацией трансляций спектаклей, а также с грамотной подачей контента, которая позволяла бы правильно завлечь аудиторию и проанализировать ее основные потребности:

Я как раз пришла работать в период пандемии, у нас как раз не было smm-сотрудника, то есть социальными сетями всерьез никто не занимался. Социальные сети были нужны для того, чтобы была информация о театре. Никакой контент, специально созданный для социальных сетей, не разрабатывался. То есть аудитория тоже не была приучена. (Интервью 8, заведующая литературно-художественной частью, государственный театр)

Возможности проведения SMM-анализа были только у крупных театров, которые реализовывали довольно успешные онлайн-проекты и могли транслировать

спектакли онлайн, имея необходимое оборудование и технологии. Несмотря на это, общим фоном в ответах представителей театра чувствуется «усталость от онлайн». Респонденты в анкетах, выбирая сугубо офлайн в качестве предпочитаемого формата работы после пандемии, приводили следующие аргументы:

Театр живое искусство, никакой онлайн не победит этого. (Анкета № 13)

Театр невозможен без сцены. Только сцена позволят сделать удобный формат и создать комфорт в живую. Следовательно, только возможности сцены позволяют создать эффект присутствия — это невозможно в пандемию. (Анкета № 44)

Таким образом, мы видим, что функции театра, как и предполагаемые художественными руководителями практики, полностью изменились. Степень трансформации зависит от статуса театра и его аудитории (дети или взрослые). При этом активно развивались новые службы, такие как SMM-служба, происходило расширение PR-службы театра и дополнение ее маркетингом в социальных сетях, работой по раскрутке групп. Как у больших, так и у камерных театров изменился формат работы с материалом, его подача и продвижение. Развивалась работа театров в различных форматах: монтаж видео, работа дизайнера, звукорежиссера. Нередко все эти функции также выполняла сама PR-служба театров или отдельные специалисты, которые специально были наняты на работу для создания качественного контента.

При этом немаловажным было сохранение прежней автономии организации и создание уникального формата и контента. Это наталкивалось на необходимость конкурировать с другими площадками, имеющими гораздо больший опыт в онлайн-пространстве. Таким образом, с одной стороны, стратегия автономии от цифровизации связана с сохранением прежнего формата работы и уникальности самой организации. А с другой стороны, она структурирована тем, что вынужденная «кризисная цифровизация» создала необходимость поиска новых форматов работы и способов взаимодействия с аудиторией в онлайн.

Заключение

Отчетливые тенденции, характерные для подавляющего большинства организаций в сфере культуры в период пандемии сводятся к тотальной цифровизации и вынужденному переходу в онлайн-формат в условиях жестких ограничений. Ключевыми сложностями стали слабость материально-технической базы и недостаток компетенций и специалистов для производства контента и привлечения аудитории в онлайн. Отдельно нельзя не упомянуть и финансовые трудности, с которыми столкнулись все без исключения организации — онлайн-формат практически не дает возможности для монетизации. Некоторые частные организации, не имеющие государственной поддержки, вынуждены были закрыться.

Следствием этих условий стала выработка организациями адаптационных стратегий в работе с аудиторией и обострение конкуренции за аудиторию. Кризисная цифровизация спровоцировала создание новых и развитие уже имеющихся форматов работы как внутри коллективов, так и с аудиторией. Разные типы

организаций продемонстрировали отличные друг от друга стратегии по «вписыванию» в новую нормальность, в разной степени отвечающие запросам сетевого общества.

По результатам исследования к положительным (и потенциально положительным) эффектам цифровизации в период пандемии можно отнести: увеличение аудитории и повышение доступности культурных продуктов онлайн; развитие новых форматов работы (квесты, трансляции из закрытых хранилищ и др.); оцифровка музейных коллекций и выставок; создание более удобных платформ и возможностей для дистанционных научных изысканий; оптимизация рабочего процесса организации (всплеск использования мессенджеров, программ для онлайн встреч/конференций и др.). В качестве отрицательных эффектов мы выделили следующие: невозможность вести работу без непосредственного контакта со зрителем (в первую очередь касается театров); «суррогатность» в потреблении продуктов культурных организаций (любясь на видео, а не живую, не прочувствовать); недостаток живого общения с коллегами; исключение отдельных групп, которым недоступен цифровой формат (например, пожилых, не умеющих обращаться с гаджетами и не имеющих доступа к сети интернет); «спам-эффект» из-за различных рассылок и анонсов от организаций — в результате многие события не получают широкой огласки. В ходе исследования нами были обозначены три разноплановых стратегии адаптации учреждений культуры к новым условиям работы в пандемию. Ключевым инструментом каждой стратегии стала цифровизация, которую разные типы организаций использовали по-своему.

Стратегия *углубляющейся цифровизации* характеризуется высокой степенью адаптированности организаций к изменениям и кризисной цифровизации во время пандемии COVID-19. Адаптивность обусловлена высокой степенью цифровизации работы организации на более раннем этапе.

Особенность *гибридная стратегия* — стремление сочетать вынужденную цифровизацию с необходимостью в долгосрочной перспективе привлекать посетителей в офлайн.

Стратегия автономии от цифровизации связана прежде всего с тем, что организации культуры ввиду специфики своей деятельности стараются максимально сохранить автономию в работе, вынужденно и тяжело развивая новые форматы в условиях кризисной цифровизации.

Выделенные стратегии показывают различную степень вовлеченности организаций в практики кризисной цифровизации. Реализация той или иной стратегии зависит от возможностей и желания трансформировать практики использования цифровых технологий. В свою очередь возможности определяются контентом организаций, возможностями потребления данного контента онлайн и созданием условий для его «уберизации», а также готовностью организаций расширять производство некупаемых форматов. Успешность кризисной цифровизации и трансформации работы с посетителями зависят и от автономии практик использования цифровых технологий в рамках презентации контента. Чем выше автономность и независимость от традиционного офлайн-варианта работы, тем выше потенциал трансформации и интеграции организаций в новые условия цифрового общества, продиктованные пандемией COVID-19.

Список литературы (References)

- Абрамов Р. Н. (2011) Менеджериализм и академическая профессия. Конфликт и взаимодействие. *Социологические исследования*, № 7. С. 37—47. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-7/Abramov.pdf> (дата обращения: 27.06.2022).
- Abramov R. N. (2011) Managerialism and Academic Profession. Conflict and Interaction. *Sociological Studies*. No. 7. P. 37—47. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-7/Abramov.pdf> (accessed: 27.06.2022). (In Russ.)
- Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Захарова У. С., Терентьев Е. А. (2021). Преподаватели российских вузов в условиях пандемийной цифровизации: между автономией и контролем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 134—154. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1985>.
- Abramov R. N., Gruzdev I. A., Zakharova U. S., Terentev E. A. (2021) Professional Autonomy and Administrative Control During the Pandemic Digitalization: The Perspective of University Teachers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 134—154. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1985>. (In Russ.)
- Ипатова С. С. Сфера культуры в условиях пандемии: проблемы и возможности // Научные записки молодых исследователей. 2021. Т. 9. № 1. С. 31—40. URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/scinotes/journals/2021%20%E2%84%961.pdf> (дата обращения: 27.06.2022).
- Ipatova S. S. (2021) The Sphere of Culture During the Pandemic: Problems and Opportunities. *Scientific Notes of Young Scientists*. No. 1. P. 31—40. URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/scinotes/journals/2021%20%E2%84%961.pdf> (accessed: 27.06.2022). (In Russ.)
- Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
- Castels M. (2004). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society*. Ekaterinburg: U-Factotia. (In Russ.)
- Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. М.: ИД ВШЭ, 2019.
- Srnicek N. (2019) *Platform Capitalism*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2019.
- Schwab K. (2019) *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Шлыкова О. В. (2020) Цифровое потребление культурного контента в условиях «новой нормы» дистанцированного мира // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, № 5. С. 160—169.
- O. V. Shlykova (2020) Digital Consumption of Cultural Content in the Conditions of the “New Norm” of the Distanced World. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. No. 5. P. 160—169. (In Russ.)

Beck U. (1992) From Industrial Society to the Risk Society: Questions of Survival, Social Structure and Ecological Enlightenment. *Theory, culture & society*. Vol. 9. No. 1. 97—123. <https://doi.org/10.1177/026327692009001006>.

Beck U., Giddens A., Lash S. (1994) *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society*. Chichester: Wiley-Blackwell.

Castells M. (2000) Materials for an Exploratory Theory of the Network Society. *The British Journal of Sociology*. Vol. 51. No. 1. P. 5—24. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2000.00005.x>.

Collins H. J., Glover H., Myers F. (2020) Behind the Digital Curtain: A Study of Academic Identities, Liminalities and Labour Market Adaptations for the “Uberisation” of HE. *Teaching in Higher Education*. Vol. 27 No. 2. P. 201—216. <https://doi.org/10.1080/13562517.2019.1706163>.

Giannini T., Bowen, J. P. (2022) Museums at the Crossroads: Between Digitality, Reality, and COVID-19. *Heritage*. Vol. 5. No. 1. P. 192—214. <https://doi.org/10.3390/heritage5010011>.

Horton R. (2020) Offline: COVID-19 Is Not a Pandemic. *The Lancet*. Vol. 396. No.10255. P. 874. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)32000-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)32000-6).

Hung A. C. Y. (2017) A Critique and Defense of Gamification. *Journal of Interactive Online Learning*, No. 1. P. 57—72.

Koksal E., Dost B., Terzi Ö., Ustun Y. B., Özdin S., Bilgin S. (2020) Evaluation of Depression and Anxiety Levels and Related Factors Among Operating Theater Workers During the Novel Coronavirus (COVID-19) Pandemic. *Journal of PeriAnesthesia Nursing*. Vol. 35. No. 5. P. 472—477. <https://doi.org/10.1016/j.jopan.2020.06.017>.

Lagman J. D. N., Vergara R. J. D., Sarmiento P. J. D. (2021) Culture as a Contributory Factor in Combatting the COVID-19 Pandemic. *Journal of Public Health*. Vol. 43. No. 2. P. e289-e290. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdaa280>.

Macri E., Cristofaro C. L. (2021) The Digitalisation of Cultural Heritage for Sustainable Development: The Impact of Europeana. In: Demartini, P., Marchegiani, L., Marchiori, M., Schiuma, G. (eds.) *Cultural Initiatives for Sustainable Development. Contributions to Management Science*. Cham: Springer. P. 373—400. https://doi.org/10.1007/978-3-030-65687-4_17.

Mendenhall E (2020) The COVID-19 Syndemic Is not Global: Context Matters. *The Lancet*. Vol. 396. No. 10264. P. 1731. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)32218-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)32218-2).

Pavlova D. (2020) Digital Preservation of Cultural Heritage and Opportunities Created by the Pandemic Crisis for Bringing New Life to Historical and Cultural Artefacts. *Digital Presentation and Preservation of Cultural and Scientific Heritage*. Vol. 10. P. 225—230.

Samaroudi M, Echavarria K R., Perry L. (2020) Heritage in Lockdown: Digital Provision of Memory Institutions in the UK and Us of America During the COVID-19 Pandemic.

Museum Management and Curatorship. Vol. 35. No. 4. P. 337—361. <https://doi.org/10.1080/09647775.2020.1810483>.

Seifert A (2020) The Digital Exclusion of Older Adults during the COVID-19 Pandemic. *Journal of Gerontological Social Work*/ Vol. 63. No. 6—7/ P. 674—676. <https://doi.org/10.1080/01634372.2020.1764687>.

Varriale L., Volpe T., Noviello V. (2021) Enhancing Cultural Heritage at the Time of the COVID-19 Outbreak: An Overview of the ICT Strategies Adopted by Museums in the Campania Region of Italy. In: Gowrensunkar V. G. B., Maingi S. W., Roy H., Micera R. (eds.) *Tourism Destination Management in a Post-Pandemic Context: Global Issues and Destination Management Solutions*. Bingley: Emerald Publishing. P. 201—218. <https://doi.org/10.1108/978-1-80071-511-020211014>.

Ylijoki O. H., Ursin J. (2013) The Construction of Academic Identity in the Changes of Finnish Higher Education. *Studies in Higher Education*. Vol. 38. No. 8. P. 1135—1149. <https://doi.org/10.1080/03075079.2013.833036>.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.1984](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1984)**Н. С. Первушин****МЕДИАСФЕРА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
В УСТАНОВЛЕНИИ ПОВЕСТКИ ДНЯ****Правильная ссылка на статью:**

Первушин Н. С. Медиафера в период пандемии COVID-19: региональные и дискурсивные различия в установлении повестки дня // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 277—300. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1984>.

For citation:

Pervushin N. S. (2022) The Media Sphere During the COVID-19 Pandemic: Regional and Discursive Differences in Agenda-Setting. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 277–300. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1984>. (In Russ.)

МЕДИАСФЕРА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УСТАНОВЛЕНИИ ПОВЕСТКИ ДНЯ

ПЕРВУШИН Николай Сергеевич — магистр социологии, научный сотрудник и старший преподаватель кафедры психологии личности, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

E-MAIL: nickd17@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4413-0205>

Аннотация. Исследование посвящено работе российских медиа в период с 22 января до 19 июля 2020 г. Рассматривается динамика количества новостей о COVID-19 за сутки и их содержание на различных ресурсах в соотношении с динамикой новых выявленных заражений в субъектах РФ, Москве, России и мире. Исследование фокусируется на регионах, где эпидемия к середине лета не ослабевала. Сравниваются федеральные и региональные СМИ, работа СМИ в регионах с разной эпидемиологической обстановкой, государственные и негосударственные медиа.

Предположение о согласованности динамики количества сообщений с динамикой количества новых зараженных в регионе находит эмпирическое подтверждение только для Москвы и регионов с идентичным сценарием развития эпидемии. И федеральные, и региональные медиа ориентируются скорее на московскую эпидемиологическую ситуацию. До 6 мая присутствовала ориентация на мировые события. Рост эпидемии в регионах сопровождается падением внимания СМИ к этой теме. Изначальный большой интерес

THE MEDIA SPHERE DURING THE COVID-19 PANDEMIC: REGIONAL AND DISCURSIVE DIFFERENCES IN AGENDA-SETTING

Nikolay S. PERVUSHIN¹ — Master of Sociology, Researcher and Senior Lecturer at the Department of Personality Psychology

E-MAIL: nickd17@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4413-0205>

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract. In conditions of forced self-isolation, media communication has a crucial role. According to agenda-setting theory, out of a variety of surrounding topics, media choose the most significant and discussed for their audience. The choice is often based on political, economic and other motives. This raises the question of the correlation between the real threat and its representation in different media.

The study focuses on the Russian media content from January 22 to July 19, 2020. We analyze the dynamics of news about COVID-19 daily and their content in various media in parallel with the dynamics of newly detected cases in Russian regions, Moscow, Russia in general, and the world. We focus on regions where the pandemic was not weakening by the middle of summer. The study compares national and regional media, mass media in regions, state, and non-state media.

We assumed the coincidence of the news amount with the rise of newly infected people in the region. However, this hypothesis was confirmed only in Moscow and cities with a similar epidemiological scenario. Both national and regional me-

к эпидемии был связан с неопределенностью рисков и введением ограничительных мер, а реальная эпидемия в регионах и вероятность заражения не влияют на освещение темы в медиа. Наблюдаются различия в работе медиа в городах-миллионниках и менее крупных городах.

Государственные и негосударственные медиа идентичны в плане динамики объема внимания к теме COVID-19. Наблюдается постепенное синхронное вытеснение эпидемии из повестки. Выявлены содержательные отличия в освещении темы между государственными и негосударственными СМИ. Государственные направлены на успокоение и смягчение восприятия несмотря на серьезность вводимых мер. Негосударственные заостряют внимание на критике системы здравоохранения, непоследовательности ограничительных мер, историях болезни.

Ключевые слова: медиа, неопределенность, COVID-19, гиперреальность, общество риска, безопасность, самоизоляция, регионы России, повестка дня, конструирование проблем

dia focus on Moscow's epidemiological situation. Before May 6, the focus was on world events. The growth of new cases in regions was accompanied by a decrease in attention to this problem in the media. Initial strong interest in epidemic was associated with the risk uncertainty and the introduction of restrictive policy; the real epidemic in regions does not affect the coverage of this aspect in the media. There are also some differences between media in megacities and smaller cities.

State and non-state media are identical in the dynamics of COVID-19 news. We detected a gradual substitution of pandemics agenda as well as differences between state and non-state media. The state media tried to calm down the audience regardless of how serious the restrictive measures were, while non-state media criticized the health care system, inconsistency of restrictive measures, and described patients' experiences.

Keywords: media, uncertainty, COVID-19, hyperreality, risk society, security, self-isolation, Russian regions, agenda-setting, problem construction

Введение

В конце 2019 г. в мировой медиаповестке появилась тема COVID-19. Вместе с распространением вируса по планете распространился и отражающий его информационный шум. Начавшаяся пандемия стала неожиданной и заставила во многом изменить привычный ход жизни. Сейчас человечество переживает опыт реальной продолжительной угрозы и беспрецедентной реакции на нее в виде вынужденной самоизоляции и ограничений. Глобальность мира и повышенная мобильность людей, вещей и идей приводят не только к быстрому распространению вируса, но и к возникновению противоречивой информации о нем.

Повышенную рискогенность и возрастающую неопределенность жизни современного человека и обществ констатировали многие известные социологи. По мнению У. Бека, современное общество — общество риска, характеризую-

щееся неактуальностью прошлого опыта для действий и адаптации в современных условиях, поэтому ориентироваться нужно на настоящее и будущее [Бек, 2000]. Пандемия COVID-19 стала ярким примером такой неопределенности и риска.

Люди не имеют возможности обратиться к личному опыту и опыту своего окружения, чтобы сформировать представление относительно нового для них явления. В таких неопределенных ситуациях медиа занимают центральное положение в создании образа проблемы или события [Дьякова, 2002]. Они могут обозначать важность явления и интерпретировать его тем или иным образом. СМИ могут по-разному освещать тему COVID-19, формировать образ пандемии и угрозы; использовать разные дискурсы; этот образ может быть привязан к реальной динамике пандемии или оторван от нее.

Теоретическая основа и исследовательские намерения

Из множества происходящих событий медиа вынуждены выбирать для широкого освещения лишь некоторые. Есть ограничения формата СМИ: в газете определенное количество страниц, в выпуске новостей определенный хронометраж. Редакционная политика медиа и форма собственности (государственная/частная/краудфандинговая) также определяют приоритет одних тем над другими. Кроме того, в конкретный момент внимание аудитории может удерживаться лишь на очень ограниченном числе новостных тем [Cohen, 1995]. Только несколько проблем могут быть значимыми в определенный момент времени. В выборе этих тем (установлении повестки дня) состоит важнейшая функция СМИ.

М. Маккомбс и Д. Шоу — авторы теории agenda-setting (установления повестки дня) [McCombs, Shaw, 1972]. Суть эффекта установления повестки дня заключается в том, что медиа определяют набор значимых и обсуждаемых тем для аудитории. В значительной мере СМИ формируют гиперреальность для аудитории [Бодрийяр 2000]. Широкое присутствие темы в СМИ делает ее значимой и актуальной для аудитории (даже если в реальности проблемы нет или есть более чувствительные вопросы). Часто ключевую роль в выборе тем имеет политический аспект, связанный с формой собственности медиа; политики играют важнейшую роль в определении того, что нужно номинировать как проблему или опасность [Почепцов, 2001].

Большим потенциалом в плане agenda-setting обладают темы и проблемы, с которыми потребитель информации не сталкивался непосредственно и не имеет должного опыта и знаний оценки важности событий [Дьякова, 2002]. Примером такой темы в начале 2020 г. стало распространение COVID-19. У людей не было достоверных знаний о новом заболевании и его опасности, опыта защиты от него, порядка действий при заражении и т. д. С конца января 2020 г. медиа начинают вводить в повестку дня тему коронавируса, делая ее значимой для аудитории. По мере приобретения личного опыта аудиторией относительно какой-либо проблемы медиа все сложнее формировать повестку, устанавливая важность темы. В отличие от теории agenda-setting конструкционизм как подход не рассматривает в качестве ограничения опыт аудитории относительно разных тем и проблем, поэтому на более поздних стадиях развития эпидемии, вероятно, логичнее интерпретировать работу СМИ с помощью этой концепции [Казун, 2016; Blumer, 1971].

Теория agenda-setting предполагает, что СМИ влияют на то, о чем аудитории следует думать, но не определяют, как следует думать. Один из создателей дискурс-анализа Т. ван Дейк полагает, что масс-медиа с помощью интерпретирующих структур предписывают скорее не то, о чем должны думать люди, а то, как должны думать люди [van Dijk, 1988]. При этом СМИ тем самым транслируют аудитории ту или иную идеологию [там же]. Их цель — убеждение, а не информирование [van Dijk, 1989].

Эти две концепции можно рассматривать как несколько противоречащие друг другу, однако у них есть и общее звено: СМИ не отображают реальность, а представляют ее в искаженном виде, зачастую исходя из политических и идеологических целей. Представляется возможным использование этих теорий как дополняющих друг друга (в картины мира аудитории внедряются разные элементы, значимость определенных вопросов и интерпретации происходящих событий). Мы используем оба подхода: agenda-setting для определения количества внимания СМИ теме COVID-19 в соотношении с динамикой эпидемии в России в целом и отдельных регионах; дискурс-анализ для сравнения интерпретаций темы COVID-19 в государственных и негосударственных СМИ.

Н. Чэтер описывает три стратегии, которые присутствуют в официальных медиа в отношении пандемии COVID-19 [Chater, 2020]. «Шторм в стакане воды» предполагает обесценивание серьезности происходящего; отсутствие необходимости менять привычный ход жизни ради борьбы с вирусом; смягчение возможных панических реакций, тревоги и депрессии (Великобритания, США и Бразилии в начале пандемии). «Дом в огне» означает необходимость немедленного введения жестких карантинных мер для быстрой победы над вирусом (Китай и Южная Корея). «Сдерживание потока» подразумевает неизбежность эпидемии, но скорость ее распространения можно и нужно контролировать, чтобы уменьшить последствия и снизить нагрузки на систему здравоохранения (многие европейские страны). Нам интересно понять, какие из этих стратегий транслируются различными СМИ, и изменяются ли упомянутые стратегии.

Замысел исследования состоял в том, чтобы выяснить, как в разных регионах России динамика медиасферы¹ соотносится с динамикой распространения эпидемии. Важно понять, как соотносится реальная проблема или угроза и внимание, которое СМИ уделяют сообщениям о COVID-19. Нужно учитывать, что сценарии эпидемии в регионах России разные (например, когда в Москве первая волна пошла на спад, в Новосибирске она только начиналась). Поэтому важно рассмотреть, как региональные медиа устанавливали повестку дня по мере развития регионального эпидемиологического сценария. Нас интересовало, какие отличия имеются между регионами и чем их можно объяснить. Есть ли разница в медийном освещении COVID-19 между государственными и негосударственными СМИ? Какие стратегии в освещении COVID-19 актуальны для различных российских медиа?

Исходное предположение состояло в том, что динамика медиасферы связана с динамикой распространения вируса в том или ином локальном контексте.

¹ Под медиасферой будем понимать новостные сообщения в различных медиа и реакцию пользователей на них (просмотры, комментарии).

Интерес к новостям у журналистов и аудитории и реакции на них (в виде комментариев интернет-пользователей) соотносятся с близостью опасности, с вероятностью заражения. Чем сильнее оценка угрозы по данным оперштабов, тем сильнее ожидается реакция на нее². Поскольку в разных регионах реализовывались разные эпидемиологические сценарии, различной будет и динамика медийного освещения коронавируса в СМИ. Отличия в медийном освещении COVID-19 будут связаны с двумя аспектами: временем прихода эпидемии в регион и временем ее спада.

Реакция государственных и негосударственных СМИ, по нашему мнению, также должна варьироваться, особенно в плане оценки действий властей. В отношении государственных СМИ как трансляторов государственных решений ожидалось, что они будут обосновывать необходимость и адекватность вводимых мер, правил, ограничений, запретов и разрешений. Негосударственные СМИ могут иметь критический дискурс в отношении действий власти и уделять большее внимание COVID-19, так как их позиция не является провластной. Впрочем, эпидемия, вводимые ограничения, самоизоляция — новые и неожиданные для всех явления. Трудно предположить, как журналисты действуют в этих условиях, и является ли форма собственности важнейшим фактором для внедрения эпидемии в повестку дня и интерпретации степени угрозы.

Методы и эмпирическая база исследования

В качестве эмпирической базы исследования выступил новостной контент наиболее популярных информационных сайтов различных регионов: E1 (Екатеринбург), НГС (Новосибирск), hibiny.com (Мурманск), siapress.ru (ХМАО), Orenday (Оренбург), Altapress (Барнаул), Newsler (Киров), 76.ru (Ярославль), klops.ru (Калининград), 78.ru (Санкт-Петербург), Москва 24 (Москва). Рассматривались сообщения с 22 января (в этот день почти на всех информационных сайтах появились первые упоминания об опасности вируса из Китая) до 19 июля. Собрана информация о динамике количества новостей за день для каждого из этих регионов. В каждом из выбранных СМИ есть либо раздел «все о коронавирусе», либо теги «коронавирус», либо возможность поиска новостей по ключевым словам («коронавирус») за определенную дату в архиве сайта. Соответственно, для каждого ресурса вручную было подсчитано количество новостей, связанных с эпидемией, за каждые сутки (с 22 января по 19 июля 2020 г.) и построены графики, отображающие публикационную активность того или иного медиа в рассматриваемый период. Такая широкая выборка региональных СМИ может помочь узнать, насколько медиаповестка в том или ином региональном медиа связана с эпидемиологической ситуацией в конкретном регионе.

Для новосибирского ngs.ru, екатеринбургского E1 и siapress (ХМАО) собраны данные о динамике количества просмотров и количества комментариев за сутки, а также проанализировано содержание статей и комментариев (эти ресурсы

² Оперштаб — своеобразное государственное медиа. Существует серьезное расхождение в оценках смертности даже с другим государственным источником — Росстатом: URL: <https://www.bfm.ru/news/450467> (дата обращения: 28.06.2022). Предлагаются и другие механизмы оценки реальной ситуации с COVID-19 (количество занятых коек, динамика поисковых запросов «пропало обоняние»), но это не то, с чем пользователи сталкиваются постоянно на стартовых страницах сайтов и в выпусках новостей по радио и ТВ.

содержат информацию о количестве просмотров и комментариев к статьям). Полагаем, что можно интерпретировать число просмотров как показатель пользовательского интереса, а комментарии как эмоциональный отклик. По этим данным можно судить о том, соответствует ли медийная повестка дня актуальности (в плане интереса и эмоционального отклика) тематики коронавируса для аудитории СМИ или же активность аудитории связана скорее с локальной эпидемиологической ситуацией. Такой оригинальный метод сбора информации ограничен возможностями, которые предоставляют медиа для пользователей (теги, разделы, наличие архива с поиском; информация о просмотрах и комментариях), поэтому не все СМИ можно анализировать по этой схеме. Высока и трудоемкость сбора сырых данных. Тем не менее преимуществом метода является возможность оперативного получения информации о динамике интереса журналистов и пользователей, эмоционального отклика пользователей, что особенно актуально, когда затруднена возможность реального обращения к информантам. При этом не возникает искажений, связанных с социально-одобряемыми ответами, некорректными формулировками вопросов и т. д. Эта информация в принципе существует вне зависимости от позиции исследователей.

Кроме того, использовалась информация региональных оперштабов о динамике числа новых заражений в том или ином регионе и исследование индекса самоизоляции для Новосибирска и Екатеринбурга (исследование Яндекса о городской активности)³⁴. Информация оперштабов о количестве новых зараженных за сутки — своего рода новое медиа, которое было особенно востребовано пользователями и СМИ в первую волну эпидемии коронавируса. Верхние строчки новостных ресурсов, отдельные вкладки на сайтах, первые сюжеты новостных выпусков по радио и телевидению сообщали аудитории об этом количественном показателе развития эпидемии. Соотнесение динамики этого показателя с динамикой медийных характеристик (публикационная активность СМИ, интерес и эмоциональный отклик пользователей) может показать, как СМИ и аудитория реагируют на ситуацию пандемии; связана ли эта реакция со степенью реальной угрозы; отличается ли реакция СМИ и аудиторий в разных регионах с разным сценарием эпидемии; отличается ли реакция аудитории от реакции СМИ. Это также открывает возможность сравнительных исследований (по странам и по волнам).

Выбор медийных ресурсов связан с их востребованностью среди пользователей и высокой цитируемостью, а также наличием архива для поиска новостей по теме⁵. Регионы, включенные в исследование, были отобраны на основе различий в динамике эпидемиологической ситуации: Москва (регион с самым ранним и сильным распространением эпидемии), Ярославль (сценарий схож с московским), Калининград (сценарий напоминает московский, но столь масштабной эпидемии с ярко выраженным пиком в регионе не было), Санкт-Петербург (сценарий

³ Коронавирус: статистика. Развитие событий. URL: https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_notif&geoid=225 (дата обращения: 28.06.2022)

⁴ Индекс самоизоляции. Исследования Яндекса. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2020/podomam> (дата обращения: 28.06.22).

⁵ Медиалогия. Рейтинг региональных СМИ. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/> (дата обращения 28.06.2022).

напоминает московский, но с отсрочкой и более плавным спадом количества новых выявленных случаев) и все остальные регионы (Новосибирск, Екатеринбург, Барнаул, Оренбург, Мурманск, Киров, ХМАО), в которых эпидемиологическая ситуация не улучшалась или значительно ухудшалась с момента пиков в Москве и России в целом (6—12 мая) до конца анализируемого периода (19 июля). Таким образом, у нас есть две группы регионов: с ранним и отсроченным приходом эпидемии. Особенно нас будет интересовать вторая группа, где эпидемиологическая обстановка не улучшалась во время ее улучшения в столице и России в целом. Динамика медиасферы этой группы интересна, поскольку позволяет проверить различия в освещении тематики COVID-19 между регионами. Для наглядности различные сценарии эпидемии отражены на рисунке 1.

Кроме того, была собрана информация о количестве новостных сообщений за сутки о COVID-19 среди государственных и негосударственных ресурсов. Среди государственных были проанализированы федеральные ресурсы («Вести», «Российская газета») и региональные «Москва 24», «Вести Новосибирск», «Вести Урал», «Аргументы и Факты Урал». Среди негосударственных — федеральные «Эхо Москвы», «Радио Свобода»⁶, «Lenta» и «Дождь»^{*} и региональные «Тайга», «NGS», «Знак Екатеринбург» и «Е1»⁷. Рис. 2 отображает динамику публикационной активности разных медиа (государственных и негосударственных, региональных и федеральных)⁸.

Для сравнения дискурса упомянутых выше государственных и негосударственных медиа в отношении COVID-19 в работе использованы идеи критического дискурс-анализа Т. ван Дейка. Анализировались заголовки сообщений СМИ за рассматриваемый период, а также содержание наиболее просматриваемых и комментируемых статей на том или ином ресурсе (на основании метрик самих сайтов). Мы ориентировались на индикаторы дискурс-анализа новостей, который предложил ван Дейк и его последователи [ван Дейк, 2003; Чудова, Маракасова, 2015].

Региональные особенности динамики медиасферы в период распространения пандемии COVID-19

Для анализа связей динамики публикационной активности региональных российских медиа с динамикой новых выявленных случаев коронавируса в ре-

⁶ Здесь и далее * означает средство массовой информации, признанное выполняющим функции «иностранного агента».

⁷ Кроме того, подробно исследовались содержательные аспекты комментариев к новостям некоторых региональных медиа (см. Первушин Н. С. Анализ динамики медиасферы в контексте пандемии COVID-19 на примере новостей и комментариев к ним, публикуемых на сайте NGS.ru. 2020. URL: https://fp.nsu.ru/nauchnaya-deyatelnost/covid19/covid_ngo.php (дата обращения: 28.06.2022). Выявлена повышенная агрессивность пользователей, особенно в первые месяцы эпидемии. Наибольшее внимание пользователей вызвали сообщения об ограничительных мерах, а не о самом коронавирусе. Выделено три группы комментаторов, которые отличаются своим отношением к проблеме COVID-19. Выявлена траектория отношения к проблеме эпидемии COVID-19. Среди очагов дискурсивной борьбы: реальная статистика, масштабы эпидемии, ковид как причина смерти, необходимость закрытия границ, адекватность карантинных мер, масочный и перчаточный режим, введение пропусков, удаленная работа и учеба, массовые мероприятия в период самоизоляции, уровень отечественной медицины, вакцинация и пр.

⁸ Федеральные медиа анализируются для сравнения применяемых дискурсов и стратегий в государственных и негосударственных медиа; кроме того, интерес представляет и то, на что ориентируются центральные государственные и негосударственные СМИ при освещении темы COVID-19 (ситуация в мире, России в целом, Москве или повестка существует отдельно от реальной эпидемиологической ситуации).

гионе, столице, России в целом и мире был проведен корреляционный анализ. Рассчитывался коэффициент корреляции Спирмена в программе SPSS Statistics. Обратимся к таблице 1.

Таблица 1. *Связи между количеством статей в региональных СМИ за сутки и динамикой пандемии COVID-19 в регионе, Москве, России и мире (уровень значимости $p < 0,01$)*

Исследуемые характеристики	Новые случаи в субъекте РФ		Новые случаи в Москве		Новые случаи в России		Новые случаи в мире		Сообщения федерального СМИ Lenta.ru	
	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая
Екатеринбург	0,38		0,74		0,59		0,41		0,90	
	0,72	-0,41	0,83	0,74	0,82	0,69	0,82	-0,73	0,89	0,82
Ярославль	0,42		0,70		0,54		0,37		0,91	
	0,58	0,73	0,80	0,80	0,80	0,76	0,80	-0,78	0,89	0,78
Барнаул	0,29		0,60		0,48		0,41		0,90	
	0,55		0,78	0,33	0,79		0,78	-0,34	0,92	0,69
Оренбург	0,33		0,6		0,49		0,44		0,89	
	0,57		0,77	0,24	0,79		0,77	-0,22	0,89	0,63
Новосибирск	0,23		0,66		0,52		0,35		0,908	
	0,57	-0,65	0,78	0,76	0,78	0,72	0,78	-0,75	0,91	0,775
Киров	0,35		0,56		0,46		0,41		0,93	
	0,56		0,76	0,30	0,77	0,28	0,77		0,91	0,83
Мурманск	0,38		0,65		0,53		0,46		0,86	
	0,58		0,80	0,33	0,81	0,26	0,81	-0,34	0,84	0,62
Ханты-Мансийск	0,34		0,64		0,53		0,46		0,83	
	0,59		0,80	0,3	0,81		0,82	-0,26	0,86	0,54
Санкт-Петербург	0,44		0,57		0,44		0,27		0,91	
	0,69	0,60	0,73	0,68	0,74	0,65	0,72	-0,63	0,92	0,70
Калининград	0,35		0,56		0,45		0,32		0,93	
	0,50	0,38	0,73	0,59	0,74	0,55	0,72	-0,56	0,92	0,8
Москва	0,58		0,58		0,38				0,87	
	0,80	0,78	0,80	0,78	0,80	0,72	0,75	-0,75	0,92	0,75
Lenta.ru	—		0,59		0,47		0,36		1	
	—	—	0,76	0,53	0,77	0,46	0,90	-0,53	1	1

Обратим внимание, что на протяжении периода с 22 января до 19 июля наиболее сильные связи публикационной активности всех рассматриваемых региональных СМИ связаны с эпидемиологической ситуацией в Москве (от 0,56 ($p < 0,01$)) в Калининграде до 0,74 ($p < 0,01$) в Екатеринбурге). Для всех регионов характерны умеренные и заметные связи с российской эпидемиологической обстановкой (от 0,38 ($p < 0,01$) в Москве до 0,59 ($p < 0,01$) в Екатеринбурге). Связи с ситуа-

цией в мире либо умеренные (от 0,32 ($p < 0,01$) в Калининграде до 0,46 ($p < 0,01$) в ХМАО), либо их нет (Москва, Санкт-Петербург). Значимая связь с локальным контекстом обнаруживается в Москве (0,58 ($p < 0,01$)); в остальных регионах связи умеренные (от 0,33 ($p < 0,01$) в Оренбурге до 0,44 ($p < 0,01$) в Санкт-Петербурге) или их нет (Новосибирск, Барнаул). Кроме того, во всех регионах обнаруживается сильная связь с динамикой сообщений в федеральном СМИ (Lenta). Само же издание Lenta также ориентируется в большей степени на московскую повестку (0,59 ($p < 0,01$)), но есть и умеренные связи с российской (0,47 ($p < 0,01$)) и мировой (0,36 ($p < 0,01$)) обстановкой.

Не обнаружено отличий между регионами с улучшающейся после майских праздников эпидемиологической обстановкой и регионами с ухудшающейся. Ориентация на локальную обстановку не столь заметна, так что наше исходное предположение не находит эмпирических подтверждений. Для всех регионов характерны одни и те же тенденции, главная из которых — ориентация на московскую эпидемиологическую ситуацию. Разделим таблицу на два периода: до 6 мая (пик в Москве) и после 6 мая, чтобы уточнить ориентацию СМИ на разных этапах эпидемии. Первый этап сопровождался большей неопределенностью, неизвестностью рисков, широким спектром разного рода ограничений и самоизоляции при росте новых выявленных случаев коронавируса за сутки практически во всех регионах. Второй этап характеризуется более понятными рисками, постепенным снятием ограничений, но реальная эпидемиологическая обстановка отличается в разных регионах.

В период до 6 мая мы наблюдаем выраженные связи между публикационной активностью в разных регионах и выявленными новыми случаями заражения в Москве (от 0,73 ($p < 0,01$) в Санкт-Петербурге до 0,83 ($p < 0,01$) в Екатеринбурге), России (от 0,74 ($p < 0,01$) в Калининграде до 0,82 ($p < 0,01$) в Екатеринбурге) и мире (от 0,72 ($p < 0,01$) в Калининграде до 0,82 ($p < 0,01$) в Екатеринбурге). Обнаруживаются сильные (в Москве и Екатеринбурге) и заметные (во всех остальных регионах) корреляции с динамикой локальной эпидемиологической обстановки. Существенная ориентация региональных медиа на события в Москве и мире, вероятно, отражает ожидания схожих тенденций в регионах в ближайшем будущем. В Москве тоже есть интерес к международным событиям, но всплеск новостей соотносится и с реальным развитием эпидемии. Сильны связи публикационной активности во всех регионах с публикационной активностью на федеральном сайте lenta.ru.

После 6 мая мы видим иную картину. Самые высокие корреляции между публикационной активностью и новыми случаями заражения в Москве. Идентичная ситуация наблюдается в отношении региональных СМИ и эпидемиологической обстановки в столице: Москва (0,78 ($p < 0,01$)), Ярославль (0,80 ($p < 0,01$)), Новосибирск (0,76 ($p < 0,01$)), Екатеринбург (0,74 ($p < 0,01$)), Петербург (0,68 ($p < 0,01$)) и Калининград (0,59 ($p < 0,01$)). Для всех других регионов связи региональной публикационной активности с новыми случаями заражения в столице либо слабые, либо незначимые (Оренбург). Динамика эпидемии в Ярославле, Калининграде и Санкт-Петербурге была во многом схожа с московской, поэтому эти результаты логичны.

Обращает на себя внимание разная выраженность корреляций между активностью СМИ тех регионов, куда эпидемия пришла позднее, и московской эпидемиологической ситуацией: сильные связи с активностью медиа Новосибирска и Екатеринбурга и слабые — с медиа других регионов. Могут быть разные интерпретации наблюдаемых различий. Например, Н. Зубаревич предлагает концепцию «4 России»⁹. Новосибирск и Екатеринбург — города-миллионники и их можно отнести к «Первой России» с активным населением, стремлением к самореализации, более выраженным желанием изменений и большой политической вовлеченностью [там же]. Оренбург, Ханты-Мансийск, Барнаул, Киров и Мурманск — скорее «Вторая Россия»: индустриальная, и ментально, и экономически не далеко ушедшая от советского периода [там же]. В экономическом смысле «Россия-2» сильнее зависит от необходимости офлайн-работы (производства вряд ли можно сейчас перевести «на дистант»). Жители крупных городов («Россия-1») в меньшей степени вовлечены в производство, и самоизоляция могла коснуться большей доли населения, поэтому, возможно, выход из самоизоляции после майских праздников (13 мая) мог вызвать падение интереса региональной медиасферы. Кроме экономических отличий между жителями «России-1» и «России-2» возможны и отличия в мировоззрении: возможно, большая ориентация на столицу в Екатеринбурге и Новосибирске говорит о том, что ментально они принадлежат одному полю, то есть понятие «Россия-1» отражает не только экономическую, но и ментальную общность регионов. Однако для ситуации с эпидемией такая установка несет в себе угрозу: улучшение эпидемиологической ситуации в Москве не означает ее улучшения в других крупных городах. При этом федеральное СМИ «Lenta» после 6 мая также начинает ориентироваться на московскую ситуацию с COVID-19 (0,53 ($p < 0,01$)). Сильны связи между региональной и федеральной публикационной активностью (от 0,84 ($p < 0,01$) в Мурманске до 0,92 ($p < 0,01$) в Калининграде и Барнауле).

Обнаружены высокие корреляции между количеством новых случаев коронавируса в России и публикационной активностью в Новосибирске (0,72 ($p < 0,01$)), Ярославле (0,76 ($p < 0,01$)), Москве (0,72 ($p < 0,01$)), Екатеринбурге (0,69 ($p < 0,01$)), Санкт-Петербурге (0,65 ($p < 0,01$)) и Калининграде (0,55 ($p < 0,01$)). Медиаактивность в городах с ухудшающейся эпидемиологической ситуацией из «России-2» перестает соотноситься с российской повесткой. Наблюдаются отрицательные связи региональной публикационной активности с развитием пандемии в мире. Особенно отчетливо это выражено в Москве (−0,75 ($p < 0,01$)), Санкт-Петербурге (−0,63 ($p < 0,01$)), Калининграде (−0,56 ($p < 0,01$)), Новосибирске (−0,75 ($p < 0,01$)) и Екатеринбурге (−0,74 ($p < 0,01$)). Мировые новости о коронавирусе перестают быть актуальными, как это было ранее, поскольку вряд ли они теперь могут выступать как прогноз или уменьшать неопределенность происходящего. Региональная повестка имеет сильные связи с федеральной (Lenta): от 0,54 ($p < 0,01$) в Ханты-Мансийске до 0,83 ($p < 0,01$) в Кирове.

В регионах, где эпидемиологическая обстановка с 6 мая до 19 июля улучшалась, динамика активности СМИ связана с динамикой эпидемии в регионе: Ярославль

⁹ Зубаревич Н. В. Четыре России. Ведомости. 2011. 30 декабря. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (дата обращения: 28.06. 2022).

(0,73 ($p < 0,01$)), Санкт-Петербург (0,60 ($p < 0,01$)), Калининград (0,38 ($p < 0,01$)), Москва (0,78 ($p < 0,01$)). В других городах значимых связей либо нет, либо они и вовсе отрицательные (рост эпидемии сопровождается падением внимания медиа к теме коронавируса). Там, куда эпидемия пришла позже, чем в Москву, медиа не следовали за локальной эпидемической обстановкой. Региональные СМИ были активны в период основных запретов и большей неопределенности (до 6 мая). В основной же период эпидемии, когда реальная угроза заражения стала намного выше, медиа перестают проявлять былую активность. Таким образом, реальная эпидемия доминировала в медиaprостранстве Москвы и регионов, где она происходила приблизительно в те же сроки. В регионах, куда эпидемия пришла позже, до 6 мая на фоне относительно небольшого количества выявленных случаев заражения высокая активность медиа была обусловлена беспрецедентными ограничительными мерами и колоссальной ситуацией неопределенности с неизвестными рисками. Когда риски стали более понятными, уровень неопределенности снизился, ограничения стали менее существенными, медиа уменьшили свою активность несмотря на ухудшение эпидемиологической ситуации. В значительной степени в этих регионах СМИ и пользователи Интернета реагировали не исключительно на развитие эпидемии в Москве. Объясняя этот результат в русле идей Ж. Бодрийяра, можем предположить, что отклик был не на реальную, а на гиперреальную эпидемию. Медиапотоки создают «белый шум», который замещает реальность гиперреальностью, предполагающей невозможность отличить реальность от фантазии [Бодрийяр, 2000]. Иначе говоря, все регионы вне зависимости от их эпидемиологического сценария с помощью медиа были помещены в ситуацию столичной эпидемии и борьбы с ней. Улучшение московской ситуации стало оптимистичным сигналом для всех регионов, хотя далеко не для всех это действительно соответствовало реальной динамике эпидемии. Для развития этих идей обратимся к таблице 2.

Таблица 2. **Связи динамики индикаторов региональной медиасферы и самоизоляции с динамикой эпидемии в субъекте РФ, Москве, России и мире ($p < 0,01$)**

Исследуемые характеристики	Новые случаи в субъекте РФ (22 января — 19 июля)		Новые случаи в Москве (22 января — 19 июля)		Новые случаи в России (22 января — 19 июля)		Новые случаи в мире (22 января — 19 июля)	
	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая
Количество статей/день (Нск)			0,66		0,52		0,35	
	0,57	-0,65	0,78	0,76	0,78	0,72	0,78	-0,74
Количество просмотров/день (Нск)			0,67		0,50		0,33	
	0,61	-0,67	0,80	0,80	0,80	0,73	0,80	-0,77
Количество комментариев/день (Нск)			0,74		0,58		0,41	
	0,65	-0,62	0,85	0,71	0,85	0,65	0,84	-0,69
Индекс самоизоляции Яндекс (Нск)			0,32					
	0,25	-0,27	0,44	0,50	0,44	0,49	0,53	-0,5

Исследуемые характеристики	Новые случаи в субъекте РФ (22 января — 19 июля)		Новые случаи в Москве (22 января — 19 июля)		Новые случаи в России (22 января — 19 июля)		Новые случаи в мире (22 января — 19 июля)	
	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая
Количество статей/день (Екб)	0,38		0,74		0,59		0,41	
	0,72	-0,41	0,83	0,74	0,82	0,69	0,82	-0,73
Количество просмотров/день (Екб)	0,31		0,68		0,52		0,35	
	0,67	-0,44	0,79	0,79	0,79	0,73	0,80	-0,79
Количество комментариев/день (Екб)	0,43		0,76		0,60		0,46	
	0,76	-0,31	0,85	0,57	0,85	0,49	0,84	-0,57
Индекс самоизоляции Яндекс (Екб)			0,51		0,35			
	0,65	-0,32	0,66	0,50	0,66	0,47	0,69	-0,478
Количество статей/день (ХМАО)	0,34		0,64		0,53		0,46	
	0,59		0,80	0,30	0,81		0,82	
Количество просмотров/день (ХМАО)	0,26		0,64		0,51		0,37	
	0,62	-0,37	0,81	0,50	0,81	0,41	0,82	-0,46
Количество комментариев/день (ХМАО)			0,45		0,35		0,27	
	0,42		0,65	0,4	0,65	0,36	0,68	-0,38

Статистическое исследование индикаторов медиасферы и индекса самоизоляции в Новосибирске, Екатеринбурге и ХМАО показывает схожие с описанными ранее тенденции. На протяжении всего периода наиболее сильны связи количества просмотров (пользовательский интерес), количества комментариев (эмоциональный отклик) в регионах, индекса самоизоляции (Екатеринбург и Новосибирск) с эпидемиологической динамикой в Москве. Слабее выражены связи с ситуацией в России, еще слабее — с мировой, и самые слабые (или их нет) — с локальной эпидемиологической ситуацией. До 6 мая высоки корреляции и с мировым, и с московским, и с российским контекстом, чуть ниже — с локальным контекстом. После 6 мая наиболее сильны связи индикаторов с московской эпидемиологической динамикой; чуть менее — с российской. Связи же с мировой и локальной обстановкой либо отсутствуют, либо отрицательные (коронавирус перестает вызывать интерес пользователей и журналистов и вызывать эмоциональную реакцию, хотя опасность заражения и эпидемиологическая обстановка ухудшаются).

Рассмотрим далее различия в работе государственных и негосударственных СМИ. Возможно, государственные СМИ искусственно вытеснили COVID-19 из повестки для решения политических и экономических задач?¹⁰

¹⁰ Важно отметить, что властями были приняты меры против распространения «фейков» о пандемии COVID-19. А. Архипова** с соавторами выяснили, что правоохранительные органы привлекали СМИ к ответственности из-за утверждений о том, что 1) власти скрывают от народа реальную информацию об эпидемии; 2) власти манипулируют информацией об эпидемии, ее масштабах и последствиях [Архипова** и др., 2020]. Поэтому критика действий властей в период пандемии — риск для СМИ. Тем не менее, негосударственные СМИ публиковали статьи критического содержания. Так, например, «Эхо Москвы» было оштрафовано за высказывания политолога В. Соловья о сокращении реальных масштабов эпидемии на 260 тыс. рублей, однако это не остановило «Эхо» от дальнейшей трансляции подобной информации (частым гостем был демограф А. Ракша, сообщавший о превышении смертности в разы от официальной статистики).

Здесь и далее: ** 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

Государственные и негосударственные СМИ в период пандемии COVID-19

Для анализа связей между динамикой медиаактивности в государственных и негосударственных медиа (федеральных и региональных) и динамикой эпидемии в регионе, Москве, России и мире также использовался коэффициент корреляции Спирмена (см.: табл. 3, 4, 5). Действия федеральных государственных и негосударственных СМИ, как и у рассмотренных ранее региональных, связаны преимущественно с московскими трендами эпидемии (от 0,39 ($p < 0,01$) у «Эха Москвы» до 0,61 ($p < 0,01$) у «Российской газеты» за весь рассматриваемый период). В целом, ориентация государственных федеральных медиа на московскую обстановку сильнее, чем у негосударственных («Эхо Москвы», «Дождь»* и «Радио Свобода»*). Активность журналистов оказалась связанной с динамикой эпидемии в России («Lenta» (0,47 ($p < 0,01$)), «Российская газета» (0,47 ($p < 0,01$))) и в мире («Lenta» (0,36 ($p < 0,01$)), «Российская газета» (0,31 ($p < 0,01$))).

До 6 мая наблюдается высокая корреляция публикационной активности федеральных СМИ с эпидемией в Москве, России и мире. Это объяснимо, так как мировые события могли служить ориентиром для прогнозов в России, а в Москву эпидемия пришла раньше и была масштабней, чем в других регионах. Различий во внимании к теме COVID-19 у негосударственных и государственных СМИ в этот период нет.

После 6 мая сохраняется соотношение интереса федеральных медиа к коронавирусу с динамикой эпидемии в Москве и России (самые сильные связи у ресурсов, ориентированных преимущественно на Москву: «Эхо Москвы» и «Москва 24»; слабее связи у «Lenta» и «Российской газеты»). Корреляции журналистской активности с мировой эпидемиологической обстановкой в этот период отрицательные, так как мировая ситуация больше не служит ориентиром и инструментом снижения неопределенности. И государственные, и негосударственные федеральные СМИ действуют по схожему сценарию в плане внедрения повестки коронавируса и ее последующего вытеснения, ориентируясь преимущественно на развитие событий в столице. Таким образом, федеральные СМИ сообщают меньше новостей о коронавирусе после 6 мая, хотя во многих регионах эпидемия усиливается. В такой ситуации повышается значимость объема внимания, который уделяют эпидемии медиа тех регионов, где ситуация с COVID-19 ухудшается.

Анализируя негосударственные и государственные СМИ Новосибирска и Екатеринбурга, можно сделать вывод, что динамика их медиаактивности в отношении темы коронавируса совпадает с динамикой на федеральных ресурсах. За весь рассматриваемый период только у двух из семи ресурсов присутствует умеренная связь медиаактивности с локальным эпидемиологическим контекстом: у «Тайги» (0,42 ($p < 0,01$)) и у «Вести Урал» (0,4 ($p < 0,01$)). В основном региональные медиа смотрят на столичную ситуацию, в меньшей степени — на российскую, еще в меньшей — на мировую.

До 6 мая присутствуют сильные связи публикационной активности региональных СМИ с московской (от 0,72 ($p < 0,01$) у «АиФ Урал» до 0,83 ($p < 0,01$) у «Е1»), российской (от 0,72 ($p < 0,01$) у «Вести Урал» до 0,83 ($p < 0,01$) у «Тайги» и мировой (от 0,71 ($p < 0,01$) у «Вести Урал» до 0,82 ($p < 0,01$) у «Е1») эпидемиологической ситуацией. Связи с местной обстановкой — заметные (от 0,57 ($p < 0,01$) у «НГС»

до 0,72 ($p < 0,01$) у Е1). После 6 мая наиболее выражены связи с московской динамикой эпидемии: сильные у «Е1» (0,74 ($p < 0,01$)) и «НГС» (0,76 ($p < 0,01$)); умеренные у «Тайги» (0,36 ($p < 0,01$)), «Знак» (0,63 ($p < 0,01$)), «Вести Новосибирск» (0,59 ($p < 0,01$)); умеренная у «АиФ Урал» (0,34 ($p < 0,01$)). Менее выражены связи с российской динамикой эпидемии. Связи с мировой и локальной динамикой эпидемии в этот период отрицательные (см. табл. 3 и табл. 4). Публикационная активность региональных негосударственных и государственных медиа падает, как и у федеральных, вне зависимости от реальной ситуации с эпидемией в том или ином регионе. Не обнаружено существенных различий в динамике освещения коронавируса в государственных и негосударственных медиа. Нельзя говорить о том, что государственные федеральные и региональные СМИ намеренно вытесняют коронавирус из повестки дня. Наблюдается концентрация и федеральных, и региональных СМИ на столичной повестке.

Освещение темы COVID-19 в государственных и негосударственных СМИ имеет ряд содержательных отличий. Дискурс негосударственных СМИ имеет критический характер. Отмечается непоследовательность мер властей и их реализации на практике (скепсис по поводу снятия ограничений во время роста эпидемии; организация парадов и очереди у государственных учреждений в период самоизоляции и пр.). Много публикаций об историях болезни («Три недели вскрывал тела зараженных: что известно о патологоанатоме больницы № 25, умершем от ковида», «10 кругов ада: сибиряк рассказал, как обнаружил „ядерную“ пневмонию и коронавирус почти без симптомов»); о тяжелых больничных условиях как для пациентов, так и для врачей («Руководство иркутской больницы сокращает штат и отказывается от стимулирующих выплат», «Выясняем, сколько осталось медиков в больницах, где новосибирцы лечатся и умирают от ковида»). Встречаются статьи о сомнительном характере статистики новых выявленных случаев заражения COVID-19 и смертности от него («Два раза прокатился в автобусе и умер», «Власти сибирских регионов занизили число умерших от COVID-19»).

Наряду с этим, в негосударственных СМИ можно обнаружить отсутствие четкой позиции и неготовность оценивать некоторые аспекты происходящего (введение режима использования пропусков, самоизоляции, ношения масок). Это заметно в заголовках: «Публикуем губернаторский указ, который запрещает жителям выходить из дома. Изучайте», «Кому разрешили с понедельника работать — публикуем постановление Андрея Травникова. Изучайте» и так далее. Журналисты находятся в условиях неопределенности, поэтому неопределенность их позиции понятна. Данный формат работы негосударственных СМИ похож на то, что Н. Чэтер описал как «сдерживание потока» [Chater, 2020].

Государственные СМИ, напротив, проявляют большой оптимизм или определенность по поводу быстрого и успешного выхода из эпидемии. В терминологии Чэтера это напоминает «шторм в стакане воды» [ibid.]¹¹. Главный спикер оперштаба А. Мясников изначально транслировал позицию о несущественности данного вируса (бывают и сильнее), потом о невозможности его остановить («Коронавирус возьмет свое. Все переболеем. Кому положено умереть — умрут»). Выступал

¹¹ До 6 мая в дискурсе государственных медиа сочетаются стратегии «сдерживание потока» (жесткость введенных ограничений оправдана) и «шторм в стакане воды» (переживать смысла нет).

со скепсисом в отношении вводимых ограничений («Люди боятся не коронавируса, а принимаемых мер»; «страх может спровоцировать заражение COVID-19»). Далее в новостных сюжетах обозначается правильность всех действий властей (вместе с необходимостью «сидеть дома»), борьба России с коронавирусом преподносится как успешная, а система здравоохранения как эффективная, особенно в сравнении с Италией, Испанией и США. Врачи сравниваются с героями Великой Отечественной войны, а сама эпидемия — с фронтом. В целом, транслируется идея о том, что «не нужно паниковать и переживать», «все под контролем» и «мы успешно выходим из эпидемии». Это контрастирует с введенными жесткими ограничениями, контролем и штрафами: если вирус не так страшен, а система здравоохранения готова к эпидемии, то почему нужно так сильно нарушать привычный ход жизни? Г. Бейтсон описывал такую коммуникативную ситуацию как double bind (двойное послание), при которой субъект получает на разных уровнях коммуникации взаимно противоречащие указания: не стоит бояться вируса, но нельзя вести себя по-прежнему [Бейтсон, 2000]. Не ясно, на какое из посланий нужно реагировать и нельзя выйти из данной коммуникативной ситуации¹². Противоречивая информация ухудшает доверие к власти и СМИ и, как следствие, снижает готовность соблюдать карантинные меры и проходить процедуру вакцинации [Макушева, Нестик, 2020].

Снятие ограничений (разрешение гулять, открытие торговых центров, летних веранд, границ с некоторыми странами) отображается и в государственных, и в негосударственных СМИ позитивно. Первые интерпретируют это как сигнал выхода из эпидемии, победу над ней, вторые — просто радуются возвращению возможностей и свобод («Дождались! В Новосибирске открываются бассейны и рестораны»).

Можем заключить, что государственные медиа скорее транслируют успокаивающий дискурс, а негосударственные — скорее критический, алармистский.

Таблица 3. Связи между публикационной активностью государственных и негосударственных СМИ и новыми случаями заражения коронавирусом в Новосибирской области, Москве, России и мире ($p < 0,01$)

Исследуемые характеристики	Новые случаи в НСО		Новые случаи в Москве		Новые случаи в России		Новые случаи в мире	
	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая
НГС			0,66		0,52		0,35	
	0,57	-0,65	0,78	0,76	0,78	0,72	0,78	-0,75
Тайга	0,42		0,71		0,65		0,52	
	0,60	-0,5	0,82	0,54	0,83	0,50	0,80	-0,53
Вести Новосибирск	0,28		0,65		0,52		0,38	
	0,60	-0,46	0,79	0,59	0,79	0,54	0,77	-0,60

¹² Более подробно ситуации двойных посланий в российской медиасфере раскрыты в другой статье автора [Первушин, 2020: 44—65].

Таблица 4. Связи между публикационной активностью государственных и негосударственных СМИ и новыми случаями заражения коронавирусом в Свердловской области, Москве, России и мире ($p < 0,01$)

Исследуемые характеристики	Новые случаи в Свердловской области		Новые случаи в Москве		Новые случаи в России		Новые случаи в мире	
	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая
E1.RU	0,38		0,74		0,59		0,41	
	0,72	-0,41	0,83	0,74	0,82	0,69	0,82	-0,73
ZNAK			0,55		0,40			
	0,63	-0,44	0,73	0,63	0,74	0,56	0,73	-0,59
Вести Урал	0,40		0,47		0,42		0,41	
	0,64		0,73		0,72		0,71	
АиФ Урал	0,3		0,53		0,42		0,34	
	0,60	-0,77	0,72	0,34	0,74	0,28	0,72	-0,3

Таблица 5. Связи между публикационной активностью государственных и негосударственных СМИ и новыми случаями заражения коронавирусом в Москве, России и мире ($p < 0,01$)

Исследуемые характеристики	Новые случаи в Москве		Новые случаи в России		Новые случаи в мире	
	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая	До 6 мая	После 6 мая
Lenta.ru	0,59		0,47		0,36	
	0,76	0,53	0,77	0,46	0,77	-0,53
Эхо Москвы	0,39					
	0,7	0,82	0,74	0,75	0,70	-0,80
Радио Свобода*	0,38					
	0,71	0,63	0,73	0,57	0,71	-0,66
Дождь*	0,43		0,27			
	0,69	0,60	0,70	0,52	0,69	-0,6
Москва 24	0,58		0,38			
	0,80	0,78	0,80	0,72	0,75	-0,75
ВЕСТИ	0,45					
	0,75	0,77	0,75	0,70	0,73	-0,74
Российская газета	0,60		0,47		0,31	
	0,78	0,61	0,79	0,54	0,78	-0,62

Обсуждение результатов

Обобщая результаты исследования, мы обнаруживаем, что в Москве и регионах со схожим графиком развития эпидемии присутствие темы COVID-19 в новостных сюжетах соответствует динамике оценки реальной опасности. Медиа регионов с более поздним приходом эпидемии устанавливали повестку дня следуя за столичными событиями. Медиаактивность пользователей подтверждает данный тезис. Этот феномен целесообразно объяснить политическими причинами. У региональных властей были полномочия самостоятельно определять необходимые в регионе меры. Если в Москве и в среднем по России ситуация улучшалась, местные руководители не хотели невыгодно выделяться на этом фоне и убрали COVID-19 из повестки. Такая оторванность от реальных локальных проблем и зависимость от местных властей была характерной для многих региональных СМИ [Kiriya, 2020]. Однако это не объясняет, почему негосударственные медиа и особенно региональные негосударственные ориентируются на события в Москве и так же переводят тему коронавируса в скрытую повестку.

По мере развития эпидемии люди все больше узнавали информации о коронавирусе из разных источников (медиа, знакомые, врачи). Возможно, к концу первой волны эпидемии эта тема из разряда «ненавязчивых» (далеких от непосредственного опыта человека и его окружения) переходит в разряд «навязчивых» (близких к опыту) [Дьякова, 2002]. В отношении «навязчивых» тем agenda-setting («теория установления повестки дня») не столь эффективна. В этом смысле уменьшение внимания к COVID-19 может быть вполне естественным, а не инспирированным процессом. Впрочем, для такого умозаключения нужно было бы проанализировать данные о динамике медиасферы во вторую и третью волны COVID-19, а также данные о динамике медиасферы из других стран.

А. Казун рассматривает конструкционизм как близкую к agenda-setting теорию [Казун, 2016]. Конструкционисты не отрицают существование тех или иных негативных феноменов в обществе (бедность, коррупция), но утверждают, что эти явления становятся проблемами, когда их начинают так определять [там же]. Освещение медиа в отношении эпидемии COVID-19 похоже на циклы развития социальной проблемы: 1) первые новости о распространении опасного вируса из Уханя (возникновение проблемы); 2) оценка вируса как опасного и заразного (легитимация); 3) необходимость закрытия границ и начала карантинных мер (мобилизация); 4) обозначение реальной угрозы, «нерабочие дни» с 30 марта по 5 апреля, активное обсуждение мер (формирование плана); 5) обоснование необходимости и важности ограничений (реализация плана) [Blumer, 1971]. После улучшения эпидемиологической обстановки в Москве государственные медиа транслируют идею об отступлении эпидемии и «победе над врагом». Коронавирус перестает интерпретироваться как проблема, в том числе в регионах с ухудшающейся эпидемиологической ситуацией. Такая депроблематизация создает предпосылки для пренебрежения карантинными мерами и скептическое отношение к перспективе вакцинации. В негосударственных СМИ эпидемия продолжает интерпретироваться как угроза и проблема, но внимания теме уделяется заметно меньше. В работе А. Казуна и А. Казун теория волновой проблематизации пандемии рассмотрена более подробно на основе анализа новостей «Первого канала»

[Казун, Казун, 2020]. Исследование представления дальнейших волн эпидемии в медиасфере может показать, носит ли этот процесс проблематизации темы COVID-19 циклический характер по мере увеличения угрозы или же происходит нормализация риска заражения.

В период до достижения пика заражений в Москве региональные пользователи новостных ресурсов реагировали скорее на гиперреальную эпидемию. Но почему же тогда при росте реальной эпидемии в регионах падает публикационная активность на тему коронавируса, а вместе с ней интерес и эмоциональный отклик аудитории? Возможно, медиа формируют интерес и эмоциональную реакцию пользователей на тему COVID-19, а активность пользователей следует за активностью журналистов. Люди реагировали скорее на то, что обозначалось медиа как значимое, а не на информацию о динамике распространения эпидемии в локальном контексте.

Теорема Томаса гласит: если ситуация воспринимается как реальная, то она реальна по своим последствиям [Thomas, 1928]. Первоначальная неопределенная ситуация с невысокой вероятностью заражения коронавирусом сопровождалась высокой активностью СМИ, интересом и эмоциональным откликом интернет-пользователей, высокой самоизоляцией. Большая скорость изменений вызывает трудности для адаптации к новой реальности [Тоффлер, 2008], поэтому объяснима повышенная медиаактивность журналистов и пользователей сайтов до 6 мая. После 6 мая на фоне ухудшения реальной эпидемиологической обстановки в некоторых регионах снижается индекс самоизоляции, начинают работу подпольные спортивные залы и клубы, устраиваются спонтанные вечеринки, уличные торговцы (в том числе пожилые, для которых вирус более опасен) перестают бояться заражения. При этом происходит снижение активности СМИ и пользователей. Люди перестают интерпретировать реальность как угрожающую. О. Яницкий рассматривает Россию как «общество всеобщих рисков», для которого характерна «нормализация» восприятия рискогенной среды [Яницкий, 2004]. В начале эпидемии трудно было оценить вероятность и значимость опасности, это и вызывало тревогу, панику, интерес к теме. По мере формирования более конкретных очертаний коронавирусные риски становятся частью повседневной жизни. Это согласуется с данными проекта КоронаФОМ. С 6 мая растет интегральный индикатор пренебрежения рисками, с 13 апреля — индикатор игнорирования болезни, с 17 июня — индикатор нормализации жизни¹³ [ФОМ, 2020].

Наибольший интерес СМИ и пользователей совпадает с периодами основных запретов (от середины марта до майских праздников). Наиболее востребованные публикации медиа в этот период связаны с ограничениями прав и свобод, введением различных запретов. В начале эпидемии в регионах, когда сообщалось о единичных случаях заражения за сутки, полиция патрулировала улицы и требовала справки и уважительные причины для выхода на улицу. Из громкоговорителей сообщалось о необходимости «не покидать место проживания». Когда власти начали ослаблять ограничительные меры вопреки ухудшающейся эпидемиологической ситуации, пользователи региональных сайтов оценивали это в позитивном ключе («Ура, кофе можно будет нормально попить»; «Наконец-то

¹³ Интегральные Индикаторы // Проект коронаФОМ, 2020. URL: <https://covid19.fom.ru/post/integralnye-indikatory> (дата обращения: 28.06.2022).

дождались, а то абонемент уже пылью покрылся»; «Откройте уже фитнес-клубы! Чем они опаснее бассейнов и метро?»). Комментаторы региональных ресурсов, отмечая важность свободы перемещения, досуга и предпринимательства, констатируют неоднозначность момента ослабления ограничений («Скоро все откроют. Все зависит от Москвы, на Новосибирск и сколько тут померло — всем ПЛЕВАТЬ»; «Больницы переполнены — самое время ТЦ открыть»).

Нельзя исключить и влияние внешних неэпидемических факторов, повлиявших на снижение медиаактивности. Адаптация к новой реальности, экономические проблемы, политическая повестка, отпускной и дачный сезон, снятие ограничительных мер — все это провоцирует проведение досуга вне дома и уменьшение медиапотребления. В таких условиях журналистам становится очень сложно находить новые сюжеты по теме эпидемии. Однако если бы повестка коронавируса оставалась столь важной для журналистов и пользователей, интерес к ней вряд ли снизился бы только из-за сезонного падения трафика на новостных сайтах, ведь в начале осени также не наблюдалось роста медиаактивности в отношении пандемии. Видимо, тема действительно перестает быть столь важной, а угроза болезни значимой. С начала июня и региональные, и федеральные СМИ убирают из верхних, наиболее заметных разделов вкладки «все о коронавирусе», информацию об уровне самоизоляции с призывом «лучше оставайтесь дома». Если в отношении федеральных СМИ это выглядит синхронизированным с улучшающейся общероссийской картиной, то в регионах с поздним приходом эпидемии это не вполне соответствует реальной обстановке с COVID-19.

Список литературы (References)

Архипова А. С.**, Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.

Arkhipova A. S.**, Radchenko D. A., Kozlova I. V., Peigin B. S., GavriloVA M. V., Petrov N. V. (2020) Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>. (In Russ.)

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М. Прогресс-Традиция, 2000.

Beck U. (2000) *Risikogesellschaft*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)

Бейтсон Г. Экология разума. М.: Смысл, 2000.

Bateson G. (2000) *Steps to the Ecology of Mind*. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть/пер. с фр. и вступит статья. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000.

Baudrillard J. (2000) *L'échange symbolique et la mort*. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)

ван Дейк Т. Анализ новостей как дискурса // Коммуникативные стратегии культуры. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 107—131.

van Dijk T. (2003) Analysis of News as a Discourse. In: *Communicative Strategy of Culture*. Novosibirsk: NSU. P. 107—131. (In Russ.)

Дьякова Е. Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2002. Екатеринбург, 2002. Вып. 3. С. 144—168. URL: http://www.ifp.uran.ru/publ/publ_319.html (дата обращения: 28.06.2022).

Dyakova E. G. (2002) Mass Communication and Power in Agenda-Setting Theory. *Scientific Yearbook of Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. Yekaterinburg, 2002. Vol. 3. P. 144—168. URL: http://www.ifp.uran.ru/publ/publ_319.html (accessed: 28.06.2022). (In Russ.)

Казун А. Д. Конструирование социальных проблем в СМИ и теория формирования повестки дня: пределы совместимости концепций // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 159—172. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.09>.

Kazun A. D. (2016). Construction of Social Problems in the Media and Agenda-Setting Theory: The Limits Of Concepts' Compatibility. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. № 3. P. 159—172. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.09>. (In Russ.)

Казун А. Д., Казун А. П. Волновая (де)проблематизация: освещение пандемии коронавируса в России на федеральном телеканале // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. No 6. С. 284—306. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1754>.

Kazun A. D., Kazun A. P. (2020) Cyclic (De)Problematization: Coverage of the Coronavirus Pandemic in Russia on a Federal TV Channel. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 284—306. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1754>. (In Russ.)

Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. No 6. С. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>.

Makusheva M. O., Nestik T. A. (2020) Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>. (In Russ.)

Маракасова А., Чудова И. Апелляция к массам: анализ дискурса новостей // Современный дискурс-анализ. 2015. № 2. С. 31—48.

Marakasova A., Chudova I. (2015). Appealing to Masses: Analysis of News Discourse. *Today`S Discourse Analysis*. No. 2. P. 31—48. (In Russ.)

Первушин Н. С. «Двойные послания» (double bind) в российских медиа в период эпидемии COVID-19 // Reflexio. 2020. Т. 13. № 2. С. 44—65. URL: <https://reflexio.elpub.ru/jour/article/view/64> (дата обращения: 28.06.2022).

Pervushin N. S. (2020) Double Bind in Russian Media during the COVID-19 Epidemic. *Reflexio*. Vol. 13. No. 2. P. 44—65. URL: <https://reflexio.elpub.ru/jour/article/view/64>. (accessed: 28.06.2022). (In Russ.)

Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук: Ваклер, 2001.
Pochepctsov, G.G. (2001) Theory of Communication. Moscow: Refl-book: Wackler. (In Russ.)

Тэффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М.: АСТ, 2008.
Toffler A. (2008) Future Shock. Moscow: AST. (In Russ.)

Яницкий О. Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции. *Общественные науки и современность*. 2004. № 2. С. 5—15. URL: <https://ons-journal.ru/s086904990000617-0-1-ru-79/> (дата обращения: 28.06.2022).

Yanitsky O. N. (2004) Russia as a Risk Society: Methodology of the Analysis and Concept Outlines. *Social Sciences and Modernity*. № 2. P. 228—229. URL: <https://ons-journal.ru/s086904990000617-0-1-ru-79/> (accessed: 28.06.2022). (In Russ.)

Blumer H. (1971) Social Problems as Collective Behavior. *Social Problems*. Vol. 18. No. 3. P. 298—306. <https://doi.org/10.2307/799797>.

Chater N. (2020) Facing up to the Uncertainties of COVID-19. *Nature Human Behaviour*. Vol. 4. No. 5. P. 439. URL: <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0865-2>.

Cohen J. E. (1995) Presidential Rhetoric & the Public Agenda. *American Journal of Political Science*. Vol. 39. No. 1. P. 87—101. <https://doi.org/10.2307/2111759>.

Kiriya I. (2020). Central and Local Media in Russia: Between Central Control and Local Initiatives. In Gulyas A., Baines D. (eds.) *The Routledge Companion to Local Media and Journalism*. London: Routledge. P. 167—175. <https://doi.org/10.4324/9781351239943-20>.

McCombs M.E., Shaw D. L. (1972) The Agenda-Setting Function of Mass-Media. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 36. No. 3. P. 176—187. <https://doi.org/10.1086/267990>.

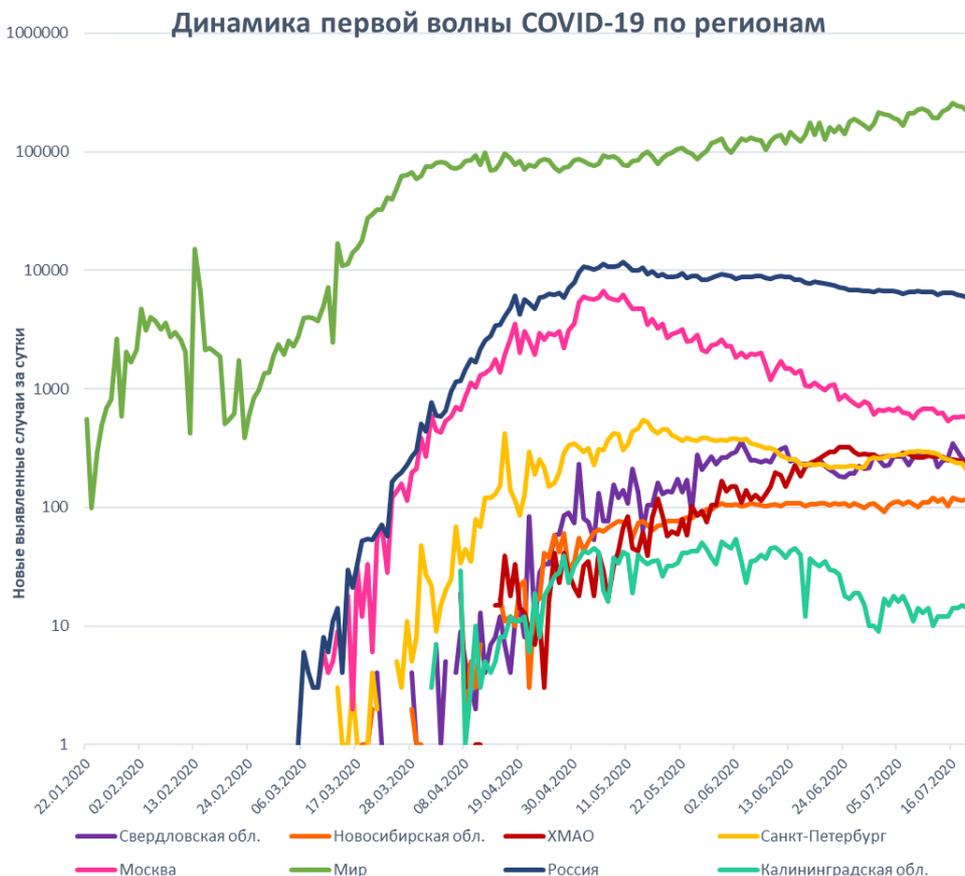
Thomas W. I., Thomas D. S. (1928) The Child in America: Behavior Problems and Programs. New York, NY: A. A. Knopf.

van Dijk T. (1988) Semantics of a Press Panic: The Tamil “Invasion”. *European Journal of Communication*. Vol. 3. P. 167—187. <https://doi.org/10.1177/0267323188003002004>.

van Dijk T. (1989) Critical News Analysis. *Critical Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 103—126.

Приложения

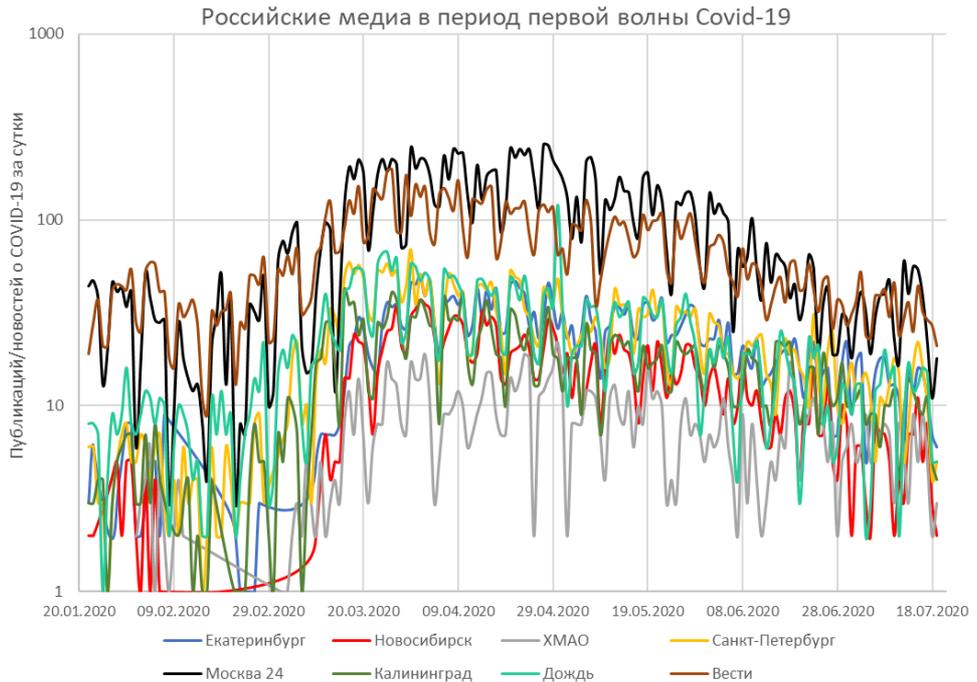
Рис. 1. Динамика первой волны COVID-19 в регионах России, стране в целом и мире

Примечание. Для вертикальной оси (новые выявленные за сутки случаи заболеваний) используется логарифмическая (10) шкала.

Источник: Яндекс. Коронавирус: статистика (https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_graph&utm_source=main_notif&geold=225)

Рис. 2. Динамика публикационной активности российских медиа в период первой волны COVID-19

Примечание. Для вертикальной оси (число новостей о COVID-19 за сутки) используется логарифмическая (10) шкала.

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2110](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2110)

К. П. Глазков

В ПОГОНЕ ЗА КОЛЛЕКТИВНЫМ ИММУНИТЕТОМ: ПРИВИВОЧНЫЕ СТРАТЕГИИ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ПРИНУЖДЕНИЯ К ВАКЦИНАЦИИ

Правильная ссылка на статью:

Глазков К. П. В погоне за коллективным иммунитетом: прививочные стратегии россиян в контексте различных форм принуждения к вакцинации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 301—326. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2110>.

For citation:

Glazkov K. P. (2022) Chasing Herd Immunity: Vaccination Strategies of Russians in the Context of Various Forms of Enforcement to Vaccination. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 301–326. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2110>. (In Russ.)

В ПОГОНЕ ЗА КОЛЛЕКТИВНЫМ ИММУНИТЕТОМ: ПРИВИВОЧНЫЕ СТРАТЕГИИ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ПРИНУЖДЕНИЯ К ВАКЦИНАЦИИ

*ГЛАЗКОВ Константин Павлович — старший специалист по региональным исследованиям, Фонд «Общественное мнение», Москва, Россия; доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: glazkov.konst@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2211-1620>*

Аннотация. В фокусе анализа находятся прививочные стратегии россиян, которые выделены на основе представлений об эффективности массовой вакцинации, перспективах охвата ею всего населения, ориентации на индивидуальный или коллективный иммунитет, а также наличия прививки либо планов привиться. Прививочные стратегии рассматриваются как индивидуальные решения, которые принимаются исходя из оценки текущей ситуации и интерпретации, что такое коллективный иммунитет и является ли он достижимым. В этом контексте коллективный иммунитет рассматривается не просто как стечение обстоятельств, а как результат масштабного коллективного действия. В отсутствие общеразделяемой позиции по достижимости коллективного иммунитета россияне в большей степени предпочитают рассчитывать на себя и свое здоровье. Вводя различные требования по вакцинации и ограничения для непривитых, государство пытается выступить в качестве координатора коллективного действия. Однако попытка навязать внеш-

CHASING HERD IMMUNITY: VACCINATION STRATEGIES OF RUSSIANS IN THE CONTEXT OF VARIOUS FORMS OF ENFORCEMENT TO VACCINATION

*Konstantin P. GLAZKOV^{1,2} — Senior Specialist for Regional Studies; Associate Professor, Department of Sociological Research Methods
E-MAIL: glazkov.konst@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2211-1620>*

¹ Foundation “Public Opinion” – FOM, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The focus of the analysis is the vaccination strategies of Russians highlighted on the basis of representations about the effectiveness of mass vaccination and the prospects for reaching the herd immunity, preferences to rely on individual or herd immunity, as well as the availability of vaccination or plans to be vaccinated. The vaccination strategies are regarded as individual decisions based on an assessment of the current situation and an interpretation of what herd immunity is and whether it is achievable. In this context, herd immunity is not just a coincidence but the result of large-scale collective action. In the absence of a generally shared understanding of herd immunity and whether it is achievable, Russians prefer to rely on themselves and their health. By introducing various vaccination requirements and restrictions for the unvaccinated, the state is trying to act as a coordinator of collective action. However, an attempt to impose external demands is regarded by people as a form of enforcement of vaccination. Enforcement exerted on a single individual increases the chances of her/

ние требования расценивается людьми как форма принуждения к вакцинации. Оказанное на отдельно взятого индивида принуждение повышает шансы на вакцинацию конкретного человека, однако оказывает отталкивающий эффект на его окружение. Опираясь на данные всероссийского телефонного опроса ($N = 1503$, проведен Фондом «Общественное мнение») и восьми фокус-групп со сторонниками и противниками вакцинации из разных городов России, мы показываем, что различные формы принуждения к вакцинации повышают риск радикализации отношений между государством и обществом, а также способствуют еще большему разобщению индивидуальных и общественных интересов.

Ключевые слова: коллективный иммунитет, обязательная вакцинация, принуждение, коронавирус, прививочные стратегии

Благодарность. Выражаю благодарность анонимным рецензентам, а также моим коллегам: Г. Кертману, А. Рейнюку, А. Бобровой, Е. Закутиной и А. Ослону за ценные комментарии по ходу подготовки текста, за поддержку в трудные моменты и за возможность в частных случаях увидеть общие закономерности, без чего эта статья вряд ли получилась бы такой, какой она есть.

Введение

По официальным данным, которые публикуются на портале «Стопкоронавирус.рф», на 15 октября 2021 г. коллективный иммунитет в России составлял 45%¹. Понятно, что цифра довольно условная и, как сказано на портале, «рассчитывается

his vaccination but causes a repulsive effect among her/his circle of familiars. Based on data from an all-Russian telephone survey ($N = 1503$, conducted by the Foundation “Public Opinion”) and eight focus groups with supporters and opponents of vaccination from different cities of Russia, we show that various forms of enforcement of vaccination increase the risk of radicalization of relations between the state and society and also contribute to an even greater separation of individual and public interests.

Keywords: herd immunity, compulsory vaccination, enforcement, COVID-19, vaccination strategies

Acknowledgments. I express my gratitude to anonymous reviewers as well as to my colleagues – G. Kertman, A. Reynyuk, A. Bobrova, E. Zakutina, and A. Oslon – for their valuable comments, support in difficult moments, and the opportunity to discern general patterns in particular cases without which this article would hardly have turned out the way it is.

¹ Максимум этот показатель достиг в начале 2022 г. — тогда он составил 63%. По состоянию на 20 мая 2022 г. коллективный иммунитет в России опустился до 36,8%. См. Оперативные данные // Стопкоронавирус.РФ. URL: <https://стопкоронавирус.рф/information/> (дата обращения 20.05.2022).

в соответствии с эпидемиолого-математической моделью». Там же можно найти «критерии региона, свободного от COVID-19», где среди прочих указан уровень коллективного иммунитета не ниже 80 %.

В условиях ухудшения эпидемиологической обстановки осенью 2021 г. достижение коллективного иммунитета против коронавируса являлось для российских властей ключевой задачей. Помимо информационной кампании и различных розыгрышей подарков среди привитых, все в большем количестве регионов вводились требования по обязательной вакцинации отдельных категорий граждан². Тем самым государство занимало все более активную позицию в деле принятия индивидуального решения о вакцинации, подталкивая граждан к решению сделать прививку.

Задача настоящей статьи сводится к рассмотрению того влияния, которое оказало принуждение со стороны государства на прививочное поведение граждан. В решении этой задачи мы опираемся на данные всероссийских опросов Фонда «Общественное мнение» и данные фокус-групп. Мы подходим к интерпретации принуждения с позиций попытки обнаружения общеразделяемого понимания, что такое коллективный иммунитет, нужно ли его достигать и какими способами. В сложившихся условиях каждый человек по-своему оценивает риск заболеть и самостоятельно принимает решение о вакцинации. Однако принятие этого решения помещено в смысловой контекст, который в значительной мере определяет различные прививочные стратегии. Неотъемлемым элементом этого смыслового контекста на тот момент являлись различные формы принуждения к вакцинации.

Коллективный иммунитет как метафора биополитики

В современной России люди все больше придают значение заботе о собственном здоровье. Если в советское время здоровье было видом государственной, а значит, ничейной собственности, которую можно безответственно транжирить [Юдин и др., 1998], то сейчас граждане в большей степени склонны самостоятельно принимать решения касательно своего тела. Здоровье, как и вообще вся сфера телесности, активно приватизируется. Патерналистские установки в вопросах здоровья, в рамках которых люди ожидали, что государство примет за них решение, замещаются принципами автономности пациента, информированного согласия и необходимости осознанного принятия решения врача [Юдин, 2006].

В этих условиях попытка государства проводить политику по обязательной вакцинации сталкивается в России с ожесточенным сопротивлением. Однако непростая эпидемиологическая обстановка с COVID-19 подталкивает к вынесению иммунитета из области индивидуальной в область коллективной ответственности. Иммунитет становится общим делом.

В этом есть некоторая историческая преемственность. «Иммунитет не является чистым биологическим феноменом, а содержит в себе множество юридических, политических и социальных «следов» [Сивков, 2014: 176; Cohen, 2009: 11—22]. Будучи изначально термином римского права, означающим освобождение инди-

² Демурина Г., Островская Д., Вишнякова М., Антипова А. В России остался один регион, где не ввели обязательную вакцинацию. Карта // РБК. 2021. 20 октября. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/10/2021/60d0a0c19a79476c7f137ce8> (дата обращения: 25.05.2022).

вида от обязательств перед государством, иммунитет с XVII века обретает физиологические коннотации, а с началом масштабных вакцинных кампаний в XIX веке вновь возвращается в поле политики.

В контексте кампании по вакцинации интересы отдельного биологического тела ущемляются в пользу интересов социального тела [Сивков, 2018]. Тело одновременно и принадлежит, и не принадлежит субъекту. Эта двойственность порождает метафору коллективного иммунитета — нечто, что находится за пределами тела субъекта, но защищает его подобно внутреннему иммунитету.

Чтобы разобраться в том, как работает коллективный иммунитет, необходимо понимать, как устроены социальные представления о нем [Мартин, 2020]. В англоязычной традиции речь чаще идет о популяционном или, будет более корректно сказать, стадном иммунитете (*herd immunity*). Стадный иммунитет описывается в категориях общественного блага, которое достигается при наличии сильных социальных связей, связывающих индивидов в единую социальную общность [Sobo, 2016].

Однако в отсутствии сильных социальных связей большее распространение получает эгоцентричный подход, который побуждает относиться к вакцинам с точки зрения пользы для отдельного человека, а не для общества. При этом восприятие коллективного иммунитета может описываться в категориях:

- ненадежности: члены сообщества не могут положиться друг на друга;
- эксплуатации: часть людей прививаются, тогда как другие этого не делают;
- унижения: требования привиться ограничивают свободу выбора и навязывает «стадную» ментальность [ibid.].

В отсутствии сильных социальных связей достижение коллективного иммунитета в масштабах страны находится под угрозой. Человеку предлагается заботиться не только о себе, но и о других. Защищать интересы не только себя, но и чего-то большего, частью которого он является. Это требует выработки общеразделяемого понимания, в рамках которого отсутствие коллективного иммунитета воспринимается как социальная проблема [Блумер, 2001]. Лишь в этом случае индивидуальные прививочные стратегии могут быть скоординированы в коллективное действие. Коллективное определение ситуации, конечно, можно попробовать навязать, что мы и наблюдаем в действиях государства в случае проведения политики по обязательной вакцинации. Тем самым государство пытается выступить в роли координатора коллективного действия. Однако эта попытка неизбежно сталкивается с этическими ограничениями обязательной вакцинации, о которых мы поговорим в следующем разделе.

Mor(t)ality: этические ограничения обязательной вакцинации

Согласно различным межстрановым сравнениям, Россия на протяжении всей пандемии находится внизу рейтинга принятия вакцин (*vaccine acceptance*) от коронавируса [Solís Arce et al., 2021; Wouters et al., 2021; Lazarus et al., 2021; Sowa et al., 2021].

Некоторые эксперты объясняют высокий уровень непринятия вакцин в России быстрыми темпами разработки и одобрения «Спутника V» [Callaway, 2020]. Другие факторы непринятия вакцины — отсутствие институционального доверия, неод-

нозначная позиция медицинского сообщества по поводу вакцинации — более подробно описаны в публикациях российских исследователей³.

Надо понимать, что человек не делает выбор, как относиться к прививочной кампании, раз и навсегда, а постоянно находится в континууме между безоговорочным принятием и непринятием вакцины [Salmon et al., 2015]. Факторы, которые определяют отношение к вакцинации, делятся на три группы: контекстуальные (государство, медиа, история, религия), индивидуальные/групповые (установки, представления) и вакцинные (риски, разработка, организация). Вкупе они могут влиять на положение индивидуальной установки в континууме (не)принятия вакцины. Они же служат аргументом для морального обоснования, почему человек делает или не делает прививку, а также как относится к введению обязательной вакцинации.

Россияне не торопятся прививаться еще и потому, что, по их мнению, переболевшие коронавирусом также вносят вклад в достижение коллективного иммунитета. Вообще интерпретация полученного вследствие болезни иммунитета как более надежной защиты связана с противопоставлением естественного и искусственного [Reich, 2016]. Иммунитет после болезни воспринимается как высший, а после прививки — как низший. В рамках такой логики переболевшие могут оценивать свой вклад в достижение коллективного иммунитета даже выше, чем у тех, кто вакцинировался. А самое главное — у переболевших, по их мнению, появляется моральное право не делать прививку.

Другой немаловажный фактор — это категоричное непринятие любых вакцин. Исторически антипрививочное движение берет свое начало с первых масштабных вакцинных кампаний в середине XIX века [Wolfe, Sharp, 2002]. Именно тогда в Англии и Италии были приняты законы об обязательной вакцинации, что привело к всплеску антипрививочных настроений. Попытки принудительно привить всех подталкивали к появлению антипрививочных лиг, которые отстаивали идеи, что всеобщая вакцинация ведет к ущемлению гражданских прав и нарушает этические принципы об автономности пациента [Caplan, 2018; Sobkowicz, Sobkowicz, 2021].

Немалую роль в распространении антипрививочных настроений в России, по мнению экспертов, сыграло медицинское сообщество [Ожиганова, 2009]. Совместно с комитетом по биоэтике РАН врачи участвовали в разработке 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней»⁴, который предполагает возможность отказа от прививки, а также обеспечивает основание для снятия запрета на прием в детские дошкольные учреждения непривитых детей [Ожиганова, 2009; Таточенко, Баранов, Намазова-Баранова, 2011; Петров, Юдин, 2008]. Попытка следовать этическим принципам добровольного согласия на медицинское вмешательство непреднамеренно способствовала появлению мнения, что возможность

³ Кертман Г. Драматургия массовой вакцинации // Проект коронаФОМ. 2021. 5 августа. URL: <https://covid19.fom.ru/post/dramaturgiya-massovoj-vakcinacii> (дата обращения: 25.05.2022); Волков Д. Почему россияне не прививаются от коронавируса // Левада-Центр. 2021. 18 мая. URL: <https://www.levada.ru/2021/05/18/pochemu-rossiyane-nespeshat-privivatsya-ot-kovida/> (дата обращения: 25.05.2022) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента»).

⁴ Федеральный закон от 17.09.1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12938> (дата обращения: 25.05.2022).

отказа от прививок может косвенно свидетельствовать об их необязательности или даже опасности [Ожиганова, 2009].

Рассуждая о законности введения обязательной вакцинации, эксперты отмечают коллизию двух принципов. Первый подразумевает право на отказ от медицинского вмешательства, а второй — возможность государства ограничивать права и свободы граждан, если это необходимо для защиты здоровья других лиц [Wang, Moribe, Arruda, 2021].

Таким образом, принятие решения о введении обязательной вакцинации лежит одновременно как минимум в двух плоскостях — эпидемиологической и этической [Colgrove, 2006; Balog, 2009]. С одной стороны, сложная эпидемиологическая обстановка и угроза общественному здоровью. С другой стороны, право на автономность и невмешательство.

На данный момент введение обязательной вакцинации в России задействует имеющийся в законодательстве механизм вынесения постановления Главного государственного санитарного врача, который обладает правом вводить обязательную вакцинацию для некоторых категорий работников, что не снимает той этической коллизии, которая сложилась вокруг обязательной вакцинации в целом. Это означает, что люди по-прежнему могут интерпретировать легитимность требований сделать прививку и ограничений свобод непривитых, исходя из своих представлений об эффективности и безопасности вакцины, необходимости достижения коллективного иммунитета и прочих факторов. Поэтому в следующем разделе мы попытаемся выяснить, к каким эффектам приводило введение обязательной вакцинации в других странах.

Влияние различных форм принуждения на прививочные стратегии

Для начала опишем базовые прививочные стратегии, встречающиеся вне зависимости от того, применяется ли политика по обязательной вакцинации или нет. Исследователи выделяют три базовые прививочные стратегии, которые условно можно назвать альтруизм, эгоизм и конформизм [Hershey et al., 1994]. Люди, руководствующиеся стратегией альтруизма, принимают решение о вакцинации, исходя из того, позволит ли она достичь коллективного иммунитета и будет ли она служить защитой для окружающих. Эгоисты, напротив, охотнее прививаются в том случае, если вероятность достижения коллективного иммунитета мала, а вакцина является лишь надежным средством защиты самого себя. Наконец, конформисты выбирают делать или не делать прививку в зависимости от доли уже привитых на данный момент: если привитых много, то и они прививаются, если мало — не прививаются. Надо отметить, что в рамках такой модели при высокой доле привитых альтруисты и эгоисты менее склонны прививаться: первые — потому что окружающих начинает защищать коллективный иммунитет, вторые — потому что можно побыть безбилетником и не прививаться за счет других.

Теперь рассмотрим, как могут встраиваться в эту модель различные формы принуждения.

Сразу оговорим, что между принуждением и подталкиванием к вакцинации проходит довольно тонкая грань. В рамках настоящей работы мы будем понимать

под принуждением все варианты, при которых отсутствие пройденной вакцинации влечет для человека дополнительные ограничения или создает риски утраты работы и заработка. В этом плане обязательная вакцинация или дискриминация непривитых — это лишь отдельные формы принуждения, с которыми могли столкнуться россияне во время прививочной кампании.

Одним из вариантов принуждения — введение ограничений для непривитых. Например, использование сертификатов о вакцинации для передвижения, а также для посещения публичных мест и мероприятий. Исследователи отмечают, что такие меры в большинстве случаев приводят к росту социального напряжения, так как способствуют появлению новых форм дискриминации. Также отмечается рост числа случаев мошенничества и незаконного получения документов о вакцинации, что в свою очередь не способствует повышению общего уровня принятия вакцины [Drury et al., 2021].

Особое внимание уделяется проблеме безбилетника. Коллективный иммунитет обладает свойствами неконкурентности и неисключаемости, что делает его общественным благом. При относительно высокой доле привитых люди могут отказываться от вакцинации, пожиная плоды коллективного иммунитета и при этом избегая каких-либо рисков. Чтобы подтолкнуть «безбилетников» к прививке, могут быть задействованы варианты частичного исключения непривитых (ковид-фри зоны) и продвижения норм социальной ответственности. Введение обязательной вакцинации в этом случае усиливает сомнения по поводу эффективности и безопасности вакцины, а использование санкций и штрафов приводит к восприятию штрафов в качестве стоимости индульгенции, позволяющей оставаться непривитым [Buttenheim, Asch, 2013].

Отношение к обязательной вакцинации зависит от наличия культуры принятия законодательства для общественного блага. Например, в Австралии, которая известна своим правилом “No Jab — No Pay” («нет укола — нет зарплаты»), или в Бразилии, с ее давней культурой иммунизации, граждане в целом готовы поддерживать обязательную вакцинацию, если она гарантирует достижение коллективного иммунитета [Salmon et al., 2006; Wang, Moribe, Arruda, 2021].

Важно отметить, что, согласно некоторым исследованиям, субъективная оценка степени безопасности вакцины может не влиять на принятие решение делать или не делать прививку [Kennedy, Brown, Gust, 2005]. Те, кто делают прививку, и те, кто не делают прививку, могут в равной мере опасаться ее последствий. Но в некоторых случаях люди готовы идти на такой риск ради обретения общественного блага.

Существенным эффектом применения различных форм принуждения может стать вытеснение добровольных мотивов делать прививку [Schmelz, Bowles, 2021]. Другими словами, принуждение может снизить долю тех, кто собирался вакцинироваться по личным убеждениям. Особенно сильно это может ударить по альтруистам, для которых возможность проявления внутренних мотивов особенно важна. Также существует риск возникновения каскада недоверия: принуждение к вакцинации может вызвать большее недоверие населения к вакцине, что потребует еще большего усиления принуждения [ibid.].

Смена формата отношений между государством и гражданами от партнерства к соблюдению требований может провоцировать рост социального активизма

против вакцинации [Laufs, Waseem, 2020], в том числе вести к случаям нелегального уклонения — например, получению фиктивных медотводов⁵.

Несмотря на возможные негативные последствия, некоторые эксперты считают, что без обязательной вакцинации достижение коллективного иммунитета маловероятно [Dubov, Phung, 2015]. Однако это не означает, что ставку нужно делать исключительно на принуждение. Напротив, обязательную вакцинацию следует встраивать в общую «архитектуру выбора» [ibid.], в рамках которой предусмотрены и положительные стимулы, например небольшое денежное вознаграждение [Clark, Corrigan, Rousu, 2021]. В противном случае излишний контроль приводит к скрытым рискам [Burdin, Halliday, Landini, 2018], которые могут обернуться провалом всей вакцинной кампании.

Итоговая рамка нашего дальнейшего анализа будет выстраиваться вокруг тезиса, что достижение коллективного иммунитета следует рассматривать не как следствие стечения обстоятельств, а как результат масштабного коллективного действия. В отсутствии общеразделяемого понимания целей массовой вакцинации люди могут в большей степени рассчитывать на индивидуальный иммунитет. В этих условиях введение обязательной вакцинации и ограничений в отношении непривитых выглядит как вынужденная мера, которая поднимает целый ряд этических вопросов, а также повышает риск разобщения индивидуальных и общественных интересов.

Эмпирическая база исследования

Основным методом сбора данных выступает всероссийский телефонный опрос совершеннолетних (18+ лет) респондентов, который проводился Фондом «Общественное мнение» 8—11 октября 2021 г. Всего было опрошено 1503 респондентов, статистическая погрешность не превышает 3,1%. Выборка репрезентирует население РФ и позволяет анализировать распределения по социально-демографическим параметрам (пол, возраст, тип населенного пункта, образование, материальное положение).

Данные всероссийского опроса дополняются фрагментами обсуждений на фокус-группах, проведенных в четырех российских городах. В каждом из них было проведено по две фокус-группы с респондентами разных возрастных групп, а именно: Волгоград (31—45 и 46—59 лет), Воронеж (20—30 лет и 60+), Москва (46—59 лет и 60+), Пермь (20—30 и 31—45 лет). Отбор информантов осуществлялся с учетом разбивки по возрасту, отношения к вакцинации (сторонники и противники) и того, сделал или не сделал человек прививку. В среднем в каждой фокус-группе принимало участие восемь человек. Гайд фокус-групп в целом охватывает тот же перечень тем, что и анкета опроса (отношение к массовой вакцинации, отношение к обязательной вакцинации, отношение к ограничениям для непривитых). Это позволяет привнести некоторые пояснения к полученным количественным распределениям, тем самым делая более понятной ту или иную установку в отношении вакцинации или форм принуждения.

⁵ Aliferis L. (2016) Why Vaccination Rates Are up Across California // KQED. January 20. URL: <https://www.kqed.org/stateofhealth/140964/why-vaccination-rates-are-up-across-california> (дата обращения: 25.05.2022).

Результаты

В ходе анализа данных мы попробуем разобраться, как различные формы принуждения связаны с базовыми установками по отношению к вакцинации от коронавируса. Наша основная гипотеза заключается в том, что принуждение способствует вытеснению изначальных мотивов: люди, которые сталкивались с принуждением к вакцинации, менее склонны руководствоваться интересами окружающих, а также проявляют меньшую готовность участвовать в достижении коллективного иммунитета. Напротив, принуждение подталкивает их в большей степени полагаться на себя и свое здоровье, что в конечном итоге может служить серьезным барьером для повышения темпов вакцинации среди россиян.

Чтобы проверить нашу гипотезу, мы сначала построим типологию прививочных стратегий россиян, которая будет опираться не только на то, сделал или не сделал человек прививку, собирается или не собирается он вакцинироваться, но и учтет групповые представления о том, зачем делается прививка, какую позицию по отношению к вакцинации занимает большинство, способна ли массовая вакцинация остановить коронавирус. Затем мы рассмотрим, как представления о коллективном и естественном иммунитете сказываются на имеющихся прививочных стратегиях. В заключительной части мы сконцентрируемся на том, как разные формы принуждения к вакцинации воспринимаются россиянами и как они связаны с прививочными стратегиями.

Выявление прививочных стратегий

Для того, чтобы построить типологию прививочных стратегий россиян, для начала обратимся к распределениям по базовым вопросам — доля привитых и доля собирающихся сделать прививку. Согласно данным опроса в середине октября 2021 г., 43% россиян ответили, что сделали прививку, а 49% — не сделали. Вопрос не задавался ковид-диссидентам, которые считают коронавирус выдумкой. Их доля составила 8%. И хотя среди них теоретически могут встречаться привитые, будем считать, что в целом они не вакцинировались от коронавируса и не собираются этого делать.

На следующем шаге необходимо узнать, какие планы и установки распространены среди тех, кто пока прививку не сделал. 16% сказали, что собираются делать прививку от коронавируса, 26% — не собираются, 7% затруднились с ответом.

Если обобщить ответы на эти вопросы, то, получается, 43% россиян привиты, 23% сомневаются делать или не делать прививку (объединили в эту категорию тех, кто собирается делать прививку, и тех, кто затруднился с ответом на этот вопрос) и 34% не собираются делать прививку (в этой категории объединены декларировавшие такую позицию, и — по умолчанию — ковид-диссиденты). Помимо ковид-диссидентов, среди несобирающихся прививаться следует выделить антиваксеров, которые в принципе против прививок — 6%, и остальных, решивших не делать прививку по другим причинам — 20%.

Затем можно перейти к дифференциации внутри групп привитых, собирающихся и не собирающихся прививаться.

Привитых мы поделили по тому, как они ответили на вопрос «Как Вы думаете, люди, которые добровольно сделали прививку от коронавируса, стремятся в первую очередь обезопасить себя или окружающих?» (см. табл. 1).

Таблица 1. Мотивы обезопасить себя или окружающих

«Как Вы думаете, люди, которые добровольно сделали прививку от коронавируса, стремятся в первую очередь обезопасить себя или окружающих?»*	Население в целом
Доли групп (%)	100
Себя	51
Окружающих	8
И себя, и окружающих в равной степени	21
Затрудняюсь ответить, другой ответ	6
Вопрос не задавался	14

* Вопрос не задавался считающим коронавирус выдумкой и тем, кто в принципе против прививок, — отвечали 86% респондентов.

Сделаем несколько оговорок по формулировке. Задача вопроса — определить степень важности для респондента индивидуального и коллективного иммунитета. Понятно, что среди привитых есть те, кто не вполне добровольно сделал прививку, однако тут речь идет о ситуации отсутствия принуждения. К тому же вопрос сформулирован так, чтобы респондент отвечал не про себя лично, а как бы про других. Здесь также осознанно преуменьшена значимость других, так как в ранних версиях вопроса, в которых речь шла о ближайшем окружении человека (близких, друзьях, родственниках), респонденты часто давали социально одобряемый ответ «ради других», тем самым завышая долю заботящихся о достижении коллективного иммунитета.

Всех привитых, кто при ответе на этот вопрос выбрал варианты «окружающих» и «и себя, и окружающих в равной степени», мы отнесли к категории **альтруистов**⁶, вариант «себя» — к **эгоистам**. Это разделение нам кажется полезным, если мы хотим понять, руководствовался ли человек при вакцинировании стремлением вместе с тем достичь и коллективной защиты, которая будет распространяться на окружающих.

Далее перейдем к тем, кто собирается делать прививку. Тут мы выделили категорию **конформистов-за** (намерены сделать прививку и при этом считают, что большинство россиян, сейчас не собирающихся вакцинироваться, в итоге прививку сделают). Тем самым мы связываем их планы по вакцинации с представлениями о том, какой вариант развития событий более вероятный — в котором больше привитых или больше непривитых.

Следующими идут те, кто не собирается прививаться. Выявление различий среди них затрудняется тем, что его пришлось проводить сразу по нескольким

⁶ В качестве названий стратегий мы решили использовать названия категорий людей (альтруисты), а не их установок (альтруизм). Во-первых, потому что наш подход в большей степени ориентирован на категоризацию респондентов для дальнейшего описания межгрупповых различий, чем на выявление латентных факторов. Во-вторых, потому что многие из выявленных стратегий проще называются в терминах категорий, а не установок (например, безбилетники).

основаниям. **Ковид-диссидентов** и **антиваксеров** мы уже упомянули. Отдельной категорией являются также **сторонники естественного иммунитета**, которые не собираются делать прививку, при этом считают, что после болезни прививаться не нужно⁷. Тем самым мы попробовали выделить тех, кто отдает предпочтение естественному (после болезни), а не искусственному (после прививки) иммунитету⁸.

После этого среди не собирающихся прививаться мы выделили **конформистов-против**, которые помимо прочего считают, что большинство россиян, не желающих сейчас вакцинироваться от коронавируса, в итоге прививку не сделают. То есть их нежелание прививаться может быть подкреплено тем, что и другие этого делать не намерены. Надо отметить, что изначально эта категория могла вобрать в себя больше респондентов, но мы исключили из нее антиваксеров и сторонников естественного иммунитета, потому что их установка подкреплена более фундаментальными представлениями, чем текущая раскладка шансов привить всех.

Аналогично мы поступили с категорией **безбилетников**, которые, как и конформисты-против, не собираются прививаться, однако считают, что в итоге все остальные привьются. Нежелание прививаться в этом случае может объясняться множеством факторов, но нам в первую очередь важно то, что относящиеся к этой категории могут не делать прививку, рассчитывая в том числе на защиту коллективного иммунитета.

Наконец, остальных, кто не соответствует ни одной из вышеописанных стратегий, мы отнесли к категории **других**, предварительно поделив их на переболевших и неболевших, так как, на наш взгляд, наличие личного опыта столкновения с болезнью может в дальнейшем заметно сказываться на их представлениях и планах по вакцинации.

Итоговая типология прививочных стратегий россиян с долями и описанием критериев выделения представлена в таблице 2.

Таблица 2. Типология прививочных стратегий россиян

Стратегия	Критерий	Доля и число респондентов	Накопленный процент
Альтруисты	Сделали прививку & Люди, которые добровольно сделали прививку от коронавируса, стремятся в первую очередь обезопасить окружающих ИЛИ и себя, и окружающих в равной степени	16% (242)	16%
Эгоисты	Сделали прививку & Люди, которые добровольно сделали прививку от коронавируса, стремятся в первую очередь обезопасить себя	25% (369)	41%

⁷ К сожалению, у нас нет прямого вопроса, который бы позволил определить, является ли человек сторонником естественного иммунитета. Поэтому мы вынуждены использовать другой вопрос, который определяет важность вакцинации после болезни. Мы считаем, что логика «после болезни прививаться не нужно» в целом отражает логику сторонников естественного иммунитета, которые склонны отдавать предпочтение иммунитету, обретенному после болезни, а не после прививки.

⁸ Хотя на самом деле и тот, и другой механизм выработки иммунитета является естественным. Однако это различие имеет смысл в рамках логики тех, кто старается избегать прививок, рассчитывая в случае болезни обрести защиту, если не лучше, то, по крайней мере, не хуже, чем после прививки.

Стратегия	Критерий	Доля и число респондентов	Накопленный процент
Конформисты-за	Собираются делать прививку & Большинство россиян, которые сейчас не хотят вакцинироваться от коронавируса, в итоге сделают прививку	11 % (161)	52 %
Антиваксеры*	Не собираются делать прививку & В принципе против прививок	6 % (84)	58 %
Сторонники естественного иммунитета	Не собираются делать прививку & Если человек переболел коронавирусом, ему не нужно делать прививку через какое-то время	9 % (129)	67 %
Конформисты-против	Не собираются делать прививку & Большинство россиян, которые сейчас не хотят вакцинироваться от коронавируса, в итоге не сделают прививку & НЕ антиваксеры & НЕ сторонники естественного иммунитета	3 % (46)	70 %
Безбилетники	Не собираются делать прививку & Не болели & Большинство россиян, которые сейчас не хотят вакцинироваться от коронавируса, в итоге сделают прививку & НЕ антиваксеры & НЕ сторонники естественного иммунитета	5 % (77)	75 %
Другие неболевшие	Не болели & НЕ альтруисты & НЕ эгоисты & НЕ конформисты-за & НЕ антиваксеры & НЕ сторонники естественного иммунитета & НЕ конформисты-против & НЕ безбилетники	10 % (160)	85 %
Другие переболевшие	Болели & НЕ альтруисты & НЕ эгоисты & НЕ конформисты-за & НЕ антиваксеры & НЕ сторонники естественного иммунитета & НЕ конформисты-против & НЕ безбилетники	7 % (112)	92 %
Ковид-диссиденты	Считают коронавирус выдумкой	8 % (123)	100% (1503)

* Как можно заметить, некоторые категории (антиваксеры, конформисты-против, безбилетники) получились малонаполненными. Это не позволяет их анализировать по отдельности, в связи с чем возникает вариант объединить их с другими категориями. Однако при построении типологии мы исходили из того, что на данном этапе следует максимально дифференцировано подойти к выявлению стратегий, так как в дальнейшем их пропорция в общей выборке может меняться. К тому же поглощение этих категорий более крупными приводит к смешению очень разнородных логик, что в свою очередь затрудняет их интерпретацию.

Далее мы будем опираться на эту типологию прививочных стратегий, чтобы выявить дополнительные закономерности и различия между группами. Оговоримся, что по большей части вопросов у нас нет ответов ковид-диссидентов, так как им задавались только социально-демографические вопросы. По понятным причинам также отсутствуют ответы антиваксеров на некоторые вопросы об отношении к прививкам. Поэтому в части таблиц эти стратегии не приводятся.

Кому нужен коллективный иммунитет

Выбор той или иной прививочной стратегии может быть связан с представлениями, а способна ли вообще массовая вакцинация остановить пандемию корона-

вируса. Если массовая вакцинация воспринимается в качестве эффективного инструмента, то это, в теории, должно подталкивать к вакцинации. Если же, напротив, есть сомнения в ее эффективности, то это должно отталкивать от вакцинации.

Используя нашу типологию прививочных стратегий, посмотрим, какие представления о массовой вакцинации встречаются среди представителей разных стратегий.

Согласно данным, приведенным в таблице 3, наибольшую убежденность в эффективности массовой вакцинации демонстрируют альтруисты, среди которых 84 % ответили, что массовая вакцинация позволит остановить распространение коронавируса (по выборке таких 49 %). Затем в целом схожую, но менее твердую позицию занимают эгоисты и конформисты-за (64 % и 70 % соответственно). Все эти три стратегии ориентированы на вакцинацию (одни привиты, другие собираются). Стоит подчеркнуть, насколько тесно связаны между собой представления о необходимости выработки коллективной защиты от вируса и принятие индивидуального решения о вакцинации. У альтруистов такие представления ярко выражены, у эгоистов — нет. И хотя и те, и другие привиты, среди последних треть сомневается, удастся ли добиться коллективного иммунитета с помощью массовой вакцинации, поэтому предпочитает полагаться в первую очередь на себя.

Таблица 3. Представления о массовой вакцинации среди представителей разных прививочных стратегий

«Как Вы считаете, массовая вакцинация позволит или не позволит остановить распространение коронавируса, предотвратить новые вспышки эпидемии?»*	Население в целом	Прививочные стратегии							
		Альтруисты	Эгоисты	Конформисты-за	Сторонники естественного иммунитета	Безбилетники	Конформисты-против	Другие неболевшие	Другие переболевшие
Позволит	49	84	64	70	20	36	24	44	47
Не позволит	25	10	24	17	69	42	65	29	32
Затрудняюсь ответить	12	6	13	13	12	22	11	27	21

* Вопрос не задавался считающим коронавирус выдумкой и тем, кто в принципе против прививок, — отвечали 86 % респондентов.

В свою очередь, среди тех, кто не собирается прививаться, доминируют представления о неэффективности массовой вакцинации. Такого мнения придерживаются 69 % сторонников естественного иммунитета и 65 % конформистов-против.

Неоднозначную позицию по массовой вакцинации занимают безбилетники и представители других стратегий. Если про последних в силу невнятности их базовой установки трудно сказать что-то определенное, то логика безбилетников в целом понятна. Их раздражают противоречия. С одной стороны, им хотелось бы, чтобы массовая вакцинация сработала и остановила коронавирус. С другой стороны, их смущает слово «массовая». «Затронет ли меня массовая вакцинация?

Если все же удастся ее избежать, выходит, не такая уж она и массовая? И сколько людей, которые размышляют так же, как я?». В общем, безбилетники сомневаются в массовой вакцинации, а источником их сомнений, собственно, является факт существования их стратегии.

Иллюстрацию стратегии безбилетников мы можем заметить в ходе обсуждения дальнейших действий властей на фокус-группах. По мнению информантов, власти будут придерживаться цели привить 60 % граждан. Поэтому многие информанты рассчитывают попасть в число оставшихся 40 %, кому прививаться не надо, и кто тем не менее будет под защитой достигнутого коллективного иммунитета.

Если посмотреть на опыт больших городов, там в Москве 60 % привили и всё. Отменили QR-коды. И везде это будет точно также. То есть я лучше дождусь, пока остальные под давлением, как бы это ни звучало эгоистично, сделают то количество прививок, которое необходимо, а я останусь спокойно не привитым. (Пермь, мужчина, 20—30 лет, не вакцинирован)

Проблема достижимости коллективного иммунитета также вызвана тем, что в основном люди не видят прямой связи между вакцинацией и созданием безопасных комфортных условий для всех. Тезис, что из-за непривитых могут заболеть другие, встречает контраргумент, что виноват не тот, кто заразил, а тот, кто не привился и заболел, то есть не обезопасил себя от коронавируса. Другими словами, безопасность — это личное дело каждого, а не коллективное достижение. Проводя аналогию с правилами дорожного движения, информанты отмечают, что на дороге все просто и понятно, тогда как при вакцинации нет никаких гарантий, что следование правилам приведет к ожидаемому результату.

Потому что эти родственники, чтобы не умирать, они добровольно могут сами себе сделать вакцинацию. Это их дело. В чем проблема? А причем тут я? Я не хочу. Вот они хотят, пусть делают. (Москва, мужчина, 46—60 лет, не вакцинирован)

Все говорят не иди на обгон в горку, потому что не видно. Выезжаешь, на тебя фура, ты в блинчик. То тут [в вакцинации] непонятно, какая безопасность. Чья безопасность? Моя? Мне хорошо, я не болею, я переболел. Меня ничего не беспокоит. Там [в ПДД] все понятно и прозрачно, по крайней мере для потребителя. А тут непонятно. (Пермь, мужчина, 20—30 лет, не вакцинирован)

В сложившихся обстоятельствах большинство информантов предпочитают надеяться на себя и на свой иммунитет. В ходе рассуждений на эту тему наиболее отчетливо всплывает противопоставление индивидуального и коллективного иммунитета. В основном люди предпочитают руководствоваться личными интересами. Это подтверждает тезис о неприятии идеи коллективного иммунитета — в условиях пандемии каждый заботиться только о себе.

И я все-таки надеюсь на свой иммунитет. (Волгоград, женщина, 31—45 лет, не вакцинирована)

И1: Он будет думать о себе [принимая решение о прививке].

И2: Своя рубашка ближе к телу.

Модератор: Не как он будет, а как он должен?

И3: Должен о людях, но будет думать о себе.

И4: О других должен.

И2: Я никому ничего вообще не должен.

И5: Мы вообще все должны думать об общих национальных задачах и естественно думать о том, как общество наше будет развиваться и прочее. Но правильно говорят, что каждый думает только о себе. (Москва, 60+)

К тому же среди информантов существуют разные мнения по поводу того, как именно следует достигать коллективный иммунитет. Например, позиция не собирающихся прививаться получает моральное обоснование, если они являются сторонниками естественного иммунитета. Непривитые могут так же, как и привитые, считать, что они вносят вклад в достижение коллективного иммунитета, так как после болезни у них тоже вырабатываются антитела против коронавируса, а значит, по их мнению, они не несут опасности для окружающих.

У тебя есть прививка. Ты показываешь действительно, я не заразный. Я не несу опасности для тебя и для окружающих. Все понятно. Хорошо. Я не привился, но переболел. У меня тоже есть QR-код, что я переболел, у меня собственный иммунитет, я тоже не заразный, не несу опасности для общества. (Пермь, мужчина, 20—30 лет, не вакцинирован)

Отношение к ограничениям для непривитых

Перейдем к тому, как представители разных стратегий относятся к вводу ограничений для непривитых (см. табл. 4). Напомним, что в рамках статьи мы рассматриваем ограничения как одну из форм принуждения, которая наравне с обязательной вакцинацией подталкивает привиться тех, кто не хочет или откладывает.

Таблица 4. Представления о допустимости введения ограничений для непривитых среди представителей разных прививочных стратегий

А в целом Вы считаете допустимым или недопустимым введение каких-либо ограничений, запретов для тех, кто не сделал прививку от коронавируса?*	Население в целом	Прививочные стратегии								
		Альтруисты	Эгоисты	Конформисты-за	Антиваксеры	Сторонники естественного иммунитета	Безбилетники	Конформисты-против	Другие неболевшие	Другие переболевшие
Считаю допустимым	32	53	45	39	11	10	26	20	26	25
Считаю недопустимым	48	33	45	48	77	81	62	76	56	54
Затрудняюсь ответить	12	14	10	13	12	9	12	4	18	21

* Вопрос не задавался считающим коронавирус выдумкой — отвечали 92% респондентов.

Допустимым введение каких-либо ограничений в отношении непривитых считают только альтруисты: среди них такой вариант ответа поддержали 53 % (в среднем по выборке 32 %). Если мнение эгоистов и конформистов-за по этому вопросу разделилось, то остальные категории однозначно считают такую форму принуждения недопустимой. Наиболее радикальную позицию занимают сторонники естественного иммунитета и антиваксеры (среди них считают ограничения недопустимыми 81 % и 77 % соответственно против 48 % по выборке). Позиция первых, вероятно, подкреплена тем, что, по их мнению, после перенесенной болезни непривитые представляют не большую угрозу, чем привитые, тогда как вторых, скорее всего, возмущают любые формы дискриминации по принципу наличия или отсутствия прививок.

Как мы видим, введение ограничений и запретов для непривитых как форма принуждения к вакцинации находит слабую поддержку среди представителей разных прививочных стратегий. Исключением являются только альтруисты, которые ставят коллективные интересы выше индивидуальных, а потому и считают допустимой дискриминацию меньшинства ради общественного блага. Даже среди тех, кто привился (эгоистов) или собирается привиться (конформисты-за) нет однозначной поддержки ограничительных мер в отношении непривитых. Для тех, кто не собирается прививаться, разумеется, введение этих мер недопустимо.

Что примечательно: попытки непривитых обойти ограничения находят понимание как среди тех, кто сделал или собирается сделать прививку, так и среди тех, кто не собирается делать прививку. По их мнению, допустимым является любой способ, который позволяет избежать принуждения.

Опять же, человек — может болеть, ему нельзя делать. А ты приходишь — тебе говорят: «Делай». А он боится, потому что он знает, что ему нельзя. И в такой ситуации, мне кажется, логично, что человек купит прививку, лишь бы себя не калечить. (Воронеж, женщина, 20—30 лет, вакцинирована)

Модератор: *А как вы тогда относитесь к тем, кто таким [нелегальными способами получить сертификат о вакцинации] пользуется?*

I1: Нормально.

I2: Абсолютно нормально.

I3: Людей ставят в невыносимые условия, они из них выбирают.

I2: Люди бегут из концлагеря различными путями. (Москва, 46—60 лет)

Такой ход размышлений получает отражение и в разрезе по прививочным стратегиям (см. табл. 5). Радикальное непринятие различных способов уклонения и жульничества наблюдается только среди альтруистов, из которых 68 % стали бы осуждать тех, кто старался бы избежать прививки незаконным способом при обязательной всеобщей вакцинации (по выборке таких 42 %). Не столь однозначную, но все же склоняющуюся в сторону осуждения позицию занимают эгоисты и конформисты-за (55 % и 59 % соответственно). Те, кто не собирается прививаться, напротив, не торопятся осуждать читеров: среди антиваксеров не стали бы осуждать такое поведение 70 %, среди сторонников естественного иммунитета — 75 %,

среди конформистов-против — 77 %. Исключение составляют безбилетники, которые сами не собираются прививаться, но рассчитывают на то, что остальные привьются и сделают это не по фиктивным сертификатам, а на самом деле. Поэтому среди них довольно часто встречаются и те, кто стал бы осуждать уклонистов (42 %), и те, кто их осуждать бы не стал (52 %).

Таблица 5. **Отношение к незаконным попыткам избежать вакцинации среди представителей разных прививочных стратегий**

«Вы бы стали или не стали осуждать тех, кто при обязательной всеобщей вакцинации старался бы избежать прививки — например, покупая поддельные сертификаты о вакцинации или получая фиктивный медотвод?»*	Население в целом	Прививочные стратегии								
		Альтруисты	Эгоисты	Конформисты-за	Антиваксеры	Сторонники естественного иммунитета	Безбилетники	Конформисты-против	Другие неболевшие	Другие переболевшие
Стал(-а) бы осуждать	42	68	55	59	19	19	42	17	36	32
Не стал(-а) бы осуждать	42	27	38	35	70	75	52	77	50	59
Затрудняюсь ответить	8	5	7	6	11	6	6	6	14	9

* Вопрос не задавался считающим коронавирус выдумкой — отвечали 92 % респондентов.

Эффект принуждения к вакцинации

Теперь перейдем к детальному рассмотрению эффекта принуждения к вакцинации в общем виде. Для начала посмотрим на различия в базовых установках (делать/не делать прививку, собираюсь/не собираюсь прививаться) в зависимости от того, сталкивался ли человек с принуждением лично или с принуждением сталкивался кто-то из его окружения (см. табл. 6).

Среди тех, кого принуждали сделать прививку, 56 % привились, 42 % — нет (еще 2 % затруднились ответить). Среди тех, кого не принуждали, распределение обратное (45 % на 55 %). К сожалению, оценить долю тех, кто сделал прививку из-за принуждения, мы не можем⁹. Кто-то привился добровольно, но мог сталкиваться с принуждением до или после прививки (в последнем случае это могло бы даже не расцениваться как принуждение). Кто-то привился под давлением, а кто-то мог и не заметить никакого принуждения. Однако в масштабе отдельно взятого человека можно сказать, что принуждение повышает долю привитых.

Ситуация меняется, если смотреть в масштабе окружения человека. Среди тех, у кого к вакцинации принуждали родственников или знакомых, сделали прививку 33 %, а среди тех, у кого не принуждали — 55 % (напомним, в среднем по выборке привились 43 %). То есть в этом плане принуждение действует отталкивающе¹⁰.

⁹ Согласно данным более позднего опроса, проведенного ФОМ 2—3 апреля 2022 г., 40 % россиян сказали, что они не сделали прививку, 38 % сделали, потому что считают это правильным, 21 % сделали, потому что их вынудили. Данные опроса не опубликованы.

¹⁰ Возможна и обратная интерпретация: непривитые чаще фиксируют случаи давления на окружающих, так как их это задевает сильнее, чем тех, кто привился. В любом случае характер связи от этого не меняется.

Таблица 6. **Эффект принуждения среди привитых и непривитых**

«Вы сделали или не сделали прививку от коронавируса?»*	Население в целом	Самих лично к вакцинации		Знакомых к вакцинации	
		Принуждали	Не принуждали	Принуждали	Таких случаев не было
Доли групп (%)	100	12	79	34	53
Сделал(-а)	43	56	45	33	55
Не сделал(-а)	49	42	55	67	45
Затрудняюсь ответить	0	1	0	0	0

* Вопрос не задавался считающим коронавирус выдумкой — отвечали 92% респондентов.

Еще более сильный отталкивающий эффект принуждения проявляется, если мы говорим о тех, кто думает, делать или не делать прививку (см. табл. 7). Эффект личного принуждения не столь заметен, тогда как оказание давления на окружение существенно меняет установку на вакцинацию. Так, доля не собирающихся делать прививку среди тех, у кого были случаи принуждения родственников или знакомых, в два раза выше, чем среди тех, у кого таких случаев не было (42% против 21%). Резюмируя, можно сказать, что оказание принуждения лично на человека может способствовать повышению шансов его вакцинации, однако это также повышает шансы возникновения отталкивающего эффекта среди его окружения. Принудительно привив одного, мы снижаем шансы на добровольную вакцинацию остальных.

Таблица 7. **Эффект принуждения на установку в отношении к вакцинации**

«А в целом Вы собираетесь или не собираетесь делать прививку от коронавируса?»*	Население в целом	Самих лично к вакцинации		Знакомых к вакцинации	
		Принуждали	Не принуждали	Принуждали	Таких случаев не было
Доли групп (%)	100	12	79	34	53
Собираюсь	16	9	18	14	18
Не собираюсь	26	26	29	42	21
Затрудняюсь ответить	7	6	8	11	5

* Вопрос задавался тем, кто не сделал прививку, — отвечали 49% респондентов.

Подтверждение этой закономерности мы наблюдаем в контексте прививочных стратегий (см. табл. 8). Лишь альтруисты редко сталкивались с принуждением среди родственников и знакомых. Остальные категории (эгоисты, конформисты-за, антиваксеры, безбилетники, другие) либо слабо отличаются от общесредних значений, либо существенно отклоняются в сторону наличия ситуаций принуждения, как это проявилось среди сторонников естественного иммунитета и конформистов-против. Как мы видим, принуждение острее переживается среди тех, кто не собирается прививаться.

Таблица 8. **Принуждение прививаться в окружении среди представителей разных прививочных стратегий**

«А кого-то из Ваших родственников, знакомых принуждали, заставляли делать прививку от коронавируса, или таких случаев не было?»*	Население в целом	Прививочные стратегии								
		Альтруисты	Эгоисты	Конформисты-за	Антиваксеры	Сторонники естественного иммунитета	Безбилетники	Конформисты-против	Другие неболевшие	Другие переболевшие
Принуждали, заставляли	34	18	29	35	40	71	49	70	41	46
Таких случаев не было	53	77	65	61	55	27	46	30	53	48
Затрудняюсь ответить	5	5	7	4	5	2	5	0	6	5

* Вопрос не задавался считающим коронавирус выдумкой — отвечали 92% респондентов.

Отталкивающий эффект принуждения заметно проявляется и в ходе обсуждений на фокус-группах. Информантов возмущают попытки скрыть факты прямого принуждения, притом что власти продолжают называть вакцинацию добровольной. По их мнению, государство жестко вторгается в личные сферы жизни человека, коими являются здоровье и тело, и людям просто не оставляют выбора.

И1: *Принудительно-добровольная.*

И2: *Люди работают 10 лет на одном рабочем месте, и тут к тебе приходит директор, и говорит: «Нас поставили [в положение], чтоб вы все в обязательном порядке привились». <...> У меня знакомые — один с сахаром — заболел, ушел. И тут ему дают прививку и говорят: «Вот, если ты не привьешься, тебя уволят с работы». Не должно такого быть. А так оно и есть: если ты не привьешься — пиши заявление на расчет. Это почти везде так было. (Волгоград, 31—45 лет)*

Конечно, добровольно, как можно принудительно? У каждого человека свой организм, свои особенности. Вакцина может на организм каждого подействовать по-разному. <...> Каждый индивидуально. Я считаю, что нельзя принуждать. Я привилась, но я тоже к этому сама пришла. Я и аллергик, и астма у меня в детстве была, у меня тоже были опасения

и прочее. Я дождалась того момента, когда я почувствовала себя абсолютно здоровой, чтобы вакцинироваться. И сделала. (Пермь, женщина, 31—45 лет, вакцинирована)

Лишь в некоторых случаях информанты проводят границу между принудительной и обязательной вакцинацией. В первом случае речь идет о применении насильственных мер в отношении тех, кто не хочет прививаться. И это, по общему мнению, недопустимо. Во втором случае подразумевается включение сделанной прививки в обязательные условия для последующего взаимодействия с человеком. Если кто-то не хочет прививаться, он добровольно выпадает из разных сфер отношений. И вот такой сценарий подталкивания к прививке в редких случаях находит поддержку.

Нет, понимаете, есть два разных слова: принудительно и обязательно. Принудительно, как это: мы что, будем сейчас ловить всех, на стадион сгонять и втыкать им? У нас не 1937 год. А сделать обязательным — ты пришел на работу устраиваться, у тебя же должна быть какая-то санитарная книжка. Санитарная книжка — она же не пустая должна быть? Какие-то определенные прививки, хотя бы «под лопатку», от чего сделана. И тоже ввести туда как пункт — от ковида, и все. (Волгоград, женщина, 46—60 лет, вакцинирована)

Заключение

Прививочные стратегии россиян в условиях пандемии коронавируса многообразны. Помимо базовых стратегий альтруизма, эгоизма и конформизма [Hershey et al., 1994], мы посчитали важным выделить представителей таких стратегий, как антиваксеры, сторонники естественному иммунитету, конформисты-за и -против, безбилетники, ковид-диссиденты. К сожалению, нам не удалось осуществить полную категоризацию, поэтому довольно значительную долю в итоговой типологии составляют другие стратегии (18%). Уточнение типологии прививочных стратегий может стать предметом дальнейших исследований.

Среди прочих стратегий в большинстве случаев заметно выделяются альтруисты. Они чаще других поддерживают массовую вакцинацию, считают, что она позволит выработать коллективный иммунитет и остановить пандемию. В отличие от них, эгоисты не столь уверены в эффективности массовой вакцинации и поэтому делают прививку, чтобы в первую очередь защитить себя, а не окружающих. Нельзя сказать, что одни действуют «хорошо», а другие «плохо». Скорее тут прослеживаются различия логик, которые тем не менее приводят к одному и тому же результату — человек делает прививку.

Можно также отметить конформистов-за, которые не сделали прививку, но собираются. По большей части параметров они похожи на эгоистов, хотя зачастую из позиция довольно неустойчива. Например, в вопросах про ограничения для непривитых они придерживаются менее твердой позиции. В целом эта логика понятна, так как в случае конформизма демонстрация позиции не означает решительности действий.

Обратную ситуацию мы наблюдаем в случае категорий, которые не собираются прививаться. Некоторые из них (антиваксеры, сторонники естественного

иммунитета) занимают более радикальную позицию в отношении вакцинации, другие (конформисты-против, безбилетники) менее радикальную. И если позиция первых подкрепляется верой в надежность собственной иммунной системы, то вторые в большей степени ориентируются на текущее соотношение привитых и непривитых.

Отметим также, что отношение к вакцинации некоторых других категорий, тех же ковид-диссидентов, остается не вполне ясным, хотя они и составляют существенную долю всей выборки. Конечно, можно предположить, что считающий коронавирус выдумкой человек в целом против вакцинации, но это будет лишь реконструкцией его позиции, не более. Чтобы разобраться в основаниях этой логики или логик, потребуется отдельное исследование, а главное — инструмент, который позволит обсуждать с респондентами то, чего, по их мнению, не существует или существует, но в отличном от общего понимания статусе.

Полученная типология прививочных стратегий позволяет подчеркнуть те межгрупповые различия, которые проявляются в результате реакции на различные формы принуждения к вакцинации. Среди привитых лишь альтруисты однозначно поддерживают введение ограничений для тех, кто не сделал прививку от коронавируса. Для них важность общественных интересов оправдывает дискриминационные меры. В отличие от альтруистов, эгоисты и собирающиеся привиться конформисты-за двойко относятся к ограничениям и другим формам принуждения к вакцинации. Для них принятие решения о вакцинации остается личным делом каждого, вторжение в область которого со стороны государства крайне нежелательно.

Острее всего принуждение переживается среди тех, кто не собирается прививаться. Они составляют примерно треть от всех опрошенных, поэтому достижение коллективного иммунитета не в последнюю очередь зависит от того, как сработают мобилизующие меры в этих группах. Пока что можно констатировать, что принуждение как инструмент повышения темпов вакцинации получило неоднозначную оценку. Оказание принуждения лично на человека может способствовать повышению шансов его вакцинации, но вместе с этим возникает отталкивающий эффект среди его окружения.

Восприятие обязательной вакцинации и ограничений для непривитых как форм принуждения препятствует кооперации усилий по достижению коллективного иммунитета. В большинстве случаев внешние воздействия со стороны государства трактуются в терминах принуждения, из-за чего помещаются в категорию «чужого», тем самым заставляя индивидов сопротивляться требованиям, подобно иммунному ответу тела на воздействие вирусов и микробов. В результате происходит разобщение индивидуальных и общественных интересов — ситуация, в которой россияне предпочитают рассчитывать не на коллективный, а на индивидуальный иммунитет. К тому же принуждение подрывает доверие к государству, что приводит к снижению поддержки прочих мер по повышению темпов вакцинации [Макушева, Нестик, 2020]. Возникает риск спирали принуждения, когда давление со стороны государства вызывает сопротивление среди граждан, в ответ на что принуждение только усиливается [Schmelz, Bowles, 2021]. Вместо этого более оправданными представляются меры, которые опираются на механизмы конформизма и общего дела.

Список литературы (References)

Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности II: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. Хрестоматия / под ред. С. А. Ерофеева. Казань: Издательство Казанского университета, 2001. С. 150—159.

Blumer H. (2001) Social Problems as Collective Behavior. In: Yerofeyev S. A. (ed.) *Contexts of Modernity II: Actual Problems of Society and Culture in Western Social Theory. A Reader*. Kazan: Kazan University Press. P. 150—159. (In Russ.)

Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427—446. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>.

Makusheva M. O., Nestik T. A. (2020) Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>. (In Russ.)

Мартин Э. Иммунология на улице: как не-ученые видят иммунную систему // Здоровье в перспективе социальных наук: исследования и переводы. М.: Фонд «Общественное мнение», 2020. С. 1—16.

Martin E. (2020) Immunology on the Street: How Nonscientists See the Immune System. In: *Health in the Social Sciences Perspective: Research and Translation*. Moscow: Public Opinion Foundation (FOM). P. 1—16. (In Russ.)

Ожиганова А. А. Вакцинация: мнения оппонентов // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири: труды по медицинской антропологии / отв. ред. В. И. Харитоновна. М.: Новости, 2009. С. 152—161.

Ozhiganova A. A. (2009) Vaccination: Opinions of the Opponents. In: Kharitonova V. I. (ed.) *Problems of Health Preservation in Northern and Siberian Conditions*. Moscow: Novosti. P. 152—161. (In Russ.)

Петров Р., Юдин Б. Развитие биоэтики в России // Казанский медицинский журнал. 2008. Т. 89. № 4. С. 387—394.

Petrov R., Yudin B. (2008) Development of Bioethics in Russia. *Kazan Medical Journal*. Vol. 89. No. 4. P. 387—394. (In Russ.)

Сивков Д. Ю. Парадоксы аутоиммунитета. Предисловие к переводу Эда Коэна // Социология власти. 2014. № 4. С. 174—181.

Sivkov D. Yu. (2014) Paradoxes of Autoimmunity. Preface to Ed Cohen's Translation. *Sociology of Power*. No. 4. P. 174—181. (In Russ.)

Сивков Д. Ю. Свое или чужое? Создание тела в иммунологии // Логос. 2018. Т. 28. № 5. С. 249—286.

Sivkov D. Yu. (2018) Self or Non-Self? Constructing the Body in Immunology. *Logos*. Vol. 28. No. 5. P. 249—286. (In Russ.)

Таточенко В. К., Баранов А. А., Намазова-Баранова Л. С. Вакцинация: от истоков до создания федерального центра // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2011. № 2. С. 108—111.

Tatochenko V. K., Baranov A. A., Namazova-Baranova L. S. (2011) Vaccination: From Its Origins to the Federal Center Creation. *Medical Technologies. Assessment and Choice*. No. 2. P. 108—111. (In Russ.)

Юдин Б. Г. Социальная справедливость как проблема биоэтики // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 115—117.

Yudin B. G. (2006) Social Justice as a Problem of Bioethics. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 2. P. 115—117. (In Russ.)

Юдин Б. Г., Тищенко П. Д., Иванюшкин А. Я., Игнатъев В. Н., Коротких Р. В., Силуянова И. В., Червонская Г. П. Введение в биоэтику. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

Yudin B. G., Tishchenko P. D., Ivanyushkin A. Ya., Ignatiev V. N., Korotkikh R. V., Siluyanova I. V., Chervonskaya G. P. (1998) Introduction to Bioethics. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)

Balog J. E. (2009) The Moral Justification for a Compulsory Human Papillomavirus Vaccination Program. *American Journal of Public Health*. Vol. 99. No. 4. P. 616—622. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2007.131656>.

Burdin G., Halliday S., Landini F. (2018) The Hidden Benefits of Abstaining from Control. *Journal of Economic Behavior & Organization*. No. 147. P. 1—12. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2017.12.018>.

Buttenheim A. M., Asch D. A. (2013) Making Vaccine Refusal Less of a Free Ride. *Human Vaccines and Immunotherapeutics*. Vol. 9. No. 12. P. 2674—2675. <https://doi.org/10.4161/hv.26676>.

Callaway E. (2020) Russia's Fast-Track Coronavirus Vaccine Draws Outrage Over Safety. *Nature*. Vol. 584. No. 7821. P. 334—336. <http://dx.doi.org/10.1038/d41586-020-02386-2>.

Caplan A. L. (2018) The Battle Over Compulsory Vaccination in the United States. *American Journal of Public Health*. Vol. 108. No. 4. P. 424—425. <https://doi.org/10.2105%2FAJPH.2018.304315>.

Clark N., Corrigan J. R., Rousu M. C. (2021) Herd Immunity at What Price? Using Auctions to Estimate What University Students Must Be Paid to Get the Flu Vaccine. *Preventive Medicine Reports*. Vol. 23. <https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2021.101466>.

Cohen E. D. (2009) A Body Worth Defending: Immunity, Biopolitics, and the Apotheosis of the Modern Body. Durham, NC: Duke University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv121028v>.

Colgrove J. (2006) The Ethics and Politics of Compulsory HPV Vaccination. *New England Journal of Medicine*. Vol. 355. No. 23. P. 2389—2391. <https://doi.org/10.1056/NEJMp068248>.

- Drury J., Mao G., John A., Kamal A., Rubin G. J., Stott C., Vandrevala T., Marteau T. (2021) Behavioural Responses to COVID-19 Health Certification: A Rapid Review. *BMC Public Health*. Vol. 21. No. 1. P. 1—17. <https://doi.org/10.1186/s12889-021-11166-0>.
- Dubov A., Phung C. (2015) Nudges or Mandates? The Ethics of Mandatory Flu Vaccination. *Vaccine*. Vol. 33. No. 22. P. 2530—2535. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2015.03.048>.
- Hershey J. C., Asch D. A., Thumasathit T., Meszaros J., Waters V. V. (1994) The Roles of Altruism, Free Riding, and Bandwagoning in Vaccination Decisions. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 59. No. 2. P. 177—187. <https://doi.org/10.1006/obhd.1994.1055>.
- Kennedy A. M., Brown C. J., Gust D. A. (2005) Vaccine Beliefs of Parents Who Oppose Compulsory Vaccination. *Public Health Reports*. Vol. 120. No. 3. P. 252—258. <https://doi.org/10.1177%2F003335490512000306>.
- Laufs J., Waseem Z. (2020) Policing in Pandemics: A Systematic Review and Best Practices for Police Response to COVID-19. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2020.101812>.
- Lazarus J. V., Ratzan S. C., Palayew A., Gostin L. O., Larson H. J., Rabin K., Kimball S., El-Mohandes A. (2021) A Global Survey of Potential Acceptance of a COVID-19 Vaccine. *Nature Medicine*. Vol. 27. No. 2. P. 225—228. <https://doi.org/10.1038/s41591-020-1124-9>
- Reich J. A. (2016) Of Natural Bodies and Antibodies: Parents' Vaccine Refusal and the Dichotomies of Natural and Artificial. *Social Science and Medicine*. Vol. 157. P. 103—110. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2016.04.001>.
- Salmon D. A., Dudley M. Z., Glanz J. M., Omer S. B. (2015) Vaccine Hesitancy: Causes, Consequences, and a Call to Action. *Vaccine*. Vol. 33. P. D 66—D 71. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2015.09.035>.
- Salmon D. A., Teret S. P., Macintyre C. R., Salisbury D., Burges M. A., Halsey N. A. (2006) Compulsory Vaccination and Conscientious or Philosophical Exemptions: Past, Present, and Future. *The Lancet*. Vol. 367. No. 9508. P. 436—442. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(06\)68144-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(06)68144-0).
- Schmelz K., Bowles S. (2021) Overcoming COVID-19 Vaccination Resistance When Alternative Policies Affect the Dynamics of Conformism, Social Norms, and Crowding Out. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 118. No. 25. P. 1—7. <https://doi.org/10.1073/pnas.2104912118>.
- Sobkowicz P., Sobkowicz A. (2021) Agent Based Model of Anti-vaccination Movements: Simulations and Comparison with Empirical Data. *Vaccines*. Vol. 9. No. 8. P. 1—26. <https://doi.org/10.3390/vaccines9080809>.
- Sobo E. J. (2016) What Is Herd Immunity, and How Does It Relate to Pediatric Vaccination Uptake? Us Parent Perspectives. *Social Science and Medicine*. Vol. 165. P. 187—195. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2016.06.015>.

Solís Arce J. S., Warren S. S., Merriggi N. F., Scacco A., McMurry N., Voors M., Syunyaev G., Malik A. A., Aboutajdine S., Adejo O., Anigo D., Armand A., Asad S., Atyera M., Augsburg B., Awasthi M., Eden Ayesiga G., Bancalari A., Björkman Nyqvist M., Borisova E., Bosancianu C. M., Cabra García M. R., Cheema A., Collins E., Cuccaro F., Farooqi A. Z., Fatima T., Fracchia M., Galindo Soria M. L., Guariso A., Hasanain A., Jaramillo S., Kallon S., Kamwesigye A., Kharel A., Kreps S., Levine M., Littman R., Malik M., Manirabaruta G., Mfura J. L. H., Momoh F., Mucauque A., Mussa I., Nsabimana J. A., Obara I., Otálora M. J., Ouédraogo B. W., Pare T. B., Platas M. R., Polanco L., Qureshi J. A., Raheem M., Ramakrishna V., Rendrá I., Shah T., Shaked S. E., Shapiro J. N., Svensson J., Tariq A., Mignondo Tchibozo A., Tiwana H. A., Trivedi B., Vernot C., Vicente P. C., Weissinger L. B., Zafar B., Zhang B., Karlan D., Callen M., Teachout M., Humphreys M., Mobarak A. M., Omer S. B. (2021) COVID-19 Vaccine Acceptance and Hesitancy in Low- And Middle-Income Countries. *Nature Medicine*. Vol. 27. No. 8. P. 1385—1394. <https://doi.org/10.1038/s41591-021-01454-y>.

Sowa P., Kiszkiel Ł., Laskowski P. P., Alimowski M., Szczerbiński Ł., Paniczko M., Moniuszko-Malinowska A., Kamiński K. (2021) COVID-19 Vaccine Hesitancy in Poland — Multifactorial Impact Trajectories. *Vaccines*. Vol. 9. No. 8. P. 1—18. <https://doi.org/10.3390/vaccines9080876>.

Wang D. W. L., Moribe G., Arruda A. L. G. D. M. (2021) Is Mandatory Vaccination for COVID-19 Constitutional under Brazilian Law? *Health and Human Rights Journal*. Vol. 23. No. 1. P. 163—174. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34194210/>.

Wolfe R. M., Sharp L. K. (2002) Anti-vaccinationists Past and Present. *The BMJ*. Vol. 325. No. 7361. P. 430—432. <https://doi.org/10.1136/bmj.325.7361.430>.

Wouters O. J., Shaden K., Salcher-Konrad M., Pollard A. J., Larson H. J., Teerawattananon Y., Jit M. (2021) Challenges in Ensuring Global Access to COVID-19 Vaccines: Production, Affordability, Allocation, and Deployment. *The Lancet*. Vol. 397. No. 10278. P. 1023—1034. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)00306-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)00306-8).

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2180](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180)

В. В. Радаев

АЛКОГОЛЬНЫЕ ЦИКЛЫ: ДИНАМИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ, 1980—2010-е ГОДЫ

Правильная ссылка на статью:

Радаев В. В. Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской и пост-советской России, 1980—2010-е годы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 327—351. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180>.

For citation:

Radaev V. V. (2022) Alcohol Cycles: Trends in the Alcohol Consumption in the Soviet and Post-Soviet Russia, 1980—2010. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 327—351. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180>. (In Russ.)

АЛКОГОЛЬНЫЕ ЦИКЛЫ: ДИНАМИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ, 1980—2010-е ГОДЫ

РАДАЕВ Вадим Валерьевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической социологии факультета социальных наук, заведующий Лабораторией экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: radaev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0152-1396>

Аннотация. Цель работы — выявление основных трендов в потреблении алкогольных напитков, включая проследживание циклов и смены структурной модели потребления алкоголя в российском обществе с 1980 по 2020 гг. В качестве комплементарных источников эмпирических данных используется статистика Росстата и Всемирной организации здравоохранения об объемах потребления алкоголя, экспертные оценки потребления нелегального алкоголя, данные 29 волн опросов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) о динамике объема потребления алкоголя и доли потребителей основных алкогольных напитков.

Статистические и опросные данные демонстрируют в целом сходные тенденции, обнаруживая циклические изменения в уровне потребления легального и нелегального алкоголя. При этом циклы потребления сопровождаются относительно устойчивыми структурными сдвигами. Сформиро-

ALCOHOL CYCLES: TRENDS IN THE ALCOHOL CONSUMPTION IN THE SOVIET AND POST-SOVIET RUSSIA, 1980–2010

Vadim V. RADAEV¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor at the Department of Economic Sociology, Faculty of Social Sciences; Head of the Laboratory for Studies in Economic Sociology
E-MAIL: radaev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0152-1396>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. This paper aims at revealing the main trends in consumption of alcoholic beverages in Russia between 1980 and 2020. The author studies alcohol cycles and change in the structural model of consumption basing on the data collected from complementary sources including Rosstat and WHO statistics on the volume of alcohol consumption, expert estimates of the illegal alcohol consumption, and survey data from 29 waves of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) on changes in prevalence of alcohol use and changes in the volumes of alcohol consumption.

Overall, official statistics and self-reported data demonstrate similar trends revealing cyclical movements in the level of legal and illegal alcohol consumption. These cycles are accompanied by sustainable shifts in the structure of the consumed alcoholic beverages. The Soviet structural model of alcohol consumption emerged in 1960–1980s and after a series of external economic and political shocks gave room to a

вавшаяся в 1960—1980-е годы советская модель потребления алкоголя в результате нескольких экономико-политических шоков уступает место новой модели, связанной в том числе с постепенным уходом от традиционного для советской России «северного» стиля потребления алкоголя. Устойчиво снижается доля водки и крепких напитков в целом. Пиво перегоняет водку сначала по доле потребителей, а затем и по объему потребления в литрах чистого алкоголя. Относительно стабильным остается потребление вина. Во второй половине 2000-х годов очередная повышательная волна сменяется снижением потребления алкоголя и по его объему, и по доле потребителей (преимущественно за счет роста доли абстинентов). Затем, с середины 2010-х годов, снижение потребления алкоголя останавливается. Вопрос о характере последующей волны пока остается открытым.

Ключевые слова: потребление алкоголя, промышленный и домашний алкоголь, стили потребления, циклическое развитие, Россия

Благодарность. Работа выполнена в Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Цель данной работы — выявить общие тренды в потреблении алкоголя в России с начала 1980-х до конца 2010-х годов на основе разных источников данных. Первая задача исследования — проследить основные циклы в изменении объема потребления и доли потребителей алкоголя. Вторая задача — показать, как в ходе циклического развития менялась общая модель потребления алкоголя в части структуры употребляемых алкогольных напитков.

new model associated with a gradual transition from the traditional Northern style of drinking. The author observes a steady decline in the use of vodka and strong spirits and shows that beer took over vodka initially in prevalence of use and then in the volume of consumption in liters of pure alcohol, while consumption of wine remained relatively stable. Upward wave in the alcohol consumption was replaced by a new downward wave by the end of 2000s showing a decline both in prevalence and volume of alcohol consumption (mainly due to an increasing number of abstainers). However, this downward trend was interrupted in a second half of the 2010s. The course of the following consumption wave remains unknown and should be revealed in the future studies.

Keywords: alcohol consumption , manufactured and homemade alcohol , styles of consumption, cyclical development, Russia

Acknowledgments. The study was conducted at the Laboratory for Studies in Economic Sociology at the HSE University and support by the Program for Basic Research of the HSE University.

В середине 1980-х годов классик алкогольных исследований Оле-Йорген Ског, проанализировав длинные временные ряды статистических данных в Норвегии за 130 лет (1851—1982 гг.), предложил общую социологическую концепцию длинных волн потребления алкоголя (с более короткими волнообразными колебаниями внутри), которые возникают под влиянием множества разнородных факторов, включая внешние воздействия (изменение уровня материального благосостояния, войны, депрессии, антиалкогольные реформы) и собственную логику развития потребления алкоголя, складывающуюся в результате сетевых взаимодействий между людьми на микроуровне социальной организации [Skog, 1986].

По России консистентные статистические данные за длительный период отсутствуют, и выявление длинных волн потребления объективно затруднено, однако возможен анализ волн за более короткие периоды [Немцов, 2009; Немцов, Шелыгин, 2014; WHO, 2019]. На основе сопоставления имеющихся разнородных статистических и опросных данных автор этой работы попытается показать, что и в России потребление алкоголя развивается волнообразным образом, а в ходе циклических колебаний совершается переход от советской к постсоветской модели потребления алкоголя [Радаев, Котельникова, 2016], от «северного» стиля потребления — к смешанным стилям [Popova et al., 2007; Mäkelä, Tigerstedt, Mustonen, 2012].

В данном случае автор оставляет за рамками исследования многочисленные факторы, лежащие в основе изменений потребления алкоголя, в том числе влияние разных потребительских групп [Котельникова, 2015; Рощина, Богданов, 2018], межпоколенческой динамики [Kraus et al., 2019; Radaev, Roshchina, 2019; Радаев, 2020а, 2020б], лишь немного касаясь влияния антиалкогольной политики [Радаев, Котельникова, 2016; Neufeld, Rehm, 2013]. В работе также не рассматриваются последствия потребления алкоголя, включая влияние на здоровье и смертность [Немцов, 2009; Денисова, 2010; Treisman, 2008; Leon, Shkolnikov, McKee, 2009]. Основным ее фокусом станет оценка происходящих со временем изменений, которые, как показывает анализ, не были ни простыми, ни тем более линейными.

Автор статьи анализирует, как разворачивались повышательные и понижающие волны в потреблении алкоголя, как выглядела советская структурная модель потребления и как произошел ее слом с переходом к новой модели в постсоветский период в результате шоковых экономико-политических воздействий, а затем прослеживает возникновение новых тенденций в потреблении алкоголя и структуре употребляемых напитков в новом тысячелетии.

Источники данных

В работе используются и сопоставляются разные источники данных, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения. Первый источник — данные Росстата об объемах душевого потребления алкоголя в целом и по основным видам напитков в пересчете на литры чистого алкоголя за период 1980—2019 гг. При изучении позднего советского периода и периода либеральных экономических реформ начала 1990-х годов автор дополняет эти данные вторым источником — экспертными расчетами объемов потребления нелегального алкоголя

(самогона) [Tremi, 1997; Немцов, 2009], опираясь на расчеты А. В. Немцова за 1980—2000 гг. Третьим источником стали данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) с 1990 по 2016 гг.

В постсоветский период описанная статистика дополняется четвертым источником — опросными данными о доле потребителей основных алкогольных напитков. Они собирались в ходе Российского мониторинга социально-экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)¹ и относятся к 30-дневному периоду, предшествовавшему опросу. Мониторинг представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов индивидов и домашних хозяйств, проводимых на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. В своих расчетах автор использует данные 1994—2020 гг. (29 волн), полученные от 317 568 респондентов в возрасте 15 лет и старше.

С 2006 г. в RLMS-HSE появляются данные об объемах потребления алкогольных напитков. Для расчетов общего объема потребления выпитое переводится в граммы чистого алкоголя по усредненным параметрам для отдельных типов алкогольных напитков. Применяются следующие коэффициенты для представленных в опросе вариантов ответа: водка и ликеро-водочные изделия — 40 %, коньяки, бренди, виски, ром, текила — 40 %, самогон — 40 %, пиво промышленного производства — 5 %, пиво домашнего производства и брага — 3 %, сухие и игристые вина — 12 %, крепленые вина — 18 %, алкогольные коктейли — 7 %, другое (разные напитки от домашних настоек до медицинского спирта) — 22 % [Радаев, Рощина, 2019]. Применяемый подход в целом соответствует методике оценки среднедушевого потребления алкоголя, утвержденной приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации № 575 от 30 июля 2019 г.²

Известно, что показатели объема потребления алкоголя существенно занижаются в ходе опросов в силу сложностей калькуляции и более частых отказов респондентов от ответа, что отмечалось не только в российской, но и в международной практике [Livingston, Callinan, 2015; Kilian et al., 2020]; в частности, такие выводы делались в отношении данных RLMS-HSE [Nemtsov, 2004]. Поэтому сравнивать абсолютные объемы потребляемого алкоголя по статистическим и опросным данным не рекомендуется. Но, в отличие от абсолютных объемов потребления алкоголя на определенный момент времени, динамика этих показателей в опросах населения от года к году, на наш взгляд, отражается достаточно адекватно, и она может эффективно использоваться для отслеживания трендов. Сопоставление статистических данных о динамике уровня потребления и комплементарных данных RLMS-HSE позволяет представить изучаемую картину более объемно (по крайней мере, в постсоветский период).

В своем анализе автор статьи использует информацию о потреблении основных видов алкогольных напитков промышленного производства (водка и ликеро-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms>).

² Приказ Минздрава России от 30.07.2019 г. № 575 «Об утверждении методики оценки среднедушевого потребления алкоголя в Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/560925948> (дата обращения: 28.06.2022).

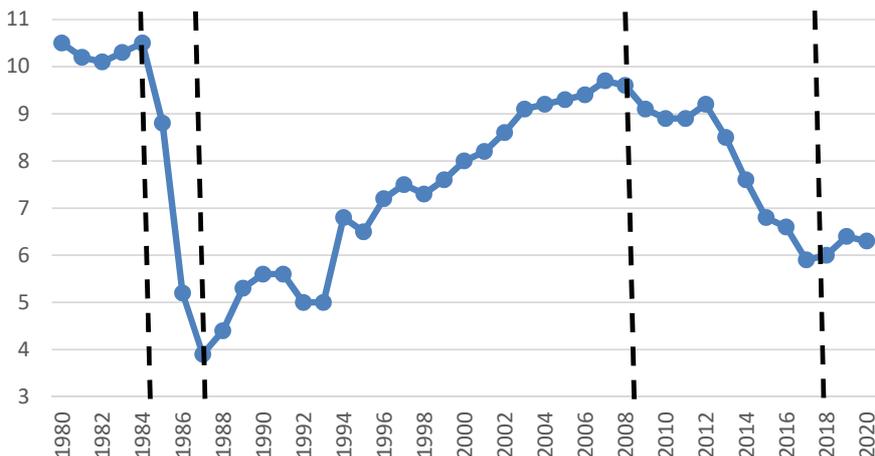
водочные изделия, винодельческая продукция, пиво и пивные напитки) и домашнего производства (самогон), составляющих в настоящее время в сумме более 90 % общего потребления алкоголя. Серьезное ограничение данного исследования касается нерегистрируемого алкоголя: в рассмотрение включены данные по домашнему алкоголю, однако вне внимания остаются другие виды нерегистрируемого алкоголя (продукты неучтенного промышленного производства, поддельный алкоголь, алкогольные суррогаты). Эти категории напитков, несомненно, важны, особенно при рассмотрении ситуации с употреблением алкоголя в России; тем более, что их потребление может быть связано с ущербом для здоровья и риском для жизни [Gil et al., 2009; Neufeld, Rehm, 2018]. Однако информацию по ним сложно выявлять стандартизованными опросными методами, а в официальной статистике она отсутствует; некоторые косвенные оценки можно найти в данных ВОЗ, и автор приводит их в тексте.

Циклы потребления легального алкоголя

По мере роста материального благосостояния населения в Советском Союзе в 1960—1970-е годы потребление легального алкоголя устойчиво повышалось, опережая рост аналогичных показателей в европейских странах. Периодически государство начинало антиалкогольные кампании (например, в 1958 и 1972 гг.), но в целом они не приводили к сколько-нибудь заметным результатам [Немцов, 2009]. К середине 1980-х годов уровень потребления алкоголя в СССР увеличился с 3 л более чем в три раза и достиг своего исторического пика — 10,5 л чистого алкоголя на душу населения без учета нелегального алкоголя. Именно в этот момент наша страна вышла на первые позиции в мире по душевому объему потребляемого алкоголя (около 15 л в год в сумме с нелегальным алкоголем).

С начала 1980-х годов доступны ежегодные официальные статистические данные по потреблению легального алкоголя, и на них мы можем проследить характерное волнообразное движение: после небольшого хвоста длинной послевоенной повышательной волны во второй половине 1980-х годов происходит резкое падение душевого потребления, с 10—11 л до 4 л чистого алкоголя, вызванное жесткой горбачевской антиалкогольной реформой. Затем начинается устойчивое повышение в реформенные 1990-е годы, связанное с либерализацией торговли, — с небольшим прерыванием в самые первые шоковые годы реформ и кратковременными снижениями во время кризисов 1995 и 1998 гг. Эта фаза вновь приводит к двукратному увеличению потребления алкоголя (с 4 л до 8 л). Повышательная волна продолжается в период экономического роста 2000—2007 гг., когда, по данным Росстата, душевое потребление в литрах чистого алкоголя увеличивается с 8,0 л до 9,7 л (+21 %), почти достигая позднесоветского уровня. После кризиса 2008 г. этот показатель снова начинает снижаться и к 2017 г. опускается до 5,9 л (–39 %), завершая очередной цикл. С 2018 г. динамика стабилизируется, и даже наблюдается некоторый поворот кривой вверх (рост до 6,3 л к 2020 г.; +7 %). Динамика последних лет может быть свидетельством начала новой повышательной волны (см. рис. 1).

Рис. 1. Душевое потребление легальной алкогольной продукции в России в 1980—2000 гг., в литрах чистого алкоголя³

Таким образом, даже на относительно коротком историческом отрезке мы видим периодические восходящие и нисходящие волны в потреблении легального алкоголя с колебаниями в интервале между 4 л и 10 л чистого алкоголя на душу населения. На эти волнообразные движения работает множество разнообразных факторов. Приведем лишь один из них: изменение реальных располагаемых доходов населения, измеряемое как прирост в процентах к предшествующему году. В 2000—2020 гг. этот показатель значимо коррелирует с уровнем душевого потребления алкоголя (по оценкам на данных Росстата, $r = 0,699$, $p < 0,01$). В 2000—2007 гг., когда прирост реальных располагаемых доходов держится на небывало высоком уровне (в среднем +12% в год), душевое потребление алкоголя возрастает. Когда же в 2008—2014 гг. прирост доходов резко падает (в среднем до 3% в год), а в 2015—2017 гг. и вовсе уходит в минус (в среднем –2,5% в год), потребление алкоголя снижается. Наконец, в 2018—2019 гг. падение реальных доходов приостанавливается, они даже немного увеличиваются, и одновременно с этим прекращается и снижение потребления алкоголя. Соответственно, вопреки стереотипным представлениям, потребление алкоголя вырастает не в кризисные, а в более благополучные периоды; в годы кризисов оно, наоборот, проседает в силу сокращения бюджетов домохозяйств, для которых алкоголь не является предметом первой необходимости [Разводовский, 2021; Kotelnikova, Radaev, 2017]. Конечно, изменение реальных доходов — далеко не единственный фактор, объясняющий повышательные и понижительные волны в потреблении алкоголя. Среди других влиятельных факторов можно назвать ограничительные меры антиалкогольной политики и культурные сдвиги, связанные с приходом новых поколений.

³ Источник: данные Росстата.

Корректировка данных с учетом нелегального алкоголя

Наряду с потреблением легального алкоголя, значительную роль на протяжении российской истории играл нелегальный алкоголь. Посмотрим, как он дополняет картину в период позднего социализма 1980-х годов и либеральных реформ 1990-х годов, используя расчеты А. В. Немцова [2009] и данные Всемирной организации здравоохранения [WHO, 2019].

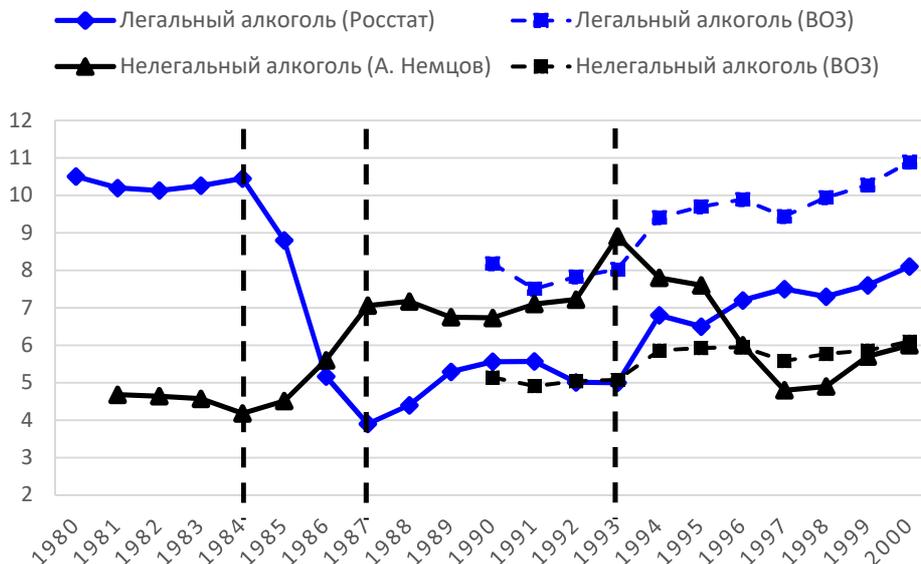
Наиболее серьезное вмешательство государства в алкогольную политику было осуществлено в ходе знаменитой горбачевской антиалкогольной кампании в 1985—1987 гг., приведшей к существенному повышению цен на алкогольные напитки, введению многочисленных запретов на производство, продажи и потребление, ужесточению наказаний за нарушения, связанные с потреблением алкоголя [Bhattacharya, Gathmann, Miller, 2012]. В этот период употребление легального алкоголя быстро сократилось в два с половиной раза (с 10,5 л до 4 л на душу населения). При этом как минимум половина этого падения была замещена домашним самогонем, потребление которого выросло с 4 л до 7 л и в 1987 г. достигло почти двух третей (64%) общего объема потребляемого алкоголя [Vroublevsky, Harwin, 1998, Немцов, 2009] (см. рис. 2). После скорого сворачивания горбачевской антиалкогольной кампании в 1988—1991 гг. потребление легального алкоголя частично восстановилось, прежде всего за счет увеличившихся продаж водки. Самогон при этом сохранял свои позиции, на него приходилось более половины общего объема потребления. В этот период еще более укрепляется так называемый «северный» стиль потребления алкоголя.

Следующим фактором, существенно повлиявшим на динамику потребления алкоголя, стала экономическая реформа 1992—1994 гг. Дерегулирование торговли сопровождалась либерализацией цен и массовым замещением легального алкоголя нелегальным [Андриенко, Немцов, 2006]. При этом, хотя потребление самогона в 1990-е годы несколько выросло [Тапилина, 2006], резкий рост объемов нелегального алкоголя происходил уже преимущественно за счет других источников. На дерегулированный российский рынок хлынул дешевый алкоголь промышленного и кустарного производства, включая чистый спирт, напитки низкого качества и откровенные подделки, многие из которых импортировались в страну или ввозились контрабандными способами новыми частными предпринимателями [Немцов, 2009]. Заметим, что подобный массовый приток импортного алкоголя наблюдался в реформенный период и в других восточно-европейских странах [Moskalewicz, Simpura, 2000], Россия здесь не является исключением. Это продолжалось до тех пор, пока в середине 1990-х годов государство не усилило контроль над алкогольными рынками, приведший к росту легального и сдерживанию нелегального сегментов. После кризиса 1998 г. наблюдается короткая повышательная волна в употреблении нелегального алкоголя, а начавшийся в 2000-е годы экономический рост, сопровождаемый усилением государственного контроля над алкогольным рынком, привел к дальнейшему повышению потребления легального алкоголя и очередному снижению доли нелегального [Радаев, Котельникова, 2016; Радаев, 2018].

Заметим, что кривая потребления легального алкоголя по оценкам ВОЗ с 1990 г. по форме повторяет график данных Росстата, однако находится выше

нее на 2,5—3 л. Потребление нелегального алкоголя, по данным ВОЗ, напротив, оказывается более умеренным, чем по расчетам А. В. Немцова (примерно на 2 л в год — по крайней мере, до 1996 г.); в целом кривая ВОЗ выглядит более сглаженной. В 2000 г. данные о потреблении нелегального алкоголя по двум обозначенным источникам наконец сходятся. По сумме же легального и нелегального алкоголя оценки ВОЗ ежегодно превышают показатели Росстата и А. В. Немцова на 1—3 л чистого алкоголя на душу населения (см. рис. 2).

Рис. 2. Душевое потребление легальной и нелегальной алкогольной продукции в России в 1980—2000 гг., в литрах чистого алкоголя⁴

Теперь продлим временной ряд в новое тысячелетие и рассмотрим динамику суммарного потребления алкоголя, добавив к статистике Росстата данные ВОЗ, которые пытаются учитывать объемы легального и нелегального алкоголя (включая алкогольные суррогаты) с 1990 г.

Оценки душевого потребления алкоголя по данным ВОЗ в разные годы превышают показатели Росстата в 1,5—2 раза, причем не только за счет добавления нелегального алкоголя, но и за счет более высоких оценок потребления легального алкоголя. Данные ВОЗ нередко подвергаются критике со стороны экспертов за возможное завышение. Однако, несмотря на эти расхождения, на рисунке 3 мы видим в целом сходную циклическую конфигурацию: сначала идет повышательная волна, а затем снижение потребления. При этом кривая ВОЗ оказывается более крутой по наклону: рост начинается с 12,4 л в 1991 г., а пиковое значение достигается раньше, фиксируясь в 2003 г. на уровне 20,4 л (+65%; здесь, по оценкам ВОЗ, Россия вновь выходит на первое место в мире). Далее мы видим тенденцию

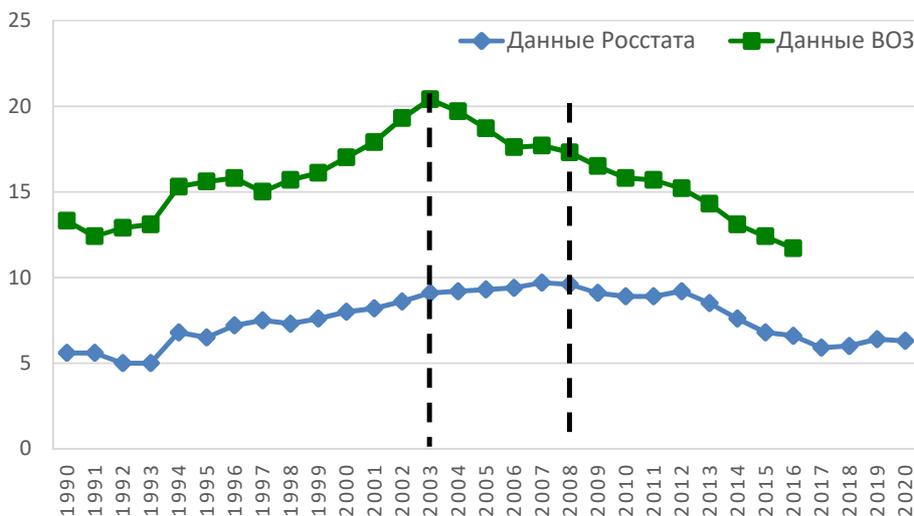
⁴ Источник: данные Росстата, [Немцов, 2009; WHO, 2019].

к уменьшению душевого потребления алкоголя в России — и в легальном, и в нелегальном сегментах. К 2016 г., по данным ВОЗ, оно уменьшается до 11,7 л (–43% по сравнению с 2003 г.), включая 8,1 л легального и 3,6 л нелегального алкоголя [WHO, 2019]. Наконец, после 2016 г. данные ВОЗ пока отсутствуют, и мы не знаем, происходит ли здесь перелом кривой, как по статистике Росстата.

Дополнительным источником данных здесь может стать статистика Минздрава России, которая показывает снижение душевого потребления в литрах чистого алкоголя на 41% в 2008—2018 гг. (с 15,7 л до 10,8 л), а к 2020 г. — увеличение до 10,8 л (+16%), повторяя тренд, отмеченный Росстатом. Статистические данные Росстата и Минздрава за этот период теснейшим образом скоррелированы ($r = 0,916$, $p < 0,01$), а существенная разница в абсолютном уровне (3—4 л), как и с данными ВОЗ, объясняется, по всей видимости, более полным учетом нелегального алкоголя в статистике Минздрава.

Приведенный обзор статистики свидетельствует, что вывод о снижении потребления алкоголя в годы экономических кризисов в целом подтверждается. При этом снижение продаж легального алкоголя, как правило, компенсируется ростом потребления в нелегальном сегменте, но замещение происходит не в полном объеме.

Рис. 3. Потребление алкоголя на душу населения в 1990—2020 гг., в литрах чистого алкоголя⁵

Динамика доли потребителей алкоголя

Теперь посмотрим, как выглядит динамика потребления алкоголя с точки зрения опросных данных RLMS-HSE (рассматривается население в возрасте от 15 лет и старше). На рисунке 4 приведена динамика доли текущих потребителей — тех, кто пил алкогольные напитки в течение 30 дней, предшествовавших

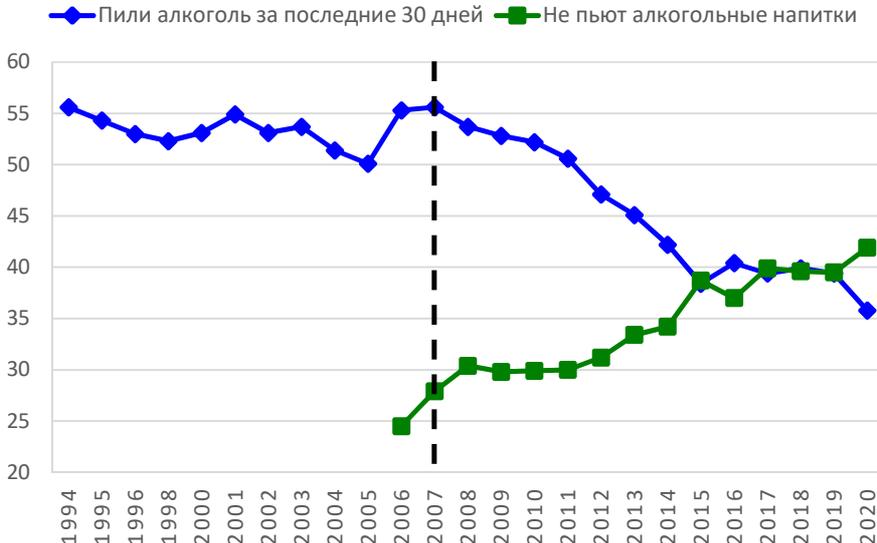
⁵ Источник: данные Росстата, ВОЗ.

опросу. Из графика видно, что в течение длительного периода с 1994 по 2007 г. эта доля с незначительными отклонениями удерживается на уровне, близком к 55%. С 2008 г. начинается ее заметное снижение, и к 2015 г. доля пьющих опускается в полтора раза — до 38,4%. Затем она стабилизируется на уровне 39%—40% вплоть до 2019 г., а с началом пандемии коронавируса в 2020 г. вновь снижается — на этот раз до 35,8%.

Дополним картину текущего потребления долей тех, кто, по их словам, вообще не потребляет алкогольных напитков (не только в последние 30 дней, а в принципе), то есть относится к числу абстинентов. Эти данные доступны лишь с 2006 г., и до 2015 г. они показывают устойчивый рост при совокупном увеличении более чем в полтора раза — с 24,5% до 38,7%. Затем этот показатель, как и доля потребителей, стабилизируется в 2015—2019 гг., а в пандемический 2020 г. — увеличивается до 41,9%. Заметим, что в 2015 г. доля абстинентов впервые сравнивается с долей текущих потребителей алкоголя, а в 2020 г. ее превосходит.

Итак, доля абстинентов, совсем не потребляющих алкоголь, постепенно приближается к половине всего взрослого российского населения, адвигающаяся ей навстречу доля текущих потребителей с 2012 г. уже оказывается ниже 50% и продолжает снижаться. Здесь, как и в данных Росстата по объемам потребления, после роста и последовавшего за ним снижения наблюдается стабилизация показателей во второй половине 2010-х годов, и вопрос о направлении следующей волны остается открытым.

Рис. 4. Доля текущих потребителей алкоголя и доля абстинентов в России в 1994—2020 гг., в %⁶

Если проанализировать опросные данные о динамике объема потребления алкоголя, выясняется, что среди текущих потребителей за период 2006—2020 гг. снижение среднего объема потребления в чистом алкоголе оказывается очень

⁶ Источник: данные RLMS-HSE.

небольшим — всего 4 % (те, кто продолжает пить, пьют примерно столько же, с колебаниями в отдельные годы). В то же время среди всего населения в возрасте от 15 лет и старше это снижение выражено значительно сильнее — 38 %, что сопоставимо с оценкой на данных Росстата и ВОЗ за тот же период. Таким образом, динамика оценок по разным источникам оказывается схожей.

Формирование и слом советской модели потребления алкоголя

От общих показателей мы переходим к анализу потребления отдельных алкогольных напитков. В послевоенное время начинает складываться советская структурная модель потребления алкоголя, которая была описана в работах В. Тремла и А. В. Немцова [Tremel, 1997; Немцов, 2009]. Основным алкогольным напитком в советское время является водка, составляющая более 50 % общего потребления алкоголя и до двух третей легального алкоголя. Кроме того, по сравнению с сегодняшним временем, в советский период потреблялось относительно много вина, в том числе импортного (по общему литражу, без пересчета в чистый алкоголь, оно в течение почти всего периода соответствовало душевому потреблению водки — примерно по 13—15 л в год). Картина дополняется весьма умеренным потреблением пива, не превышавшим 25 л на душу населения в год. Добавим, что качество продаваемого вина и пива, в отличие от качества водки, в это время оставляло желать лучшего.

В итоге сложившаяся к 1980-м годам советская структурная модель потребления алкоголя выглядела следующим образом: в пересчете на чистый алкоголь потребление водки и ликеро-водочных изделий доходило до 6 л на душу населения в год, вина — 1,5—2 л, пива — 1,2—1,3 л. То есть водки и вина потреблялось значительно больше, а пива — значительно меньше, чем в настоящее время. При этом показатели по всем трем категориям алкогольных напитков постепенно возрастали по мере повышения материального уровня жизни населения (см. рис. 5).

Рис. 5. Розничные продажи водки, пива и вина в России в 1970—1994 гг., на душу населения в литрах чистого алкоголя⁷

⁷ Источник: Рассчитано автором по данным Росстата и В. Тремла [Tremel, 1997].

Такая модель потребления легального алкоголя серьезным образом изменилась после двух последовательно наступивших шоковых воздействий, упомянутых ранее: горбачевской антиалкогольной кампании 1985—1987 гг. и либеральной экономической реформы 1992—1994 гг. На рисунке 5 видно, что продажи водки после шоковых воздействий относительно быстро восстанавливаются, продажи пива колеблются на невысоком уровне (около 1 л на душу населения), а вот продажи вина падают до предельно низкого уровня (менее 0,5 л на душу населения), поскольку восстанавливать виноделие значительно сложнее, чем изготовление водки [Радаев, Котельникова, 2016].

Переход к новой постсоветской модели потребления алкоголя

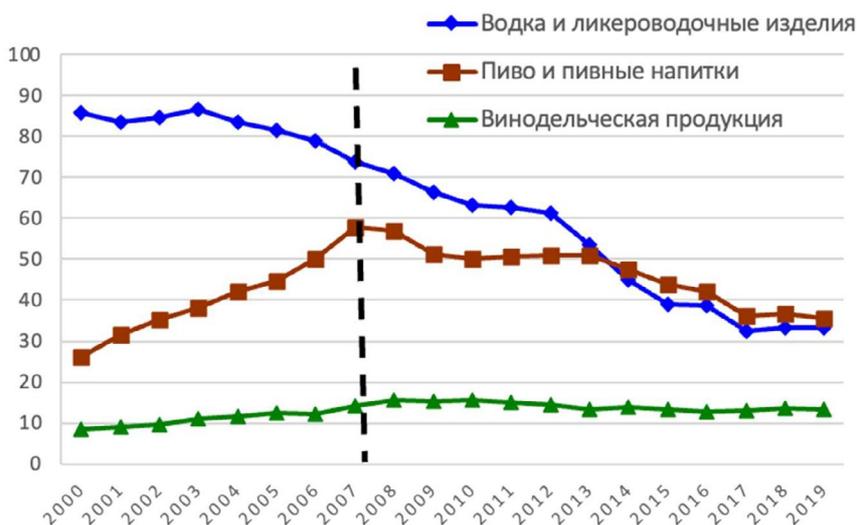
В новом тысячелетии в России складывается иная модель потребления алкоголя. Наиболее характерными приметам этого времени стало устойчивое снижение душевого потребления водки и ликеро-водочных изделий, сопровождаемое ростом потребления пива. Последнее стало результатом начавшейся в 1995 г. в России десятилетней «пивной революции». Именно в это время вводятся запреты на рекламу водки на телевидении, начинается массированная реклама пива, но главное — в Россию приходят глобальные производители с серьезными инвестициями, они приобретают лучшие российские предприятия, переоснащают их импортным оборудованием и резко повышают качество изготавливаемого пива. В итоге по сравнению с советским временем потребление этого напитка вырастает в два-три раза. Продажи вина в постсоветский период тоже росли, но куда более скромными темпами, по-прежнему сильно отставая от советского уровня. Опыт горбачевской реформы с вырубанием виноградников здесь оказался наиболее разрушительным, и восстановить виноделие даже в прежнем его объеме за короткий период не удалось.

Если посмотреть на продажи основных алкогольных напитков населению, то, по данным Росстата, пересчитанным в литры чистого алкоголя в соответствии с методикой Минздрава России, в течение всего периода с начала тысячелетия происходит устойчивое снижение продаж водки и ликеро-водочных изделий. Это сокращение оказывается более чем двукратным — с 85,8 до 33,2 млн дкл (–61%) — и происходит (вопреки обычным трендам) даже в годы экономического роста. Более того, в 2000-е годы снижение объема продаж наблюдалось на фоне не удорожания, а, напротив, значительного удешевления водки в относительных ценах. Так, если в 1998 г. на среднюю российскую зарплату можно было приобрести 51 бутылку водки, то в 2011 г. — уже 189 бутылок водки, то есть в 3,7 раза больше; парадоксальным образом сокращение продаж водочных изделий наблюдалось в условиях их возрастающей экономической доступности.

Продажи пива и пивных напитков в годы экономического роста (2000—2007 гг.), наоборот, выросли более чем в два раза — с 26,2 до 57,8 млн дкл чистого алкоголя, затем стабилизировались в 2007—2013 гг., чтобы с 2014 г. начать движение в обратную сторону и снизиться в итоге до 35,7 млн дкл (–38%). Примечательно, что, несмотря на это снижение, с 2014 г. продажи пива в чистом алкоголе впервые в истории России опередили продажи водки и ликеро-водочных изделий и с тех пор понемногу их превышают.

Что касается вина и винодельческой продукции в целом — после устойчивого и почти двукратного роста в 2000—2010 гг., начавшегося с относительно низкой базы в 8,5 млн дкл и дошедшего до 15,7 млн дкл в абсолютном алкоголе (+85%), началось снижение продаж — до 13,4 млн дкл к 2019 г. (–15%). Таким образом, потребление вина проявило большую устойчивость в кризисный период, однако даже с учетом этого к 2019 г. по объему продаж в пересчете на чистый алкоголь оно примерно в 2,5 раза уступает двум основным категориям алкогольных напитков (см. рис. 6).

Рис. 6. Розничные продажи водки, пива и вина в России в 2000—2019 гг., в млн дкл чистого алкоголя⁸

Итак, к середине 2000-х годов сложилась новая постсоветская модель потребления алкоголя, где душевое потребление водки и ликеро-водочных изделий опустилось ниже 5 л на душу взрослого населения в год, а потребление пива выросло примерно до 4 л, вплотную приблизившись к пока еще лидирующей водке. Душевое потребление вина, наоборот, снизилось по сравнению с поздним советским временем примерно до 1 л.

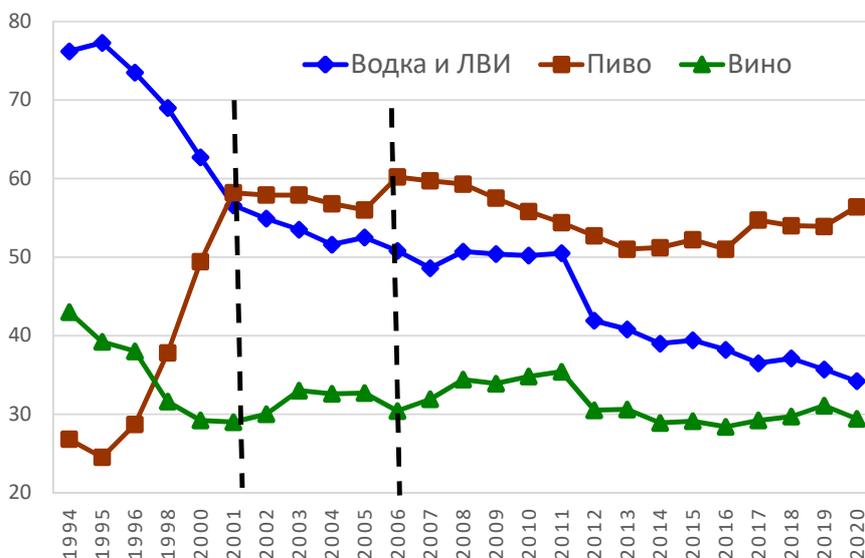
К концу 2010-х годов под воздействием экономической рецессии и кризисов, на которые накладываются множественные ограничительные меры длительной антиалкогольной политики, уровень потребления алкоголя снижается, прежде всего за счет водки и ликеро-водочных изделий, и модель среднедушевого потребления алкоголя в пересчете на чистый алкоголь принимает следующий вид: примерно на 2,5 л водки и ликеро-водочных изделий приходится 2,7 л пива и все тот же 1 л вина. Здесь мы фиксируем временную стабилизацию структуры потребления, за которой следует ожидать новых изменений.

⁸ Источник: данные Росстата, расчеты автора.

Динамика доли потребителей основных алкогольных напитков

Подтверждаются ли описанные статистические тренды опросными данными RLMS-HSE? Рассмотрим динамику доли потребителей основных алкогольных напитков за 30 дней, предшествующих опросу (доли рассчитываются от текущих потребителей алкоголя). На рисунке 7 видно, что доля потребителей водки и ликеро-водочных изделий снижается с 1995 по 2007 гг. более чем в полтора раза — с 77,3% до 48,6%. В 2008—2011 гг. эта доля временно стабилизируется, чтобы с 2012 г. продолжить снижение и достичь к 2020 г. своего исторического минимума (34,2%). За весь рассматриваемый период доля потребителей водки уменьшилась очень существенно — в 2,3 раза. Начало этому снижению в 1995 г., по всей видимости, положило введение запрета на рекламу водочных изделий на телевидении, игравшем в тот период роль основного СМИ. Этот тренд не прерывался даже в период экономического роста, сопряженного с увеличением реальных располагаемых доходов населения и повышением экономической доступности водки в связи с ее удешевлением относительно средних заработных плат.

Рис. 7. Доля потребителей основных алкогольных напитков в России в 1994—2020 гг., в % от текущих потребителей алкоголя⁹

Доля потребителей пива в 1995—2001 гг., напротив, выросла в 2,4 раза (с 24,5% до 58,2%), впервые (и, видимо, навсегда) превысив при этом долю потребителей водки. После этого символического превращения России из «водочной» страны в «пивную» рост прекратился, и доля потребителей пива стабилизировалась в 2001—2006 гг., а затем даже снизилась в 2007—2013 гг. (с 60,2% до 51,0%). На динамике показателей сказались, в том числе, ограничения начавшейся анти-

⁹ Источник: данные RLMS-HSE.

алкогольной реформы, включая ступенчатый запрет на рекламу пива в средствах массовой информации. Однако после временной стабилизации в 2013—2016 гг. и отмены части ограничений на рекламу пива в связи с Чемпионатом мира по футболу в 2018 г. эта доля вновь возросла, достигнув к 2020 г. 56,4 % текущих потребителей алкоголя и вернувшись к уровню начала 2010-х годов.

Что же касается вина, то здесь качается свой маятник — в 1994—2001 гг. доля его потребителей заметно снижается (с 43,0 % до 29,0 %, в 1,5 раза), в 2000-е годы — постепенно возрастает, доходя к 2011 г. до отметки в 35,4 %, а с 2012 г., с началом рецессии и кризиса, — вновь опускается до 29 %—30 %, то есть до уровня начала 2000-х годов, и «замирает» на этом уровне.

При сопоставлении данных Росстата по объему розничных продаж в литрах чистого алкоголя и опросных данных RLMS-HSE по доле потребителей основных алкогольных напитков несложно заметить сходство фиксируемых волнообразных тенденций — с некоторыми смещениями во времени. Мы видим, что доля потребителей водки и ликеро-водочных изделий за весь период снизилась в большей степени, чем уровень их душевого потребления. Вероятно, это происходит вследствие отказа от водки части потребителей, которые и раньше потребляли ее относительно немного (в первую очередь — представителей молодых возрастных групп).

Душевой уровень потребления вина в 2000—2008 гг. вырос несколько больше, чем доля его потребителей. Это означает, что часть любителей вина несколько увеличили его потребление, а новых приверженцев оказалось меньше. Наконец, доля потребителей пива по итогам всего периода увеличилась по обоим показателям примерно в равной пропорции. Но сначала (во второй половине 1990-х годов) наблюдается более значительный рост доли потребителей, а затем (в первой половине 2000-х годов) более весомо возрастают объемы потребления. Это означает, что в начальный период «пивной революции» второй половины 1990-х годов рост потребления пива происходил в большей степени за счет новых потребителей, привлеченных рекламой и более высоким качеством напитка, а затем (в 2001—2007 гг.) повышение обеспечивалось преимущественно растущим потреблением тех, кто был приобщен к пиву ранее.

Уход от «северного» стиля потребления алкоголя

Во многих исследованиях Россия привычно предстает как страна с выраженным «северным» стилем потребления алкоголя [Popova et al. 2007; Volkov et al. 2012], причем этот стиль распространяется на все доходные и образовательные группы [Денисова, 2010]. Что характеризует этот стиль? Во-первых, это высокий уровень общего потребления алкоголя. По данному показателю к началу 2010-х годов Россия занимала четвертое место в мире, в два с половиной раза превышая среднемировой уровень и уступая лишь нескольким странам из бывшего СССР [WHO, 2014]. Во-вторых, речь идет о преобладании крепких спиртных напитков, доля которых в России почти в три раза превышала среднемировой показатель. В-третьих, для данного стиля характерно распространение чрезмерного потребления алкоголя, особенно среди мужчин, и связанная с ним повышенная смертность, что тоже характерно для России [Haworth, Simpson, 2004; Leon, Shkolnikov, McKee, 2009].

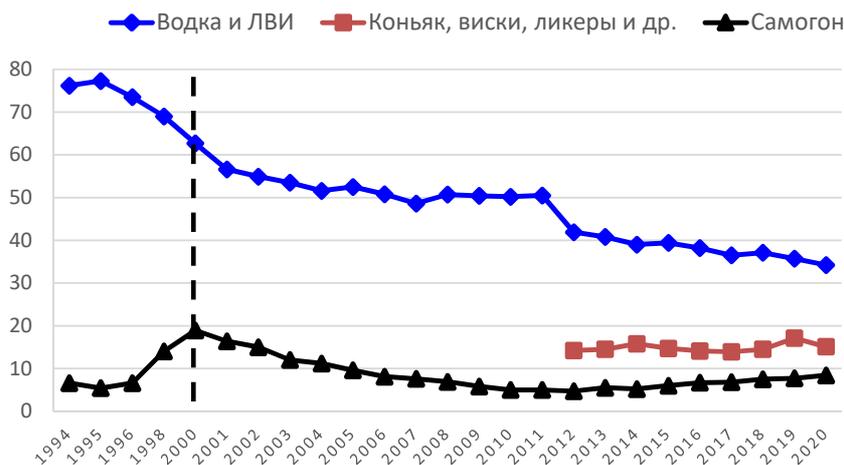
Ключевой показатель здесь — доля крепких алкогольных напитков. Ранее мы уже убедились в устойчивом снижении потребления водки — и по статистическим, и по опросным данным. Данные RLMS-HSE позволяют дополнить картину свидетельствами о потреблении самогона, которые отсутствуют в официальной статистике. Речь идет о дистиллированных крепких алкогольных напитках, изготавливаемых в домашних условиях. Учитывать их важно, поскольку в самые разные исторические периоды растущее производство домашнего самогона нередко компенсировало (по крайней мере частично) уменьшение продаж дорогой официальной водки.

В потреблении самогона обнаруживается важный перелом на рубеже нового тысячелетия. До этого, во второй половине 1990-х годов, доля потребителей самогона заметно возросла — с 5—6 % до 19 %, — компенсируя снижение доли потребителей водки, часть которых, видимо, могла переключаться с одного крепкого напитка на другой. А после 2000 г. начинается устойчивое сокращение этой доли с возвращением в 2010 г. к первоначальным 5 % текущих потребителей [Радаев, 2016; Radaev, 2016] (см. рис. 9). Правда, в 2010-е годы ситуация начала меняться. После 2012 г., когда доля потребителей самогона достигла своего исторического минимума (4,7 %), она начала понемногу расти и увеличилась к 2020 г. до 8,4 %. Рост популярности самогона в эти кризисные годы, помимо падения доходов населения, был вызван удорожанием водки в результате повышения ставки акцизов (прежде всего, в предшествующие годы) и активным легальным предложением на рынке дешевого оборудования для перегонки самогона. Однако даже после этого оживления самогон остался далек от своей былой популярности. По объему выпитого, пересчитанного в чистый алкоголь, за период 2006—2020 гг. самогон составил 8,9 % (по опросным данным), а объем выпитой водки к объему самогона в этот период соотносились примерно как 5 к 1.

Все это означает, что для российского населения потребление самогона частично замещало снижающееся потребление водки лишь до 2000 г., а дальше, по крайней мере до 2016 г., потребление промышленного и домашнего крепкого алкоголя по доле потребителей снижалось параллельно. И в отличие, скажем, от периода горбачевской антиалкогольной кампании, сокращение потребления водки в течение длительного периода не компенсировалось растущим потреблением самогона — и по статистическим данным об уровне потребления, и по опросным данным о доле потребителей.

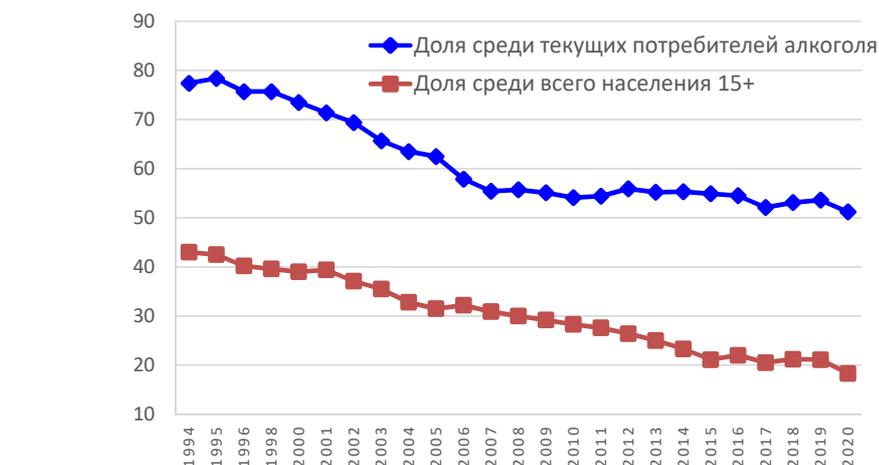
Следует проверить, не перекрывается ли уменьшение роли традиционных крепких напитков (водки и самогона) ростом более престижного крепкого алкоголя (преимущественно импортного). С 2012 г. в анкетах RLMS-HSE была выделена отдельная позиция для подобных напитков: упоминаются коньяк, виски, ликеры и прочие напитки, в число которых со всей очевидностью попадают также джин, ром, текила. В течение ряда кризисных лет звучали сообщения о росте их продаж на контрасте с падающими продажами водки и ликеро-водочных изделий. Вопреки ожиданиям, по опросным данным, доля потребителей этих напитков (в основном премиального уровня) остается с 2012 г. стабильной — на уровне 14 %—15 % (см. рис. 8). Что касается объема потребления, по тем же опросным данным, к которым в данном случае следует относиться с осторожностью, в 2012—2020 гг. доля этих напитков в суммарном потреблении не превышала 1 %.

Рис. 8. Доля потребителей водки, самогона и других крепких алкогольных напитков среди текущих потребителей в России в 1994—2020 гг., в %¹⁰

В результате, на всем периоде наблюдения (с 1994 по 2020 гг.) происходит устойчивое снижение суммарной доли потребителей крепких алкогольных напитков (включая водку, самогон и другие крепкие напитки). Среди текущих потребителей алкоголя их доля уменьшилась более чем в полтора раза — с 78% до 51% (с некоторым замедлением после 2007 г.). Среди всего населения в возрасте 15 лет и старше снижение было более равномерным, но в то же время оказалось еще более заметным: с 43% до 18%, то есть более чем двукратным (см. рис. 9).

Рис. 9. Доля потребителей крепких алкогольных напитков среди текущих потребителей и всего населения 15 лет и старше в России в 1994—2020 гг., в %¹¹

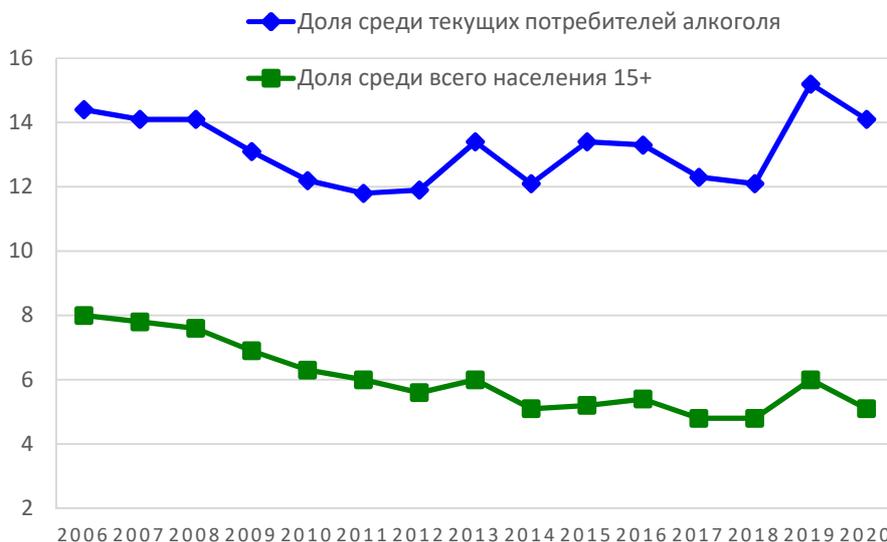
¹⁰ Источник: данные RLMS-HSE.

¹¹ Источник: данные RLMS-HSE.

Особое внимание исследователи потребления алкоголя и эксперты, занимающиеся алкогольной политикой, традиционно уделяют тем, кто потребляет большие объемы алкоголя, создавая риски для собственного здоровья и потенциальные социальные проблемы для окружающих. Сохранение или увеличение размера этой группы способно серьезным образом снизить положительные эффекты от общего уменьшения доли потребителей и объема потребления алкоголя. Для решения задачи по оценке такого индикатора мы используем показатель «чрезмерного» (heavy) потребления алкоголя. Его вычисление дифференцировано по гендерному признаку и составляет 800 и более граммов чистого алкоголя за последние 30 дней для мужчин и 400 и более граммов чистого алкоголя — для женщин [Радаев, Рощина, 2019]. Напомним, что рассчитать этот показатель мы можем лишь с 2006 г., когда в RLMS-HSE появляются данные по объему потребления алкоголя.

На рисунке 10 видно, что доля чрезмерных потребителей алкоголя остается относительно стабильной, в основном размещаясь в интервале от 12% до 14% текущих потребителей. Если же мы берем всех респондентов в возрасте от 15 лет и старше, то доля чрезмерных потребителей за период 2006—2020 гг. уменьшается — с 8% до 5%. Однако это происходит в большей степени не потому, что текущие потребители алкоголя сокращают объемы выпитого, а вследствие сокращения доли этих потребителей.

Рис. 10. Доля чрезмерных потребителей алкоголя среди текущих потребителей и всего населения в возрасте 15 лет и старше в России в 1994—2020 гг., в %¹²

Итак, «северный» стиль потребления алкоголя, с которым привычно ассоциируется Россия, сегодня постепенно отступает в силу развития альтернативных

¹² Источник: данные RLMS-HSE.

паттернов. Устойчиво снижающееся потребление крепких алкогольных напитков как промышленного, так и (до последнего времени) домашнего производства, вносит свой вклад в возрастающую гетерогенность. Подобные изменения полностью соответствуют глобальным трендам в потреблении алкоголя, когда страны, традиционно относившиеся к «северному» стилю потребления, движутся в направлении смешанных центрально-европейского и средиземноморского стилей с характерным для них более активным потреблением менее крепких алкогольных напитков [Popova et al., 2007; Mäkelä, Tigerstedt, Mustonen, 2012].

Можно заключить, что в России складывается более прогрессивная по международным меркам структура потребления алкоголя. Однако пока она далека от «идеальной» структуры, фиксирующей соотношение, которое, по мнению международных экспертов, минимизирует негативные последствия. При такой структуре в общем потреблении алкогольных напитков пиво должно составлять примерно 50 %, вино — 35 %, а крепкие напитки — 15 % [Edwards et al., 1994]. Для приближения к этой структуре доли потребляемого пива и вина в России должны еще возрасти за счет дальнейшего сокращения потребления крепких алкогольных напитков.

Основные выводы

В статье продемонстрировано, что статистические данные по объему потребления алкоголя и опросные данные по доле его потребителей эффективно дополняют друг друга. При этом по абсолютным значениям данные, полученные из разных источников (Росстата, ВОЗ и опросов RLMS-HSE), часто расходятся, но динамика и структура потребления алкогольных напитков отражается сходным образом, что наиболее важно для целей данной работы.

При анализе за достаточно длительный период потребление алкоголя обнаруживает циклический характер, когда повышательные и понижительные волны последовательно сменяют друг друга. Это касается и легального, и нелегального алкоголя, объемы потребления которых в отдельные периоды изменялись в противоположных направлениях, свидетельствуя о частичном замещении, а в другие — двигались параллельно. В целом, в России обнаруживается большой по мировым меркам размах колебаний потребления алкоголя за относительно короткий период времени [Немцов, Шелыгин, 2014].

Вопреки стереотипным представлениям, потребление алкоголя вырастает не в периоды экономических кризисов, а в более благополучные годы; в кризисные периоды оно, наоборот, снижается. При этом сокращение продаж легального алкоголя, как правило, компенсируется ростом оборота нелегального алкоголя, но замещение происходит не в полном объеме.

По мере роста материального благосостояния населения СССР в 1960—1970-е годы потребление легального алкоголя устойчиво повышалось, и к середине 1980-х годов достигло своего пикового значения, увеличившись втрое. В результате жесткой горбачевской антиалкогольной реформы потребление алкоголя снизилось в 2,5 раза, а затем началась новая повышательная волна с кратковременными снижениями в периоды кризисов 1995 и 1998 гг., к 2007 г. почти вернувшая потребление к позднему советскому уровню.

Со второй половины 2000-х годов, с началом череды экономических кризисов и одновременным разворачиванием ограничительных антиалкогольных мер, наблюдается снижение потребления алкоголя и по его объему, и по доле потребителей (примерно на 35%—40%). Доля абстинентов, совсем не потребляющих алкоголь, постепенно стремится к половине всего взрослого российского населения, адвигающаяся навстречу доля текущих потребителей опускается ниже 50% и продолжает снижаться. В то же время уровень потребления среди пьющего (в том числе, среди чрезмерно пьющего) населения снижается намного медленнее. Тем не менее, в конце 2010-х годов Россия наконец покинула группу стран-лидеров по потреблению алкоголя на душу населения.

Важно, что каждый новый алкогольный цикл не возвращает ситуацию в исходную точку, но сопровождается сдвигами в структуре потребляемых напитков. В 1960—1980-е годы сформировалась советская модель потребления алкоголя, которая идеально укладывалась в «северный» стиль потребления. В структурном отношении для нее были характерны следующие черты: безусловное доминирование водки и ликеро-водочных изделий, заметное количество отечественного и импортного вина разного (но в основном невысокого) качества и умеренное потребление дешевого отечественного пива откровенно низкого качества. Дорогая и высококачественная водка дополнялась значимым объемом домашнего самогона, часть которого легально производилась для нужд собственного потребления и отличалась неплохим качеством, а другая часть (часто более низкого качества) продавалась на нелегальном рынке.

К 2010-м годам, после ряда экономических и политических шоков, выстроилась новая — постсоветская — модель потребления алкоголя. В 2000-е годы снижается доля водки, несмотря на ее временное относительное удешевление. Существенно возрастает качество и количество потребляемого пива, которое перегоняет водку сначала по доле потребителей, а потом и по объему потребления в литрах чистого алкоголя. Значительно снижается и стабилизируется на относительно низком уровне потребление вина, выросшего в качестве, но сильно подорожавшего в относительных ценах. Наконец, на исторически низкой отметке стабилизируется потребление домашнего алкоголя с небольшой тенденцией к росту во второй половине 2010-х годов. Таким образом, в новом тысячелетии наблюдается явный отход России от привычного с советского времени «северного» стиля потребления, когда снижение продаж водки и ликеро-водочных изделий уже не компенсируется ростом производимого самогона, а прочие (преимущественно импортные) крепкие напитки не занимают сколько-нибудь значимую долю — по крайней мере пока.

К концу 2010-х годов наблюдается стабилизация и даже некоторый рост потребления алкоголя. Находимся ли мы на пороге новой повышательной волны — покажет будущее. Характер новой волны будет зависеть от множества обстоятельств: насколько глубокими будут последствия экономических санкций, введенных с конца февраля 2022 г.; как поведут себя по мере своего взросления более молодые поколения, которые меньше своих предшественников потребляли алкоголь; как будет строиться дальнейшая акцизная политика, подталкивающая рост розничных цен на алкогольную продукцию; наконец, как повлияют на потребление алкоголя эпидемиологические шоки — по первым данным в ходе эпидемии коронавируса

продажи крепких алкогольных напитков выросли, продажи вина сократились, а продажи пива демонстрировали неоднозначные колебания [Немцов, Гридин, 2021]. Окончательные выводы относительно будущей динамики потребления алкоголя в России делать еще слишком рано — вопрос о том, вверх или вниз направится последующая волна, пока остается открытым.

Список литературы (References)

Андриенко Ю. В., Немцов А. В. Оценка индивидуального спроса на алкоголь // Научные труды ЦЭФИР/РЭШ. 2006. № 89. URL: <https://www.nes.ru/files/Preprints-resh/WP89-rus.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).

Andrienko Y. V., Nemtsov A. V. (2006) Estimation of Individual Demand for Alcohol. *CEFIR / NES Working Papers*. No. 89. URL: <https://www.nes.ru/files/Preprints-resh/WP89-rus.pdf> (accessed: 03.02.2022). (In Russ.)

Денисова И. Потребление алкоголя в России: влияние на здоровье и смертность // Аналитические отчеты и разработки ЦЭФИР/РЭШ. 2010. № 31. URL: <https://www.nes.ru/files/research/cefir/policypapers/PP31.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).

Denisova I. (2010) Consumption of Alcohol in Russia: Effect on Health and Mortality. *CEFIR / NES Analytical Reports and Papers*. No. 31. <https://www.nes.ru/files/research/cefir/policypapers/PP31.pdf> (accessed: 03.02.2022) (In Russ.)

Котельникова З. В. Взаимосвязь практик потребления алкоголя с социальной структурой современной России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 105—112.

Kotelnikova Z. V. (2015) Interrelations of Practices of Alcohol Consumption and Social Structure. *Sociological Studies*. No. 4. P. 105—112. (In Russ.)

Немцов А. В. Алкогольная история России: новейший период. М.: Libroком, 2009. Nemtsov A. V. (2009) *Alcoholic History of Russia: The New Times*. Moscow: Librocom. (In Russ.)

Немцов А. В., Шелыгин К. В. Потребление алкоголя в России: 1956—2012 гг. // Вопросы наркологии. 2014. № 5. С. 3—12.

Nemtsov A. V., Shelygin K. V. (2014) Alcohol Consumption in Russia: 1956—2012. *Issues of Narcology*. No. 5. P. 3—12. (In Russ.)

Немцов А. В., Гридин Р. В. Потребление алкоголя во время эпидемии коронавируса в России // Общественное здоровье. 2021. Т. 1. № 2. С. 7—11.

Nemtsov A. V., Gridin R. V. (2021) Alcohol Consumption during the COVID Pandemic in Russia. *Public Health*. Vol. 1. No. 2. P. 7—11. (In Russ.)

Радаев В. В. Не самогонем единым: структура и факторы потребления домашнего алкоголя в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 5. С. 121—141.

Radaev V. V. (2016) Not Samogon Alone: Drinking Patterns and Factors Affecting Consumption of Homemade Alcohol in Contemporary Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 19. No. 5. P. 121—141. (In Russ.)

Радаев В. В. Королевство кривых зеркал: эволюция рынков нерегистрируемого алкоголя в России в 1980—2010-е годы // Мир России. 2018. № 3. С. 28—60. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-28-60>.

Radaev V. V. (2018) Kingdom of Crooked Mirrors: The Evolution of Illegal Alcohol Markets in Russia in 1980—2010s. *Universe of Russia*. No. 3. P. 28—60. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-3-28-60>. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. 2-е изд. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2020а. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2160-1>.

Radaev V. V. (2020a) Millennials: How Russian Society Is Being Changed. 2nd ed. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2160-1>. (In Russ.)

Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) // Социологический журнал. 2020b. Т. 26. № 4. С. 31—60. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641>.

Radaev V. V. (2020b) Divide of the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (The Ending). *Sociological Journal*. Vol. 26. No. 4. P. 31—60. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641>. (In Russ.)

Радаев В. В., Котельникова З. В. Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России // Экономическая политика. 2016. № 5. С. 92—117.

Radaev V. V., Kotelnikova Z. V. (2016) Changes in the Structure of Alcohol Consumption in the Context of the State Alcohol Policy in Russia. *Economic Policy*. No. 5. P. 92—117. (In Russ.)

Радаев В. В., Рощина Я. М. Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2019. № 48. С. 7—57.

Radaev V. V., Roschina Ya. M. (2019) Measuring Alcohol Consumption as a Methodological Problem. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modelling (Sociology: 4M)*. No. 48. P. 7—57. (In Russ.)

Разводовский Ю. Е. Влияние макроэкономических факторов на потребление алкоголя в России // Собириология. 2021. Т. 27. № 1. С. 49—54.

Razvodovsky Yu. E. (2021) Impact of the Macroeconomic Factors on Alcohol Consumption in Russia. *Sobriology*. Vol. 27. No. 1. P. 49—54. (In Russ.)

Рощина Я. М., Богданов М. Б. Что влияет на потребление алкоголя и табака: обзор экономических, социологических концепций и эмпирических результатов // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 4. С. 134—171.

Roshchina Ya. M., Bogdanov M. B. (2018) What Is Affecting the Consumption of Alcohol and Tobacco: A Review of Economic and Sociological Concepts and Empirical Results. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 19. No. 4. P. 134—171. (In Russ.)

Тапилина В. Сколько пьет Россия? Объем, динамика и дифференциация потребления алкоголя // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 85—94.

Tapilina V. (2006) How Much Does Russia Drink? The Volume, Dynamic and Differentiation of Alcohol Consumption. *Sociological Studies*. No. 2. P. 85—94. (In Russ.)

Bhattacharya J., Gathmann C., Miller G. (2012) The Gorbachev Anti-Alcohol Campaign and Russia's Mortality Crisis. *IZA Discussion Paper*. No. 6783. <https://doi.org/10.1257/app.5.2.232>.

Edwards G., Anderson P., Babor T.F., Casswell S., Ferrence R., Giesbrecht N., Godfrey C., Holder H. D., Lemmens P., Mäkelä K., Midanik L., Norström T., Österberg E., Romelsjö A., Room R., Simpura J., Skog O.J. (1994) *Alcohol Policy and the Public Good*. Oxford, MA: Oxford University Press.

Gil A., Polikina O., Koroleva N., McKee M., Tomkins S., Leon D.A. (2009) Availability and Characteristics of Nonbeverage Alcohols Sold in 17 Russian Cities in 2007. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. Vol. 33. No. 1. P. 79—85. <https://doi.org/10.1111/j.1530-0277.2008.00813.x>.

Haworth A., Simpson R. (2004) *Moonshine Markets: Issues in Unrecorded Alcohol Beverage Production and Consumption*. New York, NY: Brunner-Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203503560>.

Kilian C., Manthey J., Probst C., Brunborg G.S., Bye T.K., Ekholm O., Kraus L., Moskalewicz J., Sieroslawski J., Rehm J. (2020) Why Is Per Capita Consumption Underestimated in Alcohol Surveys? Results from 39 Surveys in 23 European Countries. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 55. No. 5. P. 554—563. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agua048>.

Kotelnikova Z., Radaev V. (2017) Recomposition and Levelling of Consumption Expenditures Across Four Economic Shocks in Russia, 1994—2014. *International Journal of Consumer Studies*. Vol. 41. No. 4. P. 439—448. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12372>.

Kraus L., Room R., Livingston M., Pennay A., Holmes J., Törrönen J. (2019) Long Waves of Consumption or a Unique Social Generation? Exploring Recent Declines in Youth Drinking. *Addiction Research and Theory*. Vol. 28. No. 3. P. 183—193. <https://doi.org/10.1080/16066359.2019.1629426>.

Leon D.A., Shkolnikov V.M., McKee V. (2009) Alcohol and Russian Mortality: A Continuing Crisis. *Addiction*. Vol. 104. No. 10. P. 1630—1636. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02655.x>.

Livingston M., Callinan S. (2015) Underreporting in Alcohol Surveys: Whose Drinking is Underestimated? *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. Vol. 76. No. 1. P. 158—164. <https://doi.org/10.15288/jsad.76.1.158>.

Mäkelä P., Tigerstedt C., Mustonen H. (2012) The Finnish Drinking Culture: Change and Continuity in the Past 40 Years. *Drug and Alcohol Review*. Vol. 31. No. 7. P. 831—840. <https://doi.org/10.1111/j.1465-3362.2012.00479.x>.

Moskalewicz J., Simpura J. (2000) The Supply of Alcoholic Beverages in Transitional Conditions: The Case of Central and Eastern Europe. *Addiction*. Vol. 95. P. 505—522.

- Nemtsov A. V. (2004) Alcohol Consumption in Russia: Is Monitoring Health Conditions in the Russian Federation (RLM) Trustworthy? *Addiction*. Vol. 98. No. 3. P. 386—387. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2004.00651.x>.
- Neufeld M., Rehm J. (2018) Newest Policy Developments Regarding Surrogate Alcohol Consumption in Russia. *International Journal of Drug Policy*. Vol. 54. P. 58—59. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2017.11.013>.
- Popova S., Rehm J., Patra J., Zatonski W. (2007) Comparing Alcohol Consumption in Central and Eastern Europe to Other European Countries. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 42. No. 5. P. 465—473. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agl124>.
- Radaev V. (2016) Divergent Drinking Patterns and Factors Affecting Homemade Alcohol Consumption (The Case of Russia). *International Journal of Drug Policy*. Vol. 34. P. 88—95. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2016.04.016>.
- Radaev V., Roshchina Ya. (2019) Young Cohorts of Russians Drink Less: Age-Period-Cohort Modelling of Alcohol Use Prevalence, 1994—2016. *Addiction*. Vol. 114. No. 5. P. 823—835. <https://doi.org/10.1111/add.14535>.
- Skog O. J. (1986) The Long Waves of Alcohol Consumption: A Social Network Perspective on Cultural Change. *Social Networks*. Vol. 8. P. 1—32.
- Treisman D. (2008) Alcohol and Early Death in Russia: The Political Economy of Self-Destructive Drinking. *Working Paper WP3/2008/02*. Moscow: Higher School of Economics.
- Tremblay V. (1997) Soviet and Russian Statistics on Alcohol Consumption. In: Bobadilla J. L., Costello C. A., Mitchell F. (eds.) *Premature Death in the New Independent States*. Washington, DC: National Academy Press. P. 220—238.
- Volkov A. V., Kholdin V. N., Gorbachev I. A. et al. (2012) Russia. In: International Center for Alcohol Policies (ICAP) (ed.) *Producers, Sellers, and Drinkers: Studies of Noncommercial Alcohol in Nine Countries*. Washington, DC: International Center for Alcohol Policies. P. 49—53.
- Vroublevsky A., Harwin J. (1998) Russia. In: Grant M. (ed.) *Alcohol and Emerging Markets: Patterns, Problems, and Responses*. Philadelphia, PA: Brunner and Mazel. P. 203—222. <https://doi.org/10.4324/9780203778142>.
- WHO (2014) Global Status Report On Alcohol and Health. Geneva: World Health Organization. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/global-status-report-on-alcohol-and-health-2014> (accessed: 03.02.2022).
- WHO (2019) Alcohol Policy Impact Case Study. The effects of alcohol control measures on mortality and life expectancy in the Russian Federation. WHO Regional Office for Europe. URL: <https://www.euro.who.int/en/publications/abstracts/alcohol-policy-impact-case-study-the-effects-of-alcohol-control-measures-on-mortality-and-life-expectancy-in-the-russian-federation-2019> (accessed: 03.02.2022).

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.2218](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2218)

О. В. Забелина

КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ГЛАЗАМИ ПАЦИЕНТОВ: ИТОГИ НЕЗАВИСИМОГО ОНЛАЙН-ОПРОСА. ЧАСТЬ II

Правильная ссылка на статью:

Забелина О. В. Качество медицинской помощи глазами пациентов: итоги независимого онлайн-опроса. Часть II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 352—372. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2218>.

For citation:

Zabelina O. V. (2022) The Health Care Quality through the Patient's Eyes: An Independent Online Survey's Results. Part II. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 352–372. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2218>. (In Russ.)

КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ГЛАЗАМИ ПАЦИЕНТОВ: ИТОГИ НЕЗА- ВИСИМОГО ОНЛАЙН-ОПРОСА. ЧАСТЬ II

ЗАБЕЛИНА Оксана Викторовна — кан-
дидат экономических наук, основатель
и администратор пациентской группы
«В движении», Независимый исследо-
ватель, Ростов-на-Дону, Россия
E-MAIL: ksenz2001@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1982-9583>

THE HEALTH CARE QUALITY THROUGH THE PATIENT'S EYES: AN INDEPENDENT ONLINE SURVEY'S RESULTS. PART II

Oxana V. ZABELINA¹ — *Cand. Sci. (Econ.),
Founder and Administrator of the "In Mo-
tion" patient support group*
E-MAIL: ksenz2001@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1982-9583>

¹ Independent Researcher, Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Участие пациентов в оцен-
ке качества медицинской помощи
стало важной вехой в развитии высо-
коэффективных систем здравоохра-
нения. После рассмотрения в первой
части исследования теоретических
аспектов эволюции как самого поня-
тия качества медицинской помощи
(Забелина О. Качество медицинской
помощи глазами пациентов: итоги
независимого онлайн-опроса. Часть I
// Мониторинг общественного мнени-
я: экономические и социальные перемены.
2022. № 2. С. 342—358.
[https://doi.org/10.14515/monitoring.
2022.2.2035](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2035)), так и роли пациентов
в этом процессе, в настоящей статье
автор уделяет внимание непосред-
ственно опросу пациентов и анализу
полученных результатов. Кроме того,
поскольку методология составления
partisипативного опроса, как и про-
цесс проведения опросов в сфере
здравоохранения вообще, имеют
определенную специфику, автор счел
необходимым детально осветить эти
вопросы в данной части работы.

Анализ результатов онлайн-опроса
позволил выявить наиболее важные
для пациентов критерии качества
медицинской помощи, обозначить
уровень их оценки в современной си-

Abstract. The patients' participation in
the health care quality evaluation has
become an important milestone for the
high-performing health care systems'
development. The theoretical aspects
of the health care quality concept evolu-
tion and the patients' role in this process
were considered in the first part of this
study (Zabelina O.V. (2022) The Health
Care Quality through the Patient's Eyes:
An Independent Online Survey Results.
Part I. Monitoring of Public Opinion:
Economic and Social Changes. No. 2.
P. 342–358. [https://doi.org/10.14515/
monitoring.2022.2.2035](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2035)). In this article,
the author analyses the results of the
patient survey. In addition, since the
methodological approaches to the par-
ticipatory surveys and surveys related to
the health care sector in general have
certain specifics, the author covers these
issues in detail in this part of the study.

The analysis of the online-survey results
allowed to identify the most important
criteria for the quality of medical care
from the patients' perspective and to
get their current estimates. Additionally,
the author evaluated level of the patients'
participation in this process. In several
cases, the issues covered in the survey
were similar to those included in the
polls held by the relevant government

стеме здравоохранения РФ и степень участия пациентов в этом процессе. Следует отметить, что в ряде случаев проблематика вопросов совпадала с темами мониторингов соответствующих государственных ведомств. Сравнение результатов независимого опроса и официальных мониторингов подтверждает объективность предоставляемой пациентами информации и подчеркивает необходимость их включения в процесс оценки качества медицинской помощи. Помимо результатов, напрямую относящихся к оценке качества, были получены данные, объясняющие распространенность негативного отношения к социологическим опросам пациентов, а также отказов от подачи жалоб на качество медицинской помощи. Проведенная работа стала не только способом независимой оценки качества медицинской помощи, но и апробацией возможности вовлечения пациентов в процесс улучшения здравоохранения и демонстрацией подхода пациентоцентрированности в действии.

Ключевые слова: пациентская группа, качество медицинской помощи, ОМС, лекарственное обеспечение, доступность медицинской помощи, опрос пациентов

agencies. Comparison of the results of an independent survey and an official monitoring confirms the objectivity of the information provided by patients and emphasizes the need for the patients' involvement in the process of the health care quality evaluation. Some of the data obtained in the survey explain the widespread negative attitude towards similar patient polls, as well as the refusal of the patients to file complaints about the health care quality. The study provided an independent evaluation of the health care quality, tested the capacity of the patients' involvement in the health care improvement, and demonstrated a patient-centered approach in practice.

Keywords: patient support group, health care quality, mandatory health insurance, drug supply, health care access, patient survey

Методология опроса

Идея независимой оценки качества медицинской помощи пациентами-хрониками возникла после многочисленных повторяющихся обсуждений одних и тех же проблем в рамках онлайн-сообщества «В движении» для пациентов с двигательными расстройствами¹. Поскольку состав участников сообщества,

¹ Пациентская группа «В движении» (<https://vk.com/club19098883>) основана в 2010 г. в социальной сети «ВКонтакте» как онлайн-сообщество людей, живущих с двигательными (экстрапирамидными) расстройствами или поддерживающих своих близких с этой проблемой. Общение в группе имеет цели обмена информацией, взаимной поддержки и поиска решений для общих проблем. У группы нет юридически зарегистрированного организационного статуса, она не аффилирована с какими-либо организациями, никем не финансируется и является добровольной некоммерческой инициативой пациентов.

как и формат его деятельности, типичен для групп онлайн-поддержки по ряду критериев (участники — граждане РФ, страдающие от хронического заболевания, нуждающиеся в постоянном лечении и т. д.), многие обсуждаемые в группе проблемы актуальны для групп поддержки по другим нозологиям. Кроме того, схожесть проблематики и пациентский характер инициативы позволил нам получить помощь в распространении опроса и привлечь к участию пациентов из других групп поддержки.

Из года в год обсуждаемые в сообществе вопросы не меняются: нет специалистов, сложно получить лекарства и лечение, трудно добраться до медицинского учреждения и многие другие. Со временем наиболее частые вопросы кластеризовались в темы, которые характеризуют проблемные области всей системы здравоохранения, а не единичную проблему пациента с конкретным заболеванием. На основе анализа упоминаемости того или иного вопроса и активности его обсуждения на форуме группы (количество сообщений) была составлена структура опроса, в которую в итоге вошло пять укрупненных тем:

- 1) сроки и условия получения помощи;
- 2) проблемы лекарственного обеспечения;
- 3) возможность выбора врача и медучреждения;
- 4) взаимодействие с врачом;
- 5) возможность и результативность контроля качества посредством обращений.

Кроме того, при составлении опросника мы использовали опыт стран, которые уже в значительной мере опираются на пациентский подход при оценке качества медицинской помощи. В этом отношении нас заинтересовал проект «Индикатор качества здравоохранения» (Health Care Quality Indicator HCQI), реализуемый с 2001 г. ОЭСР совместно с Фондом Содружества [Kelley, Hurst, 2006; The Commonwealth Fund, 2011]. В рамках данного проекта, осуществляемого экспертами из 23 наиболее развитых стран мира, обобщается успешный опыт в сфере измерения качества в здравоохранении и интегрируется в единый опрос для пациентов. Стоит отметить, что по итогам сравнения Комиссией по глобальному здоровью журнала *The Lancet* это не только самый полный из глобальных перечней показателей по здравоохранению, но и наиболее ориентированный именно на оценку качества и результативности: из 183 индикаторов 160 оценивают качество, из них 42 — результаты лечения. Указанная система оценки в наибольшей степени полагается на данные, полученные на основе оценки опыта пациентов [Kruk et al., 2018].

Опираясь на материалы проекта ОЭСР, мы использовали такие формулировки вопросов, которые позволяют максимально передать опыт пациентов и минимизировать возможный оценочный субъективизм. Например, одна из часто встречающихся тем в пациентских группах — недостаточная компетентность врачей. С точки зрения доминирующего в нашей стране понимания способности пациента к оценке медицинских аспектов работы системы здравоохранения пациент не способен оценить компетенции врача, потому что не обладает медицинским образованием. Из-за этого, например, в анкете НО («независимой оценки качества условий оказания услуг медицинскими организациями») пациентам предлагается оценить лишь базовую коммуникативную компетенцию «вежливость». Можно быть очень вежливым

и не сделать для пациента ничего, но в оценочной анкете пациент отметит высокую удовлетворенность отношением врача, потому что других критериев оценки ему просто не предоставляется. Тем не менее пациент способен описать свой опыт во время приема у врача значительно подробнее, и эта информация позволит специалистам получить более информативные результаты, чем удовлетворенность от вежливости. Так, не спрашивая напрямую о квалификации врача, мы просили людей ответить на такие, казалось бы, нерелевантные вопросы, как: поясняет ли врач результаты анализов, предоставляет ли возможность задавать вопросы, проводит ли ревизию лекарственных препаратов, информирует ли о доступных вариантах лечения и т. д. И, как упоминалось в первой части исследования², надежность метрик, полученных из подобного пациентского опыта, не уступает тем, которые принято считать в медицинском сообществе объективными.

Анкета состояла из 61 вопроса: 48 были обязательными, а необходимость ответа на 13 уточняющих вопросов была обусловлена наличием того или иного опыта. В 25 вопросах было предусмотрено поле «Другое», где респондент мог дать свою версию ответа в текстовой форме, что в ряде случаев позволило получить дополнительную информацию по теме. Кроме того, в конце опроса всем респондентам предлагалось оставить комментарии в текстовом поле. Опрос проводился в анонимной форме, персональные данные не собирались, о чем респонденты информировались заранее в момент приглашения к опросу. Гарантия анонимности имела принципиальное значение, поскольку многие пациенты не хотят афишировать сам факт наличия у них какого-либо заболевания, а также имеют опасения в части последствий для себя со стороны медицинского сообщества и чиновников.

Опрос проводился с февраля по апрель 2021 г. в форме онлайн-анкетирования среди пациентов-хроников, регулярно получающих медицинскую помощь по программе ОМС. Специальной селекции диагнозов или степеней тяжести состояний участников не производилось, тем не менее главным критерием приглашения к участию в опросе было членство в онлайн-группах поддержки людей с хроническими заболеваниями. Под хроническими заболеваниями понимались состояния, длящиеся более трех месяцев, поддающиеся контролю, но не полному излечению, представленные в МКБ-10. На основе классов МКБ-10 был составлен перечень заболеваний, по которому был произведен поиск групп поддержки в социальных сетях «ВКонтакте» и Facebook³. Пациентские группы для участия отбирались по трем основным критериям: наличию активной модерации, некоммерческому характеру деятельности и отсутствию аффилиации с медицинскими учреждениями и органами власти. Суммарно было охвачено 177 групп с общим количеством участников 824 000 человек.

В опросе принял участие 741 человек с хроническими заболеваниями из 76 регионов РФ, описанными более чем 80 диагнозами. Основная демографическая информация об участниках представлена на рисунке 1. Хотя выборка не кватрировалась по каким-либо признакам, характеристики участников в основном

² См. Забелина О. В. Качество медицинской помощи глазами пациентов: итоги независимого онлайн-опроса. Часть I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 342—358. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.203>.

³ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ.

совпадают с данными Росстата о населении РФ⁴. Тем не менее наблюдается ряд отличий, которые в определенной мере снижают репрезентативность. Во-первых, при общем совпадении представленности участников из разных возрастных групп с данными по стране, в выборке значительно меньше участников из группы в возрасте старше 65 лет (3,64% среди участников опроса, 15,8% в структуре населения РФ), что объясняется наименьшим количеством интернет-пользователей в данной возрастной категории и онлайн-форматом опроса. Второе отличие, которое важно отметить, — это гендерная представленность участников: 64,37% женщин и 12,15% мужчин среди участников опроса, 54% женщин и 46% мужчин — в структуре населения РФ. Подобное смещение выборки не уникально для опросов пациентов без квотирования и объясняется более высокой медицинской активностью женщин [Ходакова, Шильникова, Никифоров, 2013]. Ранее были выявлены гендерные различия в частоте посещения врача по поводу хронических заболеваний: женщины активнее в этом вопросе, для них значимым детерминантом физического функционирования выступает осознание личной ответственности за здоровье [Браун, Русинова, Панова, 2007]. Также женщины более восприимчивы к распознаванию и переживанию телесного дискомфорта, для них и социально, и культурно более приемлемо быть нездоровым и искать поддержки [Малаев, Коновалов, Филатова, 2018]. Представляет интерес и тот факт, что при низком уровне участия мужчин в опросе наблюдалась их более высокая протестная активность в комментариях к постам с приглашением к опросу в пациентских группах.

Рис. 1. Основные демографические данные об участниках опроса

⁴ По оперативным данным Росстата за 2021 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2021).

Результаты и обсуждение

Как уже отмечалось в первой части статьи, на сегодняшний день пациент имеет возможность оценить качество медицинской помощи в рамках ОМС только путем подачи личного обращения в медучреждение или соответствующее ведомство, также он может оценить условия оказания услуг медицинскими организациями путем заполнения анкеты НО. В ходе опроса мы попытались выяснить, используют ли пациенты эти возможности и какую обратную связь получают (см. рис. 2). Обращает внимание то, что больше половины пациентов никогда не пользовались возможностями оценки качества в любом виде: 68,9 % никогда не заполняли анкет и 54 % не оставляли жалоб или обращений.

Рис. 2. Активность пациентов при заполнении анкет и подаче обращений

Относительно невысокая популярность официальных анкет НО или анкет, разрабатываемых медучреждением самостоятельно, может быть объяснена целым рядом причин — от незнания о существовании такой возможности до отсутствия в них волнующих пациента вопросов. Анкета НО в какой-то мере вводит пациентов в заблуждение, так как не совсем понятно, что подразумевает название анкеты «качество условий оказания медицинских услуг» и что их мнение по сути собирается для их же информирования и не более: «Независимая оценка качества условий оказания услуг медицинскими организациями является одной из форм общественного контроля и проводится в целях предоставления гражданам информации о качестве условий оказания услуг медицинскими организациями, а также в целях повышения качества их деятельности. Независимая оценка качества условий оказания услуг медицинскими организациями *не осуществляется в целях контроля качества и безопасности медицинской деятельности, а также экспертизы и контроля качества медицинской помощи*»⁵.

⁵ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 79.1, пт. 1.

Учитывая, что большая часть пациентов в заполнении анкет НО не участвует, а проверить достоверность анонимно заполняемых бумажных и онлайн-анкет не представляется возможным, не совсем понятно, как мнение пациентов учитывается при исполнении функции общественного контроля. Кроме того, заявленная функция информирования пациентов также весьма сомнительна. Малую часть собираемой информации (далеко не по всем организациям — участникам анкетирования НО) можно найти в виде 100-бального рейтинга с разделением оценок по пяти критериям на официальном сайте для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях, который администрируется Федеральным казначейством РФ⁶. Детальные же результаты, получаемые по итогам анкетирования пациентов, оценить невозможно. По сути, это информация для служебного пользования, которая в открытом доступе отсутствует. Да и какую ценность представляет для пациента информация о наличии кулера или инфомата при выборе медучреждения, если он ничего не знает о результативности проводимых там операций, опыте работающих врачей, возможности получить специализированную помощь именно по своему заболеванию? Такого рода сводная информация и сравнительные данные в открытом доступе не публикуются.

Сложнее вопрос о личных обращениях и жалобах пациентов, когда на рассмотрение выносится уже не обезличенная оценка качества медицинской помощи, а случай конкретного нарушения или возникшая проблема. Анализ таких ситуаций осложняется тем, что пациент может обратиться в разные учреждения и ведомства, причем не только системы здравоохранения. И хотя существуют рекомендации Минздрава для граждан по подаче обращений, четкого регламента действий в той или иной ситуации нет⁷. Как правило, на первом этапе отправляется обращение непосредственно в медучреждение, поэтому сначала мы задали вопрос об обращениях именно туда (см. табл. 1).

Таблица 1. **Направление негативных отзывов в форме анкет, жалоб и обращений в медицинские учреждения, % от числа опрошенных**

Варианты ответов	%
Да, оставлял, но результата не было	15,52
Да, оставлял, со мной связались и ситуацию расследовали	20,65
Нет, не оставлял, не вижу смысла, все равно ничего не изменится	35,22
Нет, не оставлял, потому что боюсь, что возникнут проблемы в будущем	13,09
Нет, не оставлял, меня всегда все устраивало	14,17
Не оставлял отзывов по другим причинам	1,35

Из приведенного перечня ответов особенно интересными представляются те, которые объясняют причину необращения. Только 14,1% респондентов не пода-

⁶ Раздел «Результаты независимой оценки» официального сайта для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях. URL: <https://bus.gov.ru/top-organizations-second> (дата обращения: 20.12.2021).

⁷ Памятка для граждан о гарантиях бесплатного оказания медицинской помощи // Минздрав РФ. 2018. 14 декабря. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2018/12/14/10184-minzdrav-rossii-podgotovil-pamyatku-dlya-grazhdan-o-garantiyah-besplatnogo-okazaniya-meditsinskoy-pomoschi> (дата обращения: 20.12.2021).

вали жалоб и обращений в медучреждения в связи с тем, что их все устраивало. Остальные респонденты либо побоялись это сделать, либо были заранее уверены в бесполезности подобных действий. Если с неверием в действенность обращений все относительно понятно, то причина страха перед возможными негативными последствиями нуждается в пояснении.

При поступлении обращения от пациента в любое из ведомств в процессе рассмотрения оно «спускается» по иерархии до уровня медучреждения, где пациент лечится, и в качестве ответчиков выступают лечащий врач и руководители учреждения. Каким бы ни был вопрос, чего бы ни касалась жалоба, система обращений работает по принципу «поиска крайнего». Если обращение не будет рассмотрено должным образом или пойдет по инстанциям выше, медучреждение могут оштрафовать, а если главврач не принял меры, чтобы устранить недостатки, это может отразиться на зарплате и даже стоить ему должности, что закрепляется в трудовом договоре. Такая карательная система в отношении разрешения проблемных ситуаций ставит под удар и врачей, и администраторов системы, и пациентов, зачастую перенося разбор обращения на личный уровень выяснения отношений. Пациент переходит в разряд жалобщиков — тех людей, которые как минимум добавляют работы по написанию ответов и снижают доход сотрудников медучреждений. Учитывая долгосрочный характер взаимодействия пациента-хроника и медицинского учреждения, а также практическую невозможность смены врача и лечебного учреждения, пациенты не хотят портить отношения, боятся последствий и не жалуются даже в очень тяжелых ситуациях.

В конце опроса мы еще раз акцентировали внимание пациентов на проблеме опасений в связи с возможными последствиями обращений и задали более конкретный вопрос, который дословно звучал так: «Возникали ли у Вас ситуации, когда Вы не подавали жалобу на качество/недоступность медицинской помощи в связи с опасением, что в будущем это может негативно отразиться на Вашем лечении (откажут в помощи, не дадут квоту, задержат выдачу направлений и т. п.)?» Ответ «да» дали уже 49,8% пациентов.

После того как пациент не добивается решения своей проблемы на месте (в медицинском учреждении) или считает, что решение проблемы не относится к компетенции медучреждения, обращения направляются в другие инстанции (см. рис. 2). В большинстве случаев это профильные государственные учреждения, такие как Минздрав или Росздравнадзор, которые традиционно пользуются авторитетом у пациентов в вопросе разрешения проблемных ситуаций. На втором месте по частоте обращений находятся страховые компании — 14,1%, которые по данному показателю стоят практически на одном месте с Территориальными фондами обязательного медицинского страхования (ТФОМС) — 10,2%. Интересно, что согласно положениям нового Приказа Минздрава № 231н⁸, регламентирующего контроль качества медицинской помощи, а также всей идеологии страховой медицины, именно страховые компании должны быть первичным звеном в вопросах контроля качества и общения с пациентами по этому вопросу. Тем не менее

⁸ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19.03.2021 № 231н «Об утверждении Порядка проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию застрахованным лицам, а также ее финансового обеспечения».

они не только не являются первым выбором при обращениях в случае проблем, но и не пользуются доверием у большинства пациентов. На вопрос о функционале страховых компаний с возможностью выбора до четырех ответов и формулировкой своего варианта самым популярным стал ответ «я не знаю, чем занимаются страховые компании в медицине, не понимаю их роли» — 56%; 29% респондентов указали, что страховые проверяют обращения граждан и решают их проблемы, 19,9% обозначили функцию мониторинга расходования средств, 13,2% отметили функцию проведения страховыми компаниями проверок качества медицинских услуг, а 4% респондентов предпочли сформулировать свой ответ в открытой форме. Анализ таких ответов выявил исключительно негативные характеристики в отношении деятельности страховых компаний по различным причинам, среди которых: «ничего не решают», «воруют у больных», «делят наши деньги», «являются мафиозной структурой», «мешают работе медиков», «перекалывают бумажки».

Результативность жалоб и обращений пациенты оценивают весьма низко. Самым популярным ответом на вопрос о решении, последовавшем после обращения, был «ответили формальной отпиской» — 23,5%; 19,2% респондентов указали, что было проведено расследование и проблему решили, 10% не получили ответа. Многие пациенты оставляли комментарии, что неоднократно обращались по поводу одной и той же проблемы, которая оставалась без решения после предыдущего обращения, либо принимались временные меры, не предотвращавшие повторения ситуации. Данные Росздравнадзора по анализу нарушений в работе с обращениями граждан в основном совпадают с результатами нашего опроса. Так, по результатам оценки работы с обращениями в 2019 г. Росздравнадзором были выявлены следующие «недочеты»:

- нарушение сроков рассмотрения обращений;
- избыточный перечень нормативных правовых документов в результатах рассмотрения без конкретных ответов по существу;
- отсутствие информации о принятых мерах (то, что у нас в опросе обозначено как «формальная отписка»);
- констатация выявленных в ходе проверки нарушений, а в случае обнаруженной врачебной ошибки использование единственной меры в ответ на нарушение — направление виновного медицинского сотрудника на повышение квалификации [Павлова, Мангилева, 2020].

Одной из главных целей опроса было обозначение наиболее важных для пациентов критериев оценки качества медицинской помощи. Мы предложили 11 критериев, отобранных из наиболее часто упоминаемой проблематики пациентского сообщества «В Движении», а также из других анкет оценки качества, упоминавшихся ранее (ОЭСР, анкета НО и т. д.). Сначала респондентам было предложено выбрать пять наиболее важных для них критериев качества медицинской помощи. Результаты по частоте попадания в топ-5 представлены в таблице 2.

После этого было предложено оценить все 11 критериев по степени важности по 5-балльной шкале (см. рис. 3). Обращает внимание то, что три из пяти наиболее важных критериев пациенты не имеют возможности оценивать на систематической основе в рамках существующих опросов. В первую очередь это критерий результативности, который наиболее важен для 81% респондентов и входит в топ-5 крите-

риев для 94,2% респондентов. Также в первую пятерку критериев вошли «отсутствие бюрократии» (49,8%) и «возможность выбора и контроля» (46,69%). Существующие опросы и система личных обращений граждан не ставят целью проведение мониторинга удовлетворенности результатами лечения. Упомянувшиеся в первой части статьи опросы об опыте пациентов по типу PROM/PREM на сегодняшний день медучреждения не проводят. Никто не спрашивает пациента, сколько времени и усилий он потратил на оформление пакета документов для госпитализации. Фактически наиболее волнующие пациентов вопросы никто не задает.

Таблица 2. Частота включений критериев качества медицинской помощи в топ-5 наиболее важных для пациентов

Критерий качества медицинской помощи	Количество включений	% от числа включений
Результативность (излечение или облегчение состояния)	698	94,20
Быстрота получения помощи	604	81,51
Вежливость врачей и персонала	487	65,72
Отсутствие бюрократии	369	49,80
Возможность выбора и контроля	346	46,69
Близость к месту жительства	334	45,07
Физическая доступность (доступная среда)	193	26,05
Комфортность медучреждения	182	24,56
Цифровизация услуг	137	18,49
Наличие информационных ресурсов (сайтов, стендов, брошюр, инфоматов)	56	7,56
Простота в навигации по медучреждению	39	5,26

Рис. 3. Степень важности критериев оценки качества медицинской помощи по 5-балльной шкале

Особое внимание в опросе было уделено оценке такого критерия качества медицинской помощи, как равный доступ для всех граждан. При этом «доступность» является многомерным понятием, включающим в себя географическую близость, физическое удобство (доступная среда), финансовую (страховое покрытие стоимости необходимых услуг), организационную осуществимость и другие виды доступности, например, гендерную, религиозную или этническую, которые в нашей стране практически не оцениваются. Мы попытались максимально оценить различные критерии доступности медицинской помощи, но в наибольшей степени внимание было уделено финансовой составляющей, а именно необходимости использования личных средств при диагностике и лечении в рамках ОМС, а также доступности лекарств.

На вопрос «Сколько своих личных средств вы потратили на лечение за последний год?» согласились ответить 24,7 % пациентов. Указанные суммы варьировались от 4 000 до 6 720 000 рублей, медиана составила 50 000 руб. Остальные респонденты ответили, что они не помнят точной суммы, но она была значительной (56,14 %), потратили небольшую сумму 11,2 %, ничего не потратили 2,7 % и предпочли не отвечать 5,26 % пациентов. Так как опрос проводился среди людей, получающих большую часть медицинской помощи в рамках ОМС, можно сделать вывод, что эти суммы идут на покрытие стоимости услуг и лекарств, которые по тем или иным причинам недоступны в рамках страховой медицины. И в этой связи крайне важен вопрос информирования пациентов о том, какие виды лечения и диагностики доступны им в рамках ОМС (см. табл. 3).

Таблица 3. Предоставление информации об услугах в рамках ОМС, % от числа опрошенных

<i>«Считаете ли Вы, что Ваш лечащий врач предоставляет Вам полную информацию о доступных вариантах диагностики и лечения в рамках ОМС?»</i>	
Нет, были случаи, когда врач не проинформировал меня, что есть варианты получения медицинской помощи в рамках ОМС, и я получил ее платно	44,08
Да, мой врач всегда предлагает мне все возможные варианты диагностики и лечения как в рамках ОМС, так и платные варианты	27,96
Не знаю	23,55
Врач вообще не предоставляет информации по страховому покрытию*	2,89
Врач сразу рекомендует платные способы диагностики и лечения, потому что это быстрее*	0,96
Врач не располагает информацией о способах лечения и ничего не предлагает*	0,41

Примечание: *варианты, выделенные из обобщения ответов в открытой форме.

Только в нашем относительно небольшом опросе 320 человек указали, что столкнулись с ситуацией ненадлежащего информирования, которая повлекла дополнительные финансовые расходы, а Росздравнадзор за весь 2020 г. составил всего 125 протоколов и наложил штрафов на сумму 1,3 млн рублей по статье 6.30 КоАП РФ «Невыполнение обязанностей об информировании граждан о получении медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий»⁹. Такие меры по кон-

⁹ Доклад об осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере охраны здоровья граждан и об эффективности такого контроля (надзора) в 2020 г. // Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор). URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/about/plans/documents/71757> (дата обращения: 21.03.2022).

тролю ситуации выглядят неадекватными и свидетельствуют в пользу игнорирования государством тенденции «выдавливания» населения в платные медицинские услуги. Международное сравнение 55 наиболее развитых стран по эффективности вложений в систему здравоохранения с помощью методологии DEA (сравнительный анализ деятельности сложных технических, экономических и социальных систем) поставило Россию на рекордное первое место по темпам роста личных расходов граждан на медицинские услуги, не покрываемые страховыми системами (out of pocket): с 16,5% в 1995 г. до 48% в 2013 г. [Çelik, Khan, Hikmet, 2017]. По данному показателю Россия опережает ближайшие страны в два-три раза, а по доле личных расходов граждан в общем количестве расходов на здравоохранение мы уступаем только Ирану, Сирии, Албании, Армении, Грузии и Азербайджану.

Декларируемая в России «бесплатность» страховой медицины, по сути, не соответствует действительности ни де-юре, поскольку оплачивается из налогов и отчислений граждан, ни де-факто, так как требует вложений личных средств почти в половине случаев, когда должна работать страховка. Отсутствие возможности получить необходимые услуги бесплатно, различные барьеры доступа к нужным услугам, а также желание пациентов получить нужные услуги быстрее — все это заставляет пациентов тратить собственные средства на то, что предусмотрено программой госгарантий [Кочкина, Красильникова, Шишкин, 2015: 15—16], либо отказываться от помощи совсем¹⁰. При этом Росстат не фиксирует в качестве причины необращения за необходимой медицинской помощью отсутствие финансовых возможностей у населения, а эта причина в нашем опросе заняла первое место, ее указали 19,8% респондентов, отказавшихся от обращения в медучреждение в прошлом году.

При этом вопрос информирования пациентов, далеко не в последнюю очередь определяющий финансовую доступность, пока не имеет реального решения. Кто отвечает за информирование пациента? Лечащий врач не юрист, не администратор, не соцработник, а специалист в сфере медицины, который должен провести прием в течение 12—15 минут со всеми надлежащими манипуляциями и процедурами по протоколу, а потом еще и объяснить пациенту все аспекты страхового покрытия его лечения? Страховая компания отвечает лишь за ограниченный круг вопросов, пациенты в массе своей ей не доверяют и к ней не обращаются. Или пациент должен отправляться в Минздрав за разъяснениями после каждого визита к врачу? В конце 2021 г. Счетная палата РФ провела оценку системы защиты прав застрахованных в системе ОМС, результаты которой в значительной мере совпадают с результатами нашего опроса. Среди ключевых проблем были выделены недостаточность и фрагментарность информирования пациентов, отсутствие единого регламента данного процесса, а также системы ответственности за его неисполнение. По результатам проверки рекомендованы изменения в ряд нормативных актов, но насколько данные рекомендации будут реализованы соответствующими ведомствами, пока неизвестно¹¹.

¹⁰ Здравоохранение в России. 2019: Стат. сб. М.: Росстат, 2019. С. 106.

¹¹ Отчет о результатах параллельного экспертно-аналитического мероприятия «Анализ системы защиты прав застрахованных лиц в сфере обязательного медицинского страхования» (с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации (выборочно). Утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 14 декабря 2021 г. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/2ed/9h7liorf63b68zf25rsua0kmiookfnf.pdf> (дата обращения: 22.03.2022).

Еще один критерий финансовой доступности медицинской помощи, оцениваемый в рамках опроса, — распространенность неформальных платежей. Пациентам предлагалось ответить, приходилось ли им за последний год платить за медицинские услуги неформально (подарки и благодарности врачам, оплата в обход кассы и т. д.). Учитывая щепетильность данной темы, а также возможные опасения людей о наступлении уголовной ответственности по ст. 291 УК РФ, помимо вариантов «Да/Нет», была предложена опция «Предпочитаю не отвечать». В итоге 27,8% респондентов подтвердили осуществление неформальных платежей, при этом опросного мониторинга или других каналов отслеживания данного явления в системе здравоохранения не предусмотрено. В отличие от иных потенциально коррупционных сфер, коррупция в сфере здравоохранения — это не только незаконное получение денежных средств вопреки интересам выполняемого вида деятельности, но и страдания людей, происходящие в случае ненадлежащего, несвоевременного оказания медицинской помощи [Грудинин, 2018].

Есть мнение, что пациенты путем неформальной оплаты только компенсируют технологические и организационные издержки производства и оказания услуги, включая несправедливо низкое вознаграждение труда медицинских работников, покупая подобным образом их расположение, время и внимание [Вялых, 2015], но это лишь часть проблемы. Как отмечает Т. А. Балебанова, зависимая роль пациента предопределяет повышенную виктимность, что не позволяет окончательно укрепить в сознании жертвы желание противостоять коррупционному поведению медицинского работника, особенно лечащего врача [Балебанова, 2018]. Часто пациенты попадают в безвыходные ситуации администрирования процесса лечения: взятки за сокращение сроков ожидания помощи, за госпитализацию в нужную больницу, практика региональных «откатов» за получение квоты на лечение в федеральных медицинских центрах, «благодарности» за успешно проведенную операцию, обязательные до операции, — это уже не просто покупка расположения или удобства, это попытка спасти жизнь. При этом существующая система уголовного преследования ставит таких пациентов в один ряд с нарушителями ПДД, желающими сэкономить на штрафах.

Следующий блок вопросов, который мы предложили пациентам, затрагивал комплекс проблем по лекарственному обеспечению. В большей мере нас интересовала тема обеспечения лекарствами, входящими в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ПЖНВЛП) либо в другие списки, финансируемые за счет государственного бюджета. Именно эти списки покрывают потребность в лекарственном обеспечении тех, кто не может приобрести их самостоятельно (инвалидов, граждан из других льготных категорий), а также тех, кто страдает от заболеваний, относящихся к так называемым высокозатратным нозологиям, жизнеугрожающим орфанным, социально значимым и т. д. (см. рис. 4 и табл. 4).

Так же как и в случае с диагностическими и лечебными услугами, наблюдается проблема отсутствия информации по льготному лекарственному обеспечению: 18% пациентов, принимающих лекарства на постоянной основе, не знают, положены ли им эти препараты в рамках льготного обеспечения. Только 21,16% пациентов, получающих препараты из ПЖНВЛП, выразили удовлетворенность

их ассортиментом. Проблема заключается в том, что формирование ПЖНВЛП комиссией Минздрава РФ¹² не полностью прозрачно, из-за отсутствия всей информации уровень реального участия пациентов и врачей в данном процессе невозможно оценить, равно как и оптимальность производимого отбора препаратов. По результатам опроса исследовательского холдинга «РОМИР», 38% россиян предпочитают импортные лекарственные средства и не пытаются найти замену зарубежным лекарствам, а из тех, кто пытался найти российские аналоги, лишь 4% посчитали отечественные препараты более качественными. Количество респондентов, которые не смогли заменить отечественным ни один импортный препарат, составляет 11%¹³.

Рис. 4. Лекарства из перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ПЖНВЛП)

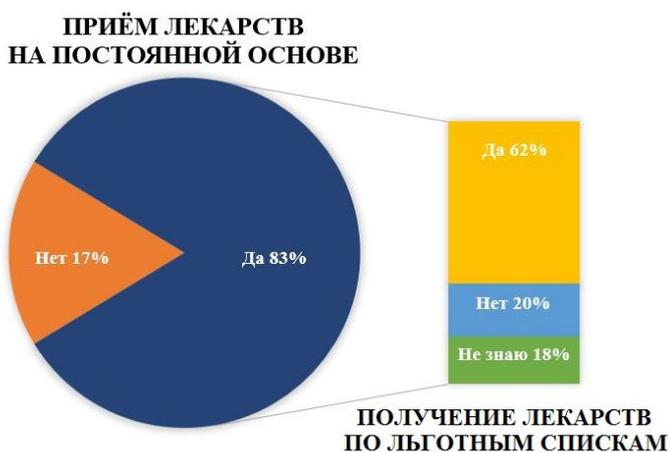

Таблица 4. Основные проблемы, возникающие у пациентов с лекарственными средствами из перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ПЖНВЛП) и льготных списков, % от числа опрошенных

«Считаете ли Вы, что в ПЖНВЛП представлены лекарства, которые являются лучшим выбором для Вашего лечения?» (один ответ)	
Нет, в списке представлены лекарства, которые мне по какой-либо причине не помогают или вызывают побочные эффекты	20,63
Часть лекарств мне подходит, а часть наименований либо не подходит, либо отсутствует в списке	44,44
Да, меня эти лекарства устраивают	21,16
Не знаю	13,76

¹² Приказ Минздрава России от 09.09.2014 № 498н (ред. от 15.03.2019) «Об утверждении положения о комиссии Министерства здравоохранения Российской Федерации по формированию перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи».

¹³ Потребители импортных лекарств сравнили их качество с отечественными аналогами // РОМИР. 2018. 26 июля. URL: <https://romir.ru/studies/potrebiteli-importnyh-lekarstv-sravnili-ih-kachestvo-s-otchestvennyimi-analogami> (дата обращения: 31.07.2021).

<i>«Укажите, какого рода проблемы с получением лекарств из ПЖНВЛП у Вас возникли?» (любое число ответов)</i>	
Необходимые лекарства отсутствовали в аптеке	85,95
Аптека, торгующая лекарствами из списка, далеко от моего места жительства	7,44
Не смог попасть на прием к врачу, чтобы выписать рецепт	20,25
Врач отказался выписать рецепт	22,73
<i>«За последний год приходилось ли Вам приобретать лекарства из ПЖНВЛП за свой счет?» (один ответ)</i>	
Нет	21,69
Да, иногда	37,30
Да, всегда	41,01

У 62,72 % респондентов, получающих льготное лекарственное обеспечение, возникали проблемы с приобретением лекарств в прошлом году, 78,31 % были вынуждены покупать их самостоятельно с различным уровнем периодичности. Перечень проблем, связанных с возможностью приобретения, включает (но не ограничивается):

- неосуществление закупок лекарств на региональном и федеральном уровнях;
- удаленность аптек от места жительства;
- невозможность выписать рецепт и т. д.

Таким образом, вопрос лекарственного обеспечения в исполнительном аспекте сильно размыт, и за его решение, по сути, ответственны все ведомства, так или иначе входящие в систему здравоохранения. При этом, когда дело доходит до оценки внутриведомственной эффективности, каждое ведомство в отдельности не показывает значительных проблем, но суммарно все их мелкие сложности сливаются в один большой провал снабжения конкретного пациента. Росздравнадзор проводит пять видов мониторинга ведомств, осуществляющих лекарственное обеспечение, но ни одного опроса пациентов. Е. А. Тельнова и соавторы отмечают, что ни один из имеющихся видов мониторинга не дает представления о реальном отношении граждан к системе обеспечения лекарствами в нашей стране, в то время как именно социальный мониторинг может обеспечить консолидированное мнение по данному вопросу [Тельнова, Плесовских, Загоруйченко, 2021].

В заключительной части анкеты всем участникам опроса предлагалось оставить свои замечания, предложения и дополнения на тему качества медицинских услуг, и каждый пятый респондент такой возможностью воспользовался. Было получено 155 комментариев в форме текста, 85 % которых носили в основном негативную окраску и были посвящены детализации и персонализации наиболее значимых для людей вопросов, так или иначе имеющих отношение к качеству и доступности медицинской помощи. Интересен тот факт, что явно положительных (хвалебных) отзывов о качестве медицинской помощи не поступило вообще, а нейтральные ограничивались короткими фразами по типу «все устраивает», и таких комментариев было всего три.

Важно отметить, что 22 % пациентов, оставивших комментарии, не просто описали свою проблему, а сформулировали предложения по улучшению того или иного

аспекта работы системы здравоохранения различной детальности — от общих формулировок «хотелось бы лучше качество...» до конкретных рекомендаций по улучшению диагностики или ведению пациентов с конкретными диагнозами. Шесть человек высказали замечания по улучшению, расширению и детализации самого опроса. Такого рода активность явно указывает не только на готовность пациентов участвовать в опросных мероприятиях, но и на их желание и возможность высказывать свои предложения по улучшению работы системы здравоохранения.

Проведенный нами опрос стал своего рода апробацией способов вовлечения пациентов в оценку качества медицинской помощи. В полной мере осознавая возможные огрехи в процессе разработки и проведения опроса, мы уверены, что данный опрос позволил продемонстрировать концепцию пациентоцентрированности в действии и обозначить потенциал для дальнейшего усиления роли пациентов в процессе лечения. Тем не менее важно обозначить главные сложности и ограничения, с которыми мы столкнулись, для их устранения в будущем.

1. Некорректные формулировки вопросов. Подобные ошибки удалось выявить уже на этапе опроса (по комментариям респондентов), а также в ходе анализа ответов. Устранить эту проблему возможно с помощью проведения фокус-групп на стадии разработки опросной анкеты, для выяснения однозначности понимания вопросов и вариантов ответов.

2. Нечеткое обозначение вида опросника. Притом что опросник в основном содержал вопросы по амбулаторной помощи, в открытых вопросах пациенты часто описывали свой опыт пребывания в стационаре. Четкое разделение опросника на специализированные части по видам получаемой помощи (амбулаторная, стационарная, скорпомощная) сделает его более понятным и точным.

3. Недостаточное предварительное информирование о содержании опроса. В ряде случаев пациенты считали необходимым изложить свою позицию по какой-либо проблеме в первом же открытом вопросе, хотя такая возможность предлагалась им позже в вопросах соответствующей тематики. Ознакомление пациентов со структурой опроса до начала его проведения позволит избежать таких нерелевантных ответов и сохранит за респондентом возможность изложения всех волнующих его моментов.

4. Техническая ограниченность процесса опроса. Поскольку опрос проводился без какой-либо финансовой поддержки, технически средства его проведения были ограничены бесплатной онлайн-платформой Google Forms, что отразилось на репрезентативности выборки. Для возможности участия лиц без доступа к интернету или с ограниченными физическими возможностями необходимо использовать другие форматы опроса и обеспечить помощь в его прохождении.

Заключение

В заключение хотелось бы акцентировать внимание на итогах, которые не относятся непосредственно к тем или иным аспектам качества медицинской помощи, но в значительной мере характеризуют современную ситуацию с участием пациентов в ее оценке. Во-первых, в среде пациентов существует запрос на возможность участия в улучшении системы здравоохранения путем оценки, критики, внесения предложений. Безусловно, не каждый пациент хочет и готов оценивать качество

медицинской помощи: кто-то не имеет такой необходимости, потому что его все устраивает, кто-то не обладает достаточными знаниями и опытом, у кого-то нет времени, физических и эмоциональных сил, чтобы участвовать в такого рода деятельности. Тем не менее большое количество активных пациентов с хроническими заболеваниями, которых можно назвать «экспертными пользователями» системы, готовы выражать свое мнение. Это очень ценный опыт, который сейчас практически полностью игнорируется и не используется по причине приписываемого пациентам субъективизма.

Второй значимый вывод, полученный в ходе анкетирования, а также анализа комментариев, которыми опрос сопровождался в социальных сетях: на сегодня системы опросов пациентов настолько неэффективны, что многие не видят смысла участвовать в них. Люди не верят, что их услышат, что их мнение будет учтено и использовано для их блага. Огромное количество опросов проводится исследователями в теоретических целях, чтобы измерить неинформативный показатель сервисной удовлетворенности или «средней температуры по больнице», вызывая раздражение у людей, и так находящихся в сложной жизненной ситуации [Богдан, Праведников, Чистякова, 2021]. Куда уходит информация и используется ли она как-либо, непонятно. Как справедливо отмечает В. И. Клисторин, большое государство генерирует много информации, но оно же ее и портит. Собираемые данные используются не для улучшения работы ведомств, в том числе и в части информационной работы, а для кураторства и каких-то внутренних политических целей [Клисторин, 2018]. Лишь малая часть итоговых данных размещается в открытом доступе, их сложно найти, они даются в неудобном формате. Кроме того, ведомства не раскрывают механизмы выстраивания политики улучшений и не указывают, что те или иные действия основаны на запросах пациентов.

Наиболее удручающим выводом из опроса стал тот факт, что существующая карательная система работы над исправлением ошибок и недочетов в системе здравоохранения породила страх среди пациентов. У половины опрошенных возникли ситуации, когда они не подавали жалобу на качество/недоступность медицинской помощи из-за опасения, что в будущем это может негативно отразиться на их лечении. Когда пациенты относятся к оценке медицинской помощи органами власти со страхом, недоверием и уверенностью в ее бесполезности, нельзя говорить ни о полноте получаемых данных, ни об их достоверности. У нас уже не только медицинское сообщество старается всеми силами скрыть и замолчать любые ошибки (читай, провалы системы), но и пациенты опасаются жаловаться и обращаться за помощью. Все боятся последствий. И если для врачей это может обернуться снижением дохода, потерей работы и даже уголовным преследованием, то для пациента это всегда падение качества медицинской помощи, которое может иметь фатальные последствия. Необходим кардинальный пересмотр механизма выявления и исправления ошибок и недочетов в процессе лечения. Врач должен быть заинтересован в том, чтобы указать на проблему, а не спрятать ее из страха. Пациент же должен иметь возможность свободно высказаться и знать, что он сделал систему лучше, а не испортил жизнь своему врачу.

Необходимо внедрение социального мониторинга качества медицинской помощи на всех уровнях (амбулаторном, стационарном, скорпомощном), а также

разделение опросников по тяжести и продолжительности состояний. Для людей, оценивающих свое здоровье как хорошее и редко обращающихся за помощью, вполне достаточно обозначить уровень удовлетворенности по поводу, например, диспансеризации путем заполнения анкеты НО. Совершенно другой объем информации могут предоставить пациенты-хроники, которые проходят в разы больше процедур и организационных регламентов и которые могут детально описать свой опыт, указать на узкие места и даже предложить варианты решений. Только регулярное отслеживание мнений пациентов может дать реальную картину происходящего в здравоохранении и сделать систему более человеческой.

Список литературы (References)

Балебанова Т. А. Виктимологические аспекты коррупционных преступлений в сфере здравоохранения // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 4. С. 7—12. Valebanova T. A. (2018) Victimological Aspects of Corruption Crimes in Healthcare. *The Union of Criminalists and Criminologists*. No. 4. P. 7—12. (In Russ.)

Богдан И. В., Праведников А. В., Чистякова Д. П. Актуальные вызовы и решения для использования социологии в управлении здравоохранением // Здоровье мегаполиса. 2021. Т. 2. № 1. С. 79—83. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2021.v2i1;79-83>.

Bogdan I. V., Pravednikov A. V., Chistyakova D. P. (2021) Current Challenges and Solutions for Use of Sociology in Healthcare Management. *City Healthcare*. Vol. 2. No. 1. P. 79—83. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2021.v2i1;79-83>. (In Russ.)

Браун Дж. В., Русинова Н. Л., Панова Л. В. Гендерные неравенства в здоровье // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 114—122.

Brown J. V., Rusinova N. L., Panova L. V. (2007) Gender Differences in Health. *Sociological Studies*. No. 6. P. 114—122. (In Russ.)

Вялых Н. А. Факторы воспроизводства социального неравенства в сфере потребления медицинских услуг // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 126—132.

Vyalykh N. A. (2015) Factors of Social Inequality Reproduction in the Sphere of Medical Services Consumption. *Sociological Studies*. 2015. No. 11. P. 126—132. (In Russ.)

Грудинин Н. С. Современное состояние коррупции в системе здравоохранения Российской Федерации. Москва: Русайнс, 2018.

Grudin N. S. (2018) The Current State of Corruption in the System of Health Care in the Russian Federation. Moscow: Rusajns. (In Russ.)

Клисторин В. И. Полевые исследования и социальные структуры // ЭКО. 2018. № 1. С. 30—34. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-1-30-34>.

Klistorin V. I. (2018). Field Studies and Social Structures. *ECO*. No. 1. P. 30—34. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-1-30-34>. (In Russ.)

Кочкина Н. Н., Красильникова М. Д., Шишкин С. В. Доступность и качество медицинской помощи в оценках населения: препринт WP8/2015/03 / Нац. исслед.

ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. URL: https://www.hse.ru/data/2015/06/01/1097830961/WP8_2015_03_fff.pdf (дата обращения: 21.10.2021).

Kochkina N. N., Krasil'nikova M. D., Shishkin S. V. (2015) Accessibility and Quality of Health Care in Population Estimates [Text]: Preprint WP8 / 2015/03 / National Research University "Higher School of Economics". Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. URL: https://www.hse.ru/data/2015/06/01/1097830961/WP8_2015_03_fff.pdf (accessed: 21.10.2021). (In Russ.)

Малаев Х. М., Коновалов О. Е., Филатова Е. В. Гендерные различия отношения к здоровью и медицинской активности пациентов с дорсопатиями // Наука молодых (Eruditio Juvenium). 2018. Т. 6. № 1. С. 39—52. <https://doi.org/10.23888/HMJ2018139-52>.

Malayev H. M., Konovalov O. E., Filatova E. V. (2018) Gender Differences Related to Health and Medical Activity of Patients with Dorsopathies. *Nauka mplydyh (Eruditio Juvenium)*. Vol. 6. No. 1. P. 39—52. <https://doi.org/10.23888/HMJ2018139-52>. (In Russ.)

Павлова Е., Мангилева А. Анализ обращений граждан и горячая линия Росздравнадзора // Управление качеством в здравоохранении. 2020. № 1. С. 10—13. Pavlova E., Mingileva A. (2020) Analysis of Citizens' Appeals and the Roszdravnadzor Hotline. *Quality Management in Health Care*. No. 1. P. 10—13. (In Russ.)

Перепелова О. В., Петрова И. А. Пациент-центрированность при оказании населению медицинских услуг как ценность и принцип деятельности // Менеджер здравоохранения. 2019. № 10. С. 12—17.

Perepelova O. V., Petrova I. A. (2019) Patient-Centeredness in the Provision of Medical Services to the Population as a Value and Principle of Activity. *Manager of Health Care*. No. 10. P. 12—17. (In Russ.)

Тельнова Е. А., Плесовских А. В., Загоруйченко А. А. Мониторинг как индикатор качества в системе обращения лекарственных средств // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2021. № 1. С. 36—43. <https://doi.org/10.25742/NRIPH.2021.01.005>.

Telnova E. A., Plesovskikh A. V., Zagoruychenko A. A. (2021) Monitoring as an Indicator of Quality in the System of Circulation of Medicines. *Bulletin Semashko National Research Institute of Public Health*. No. 1. P. 36—43. (In Russ.)

Ходакова О. В., Шильникова Н. Ф., Никифоров А. В. Результаты мониторинга социальной удовлетворенности, застрахованных в системе обязательного медицинского страхования // Дальневосточный медицинский журнал. 2013. № 2. С. 85—88. Hodakova O. V., Shilnikova N. F., Nikiforov A. V. (2013) The Results of the Monitoring of Social Satisfaction of the Insured Persons in the Mandatory Health Insurance System. *Far East Medical Journal*. No. 2. P. 85—88. (In Russ.)

Çelik Y., Khan M., Hikmet N. (2017) Achieving Value for Money in Health: A Comparative Analysis of OECD Countries and Regional Countries. *Health Planning and Management*. Vol. 32. No. 4. P. e279-e298. <https://doi.org/10.1002/hpm.2375>.

Kelley E., Hurst J. (2006). Health Care Quality Indicators Project: Conceptual Framework Paper. OECD Health Working Papers, No. 23. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/440134737301>.

Kruk M.E., Gage A.D., Arsenault C., Jordan K. et al. (2018). High-Quality Health Systems in the Sustainable Development Goals Era: Time for a Revolution. The Lancet Global Health Commission. Vol. 6. No. 11. P. e1196-e1252. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(18\)30386-3](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(18)30386-3).

The Commonwealth Fund. (2010). Commonwealth Fund International Health Policy Survey. The Commonwealth Fund Publishing. URL: https://www.commonwealth-fund.org/sites/default/files/documents/___media_files_surveys_2010_ihp_2010_toplines.pdf (accessed 31.07.2021).

DOI: [10.14515/monitoring.2022.3.1994](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1994)

С. А. Белановский, А. В. Никольская
К ДИСКУССИИ О ФОКУС-ГРУППАХ

Правильная ссылка на статью:

Белановский С. А., Никольская А. В. К дискуссии о фокус-группах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 373—393. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1994>.

For citation:

Belanovsky S. A., Nikolskaya A. V. (2022) To the Discussion on Focus Groups. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 373–393. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1994>. (In Russ.)

К ДИСКУССИИ О ФОКУС-ГРУППАХ

БЕЛАНОВСКИЙ Сергей Александрович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия, Москва
E-MAIL: sbelan@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4993-1944>

НИКОЛЬСКАЯ Анастасия Всеволодовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Москва, Россия
E-MAIL: tonokazutoya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8821-5177>

Аннотация. Авторы продолжают обсуждение вопроса о некорректных трактовках метода фокус-групп, поднятого ими в статье «Что не так с фокус-группами», опубликованной в журнале ЭКО № 6 за 2021 г. Метод фокус-групп трактуется ими как групповое глубокое интервью, основанное на технике зондирования (probing). Обсуждается искаженное использование концептов групповой динамики, поляризующей дискуссии, инсайта, проективных методов, анализа невербальных реакций респондентов и др. Поднят вопрос о низком качестве отчетов, основанных на фокус-групповых исследованиях. Отмечается непрозрачность методик проведения фокус-групп и анализа их результатов. Делается вывод о необходимости ясного формулирования методических принципов фокус-групповых исследований и корректировки вузовских программ обучения.

TO THE DISCUSSION ON FOCUS GROUPS

Sergey A. BELANOVSKY¹ — *Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher*
E-MAIL: sbelan@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4993-1944>

Anastasia V. NIKOLSKAYA² — *Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor at the Department of Psychology*
E-MAIL: tonokazutoya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8821-5177>

¹ National Economic Forecasting of Russian Academy of Science, Moscow, Russia

² Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

Abstract. The article is a continuation of the discussion on the issue of incorrect interpretations of the focus group method, raised by the authors in the paper “What is wrong with focus groups”, published in the journal “ECO” No. 6, 2021. The authors interpret the focus group method as a group in-depth interview based on the probing technique. The article discusses the distorted use of the concepts of group dynamics, polarizing discussion, insight, projective methods, analysis of non-verbal reactions of respondents, etc. The authors raise the issue of the low quality of reports based on focus group studies and note the opacity of methods for conducting focus groups and analyzing their results. The article concludes that it is necessary to clearly formulate the methodological principles of focus group research and adjust university curricula.

Ключевые слова: фокус-группа, интервью, групповая динамика, инсайт, проективные методы, невербальные реакции

Keywords: focus group, interview, group dynamics, insight, projective methods, non-verbal reactions

От редакции. Данный текст редакция публикует, невзирая на отрицательные заключения рецензентов, из уважения к опыту авторов. История знает случаи, когда рецензенты заблуждались в отношении научных статей, поэтому редакцией принято решение опубликовать ее, но обращаем внимание читателей, что материал не случайно поставлен в рубрику «Точка зрения».

From the editor. We publish this text despite the negative conclusions of the reviewers and out of respect for the authors' experience. Since history knows cases when reviewers were wrong concerning scientific articles, the editors decided to publish this. Nevertheless, we draw the readers' attention to the fact that the material was not accidentally placed in the "Point of View" section.

Мы полагаем важным в рамках академических свобод давать слово разным исследователям даже в ситуациях, когда мнение автора не совпадает с мнением редакции. Надеемся, что данная публикация станет позитивным примером такого подхода, а не ошибкой.

We believe that within the framework of academic freedom, it is essential to give the floor to different researchers even in situations where the author's opinion does not coincide with the editors' opinion. We hope this publication will be a positive example of this approach, not a mistake.

После публикации статьи «Что не так с фокус-группами?» [Белановский, Никольская, 2021] нам пришли разнообразные отклики и замечания, на которые мы постарались ответить. Как и прежде, в центре обсуждения оказались: групповая динамика, дискуссия, инсайт, проективные методы, а также некоторые другие темы. Ниже мы рассмотрим и прокомментируем их, избегая дублирования с предыдущим текстом. Обсуждаемые замечания выделены курсивом. Имена авторов замечаний раскрывать не будем. Обе статьи просим рассматривать в комплексе.

Что такое фокус-группа?

Вопрос о неправомерно расширительной трактовке метода фокус-групп мы разбирали в предыдущей статье. Тем не менее он возникает в дискуссиях снова и снова. Сторонники альтернативной точки зрения странным образом игнорируют наш аргумент о недопустимости превращения фокус-групп в родовое понятие, именуя этим термином неопределенное множество дискуссионных техник, а то и все мыслимые дискуссионные техники.

Креативные, брейнсторминговые, дружеские фокус-группы обычно рассматриваются как виды фокус-групп. Классический вариант с участием незнакомых друг с другом участников просто является еще одним видом.

Любая управляемая групповая дискуссия, будь то probing, проективная или хоть телепатическая, может считаться фокус-группой.

Обращает на себя внимание, что в этих высказываниях понятие фокус-группы определяется через так называемый открытый список, включающий в себя не только упомянутые креативные и брейнсторминговые группы, но и, вероятно, ролевые игры, метод Дельфи и многое другое. Более того, в списке упомянуты «дружеские фокус-группы» (вероятно, это что-то типа дачных «посиделок» и мужских компаний за пивом), деловые совещания (они тоже являются управляемыми дискуссиями) и даже «телепатические» группы.

Продолжая этот перечень, к нему можно добавить группы стриптиза и группового секса. Эта фраза могла бы произвести впечатление неуместного гротеска, если бы не следующее высказывание известного московского маркетолога, позиционирующего себя как противника метода фокус-групп:

Эксгибиционизм модератора и самых активных участников фокус-группы является хорошим дополнением вуайеризму остальных участников.

Размывание понятия фокус-группы как группового интервью порождает вседозволенность: если любая форма группового общения является фокус-группой, исчезает необходимость обсуждения методических вопросов. Никому нельзя предъявить претензию о некорректных методах, ибо у каждого есть свое мнение по типу «и ты прав». Исчезает основа для методических дискуссий, которые по факту сошли на нет.

Особо отметим недопустимость расширения понятия фокус-групп на брейнсторминг. Брейнсторм — это метод организации группового мышления, в результате которого при помощи специальной техники создается новый проектный продукт. Фокус-группы же имеют исследовательскую цель. Объединение их в одно понятие является грубой профессиональной ошибкой.

Чрезмерное расширение понятия фокус-групп часто дополняется аргументом о непрерывной эволюции метода:

Представления о методе за прошедшие 70 лет развивались. Не только в России, но и в мире в целом.

Это утверждение неверно. Существует закономерность развития технологий, которые после первоначальных успехов постепенно выходят на «плато». В отношении фокус-групп Роберт Мертон опередил свое время. Настоящий пик развития метода пришелся на 1980—1990-е годы. Именно тогда вышли в свет наиболее авторитетные монографии и статьи, сохраняющие актуальность до сих пор. В последующие 30—40 лет метод практически не менялся. Правда, появились компьютеры, но суть метода это не изменило.

Подобным образом развиваются и другие технологии. К примеру, методология количественных опросов не изменилась со времен Гэллапа.

Если наш оппонент считает, что значимые изменения все же произошли, ему следует указать, в чем конкретно они заключаются. Мы не впервые встречаемся

с таким аргументом, однако на предложение назвать эти тенденции пока не отозвался никто.

Желающих заняться изучением методических тенденций следует предостеречь от ошибки «низкопоклонства» перед западными публикациями, среди которых, как и в России, есть много несолидных. Цитируем сами себя:

Люди, основным делом которых является учеба или преподавание, находятся под жестким прессингом. В разных странах бывает по-разному, но примерные нормы таковы: три научных статьи в год плюс один раз в несколько лет — научная монография. При этом практического опыта им часто не хватает.

Многие находят выход в методическом экспериментировании. Масштабы его огромны, соответственно велико количество продуцируемых статей и монографий. Если собрать весь мировой корпус литературы о фокус-группах, нет сомнения, что в нем будут преобладать вузовско-преподавательские публикации.

Эти публикации имеют свои достоинства. В них, как правило, содержится качественный обзор литературы. Но есть и недостаток. Над авторами довлеет требование научной новизны, и многие выбирают новизну методическую. Именно здесь находится генератор разнообразных идей и фантазий, порой весьма экзотических. К сожалению, чаще всего бесполезных на практике.

По названным причинам для описания новых тенденций в фокус-групповой индустрии простая ссылка на одну или несколько западных публикаций некорректна. Необходим анализ наиболее авторитетных источников, описывающих основную сферу применения фокус-групп, а не специфичные вузовские эксперименты¹.

Вернемся к вопросу о том, что считать фокус-группой. Теоретически могут существовать иные (по сравнению с нашей) точки зрения. Пожелание к ним только одно — они должны быть ясно изложены. К сожалению, на данный момент такие примеры нам неизвестны. С нашей точки зрения, сторонники иных методических взглядов должны подробно осветить следующие вопросы:

1. Какие групповые техники относятся и какие не относятся к фокус-группам. Вряд ли можно всерьез воспринимать мнение, согласно которому все групповые техники, включая бытовые, являются фокус-группами. Разграничение между фокус-группами и не-фокус-группами должно быть основано на ясном критерии.

2. Определив общее понятие фокус-групп, следует назвать и описать разновидности метода, их исследовательские цели и задачи, области применения, методические техники, сочетаемость методов.

В результате может быть создан альтернативный учебник, который мы с интересом прочитаем.

¹ Белановский С. Рецензия на книгу: Stewart D. W., Shamdasani P. N., Rook D. W. (2006) Focus Groups: Theory and Practice. London: Sage. Part 2. «Group Dynamics and Focus Group Research» // Facebook*. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1278377022599954&id=100012830048721 (дата обращения: 27.05.2022).

* Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ.

Парадокс Лапьера

Конечной целью социологического опроса в большинстве случаев является получение информации о реальном поведении людей. В этом смысле можно сказать, что социологи «собирают» — и даже «скачивают» — уже имеющуюся информацию, а не получают ее с помощью каких-то действий, влияющих на мнения респондентов.

Главная проблема и источник ошибок при изучении поведения путем опросов — парадокс Лапьера. Основной метод борьбы с парадоксом. Опора на некоторые фиксируемые факты, а именно: конкретный опыт респондентов, их мотивы по Алексею Леонтьеву [Леонтьев, 2000] и непосредственные реакции (например, в отношении дизайна изделия). Во всех остальных случаях мнения людей чрезвычайно изменчивы, что подтверждено многочисленными экспериментами.

Сказанное в полной мере применимо и к фокус-группам в их классическом варианте. Опора на конкретный опыт и непосредственные реакции для получения валидных результатов является страховкой от влияния указанного парадокса.

Правда, фокус-группами порой называют различные — часто экзотические — эксперименты, проводимые в вузовской и академической среде с научными или учебными целями. В них принцип опоры на факты может не соблюдаться. Но такие эксперименты мы не рассматриваем.

За пределами «твердых фактов» действие парадокса Лапьера может быть разительным. Поэтому прав автор следующего возражения:

Собрав 8—12 человек и заставив их обсуждать вопросы, о которых по большей части они никогда не думали, вы не можете получить валидную информацию.

Все верно, но в фокус-группах не собирают людей для обсуждения вопросов, о которых они никогда не думали. Если такое произошло, это ошибка рекрутинга.

Групповая динамика

Наибольшее число возражений вызвал наш тезис о неприменимости к фокус-группам понятия групповой динамики. Уточним, о чем идет речь.

Термин «групповая динамика» был введен Куртом Левином в рамках экспериментов, направленных на изучение таких явлений, как процесс принятия группового решения, формирование структуры лидерства, групповой сплоченности или поляризации, а также других эффектов. Для изучения этих процессов перед группой обычно ставится определенная задача. Участие модератора не предусмотрено.

С методической точки зрения фокус-группы кардинально отличаются от групп Левина. Прежде всего, они не экспериментальные, а практические. Перед ними не ставится задача найти коллективное решение проблемы. Цель фокус-групп — «скачать» информацию, уже имеющуюся в сознании респондентов, или вызвать у них непосредственную реакцию на некий стимул. Задача получения консенсусной реакции не ставится, хотя естественное возникновение консенсуса (точнее состояния, близкого к нему) не возбраняется.

Продуктом фокус-групп является тезаурус высказанных мнений. Никаких действий по их искусственному сближению не производится. Правда, есть одна ого-

ворка. Со времен Мертона было осознано, что «чем более социально и интеллектуально гомогенна группа, тем более продуктивны ее сообщения» [Мертон, Фиске, Кендалл, 2019: 144]. Целенаправленный подбор респондентов по принципу социального сходства в какой-то мере (но не полностью) сближает их позиции. Однако к групповой динамике этот вопрос отношения не имеет.

Социологи, использующие понятие групповой динамики применительно к фокус-группам, должны понимать и оговаривать, что речь идет не о тех процессах, которые изучал Левин в своих классических экспериментах, а о чем-то другом. С этим согласны и многие российские модераторы:

В практике фокус-групп мне не встречались случаи, когда модераторы организовывали групповую динамику, то есть целенаправленно пытались добиться группового консенсуса или поляризации.

Если авторы возражений не имеют в виду групповую динамику в классическом смысле этого слова, то что они имеют в виду? На этот счет есть многочисленные высказывания типа:

Если группа существует и общается какое-то время, групповой динамики в ней не может не быть.

С нашей точки зрения, некорректность этого утверждения состоит в том, что не всякие процессы, протекающие в группах, следует называть групповой динамикой. Наиболее содержательным возражением на эту тему можно считать следующее:

Вы же сами приводите аргумент, что зачастую мнения участников групп становятся стимулами для раскрытия темы. В этом главным образом и состоит групповая динамика.

При кажущейся простоте этого возражения оно требует серьезного рассмотрения. Для начала следует вспомнить слова советского философа Эрика Юдина о том, что понятия должны «работать». Распространенная методологическая ошибка состоит в том, что понятия механически накладываются на различные не связанные между собой явления (устное высказывание на семинаре). Уместно также процитировать Виталия Найшуля: «Основная ошибка заключается в следующем: реальности, объекту они навязывают понятийный аппарат, сформированный для других целей и объектов других типов» (цит. по: [Белановский, 2022: 19]).

Применительно к фокус-группам вопрос о правомерности использования той или иной терминологии сводится к тому, частью какого теоретического конструкта она является. За термином «групповая динамика» тянется огромный теоретический шлейф. Если этот термин применяется к фокус-группам, он должен «работать», то есть вносить нечто новое за счет содержательного переноса элементов групподинамической методологии. Однако вместо этого мы часто наблюдаем механическое наложение термина на объект совершенно иного рода и предназначенного для других целей (без какого-либо содержательного приращения).

Авторы наиболее авторитетных западных учебников [Greenbaum, 1988; Goldman, McDonald, 1987; Templeton, 1987] не случайно избегают использования термина «групповая динамика» — в их работах его просто нет. Причина очевидна: авторы не хотят загромождать свои книги объяснениями типа: «Мы говорим о групповой динамике, но это не та динамика, которую изучал Левин, а другая, суть которой...», и т.д. Такие объяснения ничего не добавляют к описанию вопроса и лишь утяжеляют текст, затрудняя его понимание.

Правда, один из наших друзей в Facebook* указал на книгу, действительно содержащую раздел, посвященный групповой динамике в фокус-группах. Мы написали на эту книгу рецензию², и наш вывод таков: книга несостоятельна и похожа на аспирантскую работу, созданную ради увеличения портфеля публикаций. Желаящие могут прочесть как ее саму, так и нашу рецензию, дабы составить собственное мнение.

Вернемся к главной проблеме: всякие ли процессы, происходящие в группе, следует называть групповой динамикой? Сомнение вызывает не существование таких процессов, а корректность их отображения в понятиях. В каких терминах следует описывать названные процессы?

С нашей точки зрения, релевантны не групподинамические термины, а термины методологии интервьюирования, основанные на понятиях раскрытия и углубления темы с использованием техники *probing*. В отличие от туманных рассуждений о важности групповой динамики методология интервьюирования дает модераторам ясные и конкретные рекомендации.

Приведем пример, который, по мнению его автора, показывает роль групповой динамики:

Я видел стенограммы, которые провели студентки-аспирантки. Результаты выглядели презабавно, что-то вроде: «Михаил, вы согласны? — Да. — Петр, а вы? — Да. — Мария, а вы? — Я нет. — Костя, вы что думаете? — Я да. — Почему? — Ну, вроде... Петр правильно сказал. — А вы, Нина? — Согласна», — и в таком духе десятки страниц! Зато — никакой групповой динамики.

Пример хорош, но из него следует совсем не тот вывод, к которому хотел прийти автор. Групповая динамика здесь ни при чем. Ключевым требованием к интервьюированию в индивидуальном и групповом формате является полноценное раскрытие темы. Этого студентам никто не объяснил. Лекция по групповой динамике им бы не помогла, а вот лекция по технике *probing* позволила бы избежать очевидной ошибки.

Как и в других случаях, мы готовы выслушать тех, кто придерживается иного мнения, но настаиваем на том, что альтернативные взгляды должны быть ясными и логичными. На наш взгляд, оппоненты должны осветить следующие вопросы.

1. Что такое групповая динамика применительно к фокус-группам? В чем отличие этого понятия от классического? Почему возникла необходимость его использования?

² Белановский С. Рецензия на книгу: Stewart D. W., Shamdasani P. N., Rook D. W. (2006) Focus Groups: Theory and Practice. London: Sage. Part 2. «Group Dynamics and Focus Group Research» // Facebook*. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1278377022599954&id=100012830048721 (дата обращения: 27.05.2022).

2. Групповую динамику в фокус-группах необходимо разделить на отрицательную и положительную. Отрицательная понижает валидность и качество результатов, положительная же в каких-то аспектах должна их повышать (как именно — вопрос не к нам). Сторонники динамического подхода должны признать сам факт существования не только позитивных, но и негативных динамических эффектов, чего обычно никто не делает.

3. Далее мы предложили бы раскрыть тему отрицательных проявлений групповой динамики, которым модератор должен противодействовать. Они общеизвестны: возникновение структуры лидерства, «война» лидеров между собой и с модератором, захват инициативы и фактическая смена темы обсуждения, психологическое давление лидеров на других респондентов. Этот список может быть продолжен. Должна быть проведена классификация негативных эффектов, проиллюстрированная конкретными примерами и описанием методов борьбы с ними.

4. Далее — положительная групповая динамика, позволяющая получить новые валидные результаты. Каким содержанием наполнить это понятие — вопрос к сторонникам динамического подхода. При этом им следует избегать простого переопределения понятий, не вносящего в предмет нового содержания и лишь искажающего смысл.

Фокус-группы и индивидуальные интервью

Правильно ли я поняла, что смысл проведения групп — минимизация усилий исследователя?

Наше мнение: «экономическим» аргументом не следует пренебрегать. В западных учебниках (то есть в странах, где умеют считать деньги) он выдвигается на одно из первых мест. Причем речь идет не столько об экономии усилий исследователя, сколько о том, что фокус-группа дешевле эквивалентного количества очных интервью. Кроме того, групповой формат обеспечивает значительную экономию времени. Для одной группы эта экономия, возможно, не покажется критической, но проведение 100 интервью вместо 10 фокус-групп, скорее всего, окажется дорогим и длительным мероприятием.

К числу аргументов неметодического характера следует также отнести возможность показать фокус-группу представителям заказчика.

Наиболее часто задаваемый вопрос состоит в следующем:

В чем разница между фокус-группой и суммой индивидуальных интервью?

С нашей точки зрения, это родственные методы, в том числе с точки зрения их генезиса. Подробное обсуждение следует начать с цитаты из классической работы Р. Мертон и соавторов: «Групповое интервью позволяет получить более разнообразный массив ответов и обеспечить более широкую основу для проведения систематического исследования рассматриваемой ситуации» [Мертон, Фиске, Кендалл, 2019: 142].

Говоря современным языком, непосредственным результатом фокус-группы является тезаурус ответов респондентов на вопросы исследователей. Подобный тезаурус может быть получен и в серии индивидуальных интервью.

Основные преимущества группового формата, какими они видятся нам, состоят в следующем. Во-первых, он позволяет расширить число стимулов, которые могут исходить не только от интервьюера/модератора, но и от других респондентов. Во-вторых, это эффект фасилитации, который обладает мотивирующим действием, способствует росту интереса к предмету обсуждения. В терминах методологии интервьюирования оба фактора ведут к одному результату — *более полному раскрытию темы*.

Отметим, что существуют ограничения, делающие невозможным использование группового формата: а) техническая трудность собрать респондентов в группу и б) сложность обсуждаемого вопроса, требующая для его раскрытия значительно больше времени, чем может предоставить фокус-группа каждому респонденту. В этих случаях следует использовать индивидуальные интервью.

Правильно ли я поняла, что одна фокус-группа и 8—10 глубоких интервью — это равнозначные вещи?

Это, пожалуй, самый важный вопрос. Переформулируем его так: могут ли результаты фокус-групп в содержательном плане отличаться от эквивалентной серии индивидуальных интервью?

Для начала отметим, что не все различия кардинально влияют на выводы. Различие может заключаться в более полном раскрытии темы. Последнее — важное преимущество фокус-групп, оно помогает уточнить и раскрыть детали, но принципиально нового содержания не вносит.

Могут ли возникать содержательные различия? Нам кажется, что наши оппоненты недооценивают серьезность этого вопроса. В самом деле, если фокус-группы и индивидуальные интервью при прочих равных условиях (одна тема, одинаковый рекрутинг и проч.) *систематически* дают принципиально разные результаты, то какой метод правилен? Получается, что один из них невалиден и должен быть исключен из исследовательского арсенала. К счастью, мы не встречали такой постановки вопроса ни в зарубежной литературе, ни в отечественной практике.

Вопрос о наличии или отсутствии содержательных различий между результатами индивидуальных и групповых интервью ставил еще Р. Мертон. В целом он не делал различий между ними, хотя и сетовал на недостаток экспериментального материала по этому вопросу.

К сожалению, с тех пор мало что изменилось. Тем не менее можно сослаться на американского автора Дэвида Моргана, который сообщает об экспериментальном сравнении результатов фокус-группы и индивидуальных интервью [Morgan, 1988: 82]. Вывод: результаты практически не различаются.

Таким образом, групповой формат при определенных условиях может обеспечить более глубокое раскрытие темы, выявить важные детали, но (если исключить субъективный фактор исследователя) не помогает прийти к выводам, принципиально отличным от серии индивидуальных интервью. Фокус-группа и эквивалентное число индивидуальных интервью с содержательной точки зрения — равно-

значные вещи. Тот, кто с этим не согласен, должен конкретно объяснить, в чем именно заключаются различия.

Сторонники поляризующей дискуссии неявно предполагают, что в исследуемой популяции существуют только две значимые точки зрения³. Такая ситуация порой возникает, но далеко не всегда, так как число основных мнений может быть больше (обычно 3-4). Как в этом случае организовать дискуссию?

Дискуссия в фокус-группах

Дискуссия как методический прием по-прежнему вызывает много вопросов. С нашей точки зрения, не все виды дискуссий релевантны методу фокус-групп. Поляризующий тип дискуссии, разделяющий группу на две подгруппы, неприемлем из-за порождаемых им искажений.

Поляризация, или «стравливание» респондентов (термин предложен А. Гольдманом) — редко используемый прием из числа методических инструментов техники probing, приспособленной к групповому формату. Предназначен для прояснения позиции респондентов с противоположными точками зрения [Goldman, McDonald, 1987: 256]. Число итераций поляризованной дискуссии обычно должно быть невелико, иначе возникают лишние эмоции, переход на личности и отход от темы. Модератор, использующий прием «стравливания», должен следить за обсуждением и уметь вовремя его останавливать.

Реальным аргументом в пользу приоритета дискуссии в форме транзакций «респондент — респондент» может служить высказывание Джейн Темплтон о том, что она предпочитает фокус-группы, где царит хаос обсуждения, а не строгий порядок [Templeton, 1987: 115]. Здесь следует отметить следующие моменты.

1. Возможность перехода обсуждения в самоподдерживающийся режим — следствие очень высокой мотивации обсуждения, которой добился модератор. Противоположностью высокой мотивации является скука. К сожалению, в российской школе модерирования этому вопросу уделяется мало внимания. Многие фокус-группы попросту скучны, поэтому основы для взаимодействий «респондент — респондент» в них не возникает. Искусственное навязывание дискуссионного формата в этом случае нерелевантно.

2. Оживленное обсуждение далеко не всегда является поляризующим спором. Это скорее обмен мнениями и опытом, то есть способ углубления темы. Данный вопрос был подробно рассмотрен в нашей предыдущей статье.

Как и в других вопросах, сторонники «дискуссий» должны описать методику их инициации и разделить на «полезные» и «вредные» с точки зрения целей исследования. Этот аспект требует серьезного осмысления.

Инсайт

В последнее время термин «инсайт» стал не просто модным, а каким-то must have в практике маркетинговых исследований. Недавно один из руководителей маркетингового агентства привел в качестве примера программу конференции ESOMAR. Если

³ Титаев К. Как работает статистика. URL: <https://daily.afisha.ru/technology/2202-kirill-titaev-o-tom-kak-rabotaet-statistika> (дата обращения: 27.02.2021).

не в каждом докладе, то через один использовался этот термин. Понятно, что в большинстве случаев он использовался не в академическом значении. Понятно также, что «инсайт» звучит более заманчиво, чем рутинные «результаты исследования». Да, можно бороться за чистоту использования термина, но практика уже сложилась. С другой стороны, я не думаю, что среди исследователей действительно есть большая группа сторонников мнения, что в фокус-группах можно получить реальные идеи и креативные концепции. В любом случае практика их запал быстро остудит.

В целом мы согласны с этим мнением и постараемся его дополнить. Важно понять, о каком инсайте идет речь. Значения этого слова в научном и в разговорном английском языке не совпадают. Помимо принятого в психологии значения «озарения», оно имеет и ряд других значений: понимание, постижение, знание, пронизательность, интуиция⁴. В приведенном примере слово «инсайт», очевидно, использовалось в значении «новое понимание» или «неожиданный результат», возникший у аналитиков на стадии изучения полученных данных.

Для русскоязычных преподавателей вузов привычное им профессиональное значение слова *insight* может оказаться ловушкой, искажающей смысл написанного или сказанного. Возможно, именно в этом причина неправильной трактовки термина маркетологами, высказывания которых приведены в нашей предыдущей статье. Приведем еще одно такое высказывание.

В сложившейся методологической традиции получение инсайтов в фокус-группах считается одним из важнейших преимуществ их применения.

Автору этого самоуверенного высказывания следует уточнить, какой инсайт имеется в виду: возникший до фокус-группы, во время нее или после. Прошлый инсайт — это потребительский опыт респондента, полученный в форме инсайта. Он является ценной маркетинговой информацией, которую модератор обязан зафиксировать и раскрыть. В профессиональной литературе такой инсайт называется «потребительским». Инсайты, возникающие непосредственно в фокус-группе (по аналогии с группами Карла Роджерса), возникает редко и нерегулярно, на их получение нельзя рассчитывать. Они не являются целью фокус-групп. Наконец, инсайт, возникающий после фокус-группы, — это инсайт аналитиков. Думается, что участники ESOMAR имели в виду именно его.

Какой инсайт имел в виду автор последнего высказывания? Прямого ответа на этот вопрос нет, но по контексту можно понять, что речь идет об инсайте, возникающем непосредственно в фокус-группе. С нашей точки зрения, это сомнительное утверждение.

Мы готовы с вниманием отнестись к точке зрения оппонента при условии, что он сможет подробно осветить следующие вопросы.

1. Какова методика достижения инсайта в фокус-группах? Насколько она совместима с техникой *probing* и другими техниками?

2. Инсайты могут быть валидными и невалидными. Или, если говорить в терминах заказчика, «интересными идеями» и «глупыми фантазиями». Как отли-

⁴ См.: *Insight* // Яндекс.Переводчик. URL: <https://translate.yandex.ru/?lang=en-ru&text=insight> (дата обращения: 06.06.2022).

чить одно от другого и как сфокусировать методiku на достижении валидного инсайта?

Проективные методы

Какие проективные методы сочетаются с фокус-группами? Какие методы вы использовали?

С нашей точки зрения, можно использовать практически все, с той оговоркой, что они должны быть адаптированы под формат фокус-групп, то есть не занимать слишком много времени. Мы в своей практике использовали психорисунки, вымышленные ситуации, ассоциативные техники. Иногда в конкретных вопросах удавалось совместить технику *probing* с элементами проективной техники.

Во всех ли фокус-группах должны использоваться проективные методы?

С нашей точки зрения — нет. Главное — исследователь должен понимать, зачем он их использует. К сожалению, широко распространено мнение, что такие техники (особенно рисунки) применяются во всех фокус-группах и составляют их методическую суть. Это ошибка. В группах экспертного уровня и исследованиях «бизнес для бизнеса» они, как правило, не используются. Основная сфера применения проективных методов — «розница» в широком смысле этого слова.

Примером фокус-группы, в которой использование проективных техник нерелевантно, может служить группа с мэрами депрессивных моногородов. Для обсуждения их проблем было бы глупо использовать проективные техники. Характерно, что организаторы, услышав нашу просьбу подготовить фломастеры, спросили, собираемся ли мы что-либо рисовать. Это говорит о том, насколько широко распространены подобные представления. Наш ответ был «нет», поскольку принадлежности нужны были лишь для создания бейджей.

Для чего используются проективные методы в фокус-группах? Ответ известен: для выявления психологических реакций, которые плохо вербализуются и плохо осознаются. К примеру, широко известен проективный вопрос: «Предположим, этот продукт превратился в человека. Что это за человек?» Далее задаются вопросы: это мужчина или женщина, какой примерный возраст, как выглядит, как одет и т. д. Таким образом определяются характеристики целевой группы, включая социальный статус и даже примерный доход потенциальных покупателей.

Еще одна цель использования проективных техник — повышение мотивации обсуждения. Для этого часто используется метод вымышленных ситуаций. Дж. Темплтон, автор одного из лучших учебников по фокус-группам, так описывает применение этого метода (респонденты — женщины): «Предположим, вы отправляетесь на работу на необитаемый остров. Вы одна, совершенно одна. Что вы положите в свою косметичку? (Обсуждение). Теперь предположим, что неподалеку работает симпатичный парень, у которого свой проект. Что вы добавите в свою косметичку?» [Templeton, 1987: 112].

К сожалению, рассказы (хочется сказать — «сказки») про использование проективных техник в фокус-группах стали излюбленным методом «соблазнения» потенциальных клиентов. Особенно это относится к переговорщикам, любимый тезис которых состоит в том, что в ответах на рационально заданные вопросы респонденты якобы «врут», а с помощью проективных техник их можно заставить говорить правду. В действительности врут в этом случае сами переговорщики. Ложь энергозатратна, и респонденты не прибегают к ней без веских причин. Глупо считать, что респонденты будут «врать» при обсуждении зубной пасты или гамбургеров. У них нет для этого абсолютно никаких причин.

В маркетинге общеизвестны три «закрытых сферы», в которых респонденты могут не говорить правду. Это секс, личная гигиена, доходы. В политических или корпоративных фокус-группах к ним может добавиться страх преследования. Однако и в этих сферах опасения лжи со стороны респондентов преувеличены. Дж. Темплтон пишет, что открытость респондентов порой просто поражает. Так, при обсуждении побочных реакций на прием гипотензивного препарата мужчина признался, что лекарство вызывает у него импотенцию. Еще более поразительный пример связан с вагинальными дезодорантами: «разогретье» модератором женщины проявили готовность опробовать этот продукт прямо на фокус-группе, вызвав, как пишет Дж. Темплтон, оживление по ту сторону полупрозрачного зеркала [Templeton, 1987: 132].

В российских *политических* фокус-группах респонденты до последнего времени также говорили вполне открыто. Поэтому, с нашей точки зрения, корректнее говорить, что проективные методы используются для выявления плохо вербализуемых, неосознаваемых реакций, а также для поддержки мотивации, но не для преодоления лжи.

Проективные методы не должны подменять собой технику группового интервьюирования. Хороший пример такой подмены показан в кинофильме «Проект Ельцин» (2003, реж. Роджер Споттисвуд). Сюжет фильма — приключения американских политконсультантов в России. В киноленте есть фрагмент, относящийся к обсуждаемой теме: американцы не могли понять, почему в России не развивается фермерство, и заказали для этого фокус-группу с сельскими жителями. Вот они сидят за полупрозрачным зеркалом и слышат слова модератора: «Предположим, такой-то предмет превратился в автомобиль. Что это за автомобиль?» Изумленные наблюдатели вызвали организатора и сказали: «Что он такое спрашивает?» В ответ модератор раздраженно ответил, что работает по своей методике и просит ему не мешать. Разумеется, заказчики заставили модератора задавать вопросы по делу. И тогда — по сюжету — выяснилась поразившая американцев вещь (вот он, инсайт аналитиков!): «Оказывается, им не нужна земля!»

Несмотря на некоторый гротеск, этот сюжет хорошо описывает ситуацию с фокус-группами, какой она была в 1990-е годы. Возможно, сейчас что-то изменилось. Все же гипертрофированные представления о роли проективных методов в фокус-группах остаются проблемой.

Невербальные реакции

Умение распознавать невербальные реакции респондентов является важной компетенцией модератора, однако, как и в случае с проективными методами, их

значение часто бывает гипертрофировано и искажено. Вновь повторяется тезис о том, что такие реакции позволяют выявить сигналы лжи и даже установить истину.

Невербалика важна для определения эффекта подстройки под ожидания, то есть выявления неискренности либо навязанной нормативности в поведении респондентов.

Словами респонденту соврать проще, чем проконтролировать свою невербалику.

О том, какую гипертрофированную форму может приобретать тезис о важности анализа невербальных реакций, можно судить по следующему высказыванию:

Почему в речь идет только стенограммах? Куда делись невербальные реакции? Я считаю, и в учебниках об этом пишут [каких? Не указано. — С. Б.]), что стенограммы — это лишь 40 % информации. Куда пропали прочие 60 % (эмоции, интонации)? Отринем как ненужное?

К сожалению, это высказывание нельзя трактовать иначе, как обман аудитории. Вербальный канал коммуникации, как в фокус-группах, так и в обыденной жизни является основным. В подавляющем большинстве случаев люди коммуницируют между собой словами, а не мимикой и жестами. Утверждение, что 60 % информации исследователь получает за счет невербальных каналов, является очевидной неправдой.

Далее, невербальные реакции — это не обязательно сигналы о лжи. Главная эмоция, которую чаще всего можно прочесть на лицах респондентов, — это сигналы о скуке. Скука является гораздо более серьезной проблемой, чем ложь, т. к. не позволяет полноценно раскрыть тему. Модераторы очень редко прилагают специальные усилия для повышения тонаса обсуждения, поскольку этому их никто не учит.

Встречаются и реакции несогласия. Стандартная рекомендация состоит в том, чтобы перевести их в вербальный план, предоставив слово несогласному. Это позволяет правильно интерпретировать сам сигнал и, главное, причины его появления. Пример из учебника А. Гольдмана [Goldman, McDonald, 1987: 238]:

Модератор, проводивший фокус-группу с фармацевтами, был удивлен их негативным настроением, который никак не удавалось преодолеть. В конце концов он отложил свой вопросник и сказал: «Я вижу, что вы чем-то очень рассержены». В ответ респондентов прорвало: перебивая друг друга, они стали говорить, что фармацевт не меньше значит для медицины, чем врач, однако престиж и высокие заработки достаются врачам, а роль фармацевтов никто не замечает.

Тот, кто высказывает мнение о преобладающей роли невербальной коммуникации, должен, как минимум, серьезно обосновать свою позицию. Во-первых, он обязан описать методику, с помощью которой фиксируются и анализируются невербальные сигналы. В некоторых психологических экспериментах такие методики используются, но применительно к фокус-группам нам ни разу не встречались подобные описания.

Во-вторых, если исследователь пообещал заказчику, что 60 % информации он получит путем анализа невербальных сигналов, это обещание должно быть отражено в отчете. Но мы не встречали ни одного отчета, в котором оно хоть в какой-то мере было выполнено. Здесь стоит удивляться попустительству заказчиков, которые не вносят подобные обещания в договор и не требуют их исполнения.

Ключевой вывод относительно считывания невербальных реакций респондентов таков: оно важно при проведении группы, позволяет влиять на ход обсуждения и способствует полноценному раскрытию темы на *вербальном* уровне. Утверждение о массовой лжи респондентов само является ложью, предназначенной для введения в заблуждение заказчика.

Стили модерирования

Тема модераторских стилей обширна, здесь мы ограничимся рассмотрением двух противоположных: «понимающего-сочувствующего» и «конфронтационно-провоцирующего». Пример использования конфронтационного:

С чувствами респондентов мы обращались не слишком бережно, стараясь добиться от них максимума эмоций, а значит искренности. В результате старшая фокус-группа, споря о пенсионной реформе, в какой-то момент перешла на мат, а респондент среднего возраста в качестве решения проблем предложил «взяться за оружие и пойти брать власть».

Конфронтационный стиль модерирования предназначен для «пробивания» барьеров этикета и социальной желательности. Первоначально использовался для изучения сексуального поведения людей, а именно для получения фактологической (это важно!) информации о тех практиках, которые обычно не разглашаются [Kinsey, Pomeroy, Martin, 1948: 35]. Другой пример: социолог советской эпохи Елена Косалс использовала конфронтационный стиль в интервью с председателями колхозов, поскольку «в противном случае они все врут» (устное сообщение).

Правомерность использования конфронтации не для получения фактологической информации, а для повышения эмоционального накала обсуждения вызывает сомнения. Если группа перешла на мат, это повышает валидность результатов? Предложение «взяться за оружие» свидетельствует о реальной готовности к этому или всего лишь об эмоциональном «перегреве» группы? Какой вывод должен быть сделан на основе таких результатов?

Выбор стиля модерирования — серьезное методическое решение, которое должно быть мотивированным. Недопустим выбор такого стиля только потому, что он оказался более знакомым исследователю по вузовскому курсу психологии. К сожалению, в обучении психологов часто наблюдается перекосяк: конфронтационные методики изучаются, а понимающие, основанные на технике probing, не считаются «методикой».

В больших исследованиях с привлечением нескольких модераторов нельзя пускать выбор стиля на самотек, когда один модератор по собственному усмотрению использует «понимающий», а другой — «конфронтационный» стиль работы (такое часто бывает на практике). При планировании исследования выбранный

стиль должен быть унифицирован путем разработки специальных методичек, инструктажа модераторов и т. п.

Конфронтационный стиль не обязательно должен распространяться на весь гайд, он может быть избран только для отдельных вопросов.

К сожалению, нам известно очень мало случаев, когда выбор стиля модерирования в рамках конкретного исследования делался осознанно.

Квалификация модератора

Учебные курсы, описывающие методы социологических опросов, порой создают иллюзию, что этих знаний достаточно для того, чтобы эффективно проводить исследования. Однако это не так. По аналогии с теорией Иммануила Канта, знания, полученные в результате исследования, следует назвать синтетическими, представляющими собой сплав полученных данных и профессиональной эрудиции исследователя. Для того чтобы получить результат, востребованный заказчиком, модератору необходимо научиться мыслить, как заказчик.

Разберем следующий пример:

Мы проводили опрос на борту самолета. Заказчик задачу сформулировал так: «Хочу знать, что не нравится». Выплыл большой подсознательный страх у пассажиров о безопасности полета. Но заказчику это было неинтересно. Проигнорировали. Так что у нас не только заказчиков дурят, но и они сами не понимают, как с нашей информацией работать.

В самом общем плане с тезисом «заказчики не всегда понимают, как с нашей информацией работать», можно согласиться. Но в данном случае заказчик, как нам кажется, прав. Дело в том, что не всякий выявленный фактор ему полезен. Нужно два дополнительных условия. Во-первых, фактор должен быть управляемым, то есть заказчик должен иметь возможность на него влиять. Во-вторых, устранение негативного фактора должно увеличить продажи продукта (в данном случае — пассажиропоток в авиакомпании).

Результат исследования, состоящий в том, что пассажиры бессознательно боятся полета, добросовестен и правилен. Но что может сделать с этим заказчик? Проводить на борту психотерапию, убеждать людей в безопасности? Даже в случае успеха это вряд ли увеличит пассажиропоток. Другое дело, если бы на основе исследования у заказчика появилась возможность провести рекламную кампанию со слоганом «Наши полеты самые безопасные!». Однако стандарты безопасности общие для всех авиакомпаний. Основанную на фактах рекламу сделать не получится, а ложная подвергнет заказчика серьезным рискам.

Заказчик, по сути, просил выявить факторы, на улучшение которых он мог бы повлиять и которые обеспечили бы ему конкурентное преимущество. Результат «пассажиры бессознательно боятся полета» таковым не является. В итоге результат был отвергнут как правильный, но бесполезный.

Завершить эту тему можно высказыванием Дж. Темплтон, отметившей, что ее квалификация модератора росла по мере роста маркетинговой квалификации, что позволяло задавать адекватные вопросы и делать правильные выводы

[Templeton, 1987: 24]. Это касается не только маркетинга. К сожалению, данный аспект квалификации — зачастую слабое место исследователей.

Анализ и отчет

В предыдущей статье не затрагивался вопрос о качестве аналитики, которая делается на основе фокус-групп. Он заслуживает внимания, но рассмотрение затруднено тем, что отчеты, как правило, непубличны и передаются только заказчику. Тем не менее нам удалось узнать мнение высокопоставленного заказчика о поступающих к нему материалах.

Результаты отчетов по фокус-группам по смыслу не совпадают со стенограммами. Мне поступает и то, и другое. Я читаю стенограммы и вижу в них совсем не то, что написано в отчетах. Это происходит постоянно.

Мы не удивлены такому отзыву. Ложные представления о фокус-группах в России широко распространены и охватывают всю цепь «гайд — модерация — отчет».

Широко распространенная причина состоит в следующем. Анализ стенограмм фокус-групп предполагает определенную группировку высказываний, которые в стенограммах предстают в разбросанном виде. Группировка производится по принципу смыслового родства и/или наличия связей между высказываниями. Полученные «таксоны» располагаются в отчете в определенном порядке, чтобы читатель видел движение от посылок к выводам. Это трудоемкая работа, требующая от исследователя высокой квалификации и внимания при соотнесении разных фрагментов текста. Порядок следования релевантных высказываний в стенограмме не всегда повторяет их смысловую последовательность в отчете.

Методологической основой группировки высказываний являются работы А. Страусса (см., например, [Страусс, Корбин, 2001]). К сожалению, многие российские социологи слабо знакомы с ними и не применяют на практике. Стоит заметить, использование этой методологии возможно только при наличии хорошей стенограммы.

В наиболее неприемлемых случаях отчет пишется на фразах, случайно выхваченных из контекста. Это часто случается, когда в целях экономии времени исполнители работают не со стенограммой, а непосредственно с видеозаписью, фиксируя отдельные фразы. Кодировка и создание «таксонов» по методологии Страусса при таком способе работы невозможны.

Поверхностный просмотр видеозаписей не может заменить систематический анализ стенограмм. Недовольство заказчиков — закономерный результат такого стиля работы.

Трактовки методологии в сегментах фокус-группового рынка

Фокус-групповая индустрия в России (но и не только в ней) сильно страдает от описанных выше методических искажений, которые зачастую не могут быть названы никак иначе, как шарлатанством. Специфическими чертами шарлатанства являются отказ от рациональной дискуссии, неспособность систематически изло-

жить свою точку зрения, подмена обсуждения троллингом, переходом на личность и другими неприемлемыми в науке высказываниями.

Методическая некорректность по-разному проявляет себя в сегментах фокус-группового рынка. Будем различать три основных сегмента: преподаватели вузов; «переговорщики», убеждающие сделать заказ на исследование; модераторы. Преобладающие формы некорректных трактовок в этих сегментах неодинаковы.

Важная оговорка: во всех названных случаях мы имеем в виду *только* неквалифицированных и недобросовестных участников рынка. В предыдущей статье мы подробно объясняли, что никогда не считали *всех* участников этого рынка неквалифицированными или недобросовестными.

Групповая динамика. Рассказывать про групповую динамику в фокус-группах любят некоторые преподаватели вузов и авторы учебников. Основной мотив — необходимость наполнить учебные курсы какой-то информацией. Слабое знание принципов интервьюирования — как в индивидуальном, так и в групповом формате, — побуждает их заполнять лекции и страницы учебников материалом, который кажется им более знакомым, хотя и не относящимся к делу. В предыдущей статье были названы некоторые авторы таких учебников с конкретными ссылками и цитатами. Изложение темы групповой динамики занимает в работах таких авторов много места, однако методически значимых из этого не делается.

Переговорщики и модераторы обычно не обращаются к групповой динамике. Первые считают, что эта тема скучна для заказчиков и не обладает свойствами убеждающей «сказки», а вторые, как правило, декларативно принимают тезис о релевантности групповой динамики фокус-групповым исследованиям, но в практике модерирования этот концепт не используют. Впрочем, непрекращающиеся попытки начинающих модераторов организовать поляризующую дискуссию можно считать отголоском влияния этого концепта.

Дискуссия. Преподаватели и переговорщики обычно не раскрывают методические принципы «дискуссии», полагая, что этот вопрос и так ясен, хотя в действительности до ясности обычно бывает очень далеко. Тем не менее представления о том, что фокус-группы базируются на некой методически неопределенной «дискуссии», распространены очень широко. Принципы такой дискуссии не описываются. Некоторые авторы считают, что они одинаковы для всех групповых техник, но это, очевидно, не так.

Модераторы, незнакомые с методологией интервьюирования, стихийно скатываются к поляризующему типу дискуссии, что является методической ошибкой, искажающей результаты исследования.

Проективные методы. Преподаватели (речь идет *только* о тех преподавателях, которые плохо владеют предметом) любят рассказывать про проективные методы, поскольку студенты охотно слушают этот материал. Проблема состоит не в том, что данные методы описываются некорректно (это может быть и не так), а в том, что студентам не объясняют технику *probing* и другие аспекты методологии глубокого интервьюирования. Это означает подмену предмета обучения.

«Переговорщики» любят рассказывать потенциальным клиентам о проективных методах, завлекая их загадочностью и обещанием рассказать «правду» о подлинных мотивах и поведении потребителей. Примерно такие же «сказки» они

рассказывают клиентам о «креативных инсайтах» и паравербальных сигналах, на которых мы специально останавливаться не будем.

Наконец, модераторы с психологическим образованием любят использовать проективные техники просто потому, что их этому учили. К сожалению, работа по принципу «делаю то, что умею, а не то, что нужно для достижения целей исследования», — это плохая стратегия. Проективные методы должны сочетаться с техникой *probing*, а не подменять ее.

Заключение

В российской фокус-групповой индустрии сложилась неприемлемая ситуация, которая состоит в массовом распространении некорректных представлений о методе. Это явление затронуло в первую очередь сферу высшего образования, но не обошло и практическую деятельность. За 30 лет с момента появления метода в России мало что изменилось.

Методические представления о фокус-группах в российском профессиональном сообществе искажены. Попытки исправить это положение почти отсутствуют, а научные журналы не проявляют интереса к данной проблеме.

Главным ограничением для дальнейшего развития была и остается методическая вседозволенность — необоснованно широкое использование понятия фокус-групп: трактовка метода в терминах групповой динамики, ошибочное понимание слова «инсайт», редукция группового обсуждения к поляризующему типу, некорректное использование проективных методов, неумение группировать данные при написании отчетов и др.

В то же время в системе представлений о методе отсутствуют ключевые понятия методологии интервьюирования: *probing*, раскрытие и углубление темы, контроль над темой, поддержание мотивации, активное слушание, поддержание группового баланса и многие другие. Методические дискуссии об этом практически не ведутся.

В результате утрачен профессиональный контроль за корректным использованием метода. Эту ситуацию можно назвать интеллектуальной аномией. Если в количественных опросах некорректная структура анкеты или выборки вызывает профессиональную критику, то в отношении фокус-групп ничего похожего не наблюдается.

Заказчики, покупающие фокус-группы, полагают, что приобретают некоторый стандартный продукт. К сожалению, это не так, потому, что каждый проводит группы, как хочет. Эти индивидуальные методики абсолютно непрозрачны. Особенно это проявляется в тех случаях, когда заказчик устраивает тендер, и к каждому новому исследованию привлекает новых модераторов.

Цель наших публикаций — прорвать «завесу молчания» в обсуждении методологических проблем фокус-групп. Мы готовы продолжить обсуждение со сторонниками иных точек зрения, если они будут изложены ясно и аргументированно.

Постскриптум: конец дискуссии

В науке бывает, что многие острые дискуссии внезапно теряют актуальность. В отношении фокус-групп это произошло в 2020 г., когда в связи с пандемией широкое распространение получили дистанционные фокус-группы, проводимые на плат-

формах типа Zoom. Многие исследователи рассматривают их как новый тренд. Обсуждение этой практики не входит в нашу задачу, но отметим, что она фактически редуцирует фокус-группы к серии совмещенных во времени индивидуальных интервью, поскольку общение в формате «респондент — респондент» в них затруднено.

Провела дистанционную фокус-группу. Довольна результатом. Респонденты говорили охотно. Но Вы правы: прямого взаимодействия между респондентами практически не было.

Минусом дистанционных фокус-групп, на наш взгляд, является то, что в них ослабляется эффект фасилитации. Плюсом — исчезновение оснований для ложных трактовок метода, связанных с поляризующей дискуссией, групповой динамикой и т. п.

Список литературы (References)

Белановский С. А., Никольская А. В. Что не так с фокус-группами? // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2021. Т. 51. № 6. С. 99—118. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-6-99-118>.

Belanovskiy S. A., Nikol'skaya A. V. (2021) What is Wrong with Focus Groups? *ECO Journal*. Vol. 51. No. 6. P. 99—118. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-6-99-118>. (In Russ.)

Белановский С. А. Глубокое интервью и фокус-группы. М.: Директ Медиа, 2022.
Belanovsky S. A. (2019) In-Depth Interview and Focus Groups. Moscow: Ridero. (In Russ.)

Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.
Leontiev A. N. (2000) Lectures on General Psychology. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью. М.: ВЦИОМ, 2019.
Merton R. K., Fiske M., Kendall P. L. (2019) The Focused Interview. Moscow: VCIOM. (In Russ.)

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
Strauss A., Corbin J. (2001) Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. E. (1948) Sexual Behavior in the Human Male. Philadelphia, PA: W. B. Saunders.

Morgan D. L. (1988) Focus Groups as Qualitative Research. Newbury Park, CA: Sage.

Goldman A. E., McDonald S. S. (1987) The Group Depth Interview: Principles and Practices. Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Greenbaum, T. (1988). The Practical Handbook and Guide to Focus Group Research. Tuxington, MA: D. C. Heath and Company.

Templeton J. F. (1987) Focus Groups: A Guide for Marketing and Advertising Professionals. Chicago, IL: Probus.

